ГОЛЬБАХ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Φ
Н

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Поль Анри ГОЛЬБАХ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1963

1 ф
Г 63

Настоящее издание включает заново сверенный перевод «Системы природы» и впервые публикуемые на русском языке работы П. Гольбаха «Основы всеобщей морали» и «Естественная политика».

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Х. Н. МОМДЖЯНА

Перевод с французского
П. С. ЮШКЕВИЧА

ПОЛЬ АНРИ ГОЛЬБАХ

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГОЛЬБАХА

Решительная борьба передовых сил Франции XVIII в. против феодального строя породила новые, прогрессивные учения, которые были направлены против основ феодально-клерикальной идеологии. Революционная в ту эпоху буржуазия выдвинула плеяду талантливых мыслителей, которые, выражая чаяния и интересы не только своего класса, но и всего порабощенного феодализмом народа, показали «неразумность и несправедливость» феодальных форм собственности и эксплуатации, подвергли сокрушающей критике канонизированные «истины» старого, умирающего феодального мира. Могучее антифеодальное движение, известное под названием французского просветительства XVIII в., идейно подготовило французскую революцию 1789—1794 гг. и сыграло выдающуюся роль в утверждении исторически прогрессивного буржуазного строя.

С наибольшей остротой и последовательностью феодально-клерикальная идеология была атакована той частью французских просветителей, которые поднялись до материализма и атеизма. Философские идеи Ламетри, Гельвеция, Дидро, Гольбаха и других французских материалистов XVIII в.— яркое свидетельство прогрессивности материалистической философии, ее важной роли в общественном развитии, в разоблачении реакционных, человеконенавистнических идей,

в борьбе за научное познание. С полным основанием В. И. Ленин писал, что «в течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.»*.

Французский материализм XVIII в. представлял собой новый важный этап в развитии передовой философской мысли. Прочно опираясь на завоевания французской, голландской и английской материалистической философии, на достижения современного им естествознания, французские материалисты подвергли резкой, уничтожающей критике идеалистическую метафизику XVII столетия, выработали новое, весьма действенное для того времени оружие борьбы против религии.

С достаточной отчетливостью французские материалисты поняли, что основным вопросом философии является вопрос об отношении мышления к бытию. Они обстоятельно показали первичность материи и вторичность мышления. Исходя из физики Декарта, они развенчали картезианский идеализм, отвергнув всякие попытки рассматривать дух, сознание, мышление как самостоятельное, независимое от материи субстанциальное начало. Глубокое и всестороннее обоснование положения о единстве материи и мышления является одной из важных заслуг французского материализма XVIII в. Опираясь на философское наследство Толанда, французский материализм воспринял и углубил учение о единстве материи и движения, заострив его против различных идеалистических концепций, согласно которым духовное начало является якобы сущностью, движущим началом «косной» материи. Французские материалисты XVIII в. критически освоили сенсуализм Локка, преодолев его непоследовательность и отказавшись от уступок идеализму. Так, они

---

* *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

отказались рассматривать рефлексию, или «внутренний опыт», как независимый от ощущения источник образования идей. С позиций материалистически понятого сенсуализма Гельвеций, Дидро, Гольбах подвергли резкой и остроумной критике берклеанский субъективный идеализм и агностицизм.

Следует особо отметить, что впервые в истории философии нового времени французский материализм открыто сделал атеистические выводы из учений о первичности и вечности материи, единстве материи и движения, единстве материи и сознания и вступил в острую борьбу против всех форм религиозного мышления, против всех попыток религиозного «оправдания» феодальных отношений, королевской власти и т. п. Значение этого факта трудно переоценить, если вспомнить, что как голландский, так и английский материализм XVII в. не сумели четко и до конца отмежеваться от теологии.

Заканчивая краткую характеристику отличительных особенностей и исторических заслуг французского материализма XVIII в., следует отметить также попытки его представителей применить исходные начала материалистической философии к пониманию общественной жизни. Маркс указывал, что у Гельвеция «материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни»*. Само собой разумеется, что в силу своей исторической и классовой ограниченности французские материалисты не могли прийти к научным, материалистическим представлениям об общественной жизни. Они остались в пределах идеалистического понимания истории. Но тем не менее трудно переоценить значение положений французских материалистов о решающей роли социальной среды в формировании интеллектуального и морального облика человека, о роли материальных интересов в общественной жизни и т. д. в процессе становления правильных, научных взглядов на общественные отношения. Не случайно социально-политические, социологические и этические взгляды

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 144.

французских материалистов XVIII в. сыграли значительную роль в идейной подготовке утопического социализма и коммунизма XIX в.

* * *

Одним из выдающихся представителей французского материализма XVIII в. был Поль Анри (Пауль Генрих Дитрих) Гольбах (1723—1789). Гольбах родился в городе Гейдесгейме (Пфальц) в семье немецкого коммерсанта. Университетское образование он получил в Лейдене, после чего переехал из Германии во Францию и поселился в Париже, где и провел всю остальную часть своей жизни.

К середине XVIII в. обострение классовых противоречий между господствующими сословиями дворян и духовенства, с одной стороны, и широкими народными массами, возглавляемыми буржуазией,— с другой, привело к широкому распространению во Франции идей просвещения. К концу первой половины века были созданы такие важнейшие литературные произведения той эпохи, как «Персидские письма» и «Дух законов» Монтескье, «Философские письма» и «Трактат о метафизике» Вольтера, «Естественная история души» и «Человек-машина» Ламетри. В 1750 г. Руссо написал свою известную работу «Содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов». В рассматриваемый период Гельвеций и Дидро в своих ранних произведениях уже совершили переход от деизма к материализму и атеизму. К началу 50-х годов организующим центром передовых идей века стала знаменитая «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», задачей которой была теоретическая переоценка всех областей знания с позиций нового, тогда революционного буржуазного мировоззрения.

Вскоре после переезда в Париж Гольбах присоединился к просветительскому движению и стал одним из наиболее деятельных сотрудников «Энциклопедии». Им было написано и отредактировано большое количество статей по вопросам естествознания. В совместной

работе сложилась прочная дружба между Дидро и Гольбахом, продолжавшаяся до самой смерти великого основателя и редактора «Энциклопедии». Дом Гольбаха в Париже стал штаб-квартирой просветителей.

Оценивая роль и значение салона Гольбаха в Париже, по улице Сен-Рош, Дидро писал: «Здесь собираются наиболее честные и дельные люди столицы. Чтобы переступить порог этого дома, недостаточно иметь титулы или быть ученым, нужно еще обладать добротой. Вот где устанавливаются надежные связи! Здесь обсуждаются вопросы истории, политики, финансов, литературы, философии. Люди достаточно уважают друг друга, чтобы вступить в открытые споры. Хозяин дома — подлинный гражданин мира. Он знает, как с толком использовать свое состояние. Он является хорошим отцом, другом, супругом. Всякий иностранец, который сколько-нибудь известен и обладает некоторыми заслугами, может рассчитывать на доступ в этот дом, на самый сердечный и учтивый прием»*.

В доме Гольбаха действительно обсуждались самые животрепещущие проблемы века. В обстановке горячих споров здесь рождались и отшлифовывались важнейшие идеи французского просветительства, которые попадали затем на страницы нелегальных книг, наводнявших Францию, приводивших в содрогание господствующие сословия, королевскую власть и идейно вооружавших антифеодальный лагерь.

В 50—60-х годах Гольбах помимо статей в «Энциклопедии» пишет большое количество работ, в которых с позиций материализма вскрывает антинаучную сущность религии, ее роль в политическом закабалении народа: «Разоблаченное христианство» (1761), «Священная зараза» (1768), «Письма к Евгении» (1768), «Карманное богословие» (1768) и многие другие. С особой остротой Гольбах разоблачает в этих произведениях церковь и духовенство, показывает их роль в освящении феодального порядка и королевского деспотизма. Кроме того, Гольбах переводит и перерабатывает ряд произведений английских вольнодумцев, направленных

* Oeuvres complètes de Diderot, Paris, 1876, t. 10, p. 379.

против христианства и христианской церкви. Вне всякого сомнения, созданные Гольбахом в этот период материалистические и атеистические произведения относятся к той «бойкой, живой, талантливой, остроумно и открыто нападающей на господствующую поповщину публицистике старых атеистов XVIII века»*, о которой всегда так положительно отзывались классики марксизма-ленинизма.

Гольбах был одним из наиболее образованных людей XVIII в. Жозеф де Местр, который не разделял материалистических и атеистических взглядов Гольбаха, вынужден был, однако, признать: «Ни разу в жизни я не встречал более ученого, и притом универсально ученого, человека, чем Гольбах»**.

Неисчерпаемые и глубокие знания, способность к широким обобщениям, умение приводить в стройную систему научные факты различного порядка позволили Гольбаху создать труд, обобщивший достижения материалистической и атеистической мысли XVIII в. Мы имеем в виду «Систему природы» Гольбаха, которая вышла в свет в 1770 г. в Амстердаме.

В конспиративных целях в качестве автора книги был указан секретарь Академии Мирабо, скончавшийся за десять лет до выхода книги. Появление «Системы природы» вызвало шумные протесты со стороны реакционных кругов, что было обусловлено не только политическим и философским радикализмом произведения, но и особенностями переживаемого времени.

Глубокие противоречия феодального общества резко обострились к началу 70-х годов. Катастрофические последствия растущего экономического хаоса, развала государственных финансов, частых и тяжких войн легли на плечи трудящихся масс, утративших сколько-нибудь существенные стимулы к труду. Обреченный историей феодальный строй вынуждал многомиллионные массы народа влачить полунищенское, голодное существование. По словам одного из историков,

* *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 204.

** Correspondance litteraire, philosophique et critique, Paris, 1881, p. 415.

«в течение всего 1770 года сельские жители питались исключительно только бобами, отрубями, овсом и травой. По всей Франции раздавался общий и громкий крик о дороговизне хлеба. Возмутительные плакаты появлялись в Париже все в большем числе; в одном из них говорилось: «Если хлеб не станет дешевле и дела страны не будут упорядочены, мы должны будем сами взяться за дело и против каждого штыка нас будет двадцать человек»»*.

В этой обстановке королевская власть тщетно пыталась суровыми репрессиями подавить антифеодальное движение и остановить поток революционных идей. Книга Гольбаха была осуждена парижским парламентом на сожжение вместе с его «Разоблаченным христианством», «Священной заразой» и другими произведениями просветительского характера. Выражая страх господствующих сословий перед натиском «мятежных идей», генеральный прокурор парламента Сегье, требуя осуждения «Системы природы», говорил: «Философы сделались наставниками человеческого рода. Свобода мыслить — вот их возглас, и этот возглас слышится с одного края мира до другого. Одной рукой они стремятся пошатнуть престол, а другой хотят опрокинуть алтарь». Сегье был особенно обеспокоен распространением «опасных мыслей» среди широких слоев населения: «Красноречие, поэзия, история, романы, даже словари — все заражено. Едва эти сочинения появляются в столице, как с силой потока они распространяются по всем провинциям. Зараза проникла в мастерские и даже в хижины!»**

Появление «Системы природы» значительно углубило политические и теоретические расхождения, существовавшие в самом лагере просветителей. Правое крыло просветителей было недовольно резким антиправительственным тоном книги, ее воинствующим материализмом и атеизмом. Вольтер даже нашел возможным выступить против «Системы природы» со спе-

* *Ф. Рокен*, Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке, СПб., 1902, стр. 295.

** Цит. по кн.: *Ф. Рокен*, Движение общественной мысли, стр. 269.

циальным произведением «Бог, или Ответ на «Систему природы»» и с деистических позиций подвергнуть критике исходные принципы произведения Гольбаха. Что касается Дидро и других материалистов, то они встретили «Систему природы» с большим удовлетворением, рассматривая ее как программный документ передовых мыслителей своего времени. И действительно, эта книга, по общему признанию, явилась библией материализма и атеизма XVIII в. В обобщенной форме в «Системе природы» были изложены социально-политические, философские, социологические и этические принципы всей школы французского материализма XVIII в. Не случайно при создании книги Гольбаху неизменно оказывали помощь Дидро, Нэжон и другие его единомышленники.

В течение многих десятилетий «Система природы» являлась объектом нападок врагов материализма и атеизма не только во Франции, но и в других странах. Изложенные в ней идеи подверглись резкой критике со стороны немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в.

Эти нападки не прекращались и позднее. Реакционная буржуазия все больше и больше тяготела к религии, иррационализму, мистике. Это побуждало ее идеологов к новым, еще более рьяным попыткам «развенчать» идеи Гольбаха и его единомышленников.

Ф. Ланге, Ж. Сури, Ф. Маутнер, Д. Робертсон и другие авторы книг по истории материализма и атеизма стремились принизить великих просветителей XVIII в., представить их «примитивными реалистами». Во многих современных буржуазных трудах по истории философии Гольбаху едва уделяется несколько десятков строк.

На страницах католических и других религиозных журналов и книг развивается мысль, что все бедствия человеческого рода связаны якобы с утратой веры и религиозной нравственности.

Гольбах фигурирует в числе тех, кто «рассорил» человека с богом, духовно «опустошил» людей, переключил их внимание с вопросов «вечного и абсолютного» на «суетные» вопросы земного бытия.

В этих грубых и поистине примитивных измышлениях «Ла Круа» и других церковных изданий нетрудно увидеть попытку скрыть истинную причину бедствий и страданий народов, коренящуюся в человеконенавистнической природе империализма.

«Система природы» была не последним произведением Гольбаха. Вслед за ней он написал большое количество работ, из числа которых достойны особого упоминания «Галерея святых» (1770), «Здравый смысл» (1772), «Социальная система» (1773), «Естественная политика» (1773), «Универсальная мораль»(1776), «Этократия, или Правительство, основанное на морали» (1776). Здесь уместно отметить несостоятельность выдвинутой Жозефом де Местром и подхваченной рядом буржуазных историков философии версии, согласно которой работы Гольбаха, написанные после «Системы природы», якобы в значительной степени утратили свой революционный, наступательный дух. Что и говорить, «Система природы» является вершиной творчества Гольбаха, лучшим его произведением. Но это не должно бросать тень на последующие работы мыслителя. Об этом свидетельствуют впервые публикуемые на русском языке труды Гольбаха «Основы всеобщей морали» и «Естественная политика». Они пронизаны ненавистью к феодальным отношениям, к абсолютизму, к религии, к религиозной нравственности и отстаивают передовые идеи века.

Гольбах умер в 1789 г., за шесть месяцев до начала французской буржуазной революции 1789—1794 гг., в идейной подготовке которой он сыграл значительную роль.

* * *

Целью своих философских исследований Гольбах делает отыскание всеобщих начал, лежащих в основе всех явлений мира. Это обусловлено его пониманием предмета философии. Таким предметом, по мнению Гольбаха, является мир в его целостности, единые законы существования и изменения мира. Вот почему Гольбаха интересуют прежде всего не отдельные физические, химические, биологические и т. п. явления

и не закономерности этих частных явлений, а универсальные законы целого, имеющие всеобщий характер. Этим всеобщим, целым, единым, с точки зрения материалиста Гольбаха, является материя и ее наиболее общие свойства. Делая шаг вперед по сравнению с представителями французского материализма более раннего периода, Гольбах отказывается рассматривать природу как совокупность разрозненных конкретно-чувственных вещей. Он воспринимает природу как великое целое, где объективностью обладает не только единичное, но и общее. Он отходит от узкоэмпирического, номиналистического понимания общего как продукта лишь абстрагирующей деятельности мышления. Гольбах далек, конечно, и от мысли понимать общее независимо от отдельного. Он не ищет какой-то первоматерии, из которой «отлиты» все конкретно-чувственные вещи. Он отстаивает материалистически понятую субстанцию, в которой общее и отдельное неразрывно слиты и взаимообусловлены. Тесно сближаясь в этом вопросе с Дидро, Гольбах значительно отходит от Гельвеция, который избегал определять материю как субстанцию, считая ее не более как простым словом для обозначения общих свойств вещей.

Воспроизвести систему природы означает, по Гольбаху, воспроизвести картину развивающейся материи, являющейся единственной субстанцией. Наличие этой единственной субстанции делает возможным существование монистической философии, монолитной, логически последовательной и цельной, никогда не апеллирующей к вымышленным, сверхъестественным началам и причинам. Гольбах стремится создать философскую систему, основанную на материалистическом монизме подобно системе Спинозы, но свободную от теологической оболочки и исторически обусловленных недостатков материализма голландского мыслителя.

При построении такой системы он исходит из данных современной ему науки, всячески стараясь сблизить естествознание и философию в противовес оторвавшейся от наук идеалистической метафизике XVIII в. Порой он приходит при этом к смешению собственно философской и естественнонаучной проблематики.

Исходя из естественнонаучного понимания материи, Гольбах относит к числу всеобщих философских законов также законы притяжения и отталкивания, инерции и т. д. Не трудно заметить, что, в понимании Гольбаха, философия и естествознание еще не полностью размежевались. Частные законы механики рассматриваются Гольбахом как всеобщие, универсальные законы, определяющие собой все явления мира. Система философии и система природы в значительной степени совпадают. Приведенная в порядок совокупность естественнонаучных представлений о мире в целом и есть, с точки зрения Гольбаха, содержание здравой философии. Следует помнить при этом, что законы общественной жизни ошибочно рассматривались Гольбахом как модификация всеобщих законов природы. Итак, предмет философии в современном его понимании четко не разграничен Гольбахом от предмета естественных и общественных наук. Но из этого неоспоримого факта нельзя делать выводы о «позитивизме» Гольбаха, об отсутствии у него подлинно философской концепции и т. п. В действительности исторически обусловленные ошибки Гольбаха в понимании предмета философии не помешали ему сформулировать основные положения метафизического и механистического материализма XVIII столетия, дать четкое решение основного вопроса философии, осветить целый ряд важнейших вопросов теории познания, социологии и этики.

У Гольбаха, как и у всех других французских материалистов XVIII в., вопросы теории познания занимают сравнительно небольшое место. В какой-то степени это было реакцией на присущие многим течениям идеализма тенденции свести философию преимущественно к схоластически извращенной гносеологии и сделать абстрактную мысль, сознание, «божественное начало» главным предметом своих бесплодных исканий. При этом, отвергая идеалистическое понимание активности мышления, приводившее к превращению мысли в демиурга материальной действительности, французские материалисты впадали в обратную крайность, оставляя в тени активную природу сознания. Это

не могло не снизить их интерес к гносеологическим проблемам.

Из сказанного, однако, нельзя сделать вывод о принципиально отрицательном отношении французских материалистов, и в том числе Гольбаха, к теоретико-познавательным вопросам. Они со всей отчетливостью ставили и разрешали основной вопрос философии. Нужно помнить при этом, что если идеализм снимал вопрос о материальных источниках сознания, занимаясь преимущественно формами познания, а не его содержанием, то совершенно иначе подходили к этому вопросу французские материалисты. Последние уделяли главное внимание проблеме материального содержания познания. Всестороннее доказательство той истины, что возникновение идей обусловлено материальными вещами, занимает очень большое место в философии французских материалистов XVIII столетия. Гольбах также уделяет очень большое внимание этому исходному положению материалистической философии.

По его мнению, для решения вопроса о происхождении идей необходимо выяснить прежде всего природу человеческого сознания.

С позиции материализма Гольбах отвергает как объективный, так и субъективный идеализм, расценивая их как плод грубого извращения подлинных взаимоотношений между материей и сознанием. В то время как оба направления идеализма исходят из возможности существования сознания вне и независимо от материи, превращают мировой дух или индивидуальное сознание в творца материально-чувственного мира, Гольбах со многих сторон атакует ложную, антинаучную идеалистическую мысль о субстанциальной природе сознания и доказывает, что последнее является лишь одним из свойств особо организованной материи. Свойство вещи не может предшествовать самой вещи. Точно так же сознание не может предшествовать материи. Душа, по определению Гольбаха, составляет часть тела. Ее можно отличить от тела лишь в абстракции. «Она есть то же тело, только рассматриваемое в отношении некоторых функций, или способностей,

которыми наделила человека особенная природа его организации»* (1, 134).

Гольбах правильно замечает, что допущение существования мысли вне и независимо от материи роднит идеализм с религией, с миром религиозной фантастики, где полностью отсутствуют грани, отличающие вымысел от факта. В связи с этим он подвергает резкой критике субъективно-идеалистическую систему Беркли. Конечно, эта критика не лишена серьезных недостатков. Домарксистский материализм, не имея правильных представлений о социальных и гносеологических корнях идеализма, не понимая значения общественной практики как критерия истины, не мог со всей убедительностью и до конца раскрыть реакционность и антинаучность субъективно-идеалистических софизмов. Это, однако, не мешало Дидро, Гольбаху и их единомышленникам решительно отвергать субъективный идеализм как утонченную поповщину. Гольбах считает, что субъективно-идеалистические софизмы непосредственно вытекают из ложных представлений, согласно которым душа будто бы является чистым духом, нематериальной субстанцией и принципиально отлична от материи. Из этой ложной посылки следует, что душа, являясь самостоятельной сущностью принципиально иной природы, чем материальный мир, не может черпать свои идеи из этого мира. В таком случае остается лишь допустить, что душа черпает свои идеи из самой себя, что идеи конкретно-чувственных вещей не порождены воздействием последних на наши органы чувств и что, наблюдая конкретно-чувственные вещи, душа наблюдает не что иное, как рожденные ею идеи.

Показывая несовместимость подобных взглядов с повседневным опытом людей и «здравым смыслом», Гольбах заключает, что «идеи могут являться к нам лишь от внешних предметов, которые, действуя на наши чувства, модифицируют наш мозг, или же от материальных объектов, которые, находясь внутри нашего

---

* Здесь и далее сноски на настоящее издание даются в тексте, первая цифра в скобках означает номер, а вторая — страницу соответствующего тома.— *Ред.*

организма, заставляют некоторые части нашего тела испытывать сознаваемые нами ощущения и доставляют нам идеи, правильно или неправильно относимые нами к воздействующей на нас причине» (I, 185).

Борясь против идеализма, Гольбах указывает, что всякая идея представляет собой некоторое следствие. И как бы ни было трудно добраться до ее причины, мы не имеем права допускать, что этой причины не существует. Мы не можем также отождествлять причину со следствием. Это значит, что идея не может быть первопричиной идеи. Остается согласиться, что идеи порождаются материальными вещами.

Прочно опираясь на учение о первичности бытия и вторичности сознания, Гольбах подвергает обстоятельной критике теорию врожденных идей. Всякая идея, с точки зрения Гольбаха, имеет опытное, эмпирическое происхождение. Так называемые врожденные идеи в действительности имеют свою историю, они приобретены и подвергаются изменениям. Мы считаем врожденными, указывает Гольбах, те идеи, происхождение которых забыли. Эта критика врожденных идей была заострена против идеалистического априоризма и схоластики. Гольбах ратовал за опытное познание, за философию, имеющую прочный эмпирический фундамент, глубокие корни в реальной действительности. Борьба с априоризмом была также борьбой против религии с ее метафизическими, «сверхчувственными» и «сверхопытными» мистическими «истинами». Отвергая теорию врожденных идей и все разновидности априоризма, Гольбах и его друзья расчищали место для утилитаристской этики. Нужно помнить, что исторически прогрессивное и весьма плодотворное учение французских материалистов о роли среды в формировании интеллектуального и морального облика человека имело своим философским основанием материалистический сенсуализм, противостоявший идеалистическому априоризму.

Признав внешние материальные предметы источником возникновения ощущений, Гольбах прослеживает дальнейшие видоизменения последних. Ощущения, согласно Гольбаху, производят в мозгу такие новые

модификации, как мысль, воображение, память, желание и т. п. Говоря о мыслительном процессе, он выделяет три состояния: ощущение, восприятие, идея. Он подчеркивает, что все эти состояния обусловлены внешним воздействием (I, 147). Пытаясь проанализировать эти три звена единого мыслительного процесса и вскрыть их особенности, Гольбах во многом подходит к ним иначе, чем Гельвеций, и учитывает критику крайнего сенсуализма, данную Дидро. Известно, что острая реакция на абстрактно-рационалистический отрыв разума от чувств и противопоставление этих двух форм познания приводили Гельвеция к другой метафизической крайности — отрицанию качественных граней между ощущением и мышлением, сведению мышления к его чувственной основе. Разорвав диалектическое единство общего и единичного, Гельвеций вслед за Локком пытался представить абстрактные понятия и суждения как простую совокупность ощущений, руководствуясь методом метафизического сведения целого к сумме частей, качественно своеобразного синтеза — к сумме составляющих его элементов.

В отличие от Гельвеция Гольбах пытается уловить качественные особенности ощущения, представления и идеи. Имея в виду изменения, которые происходят в душе под воздействием внешних предметов, Гольбах пишет: «Эти изменения, рассматриваемые сами по себе, называются *ощущениями*; когда внутренний орган замечает их или предупрежден о них, они называются *восприятиями*; когда внутренний орган относит эти изменения к производящему их предмету, они называются *идеями*» (I,147). Очевидно не удовлетворенный этой дефиницией, Гольбах дополняет ее следующим определением: «Всякое *ощущение* представляет собой лишь сотрясение, полученное нашими органами; всякое *восприятие* представляет собой это сотрясение, распространившееся до мозга; всякая *идея* — это образ предмета, от которого происходят ощущение и восприятие» (I,147). Не трудно заметить, что оба эти определения — как в отдельности, так и вместе — не раскрывают качественного своеобразия ступеней познания, не фиксируют развития от чувственного познания

к логическому, не улавливают скачка при переходе от одного к другому. Таким образом, правильные поиски Гольбахом качественного своеобразия различных ступеней познания не завершились (и не могли завершиться) ощутимыми результатами. Это было обусловлено как в основном метафизическим методом исследования Гольбаха, так и низким в то время уровнем развития физиологии и психологии.

При всем своем несовершенстве теория познания Гольбаха имела большое прогрессивное значение в силу последовательной защиты им идеи адекватного отражения человеческим сознанием внешнего материального мира. По мнению Гольбаха, внешние предметы не просто вызывают идеи, но отражаются в этих идеях. Идеи суть образы внешних вещей. Отсюда вытекает, что истина есть не что иное, как соответствие идеи вещи самой вещи.

«...*Истина*,— пишет Гольбах,— это постоянное согласие, или соответствие, с помощью опыта обнаруживаемое нашими нормально функционирующими чувствами между познаваемыми нами предметами и качествами, которые мы им приписываем. Одним словом, истина— это правильная и точная ассоциация наших идей» (I,162). Соответственно, заблуждение, по мнению Гольбаха,— это ложная ассоциация идей, благодаря которой человек приписывает вещам качества, отсутствующие у них. Что же отличает истину от заблуждения, иллюзию от реального факта? Опыт, отвечает Гольбах. Следует отметить, что, говоря об опыте как критерии истины, Гольбах далек от правильного и глубокого понимания опыта как общественной практики, в основе которой лежит материально-производственная деятельность народных масс. Под опытом Гольбах часто подразумевает лишь один из элементов общественной практики — научный эксперимент. Нередко, говоря об опыте, Гольбах имеет в виду индивидуальный опыт личности, осознание ею результатов своей деятельности. «В каждый момент жизни,— пишет Гольбах,— человек производит опыты; каждое испытываемое им ощущение является фактом, запечатлевающим в его мозгу идею, которую память воспроизводит с большей или меньшей

точностью и достоверностью. Эти факты связываются, эти идеи объединяются, и цепь их составляет *опыт и науку*» (I,162). Вполне очевидно, что в данном определении опыт совпадает с умственной деятельностью, которая сама нуждается в критерии для обнаружения своей истинности. Но при всей неудовлетворительности этого определения оно не имеет ничего общего с идеалистическим пониманием опыта, потому что для материалиста Гольбаха сама умственная деятельность отражает внешние материальные предметы и отношения.

Теоретико-познавательные взгляды Гольбаха, как и других французских материалистов XVIII столетия, характеризуются глубоким оптимизмом, верой в могущество человеческого интеллекта. Вот почему отдельные имевшиеся в историко-философской литературе попытки приписать французским материалистам феноменалистские, агностические взгляды лишены основания. Гольбах и его единомышленники порой подчеркивали трудности познания некоторых явлений, но в своих окрашенных легким скепсисом мыслях они никогда не доходили до принципиального отрицания возможности познания сущности явлений. Напротив, одной из важных исторических заслуг французского материализма XVIII в. было решительное отрицание религиозной веры, мистической интуиции, алогизма и иррационализма во имя человеческого разума.

Гольбах отстаивал познаваемость мира в последовательной борьбе против рационалистического принижения роли чувственного познания. По его мнению, отдельные ощущения могут ввести человека в заблуждение, но человек всегда в состоянии проверить одно ощущение с помощью других ощущений, а также разума и опыта. Гольбах считал, что адекватное отражение действительности, начинаясь с ощущений, кончается идеями. Он всячески настаивал на той простой и неопровержимой истине, что неадекватность, ошибочность человеческого познания должны были бы привести человеческий род к гибели. То, что человечество успешно развивается, с точки зрения Гольбаха, лучшее подтверждение правильности человеческого

мышления, доказательство того, что, имея объективное содержание, оно дает человеку возможность правильно ориентироваться в окружающей его внешней среде.

На протяжении всей «Системы природы» Гольбах доказывает «правильность человеческого ума». Из единства материи и сознания Гольбах делает вывод о способности сознания постигнуть подлинную суть всех модификаций материи. Агностицизм, с точки зрения Гольбаха, является преимущественно достоянием идеализма, который разрывает сознание и материю, превращает их в принципиально разнородные начала. Идея непознаваемости мира возникает, согласно Гольбаху, из попыток познать мир, используя негодные средства и идя неправильными путями. К числу последних он относит схоластику, абстрактный рационализм, априорно-дедуктивный подход к предмету познания, в принципе исключающий индуктивный метод. Совместными усилиями науки в состоянии распутать самые сложные явления, которые идеалисты объявляют непостижимыми для человеческого разума. «Пусть физики, анатомы, врачи,— писал Гольбах,— объединят свои опыты и наблюдения и покажут нам, что нам следует думать о субстанции, которую хотели сделать непознаваемой» (I,138).

Тот факт, что люди придерживаются различных, порой несовместимых друг с другом взглядов на одни и те же вещи, по мнению Гольбаха, отнюдь не свидетельствует о внутренне присущих интеллекту пороках. Гольбах развивал интересную мысль Гельвеция о том, что противоречия во взглядах людей обусловлены не слабостью их интеллекта, а непримиримыми противоречиями их интересов. Вслед за Гельвецием Гольбах пытался применить утилитаристские принципы к теории познания.

Все это показывает необоснованность и беспочвенность мнения о наличии агностических тенденций у Гольбаха. Напротив, для него характерна наивная вера в возможность абсолютного, окончательного, исчерпывающего познания. Метафизический в основном подход к явлениям мира и познания не давал ему возможности рассматривать открытие истины как про-

цесс, а познание — как сложное и противоречивое восхождение от относительных истин к истинам абсолютным. Неисторический в целом подход к познанию предопределял стремление французских материалистов, и в том числе Гольбаха, к открытию вечных, абсолютных истин в политике, философии, этике и т. п.

Заканчивая краткую характеристику теоретико-познавательных взглядов Гольбаха, нельзя не отметить присущие им черты созерцательности, в той или иной степени характерные для всего домарксовского материализма. Эта созерцательность проявилась в уже отмеченном нами непонимании роли общественной практики в теории познания. Представители домарксистского материализма рассматривали познающий субъект как существо, пассивно отражающее воздействия внешней среды. Отождествляя сознание с чистой доской, на которую наносят свои знаки предметы внешнего мира, они подчеркивали пассивный, созерцательный характер познающего субъекта, который, по их мнению, испытывает воздействие объекта, но не оказывает на него активного обратного воздействия. Созерцательная природа теории познания представителей домарксистского материализма, включая Гольбаха, проявлялась в непонимании активности мышления, непонимании той истины, что сознание не только отражает мир, но и активно действует на объекты и преобразует их. Непонимание активности сознания выражалось в эмпирической недооценке роли абстрактного мышления. Как мы уже отметили, Гольбах подобно Дидро не разделял крайнего эмпиризма Гельвеция, но не мог правильно решить вопрос о единстве чувственного и логического познания, раскрыть роль правильных научных абстракций в познании сущности явлений. Игнорирование активности мышления у Гольбаха и его единомышленников выражалось и в том, что они оставляли в тени вопрос о переработке данных ощущений в представления, а последних — в понятия.

И тем не менее, несмотря на исторически обусловленные недостатки теории познания метафизического материализма, и в том числе гносеологических

взглядов Гольбаха, они сыграли очень важную роль в борьбе против идеализма и религии.

Большое место в трудах Гольбаха уделено основной категории материалистической философии — материи и ее свойствам. Приближаясь к философскому пониманию материи, Гольбах определил ее как объективную реальность, которая способна действовать на органы чувств и вызывать ощущения. Он писал: «По отношению к нам материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства» (I, 84). Это определение было в первую очередь направлено против субъективного идеализма епископа Беркли, желавшего ниспровергнуть атеистические учения и пытавшегося лишить объективного содержания понятие материи, лежащее в основе этих учений, превратив материю в комплекс ощущений, возбуждаемых в познающем субъекте богом.

Резко и принципиально отмежевавшись от идеализма в понимании материи, Гольбах переходит к определению наиболее общих физических свойств материи. К числу этих свойств он относит протяженность, подвижность, делимость, твердость, тяжесть и силу инерции. Из этих общих и первичных свойств Гольбах выводит другие свойства — плотность, фигуру, цвет и т. п. Следует особо отметить, что при этом Гольбах в отличие от английских материалистов XVII в. не делает вывода об объективности первичных и субъективности вторичных качеств. Все качества материи, согласно Гольбаху, существуют независимо от человеческого сознания.

По мнению Гольбаха, все существующее является конкретной формой бытия материи. Материя вечна во времени и бесконечна в пространстве. Материя никогда не возникала и никогда не перестанет существовать. Опираясь на учение Спинозы о субстанции, Гольбах рассматривает материю как свою собственную причину. Нет ничего до материи и наряду с ней. Утверждать, что материя имеет начало — значит согласиться с абсурдным утверждением о возможности возникновения нечто из ничего. Гольбах последовательно отстаивает мысль, согласно которой пространство и время являются фор-

мами существования материи. Он исключает возможность рассмотрения времени и пространства как субъективных категорий. Время и пространство, по его мнению, так же объективны, как и материя, формами существования которой они являются. Вслед за Декартом, рассматривая мир как движущуюся материю, Гольбах утверждает, что материя должна двигаться во времени и в пространстве. Французские материалисты несколько отошли от грубо метафизических и механистических представлений, согласно которым пространство является вместилищем материи, а время — внешней для материи «чистой» длительностью, в течение которой совершается изменение материи. Вплотную подойдя к правильному решению вопроса, они утверждали неразрывное единство материи с временем и пространством. «Я не могу,— писал Дидро,— отделить, даже в абстракции, пространство и время от существования. Значит, оба эти свойства существенно характерны для него»*. Гольбах отстаивал аналогичное понимание вопроса. Как и Дидро, Гольбах считал время и пространство общими свойствами всей материи в отличие от Гельвеция, который с узкоэмпирических позиций сводил пространство к протяженности единичных тел.

Как и вся школа французского материализма, Гольбах уделял исключительно большое внимание вопросу о единстве материи и движения. Он боролся с вековыми заблуждениями, с идеалистическим пониманием материи, согласно которому материя в отличие от породившего ее духа является косной, неподвижной массой, лишенной всяких внутренних импульсов к развитию, к изменению. Отвергая эти представления о материи, французские материалисты опирались на идеи Толанда о неразрывном единстве материи и движения и развивали их дальше. Они сделали существенный шаг вперед по сравнению со Спинозой, который не рассматривал движение как атрибут материи и считал его лишь бесконечным модусом. Гольбах рассматривал движение как способ существования материи. Он неразрывно

---

* *Д. Дидро*, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 342.

связывал понятие материи с понятием движения. С его точки зрения, без движения нет материи, как и без материи нет движения. Движение — существенное свойство материи, такое свойство, от которого нельзя освободить материю даже в абстракции. «...Идея природы,— пишет Гольбах,— необходимым образом заключает в себе идею движения. Но, спросят нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать. Мы скажем, что движение — это способ существования (façon d'être), необходимым образом вытекающий из сущности материи; что материя движется благодаря собственной энергии» (I, 75).

Исходя из единства материи и движения, Гольбах воспроизводил весьма динамичную картину мира, где все находится в процессе постоянного изменения и развития, возникновения и уничтожения.

Распространяя на нашу планету учение о вечном движении материи, Гольбах вслед за Дидро приходил к эволюционистским взглядам, согласно которым как земля, так и находящиеся на ней живые организмы имеют длительную историю своего становления (I, 127—128). Эволюционистские взгляды Гольбах распространял также на космические явления.

Движение в понимании Гольбаха есть преимущественно механическое движение — перемещение тел в пространстве. Точнее, согласно Гольбаху, движение — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить свое местоположение. Руководствуясь таким механистическим пониманием движения, Гольбах при объяснении разных явлений главным образом оперирует понятиями притяжения и отталкивания, уплотнения и разжижения, действия и противодействия, увеличения и уменьшения, одним словом, исходит из тех форм движения, которые не изменяют качественной характеристики вещей и вызывают лишь их количественные модификации. Говоря о всеобщих законах мира, Гольбах подразумевает под ними законы классической механики, которые, как мы уже отметили, абсолютизируются им, возво-

дятся в ранг всеобщих философских законов. С помощью этих законов он пытается познать все явления мира, включая сюда психические явления, общественную жизнь и т. д. (I, 100).

В тесной связи с механистическим пониманием движения находится учение Гольбаха о всеобщем круговороте. Изменения, происходящие в мире, по Гольбаху, представляют собой не развитие по восходящей линии, по спирали, устремленной в бесконечность, а движение по вечному кругу, «который вынуждено описывать все существующее». Отсюда нетрудно было прийти к мысли о том, что в природе не возникает ничего принципиально нового. И действительно, мы встречаем эту мысль у Гольбаха. «Строго говоря,— заявляет он,— ничто не рождается и не умирает в природе» (I, 91).

Общая концепция движения у Гольбаха является метафизической и механистической. Достаточно вспомнить, что ни Гольбах, ни кто-нибудь другой из французских материалистов еще не был в состоянии познать противоречивую природу движения, понять его как результат борьбы внутренних противоположностей. Попытка Дидро и частично Гольбаха объяснить движение исходя из гетерогенности материи не привела к осознанным диалектическим выводам. Таким образом, горячо отстаиваемая французскими материалистами идея самодвижения материи не была ими последовательно научно обоснована. Не случайно их противники бросали им обвинение в том, что они перенесли в саму материю горячо отвергаемый ими «первый толчок» деистов.

Отмечая метафизичность и механистичность гольбаховского понимания движения, нельзя обойти молчанием тот факт, что Гольбах развивал ряд идей, которые не укладывались уже в рамки традиционных механистических и метафизических концепций развития. Так, сводя движение в основном к пространственному перемещению, Гольбах одновременно говорил также о скрытом движении, которое обусловлено действием и противодействием невидимых молекул материи. Еще дальше шел Дидро, утверждавший, что перемещение

тел в пространстве не есть движение, являясь лишь следствием последнего. С точки зрения Дидро, подлинное движение происходит внутри материи; это движение атомов и молекул, которое обусловливает процесс вечного изменения вещей. Вслед за Дидро Гольбах уделяет значительное внимание понятию *nisus*, т. е. усилию, обнаруживаемому каким-либо телом по отношению к другому телу без пространственного перемещения. Глубокие для своего времени познания Гольбаха в области химии порой приводили его к противоречию с основной механистической концепцией движения, приближали его к пониманию движения как изменения вообще, к пониманию качественного многообразия мира.

При всех своих недостатках защищаемое Гольбахом учение о единстве материи и движения было заострено против религиозно-идеалистической мысли о «внешнем толчке», боге, который приводит в движение материю.

Гольбах уделяет значительное внимание рассмотрению причинности, необходимости, случайности, свободы и других философских категорий.

Со всей последовательностью он отстаивает материалистическое понимание причинности, признавая объективность этой категории и отмежевываясь от юмистского истолкования ее. Все явления находятся в причинно-следственной зависимости. Нет причины без следствия, как и следствия без причины. «Все связано во вселенной: последняя есть лишь необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга» (I, 99). Учение Гольбаха об обусловленности всех явлений естественными причинами было заострено против понятия чуда, лежащего в основе религиозного мировоззрения. Это учение подрывало также одно из основных религиозно-идеалистических положений об индетерминированности человеческой воли. В самом деле, если все причинно обусловлено, а человеческая воля — один из естественных феноменов, то она тоже должна быть причинно обусловленной. «Человеческая воля,— пишет Гольбах,— испытывает воздействие извне и скрытым образом определяется внешними при-

чинами, производящими изменения в человеке. Мы воображаем, что эта воля действует сама собой, так как не видим ни определяющей ее причины, ни способа, каким она действует, ни органа, который она приводит в действие» (I, 70). Отрицание индетерминированности человеческой воли явилось исходным началом учения французских материалистов о единстве человека и социальной среды, об активной роли внешней среды в формировании интеллектуального и морального облика человека.

Метафизическая и механистическая ограниченность понимания причинности Гольбахом выразилась в поляризации им причины и следствия. Он хорошо понимал, конечно, что то или иное явление, будучи следствием, само выступает причиной другого явления. Ведь об этом свидетельствовало все механическое движение. Но Гольбах исключал мысль о тождестве причины и следствия, взаимопереходе причины и следствия на протяжении одного и того же отрезка времени. Он не понимал диалектики взаимодействия, при котором причина не только порождает свое следствие, но и испытывает активное воздействие последнего. Порой же, когда логика вещей заставляла его констатировать факт взаимодействия, он пытался объяснить этот факт, но оказывался в заколдованном кругу. Так, он, с одной стороны, утверждал, что среда определяет духовный и моральный облик личности, а с другой — считал, что внешняя среда, форма правления, существующие законы определяются идеями законодателей. Воспринятое Гольбахом у Спинозы диалектическое учение о causa sui, бесспорно, вступало в противоречие с этой метафизической концепцией причинности.

Из причинной обусловленности всех явлений, а также из того, что все причины могут действовать лишь согласно своему способу бытия или своим существенным свойствам, Гольбах выводит необходимость всех явлений. Это значит, что всякое существо в природе при данных обстоятельствах и данных его свойствах не может действовать иначе, чем оно действует. Необходимость Гольбах определяет как «постоянную и ненарушимую связь причин с их следствиями» (I, 99).

Отождествляя причинную обусловленность с необходимостью, Гольбах, как и другие французские материалисты, пришел к отрицанию случайности как объективной категории. Все причинно обусловлено, все необходимо; следовательно, нет случайных явлений. Случайное есть слово, применяемое для обозначения явлений, причины которых еще не открыты. Когда-нибудь будут раскрыты причины всех без исключения явлений, и тогда, согласно Гольбаху, в природе и в мышлении не останется места для случайного. В вихре пыли, в ужаснейшей грозе, вздымающей волны, нет, по Гольбаху, ни одной молекулы пыли или воды, которая была бы расположена случайно. Точно так же «во время страшных судорог, сотрясающих иногда политические общества и нередко влекущих за собой гибель какого-нибудь государства, у участников революции—как активных деятелей, так и жертв — нет ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одной страсти, которые не были бы необходимыми, не происходили бы так, как они должны происходить, безошибочно не вызывали бы именно тех действий, какие они должны были вызвать сообразно местам, занимаемым участниками данных событий в этом духовном вихре» (1, 100). Не трудно заметить, что при подобной постановке вопроса стирались грани между существенным и несущественным, необходимым и случайным, иначе говоря, желание покончить со случайным приводило к тому, что необходимость низводилась до уровня случайности. И действительно, очень часто Гольбах превращал важнейшие исторические события в следствия незначительных, случайных причин. Отрицание случайности, вызванное стремлением Гольбаха и его единомышленников нанести удар теологии и мистике, приводило к фатализму, обоснованию которого Гольбах посвятил специальную главу в «Системе природы». Правда, фатализм Гольбаха не имеет ничего общего с провиденциализмом и основан на отрицании существования бога, но тем не менее он потенциально способен породить мистические выводы. С полным основанием Маркс утверждал, что «история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности»

не играли никакой роли»*. Мир, который воспроизводится фатализмом, является именно таким освобожденным от случайностей миром. В «Системе природы» Гольбах пытается отрицать ту истину, что фаталистический взгляд на мир неизбежно приводит к отрицанию роли сознательной и организованной деятельности людей в истории. Но эти страницы, посвященные отрицанию квиетистских выводов из фатализма, являются наименее убедительными и аргументированными.

С метафизических позиций Гольбах трактует и другие категории материалистической философии. Борясь против абсолютизации сущности и ее отрыва от явлений, отвергая утверждения о непознаваемости сущности, Гольбах приходит к отождествлению сущности и явлений, исключает необходимость различения сущности и явления. Неправильное решение вопроса о необходимости и случайности, ведущее к отождествлению необходимого и не необходимого, приводит к отождествлению существенного и несущественного. Так, не отличая необходимого от случайного, существенного от видимого, причину от повода, Гольбах полагает, что незначительные физиологические изменения в организме правителя могут привести к огромным социальным потрясениям.

Неправильно решалась Гольбахом и проблема взаимоотношения формы и содержания. Борясь против аристотелевской абсолютизации формы и превращения ее в демиурга содержания, Гольбах оставлял в тени вопрос об активности формы, ее влиянии на содержание. Он рассматривал форму как нечто внешнее по отношению к содержанию и пассивное по своей природе. Метафизический подход к данной проблеме приводил его к разрыву внутренних, необходимых связей между формой и содержанием, к отождествлению формы как типа связей элементов содержания с внешней формой.

Философские взгляды Гольбаха были органически связаны с его атеизмом, с критикой религии и духовен-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 444.

ства. Опираясь на материалистическое положение о первичности природы и вторичности духа, Гольбах пришел к отрицанию религиозного учения о сотворении материального мира богом-духом. Принципы материалистического сенсуализма были заострены Гольбахом против идеи бога и сверхъестественного вообще. Он утверждал, что если все идеи имеют чувственное происхождение и отражают в сознании людей реально существующие вещи и явления, то идея бога, которая, по признанию самих ее защитников, является сверхчувственной и не имеет материального прообраза, просто призрак воображения. Мы уже видели, какие решительные атеистические выводы вытекали из защищаемого Гольбахом учения о единстве материи и движения.

Отбросив идеалистическое учение о субстанциальном характере сознания, или духа, Гольбах утверждал, что душа возникает и умирает вместе с телом и, следовательно, идея бессмертия души является химерической. Тем самым он показывал всю фантастичность религиозного учения о загробном воздаянии, являвшегося опорой религиозной нравственности. Утверждать, что душа после смерти тела будет продолжать существовать, чувствовать, мыслить, писал Гольбах,— все равно что утверждать, будто разбитые на тысячи кусков часы смогут продолжать бить и отмечать время.

Материалистическая философия послужила той теоретической базой, основываясь на которой Гольбах со всей убедительностью опроверг доказательства бытия божьего, используемые современными ему теологами. Так, материалистическое понимание причинности явилось философской основой критики так называемого телеологического доказательства бытия бога. Материалистическая теория отражения была использована Гольбахом для опровержения онтологического доказательства бытия бога и т. п.

Гольбах уделял много внимания вопросу о происхождении религии. Он правильно утверждал, что познать истинные причины возникновения религии — значит познать пути освобождения человека от религиозных

цией. Мы уже видели, с какой решительностью Гольбах выступал против теории врожденных идей. Он отрицал также утверждения о врожденности религиозного чувства и религиозных представлений. Отвергая существование бога, Гольбах, естественно, отбрасывал также утверждения о божественном происхождении религии. Как и всякие идеи, утверждал он, религиозные идеи имеют опытное происхождение. Все, что возникает в общественной жизни, порождается какими-то реальными человеческими потребностями. Возникновение религиозных фантазий, по мнению Гольбаха, обусловлено стремлением человека к самосохранению, стремлением избавиться от зла и достигнуть счастья, а также неудовлетворенностью людей условиями своей жизни.

Страх перед грозными и неведомыми силами природы порождает, по Гольбаху, представления о чудесном, сверхъестественном. Слабость и невежество предрасполагают человека к суевериям, заставляют его преклоняться перед вымышленными самим человеком сверхъестественными существами, просить их о помощи и пощаде. Глубоко неудовлетворенный условиями своей жизни, человек выдумывает рай как царство абсолютно удовлетворенных людских потребностей. Всемогущий бог выступает как сверхчеловек, как существо, наделенное силами и способностями, тысячекратно превосходящими силы и способности обыкновенного, земного человека. Важную роль в возникновении религиозных представлений, по мнению Гольбаха, играет также сознательный обман масс жреческой кастой. Итак, невежество, страх и обман являются теми силами, которые, согласно Гольбаху, порождают и сохраняют религиозное мировоззрение, объясняющее все непонятные и угрожающие существованию человека явления сверхъестественными причинами.

Коренной недостаток защищаемой Гольбахом теории происхождения религии заключается в том, что он не рассматривает социальный, классовый гнет, эксплуатацию человека человеком как важнейшую причину существования религиозного обмана порабощенных масс. Считая невежество наиболее существенной

причиной возникновения и существования религии, Гольбах, как и другие домарксистские атеисты, видит главное средство борьбы против религии в распространении просвещения. «Такой взгляд,— писал Ленин,— недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии»*. Догадки Гольбаха об обусловленности возникновения религии материальными условиями жизни людей, их интересами не были развиты и обоснованы, остались догадками и потонули в общей идеалистической концепции, согласно которой на первый план выдвигались гносеологические, психологические и прочие идейные причины возникновения религии. Ограниченный условиями эпохи и уровнем развития науки, Гольбах, естественно, не мог подойти к религии как к одной из форм общественного сознания, обусловленной социально-экономическими отношениями. Классовая и историческая ограниченность атеизма Гольбаха выразилась также в отсутствии веры в возможность окончательного преодоления религии. «Спросят, быть может,— писал Гольбах,— можно ли рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь вытравить из сознания целого народа его религиозные представления? Я отвечу, что подобное предприятие кажется совершенно невозможным и не следует ставить такую цель... Атеизм подобно философии и всем серьезным абстрактным наукам не по плечу толпе и даже большинству людей» (I, 658—659). Как показала история, Гольбах серьезно заблуждался. Уничтожение социальных корней религии, классовой эксплуатации, установление социалистических отношений, открывающих неисчерпаемые возможности для народа приобщиться к науке и культуре, уже привели в ряде стран социалистического лагеря, и прежде всего в СССР, к отходу многомиллионных масс от религии. Нет сомнения, что в ходе строительства коммунистического общества в этих странах будет достигнуто полное преодоление религиозных пережитков.

При всех своих недостатках защищаемая Гольбахом теория происхождения религии была пронизана непри-

---

* *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

миримой враждой к религии, стремлением разоблачить ее научную несостоятельность и глубокую реакционность. Религия, подчеркивает Гольбах, была рождена стремлением людей к счастью, но она не только не содействовала облегчению участи человека, но ослабляла его в борьбе за существование и за улучшение своей жизни. Своими обещаниями иллюзорного счастья она приучала человека пассивно приспосабливаться к своим земным ценям, к рабским условиям существования. Эта усыпляющая сущность религии, писал Гольбах, была высоко оценена всеми деспотами, которые хотели безнаказанно для себя порабощать народ. С максимальной ясностью Гольбах сформулировал политическую роль религии, ее значение в угнетении народа. «Религия,— писал он,— это искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие»*.

Гольбах убедительно разоблачает фантастическую и яживую религиозную мораль, ее развращающее влияние на народ, ее значение в отвлечении людей от борьбы за свое земное счастье, за освобождение из-под гнета деспотизма. В заключительной части «Системы природы» Гольбах утверждает, что преодоление религиозной нравственности — важнейшее условие, необходимое для того, чтобы внушить человеку мужество, придать ему энергию, научить его уважать свои права.

В своих многочисленных философских и атеистических произведениях Гольбах подверг сокрушающей критике церковь и духовенство, религиозный фанатизм, выступил с блестящей защитой научного познания и свободы совести. Атеистическое наследство Гольбаха сыграло видную роль в период французской буржуазной революции 1789—1794 гг., когда началась острая борьба за разгром феодальных отношений, феодальной церкви и феодально-клерикального мировоззрения в целом.

Изгнав из природы сверхъестественное, мистическое начало, Гольбах вслед за этим объявляет человека

---

* *П. Гольбах,* Разоблаченное христианство, М., 1936, стр. 366.

частью природы и полностью подчиняет его действия ее законам. Это был решительный разрыв с идеалистическими и религиозными традициями, которые всегда стремились сохранить в человеке что-нибудь несводимое к материальному миру, отстаивали трансцендентность, сверхъестественное происхождение, некую независимую от материи сущность человеческой души. Так, современник Гольбаха Иммануил Кант рассматривал человека как средоточие противоположных начал, как существо, одновременно принадлежащее к сверхчувственному, непознаваемому миру ноуменов и миру чувственного опыта, представляющему собой совокупность феноменов. Отсюда Кант заключал, что человек, принадлежа к миру явлений, подчинен строгому детерминизму, но, как носитель сверхчувственного начала, обладает свободой. Французские материалисты XVIII в., и в их числе Гольбах, отвергли это традиционное религиозное и идеалистическое совмещение в человеке земного и сверхчувственного начал. Они стали на путь решительного и бескомпромиссного отрицания последнего. Гольбах и его единомышленники стремились до конца очистить «человеческую природу» от всех посторонних, мистических примесей. По их глубокому убеждению, безмерные страдания человечества были обусловлены ложными принципами спиритуалистической, религиозной этики и основанной на них политикой. Вот почему французские материалисты с такой страстностью отстаивают взгляд, согласно которому человек есть часть природы и подвластен лишь законам природы. «Какими бы чудесными, скрытыми, сложными ни были как видимые, так и внутренние способы действия человеческой машины, внимательно исследуя их, мы увидим, что все действия, движения, изменения этой машины, ее различные состояния, совершающиеся в ней катастрофы постоянно регулируются законами, присущими всем существам» (I, 117).

Ограниченные обстоятельствами своего времени, французские материалисты не сумели понять ни биологической, ни тем более социальной природы человека. Известно, что Ламетри с позиций крайнего механицизма отождествлял человека с машиной, игнори-

ровал специфические, биологические закономерности, управляющие живыми организмами, и в том числе человеком. Гольбах также был склонен думать, что все законы жизнедеятельности человеческого организма сводимы к законам механики.

Как и другие представители домарксистского материализма, Гольбах не понял, что человек, будучи частью природы, подчинен специфическим общественным закономерностям и является продуктом общества, общественного труда. Идеалистическое понимание общественной жизни выразилось у Гольбаха и его единомышленников в том, что они начинали изучение общественных явлений с изучения изолированного индивида, его биолого-физиологических особенностей. Подмена понятия конкретно-исторического, общественного человека понятием биологической особи должна была привести и привела представителей домарксистского материализма к выводу, что сущность человека вечна и неизменна. Французские материалисты XVIII в. видели свою задачу в том, чтобы, познав эту вечную и неизменную человеческую природу, создать в соответствии с ней вечные и неизменные законы управления людьми в будущем «идеальном обществе».

Пытаясь раскрыть подлинную сущность человеческой природы, Гольбах вслед за Гельвецием и другими утилитаристами приходит к выводу, что существенной особенностью человека, как и всякого живого существа, является стремление к самосохранению, к личному благу, к удовлетворению своих эгоистических интересов. В основе всех чувств, мыслей, страстей, поступков человека, утверждает Гольбах, лежит это непреодолимое стремление к личному благу. «Человек,— пишет он в «Основах всеобщей морали»,— никогда не теряет из вида цель самосохранения и достижения счастья. Поэтому он всегда действует в своих интересах» (II, 42). Даже альтруистические чувства, такие, как материнская любовь, по убеждению Гольбаха, имеют своим источником осознанное или неосознанное себялюбие.

Не трудно убедиться в том, что этот неизменный, всегда себе равный, абстрактный человек был

в действительности не чем иным, как идеализированным буржуа, чувства, мысли и нормы поведения которого буржуазные идеологи воспринимали как общечеловеческие. «Представляющееся совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности,— писали Маркс и Энгельс,— эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению»*.

Защищаемые Гольбахом и другими французскими материалистами XVIII в. принципы утилитаризма имели в свое время исторически прогрессивный характер. Отвергая лицемерные аскетические идеалы феодально-клерикального мира, разоблачая отстаиваемые религией и идеализмом нравственные «истины», которые игнорировали человека, его земные интересы, гасили энергию людей, мешали проявлению инициативы и пытались подавить их страсти, французские материалисты развивали прогрессивные традиции гуманизма эпохи Возрождения, содействовали подъему чувства личности, утверждению буржуазного индивидуализма, который в ту эпоху был заострен против бесчисленных феодальных пут, сковывавших активность людей.

Следует отметить также, что вопреки многим ошибочным утверждениям французские материалисты выступали за разумный эгоизм, лелеяли мечту о создании такого общества, где личные интересы будут гармонически сочетаться с общественными интересами. Утилитаризм у французских материалистов XVIII в. носит еще гуманистический характер. Так, в «Основах всеобщей морали» Гольбах, отвергая традиции религиозной морали, пытается обосновать необходимость человеколюбия, исходя из реальных, земных интересов людей. Гольбах и его единомышленники не могли, конечно, предвидеть, что буржуазное общество, идущее на смену феодальному, будет преисполнено глубоких, непримиримых противоречий, не оставит места

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, стр. 409.

для подлинных общественных интересов и стимулирует разнузданный зоологический эгоизм и индивидуализм.

Принцип личного интереса, по мнению Гольбаха, вполне достаточен для того, чтобы объяснить общественную жизнь, не прибегая к сверхъестественным вымыслам. И действительно, попытки объяснить важнейшие исторические события исходя из реальных интересов людей, из их стремления к пользе идейно подготавливали научные представления об общественной жизни и были несравненно более глубокими и плодотворными, чем встречающиеся у самого Гольбаха рассуждения о движении «шального атома» в мозгу правителя, исходя из которого можно якобы объяснить важнейшие исторические факты.

Вслед за Гельвецием Гольбах попытался перенести принцип материалистически понятого сенсуализма на область общественных отношений. Исходя из этого принципа, французские материалисты пришли к выводу о важной роли внешней среды в формировании интеллектуального и морального облика людей. Какова социальная среда — таков и человек, его идеи, его нормы поведения. Природа, учил Гольбах, не создает людей ни добрыми, ни злыми. Они становятся таковыми в силу существующей формы правления, законов, воспитания. Отсюда следовало, что моральное усовершенствование людей требует не моральных проповедей, а уничтожения деспотизма, феодальных законов, религиозного воспитания.

Отстаивая учения о роли интересов в общественном развитии, о формирующей роли среды по отношению к человеку, французские материалисты внесли важный вклад в развитие социологической мысли. Но тем не менее они не вышли за пределы идеалистического понимания истории. Сами материальные потребности фигурируют в социологических схемах французских материалистов в качестве не общественно-исторических, а чисто физиологических явлений. Как и Гельвеций, Гольбах не мог даже предположить, что материальные потребности зависят от исторически определенного способа производства. Оставаясь в пределах знаний своей эпохи, Гольбах и его единомышленники не могли

выработать научные представления о классовой структуре общества и понять, что в антагонистическом обществе личные интересы людей выступают в форме классовых интересов.

Точно так же, утверждая роль социальной среды в формировании человека и человеческих идей, Гольбах и другие французские материалисты понимали под социальной средой не исторически обусловленный способ производства материальных благ, а в первую очередь форму политического правления. Иначе говоря, они пытались объяснить с помощью одного из элементов надстройки общества возникновение и развитие других надстроечных элементов. Но даже в пределах такого подхода французские материалисты, и в их числе Гольбах, сталкивались с известной антиномией: с одной стороны, среда формирует личность, с другой — сама эта среда есть реализация человеческих идей. В конечном счете это противоречие решалось ими с идеалистических позиций: общественная жизнь представлялась им не чем иным, как воплощением в действительность воли и сознания законодателей. Точно так же история казалась французским материалистам хаосом событий, не связанных единой закономерностью. Свое же призвание они видели в том, чтобы открытием и реализацией мудрых законов придать истории закономерность, которой ей не хватало раньше. И все же вклад Гольбаха и его друзей в развитие передовых социологических идей был велик. Значение их в качестве идейных предшественников материалистического понимания истории трудно переоценить.

Гольбах наряду с Гельвецием сыграл важную роль в идейной подготовке утопического социализма XIX в. Правда, ни Гельвеций, ни Гольбах не разделяли социалистических взглядов и считали немыслимым существование общества, основанного на общественной собственности и имущественном равенстве граждан. Но защищаемые Гельвецием и Гольбахом идеи о решающей роли среды в формировании личности, о необходимости гармонического сочетания личных и общественных интересов и т. д. идейно подготовили возникновение утопического социализма XIX столетия. Не случайно,

выдвигая в «Святом семействе» тезис о логической и исторической связи материализма XVIII в. с утопическим социализмом XIX в., Маркс использует для обоснования своей мысли большие выписки не только из работ Гельвеция, но и из «Системы природы» Гольбаха.

Во многих своих произведениях Гольбах подверг острой критике феодальные отношения, деспотическую форму правления, сформулировал основные черты будущего «идеального строя» и указал пути его достижения.

Гольбах отвергал мысль о вечности каких-либо социальных институтов, в том числе и тех, которые возникли в эпоху феодализма. В «Естественной политике», как и в других произведениях Гольбаха, мы встречаемся с попыткой истолковать общественную жизнь как нечто развивающееся: «Подобно живым организмам общества переживают кризисы, моменты безумия, революции, изменения форм своей жизни; они рождаются, растут, умирают, переходят от здоровья к болезни, а от болезни — к здоровью, наконец, как и все существа человеческого рода, они имеют детство, юность, зрелый возраст, дряхлость и смерть...» (II, 383—384).

Законы не могут быть вечными, неоднократно повторяет Гольбах. Они являются порождением определенных условий, которые претерпевают непрерывные изменения. Гольбах предостерегает от чрезмерной приверженности к существующим нормам социально-политической жизни, от канонизации законов, установленных предками. Он призывает преодолеть косность и рутину в общественной жизни, учесть, что самые необходимые установления рано или поздно вступают в противоречие с изменившейся действительностью.

Идея изменчивости социальных отношений и институтов тесно переплетается с мыслью, что одни и те же законы не могут быть пригодны для всех народов, поскольку последние находятся на различных ступенях общественной жизни. Управлять различными народами, руководствуясь одними и теми же законами, по Гольбаху, равноценно попытке лечить все болезни, пользуясь одними и теми же лекарствами.

Стремление построить динамическую картину мира, обосновать необходимость отказа от законов, которые никогда не имели рационального смысла или утратили его,— эти важные тенденции философии истории Гольбаха были непосредственно связаны с его антифеодальной программой.

Все творчество Гольбаха пронизано непримиримой ненавистью к феодализму. Утверждение феодальных порядков Гольбах объяснял насильственным навязыванием обществу нелепых и несправедливых законов, приносящих интересы нации в жертву своекорыстным интересам малочисленной касты привилегированных. Не будучи в состоянии постигнуть объективные, необходимые экономические предпосылки возникновения феодальной формы собственности, философ считал ее основанной лишь на завоеваниях, грабеже и насилии (II, 122, 252). В феодальной собственности Гольбах отказывался видеть что-нибудь правомерное и законное. Для него законна лишь та собственность, которая приобретается личным трудом (к числу такой «нравственно оправданной» собственности философ относил буржуазную форму собственности, разделяя иллюзии относительно «трудового» происхождения капитала, характерные для многих буржуазных мыслителей того времени).

Гольбах отмечал, что феодально-цеховая регламентация производства, бесчисленные феодальные повинности и тяжкие налоги лишают промышленников и коммерсантов стимулов к деятельности, разоряют крестьянское хозяйство, отнимают у страны возможность нормального экономического развития. Воспроизводя по существу положение дел во Франции второй половины XVIII в., Гольбах писал: «Мы увидим здесь плохо обработанные поля, нас ужаснет картина жизни изнуренного земледельца, которому преждевременная старость уже приготовила могилу. В этих странах слабые, исхудалые, с колыбели обреченные на нищету дети напрасно просят хлеба у изнуренной нуждой матери; жалкая хижина едва защищает здесь от холода и зноя земледельца, страдания которого усугубляет зрелище оскорбляющих его взор роскошных домов угнетателей,

обладающих преимуществами власти, и богачей, нажившихся за счет его нищеты» (II, 368—369).

В отличие от Монтескье и Вольтера, выражавших интересы верхушечных слоев французской дореволюционной буржуазии, Гольбах вслед за Гельвецием и Дидро становится на путь отрицания сословного деления общества, подвергает острым нападкам особые права и привилегии господствующих феодальных сословий. В «Естественной политике» имеется отдельный параграф, посвященный критике сословных преимуществ. Гольбах доказывает, что сословный дух всегда был и будет противоположен духу солидарности общества. Исключительное положение и права отдельных лиц он считает неиссякаемым источником бедствий народа, нарушением справедливости, увековечением социального неравенства. По его словам, «допускать, чтобы от закона уклонялись великие мира сего, и пользоваться законом для подавления простых людей — не значит ли это заставлять презирать и ненавидеть его? Что за понятие о справедливости должны себе составить в тех странах, где дворянство, состоящее из самых богатых граждан, освобождено от уплаты налогов, в то время как бедные люди обременены ими» (II, 192—193).

Критика феодальной системы сочеталась у Гольбаха со смелым разоблачением деспотической королевской власти. Автор «Естественной политики» отлично понимал, какую роль играла королевская власть в сохранении феодальных отношений, в уничтожении демократических свобод, в жестокой расправе с тем, кто подымал голос протеста против отжившего социального порядка и антинародной власти. Гольбах безоговорочно отрицал абсолютную монархию. Он опровергал и осмеивал попытки обожествления личности и прав монарха. Опираясь на теорию естественного договора, Гольбах доказывал земное происхождение государственной власти, ответственность правителей перед народом. Государственная власть, писал Гольбах, возникла в силу формального или молчаливого договора, заключенного людьми для охраны их коренных интересов. Во имя осуществления этой цели обще-

ство выбирает доверенных людей, которых делает выразителями своей воли, и вручает им власть, необходимую для того, чтобы заставить выполнить ее. «Таково происхождение всякого правительства, являющегося законным лишь тогда, когда оно основывается на добровольном согласии общества. Без такого согласия правительство осуществляет лишь насилие, узурпацию, разбой» (I, 172). Отсюда, как увидим ниже, Гольбах заключает, что народ имеет право свергнуть власть, которая действует в ущерб его интересам.

Итак, Гольбах отрицал правомерность феодального строя и абсолютной монархии. Что же являлось его социально-политическим идеалом и какие средства он считал необходимыми для его осуществления? Что подразумевал он под разумно организованным обществом, которое должно прийти на смену феодализму? В первую очередь нужно отметить, что Гольбах, как и другие французские материалисты XVIII в., был далек от коммунистических идеалов, носителями которых в дореволюционной Франции выступили Мелье и несколько позднее и в другом плане Мабли и Морелли. Критика феодальной формы собственности отнюдь не означала для французских материалистов отрицания частной собственности вообще. Объективный смысл этой критики сводился к утверждению буржуазной собственности. Французские материалисты рассматривали право на обладание собственностью как неотъемлемое и священное право человека и не мыслили существование общества без частной собственности. В «Естественной политике», открыто полемизируя со сторонниками коммунистических идей, Гольбах пытается доказать вечность и неуничтожимость частной собственности, ее благотворное влияние на судьбы общества и личности. Гольбах, как теоретик буржуазии, относил право на собственность к числу наиболее существенных прав человека и само возникновение гражданского общества объяснял желанием людей обеспечить право частной собственности. Только собственник, утверждал он вслед за Дидро, является истинным гражданином.

Отвергая все формы сословно-политического неравенства, утверждая, что все люди должны быть равны

перед законом, Гольбах одновременно не отрицал необходимости и неизбежности имущественного неравенства. Он не разделял эгалитаристских взглядов Руссо, требовавшего перераспределения собственности и ее уравнения. Отрицая учение Гельвеция о природном равенстве умственных способностей, Гольбах из факта различной одаренности людей, из факта наличия у них различных задатков ошибочно заключал о неизбежности социальных различий между ними. Больше того, неравенство умственных и физических способностей Гольбах считал важнейшим условием существования общества, полагая, что люди с равными способностями и задатками не нуждались бы друг в друге (II, 100—101). В «Естественной политике» философ утверждает, что собственность имеет свою основу в человеческой природе и, поскольку природа создала людей неодинаковыми, размеры собственности должны быть у них неодинаковыми. В этих и сходных рассуждениях Гольбаха наиболее явно обнаруживается классовая природа его мировоззрения. Мысли Гольбаха о природной основе социального неравенства показывают, как далек он от научных представлений о подлинных источниках возникновения частной собственности, имущественного неравенства и классовой дифференциации. Но так же, как и Гельвеций, Гольбах страшился чрезмерного имущественного неравенства, понимал его опасность для общества. Вот почему, расходясь с физиократами, Гольбах полагал, что государство должно регулировать имущественные отношения, чтобы не допустить чрезмерного роста имущественного неравенства и поляризации граждан одного и того же общества (II, 519).

Мысли Гольбаха о необходимости более равномерного распределения частной собственности между гражданами будущего общества носили явно утопический характер. Это был неосуществимый проект ослабления социальной поляризации, внутренне присущей всякому, и в особенности буржуазному, эксплуататорскому обществу.

Из всего сказанного нетрудно заключить, что искомый Гольбахом идеальный общественный строй был не чем иным, как идеализированным буржуазным

обществом, которое давно уже складывалось и развивалось в недрах феодализма.

Остается выяснить, что понимал Гольбах под наиболее целесообразной формой политического правления. Отвергая абсолютную монархию, Гольбах отмечал ряд неоспоримых достоинств республиканского строя, но, как и многие другие французские просветители XVIII в., считал его осуществимым лишь в малых государствах.

Как идеолог революционной буржуазии, Гольбах, конечно, не мог разделять барски пренебрежительного отношения феодальной знати или даже верхушечных слоев буржуазии к народу. Гольбах неоднократно констатирует, что народ — самая многочисленная часть общества, что он составляет основу нации. Он создает все материальные блага. Своим тяжким трудом он же обеспечивает защиту страны от иноземного нашествия, в нем заключена вся сила общества (II, 243).

Вместе с тем Гольбах не свободен от буржуазных предубеждений по отношению к народу, когда идет речь о роли последнего в политической жизни общества, о его участии в государственном управлении. В «Естественной политике» и в других произведениях Гольбах не скрывает своего отрицательного отношения к народоправству, к сосредоточению власти непосредственно в руках народа. Глубоко расходясь с идеологом мелкобуржуазных слоев дореволюционной Франции Руссо, Гольбах с нескрываемым чувством настороженности и опасения относится к власти, которая была бы властью самого народа.

Симпатии Гольбаха были на стороне конституционной монархии, которая, по его мнению, способна наиболее эффективно и в строгом соответствии с законами управлять обществом, разделенным на людей с противоречивыми интересами. Совершенно естественно, что в условиях XVIII в. Гольбах должен был с большой симпатией говорить об английской конституционной монархии, но у мыслителя хватило прозорливости, чтобы не разделять восторженного отношения к английской форме правления, характерного для Монтескье и Вольтера. Вслед за Гельвецием, но несколько более

сдержанно он указывает на теневые стороны английской конституционной монархии и на ее возможное перерождение в силу роста влияния денег и связанную с этим коррупцию.

Достижимым идеалом для Франции Гольбах считал конституционную монархию во главе с просвещенным монархом. Справедливость требует отметить, что просвещенный монарх французских материалистов по предоставляемым ему правам и полномочиям мало отличался от будущего президента французской буржуазной республики. «...Необходимо,— писал Гольбах,— чтобы власть монарха всегда оставалась подчиненной власти представителей народа и чтобы эти представители сами постоянно зависели от воли уполномочивших их людей, от которых они получили все свои права и по отношению к которым они являются исполнителями, доверенными лицами, а отнюдь не хозяевами» (II, 149—150).

Достойно упоминания, что в «Естественной политике» Гольбах развивает интересную мысль о том, что форма политического правления необходимо зависит от размеров территории государства и его географического положения, от характера производства, а также от нравов и обычаев населяющего его народа (II, 151).

Как в «Системе природы», так и в «Естественной политике» и других произведениях Гольбах уделял большое внимание обоснованию буржуазной демократии, защите свободы слова и печати, свободы совести и т. п.

В духе лучших традиций передового буржуазного гуманизма Гольбах резко осуждал порабощение одного народа другим, отстаивал идею равенства народов независимо от их расового происхождения и географического расположения. Он клеймил позором порабощение колониальных народов, возмущающие человеческую совесть насилия над ними. Необходимо, писал Гольбах, чтобы колонии пользовались теми же правами и преимуществами, что и метрополия. Философ выражал уверенность, что будущее разумно организованное общество коренным образом изменит отношения, существующие между метрополией и колониями, навсегда уничтожит неравенство между народами.

Гольбах не мог предвидеть, что идущий на смену феодализму капиталистический строй доведет до крайних пределов угнетение колониальных народов, но он достаточно точно предсказал неизбежность отпадения колоний от метрополии и превращения их в самостоятельные и независимые государства. По мнению Гольбаха, метрополия, которая ведет себя как злая мачеха, должна ожидать, что жители колоний станут для нее мятежными детьми. Размышляя о судьбах Индии, Гольбах писал: «...быть может, в один прекрасный день индийцы, самими европейцами обученные военному делу и приученные к войне, изгонят со своих берегов людей, жадность которых сделала их ненавистными для жителей Индии» (II, 423).

С установлением разумного общественного строя Гольбах связывал свои надежды на прекращение войн между народами, расценивая их как самый страшный бич человечества. В самой категорической форме философ осуждал войны, предпринимаемые для порабощения и ограбления других народов. С позиций идеалистического понимания общественной жизни Гольбах, конечно, не мог вскрыть подлинные причины такого социального явления, как война. Тем не менее страницы «Естественной политики», посвященные резкому осуждению решения споров и конфликтов между различными странами с помощью насилия, до сих пор читаются с большим интересом. Гольбах ратует за неукоснительное соблюдение международного права и верность заключенным договорам. Он развивает ту мысль, что, точно так же как в отдельно взятом обществе каждый гражданин во имя своего интереса должен соблюдать интерес другого гражданина, взаимоотношения между государствами должны строиться на основе разумного эгоизма с мудрым соблюдением интересов другого государства во имя собственного спокойствия и процветания.

Гольбах признавал войну лишь в одном случае: если она ведется в оборонительных целях. «Война,— пишет он,— является справедливой и неизбежной только в том случае, если ее ведут, чтобы отразить нападение несправедливого захватчика, обуздать ярость

какой-нибудь безумствующей нации, остановить кровожадного и жестокого грабителя, стремящегося к завоеваниям, или подавить заговор завистников-соседей» (II, 459).

Очень современное звучание имеют предупреждения, адресованные Гольбахом государствам, которые в безумном порыве захотели бы добиться гегемонии в мире, попирая жизненные права других народов (и недооценивая силу их сопротивления). Имея в виду современную ему Англию, Гольбах писал: «Существует народ, который в приливе жадности словно задумал захватить в свои руки торговлю всего мира и стать собственником морей — план несправедливый и безумный, осуществление которого, если бы оно и было возможно, очень скоро привело бы руководствующуюся этим планом нацию к верной гибели» (II, 422—423).

Познакомившись с социально-политическим идеалом Гольбаха, мы смогли убедиться, что это был идеал буржуазного демократа, смело выступавшего против феодального строя. Но как представлял он себе осуществление своих заветных идей? Выбирал ли он путь реформ или путь насильственной революции?

Внимательное изучение работ Гольбаха, как и других французских материалистов XVIII в., показывает, что они хотели бы осуществления своей социально-политической программы путем просвещения правителей и народа. Все их симпатии были на стороне мирных реформ, осуществляемых сверху. Они боялись революционной активности народа. Многие страницы «Естественной политики» посвящены осуждению попыток насильственного изменения существующей формы правления со стороны отдельных лиц или групп людей. Судьбы общества, неустанно твердит Гольбах, должны быть решены самим обществом, и притом по возможности мирными средствами. В «Естественной политике» Гольбах в отдельном параграфе доказывает «опасность волнений» (II, 183—185).

Тем не менее идея насильственного ниспровержения тиранической формы правления обществом не исключается Гольбахом. Если исчерпаны все мирные средства оздоровления общества, если существующая

власть в необузданном порыве угрожает существованию нации, если есть уверенность, что восстание может быть победоносным, тогда общество вправе мерами насилия вернуть утраченную свободу и должно сделать это. «Революция и революционные потрясения, конечно, являются для общества бедствиями, и потому оно может прибегать к ним только для достижения достаточно значительного, прочного и продолжительного благополучия, возмещающего временное нарушение спокойствия» (II, 158—159).

Возвращаясь к поставленному нами вопросу о том, как представлял себе Гольбах осуществление разумного строя, мы можем, следовательно, ответить: не исключая насильственную революцию как опасное средство избавления от феодализма и феодального абсолютизма, он уповал на эволюционное и мирное развитие общества. Слова Гольбаха о том, что более совершенная политика может появиться только как медленно созревающий плод опыта веков и что только такая политика постепенно оздоровит человеческие учреждения, сделав людей более разумными и счастливыми (II, 86), выражают его подлинные желания. Субъективно ни Гольбах, ни его единомышленники не были революционерами, хотя объективно их учения играли весьма революционную роль, идейно подготовив французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг. Идеи, изложенные в «Системе природы» и в «Естественной политике», содействовали формированию важнейших лозунгов этой революции.

В течение двух столетий Гольбах вызывал и вызывает к себе чувство непримиримой ненависти со стороны всех ретроградов и реакционеров, со стороны всех поборников идеализма, мистики, человеконенавистничества. Тем более он дорог для тех, кто борется за науку, за научное мировоззрение, за подлинные гуманистические принципы, за общественный прогресс.

Х. Н. Момджян

СИСТЕМА ПРИРОДЫ, ИЛИ О ЗАКОНАХ МИРА ФИЗИЧЕСКОГО И МИРА ДУХОВНОГО

Naturae rerum vis atque majestas in omnibus momentis fide caret, si quis modo partes eius, ac non totam complectatur animo.

PLIN., HIST. NAT., LIB. VII

Познание силы и величия природы всегда лишено достоверности, если обращают внимание только на ее части, а не рассматривают ее в целом.

ПЛИНИЙ, ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КН. VII

СООБЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Рукопись публикуемого труда находилась среди многих других в собрании одного ученого — большого любителя коллекционировать произведения такого рода. Вот что сообщает нам заметка, находящаяся в начале копии, с которой печаталась книга:

«Лица, очень близкие покойному г-ну Мирабо, постоянному секретарю Французской Академии наук, а также тесно связанные с его другом де Мата, которого смогла разлучить с ним только смерть, приписывают это произведение г-ну Мирабо. Этим лицам мы обязаны следующими подробностями, касающимися автора и его рукописей.

Кроме признанных и известных трудов, которые принесли г-ну Мирабо заслуженную добрую славу, в годы молодости по выходе из духовного общества священников Оратории, где он жил несколько лет, Мирабо, как говорят, написал много других сочинений. Эти очень смелые сочинения по крайней мере при жизни автора не были предназначены для печати. Более того, когда г-н Мирабо был назначен воспитателем к принцессам Орлеанского дома, он решил уничтожить бóльшую часть рукописей, которые могли подвергнуть его опасности. Однако неверность некоторых друзей, которым он доверил свои работы, помешала ему осуществить эту предосторожность, и некоторые из его рукописей, не предназначавшиеся к печати, были без ведома философа неосторожно опубликованы при его жизни. К их числу относится труд «Мир, его происхождение и его

древность» в трех частях, вышедший в свет в 1751 г. Еще несколько отрывков, принадлежащих перу того же автора, можно найти в небольшом сборнике, опубликованном тайно и весьма некорректным по отношению к автору способом в 1743 г., под названием «Nouvelles Libertés de penser» («Новые духовные свободы»). Как бы то ни было, как только у г-на Мирабо стало больше свободного времени, он возобновил свои занятия философией и даже посвятил ей себя целиком. Говорят, что именно тогда он написал «Систему природы» — труд, которому он до самой смерти отдавал все свои силы и который в кругу самых близких друзей называл своим «Завещанием». Действительно, в этом труде, самом смелом и необыкновенном, какой мог до сих пор создать человеческий ум, г-н Мирабо, можно сказать, превзошел самого себя. Объем научных сведений и исследований, результаты которых изложены в этом труде, дает все основания полагать, что автор воспользовался познаниями своих друзей, а также что многие примечания были добавлены позднее.

Вот заглавия других неопубликованных трудов, которые приписывают тому же автору: 1) «Жизнь Иисуса Христа», 2) «Беспристрастные размышления о Евангелии», 3) «Мораль природы», 4) «Краткая история древнего и современного духовенства», 5) «Взгляды древних на евреев». Последняя из названных работ в совершенно искаженном виде была опубликована Ж. Ф. Бернаром в сборнике, вышедшем в 1740 г. в Амстердаме в виде двух маленьких томиков форматом in 12° под названием «Dissertations mêlées» («Рассуждения на различные темы»).*

Что касается мнения о г-не Мирабо, то все те, кто его знал, всегда восхищались его безукоризненной честностью, искренностью, прямотой — словом, его общественными добродетелями и моральной чистотой. Г-н Мирабо умер в Париже в возрасте 85 лет 24 июня 1760 г.»

---

* *«Беспристрастные размышления о Евангелии» и «Взгляды древних на евреев» были опубликованы в 1769 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Человек несчастен лишь потому, что отрекся от природы. Его ум до того заражен предрассудками, что его можно было бы считать навсегда обреченным на заблуждения. Повязка предубеждений, которую на него накладывают с детства, прикреплена столь прочно, что лишь с величайшим трудом можно сорвать ее. Ко всем его познаниям примешивается какое-то гибельное бродило, неизбежно делающее их зыбкими, темными, ложными. Человек, на свое несчастье, захотел переступить границы своей сферы; он попытался проникнуть за пределы видимого мира — и тщетно неоднократные и жестокие падения раскрывали ему безумие его затеи. Он захотел быть метафизиком, прежде чем стать физиком, пренебрег реальностью, чтобы размышлять над призраками, презрел опыт, чтобы упиваться умозрительными системами и гипотезами. Он не осмелился просвещать свой разум, против которого его настроили с ранних лет, и, вместо того чтобы помышлять о счастье на земле, всеми силами стремился узнать, какой будет его судьба в воображаемой загробной жизни. Одним словом, человек отвернулся от изучения природы и предпочел погоню за призраками, которые подобно блуждающим огням, встречающимся ночью путнику, устрашили его, ослепили и заставили покинуть ту простую дорогу истины, свернув с которой он не сможет достигнуть счастья.

Поэтому важно постараться разрушить иллюзии, способные только сбить нас с пути. Пора начать черпать

в природе целебные средства против бедствий, причиненных нам исступленной фантазией. Руководимый опытом, разум должен наконец поразить предрассудки, жертвой которых так долго был человеческий род, в их источнике. Пора, чтобы столь несправедливо униженный разум бросил этот малодушный тон, делающий его как бы соучастником обмана и безумия. Истина одна[1]; она необходима человеку, она никогда не может повредить ему; ее непреоборимая сила рано или поздно обнаружится. Поэтому нужно раскрыть людям истину, показать им ее притягательную силу, внушить отвращение к постыдному культу заблуждения, которое, скрываясь в образе истины, слишком часто становится объектом их поклонения. Блеск истины может резать глаза лишь врагам человеческого рода, чья власть сильна только глубоким невежеством, в котором они держат умы людей.

Не к этим испорченным людям должна обратиться истина; ее голос может быть услышан только добродетельными людьми, способными мыслить и достаточно чувствительными, чтобы испытывать скорбь при виде бесчисленных бедствий, навлекаемых на землю религиозной и политической тиранией; людьми, достаточно проницательными, чтобы разглядеть бесконечную цепь злополучий, которые заблуждение во все времена заставляло терпеть удрученное человечество. Именно заблуждению мы обязаны тяжелыми цепями, которые повсюду куют народам тираны и жрецы. Именно заблуждению мы обязаны рабством, до которого доведены почти во всех странах народы, предназначавшиеся природой для свободного труда ради своего счастья. Именно заблуждению мы обязаны религиозными страхами, от которых люди повсюду чахнут в вечной тревоге и из-за которых они во имя каких-то призраков убивают друг друга. Именно заблуждение — виновник той застарелой ненависти, тех варварских преследований, тех непрестанных убийств и возмущающих души трагедий, местом действия которых — якобы во имя интересов неба — столько раз становилась земля. Наконец, по вине освященных религией заблуждений человек остается в неведении относительно своих очевиднейших

обязанностей и своих неотъемлемых прав, не знает самых бесспорных истин. Почти повсюду человек какой-то лишенный величия духа, разума, доблести жалкий узник, которому бесчеловечные тюремщики никогда не позволяют видеть дневного света.

Постараемся же рассеять туман, мешающий человеку твердой поступью идти по тропинке жизни, внушим ему мужество и уважение к своему разуму. Пусть он узнает свою сущность и свои законные права, пусть станет искать ответа у опыта, а не у воображения, сбитого с пути авторитетом, пусть откажется от предрассудков своего детства, пусть построит свою нравственность на своей природе, на своих потребностях, на реальных преимуществах, обеспечиваемых ему жизнью в обществе. Пусть он осмелится любить самого себя, пусть трудится ради своего собственного счастья, трудясь ради счастья других. Одним словом, пусть он станет рассудительным и добродетельным, чтобы быть счастливым здесь, на земле, и оставит опасные или бесполезные фантазии. Если же ему нужны вымыслы, то пусть он по крайней мере позволит другим создавать себе другие, отличные от его собственных иллюзии, пусть он, наконец, поймет, что самое важное для жителей этого мира быть справедливыми, милосердными, миролюбивыми и нет решительно ничего менее интересного, чем их мнения о вещах, недоступных разуму.

Таким образом, цель этой книги — вернуть человека к природе, сделать для него дорогим разум, заставить любить добродетель, рассеять мрак, скрывающий от него единственную дорогу, которая может верно привести к цели его стремлений — счастью. Таковы искренние намерения автора. Добросовестно относясь к своей задаче, он излагает читателю лишь такие идеи, которые после серьезного и зрелого размышления представляются ему полезными для спокойствия и благополучия людей и благоприятными прогрессу человеческой мысли. Поэтому он приглашает читателя обсудить его принципы. Автор не только не желает разорвать священные узы морали, но, наоборот, рассчитывает укрепить их и отвести добродетели место на алтарях, которые

обман, самообман и страх воздвигали до сего времени опасным призракам.

Стоя у края могилы, давно уже подготовлявшейся ему временем, автор дает самое торжественное заверение в том, что в своем труде он имел в виду лишь благо своих ближних. Его единственная честолюбивая мечта — заслужить признание небольшого круга сторонников истины и добродетельных лиц, искренне ищущих ее. Он пишет не для тех глухих к голосу разума людей, которые в своих суждениях сообразуются лишь со своими низменными интересами или пагубными предрассудками. Его охладевшему праху нечего будет бояться ни их воплей, ни их злопамятства, столь страшных для всех тех, кто осмеливается еще при жизни провозгласить истину.

О ПРИРОДЕ И ЕЕ ЗАКОНАХ, О ЧЕЛОВЕКЕ, О ДУШЕ И ЕЕ СПОСОБНОСТЯХ, О ДОГМАТЕ БЕССМЕРТИЯ, О СЧАСТЬЕ

Глава I

О ПРИРОДЕ

Люди всегда будут заблуждаться, если станут пренебрегать опытом ради порожденных воображением систем[1]. Человек — произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам, не может освободиться от нее, не может — даже в мысли — выйти из природы. Тщетно дух его желает ринуться за грани видимого мира, он всегда вынужден вмещаться в его пределах. Для существа, созданного природой и ограниченного ею, не существует ничего, помимо того великого целого, часть которого оно составляет и воздействия которого испытывает. Предполагаемые существа, будто бы отличные от природы и стоящие над ней, всегда останутся призраками, и мы никогда не сумеем составить себе правильных представлений о них, равно как и об их местопребывании и образе действий. Нет и не может быть ничего вне природы, объемлющей в себе все сущее.

Пусть же человек перестанет искать вне обитаемого им мира существа, способные дать ему то счастье, в котором ему отказывает природа. Пусть он изучает эту природу и ее законы, пусть созерцает ее энергию и неизменный образ действий. Пусть он применит свои открытия для достижения собственного счастья и молча подчинится законам, от действия которых ничто не

может его избавить. Пусть он согласится с тем, что не знает причин, окруженных для него непроницаемой завесой; пусть безропотно покорится велениям универсальной силы, которая никогда не возвращается вспять и никогда не может нарушить законы, предписанные ей ее собственной сущностью.

Мыслители явно злоупотребляли столь часто проводившимся различением между *физическим* человеком и человеком *духовным*. Человек есть чисто физическое существо; духовный человек — это то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения, т. е. по отношению к некоторым способам действий, обусловленным особенностями его организации[2]. Но разве эта организация не есть дело рук природы? Разве доступные ей движения или способы действий не являются физическими? Видимые действия человека, равно как и совершающиеся внутри его невидимые движения, порожденные его волей или мыслью, являются естественным результатом, неизбежным следствием его собственного устройства и получаемых им от окружающих существ импульсов. Все, что было придумано в ходе истории человеческой мыслью, чтобы изменить или улучшить жизнь людей и сделать их более счастливыми, всегда было лишь неизбежным результатом собственной сущности человека и воздействующих на него живых существ. Все наши учреждения, наши размышления и познания имеют своей целью только доставить нам то счастье, к которому нас заставляет непрестанно стремиться наша собственная природа. Все, что мы делаем или мыслим, все, чем мы являемся и чем мы будем, всегда лишь следствие того, чем нас сделала всеобъемлющая природа. Все наши идеи, желания, действия представляют собой необходимый результат сущности и качеств, вложенных в нас этой природой, и видоизменяющих нас обстоятельств, которые она заставляет нас испытывать. Одним словом, *искусство* — это та же природа, действующая с помощью созданных ею орудий.

Природа посылает человека голым и беспомощным в этот мир, призванный быть его местопребыванием. Вскоре он начинает носить в виде одеяния шкуры,

а затем мало-помалу прясть золото и шелк. Существу, которое жило бы в заоблачных высотах и оттуда могло созерцать человеческий род со всеми его изменениями и прогрессом, люди казались бы одинаково подчиненными законам природы как тогда, когда они совершенно нагие бродят в лесах, с трудом добывая себе пищу, так и тогда, когда, живя в цивилизованных, т. е. более богатых опытом, обществах и утопая под конец в роскоши, они с каждым днем измышляют тысячи новых потребностей и открывают тысячи новых способов удовлетворять их. Все, что мы делаем для изменения своего существа, является лишь длинной цепью причин и следствий, представляющих собой только развитие полученных нами от природы первичных импульсов. Одно и то же животное в силу своей организации последовательно переходит от простых потребностей к потребностям более сложным, являющимся тем не менее продуктом его природы. Так, бабочка, красотой которой мы восхищаемся, представляет собой вначале неодушевленное яйцо; под действием теплоты из него выходит червяк, который становится куколкой, а затем превращается в крылатое насекомое, принимающее самую яркую окраску; достигнув этой формы, бабочка размножается; наконец, лишившись своих украшений, она вынуждена исчезнуть, исполнив задачу, возложенную на нее природой, и совершив цикл тех превращений, которые природа начертала для существ ее вида.

Аналогичные превращения и изменения мы наблюдаем и у всех растений. Так, в результате сочетания ткани и первичной энергии, вложенной природой в алоэ, это растение, незаметно выросши и изменившись, по истечении длинного ряда лет производит цветы, возвещающие о его близкой смерти.

То же самое можно сказать о человеке, который при всех испытываемых им изменениях и превращениях всегда поступает лишь согласно законам, свойственным его организации и веществам, из которых составила его природа. Физический человек — это человек, действующий под влиянием причин, распознаваемых нами с помощью наших чувств. Духовный человек —

это человек, действующий под влиянием физических причин, познать которые нам мешают наши предрассудки. Дикий человек — это дитя, лишенное опыта, неспособное работать для своего счастья. Цивилизованный человек — это человек, которому опыт и общественная жизнь дают возможность использовать природу для своего собственного счастья. Просвещенный, добродетельный человек — это человек, достигший зрелости, или совершенства*. Счастливый человек — это такой человек, который умеет пользоваться благодеяниями природы. Несчастный человек — это человек, который не умеет пользоваться ее благодеяниями.

Следовательно, во всех своих исканиях человек должен прибегать к опыту и физике: их советами он должен пользоваться в своей религии и морали, в своем законодательстве, в своей политике, в науках и искусствах, в своих удовольствиях и страданиях. Природа действует по простым, единообразным, неизменным законам, познать которые позволяет нам опыт. Посредством наших чувств мы связаны со всеобъемлющей природой, с их помощью мы можем изучать ее опытным путем и раскрывать ее тайны. Но лишь только мы покидаем опыт, как низвергаемся в пустоту, где нас сбивает с пути наше воображение.

Все заблуждения людей — это заблуждения в области физики; люди обманываются лишь тогда, когда пренебрегают природой, не желают считаться с ее законами и призывать к себе на помощь опыт. Так, не имея опыта, они составили себе несовершенные представления о материи, ее свойствах, сочетаниях и силах, ее способе действия, или энергии, вытекающей из ее сущности. Поэтому вся вселенная стала для них ареной иллюзий. Они не поняли природы и ее законов, не увидели необходимых путей, начертанных ею для всего, что в ней заключено. Мало того! Они не поняли самих себя; все их системы, гипотезы, рассуждения, лишен-

---

* Цицерон говорит: «Est autem virtus nihil aliud quam in se perfecta et ad summum perducta natura». («De legibus», cap. I.)
[«Добродетель не что иное, как совершенная в себе и доведенная до своей вершины природа». («О законах», гл. I.)]

ные основы опыта, представляют собой лишь сплошную сеть заблуждений и нелепостей.

Всякое заблуждение пагубно; впав в заблуждение, человеческий род стал несчастным. Не познав природы, он создал себе богов, которые стали единственными предметами его надежд и опасений. Люди не поняли, что эта природа, лишенная как доброты, так и злобы, создавая и разрушая существа, сразу же заставляя страдать тех, кого она наделила чувствительностью, распределяя между ними блага и бедствия, непрерывно изменяя эти существа, следует лишь необходимым и непреложным законам. Они не поняли, что человек должен искать в самой природе и в своих собственных силах средства удовлетворения своих потребностей, лекарства от своих страданий и пути к счастью. Они ожидали этих вещей от каких-то воображаемых существ, в которых видели виновников своих удовольствий и страданий. Отсюда ясно, что теми неизвестными силами, перед которыми так долго трепетал человеческий род, и суеверными вероучениями, которые были источниками всех его бедствий, люди обязаны незнанию природы.

Из-за незнания собственной природы и собственных стремлений, своих потребностей и прав человек, живя в обществе, утратил свободу и стал рабом. Он отрекся от желаний своего сердца или счел необходимым заглушить их и пожертвовать своим благополучием прихотям своих вождей. Он не понял цели общества и правительства, безоговорочно подчинился таким же, как он сам, людям, на которых под влиянием предрассудков стал смотреть как на существ высшего порядка, как на земных богов. Эти последние воспользовались его заблуждением, чтобы поработить его, развратить, сделать порочным и несчастным. Так вследствие незнания своей собственной природы род человеческий оказался порабощенным и стал жертвой дурных правительств.

Из-за незнания самого себя и необходимых отношений, существующих между ним и другими людьми, человек отрекся от своих обязанностей к ближним, не понял, что другие люди необходимы для его собствен-

ного счастья. Он не понял также своих обязанностей по отношению к самому себе, не усмотрел излишеств, которых должен избегать, чтобы добиться прочного счастья, не отличил страстей, которым должен сопротивляться, от тех, которым должен отдаться ради своего собственного счастья. Одним словом, он не понял своих истинных интересов. Этим объясняется беспорядочность его жизни, его невоздержность, его постыдные удовольствия и все пороки, которым он предался в ущерб своему здоровью и прочному благополучию. Таким образом, незнание человеческой природы помешало человеку уяснить себе задачи нравственности; впрочем, развратные правительства, которым он был подчинен, помешали бы ему осуществить на деле предписания морали, даже если бы он их знал.

Точно так же именно потому, что человек не исследовал природу и ее законы и не старался открыть ее свойства и ресурсы, он коснеет в невежестве или делает столь медленные и неверные шаги по пути к улучшению своей участи. Из-за лени он предпочитает руководствоваться скорее примером, рутиной, авторитетом, чем опытом, который побуждает к деятельности, и разумом, который требует размышления. Этим объясняется отвращение, питаемое людьми ко всему, что кажется им выходящим из рамок приличия, их тупое и рабское преклонение перед стариной и самыми бессмысленными учреждениями отцов; их тревога, когда им предлагают даже наиболее выгодные перемены и наименее рискованные опыты. Вот почему мы видим народы пребывающими в постыдной летаргии, стонущими под игом вековых злоупотреблений и трепещущими при одной мысли о том, что могло бы помочь их бедствиям. В силу той же лености духа и недостатка опыта медицина, физика, агрикультура — словом, все полезные науки так незаметно прогрессируют, так долго оставаясь под ярмом авторитета. Те, кто занимается этими науками, предпочитают идти давно проторенными дорогами, чем пролагать новые пути. Они предпочитают бредни своего воображения и свои вздорные гипотезы настойчивым экспериментам, которые одни могут вырвать у природы ее тайны.

Одним словом, так как люди из страха или из лени отказались от свидетельства своих чувств, то во всех своих поступках и начинаниях они стали руководствоваться лишь иллюзиями восторженного воображения, привычкой, предрассудками и особенно авторитетом, который сумел воспользоваться их невежеством, чтобы обмануть их. Фантастические системы заменили опыт, размышление, разум: души, потрясенные страхом, опьяненные верой в чудесное или же усыпленные ленью и руководимые легковерием, этим плодом отсутствия опыта, создали себе смехотворные взгляды или же приняли без критического рассмотрения любые вымыслы, которые вздумали им преподнести.

Так человеческий род, не познав природы и ее путей, пренебрегши опытом и разумом, пожелав чудесного и сверхъестественного и, наконец, исполнившись страха, долго оставался в младенческом возрасте, из которого ему приходится теперь выбираться с таким трудом. У людей были лишь ребяческие гипотезы, основания и доказательства которых они никогда не осмеливались обсуждать. Они привыкли считать эти гипотезы священными, общепризнанными истинами, в которых им не дозволено усомниться ни на мгновение. Невежество сделало их легковерными, а любознательность заставила с жадностью хвататься за все чудесное. Время утвердило их во всех этих верованиях, передавая от поколения к поколению догадки в качестве реальностей. Тираническая сила удерживала людей в этих воззрениях, ставших необходимыми для порабощения общества. В конце концов познания людей во всех областях стали одной сплошной грудой лжи, неясностей, противоречий, кое-где перемежающихся слабыми проблесками истины, доставленными природой, от которой люди никогда не могли окончательно удалиться, ибо нужда всегда приводила их к ней.

Поднимемся же над облаками предрассудков. Выйдем из окружающего нас густого тумана, чтобы рассмотреть взгляды людей, их различные учения. Будем остерегаться разгула воображения, возьмем в руководители опыт, обратимся к природе, постараемся почерпнуть в ней самой правильные понятия о заключающихся

в ней предметах. Прибегнем к содействию наших чувств, которые пытались сделать подозрительными в наших глазах; станем вопрошать разум, который бесстыдно оклеветали и унизили; будем внимательно созерцать видимый мир и посмотрим, не достаточно ли его, чтобы дать нам возможность судить о неведомых землях духовного мира. Может быть, мы найдем, что не было никаких оснований отличать друг от друга и разделять два царства, одинаково входящие в область природы.

Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам не известны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин.

Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства веществ, их различные сочетания и разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этих свойств и сочетаний, составляют для нас *сущность* всех явлений бытия, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, ряды или системы, в которые входят эти явления, в совокупности составляющие то, что мы называем *природой*.

Таким образом, природа, понимаемая в широчайшем смысле этого слова, есть великое целое, получающееся от соединения различных веществ, их различных сочетаний и различных движений, наблюдаемых нами во вселенной. Природа, понимаемая в более узком смысле или рассматриваемая в каждом отдельном явлении,— это целое, вытекающее из сущности, т. е. из свойств, сочетаний, движений или способов действий, отличающих данное явление от других. Так, человек есть некое вытекающее из комбинаций известных веществ, одаренных специфическими свойствами, целое, устройство, которое называется *организацией* и сущ-

ность которого в том, чтобы чувствовать, мыслить, действовать — одним словом, двигаться способом, отличающим человека от других существ, с которыми он себя сравнивает. В результате этого сравнения человек относит себя к существам особого порядка, системы, класса, отличающимся от класса животных, в которых он не замечает тех же самых свойств, что у себя. Различные системы существ, или, если угодно, их *специфические сущности*, зависят от общей системы, от великого целого, от всеобъемлющей природы, часть которой они составляют и с которой необходимо связано все существующее.

NB Определив, какой смысл надо связывать со словом Природа, считаю необходимым раз навсегда предупредить читателя о следующем: утверждая в этом сочинении, что природа производит некоторое действие, я вовсе не думаю олицетворять природу, являющуюся абстрактным бытием; я имею в виду, что действие, о котором идет речь, есть необходимый результат свойств какого-нибудь из явлений, составляющих видимое нами великое Целое. Поэтому, говоря: *природа хочет, чтобы человек трудился для своего счастья*, я выражаюсь так, чтобы избежать длинных оборотов и повторений, и хочу этим сказать лишь то, что чувствующее, мыслящее, желающее, действующее существо должно в силу своей сущности трудиться для своего счастья. Наконец, я называю *естественным* то, что сообразно с сущностью вещей или с законами, предписанными природой всем заключающимся в ней существам в зависимости от места, какое они занимают, и от различных обстоятельств, которым они подвержены. Так, здоровье *естественно* у человека в известном состоянии; при других обстоятельствах столь же *естественным* состоянием его является болезнь; смерть — это *естественное* состояние тела, лишенного некоторых веществ, необходимых для поддержания жизни животного, и т. д. Под *сущностью* я понимаю то, что делает данное тело или существо тем, чем оно является, т. е. сумму его свойств или качеств, согласно которым оно существует и действует так, а не иначе. Когда говорят, что в *сущности камня заключается то*,

что он падает, то это равносильно утверждению, что падение есть необходимое следствие его веса, его плотности, связи его частей или элементов, из которых он составлен. Одним словом, *сущность* какого-нибудь явления — это его своеобразная индивидуальная природа.

Глава II

О ДВИЖЕНИИ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ

Движение — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить местоположение, т. е. последовательно вступить в соответствие с различными частями пространства или же изменить свое расстояние по отношению к другим телам. Одно лишь движение устанавливает отношения между нашими органами и телами, находящимися внутри или вне нас; лишь по сообщаемым нам этими телами движениям мы узнаем об их существовании, судим об их свойствах, отличаем их друг от друга, распределяем их по разным классам.

Разнообразные существа, субстанции или тела, совокупность которых составляет природу, будучи сами следствиями известных сочетаний, или причин, в свою очередь становятся причинами. *Причина* — это тело или явление природы (être), приводящее в движение другое тело или производящее в нем какое-нибудь изменение. *Следствие* — это изменение, произведенное каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения.

Всякое тело способно в силу своей особенной сущности, или природы, производить, получать и сообщать различные движения; через посредство движения некоторые тела способны воздействовать на наши органы, а последние оказываются в состоянии получать впечатления от них или испытывать изменения в их присутствии. Те тела или существа, которые не могут воздействовать на наши органы ни непосредственно, т. е. сами по себе, ни опосредованно, т. е. через другие

тела, не существуют для нас, ибо они не в состоянии воздействовать на нас и, следовательно, доставлять нам идеи и не могут стать предметом нашего познания и суждения. Познать какой-нибудь предмет — значит почувствовать его; почувствовать его — значит испытать его воздействие. Видеть — значит испытать такое воздействие через посредство органа зрения; слышать — значит испытать такое воздействие с помощью органа слуха и т. д. Словом, как бы ни действовало на нас тело, мы познаем его лишь благодаря какому-нибудь изменению, произведенному им в нас.

Природа, как сказано, есть совокупность всех тел и всех движений, которые мы знаем, а также массы других, которых мы не можем познать, ибо они недоступны нашим чувствам. Из непрерывного действия и противодействия всех тел, входящих в природу, получается ряд причин и следствий, или движений, подчиненных постоянным и неизменным законам, которые свойственны всякому телу, необходимо присущи его особенной природе и благодаря которым оно действует или движется определенным образом. Различные принципы каждого из этих движений нам не известны, ибо мы не знаем, что первоначально составляет сущность этих тел. Так как элементы тел ускользают от наших органов чувств, мы знаем их только в целом, но не знаем их внутренних сочетаний и пропорций этих сочетаний, из которых неизбежно вытекают весьма различные способы действия, движения и следствия.

Вообще наши чувства обнаруживают в окружающих нас телах два рода движения: во-первых, движение масс, представляющее собой перемещение тел с одного места на другое; этого рода движение непосредственно доступно нашему наблюдению. Так, мы можем видеть, как падает камень, катится шар, движется, или меняет свое положение, рука. Но есть другое, внутреннее и скрытое движение, зависящее от свойственной известному телу энергии, т. е. от сущности, от сочетания, действия и противодействия невидимых молекул материи, из которых состоит это тело: это движение не обнаруживается нами непосредственно, мы знаем его лишь по изменениям и превращениям, замечаемым по истечении

некоторого времени в телах или смесях. Такого рода, например, те скрытые движения, которые вызываются брожением в молекулах муки: последние, первоначально будучи рассеянными, разрозненными, впоследствии связываются и образуют компактную массу, называемую нами *хлебом*. Такого же рода те неуловимые движения, благодаря которым растет, крепнет, видоизменяется, приобретает новые качества какое-нибудь растение или животное: наши глаза не способны проследить постепенные действия причин, порождающих эти следствия. Наконец, того же рода и те происходящие в человеке внутренние движения, которые мы называем его *умственными способностями*, *мыслями*, *страстями*, *желаниями* и о которых можем судить лишь по его поступкам, т. е. по видимым действиям, сопровождающим их или следующим за ними. Так, видя кого-нибудь бегущим, мы умозаключаем, что он внутренне охвачен чувством страха, и т. д. Как видимые, так и скрытые движения называются *приобретенными*, если они сообщены телу посторонней, существующей вне его причиной, или силой, заметить которую нам позволяют наши чувства. Так, мы называем *приобретенным* движение, сообщаемое ветром парусам какого-нибудь судна. Мы называем *самопроизвольными* движения, происходящие в теле, заключающем в самом себе причину наблюдаемых нами в нем изменений. В этом случае мы говорим, что тело действует и движется в силу собственной энергии. Сюда относятся движения идущего, говорящего, думающего человека. Однако, если приглядеться пристальнее, мы убедимся, что, строго говоря, в различных телах природы вовсе нет самопроизвольных движений, ибо все они непрерывно действуют друг на друга и все происходящие в них изменения зависят от видимых или скрытых причин, воздействующих на них. Человеческая воля испытывает воздействие извне и скрытым образом определяется внешними причинами, производящими изменения в человеке. Мы воображаем, что эта воля действует сама собой, так как не видим ни определяющей ее причины, ни способа, каким она действует, ни органа, который она приводит в действие.

Мы называем *простыми* те движения, которые вызываются в теле одной-единственной причиной, или силой. Мы называем *сложными* те движения, которые производятся несколькими различными причинами, или силами, независимо от того, равны или не равны, действуют в одинаковом или в противоположном направлении, являются одновременными или следуют друг за другом, известны или неизвестны эти силы.

Каковы бы ни были движения тел, они являются необходимым следствием их сущности или их свойств и свойств тех причин, действие которых испытывают эти тела. Всякая вещь может действовать и двигаться только определенным образом, т. е. согласно законам, зависящим от ее собственной сущности, собственного сочетания и собственной природы — словом, от ее собственной энергии и энергии тел, воздействующих на нее. Именно в этом и заключаются *неизменные* законы движения; я говорю *неизменные*, ибо они не могут измениться без радикального изменения самой сущности тел. Так, тяжелое тело непременно должно упасть, если не встретит препятствия, способного остановить его в падении. Так, одаренное чувствительностью существо непременно должно искать удовольствий и избегать страданий. Так, вещество огня непременно должно жечь и распространять свет и т. д.

Таким образом, всякое тело имеет свойственные ему законы движения и постоянно действует согласно этим законам, если только более сильная причина не приостанавливает его действий. Так, огонь перестает сжигать горючие вещества, как только прибегают к воде, чтобы приостановить его действие. Так, одаренное чувствительностью существо перестает стремиться к удовольствию при первом опасении, что это причинит ему зло.

Сообщение движения, или переход действия от одного тела к другому, также происходит по определенным и необходимым законам. Всякое тело может сообщить движение другим телам лишь в силу сходства, соответствия, подобия, которые оно имеет с ними. Огонь распространяется лишь тогда, когда встречает

вещества, содержащие в себе сходные с ним начала; он гаснет, когда встречает тела, которые не может зажечь, так как они не вступают с ним в определенное отношение.

Все во вселенной находится в движении. Сущность природы заключается в том, чтобы действовать; если мы станем внимательно рассматривать ее части, то увидим, что среди них нет ни одной, которая находилась бы в абсолютном покое. Те, которые представляются нам лишенными движения, находятся в действительности лишь в относительном или кажущемся покое. Они испытывают столь неуловимые и малые движения, что мы не можем заметить их изменений*. Все, что кажется нам находящимся в покое, в действительности ни на мгновение не остается в одном и том же состоянии: все существа непрерывно рождаются, растут, убывают в росте и исчезают с большей или меньшей быстротой. Насекомое-однодневка рождается и гибнет в один и тот же день; следовательно, оно очень быстро испытывает значительные изменения своего существа. Сочетания, образуемые самыми твердыми телами и находящиеся, как кажется, в совершеннейшем покое, разлагаются и распадаются с течением времени; самые твердые камни мало-помалу разрушаются от соприкосновения с воздухом; заржавевшая, изгрызенная временем масса железа должна была находиться в движении на протяжении всех лет, протекших от ее образования внутри земли до того момента, когда мы застаем ее в этом состоянии разложения.

Большинство физиков, по-видимому, недостаточно внимательно размышляли о том, что они называют низусом (nisus), т. е. о непрерывных воздействиях, оказываемых друг на друга телами, как будто пребывающими в покое. Камень в 500 фунтов весом кажется

---

* Эта истина, в которой как будто еще сомневается столько мыслителей, была доказана в одном из сочинений знаменитого Толанда, появившемся на английском языке в начале этого века [XVIII в.— *Ред.*] под названием «Letters to Serena» («Письма к Серене»). Лица, знакомые с английским языком, могут, если у них имеются еще какие-нибудь сомнения по данному вопросу, обратиться к этому произведению.

нам находящимся в покое на земле, однако он ни на минуту не перестает с силой давить на эту землю, которая в свою очередь оказывает ему сопротивление, или отталкивает его. Быть может, скажут, что этот камень и эта земля не действуют друг на друга? Чтобы разувериться в этом, достаточно поместить руку между камнем и землей; нетрудно убедиться, что этот камень, несмотря на его кажущийся покой, обладает силой, достаточной, чтобы раздробить руку. В телах не может быть действия без противодействия. Тело, испытывающее какой-нибудь толчок, притяжение или давление, которым оно сопротивляется, самим этим сопротивлением показывает нам свое противодействие. Отсюда следует, что в данном случае существует некоторая скрытая сила (vis inertiae), которая направлена против другой силы, и это с очевидностью доказывает, что сила инерции способна эффективно действовать и противодействовать. Наконец, ясно, что силы, называемые *мертвыми*, и силы, именуемые *живыми*, или *движущими*, представляют собой явления одного и того же рода, которые только обнаруживают себя различным образом*.

---

* «Actioni aequalis et contraria est reactio». (*Bilfinger*, De Deo, Anima et Mundo, § 218, p. 241.) [«Противодействие равно и противоположно действию». (*Бильфингер*[1], О боге, душе и мире, § 218, стр. 241.)] К этому комментатор добавляет: «Reactio dicitur actio patientis in agens, seu corporis in quod agitur actio in illud, quod in ipsum agit. Nulla autem datur in corporibus actio sine reactione: dum enim corpus ad motum sollicitatur, resistit motui atque hac ipsa resistentia reagit in agens. Nisus se exercens adversus nisum agentis, seu vis illa corporis, quatenus resistit, internum resistentiae principium, vocatur vis inertiae, seu passiva. Ergo corpus reagit vi inertiae. Vis igitur inertiae et vis motrix in corporibus una eademque est vis, diverso tamen modo se exercens... Vis autem inertiae consistit in nisu adversus nisum agentis se exercente» etc. [«Противодействием называется действие тела, испытывающего воздействия, на воздействующее тело, или действие тела, на которое производится действие, на тело, которое действует. В телах никогда не бывает действия без противодействия; поэтому, когда тело побуждается к движению, оно сопротивляется последнему и это сопротивление оказывает обратное действие на воздействующее тело. Усилие, направленное против усилия воздействующего тела, сила тела, благодаря которой оно оказывает сопротивление, внутреннее начало сопротивления,

Но нельзя ли сделать еще один шаг вперед и сказать, что в телах и массах, которые кажутся нам в целом покоящимися, имеются, однако, непрерывные действия и противодействия, постоянные усилия, непрекращающиеся сопротивления и импульсы — одним словом, низусы, при помощи которых части этих тел давят друг на друга, оказывают друг другу сопротивление, непрерывно действуют и противодействуют. Именно благодаря этому такие части удерживаются вместе и образуют массы, тела, сочетания, которые кажутся нам в целом покоящимися, между тем как в действительности ни одна из их частей не перестает действовать. Тела кажутся покоящимися лишь благодаря равенству действующих на них сил.

Таким образом, даже те тела, которые кажутся пребывающими в самом полном покое, в действительности испытывают на своей поверхности или внутри себя непрерывные импульсы от тел, которые проникают в них, расширяют, разрежают, сгущают их, наконец, даже от таких, из которых они состоят. Благодаря этому части тел находятся в действительности в непрерывном взаимодействии, или движении, результаты чего обнаруживаются в конце концов в виде очень заметных изменений. Теплота расширяет и разжижает металлы; отсюда следует, что какая-нибудь полоса железа в силу одних лишь атмосферных колебаний должна находиться в непрерывном движении и в ней нет ни одной частицы, пребывающей хотя бы мгновение в настоящем покое. Действительно, можно ли представить себе, чтобы на одну, хотя бы и внешнюю, частицу твердых тел, все части которых соприкасаются и примыкают друг к другу, оказывали воздействие воздух, холод и тепло и при этом движение не передавалось от точки к точке до самых потаенных частей данных тел? Можно ли понять, не допуская движения,

---

называется силой инерции, или пассивной силой. Следовательно, тело противодействует благодаря силе инерции. Таким образом, сила инерции и движущая сила тела одно и то же, только обнаруживаются различным образом... Сила же инерции заключается в усилии, направленном против усилия воздействующего тела, обнаруживающемся» и т. д.]

воздействие на наш орган обоняния истечений, исходящих от крайне твердых тел, все части которых кажутся нам пребывающими в покое? Наконец, разве могли бы наши глаза видеть с помощью телескопа отдаленнейшие светила, если бы от этих светил до нашей сетчатки не доходило устремленное вдаль движение?

Одним словом, дополняемое размышлением наблюдение должно убедить нас в том, что все в природе находится в непрерывном движении; что нет ни одной ее части, которая пребывала бы в настоящем покое; наконец, что природа представляет собой действующее целое, которое перестало бы быть природой, если бы не действовало, и в котором при отсутствии движения ничто не могло бы происходить, сохраняться, действовать. Итак, идея природы необходимым образом заключает в себе идею движения. Но, спросят нас: откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать. Мы скажем, что движение — это способ существования (façon d'être), необходимым образом вытекающий из сущности материи; что материя движется благодаря собственной энергии; что она обязана своим движением внутренне присущим ей силам; что разнообразие ее движений и вытекающих отсюда явлений происходит от различия свойств, качеств, сочетаний, первоначально заключающихся в разнообразных первичных веществах, совокупностью которых является природа.

Большинство физиков считали неодушевленными или лишенными способности двигаться те тела, которые приводятся в движение лишь с помощью какого-нибудь агента, или внешней причины. Отсюда они сочли возможным заключить, будто составляющая эти тела материя совершенно инертна по своей природе. Они не хотели расстаться с этим заблуждением, хотя и видели, что всякий раз, когда какое-нибудь тело предоставлено самому себе или освобождено от препятствий, мешающих его действию, оно стремится упасть, или приблизиться к центру земли посредством равномерно ускоренного движения. Они предпочитали

допустить какую-то воображаемую внешнюю причину, о которой не имели никакого представления, чем признать, что эти тела обладают движением по своей природе.

Точно так же, хотя эти мыслители видели над своими головами бесчисленное количество огромных шаров, очень быстро движущихся вокруг общего центра, они не переставали выдумывать фантастические причины этих движений, пока бессмертный Ньютон не доказал, что такие движения являются следствием взаимного *тяготения* небесных тел *. Между тем весьма простое наблюдение могло бы заставить физиков доньютоновской эпохи понять, как недостаточны допускавшиеся ими причины для того, чтобы произвести столь значительные следствия. Наблюдая столкновение тел и исходя из известных законов движения, они могли бы убедиться, что последнее всегда передается в соответствии с плотностью тел, из чего им пришлось бы неизбежно заключить, что так как плотность *тонкой*, или *эфирной*, материи бесконечно меньше плотности планет, то она способна сообщить им лишь ничтожное движение.

Если бы к наблюдению природы подходили без предрассудков, то давно убедились бы, что материя действует своими собственными силами и не нуждается ни в каком внешнем толчке, чтобы прийти в движение;

---

* Физики, включая самого Ньютона, считали необъяснимой причину тяготения; между тем ее, по-видимому, можно вывести из движения материи, которое различным образом определяет тела. Тяготение — это некий вид движения, это стремление к центру. Строго говоря, всякое движение есть относительное тяготение; то, что падает по отношению к нам, поднимается по отношению к некоторым другим телам. Отсюда следует, что всякое движение во вселенной есть результат тяготения, ибо во вселенной нет абсолютного верха, низа, центра. Кажется, что тяжесть тел зависит от их внешней и внутренней конфигурации, сообщающей им тот вид движения, который называется *тяготением*. Свинцовая пуля, имея шарообразную форму, падает быстро и прямо; эта же пуля, превращенная в очень тонкую пластинку, будет дольше держаться в воздухе; под действием же огня этот свинец поднимается вверх. Мы видим, как один и тот же свинец принимает различный вид и в связи с этим действует совершенно различным образом.

заметили бы, что всякий раз, когда смеси различных материальных веществ оказываются в состоянии воздействовать друг на друга, сейчас же возникает движение и что смеси эти действуют с силой, способной производить самые поразительные эффекты. Если смешать железные опилки, серу и воду, то эти вещества, приведенные таким образом в соприкосновение, малопомалу нагреваются и в конце концов воспламеняются. Если увлажнить муку водой и закрыть эту смесь, то через некоторое время можно убедиться с помощью микроскопа, что она произвела организованные существа[2], обнаруживающие жизнь, на которую считали неспособной муку и воду*. Так неодушевленная материя может перейти в состояние жизни, в свою очередь являющейся лишь совокупностью движений.

Порождение движения или его распространение, а также энергию материи можно заметить в особенности во всех тех сочетаниях, куда совместно входят огонь, воздух и вода; эти элементы или, вернее, смеси, будучи самыми летучими и быстротечными из тел, являются, однако, в руках природы главными действующими силами, или агентами, порождающими наиболее поразительные из ее явлений: они вызывают гром, вулканические извержения, землетрясения. Наука дает нам в виде пороха, соединенного с огнем, образчик агента изумительной силы. Одним словом, комбинируя вещества, почитаемые мертвыми и косными, мы получаем самые грозные последствия.

Все эти факты неопровержимо доказывают нам, что движение возникает, увеличивается и ускоряется в материи без вмешательства какого бы то ни было внешнего агента; и мы вынуждены заключить на основании этого, что движение есть необходимое следствие неиз-

---

* См. «*Наблюдения с помощью микроскопа*» г. Нидгема, вполне подтверждающие этот взгляд. Разве для мыслящего человека показалось бы более чудесным создание человека необычным путем, чем это создание насекомого с помощью муки и воды? Брожение и гниение явно дают начало живым существам. Так называемое generatio aequivoca (самопроизвольное зарождение) таково лишь для тех, кто не желает внимательно наблюдать природу.

менных законов, сущности и свойств, присущих различным элементам и разнообразным сочетаниям этих элементов. Не вправе ли мы сделать отсюда вывод, что может существовать бесконечное множество других сочетаний, способных произвести в материи различные движения, причем нет никакой нужды в том, чтобы для их объяснения допускать существование агентов, познать которые труднее, чем приписываемые им действия?

Если бы люди внимательнее относились к тому, что происходит на их глазах, они не стали бы искать вне природы отличную от нее силу, которая будто бы привела ее в движение и без которой, как им казалось, в природе не могло возникнуть движение. Если под природой мы станем понимать груду мертвых, лишенных всяких свойств и чисто пассивных веществ, то, разумеется, нам придется искать вне этой природы принцип ее движений. Но если мы будем понимать под природой то, чем она является в действительности, а именно целое, разные части которого имеют разные свойства, действуют согласно этим свойствам, находятся в непрерывном взаимодействии, имеют вес и тяготеют к общему центру или удаляются по направлению к периферии, притягивают и отталкивают друг друга, соединяются и разъединяются, производят и разрушают своими непрерывными столкновениями и сближениями все наблюдаемые нами тела, тогда ничто не заставит нас прибегать к содействию сверхъестественных сил, чтобы понять образование наблюдаемых нами вещей и явлений*.

Те, кто допускает некоторую внешнюю по отношению к материи причину, обязаны предположить, что эта причина произвела все движения в этой материи, сообщив ей существование. Это предположение осно-

---

* Многие теологи признавали, что природа представляет собой некоторое активное целое: «Natura est vis activa seu motrix; hinc natura etiam dicitur vis totius mundi, seu vis universa in mundo». [«Природа — это активная, или движущая, сила; поэтому природой называется также сила всего мира, или универсальная сила в мире».] Bilfinger, De Deo, Anima et Mundo, p. 278.

вывается на другом, согласно которому материя могла начать существовать, т. е. на гипотезе, в пользу которой до сих пор никогда не было приведено солидных аргументов. Выведение из Ничего, или Творение, лишь слово, которое не может дать нам представления об образовании вселенной; оно не имеет никакого смысла, на котором мог бы остановиться наш разум*.

---

* Почти все древние философы единодушно признавали мир вечным. Окелл Лукан[3], говоря о вселенной, высказывается определенно: ἀεὶ δε γὰρ ἦν καί ἔσται — *она всегда была и будет*. Все те, кто согласится отказаться от предрассудков, должны будут признать силу принципа, что *из ничего не происходит ничто*. Ничто не может поколебать этой истины. Творение в том смысле, какое придают ему современные мыслители,— теологическая уловка. Еврейское слово barah переводится по-гречески в 70 толковниках через слово ἐποίησεν. Ватабль[4] и Гроций[5] утверждают, что первую еврейскую фразу первого стиха «Бытия» следует переводить так: «*Когда бог сделал небо и землю, материя была бесформенна*». «Le Monde, son origine et son antiquitè», cap. 2, p. 59. («Мир, его возникновение и возраст», гл. II, стр. 59.) Отсюда следует, что еврейское слово, переводившееся через *творить*, означает в действительности *формировать*, *оформлять*, *приводить в порядок*. Κτίζειν и ποιεῖν — *творить и делать* — всегда означали одно и то же. Согласно св. Иерониму[6], creare то же самое, что condere — *основывать*, *строить*. Библия нигде не говорит ясным образом, что мир был сделан из ничего. Тертуллиан признает это, а отец Пето[7] говорит, что эта истина установлена скорее в силу рассуждения, чем авторитета. *Beausobre*, Hist. du Manichéisme, t. I, p. 178, 206, 218. (*Бозобр*[8], История манихеизма, т. I, стр. 178, 206, 218.) Святой Юстин[9] считал, кажется, материю вечной, ибо он хвалит Платона за то, что последний сказал, будто бог при сотворении мира дал лишь толчок материи и придал ей форму. Наконец, Бернет[10] говорит в недвусмысленных выражениях: «Creatio et annihilatio hodierno sensu sunt voces fictitiae; neque enim occurrit apud Hebraeos, Craecos aut Latinos vox ulla singularis, quae vim istam olim habuerit». («Archaelog. philos». lib. 1, cap. 7, p. 374, Amst., 1699.) [«Творение и уничтожение в современном смысле — мнимые слова; у евреев, греков и латинян вовсе не встречаются слова, которые имели бы тогда подобное значение». («Философские археологии». Кн. I, ч. 7, стр. 374, Амстердам, 1699.)] «Очень трудно,— говорит один аноним,— не допустить вечности материи, так как человеческий ум не может понять, что было или будет время, когда не было или не будет ни пространства, ни протяженности, ни места, ни бездны и когда все сводилось или сведется к небытию». «Dissertations mêlées», t. 2, p. 74. («Рассуждения на различные темы», т. 2, стр. 74.)[11]

Это понятие становится еще более темным, когда творение, или образование, материи приписывают некоторому *духовному* существу, т. е. существу, которое не имеет с ней никакого сходства, никакой точки соприкосновения и, как мы скоро покажем, будучи лишено протяжения и частей, не может быть способно к движению, так как последнее представляет собой изменение положения тела по отношению к другим телам, при котором различные части движущегося тела последовательно совпадают с различными точками пространства.

Впрочем, все согласны с тем, что материя не может целиком погибнуть или перестать существовать. Но в таком случае, как же могло когда-либо начаться то, что не может перестать существовать.

Итак, если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда у материи появилось движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться вечно, так как движение — необходимый результат ее существования, сущности и таких первоначальных свойств, как протяжение, вес, непроницаемость, фигура и т. д. В силу этих существенных, основных, присущих всякой материи свойств, без которых о ней невозможно составить себе представление, различные вещества, из которых составлена вселенная, должны были от века давить друг на друга, тяготеть к некоторому центру, сталкиваться, встречаться, притягиваться и отталкиваться, соединяться и разлагаться — одним словом, действовать и двигаться различными способами в зависимости от сущности и энергии, свойственных каждому роду веществ и каждому из их сочетаний. Существование предполагает в существующей вещи свойства; раз последняя имеет свойства, то ее способы действовать должны необходимо вытекать из ее способа бытия. Если тело обладает весом, оно должно падать; если тело падает, оно должно ударять тела, которые встречает в своем падении; если тело твердо и плотно, то оно должно в силу собственной плотности сообщать движение телам, на которые наталкивается; если у него есть сходство и сродство с последними, то оно должно

с ними соединиться; если у него нет такого сходства, оно должно быть ими оттолкнуто и т. д.

Отсюда ясно, что, предполагая, как это приходится сделать, существование материи, мы должны признать в ней некоторые качества, из которых с необходимостью вытекают определяемые этими качествами движения или способы действия. Чтобы образовать вселенную, Декарт требовал только допустить материю и движение. Ему достаточно было разнообразной материи; различные движения являются следствиями ее существования, сущности, свойств; различные способы действия являются необходимыми следствиями ее различных способов бытия. Материя без свойств есть чистое ничто. Таким образом, если материя существует, она должна действовать; если материя разнообразна, она должна действовать разнообразно; если материя не могла начать существовать, она существует от века, никогда не перестанет существовать и действовать в силу собственной энергии, а движение есть свойство, вытекающее из ее собственного существования.

Существование материи есть факт; существование движения — другой такой же факт. Наши глаза показывают нам существование веществ, имеющих различные сущности, одаренных отличающими их друг от друга свойствами, образующих различные сочетания. Действительно, неправильно думать, будто материя представляет собой однородное тело, части которого отличаются друг от друга лишь своими различными модификациями. Среди особей одного и того же вида, насколько мы знаем, нет и двух, которые в точности походили бы друг на друга. Так и должно быть: одно различие местоположения неизбежно должно повлечь за собой более или менее заметное различие не только в модификациях, но и в сущности, в свойствах, во всей системе тел и существ*.

* Лица, внимательно наблюдавшие природу, знают, что даже две песчинки, строго говоря, не тождественны между собой. Раз для тел и существ одного и того же вида обстоятельства складываются неодинаково и их модификации не одни и те же, то между ними не может быть точного сходства (см. гл. VI). Эта истина была отлично понята глубокомысленным и остроумным Лейбницем. Вот как выражается один из его учеников: «Ex

Если принять во внимание этот принцип, который, по-видимому, всегда подтверждается опытом, можно убедиться, что элементы, или первичные вещества, из которых состоят тела, не одной и той же природы и, следовательно, не могут обнаруживать одинаковых свойств, модификаций, способов двигаться и действовать. Их и без того уже различные движения становятся до бесконечности разнообразными, увеличиваются или уменьшаются, ускоряются или замедляются в зависимости от сочетаний, пропорций, веса, плотности, объема тел и веществ, которые входят в состав последних. Элемент огня явно более деятелен и подвижен, чем элемент земли; земля тверже и тяжелее, чем огонь, воздух, вода. В зависимости от количества этих элементов в составе тел последние должны действовать различно, а их движения должны находиться в известном соответствии с элементами, из которых они образованы. Стихия огня, по-видимому, является в природе принципом деятельности; огонь есть, так сказать, плодотворное бродило, приводящее в брожение массу и придающее ей жизнь. Земля, по-видимому, является принципом твердости тел благодаря своей непроницаемости или же прочной связи своих частей. Вода — элемент, благоприятствующий сочетанию тел, в которое она сама входит составной частью. Наконец, воздух — это жидкость, доставляющая другим элементам необходимое для их движения пространство и, сверх того, способная сочетаться с ними. Эти элементы, которых мы никогда не наблюдаем в чистом виде, находясь в непрерывном взаимодействии между собой, всегда действуя и противодействуя, всегда сочетаясь и разделяясь, притягиваясь и отталкиваясь,

---

principio indiscernibilium patet elementa rerum materialium singula singulis esse dissimilia adeoque unum ab altero distingui, convenienter omnia extra se invicem existere, in quo differunt a punctis mathematicis cum illa uti haec nunquam coincidere possint». [«Из принципа совпадения неразличимого ясно, что элементы материальных вещей в отдельности несходны между собой и отличаются друг от друга; все они соответствующим образом существуют вне друг друга, отличаясь этим от математических точек, так как не могут подобно последним совпадать друг с другом».] *Bilfinger*, De Deo, Anima et Mundo, p. 276.

достаточны для объяснения образования всех наблюдаемых нами вещей[12]. Их движения непрерывно возникают друг из друга; попеременно выступая в качестве причин и следствий, они образуют таким образом обширный круг рождений и разрушений, соединений и разъединений, который не мог иметь начала и никогда не будет иметь конца. Одним словом, природа есть лишь необъятная цепь причин и следствий, беспрерывно вытекающих друг из друга. Движения отдельных тел зависят от общего движения, которое в свою очередь поддерживается ими. Эти движения усиливаются или ослабляются, ускоряются или замедляются, упрощаются или усложняются, порождаются или уничтожаются различными сочетаниями или обстоятельствами, которые ежеминутно изменяют направления, стремления, законы, способы бытия и действия различных движущихся тел*. Желать идти далее этого, чтобы найти присущий материи принцип действия и начало вещей,— значит лишь отодвинуть трудность и абсолютно отказаться от исследования ее нашими чувствами, которые позволяют нам высказывать суждения лишь о причинах, способных воздействовать на них или сообщать им движение, и познавать лишь эти причины. Поэтому ограничимся утверждением, что материя всегда существовала, что она движется в силу своей сущности, что все явления природы зависят от различных движений разнообразных веществ, которые она заключает в себе и благодаря которым подобно фениксу постоянно возрождается из собственного пепла**.

---

* Если бы было верно, что все стремится образовать одну-единственную массу, и если бы в этой единственной массе наступил момент, когда все было бы in nisu, то все бы осталось на веки вечные в этом состоянии и во веки веков существовали бы только материя и усилие (nisus), что было бы равносильно вечной и всеобщей смерти. Физики понимают под nisus усилие, обнаруживаемое каким-либо телом по отношению к другому телу без пространственного перемещения; при этом предположении не могло бы быть причины для разложения тел, ибо, согласно аксиоме химиков, тела действуют только в растворенном виде (corpora non agunt nisi fiunt soluta).

** «Omnium quae in sempiterno isto mundo fuerunt futuraque sunt, aiunt principium fuisse nullum, sed orbem esse quemdam

Глава III

О МАТЕРИИ, ЕЕ РАЗЛИЧНЫХ СОЧЕТАНИЯХ И ДВИЖЕНИЯХ, ИЛИ О ПРОИСХОДЯЩИХ В ПРИРОДЕ ПРОЦЕССАХ

Мы не знаем элементов тел, но знаем некоторые из их свойств или качеств и отличаем друг от друга различные вещества по тем впечатлениям, или изменениям, которые они вызывают в наших чувствах, т. е. по различным движениям, порождаемым в нас их присутствием. Таким образом, мы обнаруживаем в телах протяжение, подвижность, делимость, твердость, тяжесть, силу инерции. Из этих общих и первичных свойств вытекают другие: плотность, фигура, цвет, вес и т. д. Таким образом, по отношению к нам материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства[1], а качества, приписываемые

---

generantium nascentiumque, in quo uniuscuiusque geniti initium simul et finis esse videatur». (*Censorin*, De die natali.) [«Они утверждают, что нет никакого начала для всего того, что в этом вечном мире всегда было и будет, а что есть некий круговорот рождающих и рождающихся, в котором, по-видимому, заключены и начало и конец всякого порожденного». (*Цензорин*[13], О дне рождения.)]

Поэт Манилий[14] высказывается аналогичным образом в следующих прекрасных стихах:

«Omnia mutantur mortali lege creata,
Nec se cognoscunt terrae vertentibus annis,
Exutas variam faciem per saecula gentes.
At manet incolumis Mundus suaque omnia servat,
Quae nec longa dies auget minuitque senectus,
Nec motus puncto currit, cursusque fatigat;
Idem semper erit, quoniam semper fuit idem».

[«Все рожденное по смертному закону изменяется, и в смене земных лет не узнают себя племена, в течение веков принимающие различный вид. Но вселенная остается в целости и сохраняет все свои составные элементы, которые не способны увеличить длительность и уменьшить ветхость. Вселенная всегда будет одной и той же, так как всегда была таковой».] *Manilii*, Astronomica, lib. I. Таково же было мнение Пифагора, как оно изложено Овидием в XV книге его «Метаморфоз», ст. 165 и сл.:

«Omnia mutantur, nihil interit; errat et illinc
Huc venit, hinc illuc» etc.

[«Все меняется, но ничто не пропадает; все перемещается туда и обратно» и т. д.]

нами различным веществам (matiéres), основываются на различных впечатлениях, или изменениях, производимых в нас этими веществами.

До сих пор не было дано удовлетворительного определения материи. Люди, введенные в заблуждение своими предрассудками, имели о ней лишь несовершенные, поверхностные, смутные представления. Они рассматривали эту материю как какое-то единое, грубое, пассивное тело, неспособное двигаться, сочетаться, производить что-нибудь самостоятельно. Между тем они должны были рассматривать ее как род явлений и существ, различные особи которого хотя и имеют некоторые общие свойства, как, например, протяжение, делимость, фигуру и т. д., но не должны ни быть относимы к одному и тому же классу, ни получать одного и того же наименования.

Пример поможет нам пояснить то, что мы только что сказали, покажет точность этих положений и облегчит их применение. Общие всякой материи качества — это протяженность, делимость, непроницаемость, способность иметь фигуру, подвижность, или свойство передвигаться всей массой. Вещество огня кроме этих общих и присущих всякой материи качеств обладает еще особым свойством двигаться способом, вызывающим в наших органах ощущение теплоты, а также способом, вызывающим в наших глазах ощущение света. Железо, как и материя вообще, протяженно, делимо, способно принимать фигуру, двигаться всей массой. Если же с ним сочетается в определенной пропорции или количестве вещество огня, то железо приобретает два новых свойства, а именно свойства возбуждать в нас ощущение теплоты и вызывать ощущение света, которых оно не имело раньше, и т. д. Все эти отличительные свойства железа неотделимы от него, и обусловленные этими свойствами явления необходимы в строгом смысле слова.

Достаточно хоть сколько-нибудь внимательно приглядеться к происходящим в природе процессам, проследить за телами природы в различных состояниях, через которые они вынуждены проходить в силу своих свойств, чтобы убедиться, что одно лишь движение

является источником изменений, сочетаний, форм — одним словом, всех модификаций материи. Именно благодаря движению возникает, изменяется, растет и уничтожается все существующее. Движение изменяет облик вещей, прибавляет к ним или отнимает у них свойства; благодаря движению всякое тело, занимавшее известное место или положение среди остальных тел, вынуждено в силу свойств своей природы оставить его и занять другое, содействуя тем самым рождению, поддержанию, разложению других тел, совершенно отличных от него по своей сущности, роду и месту.

С помощью движения между тремя *царствами природы*, как назвали их физики, происходит обмен, перемещение, непрерывная циркуляция молекул материи. Природа нуждается где-нибудь в тех молекулах, которые она на время поместила в другом месте; эти молекулы, составлявшие одно время благодаря особым сочетаниям тела, наделенные определенными сущностями, свойствами, способами действия, затем более или менее легко разлагаются, или разделяются, и, сочетаясь по-новому, образуют новые тела. Внимательный наблюдатель может убедиться, что все окружающие его тела более или менее явным образом подчинены этому закону. Он замечает, что природа полна странствующих зародышей, одни из которых развиваются, а другие ожидают, чтобы движение поместило их в такую среду, в такое чрево, в такие обстоятельства, которые необходимы, чтобы расширить их, увеличить, сделать более чувствительными путем прибавления к ним близких их первоначальному существу субстанций, или веществ. Во всем этом мы видим лишь следствия движения, неизбежно направляемого, модифицируемого, ускоряемого или замедляемого, усиливаемого или ослабляемого в зависимости от различных свойств, которые последовательно приобретают и теряют тела природы. Это неминуемо производит в каждое мгновение более или менее заметные изменения во всех телах. Последние не могут быть строго тождественными в два последовательных мгновения своего существования. Они

вынуждены в каждый момент приобретать или терять что-то, словом, претерпевать непрерывные изменения, затрагивающие их сущность, свойства, силы, массу, способы бытия и качества.

После периода развития в матке, соответствующей элементам их организации, животные растут, крепнут, приобретают новые свойства, новую энергию, новые способности, питаясь соответствующими их существу растениями или пожирая других животных, субстанция которых способна поддерживать их, т. е. возмещать непрерывную потерю некоторых частей их собственной субстанции, постоянно выделяемых их организмом. Животные питаются, сохраняются, растут и крепнут с помощью воздуха, воды, земли и огня. Лишенные воздуха, этого окружающего их флюида, который оказывает на них давление, проникает их, дает им энергию, они вскоре перестали бы жить. Вода в соединении с воздухом входит во все части тела животного, облегчая функционирование его организма. Земля служит животным основой, придавая прочность их тканям. Она переносится воздухом и водой, несущими ее к тем частям тела, с которыми она может соединиться. Наконец, огонь, принимая тысячи форм и обличий, непрерывно поступает в организм животного, доставляя ему теплоту, жизнь и делая его способным выполнять свои функции. Пища, содержащая в себе все эти различные начала, попадая в желудок, восстанавливает движение в системе нервов и с помощью своей собственной деятельности и деятельности составляющих ее элементов заводит механизм, который начал ослабевать и сдавать под влиянием понесенных им потерь. Все немедленно изменяется в животном: оно приобретает больше энергии и активности, становится бодрым и обнаруживает больше живости, действует, движется, мыслит иным образом, все его способности проявляются с большей легкостью*. Отсюда ясно, что, сочетаясь различным

---

* Полезно заранее заметить здесь, что все спиртные напитки, т. е. субстанции, содержащие в себе большое количество воспламеняющихся и огненных веществ, как вино, водка, ликеры и т. д., больше всего ускоряют органические движения животных, сооб-

образом, так называемые *элементы*, или первоначальные части, материи благодаря движению постоянно соединяются с субстанцией животных и ассимилируются ею, заметно видоизменяют существо этих животных и влияют на их действия, т. е. на явные или скрытые движения, происходящие в них.

Те самые элементы, которые служат для питания, укрепления и сохранения животного, при известных обстоятельствах становятся причинами и орудиями его разложения, ослабления, смерти. Они способствуют его разрушению, если не имеются в той точной пропорции, которая необходима для сохранения его существа. Так, скопившаяся в большом количестве в организме животного вода нервирует его, расслабляет его ткани и мешает необходимому действию других элементов. Так, большое количество огня вызывает у животного беспорядочные движения, разрушающие весь его организм. Так, воздух, наполненный началами, мало сродными организму, переносит заразу и опасные болезни. Наконец, если известным образом видоизменить пищу, то, вместо того чтобы питать животное, она разрушает и губит его. Все эти вещества сохраняют животное лишь постольку, поскольку они сродны ему; эти вещества разрушают его, если не находятся в той надлежащей пропорции, при которой они способствовали сохранению его существования.

Растения, которые, как мы видели, служат средством питания животных и восстановления их трат, в свою очередь питаются землей, развиваются внутри нее, растут и крепнут за ее счет, непрерывно получая с помощью корней и пор воду, воздух и огненное вещество. Вода видимым образом оживляет растения, когда они начинают сохнуть и вянуть; она приносит

щая им теплоту. Так, например, вино, хотя оно и материально, придает мужество и даже остроумие. Весна и лето порождают столько насекомых и животных, благоприятствуют растительности, оживотворяют природу лишь потому, что в это время вещество огня содержится в ней в большем количестве, чем зимой. Огненное вещество есть, очевидно, причина брожения, рождения жизни: это *Юпитер* древних (см. конец гл. I, ч. II этого сочинения).

им родственные начала, которые могут усовершенствовать их. Воздух необходим растениям, чтобы они могли вытягиваться в длину; он же доставляет им воду, землю и огонь, в сочетании с которыми находится сам. Наконец, растения получают большее или меньшее количество воспламеняющихся веществ. Различные пропорции, в которых соединяются между собой эти начала, определяют образование различных *семейств* или *классов*, на которые ботаники разделили растения в зависимости от их форм и сочетаний, дающих начало бесконечному множеству разнообразнейших свойств. Так вырастают кедр и иссоп, один из которых поднимается до туч, а другой смиренно стелется по земле. Так из желудя мало-помалу вырастает дуб, покрывающий нас своей листвой; так зерно пшеницы, впитав соки земли, само начинает служить пищей человеку, в организм которого оно вносит полученные им начала, или элементы, видоизмененные и комбинированные таким образом, что этот злак становится особенно легко ассимилируемым человеческим организмом, т. е. теми жидкими и твердыми веществами, из которых состоит последний.

Мы находим те же самые элементы, или начала, при образовании минералов, а также при их естественном или искусственном разложении. Мы видим, что, различным образом обработанные, модифицированные и комбинированные, почвы способствуют их росту, придают им больше или меньше веса и плотности. Мы видим, что воздух и вода способствуют связи их частей, а огненное вещество, или горючее начало, сообщает им их цвета, иногда обнаруживаясь в виде ярких искр, выбиваемых из них движением. Эти столь твердые тела, эти камни, эти металлы разрушаются и разлагаются с помощью воздуха, воды и огня, как показывает элементарнейший анализ, а также множество фактов, наблюдаемых нами ежедневно.

По истечении известного времени животные, растения и минералы возвращают природе, т. е. общей массе вещей, этой универсальной кладовой, заимствованные у нее элементы, или начала. Земля получает тогда

обратно свою долю тела, основу и прочность которого она составляла. Воздуху достаются аналогичные ему самому наиболее легкие и тонкие части тела. Вода уносит с собой те части, которые она может растворить. Огонь, разрывая все связывающие его узы, выделяется, чтобы вступить в сочетание с другими телами. Разъединенные, растворенные, переработанные, рассеянные таким образом элементарные части животного образуют новые сочетания. Они идут в пищу для сохранения или разрушения новых существ, и в том числе растений, которые, созрев, питают и поддерживают жизнь новых животных. Последние в свою очередь претерпевают ту же судьбу, что и первые.

Таковы постоянно происходящие в природе процессы, таков вечный круг, который вынуждено описывать все существующее. Так движение порождает, некоторое время сохраняет, а затем разрушает одну за другой различные части вселенной, между тем как сумма существования всегда остается одной и той же. Природа порождает с помощью своих сочетаний солнца, становящиеся центрами соответствующих систем. Она производит планеты, которые в силу собственной сущности тяготеют к солнцам и вращаются вокруг них. Мало-помалу движение изменяет те и другие; и может быть, когда-нибудь оно рассеет части, из которых составило эти удивительные сочетания, лишь мимоходом созерцаемые человеком в его мимолетном существовании.

Таким образом, непрерывное, присущее материи движение изменяет и разрушает все тела природы, отнимает у них в каждое мгновение какие-нибудь из их свойств, чтобы заменить другими; оно же, изменяя наличные сущности тел, изменяет также их положение, направления, тенденции и законы, регулирующие их способы бытия и действия. От камня, образованного внутри земли путем тесного сочетания сходных и родственных, сблизившихся между собой молекул, до солнца, этого колоссального резервуара пылающих частиц, освещающего небесный свод, от пассивной устрицы до активного и мыслящего человека мы видим непрерывное продвижение, постоянную цепь сочета-

ний и движений, дающую начало существам, которые отличаются друг от друга лишь входящими в их состав элементарными веществами, а также сочетаниями и пропорциями этих веществ, порождающими бесконечное разнообразие способов существования и действия. В явлениях рождения, питания, сохранения мы всегда увидим лишь различно комбинированные вещества, имеющие свойственные им движения, регулируемые неизменными и определенными законами, вызывающими в них необходимые изменения. В образовании, росте и кратковременной жизни животных, растений и минералов мы найдем лишь вещества, которые комбинируются, соединяются, накопляются, расширяются и мало-помалу образуют чувствующие, живущие, прозябающие существа или же лишенные этих свойств существа, которые, просуществовав известное время в определенном виде, должны своей гибелью способствовать созданию существ другого вида*.

---

* «Destructio unius, generatio alterius». [«Разрушение одного — рождение другого».] Строго говоря, ничто не рождается и не умирает в природе. Эту истину поняли некоторые древние философы. Эмпедокл говорит: «*Ни для кого из смертных нет ни рождения, ни смерти; существует только сочетание и разделение того, что было сочетано, и это-то люди называют рождением и смертью*». Тот же философ говорит еще: «*Дети или ограниченные люди те, кто воображает, будто рождается что-нибудь, не существовавшее раньше, и будто что-нибудь может окончательно умереть или погибнуть*». *Plutarch*, Contr. Colot. [*Плутарх*, Против Колота.] Платон говорит, что, согласно древней традиции, «*живые рождаются от мертвых точно так же, как мертвые происходят от живых, и таков постоянный круг природы*». Он прибавляет от себя: «*Кто знает, не значит ли жить — умереть, а умереть — жить?*» Таково было и учение Пифагора, которого Овидий заставляет сказать:

«...Nascique vocatur,
Incipere esse aliud quam quod fuit ante; morique
Desinere illud idem».

(«Metamorph.», lib. XV, p. 224.)

[«...Родиться — значит начать быть иным, чем то, что было раньше, а умереть — перестать быть им». («Метаморфозы», книга XV, стр. 224.)]

Глава IV

О ЗАКОНАХ ДВИЖЕНИЯ, ОБЩИХ ДЛЯ ВСЕХ ТЕЛ ПРИРОДЫ; О ПРИТЯЖЕНИИ И ОТТАЛКИВАНИИ, О СИЛЕ ИНЕРЦИИ, О НЕОБХОДИМОСТИ

Людей не поражают явления, причины которых им известны; они полагают, что знают эти причины, когда последние действуют единообразно и непосредственно или же когда производимые ими движения просты. Камень, падающий в силу своего веса, может стать предметом размышления лишь у философа, для которого способ действия самых непосредственных причин и простейшие движения представляют не менее непроницаемую тайну, чем способ действия самых отдаленных причин и сложнейшие движения. Профану никогда не придет в голову глубже рассмотреть привычные ему явления или же начать отыскивать их первые причины. В падении камня он не видит ничего способного удивить его или требующего дальнейших изысканий. Надо быть Ньютоном, чтобы понять, что падение тяжелых тел есть явление, заслуживающее всяческого внимания исследователя. Нужна проницательность глубокомысленного физика, чтобы открыть законы, согласно которым тела падают и сообщают другим телам свои собственные движения. Самый изощренный ум часто с горечью убеждается, что простейшие и заурядиейшие явления оказываются недоступными исследованию и остаются необъяснимыми.

Мы задумываемся над наблюдаемыми нами явлениями лишь тогда, когда они необычны и непривычны, т. е. когда наши глаза не приучены к ним или нам не известна причина, действие которой мы видим. Нет такого европейца, который не видел бы тех или иных действий пороха; работающий над изготовлением последнего рабочий не усматривает в нем ничего чудесного, ежедневно имея дело с веществами, входящими в его состав; индеец же некогда видел в его способе действия результат *божественного* могущества, а его силу считал *сверхъестественной*. Гром, истинной причины которого не знает невежественный человек, рассматривается последним как орудие небесной мести. Физик же видит

в громе естественное действие электрической материи, являющейся, однако, причиной, от совершенного познания которой он очень далек.

Как бы то ни было, если мы видим в действии какую-нибудь причину, то считаем ее следствия естественными; лишь только мы свыкаемся с ней, как начинаем думать, что знаем ее, и ее действия не поражают нас. Но лишь только мы замечаем необычное следствие и не видим его причины, как наша мысль начинает работать, и тем тревожнее, чем значительнее наблюдаемое нами явление. Наш ум в особенности волнуется тогда, когда ему кажется, что от такого явления зависит наше существование, и это волнение растет по мере того, как мы убеждаемся, что для нашего благополучия существенно важно познать эту причину, так сильно действующую на нас. При недостаточности наших чувств, часто ничего не сообщающих нам о причинах и следствиях, которые мы особенно ревностно разыскиваем или которые нас особенно интересуют, мы прибегаем к помощи воображения. Но последнее, будучи волнуемо страхом, становится для нас ненадежным вожатым и создает мнимые и фантастические причины, якобы порождающие беспокоящие нас явления. Этой особенностью человеческого мышления объясняются, как мы увидим в дальнейшем, все религиозные заблуждения людей. Отчаявшись познать естественные причины тревожащих их явлений, свидетелями, а нередко и жертвами которых они являются, люди выдумали мнимые причины, ставшие для них источником всяческих безумств.

Между тем в природе могут быть лишь естественные причины и следствия. Все возникающие в ней движения следуют постоянным и необходимым законам. Законы естественных явлений, которые мы в состоянии познать и о которых можем составить себе суждение, достаточны для открытия законов, ускользающих от нашего наблюдения. Во всяком случае о последних можно судить по аналогии с первыми и если мы станем внимательно изучать природу, то раскрываемые ею процессы научат нас не приходить в замешательство и перед теми процессами, которые она скрывает от нас.

Наиболее удаленные от своих следствий причины, несомненно, действуют через посредство промежуточных причин, и с помощью последних мы можем иногда добраться до первых. Если в цепи причин встречаются некоторые препятствия, мешающие нашим исследованиям, мы должны стараться их преодолеть. Если же это нам не удается, мы ни в коем случае не имеем права заключать, будто эта цепь обрывается и в действие вступает *сверхъестественная* причина. Удовольствуемся признанием, что природа обладает неизвестными нам средствами, и не будем заменять ускользающие от нас причины призраками, фикциями или лишенными смысла словами. В противном случае мы лишь утвердимся в своем незнании и прекратим изыскания, чтобы упрямо коснеть в заблуждениях.

Не зная путей природы или сущности вещей, их свойств, элементов, пропорций и сочетаний, мы знаем, однако, простые и всеобщие законы, согласно которым движутся тела, и видим, что некоторые из этих законов общи всем существам и не терпят никаких исключений. В тех случаях, когда как будто наблюдаются подобные исключения, чаще всего можно открыть причины, которые, сочетаясь с другими причинами и усложняясь благодаря этому, мешают тем или иным законам действовать так, как мы ожидаем. Нам известно, что при прикосновении огня к пороху последний непременно должен загореться; если же это действие не происходит, мы вправе заключить, даже не ожидая подтверждения от наших чувств, что порох отсырел или соединен с каким-то веществом, препятствующим его взрыву. Нам известно, что человек во всех своих действиях стремится к счастью; если же мы видим, что человек усердно старается повредить себе или погубить себя, то должны заключить, что он поступает так под влиянием какой-то причины, противодействующей его естественному стремлению к счастью, является жертвой какого-то предрассудка или же за недостатком опыта не видит, к чему ведут его поступки.

Если бы все движения в природе являлись простыми, их было бы очень легко познать и мы не сомневались бы в следствиях, которые должны производить

соответствующие причины, если их действия не смешиваются друг с другом. Я знаю, что падающий камень должен падать вертикально и что он должен будет двигаться по наклонной линии, если встретит другое тело, которое изменит его направление. Но я не знаю, какую линию он опишет, если при падении на него воздействует несколько противоположных и попеременно действующих сил. Может случиться, что эти силы заставят его описать параболическую, круговую, спиральную, эллиптическую линии и т. д.

Но самые сложные движения всегда являются лишь результатом сочетания простых движений. Поэтому, если мы будем знать общие законы тел и их движений, нам будет достаточно разложить на составные части и проанализировать сложные процессы, чтобы открыть составляющие их простые движения, а опыт покажет нам следствия, которые мы можем ожидать от последних. Мы увидим тогда, что причинами необходимого соединения различных веществ, из которых составлены все тела, являются очень простые движения, что эти тела, различные по своей сущности и свойствам, имеют свои особые способы действия, или особые движения, и что их совокупное движение есть сумма частных движений.

Некоторым из наблюдаемых нами веществ свойственно соединяться, в то время как другие не способны к соединению. Вещества, способные к соединению, образуют более или менее прочные и длительные сочетания, которые могут более или менее долго сохранять свое состояние и сопротивляться разложению. Тела, называемые нами *твердыми*, состоят из большого числа однородных, родственных, сходных частей, которым свойственно соединяться и силы которых сочетаются и стремятся к одной и той же цели. Первичные вещества, или элементы, тел нуждаются во взаимной поддержке, чтобы сохраниться, стать прочными и крепкими: эта истина одинаково применима к тому, что называют *физическим* и *духовным* мирами.

На этом взаимоотношении веществ и тел основываются те способы действия, которые физики обозначают словами *притяжение* и *отталкивание*, *симпатия*

и *антипатия*, *сродство*, *отношение**. Моралисты обозначают это взаимодействие и вытекающие из него следствия словами *любовь* или *ненависть*, *дружба* или *отвращение*. Люди, как и все тела природы, испытывают притяжение и отталкивание; происходящие в них движения отличаются лишь тем, что они более скрыты, так что зачастую мы не знаем ни вызывающих их причин, ни их способа действия.

Как бы то ни было, нам достаточно знать, что в силу постоянного закона одни тела способны с большей или меньшей легкостью соединяться друг с другом, между тем как другие не способны к этому. Вода соединяется с солями, но не соединяется с растительными маслами. Некоторые соединения очень прочны, как, например, соединения металлов; другие слабее и очень легко разлагаются. Некоторые тела, которые не могут соединяться сами по себе, становятся способными к этому при помощи новых тел, служащих для них *посредниками*, или связующими звеньями. Так, растительное масло и вода благодаря щелочной соли соединяются друг с другом, образуя мыло. Из всякого рода веществ, соединяющихся различным образом и в весьма разнообразных пропорциях, получаются тела, физические и духовные единства, с существенно различными свойствами и качествами, причем различная степень сложности их способов действия и трудность их познания зависят от входящих в их состав элементов, или веществ, и различных модификаций последних.

---

* По словам *Диогена Лаэртского*[1], Эмпедокл говорил, что *существует своего рода дружба, в силу которой элементы соединяются, и своего рода раздор, в силу которого они разделяются*. Мы видим отсюда, что теория притяжения очень древнего происхождения; но нужен был Ньютон, чтобы развить ее. Любовь, которой древние приписывали упорядочение *Хаоса*, была, по-видимому, просто олицетворенным притяжением. Все аллегории и мифы древних о *Хаосе*, по-видимому, имеют в виду согласие и единство, царящие между однородными или сходными субстанциями и делающие возможным существование вселенной, между тем как отталкивание, или раздор, который древние называли ἔρις, считался причиной разложения, смешения, беспорядка. Вот откуда, без сомнения, берет начало догмат о двух *началах*.

Так, благодаря объединению сходных веществ, способных в силу своей сущности собраться вместе и образовать одно целое, первичные, недоступные взору молекулы, из которых состоят все тела, взаимно притягиваясь, становятся заметными глазу, образуют соединения, агрегатные массы, тела. Когда эти тела испытывают действие какой-нибудь субстанции, враждебной их единству, они распадаются, а их единство разрушается. Так, мало-помалу образуются растения, металлы, животные, люди, которые в занимаемой ими системе, или иерархии, растут и поддерживают свое существование благодаря непрерывному притяжению сохраняющих и укрепляющих их сходных или родственных веществ и соединению с ними. Так, иная пища полезна человеку, а иная убивает его; одного рода пища ему нравится и его укрепляет, другого же рода — ему противна и его ослабляет. Приведем еще один пример, следуя правилу, что никогда не надо отделять законов физического мира от законов мира духовного. Люди, стремящиеся друг к другу в силу своих потребностей, образуют объединения, которые называют *супружескими союзами*, *семьями*, *обществами*, *дружбами*, *связями* и которые поддерживает и укрепляет добродетель и ослабляет или окончательно разлагает порок.

Каковы бы ни были природа и сочетания тел, их движение всегда имеет известное направление, или устремление. Мы не можем представить себе движения без направления; это направление определяется свойствами каждого тела. При наличии соответствующих свойств тело действует необходимым образом, т. е. следует закону, неизменно связанному с этими свойствами, которые делают тело тем, чем оно является, и определяют его способ действия, всегда представляющий собой следствие его способа существования. Но каково универсальное, или общее, направление, или устремление, всех наблюдаемых нами тел? Какова видимая и известная цель всех их движений? Она заключается в том, чтобы сохранять и продлевать свое наличное существование, утверждаться в нем, укреплять его, привлекать все, что ему благоприятно, отталкивать все, что ему вредно, и сопротивляться

импульсам, гибельным его способу бытия и его естественному устремлению.

Существовать—значит претерпевать движения, свойственные данной определенной сущности. Сохраняться — значит сообщать и получать движения, которые поддерживают существование, привлекать вещества, способные укрепить тело, и удалять те, которые могут ослабить его или повредить ему. Поэтому все известные нам тела стремятся сохраниться каждое на свой лад. Камень благодаря сильному сцеплению своих частей оказывает сопротивление разрушающим его силам. Организованные существа сохраняются при помощи более сложных средств, которые способны поддержать их существование и воспрепятствовать тому, что могло бы им повредить. Человек — как физический, так и духовный — это живое, чувствующее, мыслящее и действующее существо, которое в каждый момент своего существования стремится доставить себе то, что ему нравится или сообразно с его существом, и старается устранить все, что может ему повредить*.

Таким образом, сохранение есть общая цель, к которой, по-видимому, непрерывно устремлены энергия, сила и способности существ и тел природы. Физики назвали это устремление, или направление, *тяготением к себе*. Ньютон называет его *силой инерции*; моралисты именуют его *любовью* человека *к самому себе*, представляющей собой лишь стремление к самосохранению, желание счастья, любовь к благополучию и удовольствиям, живую и быструю реакцию на все, что кажется благоприятным существу человека, и явное отвращение ко всему, что тревожит его или грозит ему,— словом, совокупность первичных и общих всем людям чувств, к удовлетворению которых направлены все их способности и которые постоянно являются объектом и целью всех их страстей, желаний, действий. Следовательно, это *тяготение к себе* — необходимая склонность как

---

* Блаженный Августин[2] допускает подобно нам наличие у всех организованных и неорганизованных существ стремления к самосохранению. См. его трактат «De civit. Dei», lib. XI, cap. 28. [«О божьем граде», кн. XI, гл. 28.]

человека, так и всех существ и тел, которые всячески стремятся сохранить свое существование, пока ничто не нарушает порядка или первоначального устремления их механизма.

Всякая причина производит следствие, не может быть следствия без причины. Всякий импульс сопровождается более или менее заметным движением, более или менее значительным изменением в получающем его теле. Но все движения, все способы действия определяются, как мы видели, природой тел, их сущностью, свойствами, сочетаниями. А так как все движения или способы действия тел и существ зависят от некоторых причин и эти причины могут действовать лишь согласно своему способу бытия или своим существенным свойствам, то отсюда следует заключить, что все явления необходимы и всякое существо или тело природы при данных обстоятельствах и присущих ему свойствах не может действовать иначе, чем оно действует.

Необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями. Огонь необходимо зажигает горючие вещества, попадающие в сферу его действия. Человек необходимо желает того, что полезно или кажется полезным его благополучию. Природа во всех своих явлениях с необходимостью действует согласно свойственной ей сущности. Все содержащиеся в ней тела необходимо действуют согласно их особым сущностям. Именно движение связывает целое с его частями, а части — с целым. Таким образом все связано во вселенной: последняя есть лишь необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга. Достаточно немного поразмыслить, чтобы понять, что все наблюдаемое нами *необходимо*, т. е. не может быть иным, чем оно есть, что все тела и существа, которые мы видим, равно как и те, которые ускользают от нашего взора, действуют сообразно определенным законам. Согласно этим законам тяжелые тела падают, а легкие поднимаются, сходные субстанции притягиваются, все существа стремятся к самосохранению, человек любит самого себя, стремится к тому, что, насколько ему известно, выгодно, и питает отвращение к тому, что может быть ему вредным.

Наконец, мы вынуждены признать, что не может быть независимой энергии, изолированной причины, ни с чем не связанного действия в природе, в которой все существа непрерывно действуют друг на друга и которая сама есть лишь вечный круг движений, сообщаемых и получаемых согласно необходимым законам.

Мы воспользуемся двумя примерами, чтобы сделать более наглядным только что изложенный принцип. Один из них мы заимствуем из области физики, а другой — из области духовной жизни. В вихре пыли, поднятом буйным ветром, как бы хаотичным он нам ни казался, в ужаснейшем шторме, вызванном противоположно направленными ветрами, вздымающими волны, нет ни одной молекулы пыли или воды, которая расположена *случайно*, не имеет достаточной причины, чтобы занимать то место, где она находится, и не действует именно тем способом, каким она должна действовать. Математик, который в точности знал бы различные действующие в этих двух случаях силы и свойства приведенных в движение молекул, доказал бы, что согласно данным причинам каждая молекула действует в точности так, как должна действовать, и не может действовать иначе.

Во время страшных судорог, сотрясающих иногда политические общества и часто влекущих за собой гибель какого-нибудь государства, у участников революции — как активных деятелей, так и жертв — нет ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного желания, ни одной страсти, которые не были бы необходимыми, не происходили бы так, как они должны происходить, безошибочно не вызывали бы именно тех действий, какие они должны были вызвать сообразно местам, занимаемым участниками данных событий в этом духовном вихре. Для ума, который был бы в состоянии охватить и оценить все духовные и телесные действия и противодействия лиц, способствующих такой революции, это было бы очевидным.

Наконец, если в природе все связано и все движения в ней возникают друг из друга, хотя часто их скрытое взаимодействие ускользает от нашего взора, мы должны

быть уверены, что нет столь малой или отдаленной причины, которая не оказывала бы на нас иногда в высшей степени огромного и неожиданного влияния. Может быть, в бесплодных равнинах Ливии зарождается буря, которую занесут к нам ветры и которая, сгустив нашу атмосферу, воздействует на настроение и страсти человека, в силу сложившихся обстоятельств способного влиять на множество других людей и по своему произволу решать судьбы многих народов.

Действительно, человек находится в природе, составляя часть ее. Он действует в ней согласно свойственным ему законам и воспринимает более или менее заметным образом действия или импульсы существ, воздействующих на него согласно свойственным их сущности законам. Вследствие этого он подвергается различным модификациям. Но поступки человека находятся в сложной зависимости от его собственной энергии и от энергии действующих на него и модифицирующих его тел и существ. Вот что определяет столь разнообразно и часто столь противоречиво его мысли, взгляды, желания, поступки — одним словом, происходящие в нем явные или скрытые движения. В дальнейшем мы будем иметь случай полнее осветить эту, ныне еще столь оспариваемую истину; здесь же нам достаточно пока доказать, что в природе все необходимо и ничто в ней не может действовать иначе, чем действует.

Последовательно сообщаемое и получаемое движение устанавливает связь и отношения между различными системами тел природы. Притяжение их сближает, когда они находятся в сфере взаимного действия; отталкивание их разлагает и разъединяет; первое их сохраняет и укрепляет, второе — ослабляет и уничтожает. Соединившись, они стремятся сохранить свой образ существования, подчиняясь *силе инерции*, но не могут достигнуть этого, постоянно находясь под влиянием всех других тел, последовательно действующих на них. Изменения их форм и их распад необходимы для самосохранения природы, что является единственной целью, к которой, как мы видим, последняя непрерывно стремится и которую она неустанно преследует,

разрушая и воссоздавая все подчиненные ей тела и существа, вынужденные покоряться ее законам и на свой лад содействовать сохранению активного существования, неотъемлемо присущего великому Целому.

Таким образом, всякое тело или существо есть индивид, выполняющий в великой семье природы необходимую для общей работы задачу. Все тела действуют согласно законам, неотделимым от их собственной сущности, и ни на мгновение не могут отклониться от законов, согласно которым действует сама природа. Будучи центральной силой, которой подчинены все силы, все сущности, все энергии, она регулирует движения всех тел и существ. В силу необходимости, определяемой ее собственной сущностью, она заставляет их различными способами содействовать осуществлению своего общего плана, которым может быть лишь жизнь, действие, сохранение целого при помощи беспрерывных изменений его частей. Природа осуществляет эту цель, приводя в движение одни тела посредством других, устанавливая и разрушая таким образом существующие между ними отношения, придавая им и отнимая у них формы, сочетания, качества, сообразно которым они действуют некоторое время и которые вскоре отнимаются у них, чтобы заставить их действовать иным способом. Так природа растит и изменяет их, увеличивает и уменьшает, сближает и удаляет, образует и уничтожает их, если это необходимо для сохранения ее совокупности, к чему она неизбежно стремится в силу своей сущности.

Эта непреодолимая сила, эта универсальная необходимость, эта всеобщая энергия есть лишь следствие природы вещей, в силу которой все неустанно действует согласно постоянным и непреложным законам; эти законы столь же неизменны для природы в целом, как и для всех заключенных в ней существ. Природа есть действующее, или живое, целое, все части которого бессознательно и необходимо содействуют поддержанию его деятельности, существования и жизни. Природа существует и действует необходимым образом, и все, что она содержит в себе, необходимым

образом способствует вечности ее деятельного бытия*. В дальнейшем мы увидим, как много работала человеческая фантазия над тем, чтобы составить себе представление об энергии природы, которую люди олицетворили и обособили от самой природы. Наконец, мы рассмотрим смехотворные и вредные выдумки, которые они в своем неведении природы сочинили, чтобы приостановить ее ход, прекратить действие ее вечных законов, помешать осуществлению необходимости.

Глава V

О ПОРЯДКЕ И БЕСПОРЯДКЕ, О РАЗУМЕ, О СЛУЧАЕ

Зрелище необходимых, периодических и правильных движений, происходящих во вселенной, породило в умах людей представление о *порядке*. Это слово первоначально означает лишь некоторый способ с легкостью обозревать и распознавать как различные связи и отношения, так и совокупное действие известного целого, в котором мы на основании его способа бытия и действия замечаем известное соответствие или сходство с нашим собственным способом бытия и действия. Расширяя это представление, человек внес во вселенную свойственные ему способы рассмотрения вещей. Он предположил, что в природе реально существуют такие же

---

* Платон говорит, что *материя и необходимость — одно и то же и эта необходимость — мать мира*. Действительно, материя действует потому, что она существует, и она существует, чтобы действовать; мы не можем выйти из рамок этого. Если спросят, как и почему существует материя, мы ответим, что она существует необходимым образом, или заключает в себе достаточное основание своего существования. Если предположить, что материя произведена, или создана, каким-то существом, отличным от нее и более неизвестным, чем она сама, то все же придется признать, что это существо, каково бы оно ни было, необходимо, или заключает в себе достаточное основание своего собственного существования. Подставляя на место этого существа материю, или природу, мы просто подставляем известное или по крайней мере в известных отношениях доступное пониманию начало на место неизвестного, совершенно недоступного познанию начала, существование которого невозможно доказать.

отношения и соответствия, как те, которые он обозначил словом *порядок*, и сообразно с этим назвал *беспорядком* все те отношения, которые казались ему не соответствующими первым.

Если таково происхождение идей порядка и беспорядка, то нетрудно понять, что в действительности ни то, ни другое не существует в природе, в которой все необходимо, которая придерживается постоянных законов и принуждает все тела в каждое мгновение следовать правилам, вытекающим из их собственного существования. Таким образом, образец того, что мы называем *порядком* и *беспорядком*, существует лишь в нашем уме. Как все абстрактные и метафизические идеи, эти понятия не предполагают ничего реального вне нас. Одним словом, порядок всегда будет означать лишь нашу способность сообразоваться с окружающими нас телами и существами или с целым, часть которого мы составляем.

Однако если захотят применить идею порядка к природе, то этот порядок будет означать лишь ряд действий или движений, которые мы считаем способствующими одной общей цели. Так, в применении к движущемуся телу порядок — это ряд действий или цепь движений, способных сделать тело тем, чем оно является, и сохранить его наличное существование. По отношению к природе в целом порядок означает цепь причин и следствий, необходимых для ее активного существования и сохранения ее неизменной полноты. Но, как было доказано в предыдущей главе, все отдельные тела — каждое в занимаемом им месте в системе бытия — вынуждены стремиться к этой цели. Отсюда мы должны заключить, что так называемый *порядок природы* может быть лишь способом рассмотрения необходимости вещей, которой подчинено все, что мы знаем. То, что мы называем *беспорядком*, лишь условный термин, означающий необходимые действия или движения, неизбежно изменяющие и нарушающие форму существования отдельных тел, которые принуждены изменять при этом и свой способ действия. Но ни одно из этих действий или движений ни на мгновение не может оказаться в противоречии с общим порядком природы, от которой все

существа заимствуют свое существование, свои особые свойства и частные движения, или нарушить этот порядок. Беспорядок всегда есть лишь переход какого-либо тела или существа к новому порядку, к новому способу существования, необходимо влекущему за собой новый ряд действий или движений, отличных от тех, на которые раньше было способно это тело или существо.

То, что мы называем *порядком* в природе, есть строго *необходимый* способ бытия последней или столь же необходимое расположение ее частей. При всяком соединении причин, следствий, сил или миров, отличном от того, которое мы наблюдаем; при всяком ином сочетании веществ, если допустить такую возможность, все-таки с необходимостью установилось бы какое-то упорядоченное размещение существ. Предположите собранными и приведенными в действие самые разнородные и неодинаковые вещества, и в силу необходимого сцепления тел между ними образуется некоторый общий порядок. Таково истинное понятие о порядке, который можно определить как способность формировать тело таким, каково оно само по себе, и вместе с тем таким, каково оно внутри целого, частью которого является.

Таким образом, повторяю, *порядок* не что иное, как необходимость, рассматриваемая по отношению к последовательному ряду действий, или связная цепь причин и следствий, порождаемая во вселенной необходимостью. Действительно, что представляет собой порядок в нашей планетной системе— единственной, о которой у нас есть представление, — как не последовательность явлений, происходящих согласно необходимым законам, по которым, как мы видим, действуют составляющие эту систему тела? В соответствии с данными законами Солнце помещается в центре, планеты тяготеют к нему и совершают вокруг него в определенные периоды времени непрерывные обороты. Спутники этих планет тяготеют к ним, описывая вокруг них, как вокруг своих центров, периодические орбиты. Одна из этих планет, обитаемая нами Земля, вращается вокруг себя самой; занимая при своем годичном обращении вокруг Солнца различные положения по отно-

шению к нему, она подвергается правильным изменениям, называемым нами *временами года*; в силу действия Солнца на различные части земного шара все существующее на нем необходимым образом испытывает перемены: зимой растения, животные, люди находятся как бы в летаргии; весной все существа как бы оживают и выходят из продолжительного оцепенения. Одним словом, способ получения Землей солнечных лучей влияет на все существующее на ней; падая косо, лучи эти не действуют так, как если бы они падали отвесно; их периодическое отсутствие, вызываемое вращением Земли вокруг себя самой, порождает день и ночь. Во всем этом мы всегда обнаружим лишь необходимые действия, которые основаны на сущности вещей и никогда не могут измениться, пока остаются неизменными сами вещи. Все эти действия происходят от тяготения, притяжения, центробежной силы и т. д.

С другой стороны, этот порядок, которым мы восхищаемся как чем-то сверхъестественным, иногда нарушается или превращается в беспорядок. Но беспорядок этот всегда есть лишь следствие законов природы, для которой необходимо, чтобы обычное движение некоторых ее частей было нарушено в целях сохранения целого. Так, например, нашему пораженному взору неожиданно являются кометы. Их своеобразное движение нарушает спокойствие нашей солнечной системы. Они вызывают страх у невежественной толпы, видящей во всем чудеса. Сами физики строят догадки, что эти кометы некогда разрушили поверхность земного шара, вызвав на земле величайшие катастрофы. Но независимо от такого рода экстраординарных беспорядков мы наблюдаем беспорядки и более обычного типа: то как будто нарушается чередование времен года; то стихии вступают между собой в столкновение, оспаривая друг у друга господство над миром; то море выступает из своих берегов; то сотрясается твердая земля; то горы извергают пламя; то заразные болезни уничтожают людей и животных; то поля поражаются засухой. Во всех этих случаях испуганные смертные с громкими воплями взывают к порядку и подымают свои дрожащие руки к существу, которое они считают

творцом его. Между тем эти прискорбные беспорядки являются необходимыми следствиями естественных причин, действующих по неизменным законам, определяемым их собственными сущностями и всеобъемлющей сущностью природы, в которой все должно изменяться, двигаться, разлагаться, а то, что мы называем *порядком*, должно иногда нарушаться и принимать новую форму бытия, являющуюся для нас беспорядком.

В природе не существует порядка и беспорядка. Мы находим *порядок* во всем том, что сообразно с нашим существом, и *беспорядок* во всем том, что противостоит ему. Однако в природе, все части которой никогда не могут отклониться от определенных и необходимых правил, вытекающих из полученной ими сущности, все находится в порядке. Не существует беспорядка в целом, для сохранения которого необходим беспорядок, общее движение которого никогда не может быть нарушено, в котором все действия являются следствиями естественных причин, действующих так, как они неизбежно должны действовать.

Отсюда следует также, что в природе не может быть ни чудовищ, ни чудесных явлений, ни чудес. Так называемые чудовища представляют собой сочетания, к которым не привыкли наши глаза и которые тем не менее являются необходимыми следствиями определенных причин. Так называемые *чудесные*, *сверхъестественные* явления представляют собой явления, принципов и способов действия которых мы в своем неведении не знаем. Не зная истинных причин таких явлений, мы безрассудно приписываем их воображаемым причинам, которые подобно идее порядка существуют лишь в нас самих, между тем как мы помещаем их вне природы, за пределами которой ничто не может существовать.

Что касается так называемых *чудес*, т. е. явлений, противоречащих неизменным законам природы, то ясно, что подобные вещи невозможны, ибо ничто не может ни на минуту остановить необходимого хода вещей, не остановив и не нарушив в то же время движения всей природы. Чудеса в природе существуют лишь для тех, кто недостаточно изучил ее или не понимает, что

ее законы не могут быть нарушены даже в малейшей из ее частей без того, чтобы целое не было уничтожено или по крайней мере не изменило своей сущности и способа бытия*. Таким образом, порядок и беспорядок — это лишь слова, служащие для обозначения состояний, в которых находятся отдельные существа. Какое-нибудь существо находится в порядке, когда все его движения содействуют поддержанию его наличного существования и благоприятствуют его стремлению к самосохранению. Оно находится в беспорядке, когда действующие на него причины нарушают или разрушают гармонию, или равновесие, необходимое для сохранения его наличного состояния. Однако беспорядок в каком-нибудь существе является, как мы видели, лишь переходом к новому порядку. Чем быстрее совершается этот переход, тем больше беспорядок, испытываемый соответствующим существом. То, что приводит человека к смерти, является для него величайшим из беспорядков; однако смерть представляет для человека лишь переход к новому способу существования, она в порядке природы.

Мы говорим, что человеческое тело находится в порядке, когда различные составляющие его части действуют так, что из этого проистекает сохранение целого, являющееся целью человеческого существования. Мы говорим, что человек здоров, когда твердые и жидкие части его тела содействуют достижению данной цели и при этом оказывают друг другу взаимопомощь. Мы говорим, что человеческое тело находится в беспорядке, если нарушено его основное устремление и некоторые из его частей перестают содействовать его сохранению и исполнять свойственные им функции.

---

* Чудо, по мнению некоторых метафизиков,— это явление, произвести которое не могут силы природы: «Miraculum vocamus effectum qui nullas sui vires sufficientes in natura agnoscit». [«Чудом мы называем действие, не находящее для себя достаточных сил в природе».] *Bilfinger*, De Deo, Anima et Mundo. Отсюда заключают, что причины чуда следует искать за гранью природы. Однако разум говорит нам, что мы не должны прибегать к какой-то сверхъестественной, или находящейся вне природы, причине, прежде чем не познаем в совершенстве всех естественных причин или всех содержащихся в природе сил.

Это происходит в случае болезни, во время которой, однако, совершающиеся в человеческой машине движения столь же необходимы, регулируются столь же определенными, естественными, неизменными законами, как и движения, в своей совокупности производящие здоровье. Болезнь только порождает в человеке новую последовательность, новый порядок движений и вещей. Если человек умирает, что мы рассматриваем как величайший беспорядок для него, то его тело уже не то, что прежде, его части уже не работают совместно для достижения общей цели, его кровь больше не циркулирует, он больше не чувствует, не имеет идей, не думает, не желает. Смерть — это момент прекращения человеческого существования. После нее тело человека становится бездыханной массой вследствие удаления из него тех начал, которые заставляли его действовать определенным образом. Устремление тела меняется, и все происходящие в его останках движения имеют уже новую цель. Прежние движения, порядок и гармония которых порождали жизнь, ощущения, мысли, страсти, здоровье, сменяются рядом движений другого рода, которые совершаются согласно законам, столь же необходимым, как и первые: все части мертвого человека стремятся произвести движения, которые называют разложением, брожением, тлением; эти новые способы бытия и действия столь же естественны для человека, находящегося в этом состоянии, как естественны для живого человека способность ощущать, мышление, периодическое движение крови и т. д.; так как сущность человека изменилась, то и его способ действия не может остаться прежним; правильные и необходимые движения, стремящиеся произвести то, что мы называем *жизнью*, сменяются определенными движениями, стремящимися произвести разложение трупа, рассеяние его частей, образование новых сочетаний, из которых получаются новые тела и существа; а это, как мы видели выше, присуще неизменному порядку всегда активной природы*.

---

* «Люди привыкли думать, — говорит один анонимный автор, — что жизнь диаметрально противоположна смерти. Пред-

Итак, будет не лишним повторить еще раз: по отношению к великому целому все движения тел и существ, все их способы действия могут находиться лишь в порядке и всегда быть сообразны природе; во всех состояниях, через которые вынуждены проходить эти существа, они постоянно действуют, необходимым образом сообразуясь с мировым целым. Мало того, всякое частное существо всегда действует, подчиняясь порядку; все его действия, вся совокупность его движений всегда являются необходимым следствием его постоянного или временного способа существования. Порядок в политическом обществе есть результат необходимой цепи идей, желаний, действий составляющих его людей, деятельность которых направлена таким образом, что они содействуют либо сохранению целого, либо его распаду. Из поступков человека, которого мы называем *добродетельным* и который стал таким в силу своего склада или в результате воспитания, необходимым образом вытекает благополучие его сограждан. Человек же, которого мы называем злым, необходимым образом поступает так, что причиняет им несчастье. Так как такие люди отличаются друг от друга по натуре или в результате воспитания, то они должны поступать различно. Следовательно, совокупность поступков или же их *относительный порядок* у таких людей имеет существенные различия.

Таким образом, порядок и беспорядок в отдельных телах и существах означают лишь наш способ рассмотрения естественных и необходимых действий, которые эти тела или существа совершают по отношению к нам. Мы боимся злого человека и говорим, что он вносит беспорядок в общество, так как такой человек нару-

---

ставляя себе последнюю в виде абсолютного разрушения, они стали искать основания, чтобы избавить от этого душу, точно душа что-то существенно иное, чем жизнь... Но простое наблюдение показывает нам, что противоположностями здесь являются одушевленное и неодушевленное. Смерть столь мало противоположна жизни, что сама служит источником последней: из тела одного переставшего жить животного образуется тысяча других живых существ. Это показывает, насколько жизнь присуща природе». «Dissertations mêlées», 1740, p. 252, 255.

шает основное устремление общества и мешает его счастью. Мы избегаем падающего камня, потому что он может нарушить в нас порядок движений, необходимых для нашего самосохранения. Однако порядок и беспорядок, как мы видели, всегда являются одинаково необходимыми следствиями постоянного или временного состояния вещей. В порядке вещей то, что огонь обжигает нас, так как его сущности свойственно обжигать; в порядке вещей то, что злой человек приносит вред, ибо его сущности свойственно приносить вред. Но, с другой стороны, в порядке вещей то, что разумное существо избегает всего, что может ему повредить, и пытается удалиться от всего, что может нарушить его способ существования. Существо, обладающее в силу своей организации способностью чувствовать, должно по своей сущности избегать всего, что может наносить ущерб его органам и угрожать его существованию.

Мы называем *разумными* организованные подобно нам существа, в которых заметна способность к самосохранению и поддержанию соответствующего порядка в своем теле, которые принимают необходимые для достижения этой цели меры и сознают собственные действия. Отсюда следует, что способность, называемая нами *разумом*, заключается в умении действовать в соответствии с целью, присущей существу, которому мы приписываем такую способность. Мы считаем лишенными разума те существа, в которых не находим ни того же строения тела, ни тех же органов, ни тех же способностей, что у нас, одним словом, такие, чьи сущность, энергия, цель, а значит, и порядок нам не известны. Целое не может иметь цели, так как вне его нет ничего, к чему оно могло бы стремиться; у заключающихся в нем частей есть цель. Если мы почерпнули из самих себя идею *порядка*, то оттуда же получена нами и идея *разума*. Мы отказываем в разуме всем существам, которые не поступают подобно нам; мы приписываем его всем существам, которые, по нашему предположению, действуют одинаковым с нами образом, называя их *разумными агентами*; мы говорим, что другие существа являются слепыми причинами,

неразумными силами, поступающими *случайным образом*. Случай — вот лишенное смысла слово, которое мы всегда противопоставляем разуму, не умея, однако, связать с этим словом определенного представления.

Действительно, мы приписываем случаю все явления, связи которых с их причинами не видим. Таким образом, мы пользуемся словом *случай*, чтобы прикрыть наше незнание естественных причин, производящих наблюдаемые нами явления неизвестными нам способами или действующих так, что мы не видим в этом порядка или связной системы действий, подобных нашим. Там, где мы наблюдаем — или воображаем, что наблюдаем,— порядок, мы приписываем его *разуму* — свойству, также заимствованному у нас самих и у нашего способа действовать и чувствовать.

Разумное существо — это существо, которое мыслит, желает, действует, чтобы достигнуть цели. Но, чтобы мыслить, желать, действовать на наш лад, надо иметь органы и цель, подобные нашим. Таким образом, говорить, что природой управляет разум,— значит предполагать, что ею управляет существо, наделенное телесными органами, так как без органов не может быть ни восприятий, ни идей, ни представлений, ни мыслей, ни желаний, ни плана, ни действия.

Человек всегда воображает себя центром вселенной; он относит к самому себе все, что наблюдает. Лишь только человек замечает какой-нибудь способ действия, до некоторой степени сходный с его собственным, или же видит интересующие его явления, он начинает приписывать их сходной с ним причине, которая действует, как он, имеет те же самые способности, интересы, планы и то же самое устремление. Одним словом, он понимает такую причину по аналогии с собой. Так, человек, видя в окружающем мире лишь тела и существа, действующие иначе, чем он, и воображая, однако, будто он заметил в природе порядок, сходный с его собственными идеями, и цели, подобные его собственным целям, вообразил, что природой управляет разумная подобно ему причина, и приписал ей этот якобы наблюдаемый им порядок и свои собственные цели. Правда, человек, чувствуя себя неспособным произвести

столь многообразные и могучие явления, как те, что он наблюдает во вселенной, вынужден был признать различие между собой и этой невидимой причиной, производящей такие колоссальные действия; но он вообразил, что сможет устранить эту трудность, приписав этой причине собственные способности в преувеличенном виде. Так мало-помалу человек выработал представление о разумной причине, поставив ее над природой и заставив управлять всеми движениями, которые, по его мнению, последняя не может произвести сама по себе. Он упорно видел в природе бесформенную груду мертвых и инертных веществ, неспособных произвести ни одного из тех грандиозных действий и закономерных явлений, из которых вытекает то, что он назвал *порядком вселенной**.

Отсюда следует, что из-за незнания сил природы или свойств материи люди без нужды умножили число существ, предположив, будто вселенной управляет разумная причина, образцом которой всегда был и будет человек. Приписав этой причине чрезмерно преувеличенные человеческие способности, люди лишь делают ее непостижимой; они фактически упраздняют или делают ее чем-то совершенно немыслимым, когда им приходится допустить наличие в ней несовместимых качеств, чтобы объяснить себе наблюдаемые в природе противоположные и беспорядочные явления. Действительно, мы наблюдаем в этом мире массу беспорядков, а между тем нам говорят, что прекрасный порядок мира заставляет нас признать его созданием верховного разума. Имеющийся в природе беспорядок служит опровержением приписываемых этому разуму планов, могущества, мудрости, доброты, а также чудесного порядка.

---

* Анаксагор, как говорят, первый предположил, что вселенная создана и управляется неким *разумом*, или *умом*. Аристотель упрекал его за то, что он пользуется этим разумом для объяснения явлений с помощью своего рода deus ex machina, когда у него не хватает никаких разумных оснований. «Dictionnaire» de Bayle, «Anaxagoras», note E. [«Словарь» Бейля, «Анаксагор», примечание Е.] Несомненно, можно бросить тот же упрек всем тем, кто, чтобы избавиться от трудностей, прибегает к слову «*разум*».

Нам, без сомнения, скажут, что так как природа содержит в себе разумные существа и производит их, то она сама должна быть разумной или управляемой разумной причиной. Мы ответим на это, что разум есть способность, свойственная организованным существам, т. е. существам, устроенным и составленным определенным образом, обусловливающим определенные способы действия, по-разному именуемые нами в зависимости от различных производимых этими существами действий. Вино не обладает теми качествами, которые мы называем *остроумием* или *мужеством*, однако мы замечаем, что иногда оно сообщает эти качества людям, которых мы считали совершенно лишенными их. Мы не можем назвать природу *разумной* подобно определенной группе заключающихся в ней существ; но она может производить разумные существа, собирая вещества, способные образовать организованные определенным образом тела, обусловливающие способность, называемую нами *разумом*, и известные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этого свойства. Повторяю, чтобы обладать разумом, планами, намерениями, надо обладать идеями; чтобы обладать идеями, надо обладать органами и чувствами, чего нельзя приписать природе или причине, которая, как предполагают, управляет ее движениями. Наконец, опыт показывает нам, что вещества, которые мы считаем бездейственными и мертвыми, соединившись известным образом, приобретают способность к действию, разум, жизнь[1].

Из всего сказанного следует заключить, что *порядок* всегда представляет собой лишь единообразную и необходимую связь причин и следствий или последовательность действий, вытекающих из свойств тел и существ, пока они остаются в некотором состоянии, а беспорядок есть изменение этого состояния; что все необходимо в порядке вселенной, в которой все действует и движется сообразно свойствам тел и существ; что в природе, где все следует законам своего собственного существования, не может быть реального беспорядка или зла. Отсюда вытекает, что в природе, где нет следствий без достаточных причин, где все причины действуют по

определенным, неизменным законам, зависящим от их существенных свойств, а также от сочетаний и модификаций, составляющих их постоянное или временное состояние, нет и не может быть ничего *случайного*, что разум — это способ бытия и действия, свойственный некоторым определенным существам, и что если бы мы захотели приписать разум природе, то он означал бы в ней просто способность сохранять свое деятельное существование с помощью необходимых для этого средств. Отказывая природе в свойственном нам самим разуме, отвергая разумную причину, которую считают ее двигателем или основой наблюдаемого в ней порядка, мы ничего не приписываем случаю или какой-то слепой силе, объясняя все наблюдаемое нами с помощью реальных, известных и легко доступных познанию причин. Мы признаем, что все существующее есть следствие свойств, присущих вечной материи, которая путем смешений, сочетаний и изменений форм производит наблюдаемые нами порядок, беспорядок и разнообразие. Мы слепы, когда выдумываем какие-то слепые силы; приписывая явления природы случаю, мы просто обнаруживаем незнание ее сил и законов. Мы не становимся умнее и тогда, когда начинаем приписывать эти явления какому-то разуму, понятие о котором имеет источником нас же самих и никогда не согласуется с действиями, приписываемыми нами верховному существу. Мы пытаемся подменить вещи словами и, затемняя идеи, которые никогда не осмеливаемся ни точно определить, ни проанализировать, воображаем, будто достигли правильного понимания.

Глава VI

О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО ДЕЛЕНИИ НА ФИЗИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕКА ДУХОВНОГО, О ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ

Применим теперь рассмотренные выше общие законы к наиболее интересующим нас существам природы. Посмотрим, чем может отличаться человек от других

окружающих его существ; исследуем, не имеет ли человек точек соприкосновения с последними, благодаря которым он, несмотря на существующие между ним и животными различия, поступает все же согласно универсальным правилам, которым подчинено все. Наконец, рассмотрим, обоснованы или фантастичны представления человека о самом себе, до которых он дошел, размышляя над собственным существом.

Человек занимает определенное место среди той массы тел и существ, совокупность которых образует природу. Сущность человека, т. е. отличающий его способ бытия, делает его способным к различным способам действия или движениям, одни из которых просты и видимы, а другие сложны и скрыты. Человеческая жизнь представляет собой лишь длинную цепь необходимых и взаимосвязанных движений, источником которых являются либо причины, скрытые внутри самого человека, как кровь, нервы, волокна, мышцы, кости — словом, твердые и жидкие вещества, входящие в состав его тела, либо внешние причины, которые, действуя на человека различным образом, модифицируют его, как окружающий его воздух, пища, которой он питается, и вообще все предметы, непосредственно действующие на его чувства и, следовательно, производящие в нем непрестанные изменения.

Как и все существа, человек стремится к самосохранению; он сопротивляется разрушению, испытывает силу инерции, тяготеет к самому себе, притягивается сходными с ним и отталкивается противоположными ему объектами, ищет первых и избегает последних или пытается их устранить. Эти различные способы действия и модификации, на которые способен человек, получили разные наименования; мы вскоре будем иметь случай рассмотреть их подробнее.

Какими бы чудесными, скрытыми, сложными ни были как видимые, так и внутренние способы действия человеческой машины, внимательно исследуя их, мы увидим, что все действия, движения, изменения этой машины, ее различные состояния, совершающиеся с ней катастрофы постоянно регулируются законами, присущими всем существам, которых природа порождает, разви-

вает, обогащает способностями, растит, сохраняет в течение некоторого времени, а под конец разрушает или разлагает, заставляя их изменить свою форму.

Человек вначале представляет собой лишь незаметную точку, части которой бесформенны, движения и жизнь которой ускользают от нашего взора, одним словом, нечто такое, в чем мы не замечаем никаких признаков качеств, называемых нами *чувством*, *разумом*, *мыслью*, *силой*, *рассудком* и т. д. Эта точка, помещенная в соответствующем вместилище, развивается, расширяется, растет благодаря непрестанному присоединению притягиваемых ею родственных ее существу веществ, которые сочетаются и ассимилируются с ней. Выйдя из этого вместилища, способного в течение некоторого времени сохранять, развивать, укреплять слабые зачатки его организации, человек вырастает и становится затем взрослым: его тело принимает значительные размеры, движения становятся заметными, все части его тела приобретают чувствительность и он превращается в живую и действующую массу, которая чувствует, мыслит и выполняет функции, свойственные существам человеческого рода. Эта масса приобретает описанные нами способности лишь потому, что постепенно растет, питается, восстанавливает себя, непрерывно притягивая к себе вещества, которые мы считаем инертными, бесчувственными, неодушевленными, и соединяясь с ними. Между тем именно эти вещества образуют деятельное целое, которое живет, чувствует, рассуждает, размышляет, желает, обдумывает, выбирает и может более или менее успешно обеспечивать самосохранение, т. е. поддержание гармонии в собственном существовании.

Все движения, или изменения, испытываемые человеком в течение его жизни как со стороны внешних предметов, так и со стороны заключенных в нем самом субстанций, благоприятны или пагубны для его существа, поддерживают в нем порядок или приводят его в беспорядок, сообразны или несообразны с основной тенденцией его способа существования, одним словом, приятны или неприятны ему. По своей природе человек вынужден одобрять одни из таких изменений и не

одобрять других; одни делают его счастливым, другие — несчастным; одни становятся предметами его желаний, другие — предметами его опасений.

Во всех явлениях человеческой жизни от рождения до смерти мы видим лишь цепь необходимых причин и следствий, сообразных с законами, общими всем существам природы. Все способы действия, чувства, идеи, страсти, желания и поступки человека есть необходимые следствия его собственных свойств и свойств влияющих на него существ. Все, что он делает и что происходит в нем, является следствием сил инерции, тяготения к самому себе, притяжения и отталкивания, стремления к самосохранению — словом, энергии, общей человеку со всеми наблюдаемыми нами существами. Эта энергия лишь проявляется в человеке специфическим образом, зависящим от его особенной природы, отличающей его от существ какой-нибудь другой системы, или другого порядка, бытия.

Источником заблуждений, в которые впал человек, изучая самого себя, является, как мы вскоре покажем, его убеждение, будто он самостоятельно совершает различные действия, всегда действует в силу собственной энергии и в своих поступках и желаниях, являющихся их мотивами, независим от общих законов природы и от предметов, которые природа заставляет — часто без его ведома и всегда вопреки ему — действовать на него. Если бы человек внимательно исследовал себя, он понял бы, что все его движения отнюдь не самочинны, что его рождение зависит от причин, лежащих вне его власти, что без своего ведома он входит в систему, в которой занимает определенное место, что от рождения до смерти он непрерывно изменяется под воздействием причин, которые вопреки ему влияют на его организацию, видоизменяют его существо и определяют его поведение. Малейшее размышление должно было бы показать ему, что твердые и жидкие элементы его тела и весь скрытый механизм последнего, по его мнению независимый от внешних причин, постоянно испытывают влияние этих причин и в противном случае были бы совершенно не способны действовать. Разве не ясно, что темперамент человека совер-

менно не зависит от него самого, его страсти являются необходимым следствием этого темперамента, а его желания и поступки определяются этими страстями и взглядами, принятыми им отнюдь не по собственной воле? Разве большее или меньшее количество или степень разгоряченности его крови, большая или меньшая степень напряжения его нервов и мышц, его постоянные и преходящие наклонности не определяют в каждый момент его мысли, желания и тревоги, его видимые и скрытые движения? Разве состояние, в котором он находится, не зависит необходимым образом от той или иной модификации окружающего его воздуха, от качества принимаемой им пищи, от происходящих в нем самом скрытых сочетаний, которые сохраняют порядок в его организме или вносят в него беспорядок? Одним словом, все должно было бы убедить человека в том, что в каждое мгновение своей жизни он является пассивным орудием необходимости.

В мире, где все взаимосвязано и все причины сцеплены между собой, не может быть независимой и изолированной энергии, или силы. Таким образом, вечно деятельная природа указывает человеку каждую точку линии, которую он должен описать; природа вырабатывает и комбинирует элементы, из которых он должен быть составлен; природа дает человеку его существо, его устремление, его особый способ действия; природа развивает его, растит, сохраняет известное время, в течение которого он должен выполнить свою задачу; природа помещает на его пути предметы и события, которые действуют на него то благоприятным, то гибельным образом. Природа же, наделив человека сознанием, дает ему возможность выбирать полезные для него предметы и принимать наиболее пригодные для самосохранения меры; по завершении же человеком своего жизненного поприща природа приводит его к гибели, заставляя тем самым подчиниться всеобщему, постоянному и не терпящему исключений закону. Так движение порождает человека, некоторое время поддерживает его и наконец разрушает, заставляя вернуться в лоно природы, которая вскоре воспроизведет его распыленным на бесчисленное множество новых

форм, различные стадии существования которых будут пройдены каждой из его частей с той же необходимостью, с какой их бывшее целое некогда прошло стадии своей жизни.

Существа человеческого рода, как и все прочие существа, способны к двоякого рода движениям: одни из них массовые, и при их осуществлении тело в целом или некоторые его части видимым образом меняют местоположение, другие — внутренние, скрытые, из которых некоторые воспринимаются нами, между тем как другие происходят без нашего ведома и дают знать о себе лишь посредством производимых ими внешних действий. В очень сложной машине, созданной путем сочетания огромного количества веществ, отличающихся разнообразием свойств, пропорций, способов действия, движения по необходимости становятся очень сложными, а потому их медленность или быстрота часто делают их недоступными наблюдениям того, в ком они совершаются.

Поэтому не будем поражаться, что человек встретил столько препятствий, когда захотел познать свое существо и свой способ действия, и что он придумал такие странные гипотезы для объяснения скрытого механизма своего тела, действующего, как ему казалось, столь отличным от способа движения других тел природы способом. Человек ясно видел, что его тело и различные части последнего действуют известным образом, но часто не мог усмотреть, что побуждает их к действию. Поэтому он пришел к убеждению, что имеет внутри себя какой-то отличный от своей телесной машины движущий принцип, который скрытым образом дает импульс пружинам этой машины, движется в силу собственной энергии и действует согласно законам, совершенно отличным от законов, управляющих движениями всех других тел и существ. Человек сознавал, что в нем существуют некоторые внутренние движения, которые время от времени дают себя чувствовать. Но как мог он объяснить то, что эти невидимые движения часто могут произвести самые поразительные действия? Чем мог он объяснить то, что какая-нибудь случайно мелькнувшая идея, какой-нибудь незамет-

ный акт мысли часто могут потрясти его и внести беспорядок во все его существо? Одним словом, человек вообразил, что в нем имеется некая отличная от него самого и одаренная тайной силой субстанция, и приписал ей свойства, совершенно отличные от свойств действующих на его органы видимых причин и от свойств самих этих органов. Он не обратил внимания на то, что понять или объяснить несложные причины, благодаря которым падает камень или движется его рука, может быть, не менее трудно, чем постигнуть причину того внутреннего движения, результатом которого являются мысль и воля. Так недостаточно размышлявший над природой человек стал рассматривать ее с неверной точки зрения и не заметил сходства и соответствия между движениями этого мнимого двигателя и движениями своего тела или его материальных органов. Поэтому он стал считать себя не только особым, но и совершенно отличным от других частей природы существом, обладающим более простой сущностью и не имеющим ничего общего со всем тем, что он наблюдал*.

Отсюда последовательно возникли понятия *духовности*, *immатериальности*, *бессмертия* и все неопределенные слова, мало-помалу придуманные мастерами умозрительных тонкостей для обозначения атрибутов неизвестной субстанции, которую человек, как ему казалось, заключает в самом себе в качестве скрытого источника своих видимых движений. Венцом всех рискованных гипотез насчет этой движущей силы явилось предположение, что она в отличие от всех других существ и служащего ей оболочкой тела не подвергается распаду, что ее совершенная простота не дает

---

* «Следовало бы,— говорит один анонимный автор,— определить жизнь, прежде чем размышлять над душой. Но я считаю это невозможным, так как в природе существуют столь элементарные вещи, что воображение не может ни разделить их, ни свести к чему-либо более простому: таковы жизнь, белизна, свет, которые можно определить только посредством их действий». «Dissertations mêlées», p. 252. Жизнь есть совокупность движений, свойственных организованному существу, а движение может быть лишь свойством материи.

ей разложиться или изменить свою форму,— одним словом, что по своей сущности она недоступна тем переменам, которым подвержено человеческое тело, равно как и все сложные существа природы.

Так человек удвоился. Он стал рассматривать себя как некоторое целое, получившееся путем какого-то непостижимого соединения двух различных сущностей, не имеющих между собой ничего общего. Он различил в себе две субстанции: одна из них, явно подверженная влияниям грубых предметов и составленная из грубых инертных веществ, была названа *телом*; другую признали простой, более чистой по своей сущности, действующей самостоятельно и сообщающей движения телу, с которым она чудесным образом соединена; ее назвали *душой*, или *духом*. Функции первой были названы *физическими*, *телесными*, *материальными*; функции последней — *духовными и интеллектуальными*. Человек, рассматриваемый как носитель телесных функций, был назван *физическим человеком*, а рассматриваемый как носитель духовных функций — *человеком духовным*.

Эти различения, принятые в настоящее время большинством философов, опираются на совершенно неосновательные предположения. Люди всегда верили, будто они избавляются от своего незнания, придумывая слова, с которыми невозможно связать никакого подлинного смысла. Люди вообразили, будто знают материю, все ее свойства, способности, возможности и различные сочетания только потому, что узнали некоторые из ее поверхностных свойств; присоединив же к ней некую субстанцию, гораздо менее понятную, чем она сама, они только затемнили те смутные представления, которые сумели себе о ней составить. Так метафизики, сочиняя слова и умножая существа, только запутались в новых затруднениях, бóльших, чем те, которых они хотели избежать, и создали препятствия прогрессу знания: не обладая фактами, они обратились к содействию гипотез, вскоре превратившихся для них в реальности; а их воображение, не руководствующееся более опытом, безнадежно заблудилось в лабиринте какого-то выдуманного ими идеального интеллектуаль-

ного мира, так что стало почти невозможным извлечь его оттуда и поставить на правильный путь, указать который может только опыт. Опыт показывает нам, что в нас самих, равно как и в действующих на нас объектах, имеется только наделенная различными свойствами материя, различно сочетающаяся, видоизменяющаяся и действующая согласно своим свойствам. Одним словом, человек есть организованное целое, составленное из различных веществ; подобно другим творениям природы он следует всеобщим и известным законам, а также свойственным лишь ему и еще неизвестным законам или способам действия.

Таким образом, если нас спросят, что такое человек, то мы ответим, что это — материальное существо, организованное так, чтобы чувствовать, мыслить и испытывать видоизменения, свойственные лишь ему одному, его организации и особым сочетаниям собранных в нем веществ. Если нас спросят о происхождении существ человеческого рода, мы ответим, что человек есть продукт природы подобно прочим существам, в некоторых отношениях похож на последних, подчиняясь тем же законам, что и они, но отличается от них в других отношениях и, кроме того, следует специальным законам, вытекающим из особенностей его строения. Если нас спросят, откуда появился человек, то мы ответим, что опыт не дает нам возможности решить этот вопрос, который, собственно, и не может интересовать нас по-настоящему; нам достаточно знать, что человек существует и благодаря своему устройству способен производить те действия, которые мы у него наблюдаем.

Но, спросят нас, всегда ли существовал человек? Вечен ли человеческий род или природа создала его в определенное время? Всегда ли существовали подобные нам люди и всегда ли они будут существовать? Всегда ли существовали самцы и самки? Существовал ли первый человек, от которого произошли все прочие? Что чему предшествовало: яйцо животному или животное яйцу? Если виды организмов не имеют начала, то значит ли это, что они не будут иметь конца? Являются

ли эти виды неуничтожимыми или же они преходящи подобно индивидам? Всегда ли человек был тем, чем является теперь, или, прежде чем дойти до теперешнего состояния, он должен был пройти бесчисленное множество промежуточных стадий? Наконец, может ли человек считать, что он дошел до окончательного, неизменного состояния, или человеческому роду предстоят еще новые изменения? Если человек есть продукт природы, то, спросят нас, может ли природа произвести новые существа и уничтожить старые? Наконец, допустив последнее, пожелают узнать, почему природа не производит на наших глазах новых существ или новых видов? Можно, кажется, остановиться на любом решении всех этих вопросов, в сущности не имеющих принципиального значения. При отсутствии опытных данных человеческой любознательности, всегда устремляющейся за предписанные нашему духу границы, приходится обратиться к гипотезе. Признав это, наблюдатель природы ответит, что не видит никакого противоречия ни в допущении, что человеческий род в его нынешнем виде существовал от века или был создан в некоторый определенный момент времени, ни в допущении, что человечество дошло до своего теперешнего состояния, пройдя через ряд последовательных фаз развития. Материя вечна и необходима, но ее сочетания и формы преходящи и случайны; а что такое человек как не сочетание материи, форма которой меняется с каждым мгновением?

Однако есть ряд соображений, говорящих, по-видимому, в пользу гипотезы о том, что человек возник в определенный момент времени, является существом, характерным именно для земли, и, следовательно, может существовать лишь с момента возникновения Земли, являясь результатом управляющих ею специфических законов. Бытие — это существенная черта вселенной, или всей совокупности наблюдаемых нами существенно различных веществ, но сочетания и формы не являются существенными для этих веществ. Установив это, мы вправе сказать, что, хотя вещества, составляющие Землю, существовали всегда, Земля отнюдь не всегда имела свои теперешние форму и свой-

ства: быть может, земной шар представляет собой массу, когда-то отделившуюся от какого-нибудь другого небесного тела; быть может, эта масса — продукт тех пятен или корок, которые астрономы наблюдают на солнечном диске и которые могли распространиться оттуда по нашей планетной системе; быть может, земной шар является погасшей и переместившейся кометой, которая занимала некогда совершенно другое место в небесном пространстве и, следовательно, могла тогда производить существа, резко отличные от тех, что мы наблюдаем на ней теперь, так как ее тогдашнее местоположение и природа должны были делать все ее произведения отличными от тех существ, которые имеются на ней в настоящее время.

На какой бы гипотезе ни остановиться, но растения, животных, людей можно считать произведениями, характерными именно для земного шара в его нынешнем положении и в условиях, в каких он находится в настоящее время. Если бы в силу какой-нибудь катастрофы Земля изменила свое местоположение, эти произведения должны были бы измениться. Подкреплением данной гипотезы служит тот факт, что в пределах самого земного шара все находящиеся на нем существа изменяются в зависимости от изменения климата. Люди, животные, растения и минералы далеко не одинаковы в разных местах, изменяясь иногда очень резко даже при незначительной разнице в расстоянии. Слон обитает в жарком поясе; олень живет в климатических условиях холодного севера; Индостан — родина алмаза, который не встречается в наших краях; ананас растет в Америке на открытом воздухе, у нас же для его выращивания нужны ухищрения искусства, доставляющие ему столько солнечного света, сколько требуется. Наконец, люди отличаются в различных климатических условиях по цвету кожи, росту, строению, силе, ловкости, мужеству, духовным способностям. Но от чего зависит климат? От различного положения тех или иных частей земного шара по отношению к Солнцу, ибо достаточно изменения этого положения, чтобы значительно изменить произведения Земли.

Таким образом, можно со значительной степенью вероятности предположить, что если бы по какой-нибудь случайности земной шар переместился, то все его произведения неизбежно изменились бы, так как при наличии других причин или при изменении их способа действия необходимым образом должны измениться и следствия. Чтобы существа природы могли сохраняться или поддерживать свое существование, они должны приспосабливаться к целому, из которого возникли; иначе они не смогут существовать. Именно эту способность к приспособлению, эту относительную согласованность мы называем порядком вселенной, а отсутствие ее — беспорядком. Мы называем чудовищными творения природы, не соответствующие общим или частным законам окружающих их тел и существ, или той среды, в которой они находятся; при своем образовании такие творения могли приспособиться к указанным законам, но эти законы противятся их совершенству, в силу чего они не могут продолжать существовать. Так, наличие известного соответствия в строении животных различных видов дает им возможность произвести мулов; но мулы не могут размножаться. Человек может жить лишь в воздушной среде, а рыба — в воде; поместите человека в воду, а рыбу в воздух, и вскоре они погибнут за невозможностью приспособиться к окружающей их среде. Мысленно перенесите человека с нашей планеты на *Сатурн*; вскоре его грудь начнет разрываться от слишком разреженного воздуха, а его члены окоченеют от холода; он погибнет из-за невозможности найти элементы, соответствующие его теперешнему существованию. Перенесите другого человека на планету *Меркурий*, и он вскоре погибнет от чрезмерного зноя.

Итак, по-видимому, все дает нам право высказать предположение, что человеческий род есть произведение природы, свойственное земному шару при занимаемом им теперь положении, и в случае изменения последнего этот род должен или измениться, или исчезнуть, так как существовать способно лишь то, что согласуется с некоторым целым или вплетено в него. Именно

эта способность человека соответствовать целому не только порождает у него идею порядка, но и заставляет его провозглашать, что *все хорошо*, между тем как все представляет собой лишь то, чем оно может быть, необходимо выступая таким, каким оно есть, не будучи *положительно* ни хорошим, ни дурным. Достаточно переместить человека, чтобы он стал обвинять вселенную в беспорядке.

Эти соображения противоречат, по-видимому, взглядам тех, кто высказывал предположение, что на других планетах, как и на Земле, обитают подобные нам существа. Но если *лапландец* так резко отличается от *готтентота*, то какое различие вправе мы предположить между жителем Земли и обитателями *Сатурна* или *Венеры*?

Как бы то ни было, если нас заставят мысленно обратиться к началу вещей и колыбели человеческого рода, мы скажем, что человек, вероятно, появился в результате выхода земного шара из состояния хаоса и представляет собой один из необходимых результатов тех качеств, свойств, энергии, которые присущи Земле в ее настоящем положении; что с самого начала человеческий род разделился на два пола: мужской и женский; что его существование находилось и находится в соответствии с существованием земного шара; что, пока будет существовать это соответствие, человечество сохранится, размножаясь согласно первоначальным, вызвавшим его к жизни законам; и наконец, что если бы это соответствие прекратилось, если бы Земля, сместившись, перестала испытывать влияния со стороны воздействующих на нее и сообщающих ей энергию причин, которые она испытывает теперь, то человеческий род изменился бы и уступил место новым существам, способным приспосабливаться к новому состоянию земного шара.

Следовательно, если в положении земного шара происходили изменения, то первобытный человек отличался от современного, может быть, больше, чем четвероногое отличается от насекомого. Итак, можно утверждать, что человек подобно всему существующему на Земле и других планетах находится в процессе

непрестанного изменения[1], и конец его существования нам так же не известен и так же не интересен, как и его начало. Таким образом, нет никакого противоречия в допущении, что виды организмов непрерывно изменяются и что мы так же не можем знать того, чем они станут, как и того, чем они были.

Что касается лиц, спрашивающих, почему природа не производит новых существ, то мы в свою очередь спросим их: откуда они знают это? Что заставляет их считать природу столь бесплодной? Уверены ли они, что природа не занята без ведома наблюдающих ее произведением новых существ в ежеминутно осуществляемых ею сочетаниях? Кто сказал им, что природа в данный момент не собирает в своей колоссальной лаборатории элементов, необходимых, чтобы породить совершенно новые виды, не имеющие ничего общего с существующими в настоящее время видами? Почему нелепо или нелогично вообразить, что человек, лошадь, рыба, птица не будут больше существовать? Разве эти животные так необходимы природе и разве она не сможет продолжить без них свое вечное движение? Разве все вокруг нас не изменяется? Разве мы сами не изменяемся? Разве не очевидно, что вселенная никогда не была в своем бесконечно продолжавшемся прошлом точно такой, какова она теперь, и что невозможно, чтобы в своем вечном будущем она хоть на мгновение стала точно той же, что и теперь? Как можем мы угадать, что принесет с собой бесконечная смена разрушений и созиданий, сочетаний и разложений, метаморфоз, изменений, перемещений? Солнца гаснут и покрываются твердой корой; планеты гибнут и рассеиваются в эфирных пространствах; новые солнца зажигаются, новые планеты образуются, описывая новые орбиты и новые круговращения, а человек, эта бесконечно малая частица шара, который сам лишь незаметная точка в необъятном мире, думает, что вселенная создана для него, воображает, что должен быть доверенным лицом, льстит себя надеждой на вечную жизнь, называет себя царем вселенной!

О человек! Неужели ты никогда не поймешь, что ты лишь эфемерное, однодневное существо? Все во

вселенной изменяется, природа не содержит в себе никаких постоянных форм, а ты воображаешь, что твой род не может исчезнуть и должен составлять исключение из всеобщего закона, согласно которому все должно изменяться! Увы! Разве в своем нынешнем состоянии ты не подчинен непрерывным изменениям? В своем безумии ты называешь себя *царем природы*, измеряешь землю и небо, воображаешь, льстя собственному тщеславию, будто все было создано потому, что у тебя есть разум, а между тем достаточно малейшей случайности, смещения какого-нибудь атома, чтобы погубить или унизить тебя, чтобы отнять у тебя разум, которым ты так гордишься!

Если бы кто-либо отказался согласиться со всеми предыдущими соображениями, утверждая, что природа действует согласно известной сумме неизменных и общих законов; если бы предположили, что человек, четвероногое, рыба, насекомое, растение и т. д. существуют от века и вечно остаются такими же, как и теперь; если бы допустили, что звезды от века сияют на небосклоне, и сказали, что спрашивать, почему человек таков, каков он есть, так же не разумно, как спрашивать, почему природа такова, какой мы ее видим, или почему существует мир, мы ничего не возразили бы против этого. Исходя из обеих точек зрения можно, вероятно, одинаково успешно справиться с возникающими при этом трудностями. При более внимательном рассмотрении можно убедиться, что эти трудности нисколько не ослабляют силы установленных нами в согласии с опытом истин. Человеку не дано знать все; ему не дано познать свое происхождение, проникнуть в сущность вещей и добраться до первоначальных причин. Но ему дано иметь разум и правдивость, чтобы откровенно признать, что он не знает того, чего не может знать, и не маскировать свое незнание непонятными словами и абсурдными предположениями. Поэтому мы скажем лицам, которые, желая разом разрешить трудности, утверждают, будто человеческий род происходит от какого-то первого мужчины и какой-то первой женщины, созданных божеством, что у нас есть некоторые представления о природе, но нет ника-

кого представления о божестве и творении и что пользоваться этими словами — значит лишь иносказательно признавать свое незнание энергии природы и способа, каким она произвела людей*.

Итак, сделаем заключение, что у человека нет никаких оснований считать себя привилегированным существом природы; он подвержен тем же превратностям, как и все другие ее произведения. Его мнимые преимущества основываются лишь на заблуждении. Пусть человек мысленно поднимется над земным шаром, на котором обитает, и он сумеет посмотреть на человеческий род так, как и на все другие существа. Он увидит, что подобно тому как каждое дерево приносит соответствующие его виду плоды, так и каждый человек, действуя в соответствии со своей особой энергией, производит столь же необходимые плоды — поступки или действия. Он поймет, что иллюзия, предрасполагающая его переоценивать свою роль, происходит оттого, что он одновременно и наблюдатель вселенной, и ее часть. Он осознает, что его мысль о своем превосходстве основана лишь на собственном интересе и пристрастном отношении к себе.

Глава VII

О ДУШЕ И ОБ УЧЕНИИ СПИРИТУАЛИСТОВ

Предположив без всяких оснований наличие двух разных субстанций в человеке, мыслители, как мы уже видели, стали утверждать, будто субстанция, невидимо действующая внутри человека, существенно отлична от той, которая действует вне его; первая из этих субстанций, как мы отмечали, была названа *духом*, или

---

* «Ut tragici poëtae confugiunt ad deum aliquem cum aliter explicare argumenti exitum non possunt». (*Cicero*, de Divinatione, lib. II). [«Подобно тому, как трагические поэты прибегают к некоему богу, когда они не умеют иным путем устроить развязку». (*Цицерон*, О прорицании).] Цицерон говорит еще: «Magna stultitia est earum rerum deos facere effectores, causas rerum non quaerere». [«Очень глупо делать из богов виновников этих вещей, вместо того чтобы искать их причины».]

душой. Но если мы спросим, какова сущность этого духа, то современные мыслители ответят нам, что результат всех их метафизических изысканий ограничивается следующим: человека заставляет действовать субстанция неизвестной природы, столь простая, неделимая, лишенная протяженности, невидимая, неуловимая чувствами, что ее части не могут быть отделены от нее даже с помощью абстракции, или мысленно. Как постигнуть подобную субстанцию, являющуюся отрицанием всего, что мы знаем? Как составить себе представление о субстанции, лишенной протяжения и тем не менее действующей на наши чувства, т. е. на материальные, протяженные органы? Как может быть подвижным и приводить в движение материю непротяженное существо? Как может последовательно соответствовать различным частям пространства лишенная частей субстанция?

В самом деле, движение, как согласится всякий, есть последовательное изменение отношений какого-нибудь тела к различным точкам пространства или другим телам. Если существо, именуемое *духом*, может получать или сообщать движение, если оно действует и приводит в движение органы тела, то это существо должно последовательно изменять свои отношения, свое устремление, свое соответствие, положение своих частей по отношению к различным точкам пространства или различным органам приводимого им в движение тела. Но, для того чтобы изменять свои отношения к пространству и к приводимым им в движение органам, этот *дух* должен обладать протяжением, твердостью и, следовательно, различными частями; если же субстанция обладает такими качествами, она является тем, что мы называем *материей*, и не может считаться простым существом, как его понимают современные философы*.

---

* Те, кто утверждает, будто душа есть простое существо, не преминут сказать нам, что сами материалисты, равно как и физики, допускают простые и неделимые элементы — атомы, существа, из которых состоят все тела; но эти простые элементы, или атомы, физиков совсем не то же самое, что *души* современных метафизиков. Когда мы говорим, что атомы — простые суще-

Мы видим, таким образом, что мыслители, предположившие, что и в человеке существует нематериальная, отличная от тела субстанция, сами не поняли смысла своего утверждения и придумали лишь некоторое отрицательное качество, о котором у них не было сколько-нибудь отчетливого представления. Только материя может действовать на наши чувства, без которых невозможно познать что бы то ни было. Сторонники существования души не поняли, что существо, лишенное протяжения, не может ни двигаться само, ни сообщать движение телам, потому что подобное существо, не имея частей, не может ни изменить свое местоположение по отношению к другим предметам, ни вызвать движение в человеческом теле, которое материально. То, что называют нашей *душой*, движется вместе с нами, но движение есть свойство материи. Эта *душа* движет нашу руку, но наша рука, приводимая ею в движение, производит давление, или толчок, подчиняющийся общему закону движения. Так, если сила останется неизменной, а масса удвоится, то и толчок удвоится. Эта душа проявляет себя как нечто материальное также и перед лицом тех неодолимых препятствий, которые она испытывает со стороны тел. Если душа приводит в движение мою руку, когда ничто не препятствует этому, то она не сможет двигать этой рукой, если обременить последнюю слишком большой тяжестью. Итак, материальная масса уничтожает импульс, исходящий от духовной причины, не имеющей никакого сходства с материей, в то время как для духовной субстанции привести в движение весь мир должно быть не труднее, чем какой-нибудь атом, а какой-нибудь атом — не труднее, чем весь мир. Отсюда можно заключить, что подобное существо есть химера, фикция, вымысел разума. И, однако, из такого простого

ства, то подчеркиваем этим, что они чисты, однородны, лишены примесей; тем не менее они имеют протяжение и, следовательно, обладают частями, которые можно мысленно отделить друг от друга, хотя их и не может отделить никакой естественный агент. Простые существа этого рода способны к движению; между тем невозможно уяснить себе, как могут придуманные теологами простые существа передвигаться сами или двигать другие тела.

существа, из подобного духа сделали двигатель всей природы!*

Замечая или испытывая движение, я вынужден признать протяжение, твердость, плотность, непроницаемость в субстанции, которая движется или от которой я получаю движение. Поэтому, приписывая действие какой-нибудь причине, я вынужден считать ее материальной. Я могу не знать ее особенной природы и ее способа действия, но не могу ошибиться относительно общих свойств, присущих всякой материи. К тому же, это незнание только увеличилось бы, если бы я приписал исследуемой мной причине такую природу, о которой не могу составить себе никакого представления и которая, сверх того, совершенно лишает эту причину способности двигаться и действовать. Таким образом, предположение о движущейся и действующей духовной субстанции содержит в себе противоречие; отсюда я заключаю, что она совершенно невозможна.

Сторонники духовной субстанции полагают, что все эти затруднения отпадают, если сказать, что *душа целиком находится в каждой точке своего протяжения.* Но легко понять, что это нелепый ответ, нисколько не снимающий наших затруднений. Ведь в конце концов эта точка, какой бы незаметной и малой ее ни предположить, все же остается чем-то протяженным**.

---

* По образцу человеческой души выдумали универсальный дух, по образцу конечного разума — бесконечный разум. Потом воспользовались этим бесконечным разумом, чтобы объяснить связь человеческой души с телом. При этом не заметили порочного круга и не учли, что *дух* или *разум*, предполагаемые конечными или бесконечными, все равно не в состоянии привести в движение материю.

** Если согласиться с этим ответом, то бесконечное множество разных лишенных протяжения точек или одна и та же лишенная протяжения точка, повторенная бесконечное количество раз, дает протяжение, что, очевидно, нелепо. Кроме того, исходя из этого принципа легко доказать, что человеческая душа так же бесконечна, как бог: ведь бог — непротяженное существо, которое подобно человеческой душе бесконечное множество раз находится целиком в каждой части вселенной или ее протяжения; отсюда неизбежно следует, что бог и человеческая душа одинаково бесконечны, если только не допустить, что лишенные протяженности существа могут иметь различное протяжение или что непротяженный бог более протяжен, чем человеческая душа.

Однако, если даже признать этот ответ правильным, каково бы ни было отношение моего *духа*, или *души*, к протяжению, но когда мое тело движется, моя душа отнюдь не остается позади. Следовательно, душа имеет некоторое свойство, общее ей с телом и с материей вообще, поскольку она перемещается в пространстве вместе с телом. Таким образом, если бы даже душа была нематериальной, что можно было бы заключить из этого? Будучи целиком подчинена движениям тела, она оказалась бы без него мертвой и инертной. Она была бы каким-то двойником тела, неизбежно увлекаемым последним в силу своего сцепления с ним; она походила бы на птичку, которую ребенок тащит куда ему угодно, прикрепленной на нитке.

Пренебрегая указаниями опыта и разума, люди пришли к каким-то туманным представлениям о скрытом принципе своих движений. Но если мы освободимся от ига предрассудков и станем без предубеждения изучать нашу душу, или действующий в нас двигатель, то убедимся, что эта душа составляет часть нашего тела и ее можно отличить от него лишь в абстракции, что она есть то же тело, только рассматриваемое в отношении некоторых функций, или способностей, которыми наделила человека особенная природа его организации. Мы увидим, что эта душа вынуждена претерпевать такие же изменения, как и тело, что она рождается и развивается вместе с последним, проходит подобно ему через состояние детства, слабости, неопытности, растет и крепнет по мере его роста, становясь способной исполнять известные функции, проявлять разум, в большей или меньшей степени обнаруживать рассудительность, ум, активность. Подобно телу душа подвержена влияниям внешних причин; она наслаждается и страдает вместе с ним, разделяет его удовольствия и муки; она здорова, когда тело здорово, и больна, когда тело болеет;

И подобные бессмыслицы желают навязать разумным существам! В своем стремлении сделать человеческую душу бессмертной теологи сделали из нее какое-то духовное и непонятное существо. Почему они не сделали из нее конечного предела деления материи! В этом случае она была бы по крайней мере понятной и, кроме того, бессмертной, будучи *атомом*, т. е. неразрушимым элементом.

как и тело, она испытывает непрерывные воздействия различного давления воздуха, времен года, поступающей в желудок пищи. Наконец, мы не можем не признать, что в известное время душа обнаруживает явные признаки притупления чувствительности, одряхления и смерти.

Но, несмотря на эту аналогию или, точнее, это постоянное тождество состояний души и тела, люди все же хотят сохранить существенное различие между ними. Из души сделали какое-то непонятное существо, причем, чтобы составить себе хоть какое-то представление о нем, пришлось все же прибегнуть к материальным существам и их способу действия. Действительно, слово дух содержит в себе просто идею дуновения, дыхания, ветра. Поэтому, когда нам говорят, что *душа* есть *дух*, это означает, что ее способ действия похож на способ действия дыхания, которое, будучи само невидимым, производит видимые действия, или действует видимым образом. Но дыхание есть материальная причина, это измененный воздух, это вовсе не простая субстанция вроде той, которую современные мыслители обозначают словом дух*.

Хотя употребляемое людьми слово *дух* очень древнего происхождения, но связываемый с ним смысл нов и общепринятая теперь идея духовности совсем недавний плод воображения. Действительно, ни Пифагор, ни Платон при всей разгоряченности их мозга и при всей их склонности к чудесному никогда, кажется, не понимали под *духом* нематериальную, или лишенную протяжения, субстанцию, подобную той, из которой современные философы сделали человеческую душу и скрытый двигатель вселенной. В древности словом *дух* обозначали очень тонкое вещество, более чистое, чем то,

---

* Еврейское слово ruach означает spiritus, spiraculum vitae — дуновение, дыхание. Греческое слово πνεῦμα означает то же самое и происходит от πνέω, spiro. Лактанций[1] предполагает, что латинское слово anima происходит от греческого слова ἄνεμος, означающего *ветер*. Некоторые философы, боясь, без сомнения, слишком ясно понять человеческую природу, делали ее тройной и утверждали, что человек состоит из тела, души и ума (σῶμα, ψυχή, νοῦς). *Marc Anton.*, Lib., III, § 16. [*Марк Антонин*, кн. III, § 16.]

которое грубо действует на наши чувства. Поэтому одни считали душу воздушной субстанцией, другие делали из нее огненное вещество, третьи сравнивали ее со светом. Демокрит сводил ее к движению и, следовательно, видел в ней некий модус. Аристоксен[2], будучи музыкантом, считал ее гармонией. Аристотель рассматривал душу как некую движущую силу, от которой зависят движения живых тел.

Точно так же первые учителя христианства* считали душу материальной: Тертуллиан, Арнобий, Климент Александрийский, Ориген, Юстин, Ириней[3] и т. д. говорили о ней как о телесной субстанции. Лишь их преемники значительно позже сделали из человеческой души и из божества, или души мира, *чистых духов*, т. е. нематериальные субстанции, о которых невозможно составить себе сколько-нибудь отчетливое представление. Мало-помалу невразумительный догмат о духовности, без сомнения соответствующий видам теологии, имеющей целью сокрушение разума, взял верх над всеми прочими взглядами**. Этот догмат сочли бо-

---

* Согласно Оригену, ἀσώματος — incorporeus (бестелесный) — эпитет, который применяют по отношению к богу, означает более тонкую субстанцию, чем субстанция грубых тел. Тертуллиан говорит положительным образом: «Quis autem negabit Deum esse corpus, etsi Deus spiritus?» [«Кто же будет отрицать, что бог телесен, хотя он и дух?»] Тот же Тертуллиан говорит: «Nos autem animam corporalem et hic profitemur, et in suo volumine probamus habentem proprium genus substantiae, soliditatis, per quam quid et sentire et pati possit». («De resurrectione carnis».) [«Мы же и здесь открыто признаем, что душа телесна, и доказываем, что она обладает в своих пределах особого рода субстанцией и плотностью, благодаря которой может чувствовать нечто и страдать». («О телесном воскресении».)]

** Система спиритуализма в том виде, как она принята теперь, обязана всеми мнимыми доказательствами своей истинности Декарту. Хотя и до него душу признавали духовной, он первый установил, что *субъект мысли должен быть отличным от материи*. Отсюда он заключил, что наша душа, или то, что в нас мыслит, есть дух, т. е. простая неделимая субстанция. Но не естественней ли было бы умозаключить, что так как человек, который есть материя и имеет идеи лишь о материи, обладает способностью мыслить, то материя может мыслить, или способна к той специфической модификации, которую мы называем мыслью? «Dictionnaier» de Bayle («Словарь» Бейля), статьи «Pomponace»[4] и «Simonide»[5].

жественным и сверхъестественным, так как он был непонятен человеку, и всех тех, кто осмеливался думать, что душа или божество могут быть материальными, стали рассматривать как безрассудных безумцев. Когда люди отказываются руководствоваться опытом и отрекаются от разума, разгул их воображения растет с каждым днем; они с радостью углубляются в пучину заблуждения; они поздравляют себя со своими мнимыми открытиями и успехами, в то время как в действительности все больший мрак окутывает их мысль. Так путем рассуждений, основанных на ложных принципах, идеи души, или движущего начала человека, а также скрытого двигателя природы стали идеями чистых духов, чистыми химерами, чистыми выдумками ума*.

В самом деле, в спиритуалистическом учении мы обнаруживаем лишь смутные идеи или, вернее, отсутствие всяких идей. Что даст уму идея субстанции, не заключающей в себе решительно ничего доступного нашим чувствам? Действительно ли можно представить себе существо, которое, не будучи материей, действует, однако, на последнюю, не имея с ней ни точек соприкосновения, ни сходства, а само получает от нее импульсы посредством материальных органов, предупреждающих его о присутствии других тел и существ? Можно ли представить себе соединение души и тела? Как может материальное тело связывать, содержать в себе, принуждать или побуждать к чему-то неуловимое существо, ускользающее от всех чувств? Можно ли

* Если в *спиритуалистической* системе мало логики и философии, то нельзя отрицать, что эта система является результатом очень глубокой политики, направленной на обеспечение интересов теологов. Надо было придумать какое-нибудь средство, чтобы спасти некоторую часть человека от разрушения, сделав ее, таким образом, способной получать награды и наказания. Ясно, что этот догмат был очень выгоден для священнослужителей и служил им не только для того, чтобы, напугав невежд, управлять ими и обирать их, но даже для того, чтобы создавать хаос во взглядах более просвещенных людей, которые тоже совершенно не способны ничего понять в том, что им говорят о душе и о божестве. Однако эти священнослужители уверяют, что нематериальная душа будет гореть и, значит, страдать от действия материального огня в аду или в чистилище, и им верят на слово!

назвать добросовестным решением этих трудностей утверждение, будто все это тайны или следствия всемогущества некоторого существа, еще более непонятного, чем человеческая душа и ее способ действия? Разве решать эти проблемы путем ссылок на чудеса и вмешательство божества не значит признать свое невежество или желание обмануть нас?

Не будем поэтому удивляться утонченным, но при всем их остроумии малоудовлетворительным гипотезам, к которым под влиянием теологических предрассудков должны были прибегать глубочайшие из современных мыслителей всякий раз, когда они пытались примирить духовность души с физическим действием материальных существ на эту бестелесную субстанцию, с ее противодействием им, с ее соединением с телом. Человеческий ум не может не впасть в заблуждения, когда, отказавшись от свидетельства своих чувств, он позволяет руководить собой фантазии и авторитету*.

Поэтому, если мы хотим составить себе ясное представление о нашей душе, подвергнем ее опыту, откажемся от своих предрассудков, отбросим все догадки теологов, разорвем священные покрывала, предназначенные для того, чтобы затуманить наш взор и помрачить наш разум. Пусть физики, анатомы, врачи объединят свои опыты и наблюдения и покажут нам, что следует думать о субстанции, которую хотели сделать непознаваемой. Пусть их открытия покажут моралистам истинные двигатели человеческих поступков; законодателям — мотивы, которые они должны привести в действие, чтобы побудить людей трудиться для всеобщего благополучия общества; государям — средства сделать управляемые ими народы прочно, по-настоящему счастливыми. Физические души и физические потребности требуют физического счастья и реальных целей,

---

* Чтобы составить себе представление о тех помехах, которые теология создавала полету мысли гениальных христианских философов, достаточно прочесть лишь метафизические романы Лейбница, Декарта, Мальбранша, Кедворта[6] и т. д. и хладнокровно рассмотреть остроумные химеры, известные под названиями систем *предустановленной гармонии*[7], *окказионализма*[8], *физического преддвижения* (prémotion) и т. д.

а не химер, которыми столько веков пичкали наши умы. Будем трудиться для улучшения *физической* жизни человека, сделаем ее приятной для него, и мы вскоре увидим, что его духовная жизнь станет лучше и счастливей, его душа обретет мир и покой, а воля, направляемая естественными и очевидными мотивами, обратится к добродетели. Если законодатель позаботится о физической стороне жизни человека, то его заботы приведут к воспитанию здоровых, крепких, хорошо сложенных граждан, которые, чувствуя себя счастливыми, легко поддадутся полезным воздействиям на их души. Но эти души всегда будут порочными, если тела будут хилыми от страданий, а народы несчастными. Mens sana in corpore sano (в здоровом теле — здоровый дух). Вот что создает хороших граждан!

Чем больше мы станем размышлять, тем больше будем убеждаться в том, что душа не только не отлична от тела, но есть само это тело, рассматриваемое по отношению к некоторым из его функций или к некоторым способам бытия и действия, на которые оно способно, пока живет. Таким образом, душа есть человек, рассматриваемый по отношению к его способности чувствовать, мыслить и действовать определенным образом, вытекающим из его собственной природы, т. е. из его свойств, его специфической организации и длительных или преходящих модификаций, испытываемых этой организацией под влиянием действующих на нее явлений*.

* Если спросить у теологов, упорно настаивающих на необходимости признания двух существенно отличных субстанций, почему они без нужды умножают число существ, то эти теологи ответят: потому, что мысль не может быть свойством материи. Если, далее, спросить их, не может ли бог сообщить материи способность мыслить, то они ответят на это отрицательно, так как бог не может совершить что-либо невозможное. Но в таком случае теологи оказываются настоящими атеистами: действительно, согласно их принципам, *дух* или *мысль* так же не могут произвести материю, как материя — дух или мысль. Отсюда можно заключить, что мир не был создан духом, как и дух миром, мир вечен, и, допустив существование вечного духа, следует признать существование двух вечных субстанций, что нелепо. Если же существует только одна вечная субстанция, то ясно, что этой субстанцией является мир, ибо в существовании мира не может быть сомнений.

Те, кто отличает душу от тела, по существу просто отличают находящийся в теле мозг от самого тела. Действительно, мозг есть тот общий центр, где оканчиваются и соединяются все нервы, исходящие от всех частей человеческого тела. При помощи этого внутреннего органа совершаются все операции, приписываемые душе: сообщенные нервам впечатления, изменения и движения видоизменяют мозг; реагируя под влиянием этого, мозг приводит в движение органы тела или же действует на самого себя и становится способным произвести внутри себя огромное разнообразие движений, называемых *умственными способностями*.

Из этого-то мозга некоторые мыслители хотели сделать духовную субстанцию. Ясно, что именно невежество породило и укрепило эту столь противоестественную теорию. Совершенно не изучив человека, в нем предположили наличие некоего агента, отличающегося по своей природе от человеческого тела. Между тем, исследуя это тело, можно убедиться, что для объяснения всех наблюдаемых в нем явлений нет никакой нужды прибегать к таким гипотезам, которые могут лишь сбить нас с прямого пути. Этот вопрос затемняется тем, что человек не может видеть самого себя. Действительно, чтобы он мог видеть себя, ему нужно быть одновременно и внутри, и вне себя. Его можно сравнить с чувствительной арфой, которая сама по себе издает звуки и спрашивает саму себя, что заставляет ее издавать их. Она не видит, что, будучи чувствительной, сама задевает свои струны и что их заставляют звучать всякие прикосновения к ним.

Чем обширнее станет наш опыт, тем больше случаев будем мы иметь, чтобы убедиться в том, что слово *дух* не имеет никакого смысла даже для тех, кто его придумал, и не может пригодиться нигде — ни в физике, ни в морали. То, что современные метафизики понимают под этим словом, в действительности представляет собой какую-то *скрытую* силу, придуманную для объяснения скрытых качеств и действий, но не объясняющую ничего. Дикие народы допускают существование духов, чтобы объяснить явления, причин которых они не знают или которые кажутся им чудесными.

Но разве, приписывая *духам* происходящие в природе или человеческом теле явления, мы рассуждаем иначе, чем дикари? Люди наполнили природу *духами*, так как они почти никогда не знали истинных причин явлений. Не зная сил природы, решили, что она одушевлена каким-то *великим духом*. Аналогичным образом, не зная свойственной человеческому организму энергии, его сочли одушевленным каким-то *духом*. Отсюда ясно, что словом *дух* обозначают лишь неизвестную причину явления, которое не умеют объяснить естественным образом. Именно в силу подобной логики индейцы Америки думали, что страшные действия пороха производятся *духами* или *божествами*. На том же основании люди до сих пор верят в *ангелов* и *демонов*, а наши предки некогда верили в богов, призраков, добрых и злых гениев; рассуждая подобно им, мы должны были бы приписать *духам* тяготение, электричество, явления магнетизма* и т. д.

Глава VIII

ОБ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЯХ—ВСЕ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ПРОИЗВОДНЫМИ ОТ СПОСОБНОСТИ ЧУВСТВОВАТЬ

Чтобы убедиться, что способности, которые называют *умственными*, есть лишь вытекающие из организации нашего тела способы бытия и действия, нам остается только проанализировать их; мы увидим тогда, что все действия, приписываемые нашей душе, пред-

---

* Легко понять, что представление о *духах*, придуманное дикарями и усвоенное невежественными людьми, может задержать прогресс знания, так как оно мешает нам искать истинные причины наблюдаемых нами явлений и благоприятствует лености человеческой мысли. Эта леность и невежество могут быть очень полезны теологам, но они крайне пагубны для общества. Жрецы всегда преследовали тех, кто впервые объяснял естественным образом те или иные явления природы; достаточно вспомнить имена Анаксагора, Аристотеля, Галилея, Декарта и др.[9] Развитие истинной физики может повлечь за собой только гибель богословия.

ставляют собой лишь модификации, на которые не может быть способна непротяженная, или нематериальная, субстанция.

Первая способность, которую мы наблюдаем в живом человеке и из которой вытекают все прочие,— это *способность ощущать* (sentiment). Какой бы непонятной ни казалась эта способность на первый взгляд, присмотревшись к ней ближе, мы найдем, что она вытекает из сущности и свойств организованных существ, подобно тому как тяжесть, магнетизм, эластичность, гибкость, электричество и т. д. вытекают из сущности, или природы, некоторых других тел, причем эти последние явления не менее непонятны, чем ощущения. Как бы то ни было, если мы захотим составить себе точное представление об этой способности, то обнаружим, что *ощущать* — значит испытывать воздействия особым способом, свойственным некоторым органам живых тел и обнаруживающимся при наличии материального предмета, действующего на эти органы, движения или сотрясения которых передаются мозгу. Мы ощущаем лишь посредством нервов, широко разветвленных в нашем теле, являющемся, так сказать, одним большим нервом и похожем на большое дерево, ветви которого испытывают через посредство ствола исходящее от корней действие. Нервы человека соединяются в мозгу, и этот орган является настоящим средоточием ощущений. Подобный пауку в центре своей паутины, он быстро узнает о всех заметных изменениях, происходящих в теле, пронизанном на всем его протяжении нервными нитями или ветвями. Опыт показывает нам, что человек перестает ощущать те части своего тела, сообщение которых с мозгом прервано; если же в самом мозгу произошло какое-нибудь нарушение или он испытал слишком резкое воздействие, то человек ощущает лишь несовершенным образом или совсем перестает ощущать*.

* «Les Mémoires de l'Académie Royale des Sciences de Paris» («Труды королевской Академии наук в Париже») дают нам доказательства вышеизложенного; в них говорится о человеке, у которого сняли черепную коробку и заменили ее кожей; когда через эту кожу надавливали рукой на мозг, то человек впадал в своего рода летаргию и ровно ничего не чувствовал. Этот опыт

Как бы то ни было, чувствительность мозга и всех его частей является фактом. Если нас спросят, откуда взялось это свойство, то мы ответим, что оно результат свойственного животному телосложения и присущего ему сочетания веществ: грубая и бесчувственная материя, *оживотворяясь*, т. е. сочетаясь и отождествляясь с животным, становится чувствительной. Так, молоко, хлеб и вино превращаются в субстанцию человека, являющегося чувствующим существом: сочетаясь с чувствующим целым, эти грубые вещества становятся чувствующими. Некоторые философы думают, что способность ощущать есть всеобщее свойство материи. В этом случае было бы бесполезно спрашивать, откуда является у нее это свойство, которое мы знаем по его проявлениям. Если принять эту гипотезу, то по аналогии с двоякого рода движениями, различаемыми в природе и именуемыми *живой* и *мертвой* силой, можно будет различать двоякого рода ощущающую способность: одну — активную, или живую, а другую — инертную, или мертвую; в этом случае оживотворение субстанции будет означать устранение препятствий, мешающих ей быть активной и чувствующей. Одним словом,

---

был произведен г. де ла Пейрони[1]. Борелли[2] в своем трактате «De motu animalium» («О движении животных») называет мозг «regia animae» («царство души»). Есть все основания думать, что именно от мозга зависит различие не только между человеком и животным, но и между умным и глупым, мыслящим и невежественным, рассудительным и безрассудным людьми. Бартолини[3] утверждает, что мозг человека вдвое больше бычьего; это наблюдение было сделано до него еще Аристотелем. Виллис[4], вскрывая труп одного слабоумного, убедился, что его мозг меньше нормы; он говорит, что самое крупное различие, замеченное им между частями тела этого слабоумного и органами нормального человека, заключается в том, что сплетение межреберных нервов (которое, по его словам, свойственно только человеку, являясь посредником между сердцем и мозгом) было очень мало у исследуемого им субъекта и имело меньшее количество нервов, чем обыкновенно. Согласно тому же Виллису, обезьяна имеет больший мозг, чем все остальные животные; она же является наиболее умным животным после человека. *Willis*, Anat. cerebri, cap. 26; ibid. «Nervorum descriptio». [*Виллис*, Анатомия мозга, гл. 26; там же, «Описание нервов»]. Кроме того, было замечено, что у лиц умственного труда мозг больше, чем у других; аналогичным образом у гребцов руки гораздо больше, чем у прочих людей.

ощущение есть или качество, которое сообщается подобно движению и приобретается путем сочетания, или качество, присущее всей материи. И в том и в другом случае субъектом его не может быть непротяженное существо, каким предполагают человеческую душу*.

Форма, структура, ткань, утонченность внешних и внутренних органов человека и животных делают их части весьма подвижными, вследствие чего их организм может быть приведен в действие с очень большой быстротой. В теле, представляющем собой совокупность волокон и нервов, соединенных в одном общем центре, соприкасающихся друг с другом и всегда готовых прийти в действие, или в целом, составленном из жидких и твердых веществ, части которых находятся, так сказать, в равновесии и мельчайшие молекулы которых соприкасаются, активно и быстро осуществляют свои движения, последовательно сообщают друг другу получаемые ими впечатления, колебания, сотрясения, малейшее движение быстро распространяется, и колебания, вызванные в отдаленнейших частях организма, очень скоро передаются мозгу, который благодаря своей тонкой ткани способен очень легко видоизменяться. В нервах и волокнах непрерывно циркулируют столь подвижные агенты, как воздух, огонь

---

* «Все части природы могут стать одушевленными; разница между одушевленным и неодушевленным не является существенной и зависит от изменения состояния. Если спросят, что необходимо для того, чтобы одушевить какое-нибудь тело, я отвечу: ничего, кроме силы природы в соединении с организацией. Жизнь есть совершеннейшее произведение природы; в природе нет части, которая бы не стремилась к жизни и не достигала этого одним и тем же путем... Акт жизни неодинаков. Хотя жизнь в насекомом или собаке не означает ничего другого, чем жизнь в человеке, но акт жизни становится, с нашей точки зрения, совершеннее пропорционально усложнению структуры органов, определяемой семенем, которое содержит в себе принцип жизни более, чем всякая другая часть материи. Следовательно, верно то, что ощущения, страсти, восприятия предметов, идеи, их образование и сравнение, повиновение или воля представляют собой органические способности, зависящие от соответствующего устройства частей животного». «Dissertations mêlées».

и вода, несомненно способствующие той невероятной быстроте, с которой мозг узнает обо всем, что происходит в отдаленнейших частях тела.

Хотя внутренние и внешние причины воздействуют на человека непрерывно, он, несмотря на большую подвижность своей организации, не всегда ясно и раздельно ощущает испытываемые его органами впечатления. Он ощущает их только тогда, когда они производят изменение, или сотрясение, в его мозгу. Так, хотя воздух окружает нас со всех сторон, мы ощущаем его действие лишь тогда, когда он с достаточной силой поражает наши органы и нашу кожу, так что наш мозг получает предупреждение о присутствии этого воздуха. Так, в глубоком и спокойном сне, не нарушаемом сновидениями, человек перестает ощущать. Наконец, так, несмотря на происходящее в человеческом механизме непрерывное движение, человек как бы ничего не ощущает, когда все движения его тела совершаются подобающим образом. Он не замечает здоровья, но замечает боль или болезнь, потому что в первом случае его мозг не испытывает сильного воздействия, между тем как во втором его нервы испытывают бурные и беспорядочные сокращения, сотрясения, движения, предупреждающие мозг о том, что какая-то причина сильно и необычно действует на них; это и определяет состояние, которое мы называем *болью*.

С другой стороны, иногда случается, что внешние предметы производят очень значительные изменения в нашем теле, хотя в тот момент, когда эти изменения происходят, мы их не замечаем. Часто в пылу битвы солдат не замечает опасной раны, так как стремительные, многообразные и быстрые движения, которыми полон его мозг, мешают ему различить отдельные изменения, происходящие в какой-нибудь части его тела. Наконец, когда на человека одновременно и со слишком большой энергией действует множество причин, то он не выдерживает этого, падает в обморок, теряет сознание, лишается способности ощущать.

Вообще ощущение имеет место лишь тогда, когда мозг может различать впечатления, производимые телами на органы. *Сознание* состоит в явственном сотрясе-

нии, в воспринятой нами модификации мозга*. Отсюда ясно, что ощущение — это способ бытия нашего мозга, или явственное изменение, происшедшее в нем под влиянием воздействий, получаемых нашими органами от внешних или внутренних причин, надолго или на короткое время видоизменяющих их. Действительно, мы наблюдаем, что человек, на органы которого не действуют никакие внешние предметы, чувствует самого себя и сознает происходящие в нем изменения; в этом случае его мозг видоизменяется или обновляется благодаря внутренним модификациям. Не будем удивляться этому; в столь сложной машине, как человеческое тело, все части которого сообщаются с мозгом, последний непременно должен получать сведения о затруднениях, изменениях и импульсах, происходящих в целом, чьи чувствительные по своей природе части находятся в непрерывном взаимодействии и объединяются в мозгу.

Когда человек испытывает боль от подагры, он сознает, т. е. внутренне чувствует, что в нем происходят очень заметные изменения, хотя непосредственно на него не воздействует никакая внешняя причина. Однако в поисках настоящего источника этих изменений мы обнаружим, что они произведены такими внешними причинами, как полученные нами от родителей организация и темперамент, известного рода пища и тысячи мелких и незаметных причин, которые, мало-помалу накапливаясь, производят соки подагры, очень чувствительно дающие себя знать. Боль от подагры порождает в мозгу идею, или модификацию, обладающую способностью повторяться в нем даже тогда, когда человек уже избавился от подагры: мозг человека путем ряда движений приходит тогда в состояние, аналогичное тому, в котором он находился, когда реально испытывал эту боль; человек не имел бы представления о ней, если бы никогда раньше не испытал ее.

---

* Согласно доктору Кларку[5], «сознание — это обдуманный акт, при посредстве которого мне становится известно, что я мыслю и мои мысли или действия принадлежат мне, а не другому человеку». См. его письмо против Додуэла[6].

Органами чувств называют видимые органы нашего тела, посредством которых видоизменяется мозг. Модификациям, которым он подвергается, дают различные наименования. Слова *ощущение*, *восприятие*, *идея* означают лишь изменения, происходящие во внутреннем органе в связи с впечатлениями, производимыми на внешние органы действующими на них телами. Эти изменения, рассматриваемые сами по себе, называются *ощущениями*; когда внутренний орган замечает их или предупрежден о них, они называются *восприятиями*; когда внутренний орган относит эти изменения к произведшему их предмету, они называются *идеями*.

Таким образом, всякое *ощущение* представляет собой лишь сотрясение, полученное нашими органами, всякое *восприятие* представляет собой это сотрясение, распространившееся до мозга; всякая *идея* — это образ предмета, от которого происходит ощущение и восприятие. Отсюда ясно, что если наши органы чувств не испытывают никакого воздействия, то у нас не может быть ни ощущений, ни восприятий, ни идей. Впоследствии мы еще докажем это тем, кто станет сомневаться в столь очевидной истине.

Человек отличается от других существ, называемых нами бесчувственными и неодушевленными, большей подвижностью своей организации; различная степень подвижности организации, присущая тем или иным людям, устанавливает между ними невероятное множество оттенков и различий как по телесным способностям, так и по способностям, которые называют *умственными*, или *интеллектуальными*. Эта бóльшая или меньшая подвижность определяет ум, чувствительность, воображение, вкус и т. д. Остановимся в настоящий момент на деятельности наших органов чувств и посмотрим, как действуют на них и видоизменяют их внешние предметы, а затем рассмотрим реакцию внутреннего органа.

Глаза представляют собой очень подвижные и нежные органы, посредством которых мы испытываем ощущения света или цвета, сообщающие мозгу отчетливое восприятие, в результате которого светящееся или

цветное тело порождает в нас некоторую идею. Лишь только я открываю веки, как сетчатка моих глаз получает определенное воздействие: в жидкости волокон и нервов, из которых состоят мои глаза, возбуждаются колебания, которые передаются мозгу и рисуют в нем образ действующего на наши глаза тела; благодаря этому мы получаем идеи цвета этого тела, его величины и формы, а также расстояния от нас до него — так объясняется механизм *зрения*.

Благодаря подвижности и эластичности волокон и нервов, образующих ткань кожи, достаточно приложить эту оболочку человеческого тела к другому телу, чтобы она очень быстро испытала воздействие последнего; она предупреждает мозг о присутствии этого чужого тела, о его размерах, его шероховатости, гладкости, тяжести и других качествах, сообщающих мозгу раздельные восприятия и порождающих в нем различные идеи. Все это составляет *осязание*.

Тонкость оболочки, которая покрывает внутреннюю часть ноздрей, позволяет ей испытывать возбуждения даже от невидимых и неощутимых частиц, которые исходят от издающих запах тел и несут с собой мозгу ощущения, восприятия, идеи; все это составляет чувство *обоняния*.

Рот, будучи заполнен чувствительными, подвижными, возбудимыми нервными сосочками, содержащими в себе соки, способные растворять соли, очень быстро испытывает воздействие проходящей через него пищи и передает мозгу полученные им впечатления. Этим объясняется *вкус*.

Наконец, ухо, способное благодаря своему строению воспринимать различные впечатления от различным образом модифицированного воздуха, сообщает мозгу колебания, или ощущения, порождающие восприятие звуков и идею звучащих тел. Это составляет *слух*.

Таковы единственные пути, посредством которых мы получаем ощущения, восприятия и идеи. Эти последовательные модификации нашего мозга, вызываемые предметами, воздействующими на наши органы чувств, сами становятся причинами и производят в душе

новые модификации, которые называются *мыслями*, *размышлениями*, *памятью*, *воображением*, *суждениями*, *желаниями*, *действиями* и всегда имеют в основе ощущение.

Чтобы составить себе точное представление о *мысли*, надо тщательно исследовать то, что происходит в человеке в присутствии какого-нибудь предмета. Предположим на минуту, что таким предметом является персик. Этот плод сперва производит на мои глаза два различных впечатления, т. е. вызывает в них две модификации, передающиеся мозгу; в связи с этим мозг испытывает два новых способа бытия, или восприятия, которые я называю *цветом* и *круглостью*, в результате у меня оказывается идея *круглого* и *цветного* тела. Приблизив руку к этому плоду, я прикасаюсь к нему органом осязания; тотчас же моя рука испытывает три новых впечатления, которые я обозначаю названиями: *мягкость*, *свежесть*, *тяжесть*; отсюда вытекают три новых восприятия в мозгу и три новых идеи. Если я приближаю этот плод к органу обоняния, последний испытывает новую модификацию, передающую мозгу новое восприятие и новую идею, называемую *запахом*. Наконец, если я беру этот плод в свой рот, то орган вкуса испытывает новое воздействие, сопровождаемое восприятием, вызывающим во мне идею *сочности*. Соединяя все эти различные впечатления, или модификации моих органов, сообщенные моему мозгу, т. е. сочетая полученные мною ощущения, восприятия и идеи, я получаю идею целого и называю это целое, которым может заниматься моя мысль или о котором я имею представление, *персиком**.

---

* Только что сказанное доказывает, что мысль имеет начало, продолжительность, конец, иными словами, рождается, существует известное время и разлагается, как все прочие модусы материи; подобно последним мысль возбуждается, определяется, растет, делится, складывается, упрощается и т. д. Но если душа, или мыслящее начало, неделима, то как может она последовательно мыслить, делить, абстрагировать, комбинировать, расширять свои идеи, удерживать в памяти и терять, помнить и забыть их? Почему она перестает мыслить? Если формы материи кажутся делимыми, то лишь при абстрактном рассмотрении их по способу

Всего сказанного достаточно, чтобы объяснить нам возникновение ощущений, восприятий и идей, равно как и их соединение и связь в мозгу. Мы видим, что эти различные модификации представляют собой лишь следствия последовательных импульсов, передаваемых внешними органами внутреннему органу, обладающему тем, что мы называем *способностью мыслить*, т. е. способностью замечать в самом себе, или воспринимать, различные полученные им модификации, или идеи, комбинировать и разделять, расширять или суживать, сравнивать, возобновлять их и т. д. Отсюда ясно, что мысль есть лишь восприятие модификаций, которые наш мозг получает от внешних предметов или вызывает в себе сам.

Действительно, наш внутренний орган не только замечает получаемые им извне модификации, но и сам способен модифицировать себя и рассматривать происходящие в нем изменения и движения, или собственные операции, что доставляет ему новые восприятия и новые идеи. Деятельное проявление этой способности мозга обращаться к самому себе называется *размышлением*.

Отсюда ясно, что мыслить и размышлять — значит чувствовать или замечать в самих себе впечатления, ощущения, идеи, получаемые нами от действующих на наши чувства предметов, и различные изменения, производимые нашим мозгом, или внутренним органом, в самом себе.

Память есть способность внутреннего органа приходить в состояние, подобное тому, в какое его уже приводили вызванные в нем внешними предметами восприятия, ощущения, идеи, возобновлять в самом себе полученные им модификации в том порядке, в каком он их получил без нового воздействия со стороны этих предметов и даже тогда, когда эти предметы отсутствуют. Наш внутренний орган замечает, что эти модификации те же, что и видоизменения, испытанные им ранее

геометров; но эта делимость форм не существует в природе, где нет ни совершенно правильных атомов, ни совершенно правильных форм. Отсюда следует заключить, что эти формы материи не менее неделимы, чем *мысль*.

в присутствии предметов, к которым он относит или с которыми связывает свои восприятия, ощущения и идеи. Память верна, если эти модификации те же, что и прежде; память не верна, если они отличаются от тех, которые наш мозг испытал раньше.

Воображение — это способность мозга видоизменять старые или создавать новые восприятия по образцу тех, которые он получил от воздействия внешних предметов на органы чувств. В этом случае наш мозг лишь комбинирует полученные им идеи, которые он вспоминает, чтобы составить из них совокупность модификаций, некоторое целое, не воспринимавшееся им ранее, хотя ему и известны отдельные идеи или части, из которых он составляет это идеальное, существующее лишь в нем самом сочетание. Именно так человек получает идеи кентавров, гиппогрифов, богов, демонов и т. д. С помощью памяти наш мозг возобновляет полученные им ощущения, восприятия, идеи и представляет себе предметы, которые когда-то реально воздействовали на органы чувств. С помощью же воображения он комбинирует эти модификации, чтобы создать из них предметы, или совокупности, которые никогда не воздействовали на органы чувств, хотя элементы, или идеи, из которых они им составлены, и были известны ранее. Так, люди, комбинируя большое количество заимствованных ими у самих себя идей, таких, как идеи справедливости, мудрости, доброты, разума и т. д., образовали при содействии воображения некое идеальное целое, названное ими божеством.

Суждением назвали способность мозга сравнивать между собой модификации, или идеи, которые он получает или может пробудить в себе, чтобы вскрыть взаимоотношения, или действия, соответствующих предметов.

Воля — это модификация нашего мозга, благодаря которой он способен к действию, т. е. может двигать органы тела так, чтобы добывать себе то, что модифицирует его соответствующим его бытию способом, или же устранять то, что вредит ему. *Хотеть* — значит быть расположенным к действию. Внешние предметы или внутренние идеи, порождающие в нашем мозгу

это расположение, называются *мотивами*, так как являются движущими пружинами, побуждающими мозг действовать, т. е. приводить в движение органы тела. Поэтому движения тела, вызванные модификациями мозга, являются *произвольными движениями*. Вид плода модифицирует мой мозг, побуждая его привести в движение мою руку, чтобы достать увиденный мной плод и поднести его ко рту.

Все модификации, испытываемые внутренним органом, или мозгом, все ощущения, восприятия и идеи, которые он получает от действующих на органы чувств предметов или возобновляет в самом себе, приятны или неприятны нам, полезны или вредны нашему привычному или временному способу бытия, предрасполагая наш мозг к действию. Он действует так в силу своей собственной энергии, которая неодинакова во всех существах человеческого рода и зависит от их темперамента. Темперамент порождает более или менее сильные *страсти*, которые являются движениями воли, определяемой действующими на нас предметами, причем их воздействие находится в сложной зависимости от соответствия или несоответствия между этими предметами и нашим способом бытия, а также от силы нашего темперамента. Ясно, таким образом, что страсти — это способы бытия, или модификации, внутреннего органа, притягиваемого или отталкиваемого предметами и, следовательно, на свой лад подчиненного физическим законам притяжения и отталкивания.

Способность внутреннего органа получать восприятия, или испытывать модификации, как под влиянием внешних предметов, так и под влиянием самого себя называется иногда *рассудком* (entendement). *Разумом* (intelligence) назвали совокупность различных способностей мозга. *Умом* (raison) называют некоторый определенный способ проявления им своих способностей. *Остроумием*, *мудростью*, *добротой*, *благоразумием*, *добродетелью* и т. д. называют постоянные или временные расположения, или модификации, внутреннего органа, побуждающие людей к действиям.

Одним словом, как мы скоро будем иметь случай показать, все умственные способности, т. е. приписы-

ваемые душе способы действия, сводятся к модификациям, качествам, способам бытия, изменениям, производимым движением в мозгу, который, несомненно, является в нас носителем способности к ощущениям и источником всех наших действий. Эти модификации зависят от объектов, действующих на наши органы чувств, импульсы которых передаются мозгу, или же от идей, которые эти объекты порождают в мозгу и которые он способен воспроизводить. Мозг в свою очередь приходит в движение, воздействует на самого себя и заставляет действовать органы, которые объединяются в нем как в центре или, точнее, являются лишь распространением его собственной субстанции. Так скрытые движения внутреннего органа становятся видимыми, выражаясь в видимых признаках. Мозг, испытав модификацию, называемую нами *страхом*, вызывает дрожание конечностей и бледность лица. Испытав чувство боли, мозг вызывает слезы на глазах, хотя бы никакой предмет не действовал на него; ярко представляемой им идеи достаточно, чтобы он испытывал очень энергичные модификации, которые явно влияют на весь организм.

Во всем этом мы видим лишь одну и ту же субстанцию, действующую по-разному в своих различных частях. В ответ на жалобы, что этого механизма недостаточно для объяснения принципа движений или способностей нашей души, мы скажем, что то же самое относится ко всем телам природы, в которых наипростейшие движения, обычнейшие явления и способы действия являются необъяснимыми тайнами, первых принципов которых мы никогда не познаем. Действительно, можем ли мы надеяться когда-нибудь познать истинный принцип тяжести, в силу которой падает камень? Знаем ли мы механизм, производящий притяжение в одних субстанциях и отталкивание в других? В состоянии ли мы объяснить передачу движения от одного тела к другому? К тому же разве теоретические трудности, связанные с вопросом о способе действия души, исчезнут, если мы сделаем из последней некое *духовное существо*, о котором у вас нет никакого представления и которое, следовательно, не может быть удовлетворительно

объяснено, какие бы идеи ни возникали у нас о нем? Поэтому удовлетворимся знанием того, что душа движется и модифицируется воздействующими на нее материальными причинами. Мы вправе умозаключить отсюда, что все операции и способности души показывают ее материальность.

Глава IX

О РАЗНООБРАЗИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ — ЭТИ СПОСОБНОСТИ ПОДОБНО НРАВСТВЕННЫМ КАЧЕСТВАМ ЗАВИСЯТ ОТ ФИЗИЧЕСКИХ ПРИЧИН; ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, НРАВСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИКИ

Природа вынуждена разнообразить все свои творения; различные по своей сущности, элементарные вещества должны образовать тела и существа, различающиеся своими сочетаниями, свойствами, способами бытия и действия. В природе нет и не может быть двух строго тождественных существ и сочетаний. Так как местоположение, обстоятельства, отношения, пропорции, модификации никогда не бывают совершенно одинаковы, то вытекающие из них существа никогда не могут полностью совпадать и их способы действия должны в чем-нибудь различаться, даже если мы усматриваем между ними весьма большое сходство*.

Вследствие этого со всех сторон подтверждаемого принципа нет двух людей, которые обладали бы одними и теми же чертами, чувствовали и мыслили одинаковым образом, одинаково смотрели на вещи, имели одинаковые идеи и, следовательно, поступали тождественным образом. Внешние и внутренние органы людей в некоторых отношениях, несомненно, аналогичны друг другу; в общих чертах они сходны между собой и обладают известными соответствиями, благодаря чему испытывают одинаковые воздействия от известных причин; но в частностях между ними существуют бесчисленные различия.

---

* См. сказанное в конце гл. VI, ч. I этого сочинения.

Человеческие души можно сравнить с музыкальными инструментами, струны которых, различные сами по себе или по веществам, из которых они сделаны, сверх того еще настроены на различный лад. Под влиянием одного и того же воздействия каждая струна издает свойственный ей звук, т. е. звук, зависящий от ее состава, натяжения и толщины, временного состояния, в которое ее приводит окружающий воздух, и т. д. Это-то и порождает исполненное такого многообразия зрелище духовного мира; поэтому-то умы, способности, страсти, энергия, вкусы, воображение, идеи, взгляды людей столь поразительно разнообразны. Это разнообразие столь же велико, как различие физических сил людей, и подобно последнему зависит от их темпераментов, столь же различных, как их физиономии. Из этого разнообразия вытекают непрерывное действие и противодействие, образующие жизнь духовного мира; из этого разногласия возникает гармония, поддерживающая и сохраняющая человеческий род.

Различия между отдельными индивидами порождают среди них неравенство, которое является опорой общества. Если бы все люди были одинаковы и в физическом, и в духовном отношениях, то они не нуждались бы друг в друге. Именно различие способностей и вызываемое этим неравенство делают людей необходимыми друг другу; без этого они жили бы изолированно. Ясно, таким образом, что это неравенство, на которое мы часто понапрасну жалуемся, и невозможность сохранить свое существование и достигнуть благополучия в одиночку являются счастливыми обстоятельствами, заставляющими нас объединяться, зависеть от наших ближних, добиваться их помощи, склонять их на свою сторону, привлекать их к себе, чтобы общими усилиями устранять то, что могло бы нарушить гармонию нашего организма. Вследствие различия людей и их неравенства слабый вынужден вставать под защиту сильного; эти же обстоятельства заставляют сильного прибегать к знаниям, талантам, мастерству слабого, когда он считает их полезными для себя. Это естественное неравенство побуждает народы отличать граждан, оказывающих им услуги, почитая и вознаграждая лиц,

знания, помощь, благодеяния и доблесть которых доставляют обществу реальные или воображаемые выгоды, удовольствия, всякого рода приятные ощущения; благодаря этому неравенству гений приобретает влияние на людей и заставляет целые народы признавать свою силу. Таким образом, различия между людьми и неравенство их физических и интеллектуальных способностей делают человека необходимым другому человеку, делают его общественным существом и неопровержимым образом доказывают ему необходимость нравственности.

В зависимости от различия своих способностей люди делятся на различные классы, обусловленные разнообразием производимых ими действий и различием наблюдаемых у них качеств, которые вытекают из индивидуальных свойств их душ, или из особенных модификаций их мозга. Так, ум, способность ощущать, воображение, таланты и пр. создают бесконечные различия между людьми; вот почему людей называют *добрыми и злыми*, *добродетельными и порочными*, *учеными и невеждами*, *рассудительными и нерассудительными* и т. д.

Если мы станем исследовать различные способности, приписываемые душе, то увидим, что они подобно физическим способностям обусловлены физическими причинами, которые нетрудно выяснить. Мы найдем, что силы души те же, что и силы тела, всегда зависят от его организации, его особенных свойств, испытываемых им постоянных или временных модификаций — одним словом, от темперамента.

Темпераментом человека называется обычное состояние, в котором находятся жидкие и твердые составные части его тела. Различия темпераментов зависят от элементов, или веществ, преобладающих в каждом индивиде, и от различных сочетаний и модификаций этих разнообразных веществ в его организме. Так, у одних преобладает кровь, у других желчь, у третьих флегма и т. д.

Мы обязаны своим темпераментом природе, т. е. своим родителям, а также причинам, которые непрерывно модифицировали нас с самого начала нашего существования. Каждый из нас черпает в утробе матери

вещества, которые всю жизнь влияют на наши умственные способности, энергию, страсти, поведение. Принимаемая нами пища, качество воздуха, которым мы дышим, климат, в котором мы живем, полученное нами воспитание, внушаемые нам идеи и взгляды видоизменяют наш темперамент; а так как эти обстоятельства никогда не могут быть в точности одинаковыми у двух людей, то нет ничего удивительного, что люди так сильно отличаются между собой и что существует столько темпераментов, сколько индивидов.

Таким образом, хотя между людьми наблюдается некоторое общее сходство, они существенным образом отличаются друг от друга как тканью и строением своих волокон и нервов, так и природой, качеством и количеством веществ, приводящих эти волокна в движение. Человек, уже отличающийся от другого человека структурой и расположением своих волокон, станет еще более отличным от него, если будет принимать здоровую пищу, пить вино и заниматься физическими упражнениями, в то время как другой будет пить лишь воду и принимать скудную пищу, вследствие чего должен будет ослабеть и зачахнуть.

Все эти причины необходимым образом влияют на ум, страсти, волю — словом, на то, что называют интеллектуальными способностями. Так, мы видим, что сангвинический человек обыкновенно остроумен, вспыльчив, сластолюбив, предприимчив, меж тем как флегматический человек обнаруживает тугость понимания и тупость чувств, обладает слабым воображением, малодушен и не способен сильно желать чего-либо.

Если бы, отбросив предрассудки, люди считались с указаниями опыта, то медицина дала бы нравственности ключ к человеческому сердцу и, излечивая тело, иногда могла бы излечивать дух. Делая же из нашей души *духовную* субстанцию, теологи довольствуются тем, что прописывают ей духовные лекарства, которые нисколько не влияют на темперамент или только вредят ему. Догмат о духовности души превратил мораль в какую-то проблематическую науку, не раскрывающую перед нами настоящих средств, с помощью которых можно воздействовать на людей. Если бы, руковод-

ствуясь опытом, мы знали те элементы, которые лежат в основе темперамента человека или характерны для большинства индивидов какого-нибудь народа, то нам было бы известно, что им нужно, какие законы им необходимы, какие учреждения им полезны. Одним словом, мораль и политика могли бы извлечь из *материализма* выгоды, которых никогда не доставит им учение о духовности души и о которых оно не позволяет даже мечтать. Человек навсегда останется загадкой для тех, кто будет упорно желать видеть его через очки теологических предрассудков или будет приписывать его поступки причине, которую он никогда не сможет понять. Поэтому, желая познать человека, попытаемся открыть вещества, которые входят в его организм и образуют его темперамент. Эти открытия помогут нам разгадать природу и свойства его страстей и наклонностей и предвидеть его поведение при известных обстоятельствах; они укажут нам средства, необходимые для исправления недостатков человека, наделенного порочной организацией или темпераментом, вредным как обществу, так и самому его обладателю.

Действительно, нет сомнения, что можно исправлять, изменять, модифицировать темперамент человека посредством физических причин, подобных тем, которые его формируют. Каждый из нас способен тем или иным образом изменить свой темперамент: человек сангвинического темперамента, потребляя менее сочную пищу или принимая ее в меньшем количестве, воздерживаясь от крепких напитков и т. д., может исправить природу, качество и количество движений преобладающей в нем жидкости. Человек желчного, или меланхолического, темперамента может с помощью некоторых средств уменьшить у себя количество желчи и посредством упражнений, развлечений, веселости, вытекающих из движения, исправить недостатки своего темперамента. Европеец, переселившись в Индию, станет мало-помалу совсем новым человеком с иным настроением, идеями, темпераментом и характером.

Хотя до сих пор было сделано мало опытов, чтобы распознать, как образуются темпераменты людей, но число этих опытов уже вполне достаточно для практи-

ческого применения. По-видимому, огненное начало, которое химики назвали *флогистоном*, или воспламеняющимся веществом, является у человека источником бóльшей живости и энергии; оно придает больше сил, подвижности, активности его волокнам, больше напряжения его нервам, больше быстроты его жидкостям. Из этих материальных причин вытекают обычно наклонности или способности, называемые нами чувствительностью, умом, воображением, гением, живостью и т. д. и задающие тон страстям, желаниям, моральным поступкам людей. В этом смысле довольно удачно пользуются выражениями *жар души*, *пылкое воображение*, *искра гения* и т. п.*

Именно этот огонь, имеющийся у людей в разных дозах, сообщает им движение, активность, животную теплоту и делает их, так сказать, более или менее живыми. Этот столь подвижный и тонкий огонь легко рассеивается; в таком случае он должен быть восстановлен с помощью пищи, которая содержит его и благодаря этому способна возобновить работу нашего организма, согреть мозг, сообщить ему активность, необходимую для выполнения так называемых интеллектуальных функций. Этот содержащийся в вине и в крепких напитках огонь придает самым флегматичным людям живость, на которую они были бы не способны без него, и побуждает сражаться даже трусов. Изобилие в нас этого огня при известных болезнях порождает бред, а чрезмерный недостаток его при других болезнях ведет к упадку сил. Наконец, этот огонь уменьшается в старости и совершенно исчезает со смертью**.

---

* Я склонен думать, что то подвижное, называемое врачами *нервной жидкостью* вещество, которое так быстро предупреждает мозг обо всем происходящем в нас, есть не что иное, как электрическая материя, и что различие в ее дозе, или пропорции, является одной из главных причин разнообразия людей и их способностей.

** Если мы захотим добросовестно относиться к фактам, то найдем, что принципом жизни является теплота. Благодаря теплоте существа переходят от бездействия к движению, от покоя к брожению, от неодушевленного состояния к жизни. Доказательством этого является яйцо, из которого благодаря теплоте вылупливается цыпленок. Одним словом, без теплоты нет зарождения жизни.

Если мы рассмотрим в соответствии с нашими принципами интеллектуальные способности или моральные качества людей, то убедимся, что они зависят от материальных причин, более или менее длительным и заметным образом влияющих на их организацию. Но откуда происходит эта организация как не от родителей, от которых мы получаем ее элементы, неизбежно аналогичные их собственной организации? Откуда получается большее или меньшее количество огненного вещества, или животворной теплоты, определяющей наши умственные качества? Источником этой теплоты является мать, носившая нас в своей утробе, сообщившая нам частицу огня, которым она была одушевлена сама и который вместе с ее кровью циркулировал в ее жилах. Источником ее является пища, которую мы употребляем, климат, в котором мы живем, воздух, который нас окружает. Все эти причины влияют на жидкие и твердые элементы нашего организма и определяют наши естественные склонности. Исследуя эти склонности, от которых зависят наши способности, мы всегда найдем, что они телесны и материальны.

Первая из этих склонностей есть физическая *чувствительность*, из которой, как мы увидим, вытекают все другие наши интеллектуальные или моральные качества. Ощущать, как было сказано,— значит испытывать воздействия и осознавать происходящие в нас изменения. Таким образом, обладать чувствительностью — значит быть устроенным так, чтобы очень быстро и очень живо ощущать впечатления, производимые предметами. Следовательно, *чувствительная* душа — это просто мозг человека, устроенный так, чтобы легко воспринимать сообщаемые ему движения. Мы называем, например, *чувствительным* того, кого до слез трогают вид несчастного человека, рассказ о какой-нибудь катастрофе или мысль о горестном зрелище, так как слезы являются признаком, на основании которого мы заключаем о значительном нарушении хода человеческой машины. Мы говорим, что человек, у которого музыкальные звуки вызывают большое удовольствие или на которого они производят заметное впечатление, наделен *чувствительным ухом*. Наконец, мы говорим, что человек, у ко-

торого красноречие, прекрасные произведения искусства, равно как и вообще все действующие на него предметы, вызывают очень сильные переживания, наделен *чувствительной душой**.

Ум является следствием этой физической чувствительности. Действительно, мы называем *умом* присущую некоторым людям способность быстро схватывать предметы в их совокупности и различных взаимоотношениях. Мы называем *гением* способность легко схватывать обширные, полезные и трудно познаваемые предметы в их совокупности и взаимоотношениях. Ум можно сравнить с зорким зрением, быстро замечающим вещи; гений — это зрение, с одного взгляда схватывающее все точки обширного горизонта. Здравый ум — это ум, воспринимающий предметы и отношения такими, как они есть. Путаный ум — это ум, воспринимающий отношения искаженно, что происходит от какого-то изъяна организации. Здравый ум подобен умелым рукам.

Воображение, будучи способностью легко и быстро комбинировать идеи, или образы, с легкостью воспроизводит модификации нашего мозга, связывает друг с другом или относит их к соответствующим предметам. В этом случае воображение радует нас и мы одобряем выдумки, посредством которых оно украшает природу и истину. Мы, наоборот, порицаем его, когда оно рисует нам отвратительные призраки или сочетает идеи, которые совсем не способны ассоциироваться друг с другом. Так, поэзия, цель которой состоит в том, чтобы представить природу в более трогательном и волнующем облике, радует нас, когда разукрашивает предметы, наделяя их всевозможными красотами. Она создает тогда идеальные, но приятно волнующие нас существа, и мы в благодарность за полученное нами удовольствие прощаем ей то, что она прибегла к иллюзии.

---

* Мы видим, что сострадание зависит от физической чувствительности, которая никогда не бывает одинакова у всех людей. Поэтому было бы ошибкой сделать из сострадания источник наших представлений о морали и наших чувств к ближним. Далеко не все люди чувствительны, немало таких, у которых чувствительность совсем не развита. Таковы государи, вельможи, богачи и т. д.

Отвратительные же химеры суеверия не нравятся нам, потому что они являются плодами больного воображения, вызывающими в нас лишь неприятные идеи.

Заблуждающееся воображение порождает фанатизм, религиозные страхи, безрассудное рвение, безумие, великие преступления. Упорядоченное воображение порождает энтузиазм к полезным вещам, горячую любовь к добродетели, к отечеству, жар дружбы. Одним словом, воображение придает силу и живость всем нашим чувствам; те, кто его лишен, обыкновенно люди, в которых флегма гасит священный огонь, являющийся в нас принципом подвижности и теплоты чувств и оживляющий все наши интеллектуальные способности. Для великих доблестей, как и для великих преступлений, необходим энтузиазм. Энтузиазм приводит наш мозг, или нашу душу, в состояние, сходное с опьянением; энтузиазм и опьянение вызывают в нас быстрые движения, которые люди одобряют, когда они полезны, и которые называют *сумасшествием*, *бредом*, *преступлением* или *бешенством*, когда они порождают беспорядок.

Ум мыслит здраво и правильно судит о вещах, а воображение бывает упорядочено лишь тогда, когда организм способен точно выполнять свои функции. В каждый момент жизни человек производит опыты; каждое испытываемое им ощущение является фактом, запечатлевающим в его мозгу идею, которую память воспроизводит с большей или меньшей точностью и достоверностью. Эти факты связываются, эти идеи объединяются, и цепь их составляет *опыт* и *науку*. Знать — значит быть уверенным на основании повторных и точно произведенных опытов в идеях, ощущениях, действиях, которые какой-нибудь предмет может вызвать в нас или в других людях. Всякая наука может основываться лишь на истине, а сама истина основывается на постоянных и верных сообщениях наших чувств. Таким образом, *истина* — это постоянное согласие, или соответствие, с помощью опыта обнаруживаемое нашими нормально функционирующими чувствами между познаваемыми нами предметами и качествами, которые мы им приписываем. Одним словом, истина — это пра-

вильная и точная ассоциация наших идей. Но как убедиться в правильности этой ассоциации без опытов? А если не повторять этих опытов, как их засвидетельствовать? Наконец, если в наших органах чувств есть какой-то изъян, то как полагаться на опыты или факты, которые они запечатлели в нашем мозгу? Только путем многократных, разнообразных, повторных опытов можно будет поправить недостатки первых опытов.

Мы заблуждаемся всякий раз, когда наши органы, не вполне здоровые по своей природе либо испорченные длительными или временными модификациями, не дают нам возможности правильно судить о вещах. *Заблуждение* заключается в ложной ассоциации идей, в результате которой мы приписываем предметам качества, которых у них нет. Мы заблуждаемся, когда предполагаем существующими вещи или существа, которых вовсе не существует, или связываем представление о счастье с предметами, способными повредить нам непосредственно или посредством отдаленных следствий, которых мы не в состоянии предвидеть.

Но как предвидеть действия, которых мы еще не испытали? Опять-таки при посредстве опыта. Благодаря опыту мы знаем, что аналогичные или сходные причины производят аналогичные или сходные действия. Память, напоминая нам испытанные нами действия, дает возможность судить о тех следствиях, которых мы можем ожидать от уже известных причин или от причин, находящихся в связи с теми, которые действовали на нас. Отсюда мы видим, что *благоразумие*, *предусмотрительность* — это способности, которыми мы обязаны опыту. Я почувствовал, что огонь вызвал в моих органах болезненное ощущение; этого опыта достаточно, чтобы заставить меня предвидеть, что огонь, приложенный к какому-нибудь из моих органов, вызовет в нем то же самое ощущение и в будущем. Я испытал, что какое-нибудь мое действие вызвало ненависть или презрение ко мне у других людей; этот опыт позволяет мне предвидеть, что всякий раз, когда я буду поступать таким же образом, меня будут ненавидеть или презирать.

Наша способность производить опыты, вспоминать об этом, предвидеть последствия различных причин, чтобы устранить те из них, которые могут вредить нам, или обеспечить те, которые полезны для нашего самосохранения и счастья — единственной цели всех наших физических и духовных действий,— вот то, что называют *разумом*. Наши ощущения, наша природа, наш темперамент могут ввести нас в заблуждение и обмануть, но опыт и размышление возвращают нас на правильный путь и учат тому, что́ может действительно привести нас к счастью. Отсюда ясно, что разум — это наша природа, видоизмененная с помощью опыта, рассуждений и размышлений. Разум предполагает умеренный темперамент, здравый ум, упорядоченное воображение, знание истины, основанное на надежных опытах, наконец, благоразумие и предусмотрительность. Это доказывает, что, несмотря на постоянное утверждение, будто человек — *разумное существо*, существует лишь очень немного людей, которые действительно обладают разумом или способностями и опытом, из которых он складывается.

Не будем этому удивляться. Существует мало людей, способных к познанию истины с помощью опыта. Рождаясь, все люди имеют органы, которые способны испытывать воздействия предметов или накапливать опыт; но вследствие недостатков их организации или под влиянием модифицирующих ее причин их опыты ложны, их идеи неотчетливы и бессвязны, их суждения ошибочны, их мозг наполнен негодными теориями, которые неизбежно влияют на все их поведение и постоянно расстраивают деятельность их разума.

Как мы видели, наши чувства являются единственными средствами, с помощью которых мы можем познать, истинны ли наши взгляды, полезно ли для нас наше поведение, выгодны ли для нас вытекающие из него следствия. Но чтобы наши чувства давали нам правильные сообщения о вещах, т. е. доставляли мозгу истинные идеи, они должны быть здоровыми, т. е. пребывающими в состоянии, необходимом для сохранения в нашем существе порядка, который бы обеспечил нам существование и постоянное благополучие. Необхо-

димо, чтобы наш мозг был здоров и сам, т. е. мог выполнять свои функции и приводить в действие свои способности. Память должна верно воспроизводить его прежние ощущения и идеи, чтобы он мог принимать решения и предвидеть, может ли рассчитывать на результаты своих поступков или должен опасаться действий, на которые толкают его желания. Если наши внешние или внутренние органы имеют какие-нибудь недостатки от природы или благодаря модифицирующим их причинам, то мы способны ощущать лишь несовершенным и неотчетливым образом; наши идеи ложны или непадежны; мы судим плохо; мы находимся в плену иллюзии или в опьянении, которое мешает нам улавливать истинные отношения вещей. Одним словом, память изменяет нам, рассудок не работает для нас, воображение вводит в заблуждение, а ум обманывает нас; чувствительность же наших органов, одновременно одолеваемых массой раздражений, мешает благоразумию, предусмотрительности и деятельности разума. С другой стороны, если наши органы в силу особенностей своей структуры могут двигаться лишь слабо и медленно, как это бывает у людей флегматического темперамента, то опыт приходит поздно и часто бесполезен. Черепаха и бабочка одинаково не способны избежать гибели. Глупый и пьяный человек одинаково не могут достигнуть своей цели.

Но какова же цель человека в занимаемой им сфере бытия? Существовать и сделать свое существование счастливым. Поэтому человеку важно знать надлежащие средства к этому, пользоваться которыми для верного и неуклонного достижения преследуемой им цели его учат благоразумие и разум. Этими средствами являются его способности, ум, талант, мастерство и поступки, определяемые страстями, к которым его предрасполагает природа и которые делают более или менее деятельной его волю. Опыт и разум показывают ему также, что люди, в обществе которых он живет, необходимы ему, что они могут способствовать его счастью и удовольствиям и помогать ему своими способностями. Опыт показывает ему, каким образом он может побудить их способствовать его целям, желать и действовать так,

как ему полезно. Он замечает, какие поступки они одобряют и какие порицают, какое поведение привлекает их и какое отталкивает, прислушивается к их суждениям об этом, видит выгодные или вредные результаты, вытекающие из различных способов бытия и действия. На основании этих опытов он составляет себе представление о добродетели и пороке, справедливости и несправедливости, добре и зле, о пристойном и неприличном, честном и бесчестном и т. д. Одним словом, он научается судить о людях и их поступках и различать чувства, которые неизбежно возникают в них в зависимости от разнообразия испытываемых ими воздействий.

Именно из необходимого разнообразия этих воздействий вытекает различие добра и зла, порока и добродетели, различие, которое вопреки мнению некоторых мыслителей основано отнюдь не на соглашениях между людьми, а тем более не на фантастических требованиях какого-то сверхъестественного существа, но на вечных и неизменных отношениях, которые существуют между живущими в обществе людьми и останутся существовать до тех пор, пока будет существовать человек и общество. Таким образом, *добродетель* — это все то, что действительно и постоянно полезно живущим в обществе людям, а порок — все то, что им вредно. Величайшие добродетели те, которые доставляют им величайшие и длительнейшие преимущества; величайшие пороки те, которые больше всего препятствуют их стремлению к счастью и нарушают необходимый обществу порядок. *Добродетельный* человек тот, чьи поступки всегда имеют целью благополучие его ближних; *порочный* человек тот, чье поведение ведет к несчастью окружающих, из чего обычно вытекает и его собственное несчастье. Все то, что доставляет нам самим подлинное и длительное счастье, разумно; все, что нарушает наше собственное благополучие или благополучие людей, необходимых для нашего счастья, бессмысленно, или неразумно. Человек, который вредит другим, зол, человек, который вредит самому себе, неблагоразумен и не имеет понятия ни о разуме, ни о собственных интересах, ни об истине.

Наши обязанности — это средства, которые, как показывают нам опыт и разум, необходимы для достижения преследуемой нами цели; они являются необходимыми следствиями отношений, существующих между людьми, которые одинаково желают счастья и самосохранения. Когда говорят, что эти обязанности *обязывают* нас, это означает, что, не воспользовавшись этими средствами, мы не можем достигнуть цели, которую ставит перед собой наша природа. Таким образом, *нравственная обязанность* — это необходимость прибегать к средствам, способным сделать счастливыми существа, с которыми мы живем, чтобы побудить их сделать счастливыми нас самих; наши обязанности по отношению к самим себе — это необходимость прибегать к средствам, без которых мы не смогли бы ни существовать, ни обеспечить себе надежное счастье. Нравственность, как и вселенная, основана на необходимости, или на вечных отношениях, вещей.

Счастье — это такой образ жизни, продолжения которого мы желаем и в котором хотим постоянно пребывать. Мерой счастья является его длительность и интенсивность. Величайшее счастье есть то, которое наиболее длительно; мимолетное или непродолжительное счастье называется *удовольствием*; чем интенсивнее счастье, тем оно мимолетнее, потому что наши чувства способны только на известное количество движений; всякое удовольствие, превышающее эту меру, превращается поэтому в *страдание*, или в мучительный образ жизни, прекращения которого мы желаем: вот почему удовольствие и страдание часто так близки между собой. Неумеренное удовольствие сопровождается сожалением, скукой и отвращением; кратковременное счастье превращается в длительное несчастье. На основании этого принципа можно заключить, что человек, стремящийся в каждое мгновение своей жизни к счастью, должен, если он разумен, уметь распоряжаться своими удовольствиями, отказываться от тех, которые могут превратиться в страдание, и пытаться добиться для себя наиболее длительного благополучия.

Счастье не может быть одним и тем же для всех людей: одни и те же удовольствия не могут действовать

одинаково на людей различной организации. Вот несомненная причина разногласий большинства моралистов относительно предметов, в которых, по их мнению, заключается счастье и средства добиться его. Однако счастье, вообще говоря, заключается, по-видимому, в длительном или временном состоянии, на которое мы соглашаемся потому, что находим его сообразным с нашим существом. Это состояние вытекает из согласия между человеком и обстоятельствами, в которые поместила его природа; если угодно, счастье — это гармония между человеком и действующими на него причинами.

Идеи людей о счастье зависят не только от особенностей их темперамента, или их организации, но еще и от усвоенных ими привычек. *Привычка* — это способ мышления и действия, усвоенный внешними и внутренними органами человека вследствие частого повторения одних и тех же движений и дающий ему возможность быстро и легко воспроизводить эти движения.

Если мы внимательнее присмотримся к фактам, то увидим, что почти все наше поведение, совокупность наших поступков, наши занятия, связи, труды, развлечения — результат привычки. Привычке же мы обязаны легкостью, с какой работают наши умственные способности — мысль, рассудок, ум, разум, вкус и т. д. Привычке мы обязаны большей частью наших склонностей, желаний, мнений, предрассудков, равно как нашими ложными идеями о счастье,— одним словом, заблуждениями, которые все пытаются навязать нам. Именно привычка привязывает нас либо к пороку, либо к добродетели*.

Привычка так изменяет нас, что ее часто смешивают с нашей натурой; отсюда, как мы вскоре увидим, берут свое начало те взгляды, или идеи, которые назвали *врожденными*, не желая доискиваться причин их види-

* Опыт показывает нам, что решиться на первое преступление всегда труднее, чем на второе, а на второе — труднее, чем на третье, и т. д. Первый поступок есть начало привычки; борясь с препятствиями, мешающими нам совершать преступные действия, мы учимся легче побеждать их. Таким же образом часто становятся злонамеренными по привычке.

мого отождествления с нашим мозгом. Как бы то ни было, мы очень цепко держимся за все то, к чему привыкли; наш дух весьма бурно и отрицательно реагирует всякий раз, когда желают изменить ход его мыслей; какая-то роковая склонность часто приводит его к привычным идеям, несмотря на голос разума.

Мы можем объяснить физические и духовные явления, связанные с привычкой, с помощью чистого механизма: несмотря на свою мнимую духовность, наша душа видоизменяется совершенно так же, как и тело. Благодаря привычке голосовые связки обучаются быстро выражать заключенные в мозгу идеи посредством известных движений, которые наш язык с детства приобретает способность исполнять с легкостью. Когда наш язык привыкает, или обучается, двигаться определенным образом, ему становится трудно двигаться иначе; гортань с трудом справляется с модуляциями, которых требует язык, отличный от привычного нам языка. То же самое относится к нашим идеям. Наш мозг, внутренний орган, или, иначе говоря, душа, в раннем возрасте привыкшая к тому, чтобы претерпевать известные модификации и связывать определенные идеи с теми или иными предметами, составившая себе связную систему истинных или ложных взглядов, испытывает болезненное ощущение, когда ей стараются придать новый импульс и изменить направление ее привычных движений. Заставить нас изменить свои взгляды почти так же трудно, как переменить язык*.

Вот несомненная причина почти непреодолимой привязанности людей к обычаям, предрассудкам, учреждениям, на бесполезность или даже опасность которых тщетно указывают разум, опыт, здравый смысл. Привычка оказывает сопротивление самым ясным доказательствам; последние не имеют никакой силы против укоренившихся страстей и пороков, самых нелепых

* Гоббс говорит, что «каждому телесному существу, которое часто приводят в движение одним и тем же способом, свойственно неизменно приобретать бо́льшую склонность, или легкость, воспроизводить одни и те же движения. Это и составляет привычку как в духовной, так и в физической области». *Hobbes*, Essai sur la nature humaine. [*Гоббс*, Опыт о человеческой природе.]

теорий, самых странных обычаев, особенно когда с таковыми связана идея пользы, общего интереса, общественного блага. Вот где источник упорства, с каким люди защищают обычно свои религии, свои древние безрассудные обычаи, свои столь несправедливые законы, свои злоупотребления, от которых им очень часто приходится страдать, свои предрассудки, абсурдность которых они иногда сознают, не желая, однако, от них избавиться. Вот почему народы усматривают опасность в самых полезных нововведениях. Они сочли бы себя погибшими, если бы попытались устранить зло, которое они привыкли признавать необходимым для своего спокойствия и исцелить которое, по их мнению, было бы опасно*.

Воспитание — это искусство, состоящее в том, чтобы заставить людей усвоить в юном возрасте, т. е. когда их органы очень гибки, привычки, взгляды и образ жизни, принятые в том обществе, в котором они будут жить. Первые годы нашего детства уходят на то, чтобы приобретать жизненный опыт. Люди, занятые нашим воспитанием, обучают нас применению этих опытов или развивают в нас разум. Первые побуждения, полученные нами от них, обычно предопределяют нашу судьбу, наши страсти, наши представления о счастье, средства, употребляемые нами для его достижения, наши пороки и добродетели. Дитя на глазах своих наставников приобретает идеи, обучается ассоциировать их, определенным образом мыслить, верно или неверно судить о вещах. Ему показывают различные предметы, приучая его любить или ненавидеть, желать или избегать, уважать или презирать их. Так взгляды передаются детям от отцов, матерей, кормилиц, наставников; так ум мало-помалу заполняется истинами или заблуждениями, согласно которым каждый регулирует свое поведение, делающее его счастливым или несчастным,

* «Assiduitate quotidiana et consuetudine oculorum assuescunt animi, neque admirantur neque requirunt rationes earum rerum, quas vident». (*Cicero*, De Natura deorum., lib. II, cap. 2.) [«Благодаря ежедневному повторению и привычке глаза подобно мысли, привыкнув, перестают удивляться и не ищут законов тех вещей, которые видят».(*Цицерон*, О природе богов, кн. II, гл. 2.)]

добродетельным или порочным, уважаемым или ненавидимым другими, довольным или недовольным своей судьбой в зависимости от предметов, на которые воспитатели направили пыл его страстей и энергию его ума, внушив ему, что эти предметы важны для обеспечения его интересов или достижения счастья. Поэтому он любит то и домогается того, что, как ему сказали, должно быть объектом любви и домогательств; он имеет вкусы, склонности, прихоти, которые в течение всей своей жизни старается удовлетворить соразмерно с активностью, полученной им от природы и развитой в нем воспитанием.

Политика должна быть искусством обуздывать страсти людей и направлять их на благо общества; но она очень часто является лишь искусством разжигать страсти членов общества для их взаимоистребления и разрушения той общественной организации, которая должна обеспечить им счастье. Обычно она так плоха и порочна потому, что основана вовсе не на природе, опыте, всеобщей пользе, а на страстях, прихотях и личной выгоде тех, кто управляет обществом.

Чтобы быть полезной, политика должна основывать свои принципы на природе, т. е. сообразовываться с сущностью и целью общества. Но так как общество представляет собой целое, образованное множеством семейств и индивидов, объединившихся для того, чтобы с большей легкостью удовлетворять свои потребности, доставлять себе желаемые преимущества, обеспечивать друг другу взаимную помощь и особенно возможность спокойно пользоваться благами, которые могут доставить природа и человеческий труд, то ясно, что политика, предназначенная для поддержания общества, должна действовать в интересах последнего, облегчать достижение его целей и устранять все встречающиеся на пути к этому препятствия.

Объединившись друг с другом для жизни в обществе, люди заключили — формально или молчаливо — *договор*, в силу которого они обязались оказывать взаимные услуги и не вредить друг другу. Но так как человек по природе склонен постоянно видеть свое благополучие в удовлетворении мимолетных страстей или

капризов и совершенно не считаться с ближними, то необходима сила, которая удерживала бы человека в рамках долга, заставляла его сообразоваться с последним и напоминала ему об обязательствах, которые под влиянием страстей он мог часто забывать. Эта сила — закон. Закон есть сумма воль членов общества, объединившихся, чтобы определить поведение граждан или направить их поступки к достижению целей объединения.

Но так как общество, особенно многочисленное, может собираться лишь с трудом и так как в этом случае выражение его воли сопровождалось бы беспорядками, то оно вынуждено выбирать граждан, которых облекает своим доверием. Оно делает их истолкователями своей воли и вручает им власть, необходимую для того, чтобы заставить граждан выполнять эту волю. Таково происхождение всякого правительства, являющегося законным лишь тогда, когда оно основывается на добровольном согласии общества. Без такого согласия правительство осуществляет лишь насилие, узурпацию, разбой. Те, кто управляет, называются *государями*, *вождями*, *законодателями*; в зависимости от формы, приданной обществом своему правительству, эти государи называются *монархами*, *уполномоченными*, *представителями* и т. д. Так как правительство заимствует свою власть от общества, будучи установлено лишь для блага последнего, то ясно, что общество может всегда, когда этого требуют его интересы, сместить это правительство, изменить форму правления, расширить или ограничить власть, врученную им своим вождям, по отношению к которым общество всегда сохраняет верховный авторитет в силу нерушимого закона природы, требующего, чтобы часть была подчинена целому.

Таким образом, государи являются слугами общества, исполнителями его воли, носителями большей или меньшей доли его власти, а не абсолютными господами и собственниками народов. В силу формального или молчаливого договора эти государи обязуются заботиться о сохранении и благополучии общества: только на этих условиях общество согласно подчиняться им. Ни одно общество не могло и не хотело безвозвратно доверить своим вождям право вредить ему; такого рода

передача полномочий была бы аннулирована природой, согласно законам которой всякое общество, равно как и всякий человек, стремится к самосохранению и не может согласиться быть постоянно несчастным.

Чтобы законы были справедливыми, они должны иметь своей неизменной целью общие интересы граждан, т. е. обеспечение наибольшему числу членов общества тех преимуществ, ради которых они объединились. Эти преимущества — свобода, собственность, безопасность. *Свобода* — это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества. При объединении в общество каждый индивид отказался от некоторой доли своей естественной свободы, которая могла бы нанести ущерб свободе других индивидов. Злоупотребление свободой, вредное обществу, называется *распущенностью. Собственность* — это возможность пользоваться выгодами, доставляемыми каждому члену общества его трудом и умением. *Безопасность* — это уверенность каждого члена общества в том, что он сможет распоряжаться своей личностью и своим имуществом, пользуясь охраной законов до тех пор, пока будет верно выполнять принятые им по отношению к обществу обязательства.

Правосудие обеспечивает всем членам общества обладание вышеуказанными выгодами или правами. Отсюда ясно, что без правосудия общество не в состоянии доставить кому-либо счастье. Правосудие называется также справедливостью (équité), потому что при помощи законов, которым все должны подчиняться, оно уравнивает всех членов общества, т. е. мешает им использовать друг против друга неравенство сил, созданное природой или воспитанием.

Права — это все то, что справедливые законы общества позволяют делать его членам для их собственного счастья. Эти права, очевидно, ограничены неизменной целью общественного союза. Со своей стороны общество в силу доставляемых им выгод имеет права по отношению ко всем своим членам, а все его члены вправе требовать от правительства или от своих представителей тех выгод, ради которых они живут в обществе, отказываясь от части своей естественной свободы. Общество,

вожди и законы которого не доставляют никаких благ гражданам, бесспорно, теряет свои права по отношению к ним. Вожди, вредящие обществу, теряют право управлять им. Нет отечества без благополучия; общество без справедливости содержит в себе лишь собственных врагов; в угнетенном обществе есть только угнетатели и рабы; рабы не могут быть гражданами; только свобода, собственность, безопасность делают отечество дорогим, и только любовь к отечеству создает граждан*.

Из-за незнания этих истин или неумения их применять народы стали несчастными, превратившись в жалкое скопище рабов, отделенных друг от друга и оторванных от общества, не доставлявшего им никаких благ. Вследствие неблагоразумия этих народов или хитрости и насилия тех, кому они вручили власть и право составлять законы и приводить их в исполнение, государи стали абсолютными господами обществ. Не зная истинного источника своей власти, эти государи вообразили, будто их власть от неба, перед которым они и ответственны за свои поступки, будто у них нет обязанностей по отношению к обществу, словом, будто они земные боги и могут управлять на земле с тем же произволом, с каким боги правят на небесах. С этого времени политика стала совершенно извращенной и превратилась в сплошной разбой. Народы были порабощены и не осмеливались сопротивляться желаниям своих вождей; законы стали лишь выражением прихотей последних; общественный интерес был принесен в жертву их личным интересам; сила общества была обращена против него самого; члены общества покинули его и присоединились к его угнетателям, которые для их обольщения разрешили им вредить обществу и пользоваться его бедствиями. Так свобода, правосудие, безопасность, добродетель были изгнаны из среды народов. Политика стала искусством пользоваться силами и богатствами наций, чтобы подчинить их и противопоставить друг другу интересы подданных в целях господ-

---

* Один древний поэт сказал: «Servorum nulla est unquam civitas». [«Из рабов никогда не может состоять никакая гражданская община».]

ства над нами. Наконец, бессмысленная и невольная привычка заставила народы полюбить свои цепи.

Всякий человек, которому нечего бояться, вскоре становится злым; тот, кто думает, что он ни в ком не нуждается, воображает, что может спокойно предаваться всем склонностям своего сердца. Таким образом, страх — это единственное препятствие, которое общество может противопоставить страстям своих вождей. Без этого последние развратятся сами и не замедлят воспользоваться теми средствами, которые дает им общество, чтобы найти себе соучастников в своих неправедных делах. Чтобы предупредить эти злоупотребления, общество должно ограничить власть, врученную им своим вождям, и оставить за собой такую долю власти, которая помешала бы последним вредить ему. Оно должно благоразумно разделить силы власти, которые, объединившись, безусловно, раздавят его. К тому же самое простое размышление должно показать, что бремя правления слишком тяжело для одного человека, что чрезмерное многообразие обязанностей непременно сделает его небрежным, а размеры власти злым. Наконец, опыт всех веков должен убедить народы, что человек склонен злоупотреблять властью и что государь должен подчиняться закону, а не закон государю.

Правительство неизбежно влияет в равной мере как на физическую, так и на духовную сторону жизни народов. Если своей заботливостью оно побуждает граждан к трудолюбию и деятельности, результатом чего являются изобилие и здоровье граждан, то его невнимательное и несправедливое отношение влечет за собой лень, апатию, голод, заразные болезни, пороки и преступления. От правительства зависит вызвать к жизни или задушить таланты, трудолюбие, добродетель. Действительно, правительство — распределитель чинов, богатств, наград и наказаний — одним словом, хозяин тех вещей, в которых люди с детства приучились видеть свое счастье,— с необходимостью должно приобрести влияние на их поведение. Оно разжигает страсти граждан, оно направляет их в выгодную ему сторону, оно видоизменяет их и определяет *нравы*, которые как у народов, так и у отдельных индивидов

есть не что иное, как поведение, т. е. совокупность желаний и поступков, необходимо вытекающих из воспитания людей, их образа правления, законов, религиозных взглядов, разумных или бессмысленных учреждений. Одним словом, нравы — это привычки народов. Эти нравы хороши, когда они обусловливают настоящее и прочное счастье общества; но, несмотря на санкцию законов, обычаев, религии, общественного мнения и примера, эти нравы могут быть отвратительны в глазах разума, когда на их стороне лишь голос привычки и предрассудков, редко советующихся с опытом и здравым смыслом. Нет такого гнусного поступка, который не одобряет или не одобрял в прошлом какой-нибудь народ. Отцеубийство, принесение в жертву детей, воровство, узурпация, жестокость, нетерпимость, проституция считались у некоторых народов чем-то дозволенным и даже похвальным, тем более что самые возмутительные и безрассудные обычаи были освящены религией.

Страсти, эти движения притяжения и отталкивания, которыми природа снабдила человека по отношению к предметам, кажущимся ему полезными или вредными, могут сдерживаться законами и направляться правительством, имеющим в своих руках средства для руководства ими. Все страсти всегда сводятся к тому, чтобы любить или ненавидеть что-то, искать или избегать, желать или бояться чего-либо. Эти необходимые человеку для самосохранения страсти являются следствием его организации и проявляются в зависимости от его темперамента с большей или меньшей энергией. Воспитание или привычка развивают и модифицируют их, а правительство направляет их на предметы, которые, с его точки зрения, должны желать подчиненные ему граждане. Различие названий страстей зависит от различия вызывающих их объектов. Так, наслаждения, общественное положение, богатство порождают сладострастие, честолюбие, тщеславие, скупость. Если мы внимательно изучим господствующие у народов страсти, то обычно найдем их источник в правительствах. Именно побуждения вождей делают народы то воинственными, то суеверными, то жаждущими славы, то жадными до денег, то благоразумными, то безрассуд-

ными. Если бы государи, желая просветить и осчастливить свои государства, употребили на это десятую долю тех расходов и забот, которые они тратят, чтобы довести до отупения, обмануть и обездолить народы, то их подданные были бы вскоре так же мудры и счастливы, как теперь они слепы и несчастны.

Итак, пусть откажутся от нелепого замысла уничтожить страсти в сердцах людей. Пусть направят их на предметы, полезные для детей. Пусть воспитание, правительство и законы приучат людей сдерживать страсти в границах справедливости, указываемых опытом и разумом. Пусть честолюбивый человек, если он с пользой служит отечеству, получит почести, титулы, чины и власть. Пусть человеку, любящему богатство, дадут их, если он окажется необходимым для своих сограждан. Пусть ободряют похвалами того, кто любит славу. Одним словом, пусть будет дана свобода человеческим страстям, если это даст обществу реальные и длительные выгоды. Пусть воспитание и политика возбуждают лишь те страсти, которые полезны человечеству и необходимы для его сохранения, всячески благоприятствуя им. Человеческие страсти опасны лишь потому, что все способствует тому, чтобы направить их в дурную сторону.

Природа не создает людей ни добрыми, ни злыми*. Она делает из них более или менее активные, подвижные машины; она дает им тела, органы, темпераменты, необходимыми следствиями которых являются более или менее бурные страсти и желания; эти страсти всегда имеют своей целью счастье; следовательно, они законны и естественны и могут быть названы хорошими или дурными только в зависимости от их влияния на людей. Природа дает нам ноги, способные поддержать нас и необходимые, чтобы переносить нас с одного места на другое; заботы наших воспитателей укрепляют их, приучают нас пользоваться ими, давать им хорошее

* Сенека[1] с полным основанием сказал: «Erras, si existimes vitia nobiscum nasci; supervenerunt, ingesta sunt». (*Senec.*, Epist., 91, 95, 124.) [«Ты заблуждаешься, если думаешь, что пороки рождаются с нами, они появляются впоследствии, привносятся». (*Сенека*, Письма, 91, 95, 124.)]

или дурное употребление. Полученная мной от природы рука ни хороша, ни дурна; она необходима в ряде случаев жизни; но пользование этой рукой становится преступным, если я приобретаю привычку красть или убивать, чтобы добывать себе деньги, желать которых меня приучили с детства, которые необходимы мне в обществе, где я живу, но которые я мог бы добыть честным трудом, не вредя своим ближним.

Сердце человека подобно участку земли, который в зависимости от его природы может производить терния или полезные злаки, ядовитые или приятные плоды, смотря по брошенным в землю семенам и по обработке почвы. В детстве нам показывают предметы, которые мы должны ценить или презирать, любить или ненавидеть и которых нам следует искать или избегать. Наши родители и воспитатели делают нас добрыми или злыми, рассудительными или безрассудными, трудолюбивыми или ленивыми, серьезными или легкомысленными и пустыми. Их пример и их наставления определяют направление всей нашей жизни, показывая нам, каких вещей мы должны желать или бояться; мы желаем их и более или менее энергично пытаемся их обрести в зависимости от нашего темперамента, всегда определяющего силу наших страстей. Таким образом, именно воспитание, внушая нам истинные или ложные взгляды и понятия, наделяет нас первоначальными импульсами, согласно которым мы действуем с пользой или вредом для нас самих и для других. Рождаясь, мы приносим с собой лишь потребность самосохранения и стремление сделать наше существование счастливым; воспитание, пример, беседы, жизнь в свете дают нам действительные или мнимые средства к этому, привычка приучает нас легко пользоваться ими и крепко привязывает нас к тем, кто, по нашему мнению, способен помочь нам овладеть предметами, которых мы научились желать. Когда наше воспитание, показываемые нам примеры, доставляемые нам средства одобряются разумом, все способствует тому, чтобы сделать нас добродетельными; привычка укрепляет в нас это расположение, и мы становимся полезными членами общества, с которым, как все показывает, непрерывно связано наше длительное благо-

получие. Если же, наоборот, наше воспитание, получаемые нами наставления, окружающие учреждения, показываемые нам примеры и внушаемые с детства взгляды заставляют нас считать добродетель бесполезной или вредной, а порок полезным и благоприятным нашему собственному счастью, мы становимся порочными и считаем полезным для себя вредить нашим согражданам. Тогда, будучи увлечены общим потоком, мы отказываемся от добродетели, предстающей перед нами в виде пустого идола, и вовсе не хотим следовать за ней или поклоняться ей, если она требует, чтобы ей были принесены в жертву вещи, на которые нас всегда заставляли смотреть как на самые дорогие и желанные.

Чтобы человек был добродетельным, он должен быть заинтересован в этом и усматривать выгоду в добродетельном поведении. Для этого необходимо, чтобы воспитание внушило ему рациональные идеи, чтобы общественное мнение и пример заставили его видеть в добродетели предмет, достойный уважения, чтобы правительство справедливо вознаграждало добродетель, чтобы ее спутником всегда была слава, чтобы порок и преступление всегда презирались и наказывались. Но таково ли у нас положение добродетели? Дает ли нам воспитание правильные идеи о счастье, верное понятие о добродетели, склонности, благоприятные для окружающих нас людей? Способны ли в действительности наблюдаемые нами примеры заставить нас уважать пристойность, честность, добросовестность, справедливость, чистоту нравов, супружескую верность, аккуратность в исполнении своих обязанностей? Делает ли нас более общительными, мирными, человечными религия, претендующая на монополию в руководстве нашими нравами? Вознаграждают ли руководители общества тех, кто лучше других служит отечеству, и наказывают ли они тех, кто грабит его, делит, разоряет? Твердой ли рукой держит правосудие свои весы, одинаково ли относится оно ко всем гражданам? Не оказывают ли законы содействия сильному против слабого, богачу против бедняка, счастливцу против несчастного? Наконец, не видим ли мы часто, что преступление пользуется успехом и нагло торжествует над попранной заслугой

и оскорбленной добродетелью? В таких обществах добродетель — удел лишь немногих мирных граждан, знающих ей цену и наслаждающихся ею втайне,— ведь она неприятна всем прочим, видящим в ней лишь врага своего счастья или цензора, критикующего их поведение.

Если человек по своей природе желает счастья, то он вынужден любить также и средства, необходимые для его достижения. Было бы бесполезно, а быть может, и несправедливо требовать от человека добродетели, если она возможна для него только ценой отказа от счастья. Раз порок делает его счастливым, он должен полюбить порок. Раз бездельники и преступники находятся в почете и получают награды, то зачем человеку интересоваться счастьем своих ближних или сдерживать неистовство своих страстей? Наконец, раз ум человека заполнен ложными идеями и пагубными взглядами, то его поведение неизбежно станет длинной цепью заблуждений и развратных поступков.

Говорят, будто дикари, чтобы сделать плоскими головы своих детей, сжимают их между двух досок, мешая им таким образом принять предназначенную им природой форму. Почти то же самое можно сказать о всех наших общественных институтах. Они обычно идут наперекор природе, стремясь стеснить, извратить и ослабить исходящие от нее побуждения, чтобы заменить их другими, которые являются источником наших несчастий. Народы почти повсюду находятся в неведении относительно истины. Их питают ложью или всякого рода чудесными россказнями; с ними обращаются точно с детьми, которых неразумные няни стягивают разными повязками, мешающими им свободно пользоваться своими членами, не дающими им расти и быть подвижными, вредными для их здоровья.

Цель религиозных воззрений состоит лишь в том, чтобы убедить людей, будто их высшее счастье в иллюзиях, из-за которых попы разжигают их страсти; а так как эти призраки не могут быть одинаковы для всех, кто их созерцает, люди постоянно спорят между собой по этому поводу, ненавидят, преследуют друг друга и часто думают, что поступают хорошо, совершая престу-

пления во имя своих взглядов. Так религия с детства отравляет людей тщеславием, фанатизмом, неистовством, если у них пылкое воображение; если они, напротив, флегматичны и вялы, она делает из них людей, бесполезных обществу; если они энергичны, она делает из них безумцев, часто столь же жестоких по отношению к самим себе, как и тягостных для других людей.

Общественное мнение постоянно внушает нам ложные идеи о славе и чести. Оно учит нас уважать не только вздорные преимущества, но и вредные поступки. На них дает право пример, их освящают предрассудки, а привычка мешает смотреть на них с тем отвращением и презрением, каких они заслуживают. Действительно, привычки примиряют нашу мысль с самыми нелепыми идеями, самыми дикими обычаями, самыми постыдными поступками, предрассудками, гибельными как для нас, так и для общества, в котором мы живем. Мы находим странными, нелепыми, заслуживающими презрения, смешными лишь те взгляды и вещи, к которым не привыкли. Существуют страны, в которых самые похвальные поступки кажутся дурными и смешными и, напротив, гнуснейшие поступки кажутся правильными и разумными*.

Власть считает обыкновенно выгодным для себя поддерживать принятые взгляды, признаваемые ею необходимыми для укрепления своего господства. Предрассудки и заблуждения поддерживаются силой, которая никогда не рассуждает. Государи, сами преисполненные ложных представлений о счастье, могуществе, величии и славе, окружены льстецами-царедворцами, в интересах которых не разубеждать своих господ. Эти вконец испорченные люди наносят добродетели одни лишь оскорбления и мало-помалу развращают народ,

* У некоторых народов убивают стариков и дети душат своих родителей. Финикияне и карфагеняне приносили детей в жертву своему богу. Европейцы одобряют дуэли и считают обесчещенным человека, который отказался убить этим путем другого человека. Испанцы и португальцы находят весьма честным и почтенным занятием сжигать еретиков. Христиане думают, что вполне справедливо истреблять друг друга из-за различия в религиозных взглядах. В некоторых странах считается, что проституция не бесчестит женщин, и т. д.

который вынужден вслед за вельможами предаваться порокам и начинает ставить себе в заслугу подражание их распутному поведению. Дворы государей — это настоящие рассадники развращения народов.

Вот где настоящий источник морального зла. Таким образом, все способствует тому, чтобы сделать людей порочными и сообщить их душам гибельные побуждения. В результате в обществе царит какое-то всеобщее душевное смятение и оно становится несчастным, так как несчастны почти все его граждане. Самые могучие силы общества объединяются, чтобы внушить нам страсти к самым ничтожным, вовсе не нужным нам вещам, и это становится опасным для наших сограждан из-за средств, какие мы вынуждены применять, чтобы доставить себе эти предметы. Те, кто обязан руководить нами, либо обманщики, либо жертвы своих предрассудков. Они запрещают нам прислушиваться к голосу разума; они доказывают, будто истина опасна, а заблуждение необходимо для нашего блага в этом и ином мире. Наконец, сила привычки крепко привязывает нас к нашим безрассудным взглядам, нашим роковым наклонностям, нашей слепой любви к бесполезным или опасным вещам. Вот как большинство людей неизбежно побуждается к злу. Вот почему свойственные нам по природе и необходимые для нашего самосохранения страсти становятся орудием нашей гибели и гибели общества, сохранению которого они должны служить. Вот почему жизнь в обществе превращается в состояние войны, так как она объединяет только всегда борющихся врагов, завистников, соперников. Если среди нас и есть добродетельные люди, то их надо искать в небольшом числе тех, кто, имея от рождения флегматический темперамент и слабые страсти, совсем не желает или слабо желает тех вещей, к которым всегда с жадностью стремятся все остальные члены общества.

Наша природа, видоизменяемая воспитанием, определяет наши физические и интеллектуальные способности, наши телесные и моральные качества. У сильного сангвиника будут сильные страсти, у желчного меланхолика — странные и мрачные, у человека с игривым воображением — веселые, у человека с преобладанием

флегмы — мягкие и тихие. Состояние тех людей, которых мы называем *добродетельными*, зависит, по-видимому, от равновесия соков; их темперамент, очевидно, является продуктом такого сочетания, в котором элементы, или начала, жизни уравновешиваются между собой с достаточной точностью, так что ни одна страсть не волнует их организм сильнее, чем любая другая. Привычка, как мы видели,— это видоизмененная натура человека. Природа дает материал, воспитание же, национальные и семейные нравы, примеры и пр. придают ему форму. В зависимости от темперамента, каким наделяет каждого природа, эти факторы создают рассудительных или безрассудных людей, фанатиков или героев, энтузиастов общественного блага или глупцов, мудрецов, влюбленных в добродетель, или погрязших в пороке распутников. Вся пестрота духовной жизни людей зависит от различных идей, по-разному сочетающихся и комбинирующихся в их головах через посредство органов чувств. Темперамент человека — продукт физических субстанций, привычка — следствие физических модификаций; хорошие или дурные, истинные или ложные взгляды, которые складываются в уме человека, всегда являются лишь следствиями физических импульсов, полученных им через посредство органов чувств.

Глава X

НАША ДУША НЕ ИЗВЛЕКАЕТ СВОИХ ИДЕЙ ИЗ САМОЙ СЕБЯ; НЕ СУЩЕСТВУЕТ ВРОЖДЕННЫХ ИДЕЙ

Все предшествующее достаточно убедительно показывает, что внутренний орган, который мы называем *нашей душой*, имеет чисто материальный характер. В этой истине можно убедиться, рассматривая, как душа приобретает свои идеи на основе впечатлений, последовательно производимых материальными предметами на наши материальные органы. Мы видели, что все способности, которые называют *интеллектуальными*,

зависят от способности ощущать. Мы только что объяснили также, исходя из необходимых законов весьма простого механизма, различные качества людей, которые называют *духовными*. Нам остается еще ответить тем, кто упорно старается сделать из души субстанцию, отличную от тела, т. е. имеющую совершенно отличную от тела сущность. Они полагают, будто этот внутренний орган способен извлекать идеи из глубин самого себя, а также утверждают, будто человек, рождаясь, приносит с собой идеи, которые в соответствии с этим удивительным учением были названы *врожденными**. Они полагают, что душа в силу какой-то особой привилегии выделяется из природы, в которой все взаимосвязано, обладая способностью самостоятельно двигаться, создавать идеи и мыслить о тех или иных предметах без всякого возбуждения со стороны внешней причины, которая воздействует на органы души, доставляет ей образ объекта ее мыслей. Под влиянием этих взглядов, которые достаточно изложить, чтобы их опровергнуть, некоторые очень искусные, но полные религиозных предрассудков мыслители утверждали даже, что душа способна без всякого действующего на ее органы чувств образца, или прототипа, представить себе весь мир и все заключающиеся в нем существа. Декарт и его ученики утверждали, что тело не имеет абсолютно никакого отношения к ощущениям или идеям нашей души и что душа ощущала бы, видела, слышала, вкушала и осязала, даже если бы вне нас не существовало ничего материального, или телесного.

Что сказать о философе вроде Беркли, который старается доказать нам, будто все в этом мире лишь иллю-

---

* Некоторые древние философы воображали, что душа изначально содержит в себе основы целого ряда понятий или учений: стоики называли их prolepses, а греческие математики—κοινας ἐννοίας. Скалигер[1] называет их zoruga, semina, aeternitatis. У евреев есть аналогичное учение, заимствованное ими у халдеев: их раввины учат, что каждая душа до своего соединения с семенем, которое должно образовать ребенка в матке женщины, поручается ангелу, показывающему ей небо, землю и ад, и все это с помощью лампы, которая гаснет, лишь только ребенок появляется на свет. *Gaulmin*, De vita et morte Mosis. [*Гольмен*, О жизни и смерти Моисея.]

зия и химера, будто весь мир существует лишь в нас самих и в нашем воображении, и который при помощи софизмов, неразрешимых для всех сторонников учения о духовности души, делает проблематичным существование всех вещей*.

Чтобы оправдать эти чудовищные взгляды, нам говорят, что идеи являются единственными объектами мысли. Но, доводя анализ до конца, мы убеждаемся, что эти идеи могут являться к нам лишь от внешних предметов, которые, действуя на наши чувства, модифицируют наш мозг, или же от материальных объектов, которые, находясь внутри нашего организма, заставляют некоторые части нашего тела испытывать сознаваемые нами ощущения и доставляют нам идеи, правильно или неправильно относимые нами к воздействующей на нас причине. Всякая идея представляет собой некоторое следствие. Но как бы ни было трудно добраться до ее причины, можем ли мы допустить, что этой причины вовсе не существует? Если мы способны получать идеи только от материальных субстанций, как можем мы предположить, что причина наших идей может быть нематериальной? Утверждать, будто человек

---

* См. «*Разговоры Гиласа и Филона*». Нельзя, однако, отрицать того, что сумасбродная идея епископа клойнского, равно как и система отца Мальбранша (который видел все в боге и поддерживал учение о *врожденных идеях*), вполне гармонирует с сумасбродным понятием о духовности души. Так как теологи сочинили субстанцию, совершенно отличную от тела человека, и приписали ей все свои мысли, сделав тело совершенно излишним, то осталось лишь видеть все в себе, видеть все в боге, сделать бога посредником, связующим звеном между душой и телом; утверждать, будто весь мир, не исключая нашего собственного тела, является каким-то разнообразным и необходимым сновидением отдельного человека, и каждому человеку счесть себя всем, единственно существующим, необходимым существом, самим богом. В итоге вышло так, что самая сумасбродная из всех систем (система Беркли) оказалась самой трудной для опровержения. «Abyssus abyssum invocat». [«Бездна взывает к бездне».] Но если человек видит все в самом себе или в боге, если бог есть общая связь души и тела, откуда же взялось так много ложных идей и заблуждений человеческого духа? Откуда взялись взгляды, которые, согласно теологам, так неугодны богу? Нельзя ли спросить у отца Мальбранша, из бога ли исходил при создании своей системы Спиноза?

способен получить представление о вселенной без помощи внешних предметов и органов чувств,— все равно, что заявлять, будто слепой от рождения может иметь правильное представление о картине, изображающей предмет, о котором он никогда не слышал.

Легко заметить источник заблуждений, в которые впали глубокомысленные и очень просвещенные люди, рассуждавшие о нашей душе и ее функциях. Под давлением своих предрассудков или из страха перед учением грозной теологии они исходили из принципа, будто эта душа является *чистым духом*, нематериальной субстанцией, обладающей сущностью, совершенно отличной от тел или от всего того, что мы видим; допустив это, они раз и навсегда теряли всякую возможность понять, как могут материальные предметы и грубые телесные органы действовать на совершенно отличную от них субстанцию и видоизменять ее, сообщая ей идеи. Будучи не в состоянии объяснить данное явление и видя, однако, что душа обладает идеями, эти мыслители заключили, что последняя должна извлекать их из самой себя, а не из существ, действия которых на нее они не могли понять, исходя из своей гипотезы. Поэтому они вообразили, что все модификации души зависят от ее собственной энергии, сообщаются ей в момент ее создания столь же нематериальным, как она сама, творцом природы и нисколько не зависят от существ, которые мы знаем и которые грубо воздействуют на нас при посредстве чувств.

Впрочем, существуют некоторые явления, которые на первый взгляд как будто подтверждают мнение этих философов, обнаруживая в человеческой душе способность самопроизвольно, без всякой внешней помощи создавать идеи. Таковы *сновидения*, в которых наш внутренний орган при отсутствии видимым образом воздействующих на него предметов оказывается тем не менее обладающим идеями, приводится в действие и модифицируется настолько заметно, что даже влияет на тело. Но достаточно небольшого размышления, чтобы найти решение этой загадки: наш мозг даже во время сна полон множества идей, доставленных ему в часы бодрствования. Эти идеи сообщены ему внешними телес-

ными предметами, которые его модифицировали. Эти модификации возобновляются в мозгу не под влиянием какого-то самопроизвольного движения, но под воздействием происходящих в человеческом организме непроизвольных движений, определяющих или возбуждающих движения в мозгу; при этом такие модификации более или менее точно соответствуют тем, которые человек испытывал раньше. Иногда мы сохраняем во сне память об увиденном и верно воспроизводим поразившие нас предметы; в других случаях модификации нашего сознания повторяются без всякого порядка и связи в отличие от тех, которые были вызваны в нашем внутреннем органе реальными предметами. Если во сне мне кажется, что я вижу друга, то мой мозг повторяет модификации, или идеи, которые этот друг вызывал в нем, в том же порядке, в каком они располагались, когда мои глаза видели его: это является просто результатом памяти. Если же в сновидении я вижу чудовище, не имеющее образца в природе, это значит, что мой мозг модифицирован точно так же, как это было произведено отдельными разрозненными идеями, из которых он только составил идеальное целое, нелепым образом сближая или ассоциируя запечатлевшиеся в нем разрозненные идеи: в этом случае во сне работает воображение.

Неприятные, странные, бессвязные сновидения являются обыкновенно следствием какого-нибудь расстройства нашего организма вроде плохого пищеварения, возбуждения крови, вредного брожения и т. д. Эти материальные причины вызывают в нашем теле беспорядочные движения, и потому наш мозг модифицируется иначе, чем в часы бодрствования. В результате этих беспорядочных движений происходит некоторое расстройство в мозгу, и его идеи становятся путаными и бессвязными. Когда во сне я вижу сфинкса, это значит или то, что я видел наяву изображение этого сфинкса, или то, что неправильность движений в моем мозгу заставляет последний комбинировать идеи или части, из которых получается не имеющее образца целое, или целое, части которого не могут быть соединены. Так, мой мозг комбинирует голову женщины, идею

которой он имеет, с телом львицы, идея которого также есть у него. В этих случаях моя голова работает подобно моему воображению, когда в силу какого-нибудь изъяна в мозгу оно расстроено и наяву рисует мне некоторые предметы. Мы часто грезим, даже когда не спим; как бы странны ни были наши сновидения, в них всегда есть известное сходство с предметами, действовавшими на наши чувства и сообщившими те или иные идеи нашему мозгу. Теологи не спали, когда выдумывали на досуге сказки о призраках, которыми они пользуются для устрашения людей; эти теологи просто соединили разрозненные черты самых страшных представителей нашего вида; безмерно преувеличив власть и права хорошо известных нам земных тиранов, они создали из них богов, перед которыми мы трепещем.

Таким образом, сновидения не только не доказывают, что наша душа действует в силу собственной энергии и извлекает идеи из самой себя, но, напротив, доказывают, что во сне она совершенно пассивна, непроизвольно воспроизводя свои модификации под влиянием нарушений, вызываемых физическими причинами в нашем теле, тождество и субстанциональное единство которого с душой подтверждается решительно всем. Сторонников мнения, будто душа извлекает свои идеи из себя самой, по-видимому, ввело в заблуждение то обстоятельство, что они рассматривали эти идеи как реальные вещи, в то время как последние представляют собой лишь модификации, произведенные в нас предметами, посторонними по отношению к нашему мозгу. Эти предметы и являются подлинными образцами, или прототипами, до которых надо было добраться. Здесь источник заблуждений этих людей.

Душа грезящего человека не более самочинна в своих действиях, чем душа пьяного, т. е. того, чей организм видоизменен воздействием спиртного напитка, душа бредящего больного, у которого физические причины нарушили правильное функционирование организма, или, наконец, душа того, у кого расстроен мозг. Сновидения, как и все эти различные состояния, свидетельствуют лишь о некотором физическом беспорядке человеческой машины, в силу которого мозг более не

действует нормальным и определенным образом; этот беспорядок происходит от известных физических причин, которыми могут быть, например, пища, органические соки, сочетания и брожения, не соответствующие здоровому состоянию человека: если тело испытывает необычные воздействия, деятельность мозга неизбежно нарушается.

Итак, не будем думать, будто душа действует в какие-то моменты нашей жизни сама по себе, или беспричинно. Она получает вместе с нашим телом впечатления от вещей, воздействующих на нас необходимым образом и согласно их свойствам. Если выпить слишком много вина, оно неизбежно нарушит порядок наших мыслей, наших телесных и интеллектуальных функций.

Если бы в природе действительно было существо, способное двигаться в силу собственной энергии, т. е. производить движения, независимые от всех причин, то подобное существо могло бы приостановить или прекратить движение во вселенной, которая представляет собой лишь необъятную непрерывную цепь связанных друг с другом причин, взаимодействующих по необходимым и непреложным законам, которые не могут быть изменены или приостановлены без того, чтобы не были изменены или даже уничтожены сущности и свойства всех вещей. Всеобщая система мира представляет собой лишь длинный ряд движений, поочередно получаемых и сообщаемых телами, способными воздействовать друг на друга. Всякое тело приводится в движение каким-нибудь другим сталкивающимся с ним телом. Тайные движения нашей души зависят от причин, скрытых внутри нас самих. Мы думаем, что она движется сама собой, потому что не видим приводящих ее в движение сил или считаем эти силы неспособными произвести наблюдаемые нами явления. Но разве нам более понятно то, как искра, зажигая порох, производит грозные явления, свидетелями которых мы становимся? Источник наших заблуждений кроется в том, что мы считаем наше тело грубой и инертной материей, в то время как оно представляет собой чувствительную машину, с необходимостью мгновенно осознающую получаемые ею в тот или иной момент впечатления

и обладающую сознанием своего *я* благодаря памяти о последовательно испытанных впечатлениях. Эта память, воскрешая полученное раньше впечатление или закрепляя и заставляя длиться то, которое мы теперь получаем, в то время как к нему присоединяют другое, а затем третье впечатление и т. д., и дает нам весь механизм *рассуждения*.

Идея, являющаяся не чем иным, как неуловимой модификацией мозга, приводит в действие орган речи, проявляясь в движениях, возбуждаемых ею в языке. Последние в свою очередь порождают идеи, мысли, страсти в существах, одаренных органами, способными воспринимать соответствующие движения. В результате этого воля и совместные усилия огромного множества людей производят революцию в каком-нибудь государстве или даже влияют на судьбы всего земного шара. Так, какой-нибудь Александр решает судьбу Азии; Магомет изменяет облик земли; незаметные причины производят самые обширные и грозные явления в качестве необходимого следствия движений, запечатленных в мозгу людей. Трудности понимания действий человеческой души заставили приписать ей рассмотренные нами выше непонятные качества. Казалось, будто эта душа может с помощью воображения и мысли покидать нас, с крайней легкостью переноситься к отдаленнейшим предметам, в мгновение ока проходя точки вселенной и сближая их друг с другом. Поэтому стали думать, что существо, способное на столь быстрые движения, должно обладать совершенно иной природой, чем все другие существа; убедили себя, что эта душа действительно проходит весь огромный путь, необходимый, чтобы добраться до этих различных предметов. При этом совершенно не заметили, что, для того чтобы в одно мгновение совершить такое путешествие, ей достаточно окинуть взглядом саму себя и сблизить друг с другом идеи, запечатленные в ней посредством органов чувств.

Действительно, вещи известны нам или вызывают у нас идеи лишь через посредство наших органов чувств; наш мозг модифицируется, наша душа мыслит, желает и действует лишь в результате движений, сообщенных

нашему телу. Если, как сказал более двух тысяч лет тому назад Аристотель, *все вступает в наш дух лишь через органы чувств*, то для всего проистекающего из нашего духа следует найти* какой-нибудь чувственно осязаемый предмет, чтобы связать с ним соответствующие идеи или непосредственно, как обстоит дело, например, с такими идеями, как человек, дерево, птица и т. д., или же в последнем итоге анализа, как в случае идей: *удовольствие*, *счастье*, *порок*, *добродетель* и т. д. В тех же случаях, когда слово или соответствующая ему идея не указывают ни на какой чувственно осязаемый предмет, к которому их можно было бы отнести, это слово или эта идея лишены смысла и возникли из ничего; в этих случаях нужно удалить идею из своего духа, а слово — из языка, раз они ровно ничего не означают. Этот принцип есть лишь обратная сторона аксиомы Аристотеля; так как прямой смысл аксиомы очевиден, то ясно, что и обратное положение должно быть столь же очевидным.

Почему глубокомысленный Локк, который, к великому сожалению теологов, вполне развил принцип Аристотеля, и все те, кто подобно ему понял нелепость теории *врожденных идей*, не извлекли из этого всех необходимых и непосредственно вытекающих отсюда следствий? Почему у них не хватило мужества применить этот столь ясный принцип ко всем тем химерам, которыми так долго и тщетно занимался человеческий дух? Разве они не видели, что их принцип подорвал основы теологии, всегда занимающей умы людей предметами, которые недоступны чувствам и о которых, следовательно, невозможно составить себе представление? Но предрассудки, особенно религиозные, мешают разглядеть

---

* Этот принцип, столь истинный, вразумительный и важный в силу необходимо вытекающих из него следствий, был последовательно и до конца развит анонимным автором, написавшим для «Энциклопедии» статьи «Incompréhensible» [«Непостижимое»] и «Locke». Трудно указать что-нибудь более здравое, подлинно философское и способное расширить сферу идей и истин, чем то, что говорит по этому вопросу ученый-аноним в двух названных статьях, к которым, не желая перегружать книгу цитатами, я и отсылаю читателя.

даже простейшие приложения самых очевидных принципов. В религиозных вопросах даже великие люди часто просто дети, неспособные предвидеть все следствия своих же принципов и вывести их из последних.

Г-н Локк и все те, кто принял его столь убедительную теорию или аксиому Аристотеля, должны были бы заключить из этого, что чудесные существа, которыми занимается теология, являются чистым вымыслом и что *дух*, непротяженная, нематериальная субстанция, означает просто отсутствие идей. Наконец, они должны были бы понять, что тот невыразимый интеллект, которому приписывают управление миром, но ни существования, ни качеств которого не могут засвидетельствовать наши чувства, является вымышленным существом.

Точно так же моралисты должны были бы понять, что все именуемое ими *моральным чувством*, *моральным инстинктом*, врожденными идеями добродетели, предшествующими всякому опыту и вытекающим из него для нас хорошим или дурным следствиям, представляет собой химерические понятия, которые, как и многие другие, основаны лишь на утверждениях теологии*. Прежде чем вывести суждение, надо ощущать; прежде чем научиться отличать добро от зла, надо сравнивать.

Чтобы разувериться в учении о *врожденных* идеях, или модификациях, запечатленных в нашей душе к моменту ее рождения, достаточно добраться до их источника: мы увидим тогда, что привычные идеи, с которыми мы как бы сроднились, явились к нам через посредство некоторых из наших чувств, запечатлелись — иногда

---

* На этой мнимой теологической основе очень многие философы пытались построить нравственность, которая, как мы докажем в главе XV, может быть основана лишь на интересе, потребностях, счастье человека, известных нам из доступного в силу законов природы опыта. Мораль есть наука о фактах. Желать основать ее на гипотезах, реальность которых не могут засвидетельствовать наши чувства, гипотезах, о которых люди будут без конца спорить, никогда не будучи в состоянии договориться,— значит лишить ее всякой опоры. Говорить, что нравственные идеалы *врождены* или представляют собой результат *инстинкта*,— все равно, что утверждать, будто человек способен читать, не зная букв алфавита.

с очень большим трудом — в нашем мозгу и никогда не были неизменными, а всегда изменялись. Мы увидим, что эти якобы присущие нашей душе идеи есть следствие воспитания, примера и в особенности привычки, которая путем повторных движений заставляет наш мозг свыкаться с известной системой понятий и приводить в определенную связь свои отчетливые или неясные идеи. Короче говоря, мы принимаем за врожденные те идеи, происхождение которых забыто нами. Мы не вспоминаем больше ни точных дат, ни последовательности обстоятельств, при которых эти идеи запечатлелись в нашей голове; достигнув известного возраста, мы начинаем думать, что всегда обладали теми же самыми понятиями; наша память, обремененная к тому времени множеством опытов и фактов, не может больше ни вспомнить, ни выделить те особенные обстоятельства, которые формировали наш мозг, сообщая ему его способ бытия и мышления, его теперешние взгляды. Никто из нас не помнит, например, когда слово *бог* впервые поразило его слух, никто не вспоминает первых представлений, которые он составил о боге, первых вызванных у него этим словом мыслей. Между тем нет сомнения, что с самого начала мы стремились найти в природе какое-то существо, чтобы связать с ним составленные нами или внушенные нам идеи. Впрочем, даже вполне просвещенные люди, привыкнув с детства слышать речи о боге, начинают иногда считать идею бога как бы подсказанной нам природой, между тем как мы, несомненно, обязаны ею внушениям наших родителей или воспитателей, которые были затем изменены нами сообразно нашей организации и особым обстоятельствам нашей жизни. Таким образом, каждый создает себе бога, для которого сам является образцом и которого сам видоизменяет на свой лад*.

Наши моральные идеи, более реальные, чем идеи теологии, точно так же не являются *врожденными*. Моральные чувства, или суждения о желаниях и поступках людей, основаны на опыте, который только

* См. ч. II, гл. IV этого сочинения.

и может указать нам, какие из этих желаний и поступков полезны или вредны, добродетельны или порочны, честны или бесчестны, достойны уважения или порицания. Наши моральные понятия и чувства являются плодом большого жизненного опыта, часто весьма продолжительного и сложного, который мы накапливаем с течением времени. Эти понятия более или менее точны в зависимости от особенностей нашей организации и причин, которые ее модифицируют. Мы применяем этот опыт с большей или меньшей легкостью, что зависит от привычки выносить суждения. Быстрота, с которой мы применяем наш опыт или судим о моральных поступках людей, есть то, что получило название *морального инстинкта*.

То, что естествоиспытатели называют *инстинктом*, является лишь результатом известной потребности тела, известного притяжения или отталкивания в людях или животных. Новорожденный младенец сосет грудь в первый раз; ему вкладывают в рот сосок груди; в силу естественного соответствия между нервными сосочками, которыми выстлан его рот, и молоком, вытекающим из груди кормилицы через сосок, дитя сжимает эту грудь, чтобы выжать из нее питающую его жидкость; все это дает ребенку известный опыт: вскоре в его мозгу ассоциируются идеи соска, молока и удовольствия, и всякий раз, когда в поле зрения попадает сосок, он инстинктивно хватает его, быстро пользуясь им так, как это соответствует его назначению.

Только что сказанное может помочь нам разобраться в тех быстрых и внезапных чувствах, которые назвали *силой уз крови*. Чувства любви отцов и матерей к своим детям и детей к своим родителям не являются врожденными; они следствие опыта, размышления, а также привычки чувствительных сердец. У множества людей этих чувств совершенно нет. Мы слишком часто наблюдаем, как родители-тираны создают себе врагов из своих детей, которых они породили как будто лишь для того, чтобы дети стали жертвами их бессмысленных прихотей.

Всю свою жизнь мы ощущаем, испытываем неприятные или приятные воздействия, собираем факты, узнаем

что-нибудь на опыте, и это порождает в нашем мозгу радостные или горькие мысли. Никто из нас не помнит всех этих опытов, не представляет себе всей их цепи. Между тем эти опыты автоматически, без нашего ведома руководят нами во всех наших поступках. Именно для того чтобы подчеркнуть легкость, с которой мы применяем эти опыты, связь которых часто утрачивается нами и которые нам никогда не удается вспомнить, придумано слово *инстинкт*. Большинству людей инстинкт представляется результатом какой-то магической, сверхъестественной силы; для многих других это слово лишено смысла, но для философа инстинкт есть действие весьма интенсивного чувства и заключается в способности быстро комбинировать массу очень сложных опытов и идей. Потребности породили непонятные нам инстинкты у животных, которых без всяких оснований лишили души, между тем как они способны на бесконечное множество действий, доказывающих, что производящие их существа мыслят, выносят суждения, обладают памятью, могут приобретать опыт, комбинируют идеи, применяют их с большей или меньшей легкостью, чтобы удовлетворять свои потребности, и, наконец, обладают страстями и могут видоизменяться*.

Известно, какие затруднения доставили животные сторонникам *спиритуализма*. Действительно, последние боялись возвысить их до человеческого уровня, приписав им духовную душу, и в то же время, отказывая им в ней, они давали своим противникам право отказать в ней и человеку, который, таким образом, принижался до уровня животного. Теологи никогда не могли выбраться из этого затруднения. Декарт думал преодолеть его, утверждая, что у животных нет никакой души и что они являются простыми машинами. Не трудно понять нелепость этого учения. Тот, кто станет

---

* Было бы верхом нелепости отказать животным в умственных способностях; они ощущают, обладают идеями, производят суждения и сравнения, выбирают и обдумывают, обладают памятью, обнаруживают любовь и ненависть, и часто их органы чувств более тонки, чем наши. Рыбы регулярно направляются в то место, где им обыкновенно бросают хлеб.

изучать природу без предвзятых взглядов, легко заметит, что вся разница между человеком и животным сводится лишь к различию их организации.

У некоторых людей, по-видимому более чувствительных, чем другие, наблюдается *инстинкт*, благодаря которому они очень быстро распознают по одной лишь наружности скрытые склонности разных лиц. Так называемые *физиономисты* просто люди более тонкого чутья, которые узнают с помощью опыта то, что остальные в силу грубости своих органов, своей невнимательности или какого-то изъяна своих чувств совершенно не способны уловить. Последние не верят в науку о физиономиях, которая кажется им совершенно мнимой. Между тем несомненно, что движения души, которую произвели в какое-то духовное существо, оказывают заметные воздействия на тело. При постоянном повторении этих воздействий они должны оставить какие-то следы. Так, привычные страсти людей отражаются на их лицах, дозволяя внимательному и одаренному тонким чутьем человеку быстро судить об их образе жизни и даже предвидеть их поступки, привязанности, склонности, господствующие страсти и т. д. Хотя наука о физиономиях кажется многим из нас чем-то надуманным, однако найдется мало людей, которые не имели бы ясного понятия о растроганном или суровом взоре, строгом или лицемерном и скрытном выражении лица, открытом лице и т. д. После некоторого упражнения проницательный человек, без сомнения, приобретает способность узнавать скрытые движения души по видимым следам, оставляемым ими на лице, которое они непрестанно видоизменяют. В особенности надо указать на глаза, которые претерпевают очень быстрые изменения в зависимости от возбуждаемых в нас переживаний. Эти столь нежные органы заметным образом изменяются под влиянием ничтожнейших сотрясений, испытываемых нашим мозгом. Ясные глаза свидетельствуют о спокойной душе; блуждающие глаза указывают на беспокойную душу; пылающие глаза говорят о холерическом и сангвиническом темпераменте; бегающие глаза заставляют подозревать тревожную или лицемерную душу. Одаренный тонкой чувствительностью

и обладающий опытом человек улавливает эти различные оттенки; он мгновенно сопоставляет массу своих прошлых наблюдений, на основании которых выносит суждение о наблюдаемых им лицах. В его суждении нет ничего сверхъестественного или чудесного; подобный человек отличается только тонкостью своих органов и быстротой, с которой его мозг выполняет свои функции.

То же самое нужно сказать о некоторых людях, у которых наблюдается иногда какая-то исключительная проницательность, кажущаяся профанам чем-то божественным и чудесным*. Действительно, есть люди, способные в мгновение ока оценить массу обстоятельств и предвидеть иногда весьма отдаленные события; такого рода *пророческие* таланты не представляют собой ничего сверхъестественного; они указывают только на наличие у этих людей опыта и весьма тонкой организации, благодаря чему они в состоянии легко разбираться в причинах и предвидеть их отдаленнейшие последствия. Эта способность встречается также у животных, которые гораздо лучше людей предвидят атмосферные явления и изменения погоды. Птицы долгое время служили целям прорицания у многих народов, считавших себя весьма просвещенными.

Таким образом, мы должны приписать удивительные способности, свойственные некоторым существам, их опыту и особенностям их организации. *Обладать инстинктом* — значит попросту быстро выносить суждения, не прибегая к долгим рассуждениям. Наши идеи порока и добродетели не являются *врожденными*; они приобретены нами подобно всем прочим идеям; связанные же с ними суждения основаны на правильных или неправильных опытах, зависящих от нашей организации и видоизменивших ее привычек. У ребенка нет идей ни о божестве, ни о добродетели. Эти идеи он получает от своего воспитателя; в зависимости от своей природ-

---

* Вероятно, отличавшиеся особенным искусством врачи были подобно физиономистам людьми, одаренными очень тонким чутьем, благодаря которому они быстро распознавали болезни и легко делали свои прогнозы.

ной организации или от развитых в нем упражнением способностей он оперирует этими идеями более или менее быстро. Природа дает нам ноги, кормилица обучает нас пользоваться ими, проворство же их зависит от нашей природной организации и от того, как мы их упражняли.

То, что в изящных искусствах называют *вкусом*, также зависит лишь от тонкости наших органов, приученных наблюдать известные предметы, сравнивать их и судить о них; благодаря упражнению у некоторых людей вырабатывается способность очень быстро судить об этих предметах, мгновенно схватывая их в совокупности и со всеми присущими им отношениями. Только глядя на вещи, ощущая их, всячески испытывая их, мы учимся познавать их; только повторяя эти опыты, мы приобретаем способность и привычку быстро судить о них. Но эти опыты не *врождены* нам; мы не производили их до рождения; мы не способны мыслить, выносить суждения или иметь идеи, не испытав ощущений; мы не способны ни любить, ни ненавидеть, ни одобрять, ни порицать, не испытав приятного или неприятного воздействия. Между тем это приписывают нам сторонники учения о *врожденных* понятиях, о вложенных в нас природой взглядах на вопросы морали, теологии или любой иной науки. Чтобы наш дух мог размышлять и заниматься каким-нибудь предметом, ему следует предварительно познать его качества; чтобы он познал эти качества, некоторые из наших чувств должны испытать воздействие последних. Предметы, качеств которых мы совсем не знаем, являются ничем или не существуют для нас.

Может быть, скажут, что всеобщее согласие людей относительно некоторых положений, таких, как положение, что *целое больше своей части*, или все геометрические теоремы, по-видимому, заставляет предположить в последних некоторые первичные, врожденные, не благоприобретенные понятия. На это можно ответить, что эти понятия всегда являются благоприобретенными, представляя собой плод более или менее быстро воспринятого опыта: прежде чем убедиться, что целое больше своей части, надо сравнить это целое с его частью.

Рождаясь, человек не приносит с собой идею, что дважды два — четыре, но он очень скоро в этом убеждается. Прежде чем вынести какое бы то ни было суждение, надо произвести сравнение.

Ясно, что сторонники учения о врожденных идеях, или присущих нашему существу понятиях, спутали организацию человека, или его природные склонности, с модифицирующей его привычкой и с его большей или меньшей способностью производить опыты и применять их в своих суждениях. Человек, обладающий вкусом в живописи, от рождения, несомненно, наделен более тонким и острым зрением, чем другие люди, но, если такой человек не имел возможности упражнять свое зрение, он не сумеет быстро судить о произведениях искусства. Мало того, в известных отношениях на склонности, называемые нами *природными*, также нельзя смотреть как на что-то прирожденное. В двадцать лет человек совсем не таков, каким он был при рождении; непрерывно действующие на него физические причины неизбежно влияют на его организацию и приводят к тому, что его природные способности меняются в зависимости от возраста*. Мы постоянно наблюдаем детей, до известного возраста обнаруживающих большой ум и способности к наукам, а затем оказывающихся глупыми. Мы наблюдаем и таких людей, которые, обнаружив в детстве недостаточные способности, впоследствии развиваются и поражают нас талантами, которых от них не ожидали; приходит момент, когда их дух начинает пользоваться огромным опытом, который они накопили незаметно для себя и, так сказать, бессознательно.

Таким образом, повторим еще раз, все идеи и понятия, равно как и образ жизни и мышления людей,

---

* «Мы,— говорит Ламотт-Левайе,— различно рассуждаем в разное время: в молодости иначе, чем под старость; будучи голодными, иначе, чем будучи сытыми; днем иначе, чем ночью; будучи сердиты, иначе, чем будучи довольны; мы каждую минуту изменяемся в зависимости от тысяч других обстоятельств, которые всегда удерживают нас в состоянии неустойчивости и непостоянства». «Le banquet sceptique», p. 17. [«Банкет скептиков», стр. 17.]

приобретены ими. Наш ум может упражняться лишь на том, что ему известно, он способен плохо или хорошо знать лишь те вещи, которые восприняты им. Идеи, не предполагающие наличия вне нас какого-либо материального предмета, который являлся бы их образцом или к которому их можно было бы отнести, и получившие название *абстрактных идей*, представляют собой лишь способы рассмотрения нашим внутренним органом своих собственных модификаций, из которых он выбирает некоторые, не обращая внимания на остальные. Употребляемые нами для обозначения этих идей слова, как, например, *доброта*, *красота*, *порядок*, *ум*, *добродетель* и т. д., не имеют для нас никакого смысла, если мы не относим или не применяем их к предметам, обладающим, как свидетельствуют наши чувства, этими качествами, или к известным нам способам бытия и действия. Что означает для меня неясное слово *красота*, если я не связываю его с каким-либо предметом, который определенным образом воздействовал на мои чувства и которому я приписываю качество, обозначаемое данным словом? Что означает слово *ум*, если я не связываю его с определенным образом жизни или действия? Имеет ли какой-нибудь смысл слово *порядок*, если я не отношу его к некоторому ряду действий или движений, которые определенным образом влияют на меня? И разве слово *добродетель* не лишено смысла, если я не прилагаю его к человеческим склонностям, производящим определенные действия, отличные от тех, которые зависят от противоположных склонностей? Что означают для моего ума слова *страдание* или *удовольствие* в тот момент, когда мои органы не страдают и не наслаждаются, как не оказавшие на меня воздействия способы бытия, о которых мой мозг сохранил воспоминания или впечатления и которые, как показал мне опыт, полезны или вредны для меня? Но когда при мне произносят слова *духовность*, *нематериальность*, *бестелесность*, *божество* и т. д., то ни мои чувства, ни моя память не оказывают мне никакого содействия; они не дают мне никакой возможности составить себе представление об этих качествах или о предметах, к которым я должен

их применить: в том, что не есть материя, я вижу лишь небытие и пустоту, которая не способна обладать какими-либо качествами.

Все заблуждения и споры людей происходят оттого, что они отказались от опыта и свидетельства своих чувств и стали руководствоваться понятиями, которые признали *внедренными* в них, или *врожденными*, хотя в действительности это лишь плоды расстроенного воображения и усвоенных в детстве предрассудков, с которыми сроднила людей привычка и которые заставил их сохранить авторитет. Все языки заполнены абстрактными словами, с которыми связаны смутные и неясные идеи; при проверке оказывается, что такие слова не имеют образца в природе и не существует предметов, с которыми их можно было бы связать. При внимательном исследовании с изумлением обнаруживаешь, что слова, которые всегда на языке у людей, вовсе не представляют собой точных и определенных понятий. Мы слышим, как люди постоянно говорят о *духах*, о *душе* и ее способностях, о *божестве* и его атрибутах, о *пространстве*, *длительности*, *необъятности*, *бесконечности*, *совершенстве*, *добродетели*, *разуме*, *чувстве*, *инстинкте*, *вкусе* и т. д., но они не могут определенно сказать нам, что подразумевается ими под этими словами. Между тем слова были, по-видимому, изобретены только для того, чтобы служить образами вещей, т. е. изображать с помощью чувств известные предметы, о которых ум может судить, размышлять и которые он способен сравнивать и оценивать.

Думать о предметах, которые не воздействовали ни на одно из наших чувств, — значит думать о словах, грезить о звуках и искать в своем воображении предметы, с которыми можно было бы соединить их. Приписывать же качества этим воображаемым предметам — значит предаваться еще большему сумасбродству. Слово *бог* должно обозначать для меня предмет, который не может действовать на какой-либо из моих органов чувств, т. е. предмет, существование и качества которого я не могу установить; но для того чтобы как-то возместить недостаток знаний о нем, я напрягаю свое воображение и рисую себе некоторую картину

с помощью идей или красок, которые мое воображение всегда принуждено заимствовать у известных мне из опыта предметов. В результате я рисую себе этого бога в виде почтенного старца, могущественного монарха, разгневанного человека и т. д. Мы видим, что образцом этой картины, несомненно, служит человек и некоторые из его качеств. Но если мне говорят, что бог есть чистый дух, что он не имеет тела, не обладает протяжением, не заключен в пространстве, находится вне природы, которую приводит в движение, и т. д., то я оказываюсь погруженным в небытие, мой ум уже не знает, над чем он размышляет, у него нет никакой идеи. Таков, как мы увидим в дальнейшем, источник нелепых понятий, обычно составляемых людьми о божестве. Соединяя в боге несовместимые качества и противоречивые атрибуты, люди сами уничтожают его*. Приписывая богу известные моральные качества, люди делают из него человека, но, награждая его отрицательными атрибутами теологии, они превращают его в химеру, уничтожают все предыдущие представления о нем, низводят его до чистого ничто. Так возвышенные науки, называемые *теологией*, *психологией*, *метафизикой*, становятся чисто словесным знанием, а зараженные ими мораль и политика приобретают характер необъяснимых загадок, раскрыть которые может только исследование природы.

Люди нуждаются в истине. Истина есть знание подлинных отношений между людьми и вещами, способными влиять на их благополучие. Но эти отношения можно узнать лишь с помощью опыта; без опыта нет разума, без разума же мы просто слепцы, поступающие наугад. Но как приобрести опытное знание идеальных предметов, абсолютно недоступных нашим чувствам? Как убедиться в бытии и качествах существ, которых мы не можем ощущать? Как решить, полезны или вредны для нас эти предметы? Как узнать, что мы должны любить и ненавидеть, что нам следует искать и чего избегать, что делать и чего не делать? Между тем от такого рода знаний зависит наша судьба в этом мире —

---

* См. гл. IV, ч. II этого сочинения.

единственном, о котором мы имеем представление; на познаниях этого рода основана вся мораль. Отсюда следует, что, внося в мораль, т. е. в науку об определенных и неизменных отношениях между людьми, туманные понятия теологии или основывая эту мораль на допущении химерических существ, существующих лишь в нашем воображении, эту мораль делают ненадежной и произвольной, предоставляя ее капризам воображения и лишая всякой прочной основы.

Существа, радикально отличные друг от друга по своей природной организации, испытываемым ими модификациям и усвоенным ими привычкам и взглядам, должны мыслить различным образом. Как мы уже видели, умственные качества людей зависят от темперамента, а темперамент различен у различных людей. Отсюда с необходимостью следует, что воображение не может быть одинаковым у всех и не может создавать одинаковых призраков. Каждый человек — это некоторое связное целое, между всеми частями которого наблюдается необходимое соответствие. Различные глаза должны видеть по-разному и вызывать у людей весьма разнообразные представления даже о реальных предметах, которые они рассматривают. Что же сказать о том случае, когда предметы не действуют ни на одно из чувств! У всех людей в общем одни и те же представления о субстанциях, живо воздействующих на их органы. Все они более или менее согласны друг с другом относительно некоторых качеств, воспринимаемых ими приблизительно одинаково. Я говорю приблизительно, потому что ум, понятия, убеждение в какой-нибудь истине, сколь бы простой, очевидной и ясной ее ни предположить, не бывают и не могут быть строго одинаковыми даже у двух людей. Действительно, так как любой человек отличается от всех остальных, то, например, его понятие единства не может быть математически строго тождественным понятию всякого другого человека, так как тождественное следствие не может быть результатом двух различных причин. Поэтому, когда люди согласны между собой во взглядах, образе мыслей, суждениях, страстях, желаниях и вкусах,

то их согласие происходит не оттого, что они видят или ощущают одни и те же предметы в точности одинаковым образом, но оттого, что их ощущения приблизительно одинаковы и их язык не настолько изобилует оттенками, чтобы отметить неуловимые различия между их способами видеть и ощущать. У всякого человека имеется, так сказать, свой собственный язык, и этот язык непередаваем другим. Какое же согласие может существовать между людьми тогда, когда они говорят о существах, знание которых опирается лишь на воображение? Может ли это воображение быть тождественным у двух различных индивидов? Как могут разные люди столковаться между собой, когда они приписывают воображаемым существам свойства, зависящие лишь от испытанных ими впечатлений?

Требовать от человека, чтобы он мыслил одинаковым с нами образом,— все равно, что требовать, чтобы он был организован, как мы, всю жизнь претерпевал те же изменения, что и мы, имел тот же самый темперамент, получал ту же пищу, то же воспитание — одним словом, был тождествен нам. Почему же в таком случае не потребовать, чтобы он имел такие же черты лица? Разве он более властен над своими взглядами? Разве его взгляды не являются необходимым следствием его природы и тех особых обстоятельств, которые с самого детства с необходимостью влияли на его образ мыслей и действий? Если человек есть связное целое, то достаточно, чтобы он отличался от нас лишь в одной из его черт, чтобы заключить, что его мозг не может ни мыслить, ни ассоциировать идей, ни отдаваться воображению или грезам так же, как наш.

Многообразие темпераментов людей есть естественный и необходимый источник разнообразия их страстей, вкусов, представлений о счастье и взглядов вообще. Это же разнообразие будет роковым источником их споров, их вражды и ненависти всякий раз, когда они станут рассуждать о неизвестных предметах, приписывая последним самое серьезное значение. Им никогда не удастся столковаться между собой, когда они станут говорить о духовной душе или нематериальном боге, отличном от природы; в этих случаях они перестанут

говорить на одном и том же языке и связывать одинаковые представления с одними и теми же словами. Где найти общую меру и как определить, кто рассуждает правильнее всех, у кого наиболее нормальное воображение, у кого самые точные сведения, когда речь идет о предметах, которые недоступны опыту и ни одному из наших чувств, для которых нет образцов и которые выше разума? Все люди, все законодатели, все метафизики, все народы всегда составляли себе различные представления об этих вещах, и каждый из них думал, что именно его фантазии имеют преимущество перед всеми другими, которые казались ему столь же нелепыми, вздорными, ложными, как и его взгляды — остальным. Всякий придерживается своих взглядов, потому что дорожит собственным образом жизни и верит, что его счастье зависит от его привязанности к своим предрассудкам, усвоенным им лишь потому, что он считает их полезными для своего благополучия. Предложите сложившемуся человеку переменить свою религию на вашу, вы вызовете этим предложением лишь его негодование и презрение, он сочтет вас сумасшедшим и в свою очередь предложит вам принять его взгляды. В результате после долгих споров вы станете смотреть друг на друга как на тупых и упрямых людей, и меньшим глупцом окажется тот, кто уступит первым. Но если во время спора оба противника разгорячатся (а это бывает всегда, когда предмет спора считают важным или когда в дело вмешивается самолюбие), то страсти обостряются, распря разгорается, оба спорщика начинают ненавидеть друг друга, а под конец и вредить друг другу. Так, из-за вздорных разногласий брахманы ненавидят и презирают мусульман, которые в свою очередь притесняют и угнетают их; христиане преследуют и сжигают евреев, у которых они заимствовали свою религию; христиане объединяются между собой против неверующих, для борьбы с которыми они прекращают свои нескончаемые кровавые и жестокие споры.

Если бы воображение у людей было одним и тем же, то и порождаемые им химеры повсюду были бы одними и теми же; между людьми не было бы споров, если бы

они фантазировали на один и тот же лад; они избавились бы от множества подобных споров, если бы их ум занимался лишь доступными познанию существами, бытие которых установлено и подлинные свойства которых можно открыть с помощью надежных повторных опытов. О физических теориях спорят лишь тогда, когда их исходные принципы недостаточно твердо установлены, но здесь опыт, мало-помалу раскрывая истину, кладет конец всяким раздорам. Среди математиков нет споров о принципах их науки; споры возникают среди нас лишь тогда, когда предпосылки ложны или объекты слишком сложны. Теологам же так трудно столковаться между собой потому, что в своих спорах они постоянно исходят не из известных и исследованных положений, а из предрассудков, полученных от воспитателей, из школы, из книг и т. д. Они без конца рассуждают не о реальных предметах, существование которых доказано, а о воображаемых существах, реальность которых никогда не была установлена. Они опираются не на незыблемые факты, не на подтвержденные опытом знания, а на лишенные прочной основы предположения. Зная, что эти идеи установлены в давние времена и лишь немногие отказываются признавать их, богословы рассматривают их как бесспорные истины, которые следует принимать на слово; а так как они придают подобным идеям очень большое значение, то у них вызывает гнев безрассудство тех, кто осмеливается сомневаться в них или даже подвергать их исследованию.

Если бы удалось отбросить в сторону предрассудки, нетрудно было бы убедиться в том, что вещи, вызывавшие среди людей самые ужасные и кровавые споры, являются химерами. Люди увидели бы, что они дрались между собой и истребляли друг друга из-за лишенных смысла слов, или по крайней мере научились бы сомневаться и отказались бы от того властного и догматического тона, с помощью которого иные хотят силой навязывать всем известные взгляды. Самое простое размышление показало бы неизбежность различия взглядов и фантазий людей, которые необходимым образом зависят от различных модификаций их природной организации и необходимо влияют на их

мысли, желания и поступки. Наконец, если бы обратились к морали и здравому смыслу, то убедились бы, что разумные существа созданы, чтобы мыслить различно, не переставая от этого жить мирно, любить друг друга, оказывать друг другу помощь независимо от их взглядов на вещи, которые невозможно познавать или видеть одинаковым образом. Все должно было бы отвратить людей от тиранического безрассудства, несправедливого насилия, бесполезной жестокости тех кровожадных чудовищ, которые преследуют своих ближних, чтобы заставить их принять свои взгляды. Все должно было бы склонять людей к мягкости, терпимости, снисходительности — добродетелям, без сомнения, более необходимым обществу, чем всякого рода мифологические спекуляции, которые разделяют его и часто заставляют истреблять мнимых врагов почитаемых им взглядов.

Мы видим, таким образом, как важно для морали исследовать идеи, которым приписывают такое значение и ради которых люди по жестоким и капризным повелениям своих вождей постоянно приносят в жертву и свое собственное счастье и спокойствие народов. Поэтому пусть человек, обратившись к опыту, природе, разуму, занимается лишь реальными и полезными для его счастья предметами. Пусть он изучит природу и самого себя, пусть научится понимать узы, связывающие его с ближними, пусть разобьет фиктивные цепи, приковывающие его к разным призракам. Если же его воображение нуждается в иллюзиях, если он дорожит своими взглядами и предрассудками, то пусть он по крайней мере позволит другим заблуждаться или разыскивать истину на свой особый лад и пусть всегда помнит, что все взгляды, идеи, теории, желания и поступки людей являются необходимыми следствиями их темперамента, их природы и причин, постоянно или временно модифицирующих их. Человек не более свободен в своих мыслях, чем в своих поступках; истинность этого мы постараемся доказать в следующей главе.

Глава XI

УЧЕНИЕ О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Те, кто утверждал, будто душа отличается от тела, является нематериальной, извлекает свои идеи из самой себя, действует сама по себе и без помощи внешних предметов, должны были в соответствии со своей теорией освободить душу от влияния физических законов, сообразно которым действуют все известные нам существа. Они полагали, что душа является госпожой своей судьбы и может направлять свои действия и определять в силу собственной энергии свои желания; одним словом, они утверждали, что человек свободен.

Мы уже достаточно убедительно доказали, что душа является просто телом, рассматриваемым по отношению к некоторым его функциям, более скрытым, чем другие. Мы показали, что, даже предположив нематериальность души, приходится признать, что душа всегда видоизменяется вместе с телом, будучи подчинена всем его движениям, без которых она оставалась бы инертной и мертвой. Следовательно, душа подчинена влиянию материальных, физических причин, воздействующих на тело, способ бытия которого — постоянный или временный — зависит от материальных элементов, составляющих его ткань, образующих его темперамент, входящих в него вместе с пищей, проникающих и окружающих его. Мы объяснили чисто физическим и естественным образом механизм, образующий способности, которые именуют *интеллектуальными*, и качества, которые называют *духовными*. Мы доказали, наконец, что все наши идеи, теории, движения нашей души, истинные или ложные понятия, которые мы себе составляем, обусловлены нашими материальными и физическими органами. Таким образом, человек есть физическое существо. Как бы ни рассматривать его, он связан со всей природой и подчинен необходимым и неизменным законам, распространяющимся на все существа и действующим сообразно особой сущности и свойствам, которые природа дает этим существам, не спрашивая их. Наша жизнь — это линия, которую мы должны по повелению

природы описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент. Мы рождаемся помимо нашего согласия, наша организация не зависит от нас, наши идеи появляются у нас непроизвольным образом, наши привычки зависят от тех, кто сообщает их нам. Мы непрерывно испытываем воздействия видимых или скрытых причин, которые с необходимостью направляют наш образ жизни, мысли и действия. Мы чувствуем себя хорошо или плохо, мы счастливы или несчастны, рассудительны или безрассудны, разумны или неразумны вне всякой зависимости от нашей воли. Однако, несмотря на бесчисленные связывающие нас факторы, утверждают, будто мы свободны и определяем свои поступки и свою судьбу независимо от действующих на нас причин.

Как ни мало обоснован этот взгляд, в неверности которого все должно было бы убеждать нас, но множество весьма просвещенных лиц в настоящее время считает его бесспорной истиной. Он является основой религии, которая, допуская существование отношений между человеком и неизвестным сверхъестественным существом, утверждает, что, если бы человек не был свободен в своих поступках, он не мог бы иметь ни заслуги, ни вины перед этим существом. Считают, что это учение необходимо для общества, так как, если признать все поступки человека неизбежными, общество будет якобы не вправе наказывать тех лиц, которые вредят своим согражданам. Наконец, человеческому тщеславию, несомненно, льстит гипотеза, которая как бы отличает человека от всех прочих физических существ, приписывая роду человеческому особое преимущество полной независимости от других причин, преимущество, немыслимость которого становится очевидной при малейшем размышлении.

Человек, будучи составной частью некоторого огромного целого, неизбежно подвержен его влияниям. Чтобы быть свободным, он должен стать сильнее природного целого или оказаться вне природы, которая, всегда находясь в действии сама, заставляет и все заключающиеся в ней существа принимать участие в ее всеобщем

действии, или, как уже было сказано, сохранять ее деятельную жизнь с помощью действий и движений, производимых всеми существами в зависимости от их особенных сил, подчиненных неизменным, вечным, незыблемым законам. Для того чтобы человек мог быть свободным, всем существам пришлось бы утратить свою сущность, а ему самому потерять физическую чувствительность и не различать больше ни добра, ни зла, ни удовольствия, ни страдания. Но тогда он не мог бы ни уцелеть, ни сделать свое существование счастливым. Так как все вещи стали бы для него безразличны, перед ним больше не было бы выбора и он не знал бы больше, что ему следует любить и искать, а чего—бояться и избегать. Одним словом, человек был бы каким-то противоестественным существом, совершенно неспособным поступать так, как он поступает в действительности.

Если человеку согласно его сущности свойственно стремиться к счастью и самосохранению; если все движения его органической машины являются необходимыми следствиями этого первоначального импульса; если боль предупреждает его о том, чего он должен избегать; если удовольствие сообщает ему, к чему он должен стремиться, то в силу своей сущности человек должен любить то, что вызывает в нем или сулит ему приятные ощущения, и ненавидеть то, что доставляет ему противоположные ощущения или заставляет его опасаться их. Его неизбежно должны притягивать, определяя его волю, предметы, которые он считает полезными, и отталкивать предметы, которые он считает вредными своему постоянному или временному способу существования. Лишь путем опыта человек приобретает способность распознавать, что он должен любить и чего опасаться. Если его органы здоровы, то его опыт окажется правилен, он будет обладать разумом, проницательностью, благоразумием, предвидеть часто весьма отдаленные результаты тех или иных причин, знать, что некоторые вещи, которые кажутся ему благом, могут из-за своих неизбежных или возможных последствий стать злом, а то, что, как ему известно, является мимолетным злом, впоследствии может стать

причиной длительного и прочного блага. Так, опыт учит нас, что ампутация какого-нибудь члена должна причинить нам болезненное ощущение; следовательно, избегая страдания, мы должны бояться этой операции; но если опыт показывает, что временное страдание, причиняемое этой ампутацией, может спасти нам жизнь, то, дорожа своей жизнью, мы вынуждены примириться с этой кратковременной болью ради превосходящего ее блага.

Как было сказано в другом месте, воля — это модификация мозга, которая предрасполагает его к действию или подготавливает к приведению в движение соответствующих органов. Воля необходимым образом определяется хорошими или дурными, приятными или неприятными качествами предмета или мотива, который действует на наши чувства или идея которого, запечатленная в мозгу, доставляется нам памятью. Следовательно, мы поступаем необходимым образом: наш поступок является следствием импульса, полученного нами от мотива, предмета или идеи, которые модифицировали наш мозг или известным образом предрасположили нашу волю. Если же мы воздерживаемся от действия, то это означает появление новой причины, нового мотива, новой идеи, иным образом модифицирующих наш мозг, сообщающих ему новый импульс или новое желание, побуждающие нас либо действовать по-иному, либо совсем не действовать. Так, вид приятного предмета или мысль о нем побуждают нашу волю действовать, чтобы достать его; но новый предмет или новая идея уничтожают воздействие того, что им предшествовало, и мешают нам действовать так, чтобы обеспечить себе обладание упомянутым предметом. Вот каким образом размышление, опыт, разум с необходимостью задерживают или приостанавливают акты нашей воли. Без их вмешательства она неизбежно поддалась бы первым побуждениям, толкавшим ее к желаемой вещи. Во всех этих случаях мы всегда действуем согласно необходимым законам.

Когда, мучимый безумной жаждой, я мысленно представляю себе или действительно замечаю источник, чистая вода которого может утолить мою жажду,

в моей ли власти желать или не желать вещи, которая может удовлетворить столь мучительную потребность? Всякий, несомненно, согласится с тем, что я не могу не хотеть удовлетворить эту потребность. Но, скажут мне мои противники, если в этот момент обнаружится, что вода, к которой я так стремлюсь, отравлена, то, несмотря на жажду, я воздержусь от пользования этой водой. На основании этого они сделают ложный вывод, что моя воля свободна. В действительности же, до того как я узнал, что эта вода отравлена, жажда с необходимостью побуждала меня пить; но точно таким же образом новое открытие необходимым образом побуждает меня не пить, так как в этом случае чувство самосохранения уничтожает или приостанавливает первоначальный импульс, сообщенный моей воле жаждой. Второй мотив становится сильнее первого, страх смерти необходимым образом побеждает мучительное ощущение, вызванное жаждой... Но, скажут мне, если жажда очень велика, то неосторожный человек, не обращая внимания на опасность, решится выпить воду. В таком случае первоначальное побуждение берет верх и необходимым образом заставляет действовать этого человека, поскольку оно оказывается сильнее другого побуждения. Однако в обоих случаях поступки человека одинаково необходимы; они являются следствием более могущественного и сильнее действующего на его волю мотива.

Этот пример годится для объяснения всех явлений воли. Волю или, вернее, мозг можно сравнить с шаром, который, получив первоначальный толчок, заставивший его двигаться по прямой линии, должен, однако, изменить свое направление, если на него действует другая, бóльшая, чем первая, сила. Человек, который, несмотря на предупреждения, пьет отравленную воду, кажется нам безумцем; но поступки безумцев столь же необходимы, как и поступки благоразумнейших людей. Мотивы, побуждающие сластолюбца и распутника рисковать своим здоровьем, столь же могущественны, а их поступки столь же необходимы, как и мотивы, побуждающие благоразумного человека беречь свое здоровье. Но, станет настаивать наш противник,

распутника можно убедить изменить свое поведение. Однако это означает не то, что он свободен, а то, что можно найти мотивы, достаточно могущественные, чтобы уничтожить влияние первоначально действовавших на него, и тогда эти новые мотивы столь же необходимым образом, как и первоначальные, определят его волю и его новое поведение.

Если действие воли приостановлено, что бывает, когда два мотива действуют на нас попеременно, то говорят, что мы *обдумываем*. *Обдумывать* — значит попеременно любить и ненавидеть; значит попеременно быть притягиваемым и отталкиваемым; значит испытывать воздействие то одного, то другого мотива. Мы обдумываем лишь тогда, когда не знаем в достаточной мере качеств действующих на нас предметов или когда опыт еще не раскрыл нам достаточным образом более или менее отдаленных последствий наших поступков для нас самих. Я хочу выйти на улицу, чтобы освежиться; но погода неустойчива, ввиду чего я начинаю обдумывать, идти мне или нет; я взвешиваю различные мотивы, попеременно побуждающие мою волю принять то или иное решение; в конце концов я выношу решение на основании более сильного мотива, который выводит меня из нерешительности и необходимым образом воздействует на мою волю, заставляя меня или идти на прогулку, или остаться дома: этим мотивом всегда является выгода, ожидаемая мной в настоящем или будущем от поступка, на который я решаюсь.

Наша воля часто колеблется в выборе между двумя предметами, которые попеременно воздействуют на нас сами по себе или посредством соответствующих идей; в этих случаях, прежде чем действовать, мы созерцаем предметы или оставленные ими в нашем мозгу идеи, побуждающие нас к различным действиям. Мы сравниваем между собой эти предметы или идеи, но во время такого обдумывания, сравнения и возникновения альтернатив любви и ненависти, иногда сменяющих друг друга с величайшей быстротой, мы ни на минуту не бываем свободны. Попеременно ожидаемые нами от этих предметов благо или зло — вот необходимые мотивы мгновенных желаний, быстрых смен

любви и ненависти, испытываемых нами во время нашей нерешительности. Отсюда ясно, что наше обдумывание и наша нерешительность необходимы, и, какое бы решение мы ни приняли в итоге обдумывания, оно всегда необходимым образом будет тем, которое мы — правильно или неправильно—считаем наиболее благоприятным для нас.

Когда душа испытывает влияние двух мотивов, попеременно действующих на нее или последовательно модифицирующих ее, то она обдумывает; мозг находится в состоянии своего рода равновесия, сопровождаемого постоянными колебаниями в сторону то одного, то другого предмета. Так продолжается до тех пор, пока предмет, более сильно воздействующий на мозг, не выведет его из этого состояния, вызывающего нерешительность воли. Но когда на мозг одновременно действуют две одинаково сильные причины, тянущие его в противоположных направлениях, то согласно закону, общему для всех тел, находящихся в аналогичном положении, он останавливается и оказывается in nisu, будучи не способен ни желать, ни действовать, и ожидает, пока какая-нибудь из действующих на него причин не возьмет верх, не определит его воли и не привлечет его с большей силой, чем другая.

Этот столь простой и естественный механизм достаточно убедительно объясняет нам, почему неуверенность так тягостна, а нерешительность так мучительна для человека. Мозг, этот столь подвижный и тонкий орган, испытывает в таких случаях очень быстрые, утомляющие его модификации; если же на него действуют противоположно направленные и равные по силе воздействия причины, то он страдает от какого-то угнетения, мешающего ему действовать с активностью, необходимой, чтобы сохранить свою целостность и обеспечить себе то, что ему полезно. Этот механизм объясняет также непостоянство и непоследовательность людей, дает ключ к их поведению, которое часто кажется необъяснимой загадкой и действительно является такой загадкой с точки зрения традиционных теорий. Обращаясь к свидетельству опыта, мы найдем, что наши души подчинены тем же физическим законам, что и ма-

териальные тела. Если бы воля каждого индивида определялась в какое-нибудь время лишь одной причиной или страстью, то было бы совершенно нетрудно предвидеть его поступки; но на него часто оказывают влияние противоположные мотивы, или силы, действующие одновременно или друг за другом. В этих случаях мозг человека либо разрывается, устремляясь в противоположных направлениях, что утомляет его, либо находится в состоянии сжатия, что стесняет его и лишает всякой активности. Он то находится в состоянии полнейшего бездействия, то является игрушкой чередующихся сотрясений, которые принужден испытывать. Таково, несомненно, состояние человека, когда сильная страсть толкает его на преступление, в то время как страх подсказывает ему все опасности, связанные с последним. Таково также состояние того человека, которому угрызения совести мешают пользоваться плодами преступления, совершенного с большими душевными муками, и т. д.

Если внешние или внутренние силы и причины, действующие на ум человека, устремлены в разные стороны, то его душа, или мозг, подобно всем прочим телам устремляется по направлению, среднему между направлениями обеих сил; при этом сила действующих на душу импульсов бывает иногда такова, что человек испытывает мучительнейшее состояние и само существование становится ему в тягость; он не жаждет больше самосохранения, он ищет смерти как убежища от самого себя и единственного лекарства от отчаяния. Так несчастные, недовольные собой люди добровольно убивают себя, когда жизнь становится для них невыносимой. Человек дорожит своим существованием лишь до тех пор, пока оно представляет для него прелесть; но когда он испытывает мучительные ощущения или же толкающие его в противоположные стороны импульсы, то его естественное устремление нарушается; он вынужден идти новым путем, который ведет его к смерти, представляющейся ему тогда чем-то желательным и хорошим. Вот как мы можем объяснить поведение тех меланхоликов, которых их ненормальный темперамент, их истерзанная совесть, огорчения

и тоска побуждают иногда кончать свои счеты с жизнью*.

Различные и часто весьма сложные силы, которые последовательно или одновременно действуют на мозг людей, столь различным образом модифицируя его в разные периоды их жизни, являются истинными причинами неясности их настроений и затруднений, испытываемых нами, когда мы желаем вскрыть тайные пружины их загадочного поведения. Человеческое сердце является для нас лабиринтом лишь потому, что мы редко имеем данные, необходимые, чтобы в нем разобраться. Будь у нас эти данные, мы увидели бы, что непостоянство и непоследовательность человека, его странное или неожиданное поведение являются лишь следствием мотивов, которые последовательно определяют его желания, зависят от частых колебаний, испытываемых его механизмом, и являются необходимым результатом происходящих в нем изменений. Из-за этих изменений одни и те же мотивы не всегда оказывают одно и то же влияние на волю человека, одни и те же предметы не всегда нравятся ему; его темперамент временно или навсегда меняется; и в результате этого должны измениться его вкусы, желания, страсти; его поведение перестает быть единообразным, и нельзя быть уверенным в том, каких действий можно от него ожидать.

Выбор нисколько не доказывает свободы человека. Человек обдумывает свои действия лишь тогда, когда не знает, какой из многих воздействующих на него предметов ему следует выбрать. Он находится в этом случае в замешательстве, прекращающемся лишь тогда, когда его воля принимает известное решение под влиянием мысли о большей выгоде, ожидаемой им от выбираемого предмета или предпринимаемого поступка. Отсюда следует, что выбор человека совершается необходимым образом, так как человек не остановился бы

---

* См. гл. XIV. Душевные страдания толкают на самоубийство чаще, чем физические. От телесных страданий нас отвлекают тысячи всяческих причин, между тем как в случае *духовных* страданий мозг всецело поглощен захватившей его идеей. Поэтому же так называемые духовные наслаждения сильнее всех прочих.

на каком-нибудь предмете или поступке, если бы не находил в своем решении какой-нибудь выгоды для себя. Для того чтобы человек мог действовать свободно, надо, чтобы он мог желать или выбирать без мотивов или мог помешать мотивам действовать на его волю. Так как действие всегда является результатом определенным образом детерминированной воли и так как волю может определять лишь не находящийся в нашей власти мотив, то мы никогда не властны над причинами, определяющими нашу волю, и, следовательно, никогда не действуем свободно. Поскольку мы обладаем волей и возможностью выбора, думали, что мы свободны, но при этом не обратили внимания на то, что наша воля приводится в действие причинами, не зависящими от нас, свойственными нашей организации или присущими природе вещей, которые воздействуют на нас*. Разве я властен над собой и могу не пожелать отдернуть свою руку от огня, когда боюсь обжечься? Разве я в силах отнять у огня то свойство, которое заставляет меня бояться его? Разве в моей власти не предпочесть блюдо, которое, как мне известно, приятно или соответствует моему небу, блюду, которое невкусно или опасно? Я сужу о вещах хорошо или дурно всегда согласно своим ощущениям, своему опыту или предположениям; но, каково бы ни было мое суждение, оно необходимым образом зависит от моего обычного или временного способа ощущать и от качеств, которые существуют в действующей на меня причине или которые мой ум в ней предполагает.

Все воздействующие на волю причины должны действовать на нас достаточно заметным образом, чтобы

---

* Человек проводит значительную часть своей жизни, не обнаруживая признаков воли. Его воля ожидает определяющих ее мотивов. Если бы человек дал себе точный отчет во всем том, что производится им ежедневно начиная с пробуждения и кончая тем моментом, когда он ложится спать, то оказалось бы, что все его поступки совершенно непроизвольны, осуществляются машинально, по привычке и определяются причинами, которых он не мог предвидеть и которым вынужден подчиниться. Он обнаружил бы, что мотивы его работы, его развлечений, разговоров, мыслей и т. д. носят необходимый характер, так или иначе заставляя его поступать вполне определенным образом.

вызвать в нас какое-нибудь полное или неполное, истинное или ложное ощущение, восприятие, представление. Раз моя воля определена, значит, я сильно или слабо почувствовал что-то, ибо в противном случае мое решение было бы принято мной без всякого мотива. Таким образом, строго говоря, не существует вполне *безразличных* для воли причин: как бы слабы ни были импульсы, полученные нами от самих предметов, их образов или идей, но раз наша воля действует, значит, эти импульсы были достаточны, чтобы ее определить. Под влиянием легкого и слабого импульса мы и хотим чего-либо слабо; именно эту слабость желаний называют *безразличием*. В этих случаях наш мозг едва замечает полученное им движение и сообразно с этим производит лишь слабые действия, чтобы получить или устранить модифицировавший его предмет или идею. Если бы импульс был силен, то и волевое побуждение также было бы сильным и заставило бы нас энергично действовать, чтобы получить или устранить предмет, кажущийся нам очень приятным или неприятным.

Думали, будто человек свободен, ибо вообразили, что его душа может по желанию порождать идеи, которые способны иногда обуздать его самые бурные желания*. Так, мысль о вредных последствиях в отдаленном будущем не позволяет нам иногда наслаждаться благом, которым мы располагаем в настоящем. Так, воспоминание, незаметная и легкая модификация нашего мозга, моментально уничтожает воздействие реальных предметов на нашу волю. Но мы не властны над собой и не можем по произволу вызывать свои идеи; их ассоциации независимы от нас; они расположились в нашем мозгу в известном порядке без нашего ведома и вопреки нам; они оставили в нем более или менее глубокий след; сама наша память находится в зависимости от нашей организации, ее верность зависит от постоянного или временного состояния, в котором мы находимся; и когда наша воля детерминирована ка-

---

* Блаженный Августин говорит: «Non enim cuiquam in potestate est quid veniat in mentem». [«Не во власти человека то, что приходит ему в голову».]

ким-нибудь предметом или идеей, возбуждавшими в нас очень интенсивную страсть, то предметы или идеи, которые могли бы остановить нас, исчезают из нашего сознания. Мы закрываем тогда глаза на угрожающие нам опасности, мысль о которых должна была бы нас остановить, и, не рассуждая, стремимся навстречу предмету, который нас притягивает. Размышления не оказывают на нас никакого действия, мы видим лишь предмет наших желаний, а здравые идеи, которые могли бы нас остановить, совсем не приходят нам в голову или вырисовываются слишком туманно и появляются слишком поздно, чтобы помешать нам действовать. В таком положении находятся все люди, ослепленные какой-нибудь сильной страстью и неспособные вспомнить мотивы, мысль о которых могла бы их удержать. Волнение, в котором они пребывают, мешает им судить здраво, предвидеть последствия своих поступков, применять свой опыт, пользоваться своим разумом. Все это предполагает умение правильно ассоциировать идеи, на что наш мозг, испытывающий в такие мгновения приступ безумия, уже не способен, подобно тому как наша рука не способна писать, когда мы с большим усилием выполняем какое-нибудь физическое упражнение.

Наш образ мысли необходимо определяется нашим способом бытия; следовательно, он зависит от нашей естественной организации и от модификаций, которым подвергается наш организм помимо нашей воли. Отсюда мы вынуждены заключить, что наши мысли и размышления, наш способ видеть, чувствовать, выносить суждения, сочетать идеи не могут быть ни произвольными, ни свободными. Одним словом, наша душа не властна над возникающими в ней движениями и не способна в случае необходимости представить себе образы и идеи, которые могли бы уравновесить импульсы, полученные ею извне. Вот почему охваченные страстью люди перестают рассуждать. В это время так же невозможно внимать голосу разума, как и в состоянии бреда или опьянения. Злые люди — это по существу люди, находящиеся в состоянии опьянения или безумия; они начинают рассуждать лишь тогда, когда

в их организме восстанавливается спокойствие; возникающие в это время запоздалые идеи раскрывают перед ними последствия их поступков, что порождает в них расстройство, получившее название *стыда, сожалений, угрызений совести.*

Заблуждения философов по вопросу о свободе воли человека происходят оттого, что они усмотрели в воле первый двигатель человеческих поступков и, удовольствовавшись этим объяснением, не заметили многочисленных сложных и не зависящих от человека причин, которые приводят в движение саму эту волю или предрасполагают и модифицируют мозг, который сам по себе чисто пассивно воспринимает получаемые им впечатления. Властен ли я не желать предмета, который кажется мне желательным? Нет, разумеется, скажут мне, но добавят, что я все же могу сопротивляться своему желанию, если стану размышлять над его последствиями. Но властен ли я начать размышлять об этих последствиях, когда моя душа увлечется буйной страстью, зависящей от моей природной организации и модифицирующих ее причин? Могу ли я придать этим последствиям необходимый вес, чтобы уравновесить мое желание? Разве я в силах помешать тому, чтобы качества, делающие известный предмет желательным для меня, находились в нем? Но, скажут мне, вы должны были научиться сопротивляться своим страстям и привыкнуть обуздывать свои желания. Я охотно соглашусь с этим. Однако, возражу я, способна ли была моя натура модифицироваться соответствующим образом? Позволили ли мне моя бурлящая кровь, мое пылкое воображение, огонь, текущий в моих жилах, приобрести соответствующий опыт и применить его в тот момент, когда я в нем нуждался? А если бы мой темперамент и сделал меня способным на это, то могли ли полученное мной с ранних лет воспитание, внушавшиеся мне идеи и примеры выработать во мне привычку подавлять свои желания? Наоборот, не способствовало ли все это тому, чтобы я всячески желал и добивался тех предметов, которым, по вашим словам, я должен был бы сопротивляться? Вы желаете, скажет честолюбец, чтобы я боролся со своей страстью! Но разве мне не

повторяли без конца, что чины, почет, власть представляют собой весьма желанные преимущества? Разве я не наблюдал, как мои сограждане мечтают об этих вещах, как вельможи в моей стране жертвуют всем, чтобы добиться их? Разве в том обществе, в котором я живу, мне волей-неволей не приходится ощущать, что без этих благ я обречен на жалкое, презренное, униженное существование? Вы запрещаете мне, скажет скупец, любить деньги и искать средства приобрести их! Но разве все в этом мире не подсказывает мне, что деньги — величайшее из благ и что их достаточно, чтобы сделать человека счастливым? Разве я не вижу, как все мои сограждане жадны до денег и не стесняются в средствах, чтобы добывать их? И разве, разбогатев таким способом, который вы порицаете, они не окружены почетом и уважением? Почему же вы запрещаете мне накапливать сокровища тем же самым, к тому же одобряемым государем способом, называя его грязным и преступным? Вы, следовательно, хотите, чтобы я отказался от счастья? Вы требуете, скажет сластолюбец, чтобы я боролся со своими склонностями! Но разве я властен над своим темпераментом, который не перестает побуждать меня к наслаждениям? Вы называете мои наслаждения постыдными! Но я вижу, что у народа, среди которого я живу, люди самого беспутного поведения занимают важнейшие должности; разговор об адюльтере заставляет краснеть лишь супруга, ставшего жертвой его. Я вижу, как люди хвастают своей развратной жизнью. Вы советуете мне обуздывать свою вспыльчивость и бороться с жаждой мщения, скажет холерик! Но я не могу справиться со своей природой. Кроме того, я бы безвозвратно потерял свою честь в глазах общественного мнения, если бы не смыл нанесенное мне оскорбление кровью моего ближнего. Вы советуете мне быть мягким и снисходительным к взглядам моих ближних, скажет мне восторженный фанатик! Но у меня бурный темперамент; я очень сильно люблю своего бога; меня уверяют, что религиозное рвение угодно богу и что бесчеловечные, кровожадные преследователи были близки ему; я хочу стать угодным богу, следуя их путем.

Одним словом, поступки людей никогда не бывают свободными; они всегда являются необходимыми следствиями их темперамента, полученных ими идей, их истинных или ложных понятий о счастье, наконец, их взглядов, подкрепленных примером, воспитанием, ежедневным опытом. На земле наблюдается столько преступлений лишь потому, что все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными; их религиозные верования, их правительства, их воспитание, наблюдаемые ими примеры — все это непреодолимо толкает их к злу. Не удивительно поэтому, что моралисты тщетно проповедуют людям добродетель, которая была бы лишь мучительным отказом от счастья в обществе, где преступление и порок всегда вознаграждаются и пользуются всеобщим почетом и где самые отвратительные поступки наказываются лишь тогда, когда совершившие их слишком слабы, чтобы иметь право безнаказанно позволить их себе. Общество карает людей низкого происхождения за те же проступки, за которые чтит знатных, и, пренебрегая справедливостью, нередко приговаривает к смертной казни тех, кого сделали преступниками господствующие в этом обществе предрассудки.

Таким образом, человек ни на одно мгновение не бывает свободным в своей жизни; им всегда неизбежно руководят реальные или фиктивные выгоды, которые он связывает с предметами, возбуждающими его страсти. Эти страсти необходимо присущи существу, которое постоянно стремится к счастью; энергия их необходима, так как зависит от его темперамента; темперамент его необходим, так как зависит от физических элементов, входящих в состав его организации; модификации этого темперамента необходимы, так как являются неизбежными, неустранимыми следствиями того способа, каким беспрестанно действуют на нас физические и духовные явления.

Несмотря на все эти столь бесспорные доказательства несвободы человека, защитники учения о свободе воли, может быть, все еще будут настаивать на своем тезисе. Нам скажут, что если предложить кому-нибудь пошевелить или не пошевелить рукой, т. е. совершить

так называемое безразличное действие, то окажется, что человек здесь явно властен в своем выборе и, значит, свободен. Я отвечу, что и в этом случае, на что бы ни решился испытуемый нами человек, его поступок нисколько не докажет его свободы. Вызванное спором желание доказать свою свободу станет в данном случае новым повелительным мотивом, который побудит волю этого человека к тому или другому из этих движений. Думая, будто его воля свободна, он заблуждается, потому что не замечает истинного мотива, побуждающего его действовать, а именно желания убедить меня. Пусть в пылу спора, настаивая на своем, он спросит меня: *не властен ли я над собой настолько, чтобы выброситься из окна?* Я отвечу отрицательно: пока он в своем разуме, нет основания думать, чтобы желание доказать мне свою свободу стало достаточно сильным мотивом и заставило его пожертвовать жизнью. Если же тем не менее мой собеседник, желая доказать мне, что он свободен, выбросился бы из окна, я не заключил бы на основании этого, что он поступил свободно, а лишь сделал бы вывод, что необузданность его темперамента довела его до этого безумного шага. Помешательство зависит от разгоряченного состояния крови, но совсем не от воли. Для фанатика или героя так же естественно бравировать смертью, как для флегматика или труса избегать ее*.

---

* Вся разница между человеком, которого выбрасывают из окна, и человеком, который сам из него выбрасывается, заключается лишь в импульсе, приходящем в первом случае извне, а во втором изнутри, из самого организма решившегося на этот шаг человека. Муций Сцевола, держа руку над горящими углями, был понужден к этому странному поступку внутренними мотивами, толкавшими его на это так, как если бы несколько сильных людей удерживали его руку в этом положении. Гордость, желание поразить, удивить и запугать врага своим бесстрашием, отчаяние и т. д. были своего рода невидимыми цепями, как бы привязывавшими его к горящим углям. Таким же образом любовь к славе, пылкая привязанность к отечеству заставили Кодра[1] и Деция[2] пожертвовать собой ради своих сограждан. Точно так же индус Калам[3] и философ Перегрин[4] вынуждены были сжечь себя, желая вызвать изумление всей собравшейся смотреть на это Греции.

Нам говорят, что свобода — это отсутствие помех, которые могли бы препятствовать нашим поступкам или упражнению наших способностей. Нас уверяют, будто всякий раз, когда, пользуясь этими способностями, нам удается добиться поставленной цели, мы свободны. Но в ответ на это достаточно указать на то, что появление или устранение препятствий, побуждающих нас или мешающих нам действовать определенным образом, зависит не от нас. Мотив, заставляющий нас действовать, в нашей власти не больше, чем препятствие, останавливающее нас независимо от того, находятся ли этот мотив и это препятствие в нас самих или вне нас. Я не властен над мыслью, которая приходит мне в голову и определяет мою волю; эта мысль вызвана какой-нибудь совершенно независимой от меня причиной.

Чтобы убедиться в ошибочности учения о свободе воли, достаточно обратиться к мотиву, определяющему поведение человека, и мы всегда найдем, что этот мотив вне его власти. Вы скажете, может быть, что под влиянием возникшей в нашем уме идеи действуете свободно, если не встречается препятствий. Но что возбудило эту идею в вашем мозгу? Могли ли вы помешать ей возникнуть или повториться? Разве эта идея не зависит от предметов, которые действуют на вас извне, вопреки вам, или от причин, которые без вашего ведома действуют внутри вас и модифицируют ваш мозг? Можете ли вы помешать тому, чтобы неумышленно брошенный вами на какой-нибудь предмет взгляд не вызвал у вас идеи об этом предмете и не подействовал на ваш мозг? Вы точно так же не властны над препятствиями; они являются необходимыми следствиями причин, существующих или внутри, или вне вас; эти причины всегда действуют в зависимости от своих свойств. Если кто-нибудь оскорбит трусливого человека, то последний, конечно, неизбежно рассердится на своего обидчика, но его воля не сможет преодолеть препятствие, которое ставит перед ним его трусость, мешающая ему удовлетворить его желание: природная организация труса, нисколько не зависящая от него, мешает ему быть мужественным. В данном случае трус получает

вопреки своей воле оскорбление и вынужден вопреки своей воле проглотить это оскорбление.

Сторонники учения о свободе воли, по-видимому, всегда смешивали принуждение с необходимостью. Мы считаем, что действуем свободно всякий раз, когда не встречаем никаких препятствий на пути наших действий, не понимая, что мотив, заставляющий нас хотеть, всегда необходим и независим от нас. Закованный в кандалы узник вынужден оставаться в тюрьме; но он не волен не желать вырваться на волю; кандалы мешают ему действовать, но не мешают желать этого. Он убежит, если его кандалы будут разбиты; но он не убежит свободно: страх или мысль о наказании будут необходимыми мотивами его поведения.

Таким образом, человек может перестать испытывать принуждение, не становясь от этого свободным; как бы он ни действовал, он действует необходимым образом, согласно определяющим его поведение мотивам. Его можно сравнить с тяжелым телом, остановленным в своем падении каким-нибудь препятствием; устраните это препятствие, и тело будет продолжать свое движение, т. е. падение. Можно ли сказать, что это тело обладает свободой падать или не падать? Разве его падение не является необходимым следствием присущей ему тяжести? Сократ, человек добродетельный и послушный законам своего отечества, даже несправедливым, не желает бежать из тюрьмы, ворота которой открыты для него. Однако он не действует свободно. Невидимые цепи общественного мнения, благопристойности, уважения к законам, даже несправедливым, боязнь омрачить свою славу удерживают его в темнице и являются достаточно могучими мотивами, чтобы заставить этого энтузиаста добродетели спокойно дожидаться смерти. Не в его власти спастись, так как он не может решиться хотя бы на минуту отказаться от принципов, с которыми свыкся его дух.

Люди, говорят нам, часто действуют вопреки своим склонностям, на основании чего можно заключить, что они свободны. Но этот вывод ошибочен. Когда люди действуют, по-видимому, вопреки своим склонностям, то их побуждают к этому определенные необходимые

мотивы, достаточно сильные, чтобы преодолеть их склонности. Больной человек, желая выздороветь, побеждает свое отвращение к самым отвратительным лекарствам. Боязнь страдания или смерти становится в этом случае необходимым мотивом; следовательно, этот больной не действует свободно.

Когда мы говорим, что человек не свободен, мы вовсе не собираемся сравнивать его с телом, которое просто приводится в движение внешней причиной. Человек заключает в самом себе свойственные его существу причины, его приводит в движение внутренний орган, который имеет свои собственные законы и состояние которого необходимым образом определяется влиянием идей, восприятий, ощущений, получаемых им от внешних предметов. Так как механизм восприятий и ощущений и тот способ, каким идеи запечатлеваются в нашем мозгу, не известны нам, то, не умея разобраться во всех этих движениях и не будучи в состоянии заметить всей цепи операций нашей души, или действующего в нас движущего начала, мы предполагаем его свободным: это означает, собственно, что оно движется само собой, определяет свои состояния помимо всякой причины или, вернее, что нам не известно, как и почему оно действует так, как мы это наблюдаем. Говорят, правда, что душа обладает свойственной ей активностью; я согласен с этим; но ясно, что эта активность никогда не обнаружится, если какой-нибудь мотив или причина не представят ей такой возможности. В противном случае пришлось бы сказать, что душа может любить или ненавидеть, не испытав никакого воздействия, совсем не зная предметов, не обладая никакой идеей об их качествах. Порох, несомненно, обладает особым способом действия, но последний никогда не обнаружится, если не приблизить к нему огня, который заставляет проявиться скрытую активность пороха.

Только огромная сложность наших движений, разнообразие наших поступков, многообразие причин, беспрестанно действующих на нас то одновременно, то последовательно, внушают нам мысль, будто мы свободны. Если бы все движения человека были просты,

если бы действующие на нас причины, не сливаясь между собой, воспринимались раздельно, если бы наша организация была менее сложной, то, быстро добравшись до причины, которая заставляет нас действовать, мы увидели бы, что все наши поступки необходимы. Человек, который был бы вынужден всегда идти на запад, желал бы всегда идти в этом направлении, но отлично понимал бы, что идет туда не свободно. Если бы у нас было еще одно, шестое чувство, вследствие чего наши поступки и движения были бы более разнообразны и сложны, мы считали бы себя еще более свободными, чем со своими пятью чувствами.

Таким образом, не добираясь до причин, которые на нас действуют, не умея анализировать и расчленять происходящие в нас сложные движения, мы считаем себя свободными. Это столь глубокое и, однако, иллюзорное чувство, на которое нам указывают как на неопровержимое доказательство этой мнимой свободы, основывается попросту на нашем невежестве. Пусть каждый из нас попытается исследовать свои собственные поступки, отыскать их истинные мотивы, вскрыть их связь, и он убедится, что чувство собственной свободы является лишь химерой и не выдерживает проверки опытом.

Однако надо сознаться, что многочисленность и разнообразие причин, часто действующих на нас без нашего ведома, делают невозможным или по крайней мере очень трудным делом добраться до истинных мотивов наших собственных поступков и тем более поступков других людей. Эти поступки часто зависят от столь мимолетных или столь далеких от своих последствий причин, которые так мало сходны и так мало связаны с ними, что необходима исключительная проницательность, чтобы вскрыть такие причины. Вот что делает столь трудным изучение духовной жизни человека. Вот почему его сердце — это бездна, глубин которой мы часто не можем измерить. Мы вынуждены поэтому довольствоваться знанием общих и необходимых законов, управляющих человеческим сердцем; законы эти одни и те же у всех людей и видоизменяются лишь в зависимости от особенностей их организации и ее

модификаций, которые не бывают и не могут быть строго одинаковыми. Нам достаточно знать, что всякий человек в силу своей сущности стремится к самосохранению и счастью. Если нам удастся понять это, то, каковы бы ни были поступки человека, мы никогда не обманемся относительно их мотивов, ибо доберемся до первого принципа, до общего и необходимого двигателя всех наших желаний. Конечно, за недостатком опыта и рассудительности человек часто ошибается в выборе средств, ведущих к указанной цели. Случается, что эти средства нам не нравятся, будучи невыгодны для нас; бывает, наконец, что они кажутся нам бессмысленными, потому что удаляют человека от цели его стремлений. Но, каковы бы ни были эти средства, их целью всегда необходимым образом является реальное или воображаемое, длительное или мимолетное счастье, соответствующее образу жизни, чувствам и взглядам данного человека. Не зная этой истины, большинство моралистов писали скорее роман, чем историю человеческого сердца. Они приписали его действия вымышленным причинам, не сумев открыть необходимых мотивов его поведения. В том же неведении находились политики и законодатели. Вернее, надо сказать, что обманщики предпочли реальным побудительным силам воображаемые. Они предпочли запугать людей всякого рода страшными призраками, чем вести их к добродетели дорогой счастья, столь соответствующей естественной склонности человеческих душ. Ведь заблуждение никогда не может быть полезно человеческому роду!

Как бы то ни было, в мире физических явлений мы различаем — или думаем, что различаем,— необходимую связь следствий с их причинами отчетливее, чем в человеческом сердце. Так, мы во всяком случае наблюдаем, что, если обстановка сходна, видимые причины всегда производят одни и те же видимые действия. Благодаря этому мы без всякого колебания считаем физические явления необходимыми и в то же время отказываемся признать эту необходимость в актах человеческой воли, источник которых без всякого основания искали в каком-то двигателе, действующем в силу собственной энергии, способном видоизменяться без

помощи внешних причин и отличном от всех физических и материальных существ. Культивирование почвы основывается на вытекающей из опыта уверенности, что мы можем заставить возделанную и засеянную известным образом землю, обладающую к тому же требуемыми качествами, дать нам зерно и плоды, необходимые для нашего существования или приятные нашему вкусу. Если смотреть на вещи без предвзятости, то можно заметить, что в духовной области воспитание есть не что иное, как *культивирование духа*, и мы можем с уверенностью сказать, что душа подобно земле в зависимости от своих природных склонностей, от ее возделывания, от брошенных в нее семян, от более или менее благоприятных для их созревания условий произведет пороки или добродетели — эти *моральные плоды*, полезные или вредные обществу. Нравственность есть наука об отношениях, существующих между умами, волями и поступками людей, подобно тому как геометрия есть наука об отношениях, существующих между телами. Нравственность была бы химерой, если бы она не основывалась на знании мотивов, которые должны необходимым образом влиять на волю людей и определять их поступки.

Если в духовном мире, как и в мире физическом, всякая причина, действие которой не нарушено, необходимо сопровождается своим следствием, то разумное, основанное на истине воспитание, мудрые законы, с юности внушенные людям добродетельные принципы, благие примеры, уважение и награда за заслуги и достойные поступки, позор, презрение, наказание за порок и за преступление — вот причины, которые необходимым образом будут воздействовать на волю людей и побудят большинство из них к добродетели. Но если религия, политика, пример, общественное мнение стараются сделать людей дурными и порочными; если они душат и делают бесполезными благие принципы, внушенные людям воспитанием; если само это воспитание служит лишь распространению пороков, предрассудков, ложных и опасных взглядов; если оно разжигает в людях только гибельные для них самих и для других страсти, то воля большинства людей неизбежно

направляется к злу*. Вот, несомненно, подлинный источник всеобщей испорченности, на которую с полным основанием жалуются моралисты, не умеющие, однако, вскрыть ее настоящих и необходимых причин. Они нападают на человеческую природу, называют ее развращенной**, порицают человека за то, что он любит самого себя и стремится к счастью. Они уверяют, будто ему необходима *сверхъестественная помощь*, чтобы творить добро, и, приписывая ему свободу, в то же время утверждают, будто необходимо содействие самого всевышнего, чтобы уничтожить дурные наклонности его сердца. Но, увы! Даже сам всемогущий ничего не может поделать с дурными склонностями, которые при существующем роковом строе вещей сообщаются воле людей наиболее сильными мотивами, и с пагубным направлением, принимаемым их природными страстями. Нам без конца твердят о необходимости бороться с этими страстями; нас призывают задушить их, изгнать их из нашего сердца. Но разве не ясно, что природные страсти необходимо присущи нашей природе, полезны нашему самосохранению, так как их цель — заставить нас избегать того, что нам вредно, и добиваться того, что может быть нам выгодно? Наконец, разве не ясно,

---

* Многие авторы поняли всю важность хорошего воспитания, но не поняли, что хорошее воспитание совершенно несовместимо с суевериями, извращающими ум людей; с деспотическими правительствами, заставляющими своих подданных пресмыкаться и боящимися их просвещения; с законами, так часто противоречащими справедливости; с установившимися обычаями, противными здравому смыслу; с общественным мнением, неблагоприятным для добродетели; с бездарностью наставников, способных сообщить своим ученикам лишь ложные идеи, которыми они пропитаны сами.

** Учение, утверждающее, будто наша природа развращена и необходима благодать свыше, чтобы творить добро, безусловно, вредно. Оно неизбежным образом обескураживает людей, толкает их в ожидании этой благодати на путь апатии или отчаяния. Если бы люди были хорошо воспитаны и ими хорошо управляли, то они всегда обладали бы этой благодатью. Странной моралью обладают теологи, приписывающие все моральное зло первородному греху, а все делаемое нами добро благодати свыше! Нет ничего удивительного, если мораль, основывающаяся на столь смехотворных гипотезах, не имеет действенной силы (см. ч. II, гл. VIII этого сочинения).

что если как следует направить эти страсти, сделать их целью вещи, полезные для нас самих и для наших ближних, то они будут с необходимостью содействовать реальному и длительному благополучию общества? Человеческие страсти подобны огню, который, с одной стороны, необходим для жизни, а с другой — способен произвести самые ужасные опустошения*.

Все может стать импульсом для воли; иногда достаточно одного слова, чтобы изменить весь ход жизни человека и навсегда определить его наклонности. Если ребенок слишком близко придвинет палец к свечке и обожжется, это навсегда послужит ему уроком, предостерегая от повторения подобных попыток. Человек, совершивший какой-нибудь бесчестный поступок и наказанный за это всеобщим презрением, не решится повторить его. Словом, с какой бы стороны ни взглянуть на человека, мы увидим, что он всегда действует согласно импульсам, сообщенным его воле физическими причинами или чужой волей. Особенности организации определяют характер этих импульсов; души действуют на родственные души; пылкое воображение влияет на сильные страсти и на легко загорающееся воображение; поразительное действие энтузиазма, заражающее влияние фанатизма, передача суеверий по наследству, распространение от расы к расе религиозных преследований, жар, с которым люди хватаются за чудеса,— все это следствия, столь же необходимые, как и следствия, вытекающие из взаимодействия физических тел.

Несмотря на фантастические представления о свободе, несмотря на иллюзии мнимого внутреннего чувства, которое вопреки опыту будто бы подсказывает людям, что они властны над своей волей, в действительности все человеческие учреждения основаны на необходимости. Здесь, как и в бесчисленных других случаях, практика расходится с теорией. Действительно, если бы не предполагали, что известные мотивы могут с необходимостью определять волю людей, сдерживать

---

* Сами теологи поняли необходимость страстей. См. книгу отца Сено[5] (Senault), озаглавленную «De l'usage des passions» [«О назначении страстей»].

их страсти, направлять их к определенной цели, видоизменять их, то для чего нужно было бы слово? Какую цену имели бы тогда воспитание, законодательство, мораль, религия? К чему сводится роль воспитания, как не к тому, что оно сообщает первые импульсы воле людей, заставляет их усваивать и сохранять известные привычки, доставляет им правильные или неправильные мотивы поведения? Когда отец грозит сыну наказанием или обещает ему награду, разве он не убежден, что его слова окажут воздействие на волю ребенка? А разве законодательство не сообщает членам общества тех мотивов, которые, по его мнению, необходимы, чтобы побудить их делать известные вещи и не делать других? Разве задача морали не в доказательстве людям того, что во имя собственного интереса они должны подавлять мимолетные страсти ради блага, более длительного и истинного, чем удовлетворение скоропреходящих желаний? А разве религия всех стран не предполагает, что человеческий род и вся природа подчинены непреклонной воле необходимого верховного существа, которое направляет судьбу всех существ согласно вечным законам своей непреложной мудрости? Разве тот бог, которому поклоняются люди, не признается абсолютным господином их судеб? Разве не он избирает одних людей и отвергает других? Разве угрозы и обетования, которыми религия заменяет истинные мотивы разумной политики, не основаны на представлении о воздействиях, которые эти химеры должны с необходимостью оказывать на невежественных, робких, жадных до чудесного людей? Наконец, разве благодетельное божество, вдохнувшее жизнь в свои творения, не заставляет их помимо их ведома и вопреки им разыгрывать представления, которые могут повлечь за собой их вечное блаженство или вечное несчастье?*

---

* Всякая религия очевидным и бесспорным образом основана на фатализме. Греческая религия считала, что люди терпят наказания за свои неизбежные проступки, как это видно на примере Ореста, Эдипа[6] и пр., которые совершили преступления, предсказанные оракулом. Христиане тщетно пытались оправдать божество, взвалив вину за проступки человека на *свободу воли*,

Таким образом, воспитание представляет собой лишь необходимость, преподанную детям. Законодательство — это необходимость, преподанная членам некоторого политического целого. Мораль — это необходимость известных существующих между людьми отношений, преподанная разумным существам. Наконец, религия — это закон некоторого необходимого существа или же необходимость, преподанная невежественным и малодушным существам. Одним словом, во всем, что делают люди, они предполагают *необходимость*, когда думают, что опираются на надежный опыт, и *вероятность*, когда не знают необходимой связи причин и следствий. Люди не поступали бы так, как поступают, если бы они не были убеждены в том, что их действия с необходимостью вызовут определенные следствия, или не предполагали этого. Моралист проповедует разумное поведение, потому что считает его необходимым для людей. Философ пишет, так как предполагает, что истина должна необходимым образом рано или поздно одолеть ложь. Теолог и тиран неизбежно ненавидят и преследуют разум и истину, так как считают их вредными для своих интересов. Монарх, который устрашает преступников своими законами, но еще чаще делает преступление полезным и необходимым, предполагает, что применяемые им силы достаточны, чтобы удержать его подданных. Словом, все одинаково рассчитывают на силу и необходимость выдвигаемых ими мотивов и с основанием или без него надеются влиять на поведение людей. Воспитание людей вообще так дурно и безрезультатно потому, что его направляют лишь

которую невозможно примирить с фаталистическим учением о *предопределении*, разделяемом теми же христианами. Эта трудность не может быть устранена учением о *благодати*, так как бог простирает благодать лишь на тех, на кого ему угодно. Во всех странах основой религии являются лишь роковые повеления верховного существа, произвольным образом решающего судьбу своих творений. Все теологические гипотезы вертятся в кругу этих идей, и теологи, считающие систему фатализма ложной или опасной, не замечают, что падение ангелов, первородный грех, учение о предопределении и о благодати, незначительное количество избранных и т. д. неопровержимо доказывают, что религия есть настоящий фатализм.

предрассудки; если же оно осуществляется хорошо, то вскоре встает в противоречие с жизнью и его воздействие уничтожается всем тем, что происходит в обществе. Законодательство и политика часто бывают несправедливы; они зажигают в сердцах людей страсти, которых не могут потом подавить. Великое искусство моралиста должно состоять в том, чтобы показать людям и тем, кто руководит их волей, что их интересы тождественны, их взаимное счастье зависит от гармонии их страстей, а безопасность, могущество, длительность существования государств необходимым образом зависят от духа и смысла идей, которые распространяют среди народов, от добродетелей, которые сеют и культивируют в сердцах граждан. Религия была бы допустима лишь в том случае, если бы она действительно укрепляла благие мотивы, если бы было возможно, чтобы ложь могла оказать реальную помощь истине. Но в том несчастном состоянии, в какое повергли человеческий род распространенные повсюду заблуждения, люди в большинстве случаев вынуждены быть злыми или вредить своим ближним, так как все внушаемые им мотивы побуждают их поступать дурно. Религия делает их бесполезными, низкими и трусливыми существами или готовит из них жестоких, бесчеловечных нетерпимых фанатиков. Верховная власть подавляет людей, заставляет их пресмыкаться и погрязать в пороках. Закон наказывает лишь мелкие преступления и не может справиться с порождаемыми самим правительством злоупотреблениями. Наконец, воспитание находится в загоне, отдано в руки обманщиков-попов или безнравственных и непросвещенных родителей, передающих своим воспитанникам терзающие их самих пороки и ложные взгляды, внушать которые выгодно этим горе-воспитателям.

Таким образом, все доказывает нам необходимость добраться до первоначального источника человеческих заблуждений, если мы желаем искоренить зло. Бесполезно думать об исправлении людей до тех пор, пока не будут раскрыты истинные мотивы их поведения и опасные или лишенные действенности мотивы, к которым всегда прибегали, не будут заменены более реальными,

полезными и надежными мотивами. Те, кто является господами человеческих стремлений, те, кто направляет судьбы народов, обязаны искать эти мотивы, которые раскроет им только разум. Хорошая книга, тронувшая сердце великого государя, может стать могущественной причиной, которая с необходимостью повлияет на поведение целого народа и счастье известной части человечества.

Из всего сказанного в этой главе вытекает, что человек не свободен ни одну минуту своей жизни. Он не властен над своей организацией, полученной им от природы. Он не властен над своими идеями или над модификациями своего мозга, происходящими под влиянием причин, которые постоянно действуют на него без его ведома и вопреки ему. Он не властен не любить или не желать того, что он находит желательным и достойным любви. Он не властен не обдумывать, когда не уверен в тех действиях, которые окажут на него вещи. Он не властен не выбирать того, что считает более выгодным, не властен поступить иначе, чем поступает в момент, когда его воля определяется его выбором. Когда же человек бывает свободен, т. е. является хозяином своих поступков?*

---

* Вот к чему можно свести вопрос о свободе человека. Свобода не может относиться ни к одной из известных функций нашей души, ибо душа в тот момент, когда она действует, не может действовать иначе; в тот момент, когда выбирает, не может выбирать иначе; в тот момент, когда обдумывает, не может обдумывать иначе; в тот момент, когда желает, не может желать иначе, так как ни одна вещь не может существовать и не существовать в одно и то же время. Но ведь моя воля, такая, какова она есть, заставляет меня обдумывать; мое обдумывание, такое, каково оно есть, заставляет меня выбирать; мой выбор, такой, каков он есть, заставляет меня действовать; мое решение такое, каково оно есть, заставляет меня исполнять то, что заставило меня выбрать мое обдумывание, а обдумывал я лишь потому, что имел мотивы, которые побудили меня к этому действию, которое не могло свершиться помимо моего желания.

Таким образом, свобода не заключается ни в воле, ни в обдумывании, ни в выборе, ни в действии. Теологи не вправе связывать свободу ни с одной из этих операций души, так как в противном случае мы натолкнулись бы на внутреннее противоречие. Но если душа не свободна ни тогда, когда она желает, ни тогда, когда обдумывает, ни тогда, когда выбирает, ни тогда, когда действует,

То, что человек собирается делать, всегда есть следствие того, что он делал до своего поступка, кем он был и кем является. Все наше наличное существо, рассматриваемое при всех возможных обстоятельствах, содержит в себе сумму всех мотивов того поступка, который мы собираемся совершить. Истинность этого принципа не может отрицать ни один мыслящий человек. Наша жизнь есть последовательный ряд необходимых моментов и наше поведение — хорошее или дурное, добродетельное или порочное, полезное или вредное нам самим или другим — есть цепь действий, столь же необходимых, как все моменты нашей жизни. Жить — значит необходимым образом существовать в течение сменяющих друг друга необходимым образом моментов длительности. Желать — значит соглашаться или не соглашаться оставаться тем, чем мы являемся. *Быть свободным* — значит уступать необходимым мотивам, которые мы носим в самих себе.

Если бы нам был известен скрытый механизм наших органов, если бы мы могли вспомнить все испытанные нами импульсы или модификации и все произведенные ими действия, то увидели бы, что все наши поступки подчинены фатальной необходимости, управляющей как нашей частной системой, так и совокупной системой вселенной. В нас, как и в природе, ничто не происходит *случайно*, ибо случай, как мы это доказали, представляет собой лишенное смысла слово. Все, что происходит в нас или осуществляется нами, равно как и все, что происходит в природе или что мы ей приписываем, зависит от необходимых причин, которые действуют по необходимым законам и производят необходимые следствия, порождающие другие следствия.

то когда же она может обнаружить свою свободу? Пусть теологи ответят нам на этот вопрос.

Учение о свободе воли было придумано, очевидно, для того, чтобы снять с божества ответственность за совершающееся в мире зло; однако это учение нисколько не снимает ее. Действительно, если человек получил свою свободу от бога, то он получил от бога и способность выбирать зло и уклоняться от добра. Таким образом, либо побуждение к греху исходит от бога, либо свобода по существу принадлежит человеку и независима от бога. См. «Le Traité des Systèmes», p. 124. [«Трактат о системах», стр. 124.][7]

Фатальность — это вечный, незыблемый, необходимый, установленный в природе порядок, или необходимая связь действующих причин с производимыми ими действиями. Согласно этому порядку тяжелые тела падают, легкие тела поднимаются, сходные вещества притягиваются, противоположные — отталкиваются; люди объединяются в общества, видоизменяют друг друга, становятся хорошими или дурными, счастливыми или несчастными, необходимым образом любят или ненавидят друг друга сообразно способу их взаимного воздействия. Отсюда ясно, что необходимость, управляющая движениями физического мира, управляет также всеми движениями мира духовного, в котором, следовательно, все подчинено фатальности. Двигаясь — часто помимо своего ведома и даже вопреки себе — по предначертанному нам природой пути, мы уподобляемся пловцам, вынужденным плыть по уносящему их течению. Мы считаем себя свободными на том основании, что то соглашаемся, то не соглашаемся следовать увлекающему нас потоку; мы считаем себя господами своей судьбы потому лишь, что вынуждены шевелить руками из страха утонуть. «Volentem ducunt fata, nolentem trahunt». *Senec.* [«Рок ведет за собой добровольно подчиняющегося и влечет сопротивляющегося». *Сенека*].

Ложные представления о свободе вообще основаны на том, что, с одной стороны, существуют события, признаваемые нами необходимыми, потому что мы видим их постоянную и неизменную связь с известными причинами, действию которых ничто не может помешать, или потому, что мы замечаем, как нам кажется, цепь причин и следствий, порождающих эти события; с другой же стороны, нам кажутся случайными события, причин, связей и способов действия которых мы не знаем. Но в природе, где все связано, не существует действия без причины, и в физическом мире, равно как и в духовном, все происходящее является необходимым следствием видимых или скрытых причин, которые должны действовать согласно своей сущности. Для человека свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость[8].

Глава XII

РАЗБОР УТВЕРЖДЕНИЯ, ЧТО СИСТЕМА ФАТАЛИЗМА ОПАСНА

Для существ, вынужденных по своей природе постоянно стремиться к самосохранению и счастью, необходим опыт; без него они не могут открыть истины, которая, как мы сказали, есть лишь познание постоянных отношений, существующих между человеком и действующими на него предметами. Сообразно нашему опыту мы называем полезными те предметы, которые доставляют нам постоянное благополучие, а приятными — те, которые доставляют нам более или менее длительное удовольствие. Сама истина является предметом наших желаний лишь потому, что мы считаем ее полезной; мы боимся ее, когда думаем, что она может повредить нам. Но может ли в действительности истина вредить? Возможно ли, чтобы правильное знание отношений или вещей, которые человеку важно знать в интересах обеспечения счастья, оказалось для него злом? Разумеется, нет. Ценность истины и ее права основаны на ее полезности. Она может иногда быть неприятной отдельным индивидам, противореча их интересам, но она всегда будет полезна человечеству в целом, интересы которого вовсе не тождественны интересам людей, обманутых собственными страстями и считающих выгодным вводить в заблуждение других. Таким образом, польза является пробным камнем для систем, взглядов и поступков людей. Она есть мерило того уважения и любви, которыми мы обязаны самой истине. Наиболее полезные истины более всего достойны уважения. Наиболее важные для человечества истины мы называем великими. Но есть и другого рода истины, которые мы презираем и называем бесплодными. Их полезность сводится к развлечению нескольких лиц, идеи, образ мысли, потребности которых не сходны с нашими.

Сообразно этому мерилу и надо судить об установленных в этом произведении принципах. Те, кто поймет, как необъятна цепь бедствий, порожденных ошибочными учениями суеверия, поймут и то, насколько важно противопоставить им более истинные теории, почерп-

нутые из природы и основанные на опыте. Лица, заинтересованные или считающие себя заинтересованными в установленной веками лжи, с ужасом будут смотреть на преподносимые им истины. Наконец, те, кто не видит бедствий, причиняемых теологическими предрассудками, сочтут все наши принципы бесполезными или бесплодными истинами, пригодными в лучшем случае, чтобы развлечь на досуге нескольких праздных философов.

Не будем удивляться разнообразию суждений, которое мы находим у людей: так как их интересы, а также их понятия о полезном никогда не бывают одинаковы, то они осуждают все то, что не согласно с их собственными взглядами, или пренебрегают этим. Постараемся выяснить, исходя из этой точки зрения, найдет ли бескорыстный человек, свободный от предрассудков и чувствительный к счастью всех представителей нашего вида, полезным или опасным учение фатализма. Посмотрим, в самом ли деле оно представляет собой бесполезное умозрение, неспособное оказать никакого влияния на счастье человечества. Мы уже видели, что это учение должно было доставить морали и политике истинные и реальные мотивы, необходимые для того, чтобы привести в действие волю людей. Мы видели также, что оно должно было простым образом объяснить механизм человеческих поступков и явления человеческой души. С другой стороны, если наши идеи только бесплодное умозрение, они не могут представлять интереса для счастья человеческого рода. Человек независимо от того, считает ли он себя свободным или признает необходимость вещей, в обоих случаях всегда следует наклонностям своей души. Человека могут сделать добрым разумное воспитание, добродетельные привычки, мудрые теории, справедливые законы, правильно распределяемые награды и наказания, а не хитроумные рассуждения, которые в лучшем случае способны оказать влияние лишь на лиц, привыкших мыслить.

В соответствии с этими соображениями нам легко устранить возражения, постоянно выдвигаемые против системы фатализма, которую люди, ослепленные

религиозными учениями, называют опасной, достойной наказания, способной нарушить общественный порядок, разнуздать страсти, привести к смешению представлений о пороке и о добродетели.

Действительно, нам говорят, что, если все поступки людей необходимы, мы не только не вправе наказывать тех, кто совершает дурные поступки, но не должны даже сердиться на них. Утверждают, будто в этом случае последним нельзя вменять что-либо в вину, будто законы, присуждающие их к наказаниям, несправедливы,— одним словом, будто люди не могут ни быть виновными в чем-либо, ни иметь какие-либо заслуги. Я отвечу на это, что вменять какой-нибудь поступок в вину кому-либо — значит считать его виновным. Поэтому, если даже согласиться с тем, что этот поступок произведен существом, вынужденным совершить его в силу *необходимости*, вменение в вину все же может иметь место. Связываемые нами с каким-нибудь действием заслуга или вина зависят от благоприятных или пагубных результатов этого поступка для лиц, которых он касается. И если предположить, что человек, совершивший какой-либо поступок, действовал в силу необходимости, все же его поступок является хорошим или дурным, заслуживающим уважения или презрения всех тех, кто чувствует на себе его влияние и чью любовь или гнев он способен вызвать. Любовь или гнев представляют собой свойственные нам способы бытия, которые могут видоизменять человеческие существа. Если я сержусь на кого-нибудь, то я рассчитываю вызвать в нем страх и отвратить его от того, что мне не нравится, или даже наказать его за это. Кроме того, мой гнев необходим, он является следствием моей природы и моего темперамента. Болезненное ощущение от упавшего на мою руку камня неприятно мне, хотя оно вызвано причиной, лишенной воли и действующей в силу необходимости своей природы.

Рассматривая поступки людей как необходимые, мы все же не можем не отличать у них того образа жизни и действий, который подходит нам и который мы вынуждены одобрять, от образа жизни и действий, который огорчает и раздражает нас и который мы вы-

нуждены в силу своей природы порицать и избегать. Отсюда ясно, что система фатализма ничего не изменяет в положении вещей и не приводит к смешению понятий добродетели и порока*.

Законы созданы лишь для того, чтобы сохранить общество и помешать объединившимся в общество людям вредить друг другу. Поэтому законы вправе наказывать тех, кто нарушает общественный порядок или совершает поступки, вредные ближним. Вынуждены ли члены общества поступать необходимым образом или их поступки свободны — с точки зрения законодательства достаточно того, что на них можно воздействовать. Уголовные законы являются мотивами, способными, как показывает нам опыт, сдерживать или уничтожать импульсы, сообщаемые воле людей страстями. Сколь бы необходимой причиной ни вызывались страсти, законодатель ставит своей целью остановить их действие, и, если он возьмется за это как следует, он может быть уверен в успехе. Карая преступления виселицей и другими наказаниями, он поступает подобно человеку, который, строя дом, снабжает его водосточными трубами, чтобы помешать дождевой воде подмыть фундамент его жилища.

Какова бы ни была причина, заставляющая людей действовать, мы вправе противодействовать результатам их поступков, подобно тому как вправе человек, поле которого могла бы затопить река, сдержать ее воды плотиной или даже, если это в его силах, отвести ее течение. В силу этого права общество может в целях самосохранения устрашать и наказывать тех, кто пытается вредить ему или совершает поступки,

---

* Наша природа всегда возмущается тем, что ей противоречит. Есть настолько раздражительные люди, что они приходят в ярость даже от бесчувственных и неодушевленных предметов, хотя сознание того, что мы бессильны видоизменять последние, должно было бы удержать их от этого. Родители часто совершенно напрасно сердятся на своих детей и наказывают их: ведь это существа, которые еще ничего не испытали или на которых они сами очень плохо воздействовали. В жизни мы очень часто встречаем людей, наказывающих других за поступки, причиной которых были они сами.

признаваемые им действительно вредными для своего спокойствия, безопасности, счастья.

Нам, несомненно, скажут, что общество обыкновенно не наказывает за проступки, в которых не принимает участия воля; только злой умысел подлежит наказанию; только наличие его решает вопрос о преступлении и его степени, если же воля несвободна, то нельзя ее наказывать. Я отвечу на это, что общество есть совокупность одаренных чувствами и разумом существ, которые желают счастья и боятся зла. Благодаря этому можно так видоизменять их волю и направлять их поведение, чтобы привести их к желаемой цели. Воспитание, закон, общественное мнение, пример, привычка, страх — все это причины, которые должны изменять людей, влиять на их волю, заставлять их содействовать общему благу, направлять их страсти и сдерживать те из них, которые могут вредить цели общества. Эти причины могут оказать влияние на всех людей, способных в силу своей организации и своей сущности усвоить привычки, способы мысли и действия, которые желают им внушить. Все люди способны испытывать страх; следовательно, страх наказания или лишения желательного для них блага является мотивом, который необходимо должен оказать большее или меньшее влияние на их волю и на их поступки. Если найдутся люди, организация которых настолько плоха, что они не поддаются мотивам, действующим на всех других людей, значит, эти люди не способны жить в обществе, служат помехой в достижении цели общества, являются его врагами, препятствуют его устремлениям. Поскольку мятежная и антиобщественная воля таких людей не может быть видоизменена в интересах их сограждан, то последние объединяются против своих врагов, и закон, выражающий общую волю, налагает наказания на тех, на кого не производят ожидаемого действия обычные мотивы. Таким образом, люди антиобщественного склада наказываются и в соответствии с характером их преступления исключаются из общества как существа, неспособные содействовать его задачам.

Если общество обладает правом самосохранения, то оно имеет и право прибегать для этого к соответствую-

щим средствам. Такими средствами являются законы, сообщающие воле людей мотивы, способные отвратить их от вредных поступков. Если эти мотивы не оказывают на каких-либо людей никакого воздействия, то общество ради своего блага вынуждено лишить их возможности вредить ему. Чем бы ни определялись поступки последних, были ли они свободными или необходимыми, но, когда общество, сообщив своим членам мотивы, достаточно сильные, чтобы воздействовать на разумные существа, убеждается, что эти мотивы не сумели одержать победу над импульсами извращенной природы тех или иных индивидов, оно наказывает их. Общество наказывает таких людей справедливо, если поступки, от которых оно их отвращает, действительно вредны ему. Оно имеет право наказывать их, если разрешает или запрещает им лишь вещи, сообразные с природой существ, объединившихся в общество для взаимного блага, или противоречащие ей. Но, с другой стороны, закон не вправе наказывать тех, кому он не предоставил необходимых мотивов, способных повлиять на их волю. Он не вправе наказывать тех, кого пренебрежение общества лишило средств к существованию, возможности проявлять свое умение и свои таланты, трудясь на пользу общества. Закон несправедлив, когда наказывает тех, кому он не обеспечил воспитания, не привил добродетельных принципов, не помог усвоить привычек, необходимых для существования общества. Закон несправедлив, когда наказывает людей за проступки, которые стали для них необходимыми в силу потребностей их природы и организации общества. Он несправедлив и нелеп, когда наказывает людей за проступки, вызываемые склонностями, которые развились в них под влиянием самого общества, примера окружающих, общественного мнения и существующих общественных институтов. Наконец, закон несправедлив, когда он не соразмеряет наказания с реальным злом, причиняемым обществу. Закон доходит до последней степени несправедливости и безумия, когда в ослеплении предает наказанию тех, кто полезен обществу.

Таким образом, уголовные законы, используя боязливость людей и угрожая им страшными карами,

сообщают им мотивы, способные влиять на их волю. Представления о боли, лишении свободы, смерти для нормально организованных людей, пользующихся своими способностями, служат могучими препятствиями, которые могут противостоять импульсам их неупорядоченных желаний. Те лица, которых они не останавливают,— безрассудные, безумные или ненормальные существа, от которых вправе оградить и обезопасить себя другие. Разумеется, безумие — это непроизвольное и необходимое состояние, однако никто не считает несправедливым лишать сумасшедших свободы, хотя их поступки всецело зависят от мозгового расстройства. Преступники — это люди, мозг которых подвержен постоянному или временному расстройству; их следует поэтому наказывать в соответствии с причиняемым ими злом или навсегда лишить их возможности вредить, если нет надежды добиться от них поведения, более сообразного с целью общества.

Я не исследую здесь вопроса о том, какого рода наказания может позволить себе общество по отношению к своим обидчикам. Разум требует, по-видимому, чтобы в отношении к людям, совершающим преступления в силу необходимости, закон в полной мере проявлял снисходительность, совместимую с самосохранением общества. Система фатализма, как мы видели, не оставляет преступлений безнаказанными, но она способна все же смягчить варварские наказания, которым многие народы подвергают жертвы своего гнева. Эта жестокость становится еще более бессмысленной, когда опыт показывает ее бесполезность. Привычное зрелище мучительных казней приучает преступников к мысли о них. Если и верно то, что общество вправе отнять жизнь у своих членов и что казнь преступника, бесполезная, правда, для него самого, выгодна обществу,— а это, впрочем, следовало бы еще подвергнуть тщательной проверке,— то гуманность все же вправе требовать, чтобы эта казнь не сопровождалась бесполезными мучениями, которыми она часто дополнительно отягощается из-за слишком суровых законов. Эта жестокость только заставляет бесполезно страдать жертву, приносимую на алтарь общественного правосудия. Она вызывает

сострадание у зрителя и располагает его в пользу несчастного страдальца. Она нисколько не воздействует на преступного человека, которого вид предназначаемых для него страданий часто делает более свирепым, жестоким и опасным для своих сограждан. Если бы смертная казнь совершалась не так часто, она производила бы более глубокое впечатление, даже не сопровождаясь пытками*.

Что сказать о несправедливой жестокости некоторых народов, чьи законы, которые должны иметь целью благо всех граждан, в действительности направлены на обеспечение благополучия сильных мира сего, чьи наказания, совершенно несоразмерные преступлениям, безжалостно лишают жизни людей, силой необходимости вынужденных становиться преступниками? Так, у большинства цивилизованных народов жизнь гражданина приравнивается к цене денег: несчастный, погибающий от голода и нужды, приговаривается к смерти за то, что похищает жалкую частицу излишков ближнего, утопающего в изобилии! И это-то в просвещенных обществах называют *справедливостью*, или соответствием наказания преступлению.

Но не становится ли эта ужасная несправедливость еще более вопиющей, когда законы и обычаи начинают налагать жестокие наказания за преступления, вызванные к жизни дурными учреждениями? Люди, повторим это еще раз, склоняются к злу лишь потому, что все как будто толкает их на этот путь. Воспитание в большин-

---

* Большинство преступников видят в смертной казни только перспективу *неприятной четверти часа*. Один вор, увидев, что его товарищ не обнаруживает достаточно твердости под пыткой, сказал ему: «*Равве я не говорил тебе, что в нашей профессии есть одна лишняя болезнь по сравнению с остальными людьми?*» Кражи у подножия эшафотов, на которых наказывают преступников, самое обычное явление. Обратили ли внимание руководители тех народов, у которых так легко приговаривают людей к смертной казни, что таким путем общество ежегодно лишается множества лиц, которые, если бы их заставить трудиться, могли бы быть полезными ему и возместить этим причиненный имп ущерб? Легкость, с которой отнимают жизнь у людей, доказывает склонность к тирании и бездарность большинства законодателей; они находят более удобным для себя уничтожать граждан, чем изыскивать средства сделать их лучше.

стве государств сведено к нулю. Человек из народа не черпает здесь откуда-либо других принципов, кроме непонятных принципов религии, являющихся слабой плотиной для его склонностей. Тщетно закон повелевает ему не посягать на чужое добро. Голос потребностей еще более повелителен, а этот голос говорит, что надо жить за счет общества, которое ничего не сделало для него и обрекло его мучиться в нищете и нужде. Часто, не имея предметов первой необходимости, он мстит за свою бедность кражами, разбоями, убийствами. Рискуя жизнью, он старается удовлетворить свои реальные нужды или воображаемые потребности, которые все словно нарочно у него пробуждает. Воспитание, которое он не получил, не научило его сдерживать порывы своего темперамента. Не имея представления о пристойном поведении, не обладая принципами чести, он решается вредить отечеству, являющемуся для него лишь мачехой. Увлеченный своей страстью, он даже не замечает подстерегающей его виселицы. Его страсти стали слишком сильными, укоренившиеся привычки уже не могут измениться, лень усыпляет его, отчаяние ослепляет, он бежит навстречу смерти, а общество сурово наказывает его за фатально неизбежные наклонности, которые оно само породило в нем или во всяком случае не искоренило и не победило при помощи мотивов, наиболее пригодных к тому, чтобы дать его сердцу честные наклонности. Так общество часто наказывает за наклонности, порожденные им же самим, являющиеся результатом его невнимательного отношения к воспитанию своих членов. Оно поступает в данном случае как несправедливые отцы, наказывающие своих детей за недостатки, которые они сами им привили[1].

Но сколь бы несправедливым и бессмысленным ни было и ни казалось нам это поведение, оно тем не менее необходимо. Общество, будучи таким, каким оно есть, при всех недостатках и пороках своей организации хочет существовать и сохраняться, поэтому оно вынуждено наказывать за проступки, вызываемые его дурной организацией. Несмотря на все свои предрассудки и недостатки, оно понимает, что его безопасность

требует уничтожения заговоров тех, кто объявляет ему войну. Если последние, побуждаемые своими необходимыми склонностями, учиняют беспорядки и вредят обществу, то и оно со своей стороны под давлением потребности в самосохранении устраняет их со своего пути и наказывает более или менее сурово в соответствии с теми целями, которые считает наиболее важными или полезными для своего благополучия. Конечно, общество часто ошибается в выборе таких целей и ведущих к их достижению средств, но эти заблуждения неизбежны в силу недостатка знаний, которые могли бы просветить его, указав на его истинные интересы, или в силу недостатка бдительности, талантов и добродетели у тех, кто направляет судьбы общества. Отсюда ясно, что несправедливые дела слепого и плохо организованного общества столь же неизбежны, как и преступления тех, кто нарушает общественный покой*. Политическая организация, находящаяся в состоянии безумия, действует не более разумно, чем ее член, мозг которого не в порядке.

Нам говорят также, что рассуждения, подчиняющие все необходимости, неизбежно должны привести к смешению или даже уничтожению наших понятий о справедливом и несправедливом, о добре и зле, о заслуге и вине. Я отрицаю это. Хотя человек решительно всегда поступает необходимым образом, но его поступки справедливы, хороши и похвальны во всех тех случаях, когда они направлены к реальной пользе его ближних и общества, в котором он живет; и этих поступков нельзя не отличать от тех, которые реально вредят счастью его сограждан. Общество справедливо, хорошо, достойно нашей любви, когда оно доставляет всем своим членам удовлетворение их физических потребностей, обеспечивает им безопасность, свободу, гарантирует соблюдение их естественных прав. В этом и заключается счастье, которое способна дать людям жизнь в обществе.

---

* Общество, наказывающее за порождаемые им самим эксцессы, похоже на тех, кто болен вшивой болезнью; последние вынуждены убивать мучающих их насекомых, хотя ненормальность их организации все время порождает последних.

Общество несправедливо, дурно, недостойно нашей любви, когда оно пристрастно к ничтожному меньшинству и жестоко по отношению к большинству. В этом случае общество необходимым образом умножает число своих врагов и заставляет их мстить ему преступными действиями, которые оно вынуждено карать. Истинные понятия о справедливом и несправедливом, о моральном добре и зле, о реальной заслуге и вине не зависят от капризов политического общества. Они зависят от пользы и необходимости вещей, которые всегда будут заставлять людей понимать, что есть способ действий отдельных людей и общества, который они должны ценить и одобрять, равно как и другой способ действий, который они в силу своей природы вынуждены ненавидеть и порицать. Наши представления об удовольствии и страдании, о справедливом и несправедливом, о пороке и добродетели основаны на нашей собственной природе. Вся разница в том, что удовольствие и страдание воспринимаются нашим мозгом немедленно и непосредственно, между тем как в выгодах справедливости и добродетели мы часто убеждаемся лишь после многочисленных и сложных размышлений и опытов, которых многие люди не могут вовсе осуществить или во всяком случае сделать точно ввиду недостатков своей организации и условий своей жизни.

Из этой же истины необходимым образом следует, что учение фатализма вовсе не толкает нас на путь преступления и не рассеивает угрызений совести, как его часто обвиняют. Наши наклонности зависят от нашей природы; применение, которое мы находим своим страстям, зависит от наших привычек, взглядов и идей, полученных нами от воспитания и окружающего нас общества. Именно это с необходимостью определяет наше поведение. Так, если по своему темпераменту мы склонны к сильным страстям, наши желания увлекают нас независимо от наших размышлений. Угрызения совести — это болезненное чувство, вызываемое в нас огорчением, которое причиняют нам наличные или будущие результаты наших страстей; если эти результаты всегда полезны для нас, то мы не испытываем угрызений совести; но, будучи убеждены, что наши поступки

сделают нас ненавистными или презренными в глазах других людей, и опасаясь быть так или иначе наказанными за них, мы становимся беспокойными и недовольными самими собой, упрекаем себя за свое поведение, краснеем за него и стыдимся его в глубине души, опасаемся осуждения лиц, в уважении, благожелательстве и любви которых заинтересованы. Наш собственный опыт показывает нам, что дурной человек ненавистен всем тем, на кого могут повлиять его поступки; если его поступки и скрыты, то мы знаем, что, за редкими исключениями, они рано или поздно обнаруживаются. Малейшее размышление показывает нам, что нет такого злодея, который не стыдился бы своего поведения, был бы поистине доволен самим собой, не завидовал бы участи хорошего человека, не был бы вынужден сознаться, что он очень дорого заплатил за выгоды, наслаждаться которыми никогда не может без горького чувства. Он испытывает стыд, презирает и ненавидит себя, его совесть всегда тревожна. Чтобы убедиться в этом, достаточно лишь увидеть, как тираны или преступники, достаточно могущественные, чтобы не опасаться наказания со стороны людей, боятся, однако, истины и прибегают ко всякого рода предосторожностям и жестоким мерам против тех, кто мог бы предать их суду общественного мнения. Разве это не свидетельство того, что они сознают свою несправедливость? Значит, они знают, что их ненавидят и презирают? Значит, у них есть угрызения совести? Значит, их участь вовсе не завидна? Хорошо воспитанные лица приобретают указанные чувства благодаря воспитанию; эти чувства укрепляются или ослабляются общественным мнением, привычкой, примерами окружающих. В развращенном обществе у людей не бывает угрызений совести или же они скоро исчезают, так как во всех своих действиях люди вынуждены считаться с суждениями своих ближних. Мы никогда не стыдимся поступков, которые одобряются или совершаются всеми, и не чувствуем из-за них угрызений совести. При развращенном правительстве продажные, алчные и корыстолюбивые люди не стыдятся воровства и грабительства, на которые толкает их пример окружающих; среди распутного народа никто не стыдится

прелюбодеяния; в суеверной стране, не стыдясь, убивают инакомыслящих. Мы видим, таким образом, что наши угрызения совести, наши истинные или ложные представления о благопристойности, добродетели, справедливости и т. д. являются необходимыми следствиями нашего темперамента, видоизмененного обществом, в котором мы живем; убийцы и воры, живя друг с другом, не обнаруживают ни стыда, ни угрызений совести.

Таким образом, повторяю я, все поступки людей необходимы. Те из них, которые всегда полезны, содействуют реальному и длительному счастью людей, называются добродетелями; они необходимым образом нравятся всем тем, кто испытывает их воздействие, если только страсти или ложные взгляды не заставляют последних судить о таких поступках вопреки природе вещей. Всякий действует и выносит суждения, исходя из своего собственного образа жизни и своих истинных или ложных идей о счастье. Существуют необходимые поступки, которые мы вынуждены одобрять; существуют другие, которые мы вопреки самим себе вынуждены порицать и мысль о которых заставляет нас краснеть, когда наше воображение побуждает нас смотреть на них глазами других людей. Хороший и дурной человек действуют в силу одинаково необходимых мотивов. Они отличаются лишь организацией и представлениями о счастье. Мы необходимым образом любим первого и с такой же необходимостью ненавидим второго. Закон нашей природы, требуя, чтобы человек постоянно трудился для самосохранения, не оставил ему возможности выбирать, т. е. свободы предпочитать страдание удовольствию, порок — пользе, преступление — добродетели. Следовательно, сама сущность человека обязывает его отличать выгодные ему поступки от тех, которые ему вредны.

Такое различение существует даже в наиболее испорченных обществах, где, несмотря на то что сама добродетель совершенно изгнана из поведения, идея добродетели в умах всех людей остается той же. Действительно, представим себе решившегося на злодеяние человека, который сказал себе, что глупо быть добродетельным в развращенном обществе. Предположим также, что

он был достаточно ловок и счастлив, чтобы в течение длинного ряда лет избегать порицания и наказания. Я утверждаю, что, несмотря на все это благоприятное стечение обстоятельств, такой человек не был ни счастлив, ни доволен собой. Он все время находился в тревоге, в борьбе, в непрерывных волнениях. Сколько предосторожностей, усилий, хитростей, забот нужно было ему в этой непрестанной борьбе со своими согражданами, взоров которых он так боялся! Спросим у него, что он думает о самом себе. Приблизимся к постели этого умирающего злодея и спросим, захотел ли бы он начать снова ту же тревожную жизнь? Если этот человек искренен, он сознается, что не имел ни покоя, ни счастья; что каждое преступление стоило ему беспокойств и бессонных ночей; что жизнь была для него ареной бесконечных тревог и волнений; что жить мирно, имея лишь хлеб и воду, кажется ему более приятным жребием, чем приобретать богатства, влияние и почести прежним путем. Если этот злодей, несмотря на все сопутствовавшие ему удачи, находит свою участь плачевной, то что же сказать о тех, которые не обладали подобными возможностями и преимуществами, чтобы осуществлять свои планы?

Таким образом, учение о необходимости не только является истинным и основывается на надежном опыте, но дает, кроме того, прочную, непоколебимую основу морали. Это учение не только не подкапывает фундамент добродетели, но, напротив, показывает необходимость последней. Оно вскрывает неизменные чувства, которые вызывает в нас добродетель, чувства, столь необходимые и сильные, что все пороки и предрассудки наших обществ никогда не могли изгнать их из наших сердец. Когда мы отрекаемся от всех преимуществ добродетели, в этом виноваты внушенные нам заблуждения, неразумные институты нашего общества. Все наши ошибки являются фатальными и необходимыми следствиями как бы отождествившихся с нами заблуждений и предрассудков. Не будем же утверждать, будто наша природа делает нас дурными. Лишь гибельные взгляды, которые мы всасываем с молоком матери, делают нас честолюбивыми, алчными, завистливыми, высоко-

мерными, развратными, нетерпимыми, упрямо придерживающимися своих предрассудков, тягостными для наших ближних и вредящими самим себе. Именно воспитание вносит в нас зародыши пороков, которые неизбежно будут терзать нас в течение всей нашей жизни.

Фатализм упрекают в том, будто он лишает людей энергии, охлаждает их души, погружает их в апатию, разбивает узы, которые должны были бы привязывать их к обществу. *Если все необходимо*, говорят нам, *то надо предоставить вещам идти своим чередом и ни о чем не волноваться.* Но разве от меня зависит быть чувствительным или нет? Разве я властен чувствовать или не чувствовать боль или скорбь? Если природа дала мне гуманную и нежную душу, то разве я могу не интересоваться существами, которые, как мне известно, необходимы для моего собственного счастья? Мои чувства необходимы. Они зависят от моей собственной природы, видоизмененной воспитанием. Благодаря моему легко возбудимому воображению мое сердце сжимается и трепещет при виде бедствий, от которых страдают такие же, как я, люди, при виде деспотизма, который угнетает их, суеверия, которое вводит их в заблуждение, страстей, которые их разделяют, и безумств, которые заставляют их вечно воевать друг с другом. Хотя я знаю, что смерть есть фатальный и необходимый конец всех существ, моя душа все же испытывает потрясение от потери дорогой супруги, ребенка, который мог бы утешить меня в старости, друга, ставшего необходимым моему сердцу. Хотя мне хорошо известно, что огню свойственно жечь, я все же сочту необходимым употребить все усилия, чтобы прекратить пожар. Хотя я твердо убежден, что зло, свидетелем которого мне довелось быть, представляет собой необходимое следствие исконных заблуждений моих сограждан, но если природа наградила меня мужеством, то я осмелюсь раскрыть перед ними истину. Если же они выслушают ее, то она станет мало-помалу верным средством против их страданий; она произведет действия, свойственные ей по природе.

Если отвлеченные умозрения людей влияли на их поведение или изменяли их темперамент, то учение

о необходимости, несомненно, должно оказать на них самое полезное влияние. Оно не только способно успокоить бóльшую часть их тревог, но может также внушить им полезную покорность, разумное подчинение своему жребию, которым они из-за своей чрезмерной чувствительности часто бывают удручены. Такое благодетельное бесстрашие, несомненно, было бы желательным для людей, слишком нежная душа которых часто делает их жалкими игрушками судьбы и которые из-за своей хрупкой организации рискуют быть сломленными ударами несчастий.

Но из всех преимуществ, какие может извлечь человечество, применив к своему поведению учение фатализма, самое большое — это терпимость и всеобщая снисходительность, которые вытекают из положения, что *все необходимо*. В силу этого принципа фаталист с чувствительной душой сожалел бы о своих ближних, печалился бы по поводу их заблуждений, пытался бы раскрыть им глаза, никогда не сердясь на них и не издеваясь над нищетой их духа. Действительно, по какому праву можно ненавидеть или презирать людей? Разве их невежество, их предрассудки, слабости, пороки и страсти не являются неизбежными следствиями их дурных учреждений? Разве они не подвергаются за это суровым наказаниям в виде множества бедствий, осаждающих их со всех сторон? Разве деспоты, налагающие на них железную руку, сами не являются постоянно жертвами собственных тревог и подозрений? Разве существует дурной человек, наслаждающийся вполне чистым счастьем? Разве народы не страдают непрестанно от своих предрассудков и своих безумий? Разве невежество правителей и их ненависть к разуму и истине не наказываются слабостью и гибелью управляемых ими государств? Одним словом, фаталист будет страдать при виде того, как необходимость не перестает произносить свои суровые приговоры смертным, которые не знают ее власти или чувствуют ее удары, не желая признать карающей десницы. Он поймет, что невежество необходимо, что легковерие — его необходимое следствие, что порабощение с необходимостью вытекает из легковерного невежества, что развращенность нравов

необходимо обусловлена порабощением; наконец, что несчастья обществ и их членов являются необходимыми следствиями этой развращенности.

Таким образом, фаталист, последовательно придерживающийся этих взглядов, не будет ни докучливым человеконенавистником, ни опасным гражданином. Он простит своим братьям заблуждения, ставшие им необходимыми из-за их испорченной множеством причин природы; станет утешать и ободрять их, внушит им мужество, раскроет им глаза на их пустые химеры, но никогда не обнаружит по отношению к ним озлобления, способного скорее возмутить их, чем склонить на сторону разума. Он не нарушит общественного покоя и не подымет народов против верховной власти; он поймет, что извращенные взгляды и ослепление вождей народов — необходимые следствия лести, которой они окружены с детства, неизбежного коварства тех, кто неотступно развращает их, чтобы воспользоваться их слабостями, а также полного непонимания ими своих подлинных интересов, в котором все стремятся удержать их.

Фаталист не вправе гордиться собственными талантами или добродетелями, так как он знает, что эти качества являются лишь следствием его природной организации и изменений, внесенных в нее обстоятельствами, которые совершенно не зависели от него. Он не будет ни ненавидеть, ни презирать тех, к кому природа и обстоятельства не были так благосклонны, как к нему. Фаталист принципиально должен быть скромным и смиренным; разве он не вынужден признать, что все, чем он обладает, получено, а не создано им самим?

Одним словом, того, кого опыт убедил в необходимости вещей, все склоняет к снисходительности. Он с болью видит, что дурно организованное и дурно управляемое, подчиняющееся предрассудкам, нелепым обычаям и бессмысленным законам, унижаемое деспотизмом, развращаемое роскошью, вводимое в заблуждение ложными взглядами общество должно заполниться порочными и легкомысленными гражданами, пресмыкающимися рабами, которые гордятся своими цепями, лишенными представлений об истинной славе честолюбцами,

скупцами и мотами, фанатиками и распутниками. Убежденный в необходимой связи вещей, он без изумления будет взирать на то, как беспечные и тиранические правители несут отчаяние в села, как кровавые войны опустошают и бесполезные траты разоряют их и как все эти злоупотребления и эксцессы делают повсюду граждан несчастными людьми, лишенными просвещения и добродетели. Во всем этом он увидит только необходимое взаимодействие физического и духовного миров. Одним словом, всякий человек, признающий силу необходимости, будет убежден, что дурно управляемый народ представляет собой плодоносную для ядовитых растений почву. Они растут на ней в таком изобилии, что теснят и заглушают друг друга. Только на земле, возделанной руками ликургов, произрастают бесстрашные, гордые, бескорыстные, чуждые удовольствиям граждане; на земле же, возделываемой тибериями, мы увидим лишь злодеев, холопов, доносчиков и предателей. Обстановка, в которой находятся люди, взрастившая их почва делают их полезными или вредными членами общества. Мудрец избегает последних, как тех опасных пресмыкающихся, которым свойственно кусать и отравлять свои жертвы. Он привязывается к первым и любит их, как те восхитительные плоды, которые так приятны на вкус. Но, приветствуя добродетельные натуры, он смотрит на дурных людей без гнева; он знает, что дерево, которое чахнет в песчаной и безводной пустыне, сделавшей его уродливым и искривленным, быть может, распростерло бы далеко свою листву, принесло бы сочные и сладкие плоды, дало бы прохладную тень, если бы его семя было посажено в более плодородную почву и о нем позаботился искусный садовник.

Пусть не говорят нам, что сравнивать человека с деревом или каким-то жалким растением — значит постыдно унижать его, сводить его функции к функциям простого механизма. Свободный от предрассудков философ не понимает этого языка, придуманного людьми, не знающими, что составляет настоящее достоинство человека. Дерево — это предмет, который соединяет в себе приятное с полезным; оно заслуживает нашей

любви, когда производит сладкие плоды и дает приятную тень. Всякая поистине полезная и верно исполняющая свои функции машина ценна. Да, я смело повторяю это: хороший человек, обладающий талантами и добродетелями, является для остальных людей деревом, доставляющим и плоды, и тень. Хороший человек — это машина, механизм которой устроен так, что она исполняет свои функции, удовлетворяя людей. Нет, я не постыдился бы быть подобного рода машиной, и мое сердце затрепетало бы от радости, если бы оно знало, что когда-нибудь плоды моих размышлений будут полезны для моих ближних и принесут им утешение.

Разве сама природа не есть обширная машина, маленькой пружиной которой является человеческий род? Я не вижу ничего худого ни в природе, ни в ее произведениях; все выходящие из ее рук существа хороши, благородны, прекрасны, если они способствуют сохранению порядка и гармонии в сфере их действия. Какова бы ни была природа души, я нахожу эту душу, смертную или бессмертную, духовную или телесную, благородной, великой и возвышенной у Сократа, Аристида, Катона. Я назову ее гнусной, грязной у Клавдия, Сеяна, Нерона. Я буду восхищаться ее энергии и деятельности у Корнеля, Ньютона, Монтескье. Я буду скорбеть по поводу ее низости, видя, как подлые люди курят фимиам тирании и рабски поклоняются суеверию.

Приведенные в этом сочинении соображения с очевидностью доказывают нам, что все необходимо. В природе, в которой все тела и существа следуют предназначенным для них законам, все находится в порядке. Согласно плану природы известные почвы производят восхитительные плоды, в то время как другие порождают лишь тернии, колючие растения, опасные травы. По ее велению некоторые общества производят мудрецов, героев и великих людей, другие же порождают только низких людей, лишенных энергии и добродетели. Бури, ветры, грозы, болезни, войны, чума и смерть равно необходимы для поступательного движения природы, как и благодетельная теплота солнца, прозрачность воздуха, освежающие весенние дожди, годы плодородия, здоровье, мир, жизнь. Пороки и добродетели, мрак

и свет, незнание и наука одинаково необходимы. Одни — благо, а другие — зло лишь для отдельных существ, образу жизни которых они благоприятствуют или не благоприятствуют. Целое не может быть несчастным, но может заключать в себе несчастных.

Итак, природа одной и той же рукой распределяет то, что мы называем *порядком* и *беспорядком*, *удовольствием* и *страданием*. Одним словом, в силу необходимости своего существа она распространяет в обитаемом нами мире и добро и зло. Не будем же на этом основании считать ее доброй или злой; не будем воображать, будто наши вопли и пожелания могут остановить ее силу, всегда действующую согласно незыблемым законам. Покоримся своему жребию и, страдая, не станем прибегать к созданным нашим воображением химерам. Будем черпать в самой природе целебные средства против причиняемых нам ею бедствий. Если природа насылает на нас болезни, будем искать среди ее творений целительные лекарства. Если природа вызывает наши заблуждения, то она дает нам и противоядие, способное разрушить вредное действие заблуждений, в виде опыта и истины. Если природа допускает, чтобы человеческий род так долго страдал под бременем пороков и безумий, то она указывает ему надежное средство против всех его слабостей — добродетель. Если испытываемые некоторыми обществами бедствия необходимы, то, когда они станут нестерпимыми, эти общества вынуждены будут искать лекарства против них и непременно найдут их в природе. Если эта природа сделала существование невыносимым для отдельных несчастливцев, которых она как будто выбрала себе в жертвы, то смерть всегда является для них открытой дверью, освобождающей их от бедствий, когда они разуверятся в возможности избавления от последних.

Не будем же обвинять природу в беспощадности к нам; в ней нет бедствий, против которых она не давала бы лекарств людям, достаточно мужественным, чтобы искать и применять их. Природа во всех своих действиях следует всеобщим и необходимым законам. Физическое зло и зло духовное происходят не от ее злобности, но от необходимости вещей. Физическое

зло — это расстройство наших органов, производимое видимыми нам физическими причинами. Духовное зло — это расстройство, производимое в нас физическими причинами, механизм которых скрыт от наших взоров. Эти причины в конце концов всегда производят заметные действия, способные влиять на наши чувства. Мысли и желания людей проявляются лишь в доступных наблюдению результатах, производимых этими модификациями в самих мыслящих и желающих субъектах или же вызываемых у существ, по своей природе способных воспринимать эти модификации. Мы страдаем, потому что некоторым вещам свойственно нарушать гармонию нашей организации; мы наслаждаемся, потому что свойства некоторых вещей сходны с нашим способом существования; мы рождаемся, потому что некоторым веществам свойственно сочетаться определенным образом; мы живем, действуем, мыслим, потому что некоторым сочетаниям свойственно действовать и сохраняться в течение известного срока при помощи определенных средств; наконец, мы умираем, потому что согласно необходимому закону все образовавшиеся сочетания должны распасться, или разрушиться. Из всего этого следует, что природа беспристрастна ко всем своим произведениям. Природа подчиняет нас, как и все прочие тела и существа, вечным законам, от которых она не могла избавить нас; если бы природа приостановила действие этих законов хоть на одно мгновение, то все в ней пришло бы в беспорядок и ее гармония была бы нарушена.

Лишь те, кто изучает природу, взяв в руководители опыт, могут разгадать ее тайны и мало-помалу разобраться в часто неуловимой ткани причин, которыми она пользуется, чтобы произвести свои величайшие явления. С помощью опыта мы часто открываем в природе новые свойства и способы действия, неизвестные предшествовавшим нам поколениям. Явления, которые были для наших дедов удивительными, чудесными и сверхъестественными, становятся для нас простыми и естественными фактами, причины и механизм которых мы знаем. Углубляясь в изучение природы, человек открыл причины землетрясений, периодических движе-

ний океанов, подземных пожаров, метеоров, которые были для наших предков, да и теперь еще являются для невежественной черни неоспоримыми признаками небесного гнева. Наши потомки, продолжая и исправляя опыты, проделанные нами и нашими отцами, пойдут еще дальше и откроют такие явления и такие причины, которые совершенно скрыты от наших глаз. Быть может, соединенными усилиями людям удастся проникнуть когда-нибудь в само святилище природы и открыть там много тайн, которые до сих пор она как будто упорно скрывала от нас, несмотря на все наши исследования.

Рассматривая человека под правильным углом зрения, заменив указания авторитета данными опыта и разума, признав, что человек целиком подчинен законам физики, от которых хотело избавить его воображение, мы увидим, что явления духовного мира следуют таким же правилам, как и явления мира физического, и что большинство тех грозных событий, которые наши невежество и предрассудки заставляли нас считать необъяснимыми и чудесными, оказываются простыми и естественными. Мы найдем, что для природы извержение вулкана и рождение Тамерлана — явления одного порядка. Доискиваясь первопричин тех поразительных событий, которые мы наблюдаем на земле с таким ужасом, этих грозных революций, этих страшных судорог, терзающих и разоряющих народы, мы увидим, что воля людей, производящих в этом мире самые поразительные и обширные изменения, приводится первоначально в движение физическими причинами, которые по своей малости кажутся нам ничтожными и совершенно неспособными вызвать наблюдаемые нами грандиозные явления.

Если мы станем судить о причинах по их следствиям, то во вселенной вовсе не окажется незначительных причин. В природе, в которой все связано, находится во взаимодействии, движется и видоизменяется, складывается и разлагается, образуется и разрушается, нет ни одного атома, который не играл бы важной и необходимой роли, нет такой ничтожной молекулы, которая, оказавшись в подходящих обстоятельствах,

не произвела бы поразительных действий. Если бы мы были в состоянии проследить вечную цепь, связывающую все причины с их следствиями, не теряя из виду ни одного из ее звеньев, если бы мы могли распутать невидимые нити, приводящие в движение мысли, желания, страсти тех людей, которых называют могущественными в силу их поступков, то мы нашли бы, что тайными рычагами, которыми пользуется природа, чтобы приводить в движение духовный мир, в самом деле являются атомы. Неожиданная и в то же время необходимая встреча этих не различимых глазом молекул, их соединение, сочетание, соотношение, брожение, мало-помалу модифицируя человека, часто без его ведома и вопреки ему самому заставляют его мыслить, желать, действовать определенным и необходимым образом. Если его желания и поступки влияют на многих других людей, то духовный мир приходит в величайшее движение. Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, посылать миллионы людей на бойню, разрушать крепости, превращать в прах города, погружать народы в нищету и траур, вызывать голод, заразные болезни и распространять отчаяние и бедствия в течение целого ряда веков.

Страсть одного человека, когда он может распоряжаться страстями огромного множества других людей, способна соединить и сочетать их желания и усилия, решая таким образом судьбу человечества. Так, честолюбивый, сластолюбивый, хитрый араб[2] сообщил своим соотечественникам импульс, результатом которого явилось покорение, опустошение обширных областей Азии, Африки и Европы и изменение религиозного учения, взглядов и обычаев значительной части человечества. Но попробуем дойти до первоисточника этих странных переворотов и спросим себя, какие тайные причины влияли на этого человека, возбуждали его страсти, создавали его темперамент? Каковы элементы того сочетания, из которого получается сластолюбец, честолюбец, плут, энтузиаст, красноречивый оратор — одним

словом, человек, способный подчинить себе других и заставить их содействовать своим целям? Это — незаметные частицы его крови; это — неуловимая ткань его волокон; это — более или менее едкие соли, щекочущие его нервы; это — большее или меньшее количество огненной материи, циркулирующей в его жилах. Но откуда берутся сами эти элементы? Из лона его матери, из пищи, которой он питался, из природных условий страны, где он родился, из воспринятых им идей, из воздуха, которым он дышал, не считая тысячи незаметных, мимолетных причин, которые в различные моменты видоизменяли и определяли страсти этого знаменитого человека, сумевшего изменить лик земли.

Если бы этим столь слабым вначале причинам в момент их возникновения противостояли малейшие препятствия, то эти чудесные, поражающие нас события не произошли бы. Приступ лихорадки, вызванный небольшим количеством слишком разгоряченной желчи, мог бы свести на нет все планы законодателя мусульман. Диета, стакан воды, кровопускание иногда могут быть достаточны, чтобы спасти от гибели царства.

Итак, мы видим, что судьба человечества, как и каждого из составляющих его индивидов, в любой момент зависит от незаметных причин, часто порождаемых, развиваемых и приводимых в действие мимолетными обстоятельствами. Мы приписываем следствия этих причин случаю и считаем их случайными, в то время как эти причины действуют необходимым образом и согласно твердым правилам. У нас часто не хватает ни проницательности, ни добросовестности, чтобы добраться до истинных принципов; мы с презрением смотрим на столь ничтожные причины, потому что считаем их неспособными произвести столь великие вещи. Между тем именно эти ничтожные побудительные силы, эти столь слабые пружины согласно необходимым законам природы приводят в движение нашу вселенную. Завоевания какого-нибудь Чингис-хана представляют собой нечто не более поразительное, чем взрыв мины, по сути дела вызванный слабой искрой; последняя зажигает сначала лишь одно зерно пороха, но ее огонь передается вскоре многим тысячам смежных зерен,

объединенная и умноженная сила которых уничтожает в конце концов крепостные стены, города и горы.

Итак, судьба человечества и каждого человека в любой момент зависит от незаметных причин, скрытых в лоне природы до тех пор, пока их действие не обнаружится. Счастье или несчастье, процветание или нищета каждого из нас, равно как и целых народов, связаны с силами, действие которых мы не можем предвидеть, оценить или остановить. Может быть, в это самое мгновение собираются и сочетаются неощутимые молекулы, их соединение даст монарха, и он станет бичом или спасителем обширной империи. Мы ни на одно мгновение не можем ручаться за свою судьбу; мы не знаем того, что происходит в нас, не знаем действующих внутри нас причин, равно как и обстоятельств, приводящих их в действие и развивающих их энергию. А между тем от этих недоступных нашему анализу причин зависит судьба всей нашей жизни. Часто непредвиденная встреча порождает в нашей душе страсть, последствия которой с необходимостью отражаются на всей нашей участи. Так, добродетельнейший человек может в силу странных и неожиданно сложившихся обстоятельств в одно мгновение стать тягчайшим преступником.

Эту истину, несомненно, сочтут страшной и ужасающей. Но по существу чем она хуже другой истины, согласно которой столь дорогая нам жизнь в любой момент может прекратиться в силу бесконечного числа неотвратимых и непредвиденных случайностей? Фатализм примиряет добродетельного человека с перспективой смерти, он заставляет его смотреть на смерть как на верное средство избавиться от людской злобы. Эта система указывает даже счастливцу на смерть как средство избавиться от несчастья, которое под конец часто отравляет жизнь самого удачливого человека.

Подчинимся же необходимости; вопреки нам она всегда будет увлекать нас; покоримся природе; примем доставляемые ею нам блага; противопоставим необходимым бедствиям, которые она заставляет нас испытывать, необходимые лекарства, которые она готова нам дать. Не будем волновать нашего духа бесполезными

тревогами; будем наслаждаться умеренно, если страдание является неизбежным спутником всякого излишества; будем идти тропой добродетели, раз все доказывает нам, что даже в нашем насильственно извращенном мире эта добродетель необходима, чтобы сделать нас уважаемыми в глазах других и довольными самими собой.

Слабый, суетный человек! Ты воображаешь, будто свободен! Увы! Разве ты не замечаешь всех тех нитей, которые связывают тебя? Разве ты не понимаешь, что тебя образуют и приводят в движение атомы, а не зависящие от тебя обстоятельства модифицируют твое существо и определяют твою участь? Неужели среди окружающей тебя могущественной природы ты являешься исключением и один способен сопротивляться ее силе? Неужели ты воображаешь, что твой слабый голос заставит ее остановиться в ее вечном движении или переменить направление этого движения?

Глава XIII

О БЕССМЕРТИИ ДУШИ, О ВЕРЕ В ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ, О СТРАХЕ СМЕРТИ

Изложенные в этом сочинении соображения ясно показывают нам, что́ мы должны думать о человеческой душе и ее функциях или способностях. Все убедительнейшим образом доказывает нам, что она действует и движется по тем же законам, как и другие тела и существа природы, что ее нельзя отличить от тела, что она рождается, растет и видоизменяется, развиваясь в той же последовательности, как и тело. Наконец, все должно убедить нас в том, что она погибает вместе с телом. Душа, как и тело, проходит через состояние слабости и детства; в эту пору она испытывает множество модификаций и приобретает много идей, которые получает через свои органы чувств от внешних предметов. Она накапливает факты, производит истинные или ложные опыты. Она формирует свою систему поведения,

в соответствии с которой мыслит и действует определенным образом, результатом чего и является ее счастье или несчастье, ее рассудительность или безрассудство, ее добродетели или пороки. Достигнув вместе с телом поры силы и зрелости, душа ни на минуту не перестает разделять с ним его приятных и неприятных впечатлений, его удовольствий и страданий, вследствие чего одобряет или не одобряет его состояния. Она бывает здоровой или больной, активной или пассивной, бодрствующей или дремлющей. В старости человек окончательно увядает, его нервы и волокна деревенеют, чувства притупляются, зрение и слух слабеют, мысли становятся бессвязными, память исчезает, воображение истощается. Что же становится тогда с его душой? Увы, она дряхлеет и слабеет вместе с телом, она тоже с трудом выполняет свои функции; эта субстанция, которую хотели отличить от тела, испытывает те же превратности, что и последнее.

Несмотря на все эти столь убедительные доказательства материальности души или ее тождества с телом, некоторые мыслители предположили, будто душа в отличие от тела нетленна, будто эта часть человека пользуется особой привилегией *бессмертия* и освобождена от разложения и изменений форм, которые мы наблюдаем во всех телах природы. Словом, вообразили, будто душа в силу свойственного ей преимущества не умирает. Ее бессмертие казалось особенно бесспорным тем, кто признавал ее духовной; сделав из нее простое, непротяженное, лишенное частей существо, совершенно отличное от всего того, что мы знаем, эти мыслители утверждали, будто душа не подчинена законам, которые господствуют над всеми телами и существами, находящимися, как нам показывает опыт, в процессе непрерывного разложения.

Чувствуя в себе скрытую силу, невидимым образом производящую и направляющую все движения их организма, люди думали, будто и вся природа, энергии и способов действия которой они не знали, должна получать свое движение от некоего активного начала, аналогичного их душе и действующего на великую машину вселенной так, как их душа действует на тело.

Удвоив себя, человек удвоил и природу. Он отличил природу от ее собственной энергии; он обособил ее от ее двигателя, который мало-помалу сделал духовным. Отличное от природы существо было признано душой мира, а души людей — частичными эманациями этой универсальной души. Такой взгляд на происхождение наших душ относится к глубочайшей древности. Его придерживались египтяне, халдеи, евреи*, а также большинство восточных мудрецов. В их школах Ферекид[1], Пифагор, Платон почерпнули учение, столь лестное тщеславию и воображению смертных. Таким образом, человек счел себя частью бога, поверив, будто какая-то часть его бессмертна, как и само божество. Но придуманные в дальнейшем религии отказались от этого лестного для человека учения, сочтя его несовместимым с другими элементами своих систем. Они стали утверждать, что владыка природы, или ее двигатель, вовсе не есть ее душа, что благодаря своему всемогуществу он творит человеческие души, по мере того как производит предназначенные для них тела, и что эти души, произведенные всемогущей волей, пользуются бессмертием.

Но, оставив в стороне различные варианты учения о происхождении душ, надо заметить, что те, кто считал, будто душа есть эманация божества, верили, что после смерти тела, служившего оболочкой или темницей души, она возвращается к своему первоисточнику, вновь сливаясь с ним. Сторонники же учения о духовности

---

* Моисей, по-видимому, верил вместе с египтянами в эманацию души из божества: «*И создал господь бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою*». См. «Бытие», гл. II, ст. 7. Но христиане в настоящее время отвергают теорию *эманации*, так как она предполагает делимость божества; кроме того, так как христианская религия нуждается в аде для мучений грешников, то вместе с душой последних пришлось бы осудить на муки и часть божества. Хотя из приведенных выше слов Моисея можно заключить, что душа является частью божества, мы не видим, однако, чтобы учение о бессмертии души проводилось в какой-нибудь из приписываемых ему книг. Евреи усвоили, кажется во время вавилонского пленения, учение о загробных наградах и наказаниях, которое Зороастр проповедовал персам, но которого не знал или по крайней мере не сообщил своему народу законодатель евреев.

и бессмертии души, не признававшие догмата о божественной эманации души, были вынуждены допустить существование какой-то особенной области, какого-то местопребывания душ, которое их воображение рисовало им в соответствии с их надеждами и опасениями, желаниями и предрассудками.

Нет ничего более общепринятого, чем догмат о бессмертии души, и ничего более распространенного, чем ожидание загробной жизни. Так как природа вдохнула во всех людей страстную любовь к жизни, то необходимым следствием этого явилось желание, чтобы жизнь длилась вечно. Это желание скоро превратилось в уверенность, а внушенное природой людям стремление к вечному существованию сделали аргументом в пользу того, что человек никогда не перестанет существовать. *Наша душа*, говорит Аббади[2], *не имеет бесполезных желаний, она естественным образом желает вечной жизни.* Руководствуясь какой-то странной логикой, он заключает отсюда, что это желание не может не быть удовлетворено*. Как бы то ни было, настроенные таким образом люди с жадностью прислушивались к тем, кто преподносил им столь отвечающие их желаниям учения. Однако не будем считать чем-то сверхъестественным желание существовать, которое всегда было и будет свойственно человеку. Не станем поражаться тому, что человек с таким восторгом принял приятную для него гипотезу, обещавшую ему удовлетворение его желаний, но остережемся заключать, будто это желание является несомненным доказательством реальности загробной жизни, которой люди занимаются слишком много и в ущерб своему земному счастью. Любовь к жиз-

---

* Цицерон сказал до Аббади: «Naturam ipsam de immortalitate animorum tacitam judicare; nescio quomodo inhaeret in mentibus quasi; sacculorum quoddam augurium. Permanere animos arbitramur consensu nationum omnium». («Tuskul. disput.», lib. I.) [«Сама природа безмолвно свидетельствует о бессмертии души; каким-то образом она запечатлела в сознании веков как бы некий пророческий знак этого. В согласии со всеми народами мы полагаем, что души уже пребывают вечно». («Тускуланские беседы», кн. I.) Таким образом, идея бессмертия души уже превратилась здесь во врожденную идею; однако тот же Цицерон считает Ферекида автором этого догмата.

ни является у нас лишь естественным стремлением одаренного чувствительностью существа, которому свойственно желать самосохранения. У людей это желание пропорционально энергии их души или силе их воображения, и они всегда готовы осуществлять то, чего очень сильно желают. Мы желаем жизни тела, и, однако, это желание остается неудовлетворенным. Почему же желание жизни души не может быть таким же обманчивым, как и первое?*

Элементарнейшее размышление о природе нашей души должно было бы убедить нас, что мысль о ее бессмертии является простой иллюзией. Действительно, что такое наша душа, как не принцип чувствительности? Что значит мыслить, наслаждаться, страдать, как не чувствовать? Что такое жизнь, как не совокупность модификаций и движений, свойственных организованному существу? Поэтому, как только тело перестает жить, чувствительность не может больше функционировать, вследствие чего идеи, а значит, и мысли более не могут возникать в мозгу. Идеи, как уже было доказано, являются к нам через посредство органов чувств; но как сможем мы, будучи лишены этих органов, иметь восприятия, ощущения, идеи? Если из души сделали особое существо, отделив ее от одушевленного тела, то почему из жизни не сделали особого существа, отделив ее от живого тела? Жизнь есть сумма движений всего тела, чувство и мысль составляют часть этих движений, поэтому у мертвого человека эти движения прекращаются, как и все остальные.

Действительно, как сумеют нам доказать, что душа, которая способна ощущать, мыслить, желать, действовать лишь при помощи своих органов, сможет страдать и наслаждаться или даже сознавать свое существование, когда сообщавшие ей все эти чувства органы распадутся или будут уничтожены? Разве не очевидно, что душа

---

* Вот как рассуждают сторонники учения о бессмертии души: «*Все люди желают жить вечно, следовательно, они будут жить вечно*». Но разве нельзя, рассуждая аналогичным образом, сказать: «*Все люди естественным образом желают быть богатыми, следовательно, все люди когда-нибудь будут богатыми*».

зависит от размещения частей тела и от порядка, в котором совместно функционируют эти части? Поэтому раз уничтожена органическая структура, то, несомненно, уничтожена и душа. Разве мы не видим в течение всей нашей жизни, что всякие изменения, испытываемые нашими органами, изменяют душу, волнуют ее, приводят в расстройство? А между тем желают, чтобы эта душа действовала, мыслила, существовала, когда эти органы совершенно исчезнут!

Организованное существо можно сравнить с часами, которые, будучи разбиты, уже не могут выполнять своего назначения. Утверждать, что душа будет ощущать, мыслить, страдать после смерти тела,— все равно что утверждать, будто разбитые на тысячу кусков часы смогут продолжать звонить и отмечать время. Те, кто говорит, что наша душа может существовать, несмотря на разрушение тела, утверждают, очевидно, что модификация какого-нибудь тела может сохраниться после того, как уничтожен ее субъект, а это совершенная бессмыслица.

Нам не преминут возразить, что сохранение души после смерти тела — следствие божественного всемогущества. Но это значит подкреплять бессмыслицу произвольной гипотезой. Какую бы природу ни приписывать божественному всемогуществу, оно не может сделать, чтобы какая-то вещь существовала и не существовала в одно и то же время; оно не может сделать, чтобы душа ощущала или мыслила без необходимых для мышления посредников.

Пусть же перестанут говорить нам, будто догматы о бессмертии души или о загробном существовании вовсе не противоречат разуму. Эти понятия, предназначенные только для того, чтобы смущать воображение не умеющих мыслить невежд или льстить им, не могут казаться просвещенным умам ни убедительными, ни даже правдоподобными. Разум свободен от иллюзий, рожденных предрассудками, и его, без сомнения, оскорбляет допущение души, которая мыслит, огорчается или радуется, имеет идеи, не имея органов, т. е. допущение души, лишенной единственных естественных и известных нам средств, при помощи которых она может иметь восприя-

тия, ощущения и идеи. Если нам возразят, что могут существовать другие *сверхъестественные* и *неизвестные* нам средства для достижения тех же целей, мы ответим, что средства сообщать идеи душе, отделенной от тела, не более известны и доступны тем, кто их предполагает, чем нам. Во всяком случае очевидно, что все, кто отвергает учение о врожденных идеях, не могут, не противореча своим принципам, принять столь же мало обоснованный догмат о бессмертии души.

Несмотря на утешение, которое, как утверждают многие люди, они находят в мысли о вечном существовании, несмотря на твердое убеждение столь многих лиц в том, что их души переживут их тела, мы видим, как их волнует разложение тела и с какой тревогой они взирают на приближающийся конец, которого между тем им следовало бы желать как окончания своих страданий. Это только доказывает, что реальность, настоящее существование, даже сопровождаемое страданиями, гораздо больше влияет на людей, чем прекраснейшие мечты о будущем, которое люди всегда видят лишь сквозь дымку неопределенности. Действительно, эта мнимая уверенность в вечном блаженстве и эти столь сладостные надежды не мешают даже самым религиозным людям испытывать страх и содрогаться при мысли о неизбежном разложении их тела. Смерть всегда была для тех, кто называет себя смертными, чем-то самым ужасным. Они всегда смотрели на нее как на странное явление, противное порядку вещей, чуждое природе, одним словом, как на следствие небесного мщения и расплату за грехопадение. Хотя все доказывало им, что эта смерть неизбежна, они никогда не могли примириться с мыслью о ней. Они всегда думали о ней с трепетом, и уверенность в обладании бессмертной душой представляла для них лишь слабое возмещение горя, причиняемого гибелью этого бренного тела. Два обстоятельства способствовали усилению их тревог: первое заключалось в том, что смерть, обыкновенно сопровождаемая страданиями, лишала их существования, которое им нравилось, которое они знали, к которому они привыкли; второе состояло в незнании состояния, которое должно наступить после смерти.

Знаменитый Бэкон сказал, что *люди боятся смерти по той же причине, по какой дети боятся темноты**. Мы естественным образом не доверяем всему, чего не знаем; мы желаем видеть ясно, чтобы обезопасить себя от предметов, которые могут нам угрожать, или быть в состоянии доставить себе предметы, которые могут быть нам полезны. Человек, который существует, не может составить себе представления о несуществовании. Так как это состояние тревожит его, то его воображение за недостатком опыта начинает работать над тем, чтобы представить ему в хорошем или дурном свете это неизвестное состояние. Привыкнув мыслить, чувствовать, действовать, наслаждаться обществом, человек видит величайшее несчастье в разложении, которое лишает его предметов и чувств, необходимых ему по его природе, которое будет мешать ему убеждаться в собственном существовании и отнимет у него удовольствия, погрузив его в небытие. Даже предполагая это состояние небытия свободным от страданий, человек всегда смотрит на него как на какое-то удручающее одиночество и пучину глубокого мрака, он видит в нем себя покинутым всеми, лишенным всякой помощи и чувствующим всю тяжесть этого ужасного положения. Но разве глубокий сон не дает нам достаточно полного представления о небытии? Разве он не лишает нас всего? Разве не кажется, будто он уничтожает нас для мира и мир для нас? Разве смерть есть что-нибудь иное, как не длительный и глубокий сон? Человек боится смерти лишь потому, что он не может представить себе ее; если бы он составил себе о ней правильное представление, он перестал бы ее бояться.

Человек не может представить себе состояние, в котором он ничего не чувствует. Поэтому человек

---

* «Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nihilo quae sunt metuenda magis...»
(*Lucretius*, De rerum natura, lib. III, vers. 87.)
[«Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, коих бояться не более надо...»
(*Лукреций*, О природе вещей, кн. III, ст. 87.)]

полагает, что, когда его больше не будет, он все же будет чувствовать и сознавать те вещи, которые кажутся ему теперь столь печальными и прискорбными. Его воображение рисует ему его похороны, могилу, которую роют для него, горестные песнопения, сопровождающие его до места последнего успокоения, и он начинает думать, что эти ужасные вещи будут так же тяжело действовать на него после его смерти, как в нынешнем состоянии, когда он пользуется всеми своими чувствами*.

Смертный, введенный в заблуждение страхом! После смерти твои глаза не будут видеть, твои уши не будут слышать! Лежа в своем гробу, ты не будешь свидетелем той сцены, которую твое воображение рисует теперь в столь мрачных красках. Ты не будешь больше принимать участия в том, что творится на свете. Ты будешь интересоваться тем, что сделают с твоими бренными останками, не больше, чем интересовался этим накануне того дня, когда ты появился среди смертных. Умереть — это значит перестать мыслить и чувствовать, наслаждаться и страдать; твои идеи погибнут с тобой, твои страдания не последуют за тобой в могилу. Думай о смерти, но не для того, чтобы питать свои страхи и меланхолию, но чтобы приучиться смотреть на нее спокойно и оградить себя от ложных страхов, которые стараются внушить тебе враги твоего покоя.

Страх смерти — пустая иллюзия, которая должна исчезнуть, как только мы начнем смотреть на это необходимое событие под правильным углом зрения. Один великий человек определил философию как *размышление о смерти***. Он не хотел сказать этим, что мы должны предаваться печальным мыслям о нашей кончине с целью поддерживать свои страхи. Он хотел, без сомнения, посоветовать нам свыкнуться с мыслью о неизбежном,

---

* «Nec videt in vera nullum fore morte alium se
Qui possit vivus sibi se lugere peremptum,
Stansque iacentem se lacerari urive dolere».

[«Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным».]
Lucretius, De rerum natura, lib. III, vers. 885.

** Μελέτη τοῦ θανάτου. Лукан[3] сказал: «Scire mori sors prima viris». [«Знать, что умрешь,— первый удел мужей».]

вытекающем из законов природы явлении и привыкнуть ожидать его с безоблачным челом. Если жизнь — благо, если необходимо любить ее, то столь же необходимо покинуть ее; и разум должен научить нас с покорностью принимать веления рока. Таким образом, наше благополучие требует усвоить привычку без тревоги созерцать событие, неизбежность которого определяется нашей природой. В наших же собственных интересах не отравлять постоянным беспокойством жизнь, которая потеряет для нас свою прелесть, если мы будем всегда с трепетом думать о ее конце. И голос разума, и правильно понятый интерес одинаково должны вооружить нас против неопределенных страхов, внушаемых нам воображением в связи со смертью. Если мы призовем их на помощь, то они сделают привычным предмет, который пугает нас лишь потому, что мы его не знаем, или потому, что суеверие изобразило его нам в отвратительном виде и в сопровождении ужасных подробностей. Отбросим эти пустые иллюзии о смерти, и мы увидим, что она является просто сном жизни, что этот сон не будет нарушен никаким неприятным сновидением и что за ним никогда не последует тяжелого пробуждения. Умереть — значит заснуть, вернуться в то состояние бесчувственности, в котором мы находились до рождения, до того, как получили чувства и стали сознавать свое нынешнее существование. Законы, столь же необходимые, как и те, что обусловили наше рождение, заставят нас вернуться в лоно природы, откуда они извлекут нас, чтобы воспроизвести впоследствии в какой-нибудь новой форме, которую нам было бы бесполезно знать. Природа, не спрашивая нашего согласия, поместила нас на время среди организованных существ; без нашего ведома она заставит нас покинуть эту среду, чтобы отвести нам другое положение. Не будем жаловаться на ее суровость: она заставляет нас подчиниться закону, от действия которого не избавлено ни одно из существ на свете*. Раз все рождается и погибает,

* «Quid de rerum natura querimur, illa se bene gessit; vita, si scias uti, longa est». (*Senec.*, De brevitate vitae.) [«Сколько бы мы ни жаловались на природу, она ведет себя хорошо; жизнь,

все изменяется и гибнет, раз рождение какого-нибудь существа всегда является его первым шагом по направлению к смерти, то возможно ли, чтобы человек со своей хрупкой организацией, со всеми своими столь подвижными и сложными частями был изъят из действия всеобщего закона, согласно которому обитаемая нами твердая земля претерпевает изменения, превращения и, быть может, движется к гибели! Слабый смертный! Не требуешь ли ты, мечтая существовать вечно, чтобы природа изменила свой ход для тебя одного? Разве ты не видишь в неожиданном появлении комет, поражающем твой взор, указания на то, что и сами планеты подвержены смерти? Живи же в мире, пока это позволяет природа, и умирай без страха, если твой дух просвещен разумом.

Несмотря на всю простоту этих соображений, очень мало людей, которые действительно закалены против страха смерти: даже мудрец бледнеет при ее приближении; ему необходимо собраться со всеми силами своего духа, чтобы спокойно встретить ее. Не будем же удивляться тому, что мысль о кончине так волнует обыкновенного смертного; она страшит юношу, но она удваивает печали и горести удрученного недугами старца. Для старца она даже страшнее, чем для юноши в расцвете сил. Старик больше привык к жизни, да и дух его более слаб, обладая меньшей энергией. Наконец, и больной, терзаемый страданиями, и несчастный неудачник редко решаются прибегнуть к смерти, на которую они должны были бы смотреть как на конец своих мучений.

Если мы станем искать источник этого малодушия, то найдем его в нашей природе, привязывающей нас к жизни, и в недостатке душевной энергии, которую все, вместо того чтобы усиливать, только ослабляет и сокрушает. Все человеческие учреждения, все наши взгляды способствуют укреплению наших страхов, делая мысль о смерти еще более ужасной и невыносимой. Действительно, суеверие рисует нам смерть в самом

если ты умеешь пользоваться ею, достаточно продолжительна». (*Сенека*, О бренности жизни.)] Все жалуются на краткость жизни и быстротечность времени, а между тем большинство людей не знают, что делать с временем и жизнью.

ужасающем виде. Оно представляет ее нам как грозное событие, которое не только кладет конец нашим удовольствиям, но и передает нас беззащитными в руки неслыханно сурового, безжалостного деспота, приговоров которого ничто не может смягчить. Согласно этому суеверному учению, самый добродетельный человек не может быть уверенным в том, что угодит этому деспоту. Человек должен трепетать перед суровостью божьего суда: ужасные, вечные муки ждут жертв прихотей бога, являясь наказанием за невольные слабости или неизбежные ошибки, вызвавшие его ярость. Этот неумолимый тиран будет мстить им за их слабости, минутные промахи, склонности, которые сам вложил в их сердце, заблуждения их ума, взгляды, идеи, страсти, усвоенные ими в обществах, где он заставил их родиться. Прежде всего он никогда не простит им того, что они могли не знать непостижимого верховного существа или ошибаться в своих представлениях о нем, что они осмелились мыслить самостоятельно, отказались слушать вождей-фанатиков или лжецов и дерзнули обратиться за содействием к разуму, который, однако, дан им этим непостижимым существом в качестве их руководителя на жизненном пути.

Таковы те печальные предметы, которыми религия занимает мысль своих несчастных и доверчивых последователей. Таковы те страхи, которые тираны человеческой мысли называют благотворными. Несмотря на ничтожное действие этих взглядов на большинство тех, кто называет или считает себя убежденным сторонником последних, их хотят выдать за самое сильное препятствие, какое можно противопоставить безнравственному поведению людей. Однако, как мы скоро покажем, эти грозные учения или, вернее, химеры не производят никакого впечатления на большинство людей, которые редко задумываются над ними и во всяком случае никогда не вспоминают о них в тот момент, когда их увлекают страсть, личный интерес, удовольствие или чужой пример. Если эти страхи и оказывают действие, то всегда лишь на тех, кто и без них сумел бы воздержаться от зла или сделать добро. Они заставляют трепетать добродетельных людей, нисколько не влияя

на людей испорченных; они терзают мягкие сердца, оставляя в покое людей закоснелых; они беспокоят покорных и кротких, нисколько не волнуя мятежные умы. Таким образом, они тревожат и без того уже достаточно встревоженных и сдерживают и без того сдержанных людей.

Эти ужасы не оказывают никакого влияния на дурных людей. Если же они случайным образом и воздействуют на последних, то такое воздействие лишь усиливает природную злобность этих людей, оправдывает ее в их глазах, доставляет им предлог обнаруживать ее без всякого страха и стеснения. Действительно, на основании опыта многих веков мы вправе судить, до какого неистовства и ярости доходят в своих страстях и своей злобности люди, когда их побуждает к этому религия или когда они могут по крайней мере прикрыться ее авторитетом. Люди никогда не были более честолюбивыми, жадными, бесчестными, жестокими, буйными, чем тогда, когда они уговаривали себя, что религия позволила или приказала им быть такими. Религия в этих случаях только придавала непреодолимую силу их природным страстям, которым они под ее святым покровительством могли предаваться безнаказанно, без всяких укоров совести. Мало того, величайшие злодеи, предоставляя полный простор гнусным наклонностям своей натуры, считали себя достойными рая на небе, ревнителями интересов которого они себя показали, и полагали, что своими преступлениями во имя веры освободили себя от заслуженных наказаний бога.

Вот какое действие оказывают на людей благотворные учения теологии! Эти соображения могут послужить ответом тем, кто говорит нам, что *если бы религия одинаково сулила небесное блаженство дурным и хорошим людям, то не было бы неверующих в загробную жизнь.* Мы укажем в ответ, что фактически религия дает это небесное блаженство злодеям и часто открывает двери рая для самых дурных и бесполезных людей*. Она,

* Таковы Моисей, Самуил, Давид у евреев; Магомет — у мусульман; Константин, св. Кирилл, св. Афанасий, св. Доми-

как мы только что видели, усиливает страсти злодеев, оправдывая и узаконивая преступления, которые без нее преступники побоялись или постыдились бы совершать. Наконец, служители религии дают возможность самым дурным людям отвратить от себя кару и добиться вечного блаженства.

Что касается неверующих, то среди них, как и среди верующих, могут, без сомнения, оказаться дурные люди; но неверие так же мало связано со злобой, как вера с добротой. Наоборот, у думающего и размышляющего человека больше оснований быть добрым, чем у того, кто слепо руководствуется какими-то неопределенными соображениями или же интересами других людей. Всякий разумный человек весьма заинтересован в том, чтобы исследовать учения, которые, как утверждают, должны оказать влияние на его вечное блаженство. Если он найдет их ошибочными или вредными для земного существования, то из того факта, что ему нечего опасаться загробной жизни или надеяться на нее, он никогда не сделает вывода, будто в земной жизни он может безнаказанно предаваться порокам, которые должны повредить ему самому или навлечь на него презрение и гнев общества. Человек, не ожидающий другой жизни, особенно заинтересован в том, чтобы продлить свое существование и заставить окружающих любить его в единственной известной ему реальной жизни. Освободившись от страхов, угнетающих других людей, он делает большой шаг вперед по направлению к своему счастью.

Действительно, религиозному суеверию было угодно сделать человека трусливым, легковерным, малодушным. Оно сделало своим правилом не переставать ввергать его в скорбь. Оно сочло своим долгом усилить его страх перед смертью. Неистощимое в изобретении пыток для человека, оно заставило его тревожиться помимо земного еще и о загробном существовании, а служители религии, чтобы надежнее обеспечить свою власть над людьми

ник и множество других религиозных разбойников и изощренных фанатиков, почитаемых церковью,— у христиан. Сюда же можно отнести участников крестовых походов, войн Лиги[4] и т. д.

в этом мире, придумали какие-то загробные царства, оставив за собой право награждать послушных их произвольным законам рабов и наказывать с помощью божества непокорных их воле бунтарей. Религия не только не утешала смертных, не просвещала разума человека и не приучала его склоняться перед силой необходимости, но во многих странах старалась сделать для него смерть еще более горькой, ее иго еще более тяжелым, украсив ее свиту толпой отвратительных привидений и сделав ее приближение более страшным, чем сама смерть. Так религии удалось наводнить мир фантазерами, которых она прельщает неясными обещаниями, и жалкими рабами, удерживаемыми страхом воображаемых бедствий, которыми будет сопровождаться их кончина. Ей удалось убедить людей, что их теперешняя жизнь лишь переход к более значительной жизни. Бессмысленный догмат о загробном существовании мешает людям трудиться ради своего подлинного счастья, думать об усовершенствовании своих учреждений, законов, нравственности, наук. Пустые мечты поглотили все их внимание. Они готовы стонать под игом религиозной и политической тирании, коснеть в заблуждении и томиться в несчастье с надеждой быть когда-нибудь более счастливыми, с твердой уверенностью, что их страдания и их тупое терпение принесут им вечное блаженство. Они считают себя подчиненными какому-то жестокому божеству, которое желает заставить их купить загробное блаженство ценой всего, что им особенно дорого на земле. Им изобразили бога как заклятого врага человеческого рода; их уверили, будто раздраженные против них небеса желают быть умиротворенными и накажут их вечными муками за попытки избавиться от страданий. Так догмат о будущей жизни оказался одним из самых роковых заблуждений человеческого рода. Этот догмат сделал народы апатичными, равнодушными и безразличными к своему счастью или же породил у них безумный фанатизм, часто толкавший их на взаимоистребление во имя небесного блаженства.

Быть может, спросят, каким образом люди дошли до столь странных, ни на чем не основанных представле-

ний о загробном мире. Я отвечу на это, что мы, действительно, не имеем представления о будущем, которое для нас не существует. Только наши представления о прошлом и настоящем доставляют нашему воображению материал, из которого оно строит замок царства будущего. *Мы думаем*, говорит Гоббс, *что существующее ныне будет существовать всегда и одни и те же причины будут вызывать одни и те же следствия**. В своем нынешнем состоянии человек обладает двумя способами чувствовать: один из них ему нравится, а другой не нравится. Убежденный, что оба эти способа чувствовать должны сопровождать его за гробом, он наметил в стране будущего два различных местопребывания, предназначив одно для блаженства, а другое — для страдания; в первом должны жить друзья его бога, другое является темницей, где отмщаются обиды, нанесенные этому богу его несчастными подданными.

Таково происхождение этих столь распространенных среди людей представлений о загробной жизни. Мы повсюду встречаем *Елисейские поля* и *Тартар*, *рай* и *ад* — словом, два различных обиталища, созданные по указке воображения сочинивших их фантазеров или мошенников и приспособленные к предрассудкам, представлениям, упованиям и страхам веровавших в них народов. Индусы рисуют себе первое из этих обиталищ как область постоянного бездействия и покоя, так как, живя в знойном климате, они считают высшим блаженством покой. Мусульмане сулят себе там плотские удовольствия, подобные тем, которые составляют предмет их желаний в земной жизни. Христиане чаще всего надеются на какие-то невыразимые духовные наслаждения, словом, на счастье, о котором они не имеют никакого представления.

Но каковы бы ни были эти загробные удовольствия или страдания, люди поняли, что необходимо тело, чтобы их душа могла наслаждаться ими или испы-

* Когда мы рассуждаем по аналогии то всегда основываемся на часто очень ошибочном убеждении, будто то, что уже произошло, произойдет еще раз в будущем, и считаем бесспорным, будто то, что произойдет, всегда будет подобно тому, что произошло.

тывать муки, предназначенные для врагов божества. Отсюда возник догмат о *воскресении*, согласно которому предположили, что это тело, гниющее, разлагающееся, распадающееся на наших глазах, когда-нибудь восстановится благодаря божественному всемогуществу и снова образует оболочку для души, чтобы вместе с ней получать награды и наказания, заслуженные ими во время их первоначального союза*. Это непонятное учение, сочиненное, как утверждают, магами, еще и ныне находит множество приверженцев, которые, однако, никогда не занимались серьезно его исследованием. Наконец, другие лица, неспособные подняться до столь возвышенных учений, предположили, что после смерти человек будет последовательно переселяться в различных животных и никогда не перестанет жить на земле; таково было мнение тех, кто верил в *метемпсихоз*.

Что касается места страдания душ, то фантазия обманщиков, желавших управлять народами, постаралась собрать для его изображения самые отталкивающие образы, чтобы представить его в наиболее ужасном виде. Огонь вызывает в нас болезненные ощущения более всех других элементов, поэтому предположили, что божественное всемогущество не могло придумать для наказания своих врагов ничего более жестокого, чем огонь. Огонь был пределом человеческой фантазии в этом отношении, и поэтому в общих чертах было решено, что огонь должен быть мстителем оскорбленного божества в загробном мире, подобно тому как люди в своем безумии и жестокости часто делают его мстителем божества здесь, на земле**. И вот стали изображать

* Догмат о *воскресении* кажется бесполезным всем тем, кто верит в существование чувствующих, мыслящих, страдающих или наслаждающихся после разлуки с телом душ. Они должны вместе с Беркли предполагать, что душа не нуждается ни в теле, ни в каком-нибудь внешнем существе, чтобы испытывать ощущения и иметь идеи. Сторонники Мальбранша должны предположить что осужденные души *будут видеть ад в боге* и чувствовать, как они горят, обходясь без тела.

** Отсюда, несомненно, берет начало искупление огнем, столь принятое у многих восточных народов и практикуемое еще и ныне служителями *бога мира*, у которых хватает жестокости сжигать на огне тех, кто не имеет одинаковых с ними представлений о божестве. Под влиянием того же безумия светские суды приго-

жертв божественного гнева заключенными в пылающие темницы, катающимися в вихре пламени, погруженными в моря из кипящей серы и смолы и оглашающими своды ада своими бесполезными стенаниями и зубовным скрежетом.

Но, спросят, быть может, как могли люди решиться верить в какое-то сопровождаемое вечными муками существование, особенно если многие из них, согласно своим религиозным воззрениям, должны были бояться, что оно выпадает на их долю. Многие причины могли побудить их принять столь отталкивающее учение. Во-первых, лишь немногие из здравомыслящих людей, решавшихся прислушаться к голосу своего разума, могли поверить в подобную бессмыслицу; если же они и верили в нее, то мысль о подобных свирепых карах уравновешивалась идеей о милосердии и доброте, которую они приписывали своему богу*. Во-вторых, ослепленные страхом, народы никогда не задумывались даже над самыми странными догматами, которые преподносили им их законодатели или которые были переданы им их отцами. В-третьих, все люди видели предмет своих страхов всегда в дымке благоприятной дали, а религия обещала им средства избавиться от наказаний, которые они считали заслуженными. Наконец, человек подобно тем больным, которые привязаны даже к мучительней-

---

варивают к смертной казни на костре богохульников, кощунствующих, святотатцев, т. е. людей, которые никому не вредят, и в то же время ограничиваются более мягкими наказаниями для лиц, приносящих реальный вред обществу. Так религия перевернула вверх дном все понятия!

* Христиане утверждают, что загробные мучения должны быть бесконечны и по длительности, и по интенсивности. В ответ на это я должен указать, что человек, как конечное существо, не может страдать бесконечно. Сам бог не может сообщить ему бесконечности, несмотря на все его старания наложить на человека вечное наказание за проступки, которые сами имеют лишь конечные, или ограниченные во времени, последствия. То же самое можно сказать о райских утехах: бесконечный бог так же мало доступен понимаю конечного существа в раю, как и здесь, на земле. С другой стороны, если бог, как учит христианство, занимается продлением существования осужденных грешников, то это означает и продление существования греха, что совершенно не согласуется с приписываемой богу любовью к порядку.

шему существованию, предпочитал мысль даже о самом злосчастном, но знакомом ему существовании мысли о небытии, которое он считал самым ужасным из бедствий, потому что не мог иметь о нем представления или потому что его воображение заставляло его смотреть на это несуществование, или небытие, как на какое-то хаотическое соединение всех бедствий. Знакомое зло, как бы велико оно ни было, меньше тревожит людей, особенно когда у них остается надежда избежать его, чем зло, которого они совсем не знают, которое в силу этого дает пищу их воображению и для предотвращения которого они не имеют никаких средств.

Итак, мы видим, что суеверие не только не дает людям утешения перед лицом неизбежной смерти, но, наоборот, только усиливает их страхи представлением о бедствиях, которые якобы последуют в загробной жизни. Эти страхи так велики, что несчастные, серьезно верящие в зловещие догматы религии, будучи последовательны, проводят свои дни в скорби и слезах. Как отнестись нам к этому гибельному для общественной жизни и, однако, принятому множеством народов учению, согласно которому суровый бог может в любой момент подобно татю захватить их врасплох и начать производить на земле свой страшный суд? Может ли что-нибудь так устрашить людей, в такой мере отнять у них мужество и желание улучшить свою судьбу, как перспектива вечного ожидания гибели мира и появления на развалинах всей природы божества, творящего суд над смертными? Между тем таковы мрачные взгляды, которые в течение тысячелетий внушали народам. Эти взгляды столь пагубны, что если бы народы, к счастью, не оказались непоследовательными, не уклонились в своем поведении от этих пессимистических учений, то они впали бы в постыднейшее отупение. Зачем им интересоваться этим преходящим миром, который в каждое мгновение может рухнуть? Зачем мечтать о счастье на земле, являющейся лишь преддверием царства вечного блаженства? Можно ли после этого удивляться тому, что последователям этих суеверных догматов предписываются полное отречение от земных благ, совершенный отказ от невиннейших удовольствий, инертность,

малодушие, душевная низость, необщительность, делающие их бесполезными и даже опасными для других? Если бы необходимость не заставляла людей на практике отклоняться от их бессмысленных теорий, если бы потребности не возвращали их вопреки религиозным догматам на путь разума, то весь мир скоро стал бы обширной пустыней, населенной лишь одинокими дикарями, которые не имели бы даже решимости размножаться. Какова же цена понятий, которые не позволяют людям вступать в общение?

Между тем догмат о загробной жизни, сопровождаемой наградами и наказаниями, в течение многих веков считался самым могущественным, если даже не единственным мотивом, способным сдержать страсти людей и заставить их быть добродетельными. Мало-помалу этот догмат лег в основу почти всех религиозных и политических учений, и в настоящее время кажется даже, что нельзя бороться с указанным предрассудком, окончательно не разрушая общественных связей. Основатели религий воспользовались им, чтобы привязать к себе своих легковерных последователей. Законодатели смотрели на него как на самое надежное средство держать в узде своих подданных. Даже некоторые философы искренне думали, что этот догмат необходим, чтобы устрашить людей и отвратить их от преступлений*.

Действительно, нельзя отрицать, что этот догмат был весьма полезен тем людям, которые дали народам религию и стали ее жрецами. Он явился основой их могущества, источником их богатств и постоянной причиной той слепоты и тех страхов, в которые было ввергнуто человечество во имя их интересов. Благодаря этому суеверию жрецы стали соперниками и господами царей; среди народов появились толпы фантазеров с головами,

---

* Когда догмат о бессмертии души, взлелеянный школой Платона, распространился среди греков, он причинил им величайший вред, побудив множество людей, недовольных своей судьбой, покончить жизнь самоубийством. Египетский царь Птолемей Филадельф[5], увидев пагубное действие на своих подданных этого учения, которое теперь считают столь благотворным, под страхом смертной казни запретил преподавать его. См. обзор содержания диалога «Федон»[6] в переводе Дасье[7].

отуманенными религией, готовых скорее прислушиваться к угрозам церкви, чем к советам разума, приказаниям государя, голосу природы и законам общества. Сама политика была подчинена прихотям жрецов, земному монарху пришлось покориться монарху небесному; первый мог распоряжаться лишь в этом преходящем мире, между тем как власть второго простиралась на загробный мир, более важный для людей, чем земля, на которой они только временные странники. Таким образом, учение о загробной жизни поставило само правительство в зависимость от жрецов; правитель был лишь первым подданным жрецов, и ему повиновались только тогда, когда между ним и жрецами устанавливалось согласие в деле удушения человеческого рода. Тщетно природа обращалась к людям с призывом думать о своем здешнем счастье: жрецы приказывали им быть несчастными в ожидании будущего блаженства; тщетно разум обращался к ним с призывом жить в мире: жрецы внушали им фанатизм и исступление, заставляя нарушать общественное спокойствие всякий раз, когда поднимался вопрос об интересах невидимого небесного монарха или его земных служителей.

Таковы плоды догмата о загробной жизни в области политики. Небесное царство помогло духовенству овладеть земными царствами. Ожидание будущего блаженства и страх будущих мучений лишь помешали людям думать о том, чтобы стать счастливыми здесь, на земле. С какой бы стороны ни подходить к заблуждению, оно всегда останется источником зла для человечества. Учение о загробной жизни, рисуя людям какое-то иллюзорное счастье, делает из них фантазеров; пугая их всякого рода страхами, оно делает из них бесполезных существ, трусов, желчных, раздражительных людей, которые забывают о своем земном существовании и думают лишь о каком-то фантастическом будущем и воображаемых бедствиях, ожидающих их после смерти.

Если нам скажут, что учение о загробных наградах и наказаниях является могущественным средством обуздания человеческих страстей, то в ответ на это мы сошлемся на свидетельство повседневного опыта. Достаточно посмотреть вокруг себя, чтобы убедиться

в неверности данного утверждения. Эти чудесные рассказы и выдумки, нисколько не способные изменить темперамент людей и уничтожить страсти, порождаемые в их сердцах пороками самого общества, совершенно не уменьшают числа дурных людей. Среди самых религиозных народов мы находим убийц, воров, мошенников, угнетателей, прелюбодеев, сластолюбцев; все они убеждены в реальности загробной жизни, но в вихре развлечений и удовольствий, в бурных порывах своих страстей перестают думать об этом грозном будущем, и оно нисколько не влияет на их земное поведение.

Одним словом, мы наблюдаем, как в странах, где учение о загробной жизни укрепилось так прочно, что всякий, кто осмелился бы отрицать этот догмат или хотя бы только усомниться в нем, вызвал бы всеобщее негодование, это учение не оказывает никакого влияния на поведение несправедливых, ленивых, развращенных государей, корыстолюбивых и беспутных царедворцев, наглых взяточников, выжимающих из народа последние соки, бесстыдных женщин, толпы порочных развратников и даже многих священнослужителей, призвание которых — возвещать народам месть неба. Если вы спросите всех этих людей, как они решились на поступки, которые, как им известно, должны навлечь на них вечные муки, они ответят вам, что были увлечены бурной страстью, привычкой, примером окружающих или просто силой обстоятельств и это заставило их забыть о роковых последствиях их поведения. Кроме того, они скажут вам, что сокровища божественного милосердия неисчерпаемы и раскаянием можно загладить самые ужасные и многочисленные преступления*. Среди

* Представление о божественном милосердии успокаивает дурных людей и заставляет их забывать о божественной справедливости. В самом деле, если предположить оба эти атрибута бога равно бесконечными, то они должны уравновеситься, так что в результате ни один из них не сможет действовать. Как бы то ни было, дурные люди рассчитывают на такого *неподвижного* бога или надеются при помощи его милосердия избавиться от последствий его справедливости. Разбойники, понимающие, что им рано или поздно не уйти от виселицы, говорят, что надо только *умереть красиво*. Христиане верят, что *хорошее* покаяние заглаживает все грехи. Индусы приписывают ту же очистительную силу водам Ганга.

всей этой толпы злодеев, каждый из которых по-своему вредит обществу, вы найдете лишь небольшую кучку лиц, напуганных перспективой загробных мук и благодаря этому сопротивляющихся своим страстям. Впрочем, и здесь дело объясняется просто тем, что эти страсти слишком слабы, чтобы увлечь их, и без всякого догмата о загробной жизни требования законов и страх порицания могут удержать их от преступлений.

Действительно, существуют такие боязливые, робкие души, на которых мысль о загробных карах производит глубокое впечатление. Люди такого рода от рождения наделены слабыми страстями, хрупкой организацией, тусклым воображением; нет ничего удивительного в том, что у существ, сдержанных по природе, страх перед будущим уравновешивает слабый натиск их слабых страстей. Но совсем иное дело те полные решимости злодеи, те закоснелые преступники, чьих излишеств не может остановить что-либо: в своей слепой горячности они не страшатся земных законов и еще больше презирают законы небесные.

Однако сколько людей утверждает — и не только утверждает, но и верит,— будто их сдерживает в их поведении мысль о загробном существовании! Но либо эти люди обманывают нас, либо обманываются сами; они приписывают страху перед вечными мучениями то, что является в действительности результатом более реальных факторов, таких, как слабость организации, флегматичность темперамента, недостаточная энергия души, природная робость, влияние воспитания, боязнь физических последствий беспорядочной жизни или дурных поступков. В действительности именно эти факторы, а отнюдь не туманные представления о загробном мире, постоянно предаваемые забвению самими верующими, как только какое-нибудь могущественное желание толкает их на стезю греха, удерживают этих людей от преступлений. При малейшем размышлении нетрудно убедиться, что мы напрасно приписываем страху божию результат слабохарактерности, малодушия и слабой заинтересованности в том, чтобы поступать дурно; лица, о которых здесь идет речь, не поступали бы иначе, если бы даже не испытывали страха

перед загробными муками; если вдуматься в положение вещей, мы поймем, что поступки людей всегда определяются только необходимостью.

Человек не может быть сдержанным, когда не находит в самом себе мотивов, достаточно сильных, чтобы сдержать его или напомнить ему о требованиях благоразумия. Ни в этом, ни в загробном мире нет никаких средств сделать добродетельным человека, которого толкают на преступления его злосчастная конституция, непросвещенный ум, безудержное воображение, закоренелые привычки, гибельные примеры, могущественные интересы. Не существует умозрений, способных обуздать человека, который пренебрегает общественным мнением; презирает закон, глух к голосу своей совести и благодаря своему положению выше всяких наказаний и порицаний*.

В своем исступлении он будет еще меньше бояться отдаленного будущего, мысль о котором всегда отступит на задний план перед тем, что он сочтет необходимым для своего счастья в настоящем. Всякая сильная страсть делает нас слепыми по отношению ко всему, что не является ее предметом. Страх перед карами загробной жизни, силу которого всегда умеют умалить наши страсти, не может оказать никакого влияния на злого человека, которого не страшат более близкие наказания земного закона и обеспеченная ему ненависть окружающих его существ. Человек, совершающий преступление, уверен лишь в той выгоде, которую он ожидает от преступления. Все остальное всегда кажется ему ложным или проблематичным.

---

* Нам непременно скажут, что страх перед карами загробной жизни полезен по крайней мере потому, что сдерживает монархов и вельмож, против которых бессильны всякие другие средства,— какая угодно узда все же лучше отсутствия всякой узды. Но мы уже с достаточной убедительностью доказали, что представление о загробной жизни нисколько не сдерживает государей в их поведении. Однако есть более реальная узда, способная сдерживать их и мешать им вредить обществу: надо подчинить их законам общества и отнять у них право или власть злоупотреблять силами общества, подчинив его своим прихотям. Хорошая политическая конституция, основанная на естественной справедливости и правильном воспитании, является лучшей уздой для вождей народов.

Стоит лишь открыть глаза, и мы убедимся, что нельзя рассчитывать на то, чтобы страх перед мстительным богом и его наказаниями, ослабляемый отдаленностью перспективы этих наказаний, мог оказать какое-нибудь влияние на закосневшие в преступлениях сердца. Тот, кто уговорил себя, что он не может быть счастливым, не совершая преступлений, всегда будет совершать их, несмотря на угрозы религии. Человек, настолько близорукий, чтобы не прочесть своего приговора в собственном сердце, своего осуждения на лицах окружающих, негодования и гнева в глазах судей, поставленных законом для наказания злодеяний, которые он собирается совершить, никогда не разглядит на лице судьи, которого он совсем не видит или видит лишь издали, впечатлений, произведенных его преступлениями. Тиран, который способен со спокойным сердцем выслушивать вопли и видеть слезы целого народа, обездоленного им, не увидит пылающих негодованием глаз более могущественного властелина. Когда надменный монарх уверяет, что он ответствен за свои поступки лишь перед богом, это значит, что он боится своего народа больше, чем своего бога.

Но посмотрим на другую сторону вопроса. Разве сама религия не уничтожает действия тех страхов, которые она считает спасительными для людей? Разве она не указывает своим последователям способ избавиться от наказаний, которыми она им постоянно угрожает? Разве она не говорит им, что в минуту смерти бесполезное тогда раскаяние может мгновенно обезоружить небесный гнев и очистить души грешников? Разве жрецы некоторых религий не присвоили себе право отпускать умирающим грехи, совершенные ими в их беспутной жизни? Наконец, разве самые развратные, несправедливые и преступные люди до последней минуты не рассчитывают на помощь религии, обещающей им самое верное средство примириться с оскорбленным ими божеством и избежать его суровых наказаний?

Таким образом, эти представления, столь благоприятные для спокойствия злоумышленников, и надежда на легкое искупление не только не исправляют людей, но, наоборот, склоняют их к тому, чтобы предаваться до самой смерти наиболее вопиющим порокам. Действи-

тельно, несмотря на бесчисленные выгоды, якобы вытекающие для людей из догмата о загробном существовании, несмотря на приписываемую ему мнимую способность сдерживать страсти людей, сами служители религии, столь заинтересованные в сохранении подобных взглядов, постоянно жалуются на их недостаточность; эти служители признают, что люди, которым с детства внушают такие идеи, тем не менее поддаются своим страстям и любви к удовольствиям: скованные цепью привычки, уносимые потоком светской жизни, соблазненные земными выгодами, они совершенно забывают о загробных наградах и карах. Одним словом, эти служители сознаются, что их последователи большей частью ведут себя на земле так, как будто им не на что надеяться или нечего бояться в другом мире.

Наконец, допустим на мгновение, что догмат о загробной жизни приносит некоторую пользу и действительно сдерживает небольшое количество людей в их поведении. Но что значат эти ничтожные преимущества по сравнению с массой зла, причиной которого становится данный догмат? На одного боязливого человека, которого сдерживает это учение, приходятся миллионы, которых оно не может сдержать; миллионы других оно делает безумными, жестокими, фанатичными, бесполезными и дурными; еще миллионы оно отвращает от их обязанностей по отношению к обществу; наконец, бесконечному множеству людей оно приносит огорчения и тревоги без всякой пользы для их ближних*.

---

* Многие лица, убежденные в пользе догмата о загробной жизни, считают его противников врагами общества. Однако легко убедиться, что самые просвещенные и мудрые люди древности не только верили, что душа материальна и умирает вместе с телом, но открыто нападали на сторонников учения о загробных наказаниях. Эта точка зрения была свойственна не одним только эпикурейцам, мы встречаем ее у представителей всех философских школ — пифагорейцев, стоиков и, наконец, у самых святых и добродетельных мужей Греции и Рима. Вот как говорит Пифагор в «Метаморфозах» Овидия:

«O genus attonitum gelidae formidine mortis,
Quid Styga, quid tenebras, quid nomina vana timetis,
Materiam vatum, falsique pericula mundi?»

[«О род людской, пораженный страхом хладной смерти, что

страшишься ты Стикса, загробного мрака, пустых слов, служащих материалом для поэтов, и опасностей иллюзорного мира?»]

Пифагореец Тимей из Локр[8] утверждает, что учение о загробных карах — басня, что оно предназначено только для глупой черни и совершенно не годится для просвещенных людей.

Аристотель прямо говорит, что *человеку нечего ни надеяться на добро, ни бояться зла после смерти.*

Платоники, учившие бессмертию души, не допускали все же загробных кар для нее, так как, согласно их учению, душа соединяется после смерти с божеством, частью которого она является; но никакая часть божества не может быть подвержена страданию.

Цицерон говорит, что Зенон[9] считал душу состоящей из огненной субстанции, откуда он умозаключал, что душа должна погибнуть: «Zenoni stoico animus ignis videtur. Si sit ignis, extinguetur, interibit cum reliquo corpore». [«Стоик Зенон считал, что душа — огонь. Если же душа — огонь, то она должна погаснуть и погибнуть с остальным телом».]

Этот философ-оратор, придерживавшийся взглядов Академии, не всегда был последователен; однако во многих случаях он прямо называет учение об адских муках сказками и считает смерть концом всего для человека. «Tusculan. disput.», cap. XXXVIII.

У Сенеки немало мест, в которых он указывает на смерть как на состояние полного уничтожения: «Mors est non esse. Id quale sit iam scio; hoc erit post me quod ante me fuit. Si quid in hac re tormenti est, necesse est et fuisse antequam prodiremus in lucem; atqui nullam sensimus tunc vexationem». [«Смерть есть небытие. Я знаю, что это такое: после меня будет то же, что до меня. Если в этом есть что-нибудь мучительное, то оно необходимым образом было и до нашего появления на свет, а между тем мы не чувствовали тогда никаких мучений».] Касаясь смерти брата, он говорит: «Quid itaque eius desiderio macerer, qui aut beatus, aut nullus est?» [«Что же я стану мучиться и тосковать по тому, кто или блажен, или ничто?»] Но особенное значение имеет то, что пишет Сенека в утешение Марции (гл. 19): «Cogita nullis defunctum malis affici: illa, quae nobis inferos faciunt terribiles, fabulas esse; nullas imminere mortuis tenebras; nec carcerem, nec flumina flagrantia igne, nec oblivionis amnem, nec tribunalia, et reos et in illa libertate tam laxa iterum tyrannos: luserunt ista poëtae et vanis nos agitavere terroribus. Mors omnium dolorum et solutio est et finis: ultra quam mala nostra non exeunt, quae nos in illam tranquillitatem, in qua antequam nasceremur, jacuimus, reponit». [«Подумайте о том, что умершему не угрожает никакое зло. Все то, что делает для нас загробный мир страшным,— россказни; мертвецов не охватывает мрак; там нет ни темниц, ни пылающих огненных рек, ни реки забвения, ни судилища, ни ответчиков, ни новых тиранов при той пространной тогда свободе: все это выдумали поэты, смущающие нас пустыми страхами. Смерть — разрешение и конец всех скорбей: за грань ее не простираются наши бедствия, и она вновь приводит нас в то

состояние покоя, в котором мы некогда пребывали до своего рождения».]

Наконец, вот еще одно очень важное место из сочинений этого философа; оно вполне заслуживает внимания читателя: «Si animus fortuito contempsit; si deorum hominumque formidinem eiecit, et scit non multum esse ab homine timendum, a Deo nihil; si contemptor omnium quibus torquetur vita eo perductus est, ut illi liqueat mortem nullius mali esse materiam, multorum finem». («De beneficiis», I, 7.) [«Если дух презрел случайное; если он бросил страх перед людьми и богами и знает, что от человека ему приходится страшиться немногого, а от бога — ничего; если человек умеет с презрением переносить все, что делает жизнь мучительной, то он доходит до того состояния, когда ему становится очевидным, что смерть не есть причина какого бы то ни было зла, но зато конец многих зол». («О милосердии, I, 7.)].

Сенека-трагик высказывается таким же образом, как и Сенека-философ:

«Post mortem nihil est, ipsaque mors nihil,
Velocis spatii meta novissima.
Quaeris quo jaceas post obitum loco?
Quo non nata jacent.
Mors individua est noxia corpori,
Nec parcens animae».

[«После смерти нет ничего, и сама смерть — ничто, крайний предел быстротечного пути. Ты спрашиваешь, в каком месте будешь находиться после смерти? В том же, в котором находятся нерожденные существа. Нераздельная смерть, пагубная для тела, не щадит и души».] Troades.

Эпиктет высказывает такие же взгляды в одном очень существенном месте, приводимом Аррианом[10]; вот оно в точном переводе: «Но куда вы направляетесь? Конечно, не в место страданий; вы возвращаетесь лишь в то место, откуда пришли; вы снова мирно соединитесь с элементами, из которых вышли. То, что в вас было от природы огня, вернется к элементу огня; то, что было от природы земли, соединится с землей; то, что было воздухом, соединится с воздухом; то, что было водой, растворится в воде: нет ни Ада, ни Ахерона, ни Коцита, ни Флегетона[11]». *Arrian*, Epictet, lib. 3, cap. 13. В другом месте тот же философ говорит: «Час смерти приближается. Но не усугубляйте своих бедствий, не рисуйте себе вещей хуже, чем они на деле. Представляйте их себе под правильным углом зрения. Пришло время, когда материал, из которого вы составлены, распадется на элементы, откуда он был первоначально взят. Что страшного и горестного в этом? Разве есть что-нибудь в мире, что целиком погибает?» *Arrian*, Epictet, lib. 4, cap. 7, § 1.

Наконец, мудрый и благочестивый Антонин говорит: «Тот, кто боится смерти, либо боится потерять всякое чувство, либо боится испытать какие-то новые ощущения. Если вы лишаетесь всякого чувства, то вы не подвержены более страданиям и

Глава XIV

ЧТОБЫ СДЕРЖАТЬ ЛЮДЕЙ, ДОСТАТОЧНО ВОСПИТАНИЯ, НРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОВ; О ЖЕЛАНИИ БЕССМЕРТИЯ, О САМОУБИЙСТВЕ

Таким образом, мотивы, определяющие поведение людей на земле, следует искать не в каком-то идеальном, существующем лишь в воображении мире. Истинные побудительные причины, отвращающие людей от преступлений и наставляющие их на путь добродетели, мы найдем в чувственном, земном мире. В природе, опыте, истине следует искать средства против терзающих человечество бедствий и побуждения, способные внушить человеческому сердцу склонности, полезные для блага общества.

Если отнестись со вниманием к сказанному в этом сочинении, то легко убедиться, что настоящие средства для борьбы с нашими заблуждениями может дать главным образом воспитание. Именно воспитание должно посеять в наших сердцах семена добра и взрастить полученные таким образом благие зачатки, соответствующим образом использовать способности и склонности разных людей, поддержать пламя их воображения, разжигая

горю. Если вы приобретаете другие чувства отличной природы, то вы становитесь существом совершенно отличного вида».

Этот великий император говорит в другом месте, что надо ожидать смерти со спокойствием, «так как она не что иное, как разложение элементов, из которых составлено всякое животное». (*Марк Антонин*, Размышления, кн. II, § 17; кн. 8, § 58.)

К этим свидетельствам стольких великих людей языческой древности можно прибавить свидетельство автора «Экклезиаста», который говорит о смерти и о судьбе человеческой души в духе настоящего эпикурейца: «Unus interitus est hominis et jumentorum et aequa utriusque conditio: sicut moritur homo, sic et illa moriuntur: similiter spirant omnia et nihil habet homo jumento amplius». («Ecclesiast», cap. 3, vers 19.) [«Участь сынов человеческих и животных одна и та же. Как те, так и эти умирают, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом». («Экклезиаст», гл. 3, ст. 19.)]

Наконец, как могут христиане примирить пользу или необходимость догмата о загробной жизни с глубоким молчанием, которое хранил по этому считающемуся столь важным вопросу боговдохновенный законодатель евреев?

его по отношению к одним предметам и гася по отношению к другим, и, наконец, сообщить душам привычки, полезные для индивидов и общества. Воспитанные подобным образом, люди без всяких небесных наград будут знать цену добродетели; их не нужно будет страшить адским пламенем, чтобы внушить им отвращение к преступлению. Природа и без этих басен гораздо лучше научит их обязанностям по отношению к самим себе, а закон — их обязанностям по отношению к обществам, членами которых они являются. Так воспитание сформирует для государства граждан; представители власти станут отличать сформированных воспитанием граждан в зависимости от выгод, доставляемых ими отечеству; они будут наказывать тех, кто вреден ему; они покажут гражданам, что воспитание и нравственность не напрасно манили их обещаниями и что в благоустроенном государстве добродетель и таланты ведут к счастью, а бесполезность или преступление — к несчастью и всеобщему презрению.

Справедливое, просвещенное, добродетельное, бдительное правительство, искренне стремящееся к общественному благу, не нуждается в лживых баснях, чтобы управлять разумными подданными. Ему было бы стыдно пользоваться выдумками для обмана граждан, знающих свой долг, подчиняющихся справедливым законам в силу правильно осознанного интереса, способных понимать добро, которое им хотят сделать. Такое правительство знает, что общественное мнение оказывает на порядочных людей большее влияние, чем страх перед законом. Оно знает, что привычка может сама по себе внушить отвращение даже к скрытым преступлениям, ускользающим от взоров общества. Оно знает, что реальные наказания в этом мире действуют на грубых людей сильнее, чем кары в отдаленном и неопределенном будущем. Наконец, оно знает, что осязаемые блага, находящиеся в распоряжении верховной власти, действуют на воображение смертных сильнее, чем те туманные награды, которые им обещают в будущем.

Во всех странах люди так дурны, развращены, неразумны лишь потому, что ими нигде не управляют сообразно их природе и их не обучают ее необходимым зако-

нам. Повсюду их питают бесполезными иллюзиями; повсюду они подчинены правителям, которые пренебрегают просвещением народов или стараются только обманывать их. Мы видим на земле лишь несправедливых, неспособных, изнеженных роскошью, испорченных лестью, развращенных распущенностью и безнаказанностью, лишенных талантов, нравственности и добродетели монархов. Равнодушно относясь к своим обязанностям, которых они часто не знают, государи мало заняты благополучием своих народов. Их внимание поглощено бесполезными войнами или желанием постоянно изыскивать средства для утоления своей ненасытной алчности. Их ум совсем не обращается к предметам, самым важным для счастья их государств. Заинтересованные в сохранении традиционных предрассудков, они вовсе не думают о том, чтобы бороться с ними. Наконец, не понимая, что в интересах человека быть добрым, справедливым, добродетельным, они обыкновенно награждают лишь полезные им пороки и наказывают добродетель, противоречащую их неразумным страстям. Если правители таковы, то не удивительно, что их государства разорены испорченными людьми, без зазрения совести угнетающими слабых, которые хотели бы подражать сильным. Общественное состояние — это состояние войны монарха со всеми его подданными и всех членов общества друг с другом*. Человек дурен не потому, что рождается дурным, но потому, что его делают таким. Знатные и могущественные люди безнаказанно угнетают бедных и несчастных, последние же, рискуя своей жизнью, стараются отплатить им за все

* Надо заметить, что в отличие от Гоббса я не утверждаю, будто естественное состояние — это состояние войны; я утверждаю, что люди по природе ни хороши, ни дурны; они одинаково способны стать как хорошими, так и дурными в зависимости от того, как их модифицируют, или в зависимости от того, в чем их учат видеть свой интерес. Люди так склонны вредить друг другу, потому что все содействует разделению их интересов. Каждый живет, так сказать, изолированно в обществе, вожди которого пользуются раздорами граждан, чтобы подчинить себе одних с помощью других. Divide et impera (разделяй и властвуй)— вот правило, которому инстинктивно следуют все дурные правительства. Тираны ошиблись бы в своих расчетах, если бы в их распоряжении были только добродетельные люди.

то зло, какое им приходится терпеть. Они стараются открыто или тайно вредить родине-мачехе, наделяющей некоторых из своих детей всем, а у других отнимающей все. Они мстят ей за ее пристрастие и доказывают своим поведением, что ужасы загробной жизни бессильны против страстей, пробужденных испорченным правительством, и даже страх перед земными наказаниями слабее необходимости, преступных привычек и опасного склада людей, не исправленных воспитанием.

Во всех странах нравственность народов находится в полном пренебрежении, а правительства заняты лишь заботой о том, как сделать народы робкими и несчастными. Человек почти повсюду на положении раба. Не удивительно, что он своекорыстен, лицемерен, холопски настроен, лишен чувства чести — словом, обладает пороками, характерными для его состояния. Повсюду его обманывают и удерживают в невежестве, повсюду ему мешают просветить свой ум; не удивительно, что он повсеместно обнаруживает тупость, безрассудство, злобность. Повсюду он видит преступление и порок в почете и заключает поэтому, что порок есть благо, а добродетель возможна только как самопожертвование. Повсюду он несчастен и поэтому, желая облегчить свой удел, вредит своим ближним. Напрасно, желая сдержать его, ему указывают на небо: его взоры вскоре снова обращаются к земле, на которой он во что бы то ни стало хочет быть счастливым; и законы, не позаботившиеся ни о его просвещении, ни о его нравственности, ни о его счастье, без всякой пользы угрожают ему и наказывают его за несправедливое пренебрежение законодателей. Если бы политика, став более разумной, серьезно занималась просвещением и счастьем народа, если бы законы были более справедливы, если бы каждое общество было менее пристрастным и обеспечивало всем своим членам то воспитание, ту заботу и помощь, каких они вправе от него требовать, если бы менее алчные и более заботливые правительства ставили перед собой задачу сделать своих подданных более счастливыми, то на свете не было бы такого огромного количества злодеев, воров, убийц, их не приходилось бы лишать жизни, наказывая за злодеяния, чаще всего зависящие от поро-

ков общественных учреждений, и не нужно было бы искать в какой-то загробной жизни иллюзий, неизбежно бессильных против реальных страстей и потребностей людей. Одним словом, если бы народ был более просвещен и счастлив, политикам не нужно было бы ни обманывать его, чтобы удерживать его от волнений, ни губить столько несчастных за то, что те добывают себе необходимые для жизни средства за счет излишка их жестокосердных сограждан.

Кто хочет просвещать человека, должен всегда показывать ему истину. Вместо того чтобы воспламенять его воображение мыслью о каких-то мнимых благах в будущем, пусть облегчат его положение, окажут ему помощь или по крайней мере позволят ему наслаждаться плодами своего труда, пусть не налагают на него тяжелых налогов и не отнимают у него таким образом его достояния, пусть не отбивают у него желания трудиться, пусть не побуждают его к праздности, которая приведет его к преступлению. Пусть человек заботится о своем земном существовании, не думая о том, что ожидает его после смерти. Пусть вознаграждают его таланты, пусть побуждают его к деятельности, пусть поощряют в нем трудолюбие, доброжелательность к людям, добродетель в этой земной жизни. Пусть ему покажут, что его поступки могут влиять на ближних, а не на воображаемые существа, помещенные в каком-то иллюзорном мире. Пусть ему не говорят о карах, которые якобы предстоит ему испытать по воле божества, когда он вовсе не будет существовать. Пусть он убедится, что общество вооружено против тех, кто нарушает его покой; пусть ему покажут последствия ненависти его сограждан; пусть он научится ценить их любовь; пусть он научится уважать самого себя; пусть он имеет честолюбивое желание заслужить уважение своих ближних и пусть знает, что для этого надо обладать добродетелью и что добродетельному человеку в благоустроенном обществе нечего бояться ни со стороны людей, ни со стороны богов.

Если мы желаем воспитать добродетельных, трудолюбивых, мужественных, полезных своей стране граждан, постараемся не внушать им с детства необоснованного страха смерти; не будем тешить их воображение

чудесными баснями; не станем занимать их мысли вопросом о каком-то бесполезном для них будущем, не имеющем ничего общего с их подлинным благополучием. Будем говорить о бессмертии мужественным и благородным людям: изобразим его как награду за труды тем энергичным людям, которые устремляются за грани своего теперешнего существования и, не довольствуясь восхищением и любовью своих современников, желают добиться признательности грядущих поколений. Действительно, существует бессмертие, на которое вправе притязать гений, талант, добродетель; не будем порицать, не будем гасить благородной, основанной на нашей природе страсти, полезные плоды которой пожинает общество.

Мысль о полном забвении после смерти, об утрате всего общего с людьми и всякой возможности влиять на них тягостна решительно для всякого человека; но она особенно невыносима для тех, кто наделен пылким воображением. Желание бессмертия, или жизни в памяти людей, всегда было свойственно великим душам. Оно было побудительной причиной поступков всех тех, кто играл великую роль на земле. Герои как добродетели, так и порока, философы и завоеватели, гении и таланты, возвышенные личности, которые делают честь человеческому роду, равно как и знаменитые злодеи, которые являются его позором, во всех своих начинаниях считались с потомством. Они льстили себя надеждой продолжать влиять на души людей, когда их самих уже не будет. Если обыкновенный человек не простирает своих помыслов так далеко, то все же он тешит себя мыслью, что возродится в своих детях, которые, как ему известно, должны пережить его, носить его имя, сохранять память о нем, представлять его в обществе. Для них он строит свою хижину, для них сажает дерево, которого никогда не увидит во всем его цвете, для их счастья трудится. Огорчения сильных мира, этих столь часто бесполезных обществу людей, когда они теряют надежду на продолжение своего рода, происходят от страха перед окончательным забвением. Они понимают, что бесполезный человек умирает целиком. Мысль о том, что их имя будет на устах у людей,

что его будут произносить с нежностью, что оно станет возбуждать в сердцах приятные чувства,— полезная иллюзия, лестная даже для тех, кто знает, что это уже ничего не изменит. Человеку приятно думать, что он будет оказывать влияние и останется чем-то в мире даже по завершении своего земного существования; он мысленно принимает участие в делах, разговорах, планах будущих поколений; он был бы очень несчастен, если бы считал себя исключенным из их общества. Почти у всех народов законы считались с этими чувствами: они пытались утешить людей в неизбежности смерти тем, что давали им возможность проявлять свою волю долгое время после смерти. Эта внимательность законодательства к мертвецам заходит так далеко, что последние часто распоряжаются судьбой живых в течение длинного ряда лет.

Все доказывает нам наличие в человеке желания пережить самого себя. Пирамиды, мавзолеи, памятники, эпитафии — все показывает нам, что человек желает продлить свое существование даже после смерти. Он чувствителен к суду потомства. Для потомства пишет свои труды ученый, на удивление ему возводит величественные здания монарх, похвалы потомства звучат в ушах великого человека, к его суду апеллирует добродетельный гражданин против несправедливых или пристрастных современников. Счастливая мечта, сладкая иллюзия, кажущаяся реальностью людям с пылким воображением! Она способна порождать и поддерживать энтузиазм гения, мужество, величие духа, таланты, а иногда сдерживать излишества сильных мира, часто тревожащихся по поводу суда потомства, которое, как они знают, рано или поздно отомстит за несправедливое зло, причиненное живущим.

Таким образом, ни один человек не хочет быть окончательно вычеркнут из памяти ближних; у немногих людей хватит дерзости пренебречь судом грядущего человечества и унизиться в его глазах. Найдется ли существо, равнодушное к удовольствию вызвать слезы у тех, кто будет жить после него, действовать еще на их души, занимать их мысль, оказывать на них влияние даже из глубины могилы? Заставим же молчать суевер-

ных меланхоликов, осмеливающихся порицать чувство, из которого вытекает столько выгод для общества; не будем слушать равнодушных философов, требующих от нас, чтобы мы уничтожили этот великий двигатель наших душ; не станем обольщаться сарказмами сластолюбцев, презирающих бессмертие, стремиться к которому у них нет силы. Желание нравиться потомству и сделать свое имя приятным будущим поколениям — это достойное уважения побуждение, когда оно заставляет предпринимать дела, которые могут оказаться полезными для несуществующих еще людей и народов. Не будем считать безрассудным энтузиазм тех могучих и благодетельных гениев, острый взор которых проник до нас из далекого прошлого, которые думали о нас, жаждали нашей похвалы, писали для нас, обогатили нас своими открытиями и излечили нас от наших заблуждений. Окажем им то уважение, которое они ждали от нас, если им отказали в нем несправедливые современники. Принесем хотя бы их праху дань признательности за доставленные нам ими удовольствия и пользу. Оросим своими слезами урны Сократов, Фокионов; смоем пятно, наложенное на человеческий род их страданиями; искупим своим сожалением неблагодарность афинян; научимся на их примере опасаться религиозного и политического фанатизма и будем остерегаться преследовать тех, кто борется против наших предрассудков, так как в их лице мы преследуем заслугу и добродетель.

Рассыплем цветы на могилах Гомера, Тассо, Мильтона. Почтим бессмертные тени этих счастливых гениев, песни которых и теперь еще вызывают в наших сердцах самые высокие чувства. Благословим память всех благодетелей народов, бывших отрадой рода человеческого; воздадим поклонение добродетелям Титов, Траянов, Антонинов, Юлианов; удостоимся в своей области похвал будущих поколений и будем всегда помнить, что наша смерть вызовет сожаление наших ближних только в том случае, если мы обнаружим перед ними свои таланты и добродетели. Погребальные кортежи могущественнейших монархов редко вызывают слезы народов: обыкновенно еще при жизни таких монархов

источник этих слез бывает иссушен. Имена тиранов вызывают ужас при их произнесении. Трепещите же, жестокие цари, разоряющие народы, повергающие их в слезы, превращающие землю в бесплодное кладбище; трепещите при виде кровавых черт, которыми наделит вас перед лицом потомства разгневанный историк! Ни ваши пышные памятники, ни ваши грандиозные победы, ни ваши бесчисленные армии не помешают потомству оскорбить ваш ненавистный прах и отомстить вам, таким образом, за ваши злодейские преступления по отношению к его предкам!

Человек не только с прискорбием предвидит свою кончину, но и желает также, чтобы его смерть как-то затрагивала и других людей. Однако, как мы только что сказали, необходимо иметь таланты, добрые дела, добродетели, чтобы окружающие нас люди заинтересовались нашей судьбой и выразили сожаление по поводу нашей смерти. Не удивительно поэтому, что смерть большинства людей, занятых только самими собой, своими глупыми и суетными планами, мыслью об удовлетворении своих страстей в ущерб благополучию и нуждам жен, семей, детей, друзей, общества, не вызывает никакого сожаления и они вскоре оказываются забытыми. Существовало множество монархов, о которых история рассказывает нам только то, что они жили. Несмотря на бесполезность существования большинства людей, их беззаботное отношение к оценке окружающих их людей и даже неприятное для последних поведение, каждый человек, подстрекаемый голосом самолюбия, все же думает, что его смерть должна явиться событием, и воображает, что весь порядок вещей должен перевернуться из-за его кончины. О жалкий и слабый человек! Разве ты не знаешь, что Сезострисы, Александры, Цезари умерли? Между тем ход вещей на земле от этого нисколько не изменился. Смерть этих знаменитых победителей, горестная для некоторых удостоенных их милости рабов, была радостно встречена всем человеческим родом. Она вернула народам по крайней мере надежду на то, чтобы когда-нибудь вздохнуть свободно. Думаешь ли ты, что твои таланты должны интересовать человеческий род и твоя смерть

должна погрузить его в траур? Увы! Такие люди, как Корнель, Локк, Ньютон, Бейль, Монтескье, умерли, оплакиваемые немногочисленными друзьями, которые вскоре нашли утешение в разного рода развлечениях; для большинства же сограждан смерть их была совершенно безразличным событием. Смеешь ли ты льстить себя надеждой, что твои титулы, богатства, связи, пышные пиршества и разнообразные удовольствия сделают твою смерть памятным событием? О ней будут говорить в течение двух дней, и не удивляйся этому. Знай, что некогда в Вавилоне, Сардах[1], Карфагене и Риме умерло множество более знаменитых, могущественных, богатых, сластолюбивых граждан, чем ты, а их имен никто не подумал передать тебе. Будь же добродетельным, о человек! В этом случае, где бы тебя ни поставила судьба, ты будешь счастлив при жизни. Твори добро — и тебя будут любить; приобрети таланты — и тебя станут уважать. Потомство будет восхищаться тобой, если эти полезные для него таланты сохранят для него имя, которым некогда называли твое исчезнувшее существо. Но вселенная не изменится от твоей гибели, а когда ты будешь умирать, твой ближайший сосед будет, может быть, ликовать, между тем как твоя жена, твои дети, твои друзья будут поглощены печальной заботой о том, чтобы закрыть твои глаза.

Будем же думать о своей будущей судьбе лишь для того, чтобы стать полезными тем, с кем мы живем. Станем ради нашего собственного счастья приятными нашим родным, детям, близким, друзьям, слугам; заслужим уважение наших сограждан; станем верно служить отечеству, обеспечивающему нам благополучие; пусть желание нравиться потомству заставит нас совершить дела, которые вызовут его похвалу; пусть законная любовь к себе заставит нас заранее наслаждаться прелестью похвал, которых мы добиваемся; а когда мы окажемся достойными их, научимся любить и уважать себя, то не допустим того, чтобы скрытые пороки и тайные преступления унижали нас в собственных глазах и заставляли краснеть за самих себя.

Преисполнившись такого настроения, станем взирать на нашу смерть с тем же равнодушием, с каким

посмотрит на нее большинство людей. Станем мужественно ожидать ее, избавившись от пустых страхов, которыми желают запугать нас. Предоставим обольщающегося фантазера его неопределенным надеждам; оставим мрачному суеверу тревоги, которыми он питает свою меланхолию. Но пусть просвещенные люди не боятся смерти, несущей с собой уничтожение всех чувств.

Несмотря на всю привязанность к жизни и страх смерти, мы постоянно наблюдаем, что сила привычки, общественного мнения, предрассудков способна уничтожить в нас эти страсти и заставить нас бесстрашно рисковать жизнью. Под влиянием честолюбия, гордости, тщеславия, скупости, любви, ревности, жажды славы, преклонения перед общественным мнением, которое называют *честью*, мы закрываем глаза на все опасности и идем на смерть. Огорчения, душевные муки, немилость, неудачи смягчают в наших глазах отвратительные черты смерти и заставляют видеть в ней тихую пристань, где мы сможем укрыться от несправедливости наших ближних. Нужда, болезни и удары судьбы примиряют нас с мыслью об этой столь ужасной для счастливцев смерти. Бедняк, обреченный на вечный каторжный труд и лишенный радостей жизни, равнодушно смотрит на ее приближение; неудачник, будучи безнадежно несчастен, в своем отчаянии приветствует ее и сам ускоряет ее приход, убедившись, что счастье создано не для него.

В разные эпохи и в разных странах люди по-разному относились к тем, кто сам мужественно сводил счеты с жизнью. Взгляды людей в этом вопросе, как и во всех других, определялись их политическими и религиозными учреждениями. Греки, римляне и другие народы, от которых обстоятельства постоянно требовали мужества и решительности духа, считали героями и богами тех, кто добровольно кончал с собой. В Индостане брамины умеют внушать женщинам мужество и заставлять их сжигать себя над трупом мужа. Японцы по малейшему поводу прибегают к помощи кинжала, прекращающего их дни.

У европейских народов религия приучила людей бережнее относиться к своей жизни; она внушила им,

что их бог, пожелавший, чтобы они страдали, и наслаждающийся их муками, разрешает им постепенно губить себя и таким образом затягивать свои страдания, но не позволяет им сразу оборвать нить своего существования и самим распорядиться жизнью, которую он им даровал.

Оставив в стороне религиозные идеи, моралисты утверждали, что человек не вправе нарушать договор, заключенный им с обществом. Другие мыслители видели в самоубийстве трусость; они полагали, что только слабые и малодушные люди позволяют року сломить себя, и утверждали, что гораздо больше мужества и величия духа обнаруживают те, кто переносит свои страдания и борется с ударами судьбы.

Если, пытаясь выяснить этот вопрос, мы обратимся за советом к природе, то увидим, что все действия людей, этих жалких игрушек необходимости, неизбежны и зависят от причины, движущей ими помимо их ведома, вопреки им и всегда заставляющей их исполнять ее повеления. Когда та самая сила, которая побуждает все разумные существа дорожить жизнью, делает ее столь мучительной, тягостной, ненавистной и невыносимой для какого-нибудь человека, то ясно, почему он покидает круг себе подобных: гармония природы нарушена для него, и, лишая себя жизни, он исполняет веление природы, не разрешающей ему существовать. Эта природа в течение тысячелетий выковывала в глубине земли то острое оружие, которое должно прекратить его существование.

Если мы рассмотрим взаимоотношения человека с природой, то убедимся, что связывающие их обязательства не были ни добровольны, если иметь в виду человека, ни взаимны, если иметь в виду природу или ее творца. Воля человека не играет никакой роли при его рождении, обычно он вынужден умереть вопреки своему желанию, а все его поступки, как мы доказали, являются лишь необходимыми следствиями неизвестных причин, определяющих его волю. В руках природы он то же самое, что шпага в его собственной руке: если бы последняя выпала из его рук, то было бы странно обвинять ее в том, что она нарушила принятые на себя

обязательства или обнаружила неблагодарность по отношению к ее владельцу. Человек может любить бытие только в том случае, если он счастлив. Но, если вся природа отказывает ему в счастье, если все окружающее становится ему в тягость, если мысль рисует ему только горестные, печальные картины, он вправе покинуть место, где не находит для себя никакой опоры; он, собственно, уже не существует, висит где-то в пустоте и не может быть полезным ни себе самому, ни другим.

Договор между человеком и обществом, как и всякий договор, должен быть условным и взаимным, т. е. предполагающим обоюдные выгоды для заключающих его сторон. Гражданин может быть связан с обществом, с отечеством, со своими согражданами только узами счастья: если эти узы разорваны, он вправе считать себя свободным. Если общество или те, кто его представляет, обращаются с ним грубо, несправедливо, делая его жизнь невыносимой; если нужда и позор угрожают ему при полном равнодушии и жестокосердии со стороны окружающих; если вероломные друзья отказываются от него в несчастье; если неверная жена наносит удар его сердцу или неблагодарные, буйные дети делают печальной его старость; если он видит свое счастье только в обладании чем-нибудь таким, чего не может достать; наконец, если по какой бы то ни было причине огорчения, угрызения совести, печаль, отчаяние делают для него невыносимым зрелище мира и у него нет сил перенести эти несчастья, пусть он покинет этот мир, являющийся для него лишь отвратительной пустыней, пусть навсегда удалится из безжалостного отечества, не относящегося к нему, как к своему сыну, пусть уйдет из дома, грозящего обрушиться на его голову, пусть откажется от общества, ради счастья которого не может больше работать и которое может стать для него дорогим лишь во имя собственного счастья. Станут ли порицать человека, который, оказавшись бесполезным и лишенным средств в городе, где он родился по воле судьбы, удрученный горем, удалится в уединение? В таком случае по какому праву будем мы порицать того, кто убивает себя из

отчаяния? Разве умирающий человек также не уходит в своего рода одиночество? Смерть — единственное лекарство от отчаяния; кинжал — единственный друг и утешитель несчастного. Пока у него сохраняется надежда, пока его бедствия кажутся ему терпимыми, пока он рассчитывает, что они когда-нибудь кончатся, и находит еще какую-нибудь усладу в жизни, он не согласится лишить себя жизни. Но жизнь становится величайшим из мучений, а смерть — обязанностью того, кто хочет избавиться от них, если ничто не поддерживает в нем желания жить*.

Общество, которое не может или не хочет доставить нам никакого блага, теряет все свои права на нас; природа, упорно делающая нас несчастными, повелевает нам покинуть ее; умирая, мы исполняем в этом случае одно из ее требований, как мы это сделали, вступив в жизнь. Для того, кто согласен умереть, не существует таких бедствий, против которых нет средств; для того, кто отказывается умереть, существуют еще блага, связывающие его с жизнью. В этом случае пусть он соберет свои силы и противопоставит преследующему его року оставленные ему природой мужество и средства; пока природа не лишила его чувства удовольствия и надежды увидеть конец своих мучений, она еще не совсем покинула его. Что касается суеверного человека, то его страданиям нет конца; он не может надеяться на прекращение их**. Его религия

* «Malum est in necessitate vivere, sed in necessitate vivere nulla necessitas est. Quidni nulla sit? Patent undique ad libertatem viae multae, breves, faciles. Agamus Deo gratias, quod nemo in vita teneri possit». [«Жить в необходимости есть зло, но нет никакой необходимости жить в необходимости. Что если ее вовсе нет? Повсюду открыты многочисленные, краткие, легкие пути к свободе. Возблагодарим бога за то, что никто не может удержать нас в этой жизни».] *Senec.*, Epist., 12.

** Христианство и гражданские законы христиан очень непоследовательны в своем порицании самоубийства. В Ветхом завете мы находим самоубийц в лице Самсона, Элеазара, т. е. людей, весьма угодных богу. Христианский Мессия, или сын божий, был, очевидно, если верить тому, что он умер совершенно добровольно, самоубийцей. То же самое можно сказать о многих мучениках, добровольно шедших на смерть, а также о тех фанатиках аскетизма, которые посредством религиозного подвижничества мало-помалу уничтожают себя.

приказывает ему продолжать мучиться; она запрещает ему прибегнуть к смерти, которая является для него лишь вступлением в новое горестное существование; он будет присужден к вечному наказанию, если осмелится предупредить не торопящегося со своими решениями жестокого бога, который наслаждается, видя человека доведенным до отчаяния, и не желает, чтобы последний покинул без воли божьей указанное ему место.

Люди руководствуются в своих суждениях собственным способом восприятия. Они называют слабостью или безумием насильственные действия, которые кажутся им не соответствующими своим причинам или которые, по-видимому, идут вразрез со счастьем — этой предполагаемой целью устремлений всякого находящегося в здравом уме существа. Мы называем слабым человека, на которого сильно действует то, что нас очень мало трогает, или который не способен перенести несчастье, которое мы, как нам кажется, перенесли бы с гораздо большей твердостью. Мы называем сумасшедшим, неистовым, безумным человека, жертвующего своей жизнью, этим величайшим, на наш взгляд, благом, ради предметов, не заслуживающих, по нашему мнению, подобной жертвы. Так мы всегда возводим себя в роль судей счастья, образа мысли и воззрений других людей. Скряга, убивающий себя после потери своих сокровищ, кажется безумцем тому, кто менее привязан к богатству. Последний не понимает, что для скряги жизнь без денег — нескончаемая пытка и ничто в этом мире не может заставить его забыть свою муку. Он скажет вам, что на месте этого скряги поступил бы иначе; но, чтобы оказаться в точности на месте какого-либо человека, надо обладать его организацией, темпераментом, страстями, идеями, надо быть им, находиться в тех же самых обстоятельствах, испытывать действие тех же самых причин, а в этом случае всякий человек подобно скряге лишил бы себя жизни, потеряв единственный источник своего счастья.

Тот, кто лишает себя жизни, решается на эту крайнюю меру, столь противоречащую естественному устремлению человека, лишь в том случае, если ничто

на свете не способно доставить ему радость или отвлечь его от страдания. Каково бы ни было его несчастье, для него оно носит вполне реальный характер; его организация — крепкая или слабая — есть именно его, а не чья-то организация, мнимый больной страдает весьма реальным образом, и тяжелые сны доставляют нам самые подлинные неприятности. Поэтому, если какой-нибудь человек убивает себя, мы должны заключить отсюда, что жизнь перестала быть для него благом и стала большим злом, существование потеряло в его глазах все свое очарование, во всей природе его вичто больше не привлекает, эта природа не представляет для него никакого интереса и его ненормальный рассудок, сравнив существование с несуществованием, предпочитает последнее первому. Вероятно, найдется немало лиц, которые сочтут опасными теории, разрешающие несчастным людям вопреки общепринятым предрассудкам прекращать свое существование. Но в действительности вовсе не эти теории побуждают людей принимать столь серьезное решение; его причины — ожесточившийся благодаря несчастиям характер, желчный и меланхолический темперамент, какой-нибудь изъян и расстройство в телесной организации. Не отвлеченные рассуждения,' а необходимость порождает в человеке мысль о самоуничтожении. Пока в нем еще говорит голос рассудка или он еще питает надежду, эту верховную утешительницу во всех бедствиях, ничто не толкает его на этот поступок. Но если какой-нибудь несчастный не может забыть своих неудач и мучений, если у него на уме всегда только его страдания, то он вынужден считаться только с ними. Кроме того, каких выгод, какой пользы может ожидать общество от доведенного до отчаяния неудачника, от удрученного печалью и терзаемого угрызениями совести мизантропа, у которого нет больше побуждений приносить пользу обществу и который не думает даже о самом себе, не находя интереса в продлении своей жизни? Разве это общество не стало бы более счастливым, если бы удалось убедить дурных людей уйти самим, а не ждать, чтобы законы, насильственно устранив их, прекратили их вредную для общества деятельность? И разве не стали

бы счастливей эти дурные люди, предупредив добровольной смертью ожидающие их позор и муки?

Так как жизнь обычно является для человека величайшим из всех благ, то надо предположить, что тот, кто лишает себя ее, действует под влиянием какой-то непреодолимой силы. Только непомерное несчастье, отчаяние или вызванное меланхолией расстройство организма толкают человека на самоубийство. Человек, раздираемый противоположными стремлениями, вынужден, как было сказано выше, идти средним путем, который ведет его к могиле: если в своей жизни человек не свободен ни на мгновение, то он менее всего свободен в том конечном акте, которым сводит свои счеты с жизнью*.

Итак, мы видим, что тот, кто убивает себя вопреки ходячему мнению, вовсе не наносит оскорбления природе или, если угодно, ее творцу. Выбирая единственный оставленный ему природой путь, чтобы избавиться от своих страданий, он следует данному ею импульсу; он уходит из жизни через дверь, которую она оставила ему открытой. Следуя закону необходимости, он не может оскорбить ее; железная рука необходимости, отняв тот стимул, который делал жизнь желанной для него и побуждал к заботе о самосохранении, предписывает ему выйти из круга, или системы, где он чувствует себя слишком плохо, чтобы желать там оставаться. Отечество или семья не вправе жаловаться на своего члена, которого они не могут сделать счастливым и от которого ничего не могут ждать для себя. Чтобы человек мог быть полезным своему отечеству или своей семье, он должен любить свое существование, должен стремиться к самосохранению, ценить узы, соединяющие его с другими людьми, и быть способным содействовать их счастью. Наконец, допуская, что самоубийца будет наказан в загробной жизни и раскается там в своем поспешном поступке, надо допустить, что он переживет самого себя и, следовательно, унесет с собой в загроб-

* Самоубийства, говорят, очень распространены в Англии, климат которой порождает у ее жителей меланхолию. Самоубийц в этой стране называют *сумасшедшими*: их болезнь не вызывает, по-видимому, большего осуждения, чем мозговое расстройство.

ное обиталище свои органы чувств, ощущения, память, идеи, теперешний способ действия и мышления.

Одним словом, нет ничего более полезного, чем внушить людям презрение к смерти и изгнать из их ума привитые им ложные представления о ее последствиях. Страх смерти будет всегда порождать лишь трусов, страх ее мнимых последствий будет порождать лишь фанатиков или благочестивых меланхоликов, бесполезных для самих себя и других. Смерть — это прибежище, которого не следует отнимать у угнетенной добродетели, поскольку людская несправедливость часто доводит ее до отчаяния. Если бы люди меньше боялись смерти, то они не были бы ни рабами, ни суеверами, истина нашла бы более ревностных приверженцев, права человека — более смелую поддержку, борьба с заблуждением велась бы энергичнее, а тирания была бы навсегда изгнана из среды народов: трусость питает, а страх увековечивает ее. Одним словом, люди не сумеют быть ни довольными, ни счастливыми, пока их взгляды будут заставлять их жить в постоянном трепете.

Глава XV

ОБ ИНТЕРЕСАХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ ОБ ИХ ИДЕЯХ СЧАСТЬЯ; ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ БЕЗ ДОБРОДЕТЕЛИ

Польза, как мы уже сказали, должна быть единственным мерилом людских суждений. Быть полезным — значит содействовать счастью своих ближних; быть вредным — значит содействовать их несчастью. Исходя из этого, рассмотрим, выгодны или вредны, полезны или бесполезны человечеству установленные нами до сих пор принципы. Если человек всю свою жизнь ищет счастья, то он должен одобрять лишь то, что доставляет ему счастье или дает средства добиться его.

Все вышеизложенное уже должно было помочь нам разобраться в вопросе о том, что такое счастье: мы показали, что счастье представляет собой лишь дли-

тельное удовольствие*. Но, чтобы какой-нибудь предмет нравился нам, необходимо, чтобы впечатление, которое он на нас производит, восприятия и идеи, которые мы от него получаем,— одним словом, движения, которые он в нас вызывает, соответствовали нашей организации, нашему темпераменту, нашей индивидуальной природе, модифицированной привычкой и множеством обстоятельств, которые определяют наш более или менее постоянный или временный образ жизни. Для этого необходимо, чтобы воздействие на нас предмета или наши идеи о нем не ослабевали и не уничтожались, а, наоборот, всегда усиливались; чтобы этот предмет, не утомляя, не истощая и не расстраивая наших органов, сообщал нашему организму ту степень активности, в которой он постоянно нуждается. Какой же предмет соединяет в себе все эти качества? У какого человека органы могут непрерывно работать, не утомляясь, не истощаясь, не испытывая болезненного ощущения? Человек всегда хочет жить и чувствовать с максимальной интенсивностью, пока это можно осуществлять без страдания. Он часто даже готов скорее страдать, чем ничего не чувствовать. Он привыкает к тысяче вещей, которые вначале вызывают в нем неприятные ощущения, а под конец часто превращаются в новые потребности или же совсем перестают действовать на него**. Действительно, где найти предметы, способные в любой момент доставлять нам дозу активности, соответствующую нашей организации с ее вечной подвижностью и колебаниями? Самые интенсивные удовольствия всегда и самые краткие, так как они особенно сильно истощают наш организм.

---

* См. ч. I, гл. IX этого сочинения.

** Примерами этого являются табак, кофе и в особенности водка, с помощью которых европейцы поработили негров и смирили дикарей. Может быть, поэтому же мы любим посещать трагические представления, а народ собирается на казни преступников, являющиеся для него своего рода трагическими спектаклями. Одним словом, жажда сильных ощущений является, по-видимому, источником любопытства и жадного интереса, с которым мы хватаемся за чудесное, сверхъестественное, непонятное и вообще все то, что заставляет сильно работать наше воображение. Люди привязаны к своей религии так, как дикари к водке.

Чтобы мы могли быть счастливыми без всяких перерывов, силы нашего организма должны быть неисчерпаемы; наш организм должен соединять с подвижностью несокрушимую крепость и прочность либо предметы, сообщающие ему движения, должны обладать способностью приобретать или терять известные качества в зависимости от различных состояний, через которые вынужден последовательно проходить наш организм, а свойства вещей должны изменяться в зависимости от изменений в наших способностях, подчиненных непрерывному влиянию тысяч причин, которые воздействуют на нас без нашего ведома и вопреки нам. Если наш организм во всякий момент испытывает более или менее заметные изменения, зависящие от величины давления, тяжести, прозрачности воздуха, теплоты и степени жидкости нашей крови, порядка и гармонии между различными частями нашего тела; если в любое мгновение нашей жизни мы не обладаем одинаковым напряжением нервов, одинаковой упругостью волокон, одинаковой активностью мысли, одинаковым жаром воображения и т. д., то ясно, что одни и те же причины не могут во всякое время действовать на нас одним и тем же образом, поскольку они не всегда сохраняют одни и те же качества. Вот почему предметы, нравившиеся нам вначале, перестают нам нравиться потом. Сами эти предметы не изменяются заметным образом, но зато изменяются наши органы, наши склонности, идеи, способы восприятия, и этим объясняется происшедшая в нас перемена.

Поскольку одни и те же предметы не в состоянии постоянно удовлетворять одного и того же человека, то ясно, что они еще менее могут удовлетворять всех людей, и значит, у всех людей не может быть одинакового счастья. Существа, отличающиеся друг от друга своим темпераментом, силами, организацией, воображением, идеями, взглядами, привычками, испытавшие различные изменения со стороны тысячи обстоятельств физического и духовного порядка, необходимым образом должны составить себе весьма различные представления о счастье. У скряги представление о счастье не может быть тем же самым, что и у расточителя; у сла-

столюбца — что и у флегматика; у невоздержного — что и у рассудительного, заботящегося о своем здоровье человека. Счастье каждого человека находится в сложной зависимости от его естественной организации и от модифицировавших его обстоятельств, привычек, истинных или ложных идей. А так как эта организация и эти обстоятельства никогда не бывают одинаковы, то ясно, что то, к чему стремится один человек, совершенно не интересно или даже не нравится другому и что, как было сказано раньше, никто не может быть судьей в вопросе о счастье своего ближнего.

Интересом называют объект, с которым каждый человек связывает — в зависимости от своего темперамента и своих идей — представление о своем счастье; иначе говоря, *интерес* — это попросту то, что каждый из нас считает необходимым для своего счастья. Отсюда следует, что ни один смертный не бывает полностью лишен интересов. Интерес скупца заключается в том, чтобы собирать богатства; расточителя — в том, чтобы тратить их; честолюбца — в том, чтобы добиваться власти, чинов, отличий; мудреца — в том, чтобы наслаждаться покоем; распутника — в том, чтобы предаваться без разбора всякого рода удовольствиям; благоразумного человека — в том, чтобы воздерживаться от удовольствий, которые могут повредить ему. Интерес порочного человека побуждает его любой ценой удовлетворять свои страсти. Интерес добродетельного человека состоит в том, чтобы заслужить своим поведением любовь и одобрение других людей и не сделать ничего такого, что могло бы унизить его в собственных глазах.

Таким образом, говоря, что *интерес есть единственный мотив человеческих действий*, мы хотим этим сказать, что каждый человек по-своему трудится для своего счастья, которое он находит в каком-нибудь видимом или невидимом, реальном или воображаемом предмете — цели всего его поведения. Если принять это, то ни одного человека нельзя назвать бескорыстным, или лишенным интереса. Мы называем так лишь человека, мотивов поведения которого не знаем или интерес которого одобряем. Например, мы называем благород-

ным, верным и бескорыстным человека, которому доставляет несравненно большее удовольствие помочь в беде своему другу, чем сохранить в своем сундуке бесполезные сокровища. Мы называем бескорыстным всякого человека, которого больше интересует слава, чем богатство. Наконец, мы называем бескорыстным всякого человека, приносящего крупные, на наш взгляд, жертвы ради предмета, с которым он связывает свое счастье и который не ценится нами так высоко.

Мы часто очень неправильно судим об интересах других людей или потому, что мотивы их поведения крайне сложны и у нас нет возможности узнать их, или же потому, что для одинаковой с ними оценки этих интересов мы должны были бы иметь те же самые глаза, органы, страсти, мнения, что и они. Вместе с тем, будучи вынуждены судить о поступках людей по их действиям на нас, мы одобряем одушевляющий их интерес, если от этого получается какая-нибудь выгода для человечества. Так, мы восхищаемся доблестью, благородством, любовью к свободе, великими талантами, добродетелью и т. д. В этих случаях мы одобряем те объекты, в которых находят свое счастье удостаивающиеся нашей похвалы лица. Мы одобряем их склонности, даже если не в состоянии испытать их следствий; но в этом суждении мы сами небескорыстны. Опыт, размышление, привычка, разум привили нам моральный вкус, и мы находим такое же удовольствие в зрелище великого и благородного поступка, какое человек с художественным вкусом находит в прекрасной, хотя и не принадлежащей ему, картине. Человек, привыкший поступать добродетельно, всегда стремится заслужить любовь, уважение и помощь своих ближних, а также испытывает потребность любить и уважать самого себя. Усвоив эти, ставшие для него привычными идеи, он воздерживается даже от скрытых преступлений, которые унизили бы его в собственных глазах. Он похож на человека, который с детства привык к чистоплотности и испытывал бы, запачкавшись, неприятное чувство, даже если бы никто не был свидетелем этого. Хороший человек — это человек, видящий свой интерес или свое счастье в поведении,

которое другие люди ради собственного интереса должны любить и одобрять.

Эти принципы, если развить их должным образом, являются подлинной основой морали; нет ничего более иллюзорного, чем мораль, основывающаяся на побуждениях, связанных с мнимыми, помещенными где-то вне природы силами, или же на каких-то врожденных чувствах, которые иные мыслители считали предшествующими опыту и независимыми от выгод, доставляемых нам ими. Человеку свойственно любить себя, стремиться к самосохранению и стараться сделать свое существование счастливым*, поэтому интерес, или желание счастья, является единственным двигателем всех его поступков. Этот интерес зависит от его природной организации, его потребностей, приобретенных им идей и привычек. Человек, несомненно, заблуждается, когда под влиянием каких-то изъянов своей организации или ложных идей ищет свое счастье в бесполезных или вредных как для него, так и для других вещах. Он идет верным путем к добродетели, когда истинные идеи заставляют его искать свое счастье в полезном для человечества поведении, одобряемом другими людьми и делающем его интересным для них. Мораль была бы пустой наукой, если бы она не могла доказать человеку, что его величайший интерес заключается в том, чтобы быть добродетельным. Всякая обязанность может быть основана лишь на вероятном или несомненном шансе получить какое-нибудь благо или избегнуть какого-нибудь зла.

Действительно, ни одно чувствующее и разумное существо ни на минуту не может забыть о своем самосохранении и благополучии. Оно должно думать о своем счастье. Но вскоре опыт и разум показывают ему, что без помощи других оно не сумеет добиться

---

* Сенека говорит: «Modus ergo diligendi praecipiendus est homini, id est quomodo se diligat aut prosit sibi; quin autem diligat aut prosit sibi, dubitare dementis est». [«Следовательно, человеку должен быть наиболее свойствен тот вид любви, когда он любит самого себя и заботится о своей выгоде; если же он не любит себя и не заботится о своей выгоде, то его можно заподозрить в безумии».]

всего необходимого для счастья. Это существо живет вместе с другими чувствующими, разумными существами, занятыми подобно ему вопросом о своем счастье и способными помочь ему добиться вещей, которых оно желает для себя. Оно замечает, что эти существа будут благоприятствовать ему лишь в том случае, когда это будет представлять интерес для их благополучия. Оно заключает отсюда, что ради своего счастья ему следует все время вести себя так, чтобы снискать привязанность, одобрение, уважение и помощь существ, которые могут оказаться особенно полезными для его собственных целей. Оно замечает, что для благополучия человека особенно необходим человек и последний будет помогать осуществлению чужих планов, только найдя в этом действительные преимущества для себя. Но доставлять реальные выгоды людям — значит быть добродетельным. Таким образом, рассудительный человек должен понять, что в его интересах быть добродетельным. Добродетель — это просто искусство сделаться счастливым посредством счастья других людей. Добродетельный человек — это такой человек, который делает счастливыми других людей, способных отплатить ему тем же, необходимых для его сохранения и способных доставить ему счастливое существование.

Такова подлинная основа всякой нравственности; заслуга и добродетель основаны на природе человека и его потребностях. Только благодаря добродетели человек может стать счастливым*. Без добродетели общество не может существовать и быть полезным своим членам. Только объединив людей, одушевленных желанием делать друг другу приятное и готовых трудиться для взаимной пользы, общество может дать им реальные преимущества. Семейная жизнь лишена услады, если члены семьи не желают оказывать друг другу

* «Est autem virtus nihil aliud quam in se perfecta et ad summum perducta natura». [«Добродетель не что иное, как совершенная в себе и доведенная до своей вершины природа».] *Cicero*, De legibus, I. Цицерон говорит в другом месте: «Virtus rationis absolutio definitur». [«Добродетель можно определить как совершенство разума».]

содействия, помогать друг другу переносить тяготы жизни и объединенными усилиями устранять бедствия, которым подвергает их природа. Брачные узы приятны лишь тогда, когда интересы двух существ, объединенных потребностью в законном удовольствии, совпадают; и это содействует сохранению государства, подготовляя для него граждан. Дружба очаровательна тогда, когда она тесно соединяет добродетельных людей, одушевленных искренним желанием содействовать счастью друг друга. Наконец, лишь обнаруживая добродетель, мы можем заслужить благожелательное отношение, доверие, уважение всех тех, с кем мы связаны какими-либо отношениями. Одним словом, ни один человек не бывает счастлив в одиночку.

Действительно, счастье каждого человека зависит от чувств, вызываемых им у окружающих его людей. Знатность может ослепить их; обладание властью может вызвать у них невольную дань уважения; богатство может прельстить низкие и продажные души. Но лишь человечность, доброта, сострадание, справедливость могут без всяких усилий порождать столь сладкие чувства нежности, привязанности, уважения, в которых нуждается всякий разумный человек. Итак, быть добродетельным — значит видеть свой интерес в том, что совпадает с интересом других людей, значит наслаждаться благодеяниями и радостями, которые им доставляешь. Тот, в ком природа, воспитание, размышления, привычки создали подобную склонность, удовлетворять которую позволяют ему обстоятельства, становится интересным для всех окружающих; он всегда наслаждается; он с радостью читает довольство на всех лицах; его жена, дети, друзья, слуги идут ему навстречу с открытым челом, обнаруживая признаки довольства и мира, в которых он видит дело своих рук. Все окружающие его готовы разделять его удовольствия, радости и страдания; всеобщее уважение и любовь приятно напоминают ему о нем самом; он знает, что приобрел права на признательность всех сердец; он гордится тем, что является источником счастья, благодаря которому все окружающие связаны с его судьбой. Наше чувство любви к самим себе становится во

сто раз восхитительнее, когда его разделяют все те, с кем нас связал наш жребий. Привычка к добродетели создает в нас потребности, которые может вполне удовлетворить сама же добродетель; так добродетель всегда оказывается своей собственной наградой и сама служит платой за пользу, доставляемую нами благодаря ей другим.

Нам, может быть, скажут и попытаются даже доказать, что при существующем положении вещей добродетель не только не доставляет благополучия тем, кто ее обнаруживает, но, наоборот, часто доводит их до бедствий и ставит постоянные препятствия их счастью. Добродетель повсюду лишена награды; мало того, тысячи примеров могут убедить нас, что почти во всех странах ее ненавидят, преследуют, заставляют стонать под бременем людской неблагодарности и несправедливости. В ответ на это я готов признать: неизбежные заблуждения человеческого рода обусловливают то, что добродетель редко приводит к тому, в чем толпа видит счастье. В большинстве государств, правителей которых невежество, лесть, предрассудки, злоупотребление властью и безнаказанность чаще всего делают врагами добродетели, уважение и награды достаются обыкновенно только недостойным гражданам. Здесь награждают за ненужные или вредные качества, а заслуга не получает должного воздаяния. Но добродетельный человек не заботится о наградах и мнении столь дурно устроенного общества; довольствуясь счастьем своего домашнего очага, он не желает умножать свои общественные связи, которые могут лишь увеличить число подстерегающих его опасностей; он знает, что порочное общество есть своего рода вихрь, с которым добродетельный человек не может сообразовать своих действий. Поэтому такой человек держится в стороне, подальше от проторенной дороги, где он был бы неминуемо раздавлен. Он в меру сил творит добро в своей сфере; он оставляет свободным поприще, на котором желают проявить себя дурные люди. Он скорбит по поводу причиняемых ими самим себе неприятностей и доволен своим скромным жребием, дающим ему безопасность; он жалеет народы и общества, несчастные

из-за своих заблуждений и страстей, являющихся их роковыми и необходимыми следствиями. В этих обществах живут только несчастные граждане; вместо того чтобы думать о своих настоящих интересах, трудиться ради счастья друг друга и осознавать, как должна быть дорога им добродетель, они лишь открыто борются между собой или втайне вредят друг другу и ненавидят добродетель, стесняющую их беспорядочные страсти.

Говоря, что добродетель есть своя собственная награда, мы хотим сказать этим лишь то, что в обществе, руководствующемся указаниями истины, опыта, разума, каждый человек узнает свои истинные интересы, поймет цель жизни в обществе, увидит преимущества или реальные мотивы, побуждающие его исполнять свои обязанности,— одним словом, убедится, что для достижения прочного счастья он должен интересоваться благополучием своих ближних и заслужить их уважение, любовь и помощь. Наконец, в благоустроенном обществе правительство, воспитание, законы, пример окружающих, образование должны стремиться доказать каждому гражданину, что народ, частью которого он является, есть такое целое, которое не может существовать и быть счастливым без добродетели. Опыт должен ежеминутно убеждать его, что благополучие частей может вытекать лишь из благополучия целого. Правосудие должно показать ему, что общество может быть полезным для своих членов лишь в том случае, если оно является системой воль, в которой воли, действующие в соответствии с интересами целого, неизменно испытывают выгодную для них реакцию.

Но, увы, под влиянием заблуждений люди перевернули вверх дном порядок вещей: впавшая в немилость, изгнанная, преследуемая добродетель не находит ни одной из выгод, на которые она вправе рассчитывать. Приходится обещать ей в потустороннем мире те выгоды, которых она почти всегда лишена в мире посюстороннем; считают необходимым обманывать, обольщать, запугивать людей, чтобы побудить их придерживаться добродетели, которую все делает им в тягость. Их питают надеждами на какое-то далекое будущее; их устрашают, чтобы заставить следовать добродетели,

которую все окружающее заставляет их ненавидеть, или же, чтобы отвратить их от зла, которое, наоборот, под влиянием окружающего кажется им приятным и необходимым. Так политика и суеверие надеются заменить химерами и мнимыми интересами те реальные и истинные мотивы, которые могут быть внушены людям природой, опытом, просвещенным правительством, законодательством, образованием, примером, разумными взглядами. Люди, увлеченные силой примера и привычки, ослепленные опасными и непреодолимыми страстями, не обращают внимания на туманные обещания и угрозы. Реальный интерес их удовольствий, страстей, привычек всегда берет верх над интересом, который связывают с каким-то благополучием после смерти или со спасением от бедствий, представляющихся спорными при сравнении их с преимуществами земной жизни.

Так суеверие, вместо того чтобы сделать людей принципиально добродетельными, лишь налагает на них тяжкое и бесполезное бремя. Его несут только фанатики или малодушные люди, которых их взгляды делают несчастными или опасными и которые, не становясь лучше, в бешенстве грызут вложенные им в рот хрупкие удила. Действительно, опыт показывает, что религия является плотиной, неспособной сдержать непреодолимый поток порочности, питаемый столькими источниками. Мало того, разве сама эта религия не увеличивает общественного беспорядка, разнуздывая и освящая опасные страсти? Добродетель почти повсюду является уделом немногих людей, достаточно сильных, чтобы противиться потоку предрассудков, довольствующихся сознанием приносимого ими обществу добра, достаточно скромных, чтобы удовлетворяться похвалами немногих, наконец, не интересующихся пустыми привилегиями, которые несправедливое общество раздает обыкновенно за низости, интриги и преступления.

Несмотря на царящую в мире несправедливость, в нем все же есть добродетельные люди; даже среди самых порочных народов можно встретить благородных людей, понимающих цену добродетели, знающих, что она вызывает похвалу даже из уст своих врагов.

Есть лица, довольствующиеся скрытыми в глубинах душ наградами, которых не может лишить их никакая власть на земле. Действительно, добродетельный человек приобретает право на уважение, почитание, доверие и любовь даже со стороны тех, чье поведение идет вразрез с его собственным поведением. Порок вынужден уступить добродетели, превосходство которой он признает с краской стыда на лице. Но независимо от этого столь надежного, значительного и приятного для всякого честного человека превосходства у него остается еще одно неоценимое преимущество, даже если весь мир окажется несправедливым по отношению к нему, а именно возможность любить и уважать самого себя, с радостью углубляться в тайники своего сердца, смотреть на свои поступки так, как на них должны были бы смотреть другие, если бы они не были ослеплены. Никакая сила на свете не может отнять у него это заслуженное самоуважение. Уважение к самому себе может быть смешным лишь тогда, когда оно беспочвенно; его можно порицать лишь в том случае, если оно обнаруживается в обидной и унизительной для других форме: тогда мы называем его *высокомерием*. Если самоуважение зиждется на всякого рода пустяках — это *тщеславие*. Но в других случаях самоуважение невозможно осуждать: его считают законным и обоснованным, его называют *возвышенностью*, *величием духа*, *благородной гордостью*, когда оно опирается на действительно полезные для общества добродетели и таланты, даже если общество не способно их оценить.

Перестанем же прислушиваться к пустым словам защитников суеверия, которые, будучи врагами нашего счастья, хотят искоренить стремление к нему в наших сердцах и предписывают нам ненавидеть и презирать самих себя, намереваясь отнять у добродетельных людей чуть ли не единственную награду добродетели в этом извращенном мире. Ведь уничтожить в нем столь справедливое чувство самоуважения значило бы сломить сильнейшую из пружин, заставляющих его творить добро. Действительно, какими побуждениями сможет он руководствоваться в этом случае в большей части общества? Разве мы не видим, что добродетель

в них попирают ногами и презирают; смелое преступление и ловкий порок награждают; любовь к общественному благу считают безумием; аккуратность в исполнении своих обязанностей признают глупостью; сострадание, отзывчивость, супружескую нежность и верность, искреннюю и ненарушимую дружбу окружают презрением и высмеивают? Человек всегда действует под влиянием каких-то мотивов. Он поступает хорошо или плохо, лишь руководствуясь мыслью о своем счастье. То, что он считает своим счастьем, составляет его интерес; он ничего не делает даром; когда у него отнимают награду за его полезную деятельность, он или становится таким же злонамеренным, как другие, или получает эту награду из собственных рук.

А если это так, то добродетельный человек никогда не может быть совершенно несчастным; он не может быть полностью лишен полагающейся ему награды: добродетель может заменить все то, в чем обычно видят благо или счастье, но нет ничего такого, что могло бы заменить добродетель. Это не значит, что добродетельный человек избавлен от неприятностей. Как и дурной человек, он подвержен физическим страданиям, может оказаться в нужде, часто является мишенью для клеветы, несправедливости, неблагодарности, ненависти, но среди всех своих несчастий, бедствий и горестей добродетельный человек находит опору в самом себе; он доволен самим собой, уважает себя, обладает чувством собственного достоинства, знает свою правоту и утешается верой в правоту своего дела. У дурного человека нет такой поддержки: подверженный, как и добродетельный человек, всяким недугам и капризам судьбы, он находит в глубине своего сердца только заботы, сожаления, угрызения совести. Он теряет под собой почву, не находит никакой опоры в своей совести; его дух и его тело испытывают натиск одновременно со всех сторон. Добродетельный человек вовсе не бесчувственный стоик: добродетель не обязательно влечет за собой бесстрастие; но если он хворает, то его не приходится так жалеть, как заболевшего дурного человека; будучи беден, он менее несчастен, чем дурной человек в нищете; будучи в немилости,

он менее удручен, чем очутившийся в таком же положении дурной человек.

Счастье каждого человека зависит от его темперамента и от изменений, которым подвергался последний. Природа производит счастливых людей; воспитание, образование, размышление улучшают почву, созданную природой, и дают ей возможность производить полезные плоды. Счастливо родиться — значит получить от природы здоровое тело, точно функционирующие органы, здравый ум и сердце, страсти и желания которого соответствуют обстоятельствам нашей судьбы. Таким образом, природа сделала для нас все, если она дала нам крепость и энергию, достаточные, чтобы добиться вещей, которых заставляют нас желать наше состояние, наш образ мыслей, наш темперамент. Но эта природа была неблагосклонна к нам, если она дала нам слишком горячую кровь, слишком пылкое воображение, бурные желания и стремление к предметам, которых в нашем положении мы не можем добиться или по крайней мере не можем получить без невероятных усилий, угрожающих нашему счастью и способных нарушить общественный покой. Самые счастливые люди обыкновенно те, кто обладает спокойным сердцем, желающим лишь вещей, которых можно доставить себе трудом, способным поддержать активность духа, не вызывая в нем слишком бурных потрясений. Философ, потребности которого нетрудно удовлетворить, будучи чужд честолюбия и доволен тесным кругом друзей, без сомнения, более счастлив, чем честолюбивый завоеватель, который в своей ненасытности приходит в отчаяние от того, что может опустошить всего лишь один мир. Тот, кто удачливо родился или кого природа наделила гармонической организацией, не является существом, вредным для общества; обычно покой общества нарушают неудачно родившиеся, буйные и недовольные своей судьбой, опьяненные страстями, увлекающиеся недоступными предметами люди, готовые довести общество до катастрофы, лишь бы добиться тех воображаемых благ, в которых они видят свое счастье. Александру Македонскому было необходимо разрушить государства, утопить в крови народы, обра-

тить в прах города, чтобы удовлетворить ту страсть к славе, о которой он составил себе ложное представление и которой алкало его воображение. Диогену было достаточно бочки и свободы казаться чудаком. Сократ испытывал нужду лишь в удовольствии подготавливать своих учеников к добродетельной жизни.

Будучи по своей природе существом, которому всегда необходимо движение, человек должен всегда чего-то желать. Вот почему, если вещи, которых он желает, достаются ему слишком легко, они вскоре теряют для него всякий интерес. Чтобы чувствовать счастье, необходимо предпринимать усилия, стремясь достигнуть его; чтобы находить прелесть в удовлетворении желания, его следует разжигать препятствиями; вещи, которые не стоят нам никаких усилий, немедленно нам надоедают. Ожидание счастья, необходимый для его достижения труд, многочисленные и разнообразные его картины, которые рисует нам воображение, сообщают нашему мозгу необходимое движение, дают работу его способностям, приводят в действие весь его механизм — одним словом, обеспечивают ему приятную деятельность, отсутствие которой не может нам компенсировать даже наслаждение самим счастьем. Действие есть подлинная стихия человеческого духа; перестав действовать, он сразу же начинает томиться скукой. Наша душа нуждается в идеях, как наш желудок — в пище*.

Таким образом, импульс, сообщаемый нам желаниями, сам по себе является большим благом, для духа этот импульс играет ту же роль, что физические упражнения для тела; без него мы не находим никакого удовольствия в доставляемой нам пище; жажда делает столь приятным для нас удовольствие от питья; жизнь—

* Преимущество ученых и писателей перед невежественными и ничем не занимающимися или не привыкшими мыслить и исследовать людьми зависит лишь от обилия и разнообразия идей, доставляемых им размышлением и умственным трудом. Дух мыслящего человека находит больше пищи в хорошей книге, чем дух невежды во всех удовольствиях, доставляемых ему его богатствами. Изучать что-нибудь — значит накапливать идеи. Обилие и сочетание идей — вот источник всех различий между людьми, это же дает человеку преимущество перед другими животными.

это вечный круг зарождающихся и удовлетворенных желаний. Отдых — благо лишь для того, кто трудится; он источник скуки, печали и пороков для того, кто не трудится. Беспрерывно наслаждаться — все равно что совсем не наслаждаться; человек, которому не остается ничего желать, наверное, более несчастлив, чем тот, который страдает.

Эти основанные на опыте размышления доказывают нам, что зло, как и добро, зависит от природы вещей. Для того чтобы счастье можно было ощущать, оно не должно быть непрерывным; труд необходим человеку, чтобы ввести промежутки между его удовольствиями; его тело нуждается в физических упражнениях; его сердце нуждается в желаниях; лишь неудовлетворенность доставляет нам возможность наслаждаться счастьем; именно она оттеняет картину человеческой жизни. В силу неумолимого закона судьбы люди вынуждены быть недовольными своим жребием, делать усилия, чтобы изменить его, завидовать счастью друг друга, которым никто из них не наслаждается в полной мере. Так, бедняк завидует роскоши богача, в то время как богач часто менее счастлив, чем бедняк. Так, богач завидует бедняку, которого он видит деятельным, здоровым, а часто даже веселым в нищете.

Если бы все люди были совершенно довольны, то в мире не было бы никакой деятельности; чтобы быть счастливым, надо желать, действовать, трудиться: таков закон природы, жизнь которой заключается в действии. Человеческие общества могут существовать лишь при условии непрерывного обмена вещей, в которых люди видят свое счастье. Бедняк вынужден испытывать желания и трудиться, чтобы получить то, что он считает необходимым для поддержания своей жизни; пища, одежда, жилище, семья — вот предметы первых потребностей, обусловленных его природой. Удовлетворив свою нужду в них, он бывает вскоре вынужден создавать себе совершенно новые потребности, или, вернее, его воображение начинает придавать более утонченный характер старым потребностям. Оно старается сделать их более разнообразными и пикантными. Когда же, став богачом, человек удовлетворяет все

потребности и их сочетания, для него начинается полоса пресыщения и скуки. Его тело, освобожденное от труда, накапливает в себе органические соки; сердце, лишенное желаний, начинает томиться; перестав быть деятельным, он вынужден уделить часть своих богатств более деятельным и трудолюбивым людям; последние ради собственных интересов начинают трудиться для него, заботиться об удовлетворении его потребностей, выводить его из томления, выполнять его причуды. Так богачи и вельможи возбуждают у бедняка энергию, деятельность и трудолюбие; последний, работая на других, трудится ради собственного благополучия. Так желание улучшить свою судьбу делает человека необходимым человеку; так всегда возрождающиеся и никогда не удовлетворяемые желания являются принципом жизни, здоровья, деятельности общества. Если бы каждый человек мог обходиться собственными силами, у него не было бы потребности жить в обществе. Наши потребности, желания, фантазия ставят нас в зависимость от других людей, вынуждают каждого из нас в собственных интересах быть полезным существам, способным доставить нам предметы, которых мы сами не имеем. Всякий народ есть объединение множества людей, связанных друг с другом своими потребностями и удовольствиями; самые счастливые из них те, у кого меньше всего потребностей и кто имеет больше всего средств удовлетворить их.

Рост потребностей отдельных людей, как и политических обществ, представляет собой необходимое явление. Он основан на природе человека. Когда удовлетворены естественные потребности, то они неизбежно заменяются потребностями, которые мы называем *мнимыми*, или *условными* (besoins d'opinions); последние становятся столь же необходимыми для нашего счастья, как и первые. Та самая привычка, которая позволяет дикарю Америки ходить голым, заставляет цивилизованного жителя Европы носить одежду; бедняк довольствуется скромным платьем и носит его круглый год; богачу нужно особое платье для каждого времени года: он страдал бы, если бы не мог менять свою одежду; он был бы удручен, если бы его платье не говорило

окружающим о его богатстве, социальном положении, превосходстве. Именно привычка умножает потребности богача. Даже само его тщеславие становится потребностью, заставляющей работать тысячи рук; это тщеславие доставляет, таким образом, средства существования бедным людям. Человек, привыкший носить роскошные и пышные одежды и лишенный этих признаков богатства, с которыми для него связано представление о счастье, так же несчастлив, как бедняк, не имеющий никакой одежды. Ныне цивилизованные народы некогда были дикими; они вели бродячую жизнь, занимаясь охотой и войнами, с трудом обеспечивая свое существование; мало-помалу они осели, стали заниматься земледелием, а затем торговлей; их первоначальные потребности стали утонченнее; они расширили их область и придумали тысячи средств для их удовлетворения. Подобное развитие необходимо и естественно у деятельных существ, обладающих способностью ощущения и нуждающихся, чтобы быть счастливыми, в смене своих ощущений.

Вместе с ростом потребностей людей становится все труднее их удовлетворять; каждый человек попадает в зависимость от большего числа себе подобных. Чтобы побудить их к деятельности и заставить содействовать своим целям, человеку приходится доставать предметы, способные побудить их удовлетворить его желания. Дикарю достаточно протянуть руку, чтобы сорвать плод, служащий ему пищей; богатый же гражданин цветущего государства вынужден заставить тысячи рук работать, чтобы получить пышный, изысканный обед, необходимый для возбуждения его ослабевшего аппетита или льстящий его тщеславию. Отсюда ясно, что в той же мере, в какой возрастают наши потребности, мы вынуждены умножать и средства их удовлетворения. Богатства представляют собой не что иное, как условные средства, с помощью которых мы можем заставить множество людей трудиться ради удовлетворения наших желаний или побудить их во имя собственного интереса способствовать нашим удовольствиям. Что, собственно, делает богач? Он просто говорит нуждающимся людям, что может доставить им средства

к существованию, если они согласятся исполнять его желания. Что делает обладающий властью человек? Он просто показывает другим, что в состоянии обеспечить им средства стать счастливыми. Монархи, вельможи, богачи кажутся нам счастливыми лишь потому, что располагают достаточными средствами, или поводами, чтобы побудить множество людей работать для их счастья.

Чем внимательнее мы вглядываемся в сущность вещей, тем больше убеждаемся в том, что истинным источником несчастий людей являются их ложные взгляды. Счастье так редко среди них лишь потому, что они видят его в не имеющих значения, бесполезных для их благополучия вещах или в вещах, которые становятся для них подлинным злом. Богатства сами по себе ничего не значат; лишь то или иное использование делает их полезными или вредными. Равнодушный к деньгам дикарь не знает, что с ними делать; скряга собирает их, но для него они становятся бесполезными; расточитель и сластолюбец тратят их, пользуясь ими только для того, чтобы нажить себе болезни и раскаяние в своем безрассудстве. Удовольствия ровно ничего не представляют для того, кто не способен ими пользоваться; они становятся настоящим злом, когда нарушают функционирование нашего организма, заставляют нас забывать наши обязанности и делают достойными презрения в глазах других людей. Власть сама по себе ничто: она бесполезна нам, если мы не пользуемся ею для своего собственного счастья; она становится пагубной, если мы злоупотребляем ею; отвратительной, если мы употребляем ее, чтобы делать людей несчастными. Не понимая своих настоящих интересов, прибегая ко всевозможным средствам, чтобы стать счастливыми, люди чаще всего не знают, как побудить других служить своему счастью. Искусство наслаждаться наименее известно; прежде чем желать чего-нибудь, следовало бы научиться этому искусству. Земля полна людей, непрерывно думающих о том, чтобы добиваться средств, цели которых они не знают. Все люди желают богатства и власти, но лишь немногих делает счастливыми обладание этими вещами.

Желать того, что может содействовать увеличению нашего счастья, вполне естественно, необходимо, разумно. Удовольствия, богатства, власть вполне достойны наших стремлений и усилий, если мы умеем пользоваться ими и с их помощью делать свою жизнь более приятной. Мы вправе порицать тех, кто желает преимуществ, и презирать или ненавидеть тех, кто обладает таковыми, лишь тогда, когда для получения удовольствий, богатства и власти они прибегают к гнусным средствам или, добившись этих предметов своих желаний, употребляют их пагубным для себя или других образом. Будем стремиться к власти, могуществу, влиянию, если мы можем добиваться их, не рискуя собственным покоем или покоем ближних. Будем стремиться к богатству, если мы действительно сумеем использовать его на пользу себе и другим. Но не будем никогда прибегать, чтобы добыть его, к средствам, за которые мы должны будем упрекать себя или которые навлекут на нас ненависть наших сограждан. Будем всегда помнить, что наше прочное счастье должно быть основано на самоуважении и пользе, доставляемой нами другим, и что для человека, живущего в обществе, нет ничего более безрассудного, чем желание сделать счастливым только себя одного.

Глава XVI

НЕПОНИМАНИЕ ЛЮДЬМИ ОСНОВ СВОЕГО СЧАСТЬЯ — ПОДЛИННЫЙ ИСТОЧНИК ИХ БЕДСТВИЙ; ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ ПОМОЧЬ ИМ

Разум не запрещает человеку иметь необъятные желания; честолюбие — страсть, полезная человечеству, если оно имеет целью его счастье. Великие люди желают действовать в обширной сфере; могущественные, просвещенные, благодетельные гении, поставленные в благоприятную обстановку, далеко простирают свое благотворное влияние; чтобы чувствовать себя счастливыми, они должны сделать счастливыми множество людей. Многие государи редко наслаждаются подлин-

ным счастьем именно потому, что их слабые, ограниченные души вынуждены действовать в сфере, слишком обширной для их ничтожной энергии. И вот из-за бездействия, лености, неспособности своих властелинов народы часто томятся в нищете, подчиняясь власти людей, неспособных сделать счастливыми ни себя, ни своих подданных. С другой стороны, слишком бурным, пылким, активным натурам тесно в отмежеванной им сфере действия и их пыл, не находящий себе применения, делает из них бичей рода человеческого*. Александр Македонский был монархом, столь же вредным человечеству и столь же недовольным своей судьбой, как и тот ленивый деспот, которого он низверг с трона. Души того и другого не соответствовали сферам их действия.

Счастье человека всегда заключается в соответствии его желаний окружающей его обстановке. Верховная власть — ничто для ее обладателя, если он не умеет пользоваться ею для своего собственного счастья; она — подлинное зло для него, если делает его несчастным; она — отвратительное злоупотребление, если влечет за собой несчастье какой-то части человечества. Неудовлетворенность могущественнейших государей и бедствия их подданных обычно происходят оттого, что государи, обладая всеми средствами стать счастливыми, никогда не пользуются последними или умеют лишь злоупотреблять ими. Мудрец на троне был бы счастливейшим из смертных. Монарх — человек, и вся его власть не может доставить ему иных органов и иных способов чувствовать, чем те, которые имеются у последнего из его подданных. Все его преимущества заключаются лишь в величии, разнообразии, многочисленности предметов, которыми он может заниматься; эти предметы постоянно дают пищу его уму, не позволяя ему впасть в расслабление и скуку. Если его

* «Aestuat infelix angusto limite mundi». [«Несчастный томится в тесных границах мира».] Сенека говорит об Александре: «Post Darium et Indos pauper est Alexander: inventus est qui concupisceret aliquid post omnia». [«После победы над Дарием и индийцами Александр стал бедным: он начал придумывать, чего бы ему пожелать после всего этого».] *Senec.*, Epist, 120.

душа добродетельна и исполнена величия, то его честолюбие должно быть удовлетворено при виде возможности объединить желания своих подданных со своими собственными, создать у подданных заинтересованность в сохранении его власти, заслужить их привязанность и добиться уважения и похвалы всех народов. Таковы завоевания, на которые указывает разум всем тем, кто предназначен управлять государствами. Они способны удовлетворить самое необузданное воображение, самое пылкое честолюбие. Короли лишь потому счастливейшие из смертных, что обладают возможностью сделать счастливыми множество людей, умножая, таким образом, число поводов для законного самоудовлетворения.

Эти преимущества верховной власти разделяют все те, кто принимает участие в управлении государствами. Поэтому знатность, высокое положение в обществе, влияние желательны для всех тех, кто может использовать указанные преимущества для своего собственного счастья. Эти преимущества бесполезны посредственным людям, у которых нет ни энергии, ни способности использовать их с выгодой для самих себя; они отвратительны, когда для их достижения люди рискуют своим собственным счастьем и счастьем общества; общество делает ошибку, когда оказывает уважение людям, употребляющим власть для разрушения общественного союза, между тем как она достойна одобрения лишь тогда, когда дает полезные государству плоды.

Богатства, бесполезные для скупца, являющегося лишь их печальным тюремщиком, вредные расточителю, которому они доставляют лишь недуги, пресыщение, скуку, предоставляют добродетельному человеку тысячи средств увеличить сумму его счастья. Но прежде чем желать богатств, надо уметь пользоваться ими. Деньги лишь символ счастья; наслаждаться ими, пользоваться ими, чтобы делать людей счастливыми,— вот реально осуществленное счастье. В соответствии с существующим между людьми соглашением деньги доставляют все блага, каких только можно пожелать, за исключением лишь одного, а именно умения ими пользоваться. Иметь деньги, не умея ими пользоваться —

все равно что иметь ключ к какому-нибудь дворцу, вход в который воспрещен; расточать их — все равно что бросить этот ключ в реку; делать из них дурное употребление — все равно что воспользоваться им для того, чтобы нанести себе рану. Дайте какие угодно сокровища просвещенному и добродетельному человеку, и он не будет отягощен этими богатствами. Если такой человек обладает великой, благородной душой, он лишь расширит сферу своих добрых дел; он заслужит привязанность большого количества людей, привлечет к себе любовь и уважение окружающих. Он будет сдержан в своих удовольствиях, чтобы иметь возможность наслаждаться ими; он будет знать, что деньги не восстанавливают души, истощенной наслаждениями, органов, ослабленных излишествами, хилого тела, способного поддерживать себя только путем лишений; он будет знать, что злоупотребление чувственностью уничтожает удовольствие в самом его источнике и что все сокровища мира не могут дать новых органов чувств.

Мы видим, таким образом, какую цену имеют пустые декламации угрюмых философов против стремления к власти, знатности, богатству и радостям. Все эти вещи заслуживают наших желаний, если только нам позволено рассчитывать на них и если мы умеем получить от них действительную пользу. Разум не может порицать или презирать эти блага, когда для их достижения мы никому не причиняем ущерба; он окружает их уважением, когда мы пользуемся ими, чтобы сделать счастливыми себя и других. Удовольствие есть благо, и нам свойственно любить его. Оно разумно, когда делает наше существование ценным для нас, не вредит нам самим, а его последствия не гибельны для других. Богатство является символом большинства земных благ; оно становится реальностью, когда находится в руках человека, умеющего им пользоваться. Власть есть величайшее из благ, когда природа и воспитание дали обладателю этой власти достаточно великую, благородную, сильную душу, чтобы оказывать благотворное влияние на целые народы, привязывая их к себе своими благодеяниями и ставя их в законную

зависимость от себя. Только тот, кто делает людей счастливыми, приобретает право управлять ими.

Права человека по отношению к другим людям могут быть основаны лишь на счастье, которое он им доставляет или на которое дает им возможность надеяться. В противном случае его власть над ними является насилием, узурпацией, явной тиранией. Всякая законная власть основана лишь на способности делать людей счастливыми. Ни один человек не получает от природы права повелевать другими людьми; но мы охотно даем это право тому, от кого надеемся обрести свое благополучие. Правительственная власть означает право повелевать всеми, дарованное государю во имя выгоды управляемых. Государи являются защитниками и хранителями личности, добра, свободы своих подданных; последние дают согласие оказывать ему повиновение лишь на этом условии. Правительственная власть становится просто разбоем, когда правители пользуются предоставленной им силой, чтобы сделать общество несчастным. Власть религии основана лишь на приписываемой ей способности делать народы счастливыми; если боги делают людей несчастными — это только отвратительные призраки*. Правительственная власть и религия были бы разумными учреждениями, если бы они содействовали счастью людей. Было бы безумием подчиняться игу, порождающему лишь зло; было бы несправедливостью заставлять смертных отказаться от своих прав без всякой выгоды для них.

Отцовская власть основана лишь на выгодах, которые, как предполагают, отец доставляет семье. В основе чинов и рангов в политических обществах лежит реальная или воображаемая польза, доставляемая некоторыми гражданами, из-за которой прочие согласны отли-

---

* Цицерон говорит: «Nisi homini deus placuerit, deus non fuerit». [«Если бы бог не мог делать то, что угодно людям, он не был бы богом».] «Бог может заставить людей повиноваться ему, только дав им понять, что в его власти сделать их счастливыми или несчастными». «Défence de la religion», t. 1, p. 433. Исходя из этих положений можно заключить, что человек вправе судить о религии и богах сообразно доставляемым ими обществу выгодам или невыгодам.

чать и уважать их, равно как и повиноваться им. Богач приобретает права на бедняка лишь в силу того, что может доставить последнему благополучие. Гений, талант, науки, искусства обладают правами по отношению к нам в зависимости от пользы, удовольствия и выгод, доставляемых ими обществу. Одним словом, мы всегда любим, уважаем, обожаем только счастье, ожидание счастья, его образ. Боги, государи, богачи, вельможи могут, разумеется, внушать нам уважение, ослеплять наше воображение, приводить нас в трепет своим могуществом, но добровольное подчинение наших сердец, одно лишь дающее законные права, может быть обеспечено только реальными благодеяниями и добродетелью. Польза есть не что иное, как подлинное счастье; быть полезным — значит быть добродетельным; быть добродетельным — значит делать людей счастливыми.

Доставляемое нам счастье является неизменным и необходимым критерием наших чувств по отношению к другим людям, предметам, которых мы желаем, взглядам, которые мы усваиваем, поступкам, о которых мы судим. Мы становимся жертвами своих предрассудков всякий раз, когда перестаем пользоваться этим критерием в своих суждениях. Мы никогда не подвергнемся риску ошибиться, если будем обращать внимание на то, какова реальная польза религии, правительства, законов, всех учреждений, открытий и поступков людей для человечества.

Поверхностный взгляд часто может вводить нас в заблуждение, но тщательно продуманные опыты почти всегда дают нам правильное, безошибочное представление о вещах. Разум показывает нам, что удовольствие — это кратковременное счастье, которое нередко становится злом; что зло может быть кратковременным страданием, которое часто становится благом. Разум показывает нам истинную природу вещей и объясняет действия, которые мы можем от них ожидать. Он указывает нам различие между теми склонностями, которые совместимы с нашим благополучием, и теми, против которых мы должны бороться. Наконец, он всегда убеждает нас, что интересы разумных существ, стремящихся

к счастливой жизни, требуют уничтожения всех призраков, химер и предрассудков, являющихся препятствиями счастью людей в этом мире.

Если мы обратимся к свидетельству опыта, то убедимся, что действительный источник всех бедствий, удручающих человеческий род, надо искать в религиозных иллюзиях и верованиях. Незнание естественных причин заставило человека создать богов; обман превратил их во что-то грозное; представление об этих свирепых божествах преследовало человека, нисколько не делая его лучше, заставляло его бесполезно трепетать перед ними, наполняло его ум нелепыми фантазиями, мешая прогрессу его мысли и препятствуя его поискам счастья. Эти страхи сделали человека рабом тех, кто под предлогом забот о его благе обманывал его. Когда ему стали говорить, что его боги требуют преступлений, он стал творить зло; он жил в несчастье, так как ему сказали, что его боги осудили его на несчастное существование. Он никогда не осмеливался ни оказать сопротивление своим богам, ни порвать свои оковы, так как ему сказали, что отказ от разума, глупость, отупение, духовное запустение являются верными средствами на пути к вечному блаженству.

Другие, не менее опасные предрассудки ослепляли людей в политических вопросах. Народы не знали истинных основ власти; они не осмеливались требовать счастья у своих царей, которые, однако, были обязаны доставить его им; они думали, что монархи, переряженные в богов, от рождения получают право повелевать остальными смертными, могут по своему произволу распоряжаться благополучием народов и совершенно не ответственны за причиняемые народам несчастья. Под влиянием подобных взглядов политика неизбежно выродилась и превратилась в какое-то пагубное искусство жертвовать счастьем всех для прихотей одного или нескольких привилегированных дурных людей. Несмотря на все претерпеваемые ими бедствия, народы продолжали падать ниц перед созданными ими самими идолами, в безумии почитая орудие своих страданий. Они повиновались несправедливым желаниям правителей, расточали свою жизнь, свою кровь, свои богат-

ства, чтобы удовлетворить их честолюбие, ненасытную алчность, все новые и новые фантазии. Они окружали бессмысленным почитанием всех тех, кто вместе с государями обладал возможностью вредить им; они преклоняли колени перед влиянием, чинами, титулами, богатством, роскошью. Наконец, жертвы своих предрассудков, они тщетно ожидали своего благополучия и счастья от кучки людей, которые, страдая от своих пороков и неспособности наслаждаться, вовсе не были склонны интересоваться счастьем народов. При таких вождях как о физическом, так и о духовном благополучии народов заботились мало или вовсе не заботились.

Ту же ослепленность мы находим в науке о нравах. Религия, всегда опирающаяся на невежество и воображение, не могла основать нравственность на природе человека, взаимоотношениях между людьми и обязанностях, с необходимостью вытекающих из этих отношений. Она предпочла основать мораль на фантастических отношениях, якобы существующих между человеком и мнимыми силами, которые она выдумала и от имени которых стала говорить. Эти-то невидимые боги, которых религия всегда изображала в виде испорченных тиранов, стали судьями и образцами поведения человека. Человек стал дурным, необщительным, бесполезным, буйным фанатиком, когда он захотел подражать этим обожествленным тиранам и следовать урокам истолкователей их воли. Лишь последние воспользовались выгодами религии и мрака, распространенного ею среди человечества; народы не познали ни природы, ни разума, ни истины; у них была только религия, но не было никаких правильных представлений о нравственности и добродетели. Когда человек причинял зло другим людям, он верил, будто оскорбил своего бога, и, чтобы примириться с ним, унижался перед ним, принося ему дары и заинтересовывая жреца в своем примирении с богом. Так религия, вместо того чтобы найти для нравственности прочную, естественную и реальную основу, дала ей какую-то шаткую, идеальную, недоступную познанию опору. Мало того, она извратила нравственность, а своим учением об искуплении окончательно разрушила ее. В своих попытках

бороться со страстями людей она оказалась беспомощной. Паря в заоблачном царстве фантазии, будучи лишена опыта, религия никогда не знала, как излечить людей от страстей. Все рекомендовавшиеся ею для этого лекарства были отвратительны и вызывали у больных только отвращение. Религия стала приписывать этим средствам божественный характер, потому что они совсем не годились для людей; они оказались недейственными, так как выдумки бессильны по сравнению со страстями, порождаемыми и охраняемыми в человеческом сердце самыми могучими и реальными причинами. Голос религии или богов не мог быть услышан в шуме общественной жизни, где все подсказывает человеку, что он не может стать счастливым, не вредя своим ближним. Эти тщетные призывы только делали добродетель ненавистной, так как всегда изображали ее враждебной человеческому счастью и удовольствиям. Предписывая людям обязанности, им всегда указывали лишь на необходимость жертвовать самым дорогим, никогда не объясняя действительных мотивов этих жертв. Настоящее взяло верх над будущим, видимое — над невидимым, известное — над неизвестным, и человек стал дурным, так как все подсказывало ему, что следует быть дурным, чтобы добиться счастья.

Итак, под влиянием религий, правительств, воспитания, ложных взглядов — словом, всех учреждений, которые навязали человеческому роду под предлогом улучшения его судьбы, люди стали только более несчастны. Не будет лишним повторить, что именно в заблуждении надо искать настоящий источник бедствий человеческого рода. Не природа сделала его несчастным; не какой-то злобный бог захотел, чтобы он страдал; не наследственная испорченность привела к тому, что люди стали дурными и несчастными: причиной всех этих достойных сожаления следствий является только заблуждение.

Верховное благо — предмет исканий мудрецов, об открытии которого иные из них возвещали с такой помпой,— является на деле простой химерой вроде пресловутой *панацеи*, которую некоторые ученые хотели выдать за универсальное лекарство. Все люди больны;

с самого рождения они подпадают под действие заблуждения; но каждый из них подвергается воздействию последнего по-своему, в зависимости от природной организации и обстоятельств жизни. Если есть какое-нибудь всеобщее лекарство, применимое к разнообразным сложным болезням человека, то им может быть одна лишь истина, которую следует искать в природе.

При виде заблуждений, в которых погрязло большинство смертных и которые они принуждены всасывать с молоком матери; желаний, которые их постоянно волнуют; страстей, которые их обуревают; тревог, которые их беспокоят; физических и духовных бедствий, которые обрушиваются на них со всех сторон, появляется искушение поверить, что счастье в самом деле не создано для земной жизни и что желать оздоровить умы, в которые решительно все вливают отраву,— безнадежное дело. Когда присматриваешься к суевериям, волнующим мысль людей, разобщающим их и доводящим их до безумия, когда видишь эти угнетающие их правительства, тиранические законы, бесчисленные несправедливости, от которых стонут почти все народы на земле, эти пороки и преступления, делающие жизнь в обществе столь ненавистной почти всем его членам, то с трудом можешь освободиться от мысли, что несчастье — удел человеческого рода, этот мир предназначен быть местопребыванием несчастливцев, а счастье — химера или по меньшей мере нечто неуловимое.

Желчные, преисполненные меланхолии последователи религиозного суеверия постоянно рисовали себе природу или ее творца в виде каких-то ожесточенных врагов человеческого рода. Они предположили, что человек, будучи постоянным объектом небесного гнева, раздражает бога даже своими желаниями и становится преступным в его глазах, пытаясь найти счастье, для которого вовсе не создан. Пораженные тем, что даже вещи, которых мы желаем с особенной силой, никогда не могут вполне удовлетворить наше сердце, эти люди стали называть такие вещи вредными, гнусными, отвратительными. Они приказали избегать их, они запретили даже полезнейшие для нас самих и наших ближних страсти; они потребовали, чтобы человек сделался бес-

чувственным, стал врагом самому себе, расстался со своими ближними, отказался от всяких удовольствий, отрекся от счастья — словом, выступил против своей природы. «Смертные! — сказали они.— Вы рождены для страданий; творец, создавший вас, обрек вас на несчастье; примиритесь с его намерениями и станьте несчастными. Боритесь с мятежными желаниями, имеющими своей целью счастье; откажитесь от удовольствий, которые вам свойственно любить; ни к чему не привязывайтесь здесь, на земле, избегайте общества, только распаляющего ваше воображение и заставляющего вас думать о благах, от которых вы должны отказаться; сломайте движущую пружину своей души; подавите то стремление к деятельности, которое хочет положить конец вашим мучениям; страдайте, скорбите, стенайте: таков ваш путь к блаженству».

О слепые врачи, принявшие болезнь за нормальное состояние человека! Вы не заметили, что страсти и желания свойственны человеку от природы; что запрещать ему любить и желать — все равно что хотеть отнять у него его существо; что активность есть жизнь общества и что требовать от нас ненависти и презрения к самим себе — значит лишить нас самого могущественного побуждения к добродетели. Так, религия своими сверхъестественными лекарствами не только не исцелила людей от их бедствий, но лишь ожесточила их и довела до отчаяния; не только не успокоила их страсти, но сделала еще более неукротимыми, опасными и яростными те из них, которые природа дала им лишь для самосохранения и счастья. Но людей нельзя сделать счастливыми, погасив их страсти; для этой цели надо направить эти страсти на предметы, действительно полезные им самим и другим.

Несмотря на заблуждения, ослепляющие человечество, сумасбродство его религиозных и политических учреждений, наши постоянные жалобы и недовольство судьбой, на земле есть счастливые люди. Мы встречаем иногда государей, одушевленных благородным стремлением сделать народы процветающими и счастливыми; мы встречаем таких, как Антоний, Траян, Юлиан, Генрих[1], чьи возвышенные души видят свою славу

и счастье в том, чтобы поощрять заслуги, помогать нуждающимся, протягивать руку помощи угнетенной добродетели. Мы встречаем гениев, охваченных желанием вырвать дань восхищения у своих сограждан, принося им пользу и наслаждаясь счастьем, которое они доставляют другим.

Не будем думать, будто бедняку совсем недоступно счастье. Скромная, бедная жизнь часто дает преимущества, которые принуждены признавать и которым завидуют богатые и знатные люди. В душе всегда занятого работой бедняка не перестают возникать желания, в то время как богач и знатный человек часто не знают, чего им желать, или же желают совершенно недоступных вещей*. Привыкшее к труду тело бедняка знает сладость отдыха, для того же, кто томится в праздности, отдых самое утомительное времяпрепровождение. Физический труд и простая пища бедняка дают ему силы и здоровье, в то время как неподвижный и невоздержный богач подвержен недугам и пресыщению. Нужда натягивает все пружины души, она мать всякого мастерства; из ее лона выходят гений и талант, которым вынуждены воздать поклонение богатство и знатность. Наконец, бедняк противостоит ударам судьбы, как своего рода гибкий тростник, который гнется, но не ломается.

Таким образом, природа вовсе не была мачехой для большинства своих детей. Тот, кому судьба дала незаметное положение, не знает честолюбия, которое съедает царедворца, тревог интригана, угрызений совести, скуки и пресыщения человека, разбогатевшего на разорении народа и не умеющего разумно пользоваться богатством. Чем больше работает тело, тем больше отдыхает воображение; последнее распаляется только в силу разнообразия обозреваемых предметов; пресыщенность ими вызывает у него чувство отвращения; воображение же бедняка по необходимости ограничено; он воспринимает мало идей, знает мало предметов и вследствие этого имеет мало желаний. Бедняк довольствуется

* Петроний[2] говорит: «Nescio quomodo bonae mentis soror est paupertas». [«Бедность является каким-то образом сестрой хорошего настроения».]

немногим, между тем как вся природа не в силах удовлетворить ненасытных желаний и мнимых потребностей утопающего в роскоши богача, который уже исчерпал удовлетворение, доставляемое необходимыми вещами. Те, кого мы под влиянием предрассудков считаем самыми несчастными из смертных, часто наслаждаются более реальными благами, чем угнетающие и презирающие их люди, иногда вынужденные им завидовать. Ограниченность желаний представляет собой весьма реальное благо: испытывающий нужду простолюдин мечтает только о хлебе; он добывает его в поте лица; он ел бы его с радостью, если бы людская несправедливость не делала его обыкновенно горьким. Из-за безумия правительства те, кто утопает в изобилии, отнимают у земледельца плоды его труда, не становясь от этого нисколько счастливее. Государи жертвуют своим подлинным счастьем и счастьем своих государств ради удовлетворения страстей и прихотей, обездоливающих их народы, погружающих их страны в нищету, делающих тысячи людей несчастными без всякой пользы для самих государей. Тирания заставляет подданных проклинать свою жизнь и покидать работу, лишает их охоты иметь детей, которые были бы такими же несчастными, как и их отцы. Невыносимый гнет заставляет их иногда поднимать бунт или совершать покушения, чтобы отомстить за испытанную ими несправедливость. Доводя бедняка до отчаяния, несправедливость заставляет его прибегать к преступлению как средству избавиться от своих страданий. Несправедливое правительство доводит людей до отчаяния; своими притеснениями оно приводит к обезлюдению деревень, так что земля остается невозделанной; в результате возникает страшный голод с его спутниками — чумой и другими заразными болезнями. Несчастья народов влекут за собой революции; среди людей, ожесточенных бедствиями, начинается брожение умов, неизбежным результатом чего являются государственные перевороты. Физический мир и мир духовный тесно связаны между собой или, вернее, являются одной и той же вещью.

Если несправедливость государей не всегда вызывает такие серьезные последствия, то во всяком случае

она влечет за собой леность, в результате которой общество переполняется нищими и злоумышленниками; ни религия, ни страх перед законом — решительно ничто не может остановить последних и заставить их быть жалкими зрителями благополучия, в котором им не разрешено принять участие. Даже ценой жизни они ищут себе мимолетного счастья, если несправедливость закрыла им путь к труду, который сделал бы их полезными и честными гражданами.

Пусть нам не говорят, будто ни одно правительство не может сделать всех своих подданных счастливыми. Оно, конечно, не может надеяться удовлетворить ненасытные капризы и прихоти нескольких праздных граждан, которые не знают, что придумать, чтобы рассеять свою скуку; но оно может и должно заняться удовлетворением реальных потребностей большинства граждан. Общество пользуется всем доступным ему счастьем, если большинство его граждан имеет пищу, одежду, жилище — одним словом, может без чрезмерного труда удовлетворять свои физические потребности. Это большинство удовлетворено, если уверено, что никакая сила не может лишить его плодов труда и оно работает на самого себя. В силу какого-то безумия целые народы вынуждены трудиться, истекать потом, орошать землю слезами, чтобы удовлетворять потребность в роскоши, прихоти, развратные устремления кучки безрассудных и бесполезных людей, которые не могут стать счастливыми, так как их разнузданное воображение не знает никаких границ. Так религиозные и политические заблуждения превратили мир в юдоль слез.

Не советуясь с разумом, не зная цены истине, не понимая, в чем заключаются их настоящие интересы, их прочное и реальное счастье, государи и народы, богачи и бедняки, знать и простолюдины очень далеки от счастья. Между тем если мы беспристрастно взглянем на человеческий род, то найдем гораздо больше добра, чем зла. Ни один человек не бывает счастлив во всем и всегда, но он все же бывает в чем-нибудь счастлив в отдельных случаях. Те, кто с особенной горечью жалуется на удары судьбы, прикреплены, однако, к жизни какими-то часто незаметными нитями, мешающими им

расстаться с ней. Действительно, привычка облегчает нам наши страдания; прекращение боли становится настоящим наслаждением; всякая потребность представляет собой удовольствие в момент своего удовлетворения; отсутствие горя и болезней является счастливым состоянием, которым мы тихо наслаждаемся, не замечая этого; надежда, редко покидающая нас окончательно, помогает нам переносить самые жестокие бедствия. Узник смеется в оковах; усталый поселянин с песнями возвращается в свою хижину; наконец, человек, называющий себя самым несчастным, с ужасом видит приближение смерти, если только отчаяние не окончательно исказило в его глазах облик природы*.

Пока мы желаем продолжения своего существования, мы еще не вправе считать себя совершенно несчастными; пока нас поддерживает надежда, мы еще наслаждаемся весьма великим благом. Если бы мы были более справедливы, то, подсчитав наши удовольствия и страдания, убедились бы, что сумма первых значительно превосходит сумму последних; мы увидели бы, что у нас есть подробнейший реестр зла и очень плохо составленный список добра. Действительно, мы должны были бы признать, что в нашей жизни очень мало совершенно несчастных дней. Наши периодически возобновляющиеся потребности доставляют нам удовольствие при их удовлетворении, на нашу душу непрерывно действуют тысячи вещей, обилие, разнообразие, новизна которых радует нас, отвлекает от наших огорчений, заставляет забывать наши печали. Если физические страдания невыносимы, то они непродолжительны и вскоре приводят нас к смерти; к тому же приводят и духовные страдания. Когда природа совершенно отказывает нам в счастье, она одновременно открывает нам дверь для выхода из жизни; и если мы отказываемся уйти, значит, находим еще удовольствие в существовании. Когда народы доведены до отчаяния и совершенно несчастны, они решаются на последнее средство — берутся за оружие, чтобы, рискуя жизнью, положить конец своим страданиям.

* См. то, что было сказано о самоубийстве в гл. XIV, ч. I этого сочинения.

Итак, на основании того, что столько людей цепляется за жизнь, мы вправе заключить, что они не так несчастны, как думают. Поэтому не будем преувеличивать бедствий человеческого рода; заставим молчать мрачный пессимизм, внушающий нам, будто бедствия человечества неисцелимы; станем мало-помалу уменьшать число наших заблуждений, и мы увидим, что в той же пропорции уменьшатся наши несчастья. Не будем заключать из того, что в человеческом сердце не перестают возникать желания, будто человек несчастен; из того, что его тело ежедневно нуждается в пище, следует заключить, что оно здоро́во и исполняет свои функции; из того, что его сердце испытывает желания, следует заключить, что у него есть потребность в непрестанных переживаниях и страсти неотъемлемы от счастья существа, которое чувствует, мыслит, получает идеи и должно неизбежно любить и желать того, что доставляет или обещает ему образ жизни, соответствующий его природной энергии. Пока мы живем, пока действует механизм нашей души, эта душа желает; пока душа желает, она испытывает необходимую ей деятельность; пока душа действует, она живет. Жизнь можно сравнить с рекой, воды которой текут, беспрерывно следуя друг за другом. Вынужденные двигаться по неровному руслу, они временами встречают препятствия, которые мешают им застояться. Они не перестают течь, стремиться, нестись, пока не сольются с океаном природы.

Глава XVII

ИСТИННЫЕ, ИЛИ ОСНОВАННЫЕ НА ПРИРОДЕ, ИДЕИ — ЕДИНСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ БЕДСТВИЙ; ПОВТОРЕНИЕ ИЗЛОЖЕННОГО В ЭТОЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ; ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда мы перестаем руководствоваться опытом, то всегда впадаем в заблуждения. Наши заблуждения становятся еще более опасными и неисцелимыми, когда они санкционированы религией. В этом случае мы

никогда не соглашаемся отказаться от своих взглядов; мы считаем себя заинтересованными в том, чтобы ничего больше не видеть и не слышать, и убеждены, что ради нашего счастья должны закрыть глаза на истину.

Если большинство моралистов обнаружили незнание человеческого сердца, если они ошиблись в вопросе о его болезнях и лекарствах против них, если предложенные ими лекарства не принесли пользы и оказались даже опасными, то все это потому, что они отвернулись от природы и опыта, не осмелились руководствоваться своим разумом, отказались от свидетельства своих чувств и следовали лишь капризам воображения, ослепленного фанатизмом или растроенного страхом. Они предпочли иллюзии реальным явлениям никогда не обманывающей природы.

Из-за нежелания понять, что разумное существо ни на минуту не может забыть о своем самосохранении, своих реальных или мнимых интересах, своем длительном или кратковременном благополучии — одним словом, о своем истинном или ложном счастье; из-за непонимания того, что желания и страсти — это свойственные нашей душе естественные, необходимые движения, наставники людей предположили, что заблуждения людей вызваны сверхъестественными причинами, и стали применять для борьбы с бедствиями людей бесполезные или опасные средства. Требуя от людей, чтобы они подавляли свои желания, боролись против своих склонностей, уничтожали свои страсти, им давали лишь бесплодные, туманные, неосуществимые правила жизни. Эти ненужные поучения не повлияли решительно ни на кого; в лучшем случае они могли оказать влияние на тех немногих людей, спокойное воображение которых вообще не особенно побуждало их к злу; страхи, вызванные этими поучениями, лишь нарушили покой некоторых умеренных по своей природе лиц, но отнюдь не могли остановить людей с неукротимым темпераментом, которые были опьянены своими страстями или увлечены потоком привычки. Наконец, обещания и угрозы религиозного суеверия создали лишь фанатиков, фантазеров, бесполезных или опасных

людей, но отнюдь не истинно добродетельных членов общества, полезных своим согражданам.

Эти знахари, следуя слепой рутине, совсем не понимали, что человек должен, пока он живет, чувствовать, желать, иметь страсти и удовлетворять их сообразно с энергией, присущей его организации. Они не заметили, что привычка укрепляет эти страсти, воспитание порождает их в сердцах людей, пороки правительства усиливают их, общественное мнение их одобряет, а опыт делает их необходимыми. Они не поняли, что требовать от устроенных таким образом людей уничтожения своих страстей значит ввергнуть их в отчаяние или предписать им слишком сильные лекарства, которых они не смогут принять. Советовать человеку, живущему в современном обществе с его огромными богатствами и знающему по опыту, что эти богатства доставляют решительно все удовольствия, чтобы он не желал их, не предпринимал усилий для их приобретения, забыл о них,— все равно, что убеждать его сделаться несчастным. Говорить честолюбцу, чтобы он не желал власти и влияния, в то время как все указывает на них как на предел счастья,— все равно что приказывать ему внезапно перевернуть вверх дном привычную систему своих взглядов,— все равно что говорить глухому. Говорить любовнику, наделенному пылким темпераментом, чтобы он отказался от предмета своей страсти,— все равно, что требовать, чтобы он отрекся от своего счастья. Противопоставить религию столь могучим интересам — значит бороться против реальности с помощью химер и иллюзий.

Действительно, если мы станем анализировать вещи без всякой предвзятости, то убедимся, что большая часть требований, предъявляемых людям религией или ее фанатической и фантастической моралью, столь же смехотворны, как и неосуществимы. Запретить людям страсти — значит запретить им быть людьми; посоветовать человеку с пылким воображением умерить свои желания — значит посоветовать ему изменить свою организацию, приказать его крови течь медленнее. Сказать человеку, чтобы он отказался от своих

привычек,— все равно что пожелать, чтобы гражданин, привыкший одеваться, вдруг согласился разгуливать нагишом. Если можно приказать человеку не иметь страстей, соответствующих его природной энергии, или отказаться от страстей, которые заставила его усвоить привычка и которые стали для него потребностью, то с таким же успехом можно потребовать, чтобы он изменил черты своего лица, уничтожил свой темперамент, погасил воображение или изменил природу текущих в его организме жидкостей*. Таковы, однако, те столь прославленные лекарства, с помощью которых большинство моралистов хотят бороться с человеческой развращенностью. Не удивительно, что эти лекарства не производят никакого действия или только доводят человека до отчаяния, вызывая постоянную борьбу между его страстями, пороками, привычками и фантастическими страхами, которыми хочет подчинить его себе суеверие. Пороки общества, предметы, которыми оно пользуется, чтобы возбудить наши желания; удовольствия, богатства, чины, которыми нас прельщают правительства; различные блага, которые мы ценим благодаря воспитанию, примеру окружающих и общественному мнению, — все это тянет нас в одну сторону, в то время как мораль тщетно тянет в другую, а религия своими ужасными угрозами ввергает нас в тревогу и вызывает в нас жестокий внутренний конфликт, никогда не одерживая, однако, победу. Если же случайно религия одолевает все эти противостоящие ей силы, то она делает нас несчастными, разбивая окончательно движущую пружину нашей души.

---

* Легко заметить, что все религии давали людям такого рода сумасбродные советы. Согласно религиозным суевериям индусов, японцев, магометан, христиан, евреев, совершенство заключается в том, чтобы поститься, умерщвлять плоть, воздерживаться от самых дозволенных удовольствий, избегать общества, добровольно причинять себе тысячи мучений, стараться все время идти наперекор природе. Среди язычников были не более рассудительны галлы и жрецы сирийской богини: они кастрировали себя из религиозного рвения.

Настоящим противовесом страстей являются страсти; не будем же стараться разрушать их, но попытаемся направить их; уравновесим вредные страсти страстями, полезными для общества. Рассудок, будучи плодом опыта, является не чем иным, как искусством выбирать те страсти, которым мы должны давать волю ради нашего собственного счастья. Воспитание есть искусство сеять и взращивать в сердцах людей полезные страсти. Законодательство есть искусство сдерживать опасные страсти и возбуждать те, которые могут быть полезны обществу. Религия же — это искусство сеять и взращивать в душах мечтания, иллюзии, обманы, из которых рождаются гибельные для этих и других людей страсти; только победив их, человек может достигнуть счастья.

Разум и мораль сумеют оказывать влияние на людей лишь в том случае, если покажут каждому из них, что его подлинный интерес связан с полезным для него самого поведением; а это поведение может быть полезным, лишь снискав ему благожелательное отношение других людей, необходимых для его собственного счастья. Поэтому воспитание должно с юных лет занимать воображение граждан мыслями об интересе или пользе человечества, обращать их внимание на уважение, любовь и преимущества, которые с этим связаны. Привычка должна приучить их к средствам обеспечения этих преимуществ; общественное мнение должно сделать эти средства дорогими для них, а пример окружающих должен побудить их к поискам таких средств. Правительство должно с помощью наград поощрять граждан следовать этим путем, а с помощью наказаний устрашать тех, кто желал бы идти путем противоположным. Так, надежда на подлинное счастье и страх перед реальным злом могут стать страстями, уравновешивающими страсти, вредные для общества; во всяком случае последние стали бы редким исключением, если бы к людям не обращались с непонятными умозрениями и лишенными смысла словами, а говорили им о реальных вещах или указывали на их истинные интересы.

Человек так часто бывает дурным лишь потому,

что считает себя почти всегда заинтересованным в этом. Пусть позаботятся о просвещении и счастье людей, и они станут лучше. При справедливом и неусыпном правительстве государство скоро начнет изобиловать добродетельными гражданами. Такое правительство доставит им реальные, осязаемые мотивы поступать хорошо; оно просветит их, даст им почувствовать свою заботу, привлечет их, дав им уверенность в том, что их счастье будет обеспечено. Если его обещания и угрозы будут точно исполняться, они, несомненно, возымеют большее влияние, чем обещания и угрозы религии с ее картинами иллюзорных благ или наказаний, в которых закосневшие в пороке люди будут сомневаться всегда, когда это будет им выгодно. Мотивы, возникающие в настоящем, будут действовать на них гораздо сильнее, чем соображения о каком-то неопределенном и далеком будущем. На земле так много порочных и дурных людей, закосневших в своем развратном образе жизни, лишь потому, что нет правительства, которое заставило бы их видеть свою выгоду в том, чтобы быть справедливыми, честными и добрыми. Наоборот, повсюду самая сильная заинтересованность толкает их на путь преступления, благоприятствуя порочным склонностям, которых ничто не исправляло и не направляло к добру*. Дикарь, не знающий в своей орде цены денег, разумеется, не будет обращать на них никакого внимания; но стоит ему очутиться в нашем цивилизованном обществе, и он скоро научится желать их и станет прилагать усилия, чтобы обладать ими. Под конец, если при этом ему не будет грозить опасность, он начнет красть, особенно если не научится уважать собственность окружающих его людей. Дикарь и дитя находятся в совершенно одинаковом положении, и лишь мы делаем дурными того и другого. Сын вельможи с детства привыкает желать власти; став взрослым, он становится честолюбцем;

---

* Саллюстий[1] говорит: «Nemo gratuito malus est». [«Никто не бывает дурным беспричинно».] Аналогичным образом можно сказать: «Nemo gratuito bonus est». [«Никто не бывает хорошим беспричинно».] —

если ему везет и удается войти в милость государя, то он становится дурным и остается таким безнаказанно. Таким образом, не природа создает дурных людей, а наши учреждения заставляют их быть такими. Ребенок, воспитанный среди разбойников, может стать только злодеем; если бы он был воспитан среди добродетельных людей, то и сам стал бы добродетельным человеком.

Если мы станем искать источник нашего глубокого непонимания нравственности и мотивов, которые могут влиять на волю людей, то увидим, что таким источником являются ложные представления большинства философов о человеческой природе. Наука о нравах стала неразрешимой загадкой лишь потому, что из человека сделали какое-то двойное существо, отличив душу от тела, потому что его душу выделили из области физики, подчинив ее фантастическим законам какого-то иллюзорного мира и предположив, будто она совершенно иной природы, чем все известные нам явления. Эти предположения дали повод приписать человеку природу и свойства, совершенно отличные от тех, какие наблюдаются во всех других телах. Метафизики ухватились за эти гипотезы и, придав им утонченность, сделали их совершенно непонятными. Они не заметили, что движение так же свойственно душе, как и живому телу; они не поняли, что потребности души беспрерывно возобновляются, как и потребности тела; они не уразумели, что потребности души, как и потребности тела, являются чисто физическими и на душу и тело одинаково действуют лишь материальные предметы. Они не обратили внимания на тесную и постоянную связь души с телом, или, вернее, отказались признать, что душа и тело одна и та же вещь, рассматриваемая с различных точек зрения. Упорствуя в своих фантастических и непонятных взглядах, они не хотели видеть, что тело, страдая, делает несчастной душу и удрученная душа разрушает здоровье тела. Они не поняли, что духовные удовольствия и страдания влияют на тело, вливая в него бодрость или напротив, ослабляя его; они решили, что душа извлекает свои веселые или мрачные мысли из самой себя, в то время

как идеи возникают у нее лишь от материальных предметов, которые свойственным материи образом воздействуют или воздействовали на ее органы. В действительности веселое или печальное настроение души определяется длительным или кратковременным состоянием жидких или твердых частей нашего тела. Одним словом, метафизики не поняли, что эта душа, будучи чисто пассивной, претерпевает те же изменения, что и тело, приводится в движение лишь посредством его, действует лишь при его помощи и часто без своего ведома и вопреки себе получает со стороны воздействующих на нее физических предметов свои идеи, восприятия, ощущения, свое счастье или несчастье.

Под влиянием этих взглядов, связанных с фантастическими системами или сочиненных для оправдания этих систем, предположили, что человеческая душа свободна, т. е. обладает способностью самодвижения и может действовать независимо от импульсов, получаемых ее органами от внешних предметов. Стали утверждать, будто душа может сопротивляться этим импульсам и, не считаясь с ними, следовать по пути, который она выбирает себе в силу собственной энергии. Одним словом, стали утверждать, что душа свободна, т. е. обладает способностью действовать, не определяясь никакой внешней силой.

Таким образом, эта душа, которой приписали природу, отличную от природы всех известных нам в мире существ, получила также и свой особенный способ действий: она стала, так сказать, изолированной точкой, не подчиненной цепи непрерывных движений, сообщаемых друг другу телами природы, части которой всегда находятся в действии. Увлеченные своими химерическими представлениями, эти мыслители не заметили, что, отличая душу от тела и от всех известных нам существ, они лишили себя возможности понять ее. Они не хотели замечать полной аналогии между ее способом действий и способом действий тела, а также постоянного и необходимого соответствия между душой и телом. Они не хотели видеть, что душа подобно всем телам природы подвержена действиям притяжения и отталкивания, зависящим от свойств субстанций,

приводящих в действие ее органы; что ее решения, страсти, желания всегда являются следствием движений, производимых физическими предметами, находящимися вне ее власти; что эти предметы делают ее счастливой или несчастной, активной или вялой, довольной или печальной вопреки ей самой и всем ее усилиям чувствовать себя иначе. В небесах искали фиктивных побуждений, будто бы воздействующих на душу. Людям указывали лишь на какие-то воображаемые интересы; под предлогом какого-то иллюзорного счастья им мешали трудиться для своего подлинного счастья, которого им предусмотрительно не показывали. Их взоры направляли на небо для того, чтобы они не могли видеть земли. От них скрыли истину и хотели сделать их счастливыми при помощи страхов, призраков и химер. Так люди, будучи слепыми сами, получили в руководители слепцов, после чего и руководители и руководимые только и делали, что беспрестанно заблуждались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышеизложенного вытекает, что человечество обязано всеми своими заблуждениями тому, что отказалось от опыта, свидетельства чувств, здравого смысла и стало руководствоваться указаниями нередко обманчивого воображения и всегда подозрительного авторитета. Человек никогда не поймет, в чем его истинное счастье, пока будет пренебрегать изучением природы и ее неизменных законов и не будет искать в ней одной средств против бедствий, являющихся необходимым следствием его заблуждений. Человек всегда будет загадкой для самого себя, пока будет считать себя двойственным и приводимым в движение непонятной силой, природы и законов которой он не знает. Его интеллектуальные способности и духовные качества будут непонятны для него, если он не посмотрит на них теми же глазами, как и на свои телесные качества или способности, и не постигнет, что те и другие подчинены одним правилам. Мнимое учение о сво-

боде воли решительно ни на чем не основано, опыт опровергает его на каждом шагу. Опыт показывает человеку, что во всех своих поступках он подчинен необходимости. Эта истина не только не опасна для людей и не пагубна для морали, но, напротив, дает ей настоящую основу, так как показывает необходимость отношений, существующих между чувствующими существами, объединившимися в общество, чтобы совместно трудиться ради взаимного счастья. Из необходимости этих отношений вытекает необходимость обязанностей людей, равно как и необходимость любви к поведению, называемому добродетельным, и отвращения к поведению, называемому порочным и преступным. Отсюда ясны истинные основы морального долга, означающего не что иное, как необходимость находить средства для достижения цели, которую человек ставит себе в обществе, где каждый из нас во имя собственного интереса, счастья и безопасности должен обнаруживать склонности, необходимые для собственного самосохранения и способные вызвать в его согражданах чувства, в которых он нуждается сам, чтобы быть счастливым. Одним словом, всякая мораль основана на необходимом взаимодействии человеческих воль, необходимом притяжении и отталкивании людских душ: общество держится согласием воль и поступков людей, а их раздоры губят его или делают несчастным.

Из всего сказанного можно заключить, что названия, которыми люди обозначали действующие в природе скрытые причины и их различные следствия, всегда представляют собой не что иное, как необходимость, рассматриваемую под различными углами зрения. Мы нашли, что *порядок* — это необходимая цепь причин и следствий, совокупность которых, их связь и действие мы видим или воображаем, что видим, цепь, которая нравится нам, когда мы находим ее сообразной с нашим бытием. Нам удалось также убедиться в том, что явления, именуемые нами *беспорядком*, есть необходимая цепь причин и следствий, которые мы считаем неблагоприятными для нас или не соответствующими нашему существу. *Разумом* была названа необходимая причина, необходимым образом вызывающая

цепь явлений, обозначаемых словом *порядок*. *Божеством* была названа необходимая и невидимая причина, приводящая в действие природу, в которой все совершается согласно необходимым и неизменным законам. *Судьбой*, или *роком*, была названа необходимая связь неизвестных причин и следствий, наблюдаемых нами в этом мире. Словом *случай* были обозначены действия, которых мы не можем предвидеть или необходимой связи которых с их причинами не знаем. Наконец, *интеллектуальными* и *духовными* способностями были названы необходимые действия и модификации организованного существа, приводимого якобы в действие каким-то непонятным агентом, отличным от его тела и названным *душой*.

Затем предположили, что этот агент бессмертен и в отличие от тела недоступен разложению. Мы показали, что фантастическое учение о загробной жизни основано на совершенно произвольных допущениях, опровергаемых размышлением. Мы доказали, что эта гипотеза не только бесполезна для нравственности людей, но, наоборот, способна усыплять их мысль, отвращать их от труда для своего реального счастья, опьянять их головокружительными выдумками, лишающими их спокойствия, и, наконец, усыплять бдительность законодателей, освобождая их от забот о разумном воспитании, от внимания к учреждениям и законам общества. Мы объяснили, что политика ошибочно исходит из учения, неспособного сдерживать страсти, которые окружающее точно нарочно разжигает в сердцах людей, перестающих думать о будущем перед лицом прельщающего их настоящего. Мы показали, что презрение к смерти — это чувство, способное придать людям мужество и решимость предпринимать то, что действительно полезно обществу. Наконец, мы разъяснили, что может привести людей к счастью, и указали на препятствия, которые ставит на этом пути заблуждение.

Пусть же нас не обвиняют в том, будто мы только разрушаем, ничего не созидая, только боремся против заблуждения, не указывая взамен истины, и подкапываемся под основы не только религии, но и здоровой

морали. Последняя необходима людям; она основана на их природе; предписываемые ею обязанности носят вполне определенный характер и должны существовать до тех пор, пока существует человеческий род. Мораль внушает нам обязанности, так как без нее не могут существовать и наслаждаться жизнью ни отдельные лица, ни общества.

Итак, будем повиноваться этой морали, основанной на опыте и необходимости вещей; не будем обращать внимания на суеверное учение, основанное на иллюзиях, обмане и причудах воображения. Будем следовать урокам той человечной и мягкой морали, которая приводит нас к добродетели путем счастья. Заткнем уши и не будем слушать бесполезных призывов религии, неспособной заставить нас полюбить добродетель, а способной только оттолкнуть нас от нее и делающей нас действительно несчастными в этом мире в ожидании обещаемых ею иллюзорных благ загробного мира. Наконец, посмотрим, не может ли разум без помощи этой озлобленной против него соперницы более верным путем повести нас к цели всех наших желаний.

Действительно, какие плоды извлекло до сих пор человечество из всех этих тонких умствований о сверхъестественных вещах, которыми теология питала наше воображение в течение веков? Сделали ли все эти созданные невежеством и воображением призраки, утонченные, вздорные, лишенные почвы опыта гипотезы, не имеющие смысла ни в одном языке слова, фантастические надежды и панические страхи, которыми пытались воздействовать на человеческую волю, людей лучшими, вернее понимающими свои обязанности, более преданно выполняющими их? Сделали ли все эти фантастические системы и софистические выдумки, на которые пытаются опереться защитники суеверия, более просвещенным наш ум, более разумным наше поведение, более добродетельным наше сердце? Увы, все эти вещи только погрузили человеческую мысль во мрак, из которого она не может выбраться, посеяли в наших душах опасные заблуждения, пробудили в нас гибельные страсти — подлинный источник бедствий, от которых страдает человечество.

Перестань же, о человек, тревожить призрак, созданный твоим воображением или обманом! Откажись от пустых надежд, освободись от удручающих тебя страхов, спокойно следуй необходимой дорогой, начертанной для тебя природой. Посади вдоль нее цветы, если твой жребий позволяет это; удали, если можешь, тернии, которые рассыпала по ней судьба. Не погружай своих взоров в непроницаемое будущее: его темнота достаточно ясно показывает, что бесполезно или опасно пытаться приникнуть в него. Думай только о том, чтобы стать счастливым в единственном известном тебе существовании. Будь умерен, воздержан, рассудителен, если заботишься о своем самосохранении; сохраняй меру в удовольствиях, если желаешь сделать их длительными. Воздерживайся от всего того, что может повредить тебе самому и другим. Будь поистине разумен, т. е. научись любить себя, заботиться о своем существовании, осуществлять цель, которую ставишь себе в каждое мгновение. Будь доброжелательным, чтобы пользоваться длительным счастьем, наслаждаться привязанностью, уважением и помощью существ, необходимых по законам природы для твоего собственного счастья. Если же они несправедливы, постарайся быть достойным собственной любви и самоуважения; и ты будешь жить довольным, твое спокойствие не будет нарушено, конец твоего жизненного поприща, свободный, как и вся твоя жизнь, от угрызений совести, не посрамит тебя. Смерть будет для тебя вратами нового существования в новой системе вещей: ты будешь подчинен там, как и здесь, вечным законам судьбы, повелевающей тебе, если ты хочешь счастливо жить на земле, делать счастливыми других людей. Поэтому дай потоку природы тихо увлечь тебя, пока ты не уснешь мирно в породившем тебя лоне.

Ты же, о дурной, несчастный человек, находящийся в вечном противоречии с самим собой, о расстроенный механизм, не согласующийся ни с собственной природой, ни с природой своих ближних, не бойся загробных наказаний за свои преступления! Разве ты уже не наказан достаточным образом? Разве твои безумства, твои постыдные привычки, твое распутство не губят

твоего здоровья? Разве, пресыщенный излишествами, ты не влачишь свою жизнь в грязи? Разве скука не является наказанием за удовлетворение твоих страстей? Разве твоя сила и жизнерадостность не уступили уже место слабости, недугам, сожалениям? Разве твои пороки с каждым днем не приближают тебя к могиле? Разве при каждом новом преступлении ты осмеливался без ужаса углубиться в самого себя? Разве в твоем сердце не поселились угрызения совести, страх и стыд? Разве ты не боялся взоров своих ближних? Разве наедине с собой ты не дрожал, боясь, что грозная истина вдруг раскроет твои злодеяния? Не трепещи же перед будущим, оно положит конец заслуженным мукам, причиняемым тобой самому себе; освободив землю от лишнего бремени, смерть освободит тебя от самого себя — твоего злейшего врага.

О БОЖЕСТВЕ, О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, О ЕГО АТРИБУТАХ, О СПОСОБЕ, КАКИМ БОЖЕСТВО ВЛИЯЕТ НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАШИХ ИДЕЙ О БОЖЕСТВЕ

Если бы у людей хватило мужества обратиться к источнику взглядов, глубочайшим образом запечатленных в их мозгу; если бы они отдали себе точный отчет в причинах, заставляющих их относиться к этим взглядам с уважением как к чему-то священному; если бы они решились хладнокровно проанализировать мотивы своих надежд и опасений, то они нашли бы, что предметы или идеи, способные сильнейшим образом влиять на них, часто не обладают никакой реальностью, представляя собой просто лишенные смысла слова, призраки, созданные невежеством и видоизмененные больным воображением. Их мысль работает наспех, без всякой последовательности; их нормальная умственная деятельность нарушается страстями, которые мешают им правильно рассуждать или руководствоваться опытом в своих суждениях. Поместите человека в среду, все части которой находятся в движении, и он станет испытывать различные ощущения в соответствии с приятными или неприятными воздействиями, которым он подвергнется; благодаря этому он окажется счастливым или несчастным и в зависимости от свойств ощущений, которые у него возникнут, станет испытывать любовь или страх, будет искать или избегать реаль-

ных или мнимых причин происходящих в его организме действий. Но если этот человек невежествен или лишен опыта, то он будет заблуждаться насчет этих причин; он не сумеет их доискаться; он не будет знать ни их энергии, ни их способа действия; он будет находиться в неуверенности до тех пор, пока повторные опыты не дадут ему возможности составить себе определенное представление об этих причинах.

Человек от рождения наделен лишь способностью испытывать более или менее сильные ощущения в соответствии со своей индивидуальной организацией; он не знает ни одной из действующих на него сил; руководствуясь ощущениями, он мало-помалу открывает их различные качества, обучается судить о них, привыкает к ним и в соответствии с их воздействием на него связывает с ними различные идеи; последние оказываются истинными или ложными в зависимости от того, хорошо или плохо устроены его органы и способны ли они производить надежные повторные опыты.

Первые мгновения жизни человека отмечены рядом потребностей; это значит, что человеку в целях самосохранения необходимо содействие ряда соответствующих факторов; потребности обнаруживаются в человеке в виде какого-то расстройства, какой-то апатии и вялости его организма, вызывающих в нем тягостное ощущение; это расстройство остается и усиливается до тех пор, пока соответствующая причина не восстановит порядка, присущего человеческому организму. Потребность — это первое из испытываемых человеком зол; однако это зло необходимо для самосохранения человека, о котором он бы совершенно не задумывался, если бы происходящее в его теле расстройство не заставляло его обратить на это внимание. Без потребностей мы были бы лишь бесчувственными машинами подобно растениям, неспособными сохранить себя или принять меры для поддержания своего существования. В наших потребностях — источник наших страстей, желаний, телесных и умственных способностей; наши потребности заставляют нас думать, желать, действовать; чтобы удовлетворить их или положить конец вызываемым ими в нас тягостным ощущениям, мы в зависимости

от нашей естественной чувствительности и свойственной нам энергии приводим в действие силы своего тела или духа. Так как наши потребности постоянны, мы вынуждены работать без передышки, чтобы добывать себе предметы, способные удовлетворить их. Одним словом, разнообразные потребности человека являются причиной того, что он находится в постоянном действии; если у человека больше нет потребностей, он впадает в бездействие, апатию, скуку и томление, беспокоящее его и вредное для его существования; это состояние длится до тех пор, пока новые потребности не оживят его и не пробудят от этой летаргии.

Отсюда ясно, что *зло* необходимо для человека; без него он не мог бы ни познавать того, что ему вредно, ни избегать этого, ни заботиться о своем счастье; человек совершенно не отличался бы от бесчувственных, неорганизованных существ, если бы временное зло, называемое нами потребностью, не заставляло его пускать в ход свои способности, производить опыты, сравнивать и отличать вредные для него вещи от полезных. Наконец, без зла человек не знал бы добра; он постоянно подвергался бы риску погибнуть; подобно ребенку, лишенному опыта, он постоянно шел бы навстречу своей гибели; он был бы не способен составить суждение о чем-либо, он не имел бы воли, страстей, желаний, не возмущался бы существованием неприятных предметов и не мог бы отстранить их; ничто не побуждало бы его любить что-нибудь или бояться чего-нибудь; он был бы бесчувственным автоматом, а не человеком.

Если бы в этом мире не было зла, человек никогда не помышлял бы о божестве. Если бы природа дала ему возможность легко удовлетворять свои неизменно возобновляющиеся потребности или испытывать лишь приятные ощущения, то его дни протекали бы в постоянном однообразии и у него не было бы поводов исследовать неизвестные причины вещей. Размышлять — дело нелегкое: постоянно довольный своей участью, человек думал бы лишь о том, чтобы удовлетворять свои потребности, наслаждаться настоящим и иметь дело с предметами, которые всегда приятным образом напоминали бы ему о его существовании. Ничто не тревожило бы его

сердца, все было бы сообразно с его существом; он не испытывал бы ни страха, ни недоверия, ни беспокойства за будущее. Такие переживания могут быть лишь следствиями какого-нибудь неприятного ощущения в прошлом, которое, нарушив гармонию человеческого организма, прервало течение его счастливой жизни.

Всякий человек независимо от своих постоянно возобновляющихся потребностей, которых он часто не в состоянии удовлетворить, должен был испытать в своей жизни массу бедствий; ему пришлось страдать от непогоды, неурожая, эпидемий, несчастных случаев, болезней и т. д. Вот почему всякий человек боязлив и недоверчив. Опыт пережитого страдания вызывает в нас тревогу при встрече со всяким неизвестным явлением, т. е. таким явлением, воздействия которого мы еще не испытали; благодаря этому опыту мы внезапно или, если угодно, инстинктивно настораживаемся при встрече с предметами, воздействия которых на нас нам еще не известны. Наши тревоги и страхи возрастают пропорционально размерам расстройства, вызываемого в нас этими предметами, их редкости, т. е. нашей неопытности относительно них, нашей естественной чувствительности и пылу нашего воображения. Чем более невежествен или лишен опыта человек, тем более он подвержен страху: уединение, лесная тень, мрак и безмолвие ночи, свист ветра, внезапный и неясный шум пугают каждого, кто не привык к этим вещам; невежда подобен ребенку, который из-за всего дрожит и всего пугается. Его страхи исчезают или слабеют по мере того, как опыт приучает его к явлениям природы; он успокаивается, как только узнает или воображает, что узнает, причины наблюдаемых им явлений и знакомится со средствами избежать их действия. Но если такой человек не может отыскать причины тревожащих его или заставляющих его страдать явлений, то он не знает, как ему поступать: его тревоги растут, его воображение устремляется бог знает куда; оно преувеличивает неизвестный предмет его страхов или создает его искаженное изображение; оно делает этот предмет сходным с некоторыми из известных ему существ; оно подсказывает ему средства, подобные тем, которые он обыкновенно

употребляет, чтобы предотвратить таким образом действия и ослабить силу скрытой причины, породившей его тревоги и страхи. Так невежество и слабость человека делают его суеверным.

Даже в наше время мало людей с достаточным вниманием изучает природу или знакомится с физическими причинами и вызываемыми ими следствиями. Это невежество было, несомненно, еще значительнее в отдаленные времена, когда по-детски незрелая человеческая мысль не достигла благодаря опыту того прогресса, который мы наблюдаем в ней теперь. Разрозненно жившие дикари вовсе не знали законов природы или знали их крайне несовершенным образом; только общественная жизнь дает возможность развиваться человеческому знанию; чтобы разгадать природу, необходимы разнообразные и взаимодополняющие друг друга усилия. Если иметь это в виду, станет ясно, почему для наших диких предков все явления были чем-то таинственным, а вся природа — загадкой; все явления должны были казаться чудесными и грозными лишенным опыта существам; все, что они видели, должно было представляться им необычным, страшным, противоречащим порядку вещей.

Не будем поэтому поражаться тому, что люди еще и теперь трепещут при виде предметов, заставлявших трепетать их отцов. Затмения, кометы, метеоры некогда вызывали тревогу у всех народов на земле; эти явления, столь естественные с точки зрения здравой философии, мало-помалу раскрывшей их истинные причины, еще и теперь в состоянии тревожить наиболее многочисленную, но наименее просвещенную часть современных народов. Простой народ, как и его невежественные предки, считает чудесными и сверхъестественными все предметы, к которым он не привык, равно как и все неизвестные явления, действующие с такой силой, на какую, по его мнению, не способны известные ему агенты. Толпа видит чудеса и знамения во всех поражающих ее явлениях, понять которые она не может, и называет *сверхъестественными* производящие их причины: это означает попросту, что она не привыкла к ним, не знает их или не видела в природе агентов, способных произ-

водить те редкие явления, которые поражают воображение неосведомленного человека.

Кроме естественных и обыденных явлений, среди которых, не постигая их причин, жили народы, последние с древнейших времен испытывали всякого рода бедствия общего и частного характера, которые должны были повергать их в величайший ужас и смятение. Летописи и предания всех народов еще и ныне рассказывают о грозных физических явлениях, бедствиях и катастрофах, которые должны были переполнить страхом души их предков. Но если бы история и не сообщила нам ничего об этих грандиозных переворотах, то разве мы лично не могли бы убедиться в том, что все части земного шара испытали и сообразно ходу вещей должны были испытать и еще будут испытывать в различные времена всякие потрясения, изменения, наводнения, пожары? Обширные материки были поглощены волнами; вышедшие из своих берегов моря захватили часть суши; отступив затем назад, воды оставили нам разительные доказательства своего пребывания на захваченной ими суше в виде раковин, остатков рыб и разных морских организмов, которые внимательный наблюдатель встречает теперь во всех заселенных людьми плодородных местностях. Подземные огни в разных местах отверзли гибельные для человечества отдушины. Одним словом, разъяренные стихии не раз боролись между собой за владычество над земным шаром, который повсюду покрыт необозримыми грудами развалин. Как должен был трепетать человек, видя, что на него обрушивается вся природа, грозя уничтожить его жилище! Какой испуг должны были испытать застигнутые врасплох люди, видя перед собой столь потрясенную природу, словно готовый рухнуть мир, разверзшуюся землю, ставшую могилой городов, провинций, целых народов! Какое представление должны были составить себе о неотвратимой причине, призводящей такие колоссальные действия, подавленные страхом смертные! Конечно, они не могли признать причиной таких действий природу; они не могли допустить, чтобы она была виновницей или соучастницей катастрофы, которую испытывала сама; они не понимали, что эти пере-

вороты и беспорядки являются неизбежным результатом неизменных законов природы и содействуют поддерживающему ее порядку.

При этих роковых обстоятельствах народы, не видя на земле сил, способных производить столь могущественные действия, направляли свои тревожные взоры и поднимали свои орошенные слезами глаза к небу, где, по их мнению, должны были находиться неизвестные и враждебные силы, губящие здесь, на земле, их счастье.

Невежество, тревоги, бедствия всегда были источником первых представлений людей о божестве. Отсюда ясно, что представления эти должны были быть ненадежными или ложными и во всяком случае горестными. Действительно, куда бы мы ни устремили свой взор: на скованный холодом север, знойные области юга или более умеренные пояса,— мы повсюду увидим трепещущие народы, которые под влиянием своих страхов и несчастий создали себе национальных богов или стали почитать чужих, заимствованных из других мест. Представление об этих могущественных силах всегда соединялось с представлением о страхе; их имя всегда напоминало человеку его собственные бедствия или бедствия его предков: мы трепещем теперь потому, что наши предки трепетали тысячи лет тому назад. Представление о божестве всегда вызывает в нас горестные мысли: если мы станем доискиваться источника наших теперешних страхов и мрачных мыслей, возникающих в нашем уме всякий раз, когда при нас произносят имя бога, то найдем, что причиной этого являются потопы, всякого рода перевороты и катастрофы, которые уничтожили часть человечества и повергли в ужас несчастных, уцелевших от всеобщего разрушения; эти последние передали нам свои страхи и составленные ими мрачные представления о причинах их тревог, или богах*.

---

* Один английский автор[1] правильно заметил, что всемирный потоп внес, быть может, такой же хаос в духовный мир, как и в мир физический, и что человеческий мозг сохраняет еще и поныне следы испытанных тогда потрясений (Philemon et Hydaspe, p. 355).

Маловероятно, чтобы потоп, о котором говорят священные книги евреев и христиан, был всемирным; но можно думать, что

Если боги народов были порождены посреди тревог, то точно так же посреди страданий каждый отдельный человек сотворил для самого себя некую неведомую силу. Человек, испытывающий какое-нибудь несчастье или неприятное ощущение, не умеет объяснить их из-за незнания естественных причин и способа их действия. Возникающие внутри него и вопреки ему движения: болезни, страдания, страсти, тревоги, болезненные изменения, испытываемые его организмом, причины которых он не знает, наконец, смерть, вид которой так страшен для привязанного к жизни существа, — все эти явления представляются ему сверхъестественными, так как противоречат его природе; поэтому он приписывает их какой-то могущественной причине, которая, несмотря на все его усилия, располагает им по своему произволу. Его воображение в отчаянии от кажущихся неизбежными бедствий немедленно создает ему какой-нибудь призрак, перед которым он не перестает трепетать в сознании своей собственной слабости. Тогда, скованный страхом, он начинает печально размышлять о своих страданиях и в трепете изыскивает средства устранить их, обезоружить гнев преследующего его призрака. Так в мастерской печали несчастный человек создает призрак, из которого он делает себе бога.

О неизвестных нам предметах мы всегда умозаключаем по тем вещам, которые в состоянии познать. Человек по аналогии с самим собой приписывает всякой воздействующей на него неизвестной причине волю, ум, намерения, планы, страсти — одним словом, качества, подобные его собственным. Если какая-нибудь реальная или воображаемая причина действует на него приятным образом, то он считает ее доброй и благосклонной к нему; наоборот, он думает, что всякая причина,

---

все части земного шара испытали в различные времена потопы: доказательством этого является столь единообразное у всех народов предание о потопе, а еще более — следы морских организмов, повсеместно находимые на большей или меньшей глубине в земной толще; возможно, однако, что столкновение с какой-нибудь кометой повлекло за собой затопление всех материков сразу, и в этом, конечно, не было ничего чудесного.

заставляющая его испытывать неприятные и вредные ощущения, дурна по своей природе и намеренно вредит ему. Он приписывает планы, намерения, систему поведения всему, что, как ему кажется, само по себе производит связанные между собой действия, действует с известным порядком и последовательностью и постоянно вызывает в нем одни и те же ощущения. Сообразно с этими представлениями, всегда заимствуемыми человеком у самого себя, из своего собственного способа действовать, он любит воздействующие на него предметы или боится их, приближается к ним доверчиво или с опаской, стремится к ним или избегает их, если думает, что может избежать их влияния. Вскоре он начинает говорить с ними, призывать их, умолять их оказать ему свое содействие или перестать причинять страдания; он пытается снискать их благоволение покорностью, низкопоклонством, подарками, к которым сам так чувствителен; наконец, он оказывает им гостеприимство, представляет убежище, строит жилища и доставляет вещи, которые, по его мнению, должны им особенно нравиться, так как он сам их очень ценит. Все это дает нам возможность объяснить образование тех богов-*хранителей*, которые имеются у каждого человека среди грубых и диких народов. Мы видим, что невежественные люди считают господами своей судьбы животных, камни, бесформенные и неодушевленные существа — фетиши, которые они превращают в божества, приписывая им разум, желания и волю.

Есть еще одно обстоятельство, которое вводит в обман дикаря и всегда будет обманывать всех тех, кого разум не научил не доверять видимости; это — случайное совпадение некоторых явлений с причинами, которые их не произвели, или же сосуществование этих явлений с причинами, не имеющими с ними никакой реальной связи. Так, дикарь станет приписывать доброту или желание сделать ему добро любому неодушевленному или одушевленному предмету, например камню какой-нибудь определенной формы, скале, горе, дереву, змее, животному и т. д., если обстоятельства складывались так, что при всякой встрече с этими предметами он пользовался удачей на охоте, в рыбной лов-

ле, на войне или в каком-либо другом начинании. Тот же дикарь — и столь же неосновательно — будет приписывать коварный или злой умысел любому предмету, который встретится ему в тот день, когда он испытает какую-нибудь неудачу; не умея рассуждать, он не замечает, что явления зависят от естественных причин и необходимых обстоятельств; ему легче приписать их происхождение мнимым причинам, в действительности неспособным влиять на него или желать ему добра и зла; под влиянием своего невежества и лености ума он *обожествляет* их, т. е. приписывает им разум, страсти, намерения, наделяя их сверхъестественным могуществом. Дикарь всегда ребенок: последний бьет неугодную ему вещь, подобно тому как собака кусает ударяющий ее камень, вовсе не думая о руке, которая бросила этот камень.

Таковы основы веры в счастливые или несчастливые предзнаменования у человека, лишенного опыта; такой человек считает их предупреждениями, исходящими от смехотворных богов, которым он приписывает проницательность и предвидение — эти недостающие ему самому качества. Под влиянием невежества и страха человек начинает думать, будто какой-нибудь камень, пресмыкающееся, птица знают гораздо больше, чем он сам. Те немногие наблюдения, которые оказались доступными невежественному человеку, сделали его только более суеверным: он заметил, что некоторые птицы своим полетом или криком возвещают перемены в погоде — холод, тепло, бури, ясную погоду; он заметил, что в известное время из глубины некоторых пещер поднимаются пары; этого было достаточно, чтобы заставить его думать, будто это существа, которые знают будущее и обладают даром порицания.

Если с течением времени опыт и размышление показывают человеку, что он напрасно приписывает могущество, разум и добродетели бесчувственным предметам, то он все же предполагает, что эти предметы приводятся в действие какой-то тайной причиной, каким-то невидимым деятелем, орудиями которого они являются. Он начинает тогда обращаться к этому скрытому деятелю; он взывает к нему, старается добиться его

благосклонности, умоляет его о помощи, пытается смягчить его гнев, прибегая для этого к тем средствам, которыми пользуется в аналогичных целях по отношению к людям.

В начале своей общественной жизни люди, часто претерпевая бедствия по вине природы, приписали стихиям или управляющим ими скрытым силам волю, намерения, потребности, желания, подобные тем, которые имеются у человека. В этом — источник жертвоприношений, придуманных, чтобы кормить эти неизвестные существа; возлияний, предназначенных утолять их жажду; фимиама и ладана, которые должны доставлять удовлетворение их обонянию. Полагали, что раздраженные стихии или повелевающие ими силы можно умиротворять, как раздраженного человека, мольбами, низкопоклонством, подарками. Воображение без устали работало над тем, чтобы угадать, какие подарки и приношения приятнее всего этим немым существам, не обнаруживающим своих наклонностей. Вначале им давали земные плоды, снопы; затем им стали приносить мясо ягнят, телят, быков. Так как они почти всегда казались раздраженными против человека, то им малопомалу стали приносить в жертву детей, людей. Наконец, под влиянием исступленного воображения стали думать, что верховное существо, управляющее природой, пренебрегает земными приношениями и может быть умиротворено лишь принесением в жертву бога; предположили, что бесконечное существо может быть примирено с человеческим родом только бесконечной жертвой.

Так как старики обладали большим опытом, то на них обыкновенно возлагалась миссия примирения людей с раздраженным божеством*. Эти старики окру-

---

* Греческое слово πρέσβυς, от которого происходит французское слово prêtre (жрец, священнослужитель), означает *старик*. Люди всегда окружали уважением все, что носит черты древности; они всегда связывали с древностью представление об особой мудрости и опытности. Вероятно, под влиянием этого предрассудка люди обыкновенно предпочитают в затруднительных случаях авторитет древности и решения предков указаниям здравого смысла и разума. Это особенно относится к религиозным вопросам;

жили обряд примирения с богом всякого рода церемониями, предосторожностями и формулами: они записали для своих сограждан полученные ими от предков сведения, сделанные ими наблюдения, выдуманные ими сказания. Так возникло жречество; так сложился культ; так мало-помалу образовалась религиозная доктрина, передававшаяся в каждом обществе от поколения к поколению. Одним словом, таковы бесформенные и случайные элементы, из которых повсюду возникла религия; религия всегда была системой поведения, созданной невежественным воображением, чтобы снискать благоволение неизвестных сил, которым, как полагали, подчинена природа; в основе религии всегда имеется какое-нибудь гневное и неумолимое божество. На этом детском, нелепом понятии жреческое сословие основало свои права, свои храмы, алтари, богатства, свой авторитет, свои догматы — одним словом, на этих грубых основах держатся все религии мира; выдуманные некогда дикарями, они и в настоящее время руководят судьбой самых цивилизованных народов. Эти столь пагубные по своим принципам системы в дальнейшем были по-разному видоизменены человеческой мыслью с ее природным влечением к неизвестному: люди вначале всегда приписывают неизвестному огромное значение, а впоследствии никогда не осмеливаются хладнокровно его анализировать.

Так изменились воображаемые представления о божестве, выдуманные теми или иными людьми или полученные ими со стороны. Первая богословская система вначале заставила человека бояться и почитать стихии, материальные и грубые предметы; затем он стал поклоняться существам, управляющим стихиями, — могущественным гениям, гениям низшего порядка, героям или людям, одаренным великими доблестями. В ходе дальнейших размышлений он решил упростить эту систему, подчинив всю природу одному-единственному

воображают, будто в древности люди получили религию из первых рук и будто религию во всей ее мудрости и чистоте можно застать в период ее детства, в колыбели. Предоставляю читателю решить, насколько обоснована такое рассуждение!

агенту — верховному разуму, духу, мировой душе, приводящей в движение эту природу и ее части[2]. Восходя от одной причины к другой, люди в конце концов перестали различать что бы то ни было, и в этом-то мраке они поместили своего бога; в этих темных безднах их встревоженное воображение продолжает фабриковать химеры, которые будут страшить людей до тех пор, пока познание природы не освободит их от веры в эти призраки — предметы их постоянного и бессмысленного поклонения.

Если мы захотим понять сущность наших представлений о божестве, то должны будем признать, что словом *бог* люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых ими явлений; они употребляют это слово лишь в тех случаях, когда перестают разбираться в механизме естественных и известных им причин; утратив из виду последовательность и связь этих причин, они прекращают свои поиски; чтобы покончить с затруднениями, называют *богом* последнюю причину, т. е. ту, которая находится за гранью всех известных им причин; таким образом, они дают лишь туманное название некоторой неизвестной причине, перед которой останавливаются под влиянием лености мысли или ограниченности своих познаний. Во всех тех случаях, когда говорят, что бог есть виновник какого-нибудь явления, это означает просто, что не знают, как могло произойти подобное явление при помощи известных нам в природе сил или причин. Так, невежественное большинство приписывает божеству не только поразительные и необычные явления, но и самые простые события, причины которых совсем нетрудно узнать всякому, кто поразмыслит над ними*. Одним

* По-видимому благодаря незнанию истинных причин страстей, талантов, поэтического дарования, опьянения и т. д., эти явления были обожествлены под именами *Купидона*, *Аполлона*, *Эскулапа*, *фурий*. У страха и лихорадки тоже были свои алтари. Одним словом, человек охотно приписывал какому-нибудь божеству все те явления, которых он не мог понять. Вот, без сомнения, почему считали божественными явлениями сновидения, истерические припадки, галлюцинации. Магометане еще и поныне почитают сумасшедших. Христиане считают экстаз небесной милостью. Они называют *видениями* то, что другие назвали бы безумием,

словом, человек всегда окружал почтением неизвестные причины поражавших его явлений, понять которые ему мешало его невежество.

Остается вопрос, можем ли мы надеяться на то, чтобы в совершенстве познать силы природы, свойства заключающихся в ней вещей и вытекающие из их сочетаний действия? Знаем ли мы, почему магнит притягивает железо? В состоянии ли мы объяснить явления света, электричества, упругости? Знаем ли мы тот механизм, благодаря которому известное видоизменение мозга, называемое нами волей, приводит в движение наши руки? Можем ли мы объяснить себе, как наш глаз видит, наше ухо слышит, наш ум понимает? Если мы не в состоянии понять повседневнейших явлений природы, то на каком основании отказываем мы ей в способности производить без содействия постороннего, менее известного, чем она сама, активного начала другие, непонятные для нас явления? Становимся ли мы умнее от того, что по поводу явлений, истинных причин которых не можем найти, нам всякий раз говорят, будто эти явления произведены могуществом или волей божества, т. е. вызваны каким-то совершенно неизвестным нам активным началом, которое мы представляем себе еще хуже, чем любую естественную причину? Неужели достаточно простого звука, с которым мы не можем связать никакого определенного содержания, чтобы дать объяснение возникающим у нас вопросам? Что означает слово *бог*, как не недоступную нам причину явлений, которые поражают нас и которых мы не можем объяснить? Если мы будем честны с самими собой, то должны будем согласиться, что лишь незнание естественных причин и сил природы породило богов; лишь невозмож-

---

галлюцинацией, мозговым расстройством: страдающие истерическими припадками женщины особенно подвержены видениям и экстазам; умерщвляющие свою плоть, предающиеся посту монахи находятся в особенно благоприятных условиях, чтобы получать милость всевышнего, т. е. предаваться бредням. Германцы, согласно Тациту, думали, что женщины обладают чем-то божественным. Женщины возбуждали воинский дух дикарей, побуждая их к сражениям. У греков были свои *пифии*, *сивиллы*, *пророчицы*.

ность покончить с этим незнанием, составить себе ясные представления о происхождении вещей и открыть истинный источник вызывающих удивление или страх явлений заставляет большинство людей думать, будто идея о боге необходима, чтобы понять те явления, до истинной причины которых они не могут добраться. Вот почему считают безумцами всех тех, кто не видит нужды допускать существование какого-то неизвестного активного начала, какой-то скрытой энергии, которую люди благодаря своему незнанию природы помещают где-то вне ее.

Все явления природы неизбежно порождают в людях различные чувства. Одни полезны им, другие вредны; одни вызывают их любовь, восхищение, признательность, другие — беспокойство, отвращение, отчаяние. Люди сообразно различным испытываемым ими чувствам любят явления, вызывающие в них различные страсти, или боятся их; они соразмеряют эти чувства с испытываемыми ими воздействиями; их восхищение, их страх растут тем больше, чем обширнее, могучее, непонятнее, непривычнее, интереснее для них поражающие их явления. Человек неизбежно считает себя центром всей природы: действительно, он может судить о вещах лишь в зависимости от того, как они воздействуют на него; он может любить лишь то, что считает благоприятным для себя; он неизбежно ненавидит и боится всего того, что заставляет его страдать; наконец, как мы видели, он называет беспорядком все то, что нарушает деятельность его организма, и полагает, что все в порядке, не испытывая чего-либо не соответствующего его способу существования. Под влиянием всех этих идей человек уверил себя, будто природа создана для него одного, будто в своих творениях она имеет в виду лишь его и могущественнейшие причины, которым она подчинена, производят все изменения во вселенной только ради его блага.

Если бы на земле были другие мыслящие существа помимо человека, то они, по всей вероятности, стали бы жертвой того же самообмана, что и он: этот самообман основывается на том исключительном, привилегированном положении, которое необходимым образом

приписывает себе каждый индивид и в которое он верит до тех пор, пока опыт и размышление не внесут соответствующих поправок.

Таким образом, если человек доволен своей участью, если все его дела в порядке, то он восхищается той причиной, в которой видит основу своего благополучия, или любит ее; если же человек недоволен своим существованием, то он ненавидит причину, по его мнению порождающую это неприятное состояние, и боится ее. Но благополучие сливается для нас с нашим существованием; когда оно привычно и длится непрерывно, мы перестаем его чувствовать, считаем его присущим нашей природе, заключаем, что созданы для вечного счастья, находим естественным, что все содействует нашему самосохранению. Совсем иначе мы относимся к тем явлениям, которые не нравятся нам: страдающий человек поражается происходящему в нем изменению; он считает это изменение противоестественным, так как оно противоречит его собственной природе; он думает, что причиняющие ему боль явления противны порядку вещей; он считает, что в природе произошло какое-то расстройство, если она не доставляет ему подходящих ощущений; он заключает на основании этого, что эта природа или приводящее ее в движение активное начало раздражены против него.

Мы видим, таким образом, что почти нечувствительный к добру человек очень живо воспринимает зло; считая добро естественным, он находит зло противоестественным. Он не знает или забывает, что составляет часть некоего целого, образованного совокупностью веществ, из которых одни находятся в соответствии друг с другом, а другие противоположны друг другу; что существа со сложной природой одарены различными свойствами, в силу которых они по-разному действуют на доступные их воздействию тела; что эти существа, лишенные доброты или злобы, поступают в соответствии со своей природой и свойствами и не могут действовать иначе, чем они это делают. Только благодаря незнанию этих вещей человек считает творца природы причиной испытываемых им бедствий и признает его злым, т. е. раздраженным против него.

Одним словом, человек считает свое благополучие как бы долгом природы по отношению к нему, а свои бедствия — как бы несправедливостью с ее стороны. Будучи убежден, что эта природа создана только для него, он не может допустить, чтобы она заставляла его страдать, если ее не побуждает к этому враждебная ему сила, имеющая свои основания наказывать его. Мы видим, таким образом, что скорее зло, чем добро, было побудительной причиной человеческих размышлений о божестве, источником представлений людей о нем и их поведения по отношению к нему. Если бы человечество испытывало только восхищение перед творениями природы и благодарность к ней за ее благодеяния, то оно никогда не стало бы мучительно размышлять над вопросом об источнике этих вещей; быстро свыкаясь с благоприятными нам явлениями, мы не так трудимся над изысканием причин их, как над исследованием причин тех явлений, которые тревожат нас и доставляют нам неприятные ощущения. Таким образом, человек, размышляя о божестве, всегда задумывался над причиной своих бедствий; эти размышления всегда были напрасны, так как его бедствия, как и его благополучие, являются одинаково необходимым результатом естественных причин, и его мысль, собственно, должна была бы заниматься этими последними, вместо того чтобы придумывать фиктивные причины, о которых он мог составить себе только ложное представление, всегда заимствуя их из наблюдений над собой и из собственных переживаний. Упорно усматривая во всем только себя самого, человек никогда не замечал всеобъемлющей природы, ничтожную часть которой он составляет.

Между тем достаточно было бы небольшого размышления, чтобы заставить его отказаться от этих взглядов. Все доказывает нам, что испытываемые нами добро и зло зависят от причин, которые действуют на нас и которых не может не испытывать существо, одаренное способностью ощущать. Естественно, что в природе, состоящей из бесконечно разнообразных вещей, столкновение противоположных веществ нарушает порядок и способ существования не соответствующих им существ: природа во всем действует согласно определен-

ным законам; испытываемые нами добро и зло являются необходимыми следствиями свойств, присущих существам, в сфере действия которых мы находимся. Наше рождение, которое мы считаем благом, такой же необходимый факт, как и наша смерть, в которой мы видим несправедливость судьбы. Всем сходным вещам свойственно соединяться, чтобы образовать некое целое; всем сложным вещам свойственно гибнуть или распадаться — одним раньше, другим позже; всякое существо, разлагаясь, дает начало новым существам; эти последние гибнут в свою очередь, вечно выполняя неизменные законы природы, существующей лишь в силу постоянных изменений всех своих частей. Эту природу нельзя считать ни доброй, ни злой; все происходящее в ней необходимо. То самое огненное вещество, которое является в нас принципом жизни, часто становится виновником нашей гибели, причиной пожара какого-нибудь города, взрыва какого-нибудь вулкана. Та самая вода, которая, циркулируя в нашем организме, так необходима для нашего существования, оказавшись в избыточном состоянии, влечет за собой смерть от удушья, становится причиной наводнений, часто поглощающих сушу вместе с ее обитателями. Тот самый воздух, без которого мы не можем дышать, — причина бурь и ураганов, сметающих с лица земли все плоды труда смертных. Стихии, сочетаясь между собой определенным образом, не могут не обращаться против нас; необходимое следствие этого — всякого рода болезни, эпидемии, голод, опустошения, о предотвращении которых мы с воплями умоляем глухие к нам силы; но они удовлетворяют наши мольбы лишь тогда, когда причинившая нам столько бедствий необходимость приводит вещи в соответствующий нашей природе относительный порядок, который всегда был и будет мерой наших суждений.

Люди не сумели сделать этих простых умозаключений; они не заметили, что в природе все действует по неизменным законам; испытываемое ими добро они сочли милостью, а испытываемое ими зло — признаком гнева природы, которую они наделили собственными страстями или сочли по крайней мере управляе-

мой какой-то тайной силой, заставляющей ее исполнять свои полезные или вредные человечеству желания. К этой гипотетической силе люди стали обращаться с мольбами; мало думая о ней в моменты благополучия, они, однако, благодарили ее за благодеяния, боясь чтобы их неблагодарность не вызвала ее ярости; но особенно жаркие молитвы они возносили к ней в моменты бедствий, болезней, грозных катастроф, умоляя ее в этих случаях изменить ради них природу и свойства вещей; каждый из них желал, чтобы для прекращения малейшего из его огорчений была нарушена и разбита вечная цепь сущего.

На таких вздорных претензиях основываются жаркие молитвы, с которыми обращаются к божеству смертные, почти всегда недовольные своей судьбой и несогласные друг с другом относительно своих желаний. Преклонив колени перед воображаемой силой, которая, по их мнению, вправе повелевать природой, они считают ее достаточно могущественной, чтобы нарушать ход событий, заставлять природу служить частным намерениям отдельных людей и удовлетворять их противоречивые желания. Агонизирующий на своем смертном одре больной просит у этой силы, чтобы накопившиеся в его теле соки немедленно потеряли свои свойства, делающие их вредными для него, и чтобы божество актом своего всемогущества обновило или воссоздало пружины уже износившегося механизма. Земледелец, обрабатывающий сырой, расположенный на равнине участок, жалуется богу на обилие дождей, затопляющих его поле, между тем как житель плоскогорья благодарит божество за его милости и просит у него продолжения того, что доводит до отчаяния его соседа. Наконец, каждый человек желает бога для себя одного и просит, чтобы ради него, ради его личных прихотей и меняющихся потребностей постоянно изменялась неизменная сущность вещей.

Мы видим, таким образом, что люди на каждом шагу требуют чудес. Не будем же поражаться их легковерию и легкомыслию, с каким они принимают рассказы о чудесах — все эти мнимые свидетельства могущества и милости божества и доказательства его власти над

всей природой, которой они хотели бы повелевать сами, снискав божье благоволение*. Под влиянием этих взглядов у природы совершенно отняли всякую силу; на нее стали смотреть как на пассивное, слепое орудие, действующее лишь согласно приказаниям всемогущих существ, которым она подчинена. Так, не умея рассматривать природу под правильным углом зрения, ее совершенно перестали понимать, ее стали презирать, ее сочли неспособной производить что-нибудь; все ее явления — полезные или вредные человечеству — стали приписывать воображаемым силам, которые человек всегда наделял своими собственными способностями, лишь увеличивая их мощь; одним словом, на развалинах природы люди воздвигли фантастическую, колоссальную фигуру божества.

Если незнание природы породило богов, то познание ее должно их уничтожить. С ростом знаний человека растут его силы и его орудия; науки, искусства, ремесла оказывают ему свою помощь; опыт делает его более уверенным, помогая ему оказывать сопротивление многим явлениям, перестающим пугать его, лишь только он познает их. Одним словом, людские страхи рассеиваются по мере роста просвещения. Просвещенный человек перестает быть суеверным.

Глава II

О МИФОЛОГИИ И ТЕОЛОГИИ

Природа и ее стихии, как мы только что видели, были первыми божествами людей. Люди всегда начинают

---

* Люди заметили, что природа не внемлет им и никогда не нарушает своего хода, поэтому они подчинили ее в своих интересах некоему разумному существу, которое они по аналогии с собой предположили более склонным выслушивать их мольбы, чем бесчувственная и невнимательная природа. Следует, однако, проверить, можно ли считать интересы людей бесспорным аргументом в пользу существования некоего одаренного разумом существа и можно ли на основании того, что известная вещь необходима человеку, умозаключать, что она действительно существует. Наконец, следовало бы убедиться, удалось ли когда-нибудь человеку при содействии этого верховного существа действительно изменить ход природы.

с обожествления материальных предметов, и каждый индивид, как уже было сказано нами и как это можно наблюдать у диких народов, создает себе отдельного бога из всякого физического предмета, в котором он видит причину интересующих его явлений; он никогда не пытается искать за гранью видимой природы источник того, что происходит с ним самим или же свидетелем чего он является; наблюдая повсюду только материальные действия, он приписывает их причинам того же порядка; неспособный при наивности своей первобытной мысли на те глубокие и тонкие умозрения, которые являются плодом досуга, он не выдумывает причину, отличающуюся от предметов, привлекающих его внимание, или обладающую совсем иной природой, чем все, что его окружает.

Наблюдение природы было первым предметом исследования людей, имевших достаточный досуг для размышлений; их внимание не могло не быть привлечено явлениями видимого мира. Восход и заход небесных светил, периодическая смена времен года, перемены в атмосфере, плодородие и бесплодие полей, польза и вред дождей, благотворные и пагубные действия огня — все это должно было наводить людей на размышления. Они должны были, естественно, думать, что существа, движущиеся, как это показывают наблюдения, сами собой, действуют в силу своей собственной энергии; в зависимости от доброго или дурного влияния этих существ на обитателей земли им стали приписывать способность и желание помогать людям или вредить им. Кто впервые стал оказывать влияние на диких, грубых, рассеянных по лесам людей, занимающихся охотой и рыболовством, ведущих бродячий образ жизни и вовсе не привязанных к земле, из которой эти люди не умели еще извлекать выгод? Это всегда были наблюдатели более опытные и лучше знающие природу, чем окружающие их народы или, вернее, чем невежественные и лишенные всякого опыта отдельные лица. Пользуясь превосходством своих знаний, они сумели оказать добро людям, предоставить в их распоряжение полезные открытия и изобретения, снискав доверие несчастных, которым они пришли на

помощь; голые и голодные дикари, подверженные действию непогоды и нападениям хищных зверей, разрозненно жившие в пещерах и лесах, с трудом добывавшие себе охотой жалкое пропитание, не имели, конечно, досуга, необходимого для открытий, способных облегчить их труд; эти открытия всегда являются продуктом общественной жизни; разрозненно живущие существа ничего не способны открыть, да и вряд ли думают об открытиях. Дикарь — это существо, пребывающее в вечном детстве; он не способен выйти из этого состояния, если его не извлекут из его жалкого существования. Держась вначале подозрительно и дичась, он мало-помалу привыкает к тем, кто делает ему добро; побежденный их благодеяниями, он начинает оказывать им доверие, доходящее под конец до готовности пожертвовать своей свободой.

Обычно из среды цивилизованных народов выходили люди, приносившие с собой социальные навыки, умение возделывать землю, искусства, законы, богов, религиозные обряды и учения семействам или ордам, жившим разрозненно и не объединившимся в народ. Они смягчали нравы этих дикарей, объединяли их, учили их пользоваться своими силами, помогать друг другу, чтобы легче удовлетворять свои потребности. Делая таким образом существование дикарей более счастливым, подобные люди добивались любви и уважения последних, приобретали право предписывать им взгляды, заставляли их усвоить те учения, которые эти благодетели создавали сами или заимствовали у цивилизованных народов, из среды которых они выходили. История показывает нам, что знаменитейшими законодателями были люди, которые, обогатившись полезными знаниями, имеющимися у цивилизованных народов, научили беспомощных и невежественных дикарей искусствам, которых последние до того не знали. Таковы были Вакх, Орфей, Триптолем, Моисей, Нума, Замолксис — одним словом, те первые люди, которые научили народы возделывать землю, дали им науки, богов, обряды, таинства, теологию, юриспруденцию.

Может быть, нас спросят, не жили ли первоначально рассеянно народы, живущие в наше время вместе?

На это мы ответим, что подобное рассеяние могло происходить не раз; оно вызывалось страшными катастрофами, театром которых, как мы видели, неоднократно был земной шар; но о тех отдаленных временах, когда это происходило, история не сохранила никаких воспоминаний. Возможно, что приближение комет нередко вызывало на земле всемирные катаклизмы, каждый раз уничтожавшие большую часть человеческого рода. Люди, спасшиеся от подобных катастроф, ввергнутые в бедственное положение и испытавшие ужас, не могли сохранить для своего потомства знаний, уничтоженных несчастьями, свидетелями и жертвами которых они были: подавленные страхом, эти люди могли сообщить нам о пережитых ими ужасных событиях только какие-то неясные предания; они не могли передать нам взглядов, теорий и искусств, предшествовавших эпохе этих всемирных переворотов. Возможно, что люди существовали на земле всегда, но в различные периоды они гибли вместе со своими памятниками и своими науками. Те, кто переживал эти периодические перевороты, каждый раз образовывали новую человеческую расу, которая с течением времени путем опыта и исследования малопомалу извлекала из забвения открытия первобытных времен. Может быть, от этих периодических переворотов в жизни человечества зависит его глубокое невежество в наиболее важных для него вопросах. Вот, может быть, настоящий источник несовершенства наших знаний, недостатков наших политических и религиозных учреждений, вдохновителями которых всегда были страх, неопытность и детские предрассудки, благодаря которым человечество повсюду находится как бы в состоянии детства, иными словами, не способно руководствоваться указаниями разума и выслушивать голос истины. Если судить о человечестве по той медлительности, с какой осуществляется его прогресс во многих областях жизни, то можно было бы сказать, что оно только выходит из колыбели или же что ему никогда не суждено достигнуть зрелого возраста и внять голосу разума*.

* Эти гипотезы, без сомнения, покажутся рискованными тем, кто достаточно не размышлял о природе. В прошлом мог быть

Как бы мы ни отнеслись к этим гипотезам,— предположим ли, что человечество существовало на земле всегда или же что оно является недавним и недолговечным произведением природы,— нам будет нетрудно добраться до происхождения многих существующих народов.

Мы всегда находим их в диком состоянии, т. е. состоящими из разбросанных семейств; эти последние объединяются по зову некоторых законодателей или пророков, которые дают им законы, богов, вероучения и оказывают разные благодеяния. Эти лица, превосходство которых было признано народами, установили национальные божества, оставив отдельным индивидам богов, которых те создали себе в соответствии со своими собственными взглядами, или заменив таких богов другими, заимствованными из мест, откуда они прибыли сами.

не один *всемирный потоп*, со времени возникновения земного шара могло быть множество других потопов. Сам земной шар, может быть, представляет собой какое-то новое произведение природы; возможно, что он не всегда занимал то место, которое занимает теперь (см. ч. I, гл. VI). Как бы ни относиться к этому, несомненно, что земной шар независимо от внешних причин, которые могут совершенно изменить его внешний вид (например, столкновение с кометой), содержит в себе причину, способную совершенно изменить его. Действительно, земля помимо ежедневного и заметного движения обладает очень медленным и почти незаметным движением, в силу которого на ней все должно меняться: это движение, от которого зависит предварение равноденствий, наблюдавшееся Гиппархом и другими астрономами. В силу этого движения земля должна через несколько тысяч лет совершенно измениться; моря должны под конец занять то место, которое теперь занимает суша. Таким образом, ясно, что земной шар находится в непрерывном изменении, как и все вещи в природе. Древние знали движение земли, о котором я говорю; по-видимому, оно-то и дало начало их учению о *великом годе*, величину которого одни определяли в 36 525 (у египтян) или в 36 425 лет (у сабеян) и т. д., между тем как другие доходили в своих цифрах до 100 000 и даже до 753 200 лет (см. т. XXIII мемуаров Академии надписей).

К всеобщим катастрофам, которые испытала земля в разные эпохи, надо присоединить еще катастрофы частного порядка, например наводнения, землетрясения, подземные пожары, которые могли заставить отдельные народы рассеяться и забыть все то, что они до этого знали.

Чтобы лучше запечатлеть в умах людей свои уроки, эти лица, став учителями, вождями и наставниками зарождающихся обществ, начали обращаться к воображению своих слушателей. Поэзия своими образами и выдумками, своей гармонией и ритмом поразила мысль народов, запечатлев в их памяти те идеи, которые им хотели сообщить; в поэзии вся природа вместе со всеми ее частями подверглась олицетворению; земля, воздух, вода, огонь получили разум, мысль, жизнь; стихии были обожествлены. Небо, это окружающее нас необъятное пространство, стало первым из богов; время, его дитя, уничтожающее свои собственные творения, сделалось неумолимым божеством, которого стали бояться и почитать под именем *Сатурна*; эфирная материя, тот невидимый огонь, который оживляет природу, проникает и оплодотворяет все существа, является принципом движения и теплоты, был назван *Юпитером*; он вступил в брак с богиней воздуха *Юноной*; сочетания *Юпитера* со всеми существами природы были символизированы рассказами о его превращениях и бесконечных прелюбодеяниях; его снабдили молнией, указывая этим, что он производит метеорологические явления. В тех же сказках солнце, это благодетельное светило, так сильно влияющее на землю, стало *Озирисом*, *Белом*, *Митрой*, *Адонисом*, *Аполлоном*; природа, опечаленная периодическим удалением солнца, превратилась в *Изиду*, *Астарту*, *Венеру*, *Кибелу*. Наконец, все части природы были олицетворены: море оказалось под властью *Нептуна*; огонь был обожествлен египтянами под именем *Сераписа*, персами — под именем *Ормузда*, или *Оромаза*, римлянами — под именами *Весты* и *Вулкана*.

Таково подлинное происхождение мифологии. Дочь физики, украшенная поэзией, она имела своей целью изображать природу и ее части. Достаточно несколько внимательнее присмотреться к древности, чтобы с легкостью убедиться, что все эти знаменитые мудрецы, законодатели, жрецы, завоеватели, просвещавшие народы в их детстве, сами почитали или заставляли народы почитать действующую природу, или великое целое, рассматриваемое под углом зрения его различных

качеств или действий*; это великое целое они обоготворяли; его части они олицетворяли; необходимость его законов они толковали как *судьбу*; и наконец, аллегория скрыла способ действия этого великого целого, а его части были представлены в символах и образах языческих вероучений**.

Чтобы дополнить доказательства вышеизложенного и показать, что истинным объектом поклонения языческой древности было великое целое, вселенная, природа, мы приведем здесь начало гимна Орфея в честь бога Пана:

«О Пан! Я взываю к тебе, о могучий бог, о всеобъемлющая природа! Я взываю к небесам, морям, земле, питающей все, и к вечному огню, ибо это твои члены, о всемогущий Пан!» и т. д.

В подтверждение этих взглядов приведем также данное одним современным ученым весьма убедительное и остроумное объяснение легенды о Пане, а также образа, в котором его представляли.

«Пан,— говорит этот ученый,— судя по значению его имени, — это эмблема, служившая древним для

---

* Греки называли природу божеством с тысячей имен (μυριώνυμα). Все языческие божества были просто природой, рассматриваемой с точки зрения различных ее функций и сторон. Эмблемы, которыми украшали эти божества, подтверждают настоящую истину. Различные точки зрения на природу породили многобожие и идолопоклонство. *M. Benoist*, Les remarques critiques contre Toland, p. 258. [*М. Бенуа*, Критические заметки против Толанда, стр. 258.]

** Чтобы убедиться в этой истине, достаточно заглянуть в сочинения древних авторов. «*Я думаю*,— говорит Варрон[1],— *что бог есть душа вселенной, которую греки назвали* κόσμος, *и что сама вселенная есть бог*». Цицерон говорит: «Eos qui Dii appellantur rerum naturas esse». [«Так называемые боги — это собственно природа вещей».] De Natura Deorum, lib. III, cap. 24. Тот же Цицерон говорит, что в элевзинских, лемносских и самофракийских таинствах посвященным объясняли скорее природу, чем богов: «Rerum magis natura cognoscitur quam deorum». Прибавьте к этим авторитетам «Книгу премудрости», гл. XIII, ст. 10; гл. XIV, ст. 15 и 22. Плиний говорит очень догматически: «*Следует полагать, что мир или то, что заключено под обширным пространством небес, есть само божество, вечное, необъятное, не имеющее ни начала, ни конца*» (*Plin.*, Hist. Nat., lib. 2, cap. I, inti.).

обозначения совокупности вещей: он олицетворял собой вселенную и, по мнению ученейших философов древности, был первым и древнейшим из богов. Черты, которыми его наделяли, образуют как бы портрет природы и дикого состояния, в котором она находилась вначале. Пятнистая шкура леопарда, которой прикрывался этот бог, олицетворяет усеянное светилами и созвездиями небо. Образ Пана складывается из частей, из которых одни соответствуют разумному существу, т. е. человеку, а другие— такому лишенному разума существу, как козел. Подобным же образом вселенная состоит из управляющего всем разума и плодотворных стихий: огня, воды, земли и воздуха. Пан любит преследовать нимф: это соответствует потребности природы во влаге для всех ее произведений и означает, что этот бог, как и природа, настойчиво стремится к самовоспроизведению. Согласно египтянам и древнейшим греческим мудрецам, у Пана не было ни отца, ни матери; он вышел из Демогоргона в то же самое мгновение, что и его роковые сестры —Парки; это прекрасный символ того, что вселенная была творением некоей неизвестной силы и что она была создана согласно неизменным отношениям и вечным законам необходимости! Но особенно знаменательный и пригодный для выражения идеи гармонии вселенной символ — это таинственная свирель Пана, состоящая из семи трубок неравной величины, приспособленных к тому, чтобы издавать правильнейшие и совершеннейшие созвучия. Орбиты, описываемые семью планетами нашей солнечной системы, обладают различными диаметрами, время обращения этих планет и их массы неравны между собой, но из порядка их движений вытекает наблюдаемая нами на небе гармония» и т. д.*

* Этот отрывок сообщил мне один мой друг; он взят из английской книги, носящей заглавие «Letters concerning Mythology»[2]. Вряд ли можно сомневаться в том, что мудрейшие из язычников поклонялись природе, которую языческая мифология, или теология, обозначала бесчисленными названиями и различными эмблемами. Даже платоник Апулей[3], привыкший к мистическим и невразумительным понятиям своего учителя, называет природу «rerum natura parens, elementorum omnium Domina, saeculorum progenies initialis... matrem siderum, parentem temporum orbisque

Мы видим, таким образом, что мудрецы древности поклонялись великому целому, совокупности вещей, и обоготворяли это целое, между тем как темная масса не шла дальше эмблемы, символа, в виде которого эти мудрецы показывали ей природу, олицетворяли ее части и функции; масса при своей умственной ограниченности не способна была подняться выше; только те, которых считали достойными посвящения в таинства, познавали реальность, скрывающуюся за этими эмблемами.

Действительно, первые наставники народов и их преемники говорили с ними лишь при помощи притч, загадок, аллегорий, право разъяснения которых они оставляли за собой. Этот таинственный тон был необходим им как для того, чтобы скрыть собственное незнание, так и для того, чтобы сохранить свое влияние на массы, обыкновенно уважающие лишь то, чего они не могут понять. Их объяснения всегда бывали подсказаны соображениями личного интереса, обманом или же разнузданным воображением; переходя из века в век, эти объяснения окончательно исказили то, что хотели первоначально изобразить с их помощью,— облик природы и ее частей, которые были заменены множеством воображаемых лиц; народы стали поклоняться им, совершенно не понимая аллегорической стороны преподносимых им рассказов; эти идеальные лица и материальные изображения, в которых, как думали, пребывает некая таинственная и божественная сила, стали предметом религиозного поклонения народов, их страхов и надежд; их поразительные и невероятные деяния превратились в неисчерпаемый источник мечтательного

---

totius dominam» [«родительницей вещей, госпожей всех элементов, изначальной прародительницей поколений... матерью звезд, родительницей времен, госпожей всего мира»]. Вот этой-то природе и поклонялись, называя ее матерью богов, *Венерой*, *Церерой*, *Минервой* и т. д. Наконец, пантеизм язычников вполне доказывают замечательные слова Максима из Мадавра[4], который, рассуждая о природе, говорит следующее: «Ita fit ut, cum eius quasi membra carptim, variis supplicationibus prosequimur, totum colere profecto videamur». [«Таким образом, когда мы обращаемся с различными мольбами как бы к ее членам поодиночке, то в действительности оказывается, что мы чтим ее в целом».]

восхищения, которое передавалось из рода в род и, будучи необходимым для существования священнослужителей, лишь увеличивало ослепление темных людей; последние не понимали, что под грудой аллегорий скрывались природа, ее части, ее действия, страсти человека и его способности*; они видели лишь аллегорические лица, скрывавшие все это, приписывали таким лицам испытываемое ими добро и зло и проделывали всякого рода безумства, чтобы снискать их благоволение. Так благодаря незнанию реального положения вещей религиозные обряды сплошь и рядом принимали самую нелепую и жестокую форму.

Итак, все показывает нам, что природа и ее различные части повсюду были первыми божествами людей. Физики — хорошо ли, дурно ли — наблюдали природу и ее части и улавливали некоторые из их свойств и способов действия; поэты воспроизводили их в образах фантазии, наделяя плотью и мыслью; ваятели воплощали идеи поэтов; жрецы украшали эти божества тысячами чудесных и грозных атрибутов; народ поклонялся им, простираясь ниц перед этими существами, столь мало способными любить или ненавидеть, делать добро или зло. Как мы увидим в дальнейшем, он стал дурным и развращенным, чтобы угодить этим богам, которых ему всегда изображали в отвратительном виде.

Постоянно мудрствуя над этой украшенной или, вернее, искаженной таким образом природой, позднейшие мыслители не сумели уже найти источник, откуда их предшественники заимствовали своих богов с их фантастическими атрибутами. Физики и поэты, превратившиеся благодаря досугу и занятию пустыми вещами в метафизиков и теологов, вообразили, будто сделали крупное открытие своим тонким различением природы

---

* Страсти людей и их способности были обоготворены потому, что люди не могли разгадать их настоящих причин. Так как сильные страсти увлекают человека, по-видимому, вопреки его воле, то их приписали некоему богу, или же обоготворили; так любовь стала богом; красноречие, поэзия, искусство были обоготворены под именами *Гермеса*, *Меркурия*, *Аполлона*; угрызения совести были названы *фуриями*. Даже у христиан разум обоготворен под именем вечного *Слова*.

от нее самой, от ее собственной силы, от ее способности действовать. Мало-помалу они сделали из этой силы какое-то непонятное существо, о котором никогда не могли составить себе определенного представления и которое олицетворили и назвали двигателем природы, дав ему имя бога. Это абстрактное метафизическое существо или, вернее, слово сделалось предметом их постоянных размышлений*; они стали смотреть на него не только как на реальное существо, но как на самое важное из всех существ. В результате всех этих утонченных умозрений природа исчезла и была лишена своих прав; на нее стали смотреть как на какую-то лишенную силы и энергии массу, как на низкое скопище чисто пассивных веществ, которое не могло действовать само по себе, нуждаясь для этого в особом двигателе. Так какую-то неизвестную силу стали предпочитать той силе, которую нетрудно было бы познать, если бы решились обратиться к опыту; но человек быстро перестает уважать и ценить то, что он понимает и что ему привычно; он представляет себе что-то чудесное во всем том, чего не понимает; его мысль особенно охотно стремится к неуловимому, к ускользающему от нее, и за отсутствием опыта он обращается к содействию воображения, которое начинает кормить его химерами.

В дальнейшем метафизики, проведшие такое тонкое различие между природой и ее собственной силой, не переставали трудиться над тем, чтобы снабдить эту силу тысячью непонятных качеств. Так как сила является просто модусом и поэтому ее нельзя увидеть, то они сделали из нее дух, разум, бестелесное существо, т. е. субстанцию, совершенно отличную от всего того, что мы знаем**. Они не понимали того, что все их открытия, равно как и сочиненные ими слова, служили только маской фактического незнания и вся их мнимая наука сводилась к тому, чтобы путем тысячи экивоков

---

* Греческое слово θεός происходит от τίθημι — pono, facio (кладу, делаю) или, скорее, от θεάομαι — specto, contemplor (смотрю, созерцаю).

** См. то, что сказано о спиритуалистической системе в первой части этого сочинения, а также во втором примечании к гл. VI этой части.

высказать лишь то, что они не могут понять, как действует природа. Мы всегда заблуждаемся, когда не изучаем природы и хотим выйти за ее пределы; после таких попыток мы бываем вскоре вынуждены вернуться к ней или же подставить непонятные слова на место вещей, которые знали бы гораздо лучше, если бы хотели изучать их без предрассудков.

Может ли теолог искренне думать, будто он становится умнее оттого, что начинает употреблять туманные слова: *дух*, *бестелесная субстанция*, *божество* и т. д.— вместо понятных слов: материя, природа, движение, необходимость? Но как бы то ни было, раз эти темные слова были придуманы, то пришлось связать с ними какие-нибудь идеи, а эти последние можно было почерпнуть лишь из явлений столь презираемой природы, которые одни только доступны нашему познанию. Люди заимствовали эти идеи у самих себя: их душа послужила образцом всемирной души; их дух стал моделью духа, управляющего природой; их страсти и желания стали прототипом страстей и желаний бога; их разум стал прообразом его разума. То, что соответствовало потребностям людей, было названо порядком природы; этот мнимый порядок стал мерой божественной мудрости; наконец, качества, которые люди называют в самих себе *совершенствами*, стали миниатюрными прообразами божественных совершенств. Так, несмотря на все свои усилия, теологи всегда оказывались — да и будут оказываться впредь — антропоморфистами, видящими в человеке единственную модель своего божества*.

---

* «*Человек*,— говорит Монтень,— *может быть лишь тем, кто он есть; он способен выдумывать лишь в меру своего опыта; какие бы усилия он ни предпринимал, ему будет известна лишь собственная душа*». Одному весьма знаменитому человеку[5] сказали, что бог создал человека по своему образу и подобию; *человек отплатил ему той же монетой*, возразил этот философ. Ксенофан говорил, что если бы быки или слоны умели ваять или рисовать, то они, разумеется, изобразили бы божество в своем собственном виде и в этом отношении были бы не менее правы, чем Поликлет или Фидий, придавшие ему человеческую форму. «*Мы видим*,— говорит Ламотт-Левайе,— *что теоантропия является основанием всего христианства*».

Действительно человек всегда видел и будет видеть в своем боге только человека; как бы он ни мудрил, как бы ни увеличивал могущество бога и ни умножал его совершенства, он может сделать из бога лишь гигантского, чрезмерно увеличенного человека, имеющего фантастический характер ввиду совмещения в нем противоположных качеств: бог всегда окажется каким-то до невероятности колоссальным, а потому совершенно непостижимым существом. Так, божеству приписывают разум, мудрость, доброту, справедливость, знание, могущество потому, что человек сам разумное существо и замечает мудрость у некоторых представителей человеческого рода, любит находить у них благоприятные для него самого склонности, уважает тех людей, которые обнаруживают справедливость, сам обладает знаниями и встречает других более знающих людей, наконец, обладает некоторыми способностями, которые зависят от его организации. Вскоре он начинает слишком широко истолковывать или преувеличивать все эти качества; зрелище явлений природы, которых он не в состоянии воспроизвести и которым он не может подражать, заставляет его проводить различие между своим богом и самим собой; но он не знает, где остановиться, и боится обмануться, осмелившись установить границы приписываемых им божеству качеств; для характеристики их он пользуется туманным и абстрактным словом *бесконечное*. Человек говорит, что божественное могущество *бесконечно*; это значит, что при виде грандиозных явлений, творцом которых ему кажется божество, он не знает, где предел могущества последнего. Человек говорит, что доброта, мудрость, знание, милосердие божества бесконечны; это значит, что он не знает, где предел совершенства существа, могущество которого так безмерно превосходит его собственное могущество. Человек говорит, что этот бог вечен, т. е. бесконечен в смысле длительности, так как не представляет, чтобы бог мог начать или перестать существовать, считая это недостатком тех недолговечных существ, которые по его наблюдению подвержены смерти. Человек предполагает, что причина явлений, свидетелем которых он является, необходима,

неизменна, постоянна, а не подвержена переменам подобно всем ее преходящим творениям, которые, как ему известно, доступны разложению, разрушению, перемене формы. Так как этот гипотетический двигатель не виден человеку и всегда действует скрытым и недоступным образом, то он предполагает, что бог подобно скрытому принципу, одушевляющему его собственное тело, является движущей силой вселенной; вследствие этого он делает из него душу, жизнь, принцип движения природы. Наконец, в итоге утонченных умозрений человек приходит к убеждению, что принцип, движущий его тело, есть *дух*, *нематериальная субстанция*, и делает своего бога духовным, или нематериальным, необъятным, хотя и лишенным протяжения, неизменным, хотя и способным приводить в движение природу, считая его творцом всех происходящих в природе изменений.

Идея единобожия явилась следствием взгляда, что бог — это душа вселенной; однако она появилась лишь позднее, как медленно созревший плод человеческих размышлений*.

Зрелище происходящих в мире противоположных и часто противоречивых явлений должно было наводить на мысль, что существует множество различных и независимых друг от друга сил, или причин; люди не могли представить себе, что столь различные явления, наблюдаемые ими, происходят от одной и той же причины; поэтому они допустили существование нескóльких причин, или нескольких богов, действующих сообразно различным принципам; одних они считали дружественными человечеству, а других — враждебными ему силами. Таково происхождение древнего и распространенного повсюду учения о наличии в при-

---

* Идея единобожия, как известно, стоила жизни Сократу. Афиняне видели атеиста в человеке, который верил только в одного бога. Платон не решился окончательно порвать с многобожием; он сохранил олицетворяющую плодородие *Венеру*, *Палладу*, всемогущего *Юпитера*. Язычники смотрели на христиан как на атеистов, так как последние поклонялись только одному богу.

роде двух противоположных и постоянно враждующих между собой принципов, или сил, при помощи которых якобы можно объяснить вечное переплетение добра и зла, счастья и несчастья — одним словом, непрестанные перемены в судьбах людей. Вот источник мнений древних о борьбе между добрыми и злыми богами, между *Озирисом* и *Тифоном*, *Ормуздом* и *Ариманом*, *Юпитером* и *Титанами*, *Иеговой* и *Сатаной*. Но, руководствуясь собственными интересами, люди всегда считали исход этой войны благоприятным для доброго божества; по их мнению, последнее должно было выйти победителем из такого поединка, ибо эта победа была выгодна им.

Даже тогда, когда люди стали признавать существование лишь одного бога, они все же допустили, что различные части природы были поручены им подчиненным ему силам, на которые верховное божество переложило заботу об управлении миром. Число этих второстепенных богов было умножено до бесконечности; каждый человек, каждый город, каждая область имели своих особых местных богов-хранителей; каждое счастливое или несчастливое событие имело божественную причину и являлось следствием верховного повеления; каждое естественное явление, каждое действие, каждая страсть зависели от какого-нибудь божества, которое разукрашивалось или уродовалось фантазией теологов, склонных повсюду видеть богов и совершенно не понимать природы, которое возвеличивалось и одухотворялось в творениях поэтов и которому покорно и поспешно подчинялось падкое на выдумки невежество.

Таково происхождение многобожия, такова основа иерархии, установленной людьми между богами из-за того, что они всегда чувствовали себя неспособными возвыситься мыслью до непонятного существа, признанного ими верховным господином, несмотря на полное отсутствие ясного представления о нем. Такова истинная генеалогия тех второстепенных богов, которых народы поместили между собой и первопричиной мира как некоторые промежуточные величины. В связи с этим мы видим, что у греков и римлян боги

делились на две группы: часть их называлась *главными богами** и образовывала своего рода аристократию в отличие от *второстепенных богов*, плебса языческих божеств. Но первые, как и последние, были подчинены фатуму, т. е. судьбе, которая есть, очевидно, не что иное, как природа, действующая по необходимым, строго неизменным законам; эта судьба считалась богом самих богов. Мы видим, что она есть просто олицетворение необходимости и что со стороны язычников было нелогично утруждать своими жертвоприношениями и молитвами богов, подчиненных, как полагали, неумолимой судьбе, повелений которой люди никогда не могли нарушить. Но люди всегда перестают рассуждать, лишь только дело коснется их теологических воззрений.

Все вышеизложенное показывает нам общий источник бесчисленного множества промежуточных сил, подчиненных богам, но превосходящих своим могуществом людей**. Им поклонялись под именем *нимф*, *полубогов*, *ангелов*, *демонов*, *добрых* и *злых гениев*, *духов*, *героев*, *святых* и т. д. Эти существа составили различные группы промежуточных божеств, ставших предметами надежд и тревог, утешений и страхов человечества; последнее выдумало этих богов, не будучи в состоянии понять непостижимое существо, верховного правителя мира, и отчаявшись в возможности иметь дело непосредственно с ним.

Тем не менее некоторые мыслители в итоге продолжительных размышлений пришли к тому, что необходимо

---

* Греки называли главных богов θεοὶ κάβειροι — Cabiri, римляне их называли Dii maiorum gentium или Dii consentes, потому что все народы, как бы сговорившись, обоготворили наиболее активные и поразившие их части природы, как, например, солнце, огонь, море, время и т. д., между тем как другие боги носили чисто местный характер, т. е. им поклонялись в отдельных местностях или же отдельные лица; известно, что в Риме каждый гражданин имел своих личных богов, которым он поклонялся, называя их *пенатами*, *ларами* и т. д.

** Это те боги, которых римляне называли Dii medioximi; они считали их заступниками, посредниками, властителями, которым следовало поклоняться, чтобы добиться их милости либо отвратить их гнев или злобу.

допустить существование во вселенной только одного божества, достаточно могущественного и мудрого, чтобы управлять ею. В этом боге видели какого-то ревнивого царя природы; полагали, что придать этому государю, который один имел право на поклонение со стороны обитателей земли, союзников или соперников значило бы оскорбить его; думали, что он не может примириться с разделением власти; предполагали, что при своем бесконечном могуществе и безграничной мудрости он не нуждается ни в разделении власти, ни в помощи. Поэтому некоторые мыслители, более хитроумные, чем другие, признали существование лишь одного бога, воображая, что сделали этим очень важное открытие. Однако с самого начала они должны были испытать большие затруднения ввиду крайней противоречивости явлений, творцом которых считался этот бог; им пришлось приписать ему противоречивые, несовместимые, исключающие друг друга качества, так как в любое мгновение можно было наблюдать производимые им противоположные явления. Предположив существование бога как единственного творца всех вещей, пришлось присвоить ему безграничную благость, мудрость, могущество, соответствующие тем благодеяниям, тому порядку, тем чудесным явлениям, которые наблюдались в мире. Но с другой стороны, как не приписать ему коварства, неблагоразумия, прихотей при виде частых неурядиц и бесчисленных бедствий, жертвой которых так часто является человечество, а сценой — этот мир? Как не счесть его неразумным, видя, что он постоянно занят разрушением своих собственных дел? Как не заподозрить его в бессилии, неизменно видя невыполняемыми планы, которые ему приписывают?

Чтобы устранить эти затруднения, богу создали врагов, которые, хотя и подчинены ему, не перестают посягать на его власть и расстраивать его планы; из него сделали царя, придав ему противников, которые, несмотря на свое бессилие, желают оспорить у него корону. Таково происхождение сказаний о титанах, или восставших ангелах, которые из-за своей гордости были ввергнуты в пучину бедствий и превращены в демонов, или злых гениев, имеющих лишь одну заботу: расстра-

ивать планы всемогущего, соблазнять и поднимать против него его подданных — людей*.

Таким образом, согласно этой вздорной басне, царь природы постоянно находился в борьбе с врагами, которых сам себе создал; несмотря на свое бесконечное могущество, он не захотел или не смог окончательно справиться с ними; у него никогда не было вполне покорных подданных; он постоянно должен был бороться, вознаграждать своих подданных, когда они подчинялись его законам, и наказывать их, когда, на свое несчастье, они вступали в заговор с противниками его славы. Следствием этих идей, заимствованных из практики земных царей, почти всегда воюющих друг с другом, было то, что нашлись люди, которые стали выдавать себя за служителей бога, заставлять его говорить, раскрывать его тайные намерения, объявлять нарушение его законов ужаснейшим из преступлений; невежественные народы без проверки приняли эти повеления божества; они не заметили, что с ними говорил человек, а не бог; они не поняли, что слабые творения не в состоянии действовать против воли божества, которое считалось творцом всего существующего и могло иметь в природе лишь тех врагов, которых само сделало своими противниками. Стали полагать, будто человек, несмотря на свою полную зависимость от бога и всемогущество последнего, мог оскорблять его, противоречить ему, объявлять ему войну, расстраивать его планы, нарушать установленный им порядок; предположили, что бог — вероятно для того, чтобы блистать своим могуществом,— сам создал себе врагов, дабы иметь удовольствие бороться с ними, и не желал впоследствии ни уничтожить их,

---

* Сказание о *титанах*, или *восставших ангелах*, очень древнего происхождения и очень распространено в мире; оно служит основой теологии индусских брахманов, а также европейских священников. Согласно брахманам, во всех живых телах находятся падшие ангелы, которые в этом виде искупают свой мятеж.

Это сказание, равно как и сказание о *демонах*, представляет божество в довольно смешном виде. Действительно, согласно ему, бог создает своих противников, чтобы дать себе работу, чтобы пребывать в постоянном напряжении и проявлять свое могущество. Однако это могущество вовсе не обнаруживается, так как, согласно теологам, у *дьявола* больше приверженцев, чем у *бога*.

ни изменить их злые наклонности. Наконец, решили, что бог дал своим мятежным врагам, а также людям свободу нарушать его повеления и планы, раздражать его, заставлять умолкнуть его благость, которая должна уступить место его правосудию. С тех пор стали рассматривать все блага этой жизни как заслуженные награды, а все ее бедствия — как заслуженные наказания. Учение о свободе воли человека, по-видимому, сочинено лишь для того, чтобы дать человеку возможность раздражать своего бога и оправдать бога за зло, причиняемое им человеку, осмелившемуся воспользоваться этим пагубным даром — свободой.

Несмотря на нелепость и противоречивость этих идей, они легли в основу всех религиозных суеверий на земле: с их помощью рассчитывали объяснить происхождение зла и указать причину бедствий человечества. Однако люди не могли не заметить, что они часто страдают на земле, не совершив никакого преступления, не сделав никакого нарушения, которое могло бы вызвать гнев божества; они наблюдали, что даже те, кто самым верным образом исполняет мнимые повеления бога, часто испытывают ту же участь, что и дерзкие нарушители его законов. Привыкнув уступать силе и считать ее источником права, привыкнув дрожать перед своими земными повелителями, наделенными правом быть несправедливыми, привыкнув никогда не оспаривать привилегий и не критиковать повелений власть имущих, люди еще меньше осмеливались критиковать поведение своего бога или обвинять его в беспричинной жестокости. Впрочем, служители царя небесного нашли средства обелить его и взвалить на самих людей всю вину за их бедствия, или наказания, тяжесть которых им приходится нести; ссылаясь на свободу, якобы данную человеку, жрецы стали утверждать, что человек согрешил, его природа испортилась и весь род человеческий терпит наказание за вину своих предков, которую неумолимый небесный царь вымещает на невинном потомстве последних. Такого рода месть нашли вполне правомерной, так как под влиянием постыдных предрассудков люди соразмеряют наказания не столько со значением проступка, сколько с могуществом и зна-

чением лица, потерпевшего от этого проступка. Руководствуясь данным принципом, полагали, что бог имеет бесспорное право без всякой меры мстить за оскорбление своего величия. Одним словом, теологическая мысль пустилась во все тяжкие, чтобы доказать вину людей и оправдать божество перед лицом бедствий, которые природа заставляет испытывать человечество. Придумали тысячи басен, чтобы объяснить, как в мире появилось зло; и месть неба показалась вполне обоснованной, так как решили, что за преступления против великого и всемогущего существа полагаются бесконечно тяжкие наказания.

Кроме того, люди знали из опыта, что земные владыки, даже совершая самые вопиющие несправедливости, не терпят, чтобы их называли несправедливыми, сомневались в их мудрости и роптали на их поведение. Поэтому они остерегались обвинять в несправедливости деспота вселенной, сомневаться в его правах, жаловаться на его суровость; решили, что бог может позволить себе все по отношению к своим жалким творениям, что он не имеет никаких обязанностей по отношению к ним и вправе осуществлять над ними абсолютную и безграничную власть. Ведь так поступают земные тираны, произвол которых послужил образцом для поведения божества; на основании их нелепого и бессмысленного способа управления для божества сочинили какую-то особенную юриспруденцию. Мы видим, таким образом, что прообразами бога служили самые дурные люди и самые несправедливые правительства являлись образцом божественного управления. Несмотря на все жестокости и нелепости божества, его не переставали называть справедливым и мудрым.

Во всех странах люди поклонялись странным, несправедливым, кровожадным, неумолимым богам, права которых они никогда не осмеливались подвергать сомнению. Эти боги повсюду были жестоки, распутны, пристрастны; они походили на тех разнузданных тиранов, которые безнаказанно издеваются над своими злополучными подданными, слишком слабыми или слепыми, чтобы оказать им сопротивление и избавиться от гнетущего их ига. Такому же отвратительному богу заста-

вляют нас поклоняться и ныне; бог христиан подобно богам греков и римлян наказывает нас в этом мире и будет наказывать в загробном за проступки, имеющие своим источником полученную нами от него природу. Подобно опьяненному своей властью государю этот бог щеголяет своим могуществом и, по-видимому, поглощен лишь детским удовольствием показать, что он господин всего сущего и не подчинен никаким законам. Он наказывает нас за то, что мы не знаем его непостижимой сущности и загадочной воли. Он наказывает нас за прегрешения наших отцов; от его деспотических капризов на веки веков зависит наша судьба, в зависимости от его роковых повелений мы помимо нашей воли становимся его друзьями или врагами: он делает нас свободными лишь ради варварского удовольствия казнить нас за неизбежное злоупотребление свободой, вызываемое нашими страстями или заблуждениями. Наконец, теология показывает нам, что люди всегда подвергаются наказаниям за свои неизбежные, необходимые проступки, будучи как бы жалкими игрушками в руках злого и тиранического божества*.

На основе этих нелепых учений теологи утвердили на всей земле порядок поклонения божеству, которое, не будучи чем-либо связано по отношению к людям, имеет, однако, право связывать их: верховная власть

---

* Языческая теология рисовала в лице своих богов каких-то распутных, несправедливых, развратных, мстительных существ, сурово наказывающих людей за неизбежные, предсказанные оракулами преступления. Иудейская и христианская теология рисует нам пристрастного бога, который выбирает или отвергает, любит или ненавидит тех или иных лиц, подчиняясь своим прихотям,— словом, какого-то тирана, который издевается над своими творениями; наказывает в этом мире все человечество за проступок одного-единственного человека; обрекает большинство смертных на то, чтобы стать его врагами, дабы иметь потом возможность наказывать их в течение вечности за то, что они получили от него свободу выступить в качестве его противников. В основе всех религий на земле лежит всемогущество бога, его абсолютная деспотическая власть над человеком и божественное неразумие. Здесь источник христианского догмата о *первородном грехе*, богословских учений о благодати и необходимости посредника — одним словом, всего того безбрежного моря нелепостей, которыми полна христианская теология. Разумный бог вообще, кажется, не соответствовал бы интересам жрецов.

избавляет его от всяких обязанностей по отношению к творениям, которые упорно считают себя виновными во всех тех случаях, когда испытывают какие-нибудь несчастья. Не будем же поражаться тому, что верующий человек живет посреди страхов и тревог; думая о боге, он всегда имеет перед собой образ какого-то безжалостного тирана, наслаждающегося несчастьями своих подданных; эти последние могут в любое мгновение без своего ведома навлечь на себя его немилость; однако они никогда не осмеливаются назвать его несправедливым, так как несправедливость не может служить мерилом поступков всемогущего монарха, которого его сан бесконечно возвышает над человеческим родом, хотя воображают почему-то, что он создал вселенную только ради человека.

Таким образом, люди, не умея видеть в добре и зле одинаково необходимые явления и не будучи в состоянии отыскать их настоящие причины, выдумали фиктивные причины, различные зловредные божества, в существовании которых ничто не могло их разуверить. Между тем, изучая природу, они могли бы убедиться, что физическое зло есть необходимое следствие некоторых свойств известных вещей; они поняли бы, что всякие эпидемии, поветрия и болезни зависят от физических причин, от известной совокупности обстоятельств, от сочетаний, которые, хотя и носят вполне естественный характер, тем не менее пагубны для их рода; они постарались бы отыскать в самой природе средства, способные ослабить или прекратить явления, приносящие им страдания. Аналогичным образом люди убедились бы, что духовное зло является необходимым следствием их дурных учреждений; что войны, неурожай, голод, всякого рода бедствия, несчастья, пороки и преступления, от которых они столь часто страдают, зависят не от небесных богов, а от несправедливости земных государей. Для устранения всего этого зла они не воздымали бы напрасно своих дрожащих рук к призракам, которые не способны облегчить их положение и вовсе не являются виновниками их бедствий; они стали искать бы в более разумном управлении, более справедливых законах и более целесообразных учреждениях средства про-

тив своего злополучия, ошибочно приписываемого ими мести какого-то бога, которого жрецы изображают им в виде тирана, запрещая в то же время сомневаться в его справедливости и доброте.

Действительно, людям не перестают повторять, что их бог бесконечно благ, что он желает своим творениям лишь добра, что он делает все только для них; но, несмотря на эти столь льстивые уверения, в религии преобладает мысль о злобе бога, которая способна приковать к себе внимание людей скорее, чем мысль о его доброте: она первой приходит в голову, когда начинают думать о божестве. Мысль о зле неизбежно производит на человека более сильное впечатление, чем мысль о добре, поэтому добрый бог всегда будет оттеснен на задний план злым. Таким образом, признают ли нескольких богов с противоположными интересами или допускают одного царя вселенной, чувство страха необходимым образом берет верх над чувством любви; доброму богу поклоняются лишь для того, чтобы он не давал воли своим капризам, прихотям, злобе; только страх и тревога заставляют человека падать ниц перед ним, чтобы смягчить его суровость. Одним словом, хотя нас не перестают уверять, будто божество преисполнено милосердия, сострадания и доброты, повсюду воздают рабское, продиктованное страхом поклонение злокозненному гению, капризному хозяину, опасному демону.

Это не должно удивлять нас: мы питаем искренние чувства доверия и любви лишь к тем, у кого замечаем постоянное желание делать нам добро; если же мы начинаем подозревать у них желание, возможность или право вредить нам, то мысль о них становится нам неприятной, мы начинаем бояться их, не доверять им, ненавидеть их в глубине души, не осмеливаясь даже сознаться себе в этом. Если на божество следует смотреть как на общий корень добра и зла на земле; если оно то делает людей счастливыми, то погружает их в пучину бедствий или сурово карает, то люди, разумеется, должны бояться его прихотей или строгости и больше думать об этом, чем о его доброте, которая так часто вовсе не оправдывается на деле. Поэтому мысль о царе небесном должна постоянно тревожить их; суровость

его приговоров должна заставлять их трепетать больше, чем его добрые дела могут утешить или успокоить их.

Если иметь в виду эту истину, то легко понять, почему все народы на земле трепетали перед своими богами, создавая в честь их странную, бессмысленную, мрачную и жестокую обрядность; они служили им как причудливым деспотам, знающим только голос своих прихотей, порой благоприятных, но чаще пагубных для их подданных, как каким-то капризным хозяевам, не столько любимым за их благодеяния, сколько страшным из-за их злобы и суровости, хозяевам, которых никогда не осмеливаются назвать несправедливыми или чрезмерно требовательными. Вот почему поклонники единого бога, на которого нам указывают как на образец доброты, справедливости и всяческих совершенств, обращаются с самими собой весьма жестоким и странным образом, казнят себя, чтобы предупредить небесное мщение, и совершают самые ужасные преступления по отношению к другим лицам, если рассчитывают смягчить таким образом гнев и пробудить милосердие своего бога. Все религиозные системы людей, приносимые ими жертвы, их молитвы, обряды, церемонии всегда имели целью отвратить ярость божества, предупредить его капризы, пробудить в нем чувство доброты, которому оно изменяет на каждом шагу. Все усилия и ухищрения теологии были направлены на то, чтобы примирить во владыке мира противоречивые идеи, порожденные ею же самой в умах смертных. Теологию по справедливости можно было бы определить как искусство сочинять химеры, сочетая взаимно исключающие друг друга свойства.

Глава III

ТУМАННЫЕ И ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ИДЕИ ТЕОЛОГИИ

Вышеизложенное доказывает нам, что люди, несмотря на все усилия воображения, всегда должны были черпать в своей собственной природе качества, приписываемые ими существу, управляющему миром. Мы уже указали на противоречия, необходимо вытекающие из

несовместимости этих человеческих качеств, которые не могут быть свойственны одному и тому же субъекту, так как уничтожают друг друга. Сами теологи заметили непреодолимые трудности, которые их божества доставляют разуму; чтобы справиться с этими трудностями, они запретили людям рассуждать и сбили с пути умы, запутав и без того неясные и противоречивые представления о боге; они окутали бога туманом, сделали недоступным и стали по своей прихоти объяснять намерения загадочного существа, которому заставляли поклоняться. Для этого они во всех смыслах преувеличили его размеры; ни время, ни пространство, ни природа не могли уже заключать в себе его необъятности; все стало в нем непроницаемой тайной. Хотя первоначально люди заимствовали у самих себя основные черты своего бога, хотя они сделали из него могущественного, ревнивого, мстительного монарха, который мог быть неправедным, не нарушая своего правосудия, и был, одним словом, подобен самым испорченным земным государям, но теология в итоге своих блужданий, как было сказано, окончательно отошла от человеческой природы; чтобы еще больше отличить божество от его творений, она приписала ему столь чудесные, странные и непостижимые для нашей мысли качества, что под конец запуталась в них сама; она, без сомнения, убедила себя в том, что именно благодаря этому такие качества божественны; она сочла их достойными бога, так как ни один человек не мог составить себе никакого представления о них. Людей убедили, что следует верить тому, чего они не могли постигнуть; что надо покорно принимать непонятные теории и противные разуму гипотезы; что нет более приятной жертвы, которую можно сделать причудливому господину, не желающему, чтобы пользовались его дарами, чем пожертвовать разумом. Одним словом, людей заставили думать, будто им не суждено понять наиболее важные для них вещи*. С другой

* Всякая религия основывается, очевидно, на нелепом принципе, будто человек обязан твердо верить в то, чего он совершенно не в состоянии понять. Согласно учению самой теологии, человек должен по своей природе пребывать в *непреодолимом неведении* по отношению к богу.

стороны, человек уверил себя, будто бесконечные и непостижимые атрибуты, которые приписывали его небесному царю, устанавливают между последним и его рабами настолько значительную дистанцию, что не может быть и речи о каком-нибудь сравнении с ним; человек убедил себя, что надменный деспот будет благодарен ему за усилия сделать его как можно более великим, чудесным, могущественным, самовластным, недоступным взору своих жалких подданных. Люди всегда думают, будто то, чего они не могут постигнуть, благороднее и достойнее того, что они в состоянии понять; они воображают, будто их бог подобно земным тиранам не желает, чтобы его видели слишком близко.

Эти-то предрассудки и породили, по-видимому, те чудесные или, вернее, непонятные качества, которые, по мнению теологии, подобают владыке мира. Человеческий дух, доведенный до отчаяния своим непреодолимым неведением и своими страхами, породил смутные и туманные идеи, которыми украсил своего бога: для того чтобы угодить своему божеству, человек провозгласил его совершенно несоизмеримым и несравнимым со всем высочайшим и величайшим из того, что он знает. Отсюда это бесконечное число отрицательных атрибутов, которыми остроумные мечтатели украсили призрак божества, чтобы сделать из него существо, отличное от всех других существ и не имеющее ничего общего с тем, что способен познать человеческий ум.

Теологические, или метафизические, атрибуты бога действительно являются простыми отрицаниями качеств, имеющихся у человека или у всех известных ему существ: согласно этим атрибутам, божество свободно от тех слабостей и несовершенств, которые человек усматривает в самом себе или в окружающих его существах. Утверждать, что бог *бесконечен*, — значит, как мы уже видели, утверждать, что в отличие от человека или всех известных нам существ он не ограничен рамками пространства*. Утверждать, что бог *вечен*, — значит

* По мнению Гоббса, «*все, что мы воображаем, конечно и, таким образом, слово «бесконечный» не может соответствовать никакой идее и никакому понятию*». См. «Левиафан», гл. III.

Один теолог выражается аналогичным образом. «Само слово

считать, что в отличие от нас и всего существующего он не имел начала и не будет иметь конца. Называть бога *неизменным* — значит утверждать, что в отличие от нас и всего окружающего нас он не доступен изменению. Утверждать, что бог *нематериален*,— значит допускать, что его субстанция, или его сущность, обладает непостижимой для нас природой, которая должна совершенно отличаться от всего, что мы знаем.

Из хаотической груды этих отрицательных качеств получается теологический бог, это метафизическое целое, о котором человеку никогда не удастся составить себе представления. В этом абстрактном существе сочетаются бесконечность, безмерность, духовность, всеведение, порядок, мудрость, разум, безграничное могущество. Сочетая эти туманные слова или модификации, думали получить что-то осмысленное; расширительно истолковали эти качества и, думая создать бога, создали просто какую-то химеру. Воображали, что эти совершенства, или качества, должны подобать божеству, так как не подобают ничему из того, что мы знаем; полагали, что непонятное существо должно обладать непостижимыми качествами; вот из какого материала теология создала загадочный призрак, перед которым она повелевает падать ниц человечеству.

Однако столь туманное, непостижимое и далекое от всего, что могут знать или чувствовать люди, существо не могло стать предметом их беспокойного интереса; человеческий дух могут приковать к себе лишь качества, которые он способен понять и о которых может судить. Поэтому теология, создав с помощью своих утонченных умозрений этого метафизического бога, столь отличного от всего, что действует на чувства

бесконечный,— говорит он,— спутывает наши представления о боге и делает совершеннейшее из существ совершенно непонятным для нас, так как слово *бесконечный* представляет лишь отрицание; оно означает то, что не имеет ни конца, ни границ, ни меры, следовательно, то, что не имеет положительной и определенной природы, а значит, не имеет вообще ничего». Он прибавляет, что «лишь привычка заставила нас усвоить это слово, которое иначе показалось бы нам лишенным смысла и противоречивым». *Sherlock*[1], Vindic. of trinity, p. 77. [*Шерлок*, В защиту троицы, стр. 77.]

людей, была вынуждена впоследствии приблизить его к человеку, от которого она его так отдалила; приписывая богу *моральные* качества, теология снова делает из него человека; она понимает, что в противном случае было бы невозможно убедить людей, что между ними и туманным, воздушным, неуловимым и незримым существом, которому их заставляют поклоняться, могут существовать какие бы то ни было отношения; она понимает, что этот чудесный бог способен занимать лишь воображение нескольких мыслителей, мозг которых привык оперировать химерами или принимать слова за реальность; наконец, она убеждается, что для подавляющего большинства сынов земли нужен бог более похожий на них, осязаемый, доступный познанию. В силу этого божеству, несмотря на его невыразимую божественную сущность, были приданы человеческие качества, причем никогда не обращали внимания на их несовместимость с существом, которое сделали радикально отличным от человека и которое, следовательно, не могло ни обладать свойствами людей, ни изменяться подобно им. Забыли, что нематериальный и лишенный телесных органов бог не может ни действовать, ни мыслить подобно материальному существу, способному благодаря своей собственной организации обладать известными нам качествами, чувствами, желаниями, добродетелями. Необходимость приблизить бога к его творениям заставила закрыть глаза на эти зияющие противоречия, и теология стала упорно тщиться приписать ему качества, которые человеческая мысль напрасно старается постигнуть или примирить друг с другом. Если верить учению теологии, приходится допустить, что чистый дух является двигателем материального мира; что необъятное существо может заполнить пространство, не исключая из него, однако, природы; что неизменное существо является причиной происходящих в мире непрерывных изменений; что всемогущее существо не может воспрепятствовать существованию неугодного ему зла; что источник порядка вынужден допустить наличие беспорядка. Одним словом, чудесные качества теологического бога на каждом шагу опровергаются данными опыта.

Не меньше противоречий и нелепостей мы находим в человеческих совершенствах, или качествах, которые пришлось приписать богу для того, чтобы человек мог составить себе представление о нем. Эти качества, которыми бог якобы обладает *в высочайшей степени*, на каждом шагу опровергаются свидетельством опыта. Нас уверяют, что бог добр; доброта, встречающаяся у некоторых существ нашего рода, представляет собой хорошо известное нам качество; мы особенно желаем видеть ее у тех, от кого зависим; нас уверяют, будто благость бога обнаруживается во всех его творениях; однако мы называем добрыми лишь тех людей, действия которых вызывают в нас желательный нам эффект. Обладает ли владыка природы такого рода добротой? Разве он не творец всех вещей? А в таком случае разве можем мы не считать его виновником страданий от подагры, жара, вызываемого лихорадкой, заразных болезней, голода, войн, столь губительных для человеческого рода? Когда я страдаю от мучительнейших болей, когда я влачу свое существование в лишениях и болезнях, когда я изнываю под чьим-то гнетом,— где благость бога по отношению ко мне? Когда благодаря нерадивости или испорченности правительства мое отечество нищает, пустеет, лишается своего населения и подвергается опустошению, то где благость бога по отношению к нему? Когда грозные катастрофы, потопы, землетрясения обрушиваются на значительную часть земного шара, то где благость этого бога и прекрасный порядок вселенной, созданный его мудростью? В чем обнаруживается заботливость провидения, раз все показывает, по-видимому, что оно издевается над человечеством? Что думать о любви бога, который посылает нам горести и испытания, находя удовольствие в том, чтобы доставлять неприятности своим детям? Где эти лживые *конечные цели*, эти пресловутые неоспоримые доказательства существования мудрого и всемогущего бога, который может сохранить свое творение, лишь разрушая его, и не в состоянии придать ему сразу все возможное совершенство и устойчивость? Нас уверяют, будто бог создал мир только для человека и пожелал, чтобы последний был царем природы. Жалкий царь!

Достаточно песчинки, нескольких атомов желчи или ничтожного перемещения соков в организме, чтобы уничтожить твое царство и тебя самого, между тем как ты утверждаешь, будто преблагий бог создал все для тебя! Ты хочешь, чтобы вся природа подчинилась тебе, и в то же время не можешь защитить себя от ее малейших ударов! Ты создаешь себе бога для себя одного, воображаешь, что он озабочен мыслью о сохранении твоего существования, думаешь, что он занят вопросом о твоем счастье, предполагаешь, что он создал все для тебя, и на основании этого горделиво утверждаешь, что он благ! Но разве ты не замечаешь на каждом шагу опровержений мнения о благости бога по отношению к тебе? Разве ты не видишь, что животные, которых ты считаешь подчиненными себе, часто пожирают твоих ближних; что огонь истребляет, а океан поглощает их; что стихии, порядком которых ты восхищаешься, делают их жертвой своего грозного беспорядка. Разве ты не видишь, что та сила, которую ты называешь своим богом и которая, по твоему мнению, трудится только для тебя, занята лишь родом человеческим, удовлетворена его поклонением и тронута его молитвами, не может быть названа благой, раз она действует необходимым образом? Действительно, даже согласно твоим взглядам, этот бог, будучи универсальной причиной, обязан думать о сохранении великого целого, от которого ты так безрассудно отделил его. Разве он не есть, даже по твоим собственным взглядам, бог морей, рек, гор, земного шара, на котором ты занимаешь такое ничтожное место, и всех других планет, вращающихся вокруг освещающего тебя солнца? Перестань же упорствовать и видеть лишь одного себя в природе; не льсти себя мыслью, будто человеческий род, исчезающий и обновляющийся подобно древесной листве, может присвоить себе все внимание и всю любовь универсального существа, которое, по твоему мнению, управляет судьбами всех вещей.

Что представляет собой человечество по сравнению с землей? Что представляет собой эта земля по сравнению с солнцем? Что представляет собой наше солнце по сравнению с массой солнц, заполняющих на колос-

сальных расстояниях друг от друга небесные пространства не для того, чтобы тешить твои взоры и вызывать восхищение, как ты это воображаешь, а для того, чтобы занимать место, назначенное им необходимостью? О жалкий и тщеславный человек! Вернись на подобающее тебе место; признай повсюду действие необходимости; распознай в своих радостях и горестях различные способы действия веществ, одаренных разнообразными свойствами и составляющих в своей совокупности природу, и не приписывай мнимому двигателю вселенной противоречивых свойств доброты или злобы, человеческих качеств, представлений и целей, существующих только в тебе самом.

Несмотря на опыт, на каждом шагу опровергающий приписываемую людьми богу благость, они не перестают называть его благим; когда мы жалуемся на бедствия и несчастья, свидетелями и жертвами которых так часто являемся, нас начинают уверять, что это только кажущиеся бедствия; нам говорят, что если бы мы с нашим ограниченным умом могли проникнуть в глубины божественной мудрости и в сокровищницу его благости, то нам довелось бы увидеть, как из того, что мы называем бедствием, всегда получается величайшее добро. Но, несмотря на эти неубедительные ответы, мы можем найти добро лишь в предметах, воздействующих на нас благоприятным для нашего теперешнего существования образом; мы всегда будем находить бедствия и зло во всем том, что причиняет нам хотя бы мимолетное страдание. Если бог — творец явлений, производящих в нас два столь противоположных вида ощущений, то мы вынуждены заключить на основании этого, что он бывает то добрым, то злым, если только не допустить, что он ни то, ни другое, а все его действия необходимы. Мир, в котором человек испытывает столько бедствий, не может быть подчинен совершенно благому богу; мир, в котором человек испытывает столько добра, не может быть управляем злым богом. Поэтому приходится либо допустить наличие двух одинаково могущественных противоположных друг другу начал, либо признать, что один и тот же бог попеременно бывает то добрым, то злым, либо же, наконец,

согласиться с тем, что этот бог не может действовать иначе, чем он действует; но разве в этом последнем случае поклоняться и молиться ему не бесполезно? Ведь он является просто *судьбой*, необходимостью вещей, или по меньшей мере оказывается подчиненным неизменным правилам, которые наложил на самого себя.

Чтобы отвести от этого бога обвинение в бедствиях, которые он заставляет терпеть человеческий род, нам говорят, что он справедлив, но эти бедствия суть наказания за испытанные им от людей обиды. Таким образом, оказывается, что человек способен наносить обиды своему богу! Но обида предполагает существование отношений между нами и тем, кого мы обижаем; каковы же, однако, отношения, которые могут существовать между жалкими смертными и бесконечным существом, создавшим мир? Обижать кого-нибудь — значит уменьшать сумму его счастья, огорчать его, лишать его чего-нибудь, заставлять его испытывать неприятные ощущения. Но разве допустимо, чтобы человек мог влиять на благополучие всемогущего владыки мира, счастье которого неизменно? Возможно ли, чтобы физические действия материального существа оказывали влияние на нематериальную субстанцию и заставляли ее испытывать неприятные ощущения? Возможно ли, чтобы жалкое творение, получившее от бога свое существование, свою организацию, свой темперамент с вытекающими из них страстями, образом действия и мысли, действовало против несокрушимой, никогда не допускающей беспорядка или греха воли?

С другой стороны, справедливость, насколько мы можем себе представить, означает воздаяние каждому по его заслугам; но теология не перестает повторять, что бог ничем нам не обязан, что оказываемое им добро — просто милость с его стороны и он может, не нарушая своего правосудия, по произволу располагать творениями своих рук и даже ввергать такие творения, если это будет ему угодно, в пучину бедствий. Но я не вижу и тени справедливости в таком поступке, усматривая в нем лишь ужаснейшую тиранию и возмутительнейшее злоупотребление своей силой. Действительно,

разве мы не видим, как под властью этого бога, справедливость которого так прославляют, невинность страдает, добродетель проливает слезы, а преступление торжествует и получает награду?* Вы скажете, что эти бедствия кратковременны и не будут длиться долго. Отлично. Но, значит, ваш бог оказывается несправедливым хотя бы на короткий срок? Вы скажете, что он наказывает преданных ему людей для их же блага. Но если он благ, то как может он заставлять их страдать даже на короткое время? Если он всеведущ, зачем ему испытывать своих любимцев, со стороны которых ему нечего опасаться? Если он действительно всемогущ, то разве он не мог бы избавить их от этих кратковременных страданий и доставить им постоянное блаженство? Если его могущество непоколебимо, то зачем ему бояться бесцельных заговоров, которые желали бы устроить против него?

Найдется ли такой добрый и гуманный человек, который всем сердцем не желал бы сделать своих ближних счастливыми? Но если бог превосходит всех людей по благости, то почему он не воспользуется своим бесконечным могуществом, чтобы даровать всем счастье? Между тем, как мы знаем, на земле почти никто не бывает доволен своей судьбой. На одного наслаждающегося жизнью человека приходятся миллионы страдающих, на одного живущего в роскоши богача — миллионы бедняков, нуждающихся в самых необходимых вещах; целые народы пребывают в нищете, чтобы удовлетворить прихоти нескольких государей и вельмож,

---

* Dies deficiet, si velim numerare quibus bonis male evenerit, nec minus, si commemorem quibus malis optime. [«У меня не хватило бы времени, если бы я захотел перечислить всех тех хороших людей, которые претерпели страдания, а также всех тех дурных, которые отлично преуспели».] *Cicer.*, De Nat., Deor., lib. 3.

Если бы какой-нибудь добродетельный царь обладал кольцом Гигеса[2], т. е. имел способность делаться невидимым, то не воспользовался ли бы он этим свойством, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям, наградить добродетельных, предупредить заговоры порочных — одним словом, установить порядок и счастье в своих владениях? Бог есть невидимый и всемогущий государь; однако его владения оказываются ареной преступлений и беспорядка, которым он не мешает совершаться.

которые, однако, нисколько не делаются от этого счастливее. Одним словом, под властью всемогущего бога, благость которого не имеет границ, вся земля залита слезами страдающих людей. Что же нам говорят в ответ на это? Нам хладнокровно отвечают, что *пути господни неисповедимы*. Но, спрошу я, почему вы в таком случае беретесь рассуждать о них? На каком основании вы приписываете богу свойства, познать которые не можете? Что это за правосудие, которое совершенно не похоже на человеческое?

Нам говорят, что правосудие бога умеряется его милосердием, состраданием и благостью. Но что мы понимаем под милосердием? Разве оно не означает отказа от суровых правил строгого правосудия, благодаря которому судьи отменяют заслуженное кем-нибудь наказание? У земных царей милосердие есть или нарушение правосудия, или же смягчение слишком сурового закона; но могут ли быть слишком суровы законы бесконечно благого, справедливого и мудрого бога? А если этот бог действительно неизменен, то может ли он хоть на один момент нарушать эти законы? Мы, конечно, одобряем милосердие государей, если только они не пользуются им легкомысленно, причиняя тем самым ущерб обществу; мы ценим его, так как оно свидетельствует о гуманности и мягкости государя, о его сострадательной и благородной душе — словом, о качествах, которые мы предпочитаем у своих господ суровости, жестокости, непреклонности. Однако человеческие законы несовершенны: они часто бывают слишком суровыми, они не могут предвидеть всех обстоятельств и случайностей, назначаемые ими наказания не всегда справедливы и соразмерны с преступлениями. Совсем иной характер должны иметь законы божества, которое мы считаем совершенно справедливым и мудрым: им следует быть настолько совершенными, чтобы не допускать исключений и чтобы, следовательно, божество никогда не могло нарушить их, не нарушая вместе с тем своего неизменного правосудия.

Загробная жизнь была придумана для того, чтобы доказать правосудие божества и освободить его от обвинения в бедствиях, которые оно заставляет испы-

тывать в земной юдоли даже своих любимцев; здесь, говорят нам, царь небесный должен доставить своим избранникам ненарушимое блаженство, в котором он отказывает им на земле; здесь он должен вознаградить тех, кого любит, за кратковременные несправедливости и горестные испытания, которым подвергает их на земле. Но действительно ли может эта выдумка дать нам ясное представление о провидении и способствовать оправданию бога? Если бог ничем не обязан своим творениям, то на каком основании последние станут ожидать в будущем более реального и постоянного счастья, чем то, которым они наслаждаются в настоящем? Эти ожидания, говорят нам, основываются на обетованиях, данных в откровении. Но верно ли, что откровение исходит от бога? Кроме того, учение о загробной жизни нисколько не оправдывает бога в существовании даже кратковременной несправедливости; к тому же разве несправедливость — хотя бы и кратковременная — не идет вразрез с неизменным характером божества? Наконец, не является ли всемогущее существо, которое называют творцом всех вещей, первопричиной или соучастником наносимых ему обид? Разве не это существо — истинный виновник зла, или греха, которое оно терпит, в то время как могло бы помешать его появлению? А в таком случае вправе ли оно наказывать грешников?

Мы видим, таким образом, к каким противоречиям и странным гипотезам неизбежно приводит учение об атрибутах, приписываемых богу теологией. Существо, обладающее столькими несовместимыми качествами, конечно, не поддается определению; употребляемые для его обозначения понятия неизбежно являются противоречивыми и уничтожают друг друга, а значит, это чисто фиктивное существо. Этот бог, говорят нам, создал небо, землю и все живущие на них существа ради своей собственной славы. Но разве государь, превосходящий все другие существа, не имеющий в природе ни соперников, ни равных себе, не сравнимый ни с одним из своих творений, может вдохновляться жаждой славы? Может ли он бояться потерять уважение себе подобных? Нуждается ли он в уважении, покло-

нении, восхищении людей? Жажда славы не что иное, как желание вызвать у наших ближних высокое представление о нас; эта страсть похвальна, если она побуждает нас к великим и полезным делам; но чаще она является лишь слабостью нашей природы, желанием отличить себя от существ, с которыми мы себя сравниваем. Бог, о котором нам говорят, должен быть свободен от этой страсти: у него нет соперников, подобных ему существ не существует, он не может обижаться на то представление, которое имеют о нем люди, его могущество не допускает никакого умаления, ничто не может нарушить его вечного блаженства. Не ясно ли отсюда, что он не может ни жаждать славы, ни быть чувствительным к похвалам и уважению людей? Если этот бог так ревниво оберегает свои прерогативы, свое достоинство, свой сан, свою славу, то почему же он терпит обиды? Почему он допускает, чтобы такое множество других людей имело о нем столь неблагоприятное мнение? Почему существуют некоторые смельчаки, отказывающие ему в столь лестном для его гордости почитании? Как может он позволить, чтобы смертный, подобный мне, осмеливался нападать на его права, на его достоинство, на само его существование? Он позволяет это, скажете вы, чтобы наказать тебя за злоупотребление его милостями. Но почему же он позволяет мне злоупотреблять его милостями? И почему его милости не могут заставить меня действовать согласно его желаниям? Потому, ответят мне, что он сделал тебя свободным. Но почему же он дал мне свободу, будучи в состоянии предвидеть, что я смогу злоупотреблять ею? Совместимо ли с его благостью дарование мне способности, благодаря которой я могу не обращать внимания на его всемогущество и совращать с пути истины его почитателей, обрекая самого себя на вечные муки? Не лучше ли для меня было бы не родиться вовсе или же на худой конец быть созданным в виде животного или камня, чем оказаться вопреки самому себе разумным существом, обладающим пагубным даром бесповоротно погубить себя оскорблением или непризнанием владыки своей судьбы. Не обнаружил ли бы бог свою всемогущую благость по отношению ко мне лучше и не сделал

ли бы он для своей славы больше, если бы заставил меня почитать его и заслужить таким образом неизреченное блаженство?

Столь несостоятельное учение о свободе воли, опровергнутое нами выше, было, очевидно, придумано с целью снять с творца природы обвинение в том, что он виновник источник, первопричина преступлений своих творений. Из-за этого пагубного дара, полученного от благого божества, люди, согласно мрачному учению теологии, в большинстве своем оказываются обреченными на вечные муки за прегрешения на земле. Утонченные и бесконечные мучения, согласно правосудию милосердного бога, предназначаются для слабых существ за их мимолетные проступки, ошибочные рассуждения, невольные заблуждения и роковые страсти, зависящие от темперамента, которым наградил их этот самый бог, от обстоятельств, в которые он поместил их, или, если угодно, от злоупотребления пресловутой свободой, которую предусмотрительное божество никогда не должно было бы предоставлять существам, способным злоупотреблять ею. Назвали ли бы мы добрым, разумным, справедливым, милосердным и любящим отца, который вооружил бы резвого и неосторожного ребенка опасным, острым ножом и потом всю жизнь наказывал бы его за то, что он поранил себя? Назвали ли бы мы справедливым, добрым и милосердным государя, который, не соразмеряя наказания с виной, не переставал бы мучить какого-нибудь подданного за то, что тот под влиянием опьянения задел его тщеславие, не причинив ему реального вреда, особенно если бы оказалось, что сам государь опоил его? Считали ли бы мы всемогущим монарха, государство которого пребывало бы в таком состоянии анархии, что, за исключением небольшой кучки верноподданных, все остальные граждане могли бы свободно нарушать его законы, оскорблять его самого, не слушаться его приказов? О теологи! Согласитесь же сами, что ваш бог просто груда качеств, составляющих столь же непонятное для вас, как и для меня, целое; перегружая его несовместимыми друг с другом атрибутами, вы сделали из него поистине что-то химерическое, и никакие ваши

гипотезы и ухищрения не могут придать жизни этому призраку.

Однако на выдвигаемые нами возражения отвечают, будто благость, мудрость, справедливость носят у божества такой возвышенный характер и так мало сходны с соответствующими качествами людей, что не имеют ничего общего с ними. Но, отвечу я, как могу я составить себе представление об этих божественных совершенствах, если они нисколько не похожи на качества, которые я нахожу у себя самого или у своих ближних? Если божественное правосудие отлично от человеческого и проявляется в том, что люди называют неправосудием; если его благость, милосердие, мудрость не обнаруживаются посредством признаков, по которым мы можем их распознать; если все божественные качества противоречат принятым нами взглядам; если все человеческие понятия в теологии затемнены или извращены, то как могут подобные мне смертные брать на себя полномочия познавать, возвещать и объяснять их другим? Неужели теология сообщает уму непзъяснимый дар постигать то, чего не в состоянии понять ни один человек? Неужели она доставляет посвященным в ее тайны чудесную способность составлять себе точные представления о боге, совмещающем в себе столько исключающих друг друга качеств? Одним словом, разве сам теолог является богом?

Но тут нам затыкают рот замечанием, что сам бог говорил с людьми и высказал свою волю. Но когда и к кому обращался этот бог? Где содержатся его божественные изречения? Здесь сразу раздается сотня голосов, сотня рук показывает мне на какие-то нелепые и полные противоречий книги; я пробегаю их взором и повсюду нахожу, что бог мудрости выражался темно, невразумительно, коварно. Я вижу, что бог благости был жестоким и кровожадным; что бог справедливости был несправедливым, пристрастным и повелевал делать неправедные вещи; что бог милосердия предназначал ужаснейшие кары для несчастных жертв своего гнева. Кроме того, на сколько препятствий натыкаемся мы, когда пытаемся проверить мнимые откровения божества, которое в разных местах земли никогда не гово-

рило одинаковым образом; которое вещало так часто, в стольких местах и всегда так различно, что, по-видимому, цель его появлений всюду заключалась лишь в том, чтобы внести замешательство в человеческий ум.

Отношения, которые якобы существуют между людьми и их богом, могут основываться лишь на моральных качествах этого существа; если эти моральные качества не известны людям, то они не могут служить им образцом. Чтобы люди могли подражать им, они должны быть доступны познанию. Как могу я подражать богу, благость и справедливость которого совсем не похожи или даже прямо противоположны тому, что я называю справедливостью или добротой? Если бог не имеет ничего общего с нами, то как можем мы задаваться целью даже в отдаленной мере подражать ему, походить на него, поступать так, чтобы угождать ему, сообразуясь с его волей? Действительно, каковы могут быть основания предписываемого нам поклонения и послушания верховному существу, кроме его благости, правдивости, справедливости — одним словом, кроме таких качеств, которые мы можем познавать? Как можем мы ясно представлять их себе, если эти качества у бога иной природы, чем у нас?

Без сомнения, нам скажут, что расстояние между творцом и его творением неизмеримо; что сосуд не вправе спрашивать сделавшего его горшечника: *почему ты сделал меня таким*? Но если расстояние между творцом и его творением неизмеримо, если между ними нет никакого соответствия, то какие же отношения могут существовать между ними? Если бог бестелесен, то как может он действовать на тела и как телесные существа могут действовать на него, оскорблять его, нарушать его покой, вызывать в нем гнев? Если человек по отношению к богу представляет лишь *глиняный сосуд*, то этот *сосуд* вовсе не обязан возносить молитвы или благодарение горшечнику за форму, которую он ему придал. Если же горшечник сердится на свой *сосуд* за то, что придал последнему плохую форму или сделал его непригодным для первоначально предназначавшейся ему цели, то такому горшечнику, если только он не безрассуден, следует винить самого себя за недостатки

этого *сосуда*; он может, конечно, сломать *сосуд*, и последний не в состоянии помешать ему в этом, так как не имеет средств смягчить его гнев и вынужден подчиниться своему жребию, но горшечник был бы совершенно безрассудным, если бы решил наказать свой *сосуд*, вместо того чтобы переделать его и придать ему желательную форму.

Мы видим, таким образом, что соотношение между человеком и богом такое же, как между камнем и богом. Но если бог ничем не обязан людям, если он не должен обнаруживать по отношению к ним ни справедливости, ни доброты, то и люди со своей стороны ничем не обязаны ему. Как мы знаем, отношения между всякими существами взаимны; обязанности людей по отношению друг к другу основываются на их взаимных потребностях; если бог не нуждается в людях, то он ничего не должен им и люди не могут оскорбить его. Авторитет бога может основываться лишь на добре, которое он творит людям, а обязанности людей по отношению к богу не могут иметь других побудительных причин, кроме надежды на счастье, которое они ожидают от него; если он не должен дать им этого счастья, то все их отношения с ним прекращаются и их обязанности по отношению к нему перестают существовать. Таким образом, с какой бы стороны ни подходить к теологической системе, она уничтожает сама себя. Поймет ли когда-нибудь теология, что, чем более усердны ее попытки превознести своего бога и его величие, тем более непонятным для нас становится последний; чем более принижается и удаляется от бога человек, тем более ослабевают отношения, которые, по ее предположениям, существуют между богом и человеком? Если владыка природы есть бесконечное, совершенно отличное от нас существо, если человек для него не лучше тли или комка грязи, то ясно, что между столь несходными существами не может существовать *моральных отношений*, и еще более ясно, что созданный богом *сосуд* не может рассуждать относительно него.

Однако всякий религиозный культ основывается на отношениях между человеком и богом. Между тем все религии на земле имеют в качестве основы идею деспо-

тического бога; но разве деспотизм не представляет собой несправедливой и неразумной власти? Приписывать божеству подобного рода власть — не значит ли это подкапываться под его благость, справедливость, бесконечную мудрость? Наблюдая бедствия, от которых они так часто страдают на земле, и не будучи в состоянии понять, чем они навлекли на себя гнев божий, люди всегда должны были думать, что владыка природы — это какой-то султан, который не имеет никаких обязанностей по отношению к своим подданным: он не обязан отчитываться перед ними, не должен сообразовываться с законами, не подчинен сам правилам, предписываемым им другим, а, следовательно, может быть несправедливым и имеет право безграничной мести. Наконец, теологи утверждают, что бог мог бы уничтожить мир и ввергнуть его обратно в хаос, из которого его извлекла божественная мудрость; между тем эти самые теологи указывают нам на чудесный порядок и гармонию мира как на убедительнейшее доказательство существования бога*.

Одним словом, среди качеств, приписываемых богу теологией, имеется и исключительная привилегия действовать вопреки всем законам природы и разума, между тем как именно на его разуме, справедливости, мудрости, верности принятым обязательствам желают основать наше почитание его и нравственный долг. Что за океан противоречий! Существо, которое может все и ничем не обязано никому; которое в своих извечных повелениях может избрать людей или отвергнуть их, предназначить им счастье или несчастье; которое вправе сделать из них игрушки своей прихоти и нанести им без всякой причины страдания; которое может даже уничтожить и разрушить вселенную,— что такое подобное существо, как не тиран или демон? Есть ли что-нибудь отвратительнее следствий, вытекающих

---

* «*Мы постигаем по крайней мере*,—говорит доктор Гастрел[3],—*что бог мог бы разрушить вселенную и погрузить ее в хаос*». «Défense de la religion tant naturelle que révélée». [«Апология столь же естественной, сколь и основанной на откровении религии».]

из возмутительных представлений о боге, существующих у тех лиц, которые призывают нас любить его, служить и подражать ему, повиноваться его приказаниям? Не в тысячу ли раз лучше было бы зависеть от слепой материи, от лишенной разума природы, от случая или небытия, от деревянного или каменного идола, чем от бога, ставящего, как мы видим, ловушки людям, побуждающего их грешить, дозволяющего им совершать преступления, которым он мог бы помешать,— и все это лишь для того, чтобы иметь варварское удовольствие наказывать их без всякой меры, без всякой пользы для самого себя, без предоставления им возможности исправиться и без того, чтобы их пример служил исправлению других людей? Мысль о подобном существе неизбежно должна переполнять душу мрачным страхом; конечно, боясь его власти, мы будем рабски поклоняться ему, называя его благим, льстя ему и обезоруживая его злобу; но было бы совершенно противоестественно, если бы мы полюбили подобного бога, зная, что он ничем не обязан нам, что он вправе быть несправедливым, что он может наказать свои творения за злоупотребление предоставленной им свободой или же за то, что они лишены благодати, в которой он им отказал.

Таким образом, предположение, что бог не связан по отношению к нам никакими правилами, подкапывает самые основы всякого религиозного культа. Теология, утверждающая, что бог мог создать людей, чтобы навеки сделать их несчастными, рисует нам какого-то злокозненного духа, злоба которого безмерна, бесконечно превосходя жестокость самых свирепых людей. Между тем таков бог, которого имеют бесстыдство предлагать в качестве образца для человеческого рода! Таково божество, которому поклоняются даже народы, кичащиеся своей особенной просвещенностью!

Между тем с помощью морального облика божества, т. е. его благости, мудрости, справедливости, его любви к порядку, желают обосновать нашу мораль, или науку об обязанностях, связывающих между собой людей; но так как совершенство и благость божества весь-

ма часто опровергаются фактами, свидетельствующими о его злобе, несправедливости и жестокости, то приходится признать, что это божество капризно, изменчиво и непостоянно в своем поведении, часто находясь в противоречии с самим собой. Действительно, оно то благоприятствует человеческому роду, то готово вредить ему; то стоит на стороне разума и счастья общества, то запрещает пользоваться разумом, относится враждебно ко всякой добродетели и с радостью взирает на смуты в обществе. Однако подавленные страхом люди не осмеливаются ни сознаться, что их бог несправедлив и зол, ни понять, что он позволяет им быть такими же; они довольствуются мыслью, что все совершаемое ими — якобы согласно его повелениям или с целью угодить ему — всегда хорошо, как бы пагубно оно ни казалось с точки зрения разума. Люди наделяют бога правом творить справедливое и несправедливое, превращать добро в зло и зло в добро, истину в ложь и ложь в истину—одним словом, приписывают ему право изменять вечную сущность вещей; они считают этого бога стоящим над законами природы, разума, добродетели; они думают, что никогда не поступают дурно, следуя его нелепейшим предписаниям, резко противоречащим морали и здравому смыслу и крайне вредным для спокойствия общества. При наличии таких принципов не приходится поражаться тем ужасам, которые творила на земле религия. Самая жестокая религия была и самой последовательной*.

---

* Господствующая ныне в Европе религия, несомненно, причинила больше опустошений и бедствий, чем всякое другое известное нам религиозное суеверие; в этом отношении она лишь следовала своим принципам. Можно сколько угодно проповедовать терпимость и кротость во имя деспотического бога, ревниво требующего монопольного поклонения себе, настаивающего на признании некоторых определенных догматов, жестоко наказывающего за ложные взгляды и требующего усердия от своих почитателей, но при таком боге всякий последовательный человек должен стать нетерпимым фанатиком. Современная теология благодаря приписываемому ей значению — это тонкий яд, способный заразить все. Углубившись в метафизические умозрения, современные теологи стали систематическими проповедниками нелепости и злобы; после того как их отвратительные представле-

Основывая мораль на мало соответствующем требованиям нравственности облике бога, не отличающегося постоянством поведения, человек никогда не может определить своих обязанностей ни по отношению к богу, ни по отношению к самому себе, ни по отношению к другим людям. Поэтому было крайне пагубно убедить его, что существует превосходящая природу сила, пред которой должен смолкнуть разум и ради которой, желая быть счастливым, надо пожертвовать здесь, на земле, всем. Мнимые повеления этой силы и ее пример неизбежным образом должны были иметь большее значение, чем предписания человеческой морали; поклонники бога могли прислушиваться к голосу природы и здравого смысла лишь тогда, когда он случайно согласовался с прихотями их бога, которому приписали способность уничтожать неизменные отношения всех вещей, превращать разум в неразумие, справедливость в несправедливость и даже преступление в добродетель. Под влиянием этих идей религиозный человек никогда не анализирует повелений и поведения небесного деспота согласно правилам здравого смысла; любой фанатик, который заявит, что он послан богом и уполномочен им толковать его повеления, будет иметь право толкнуть верующего человека на безрассудство и преступление: первая обязанность верующего — всегда безропотно повиноваться богу.

Таковы роковые и неизбежные следствия приписываемого божеству морального облика и учения, требующего от людей слепого повиновения абсолютному владыке, произвол и прихоть которого определяют все обязанности. Те, кто впервые дерзнули сказать людям, что в вопросах религии они не смеют ни обращаться к своему разуму, ни считаться с интересами общества, имели, очевидно, целью сделать из них игрушки или

ния о божестве получили признание, им невозможно было доказать, что они должны быть гуманными, справедливыми, миролюбивыми, кроткими, терпимыми; они утверждали и доказывали, что эти человеческие и социальные добродетели непригодны в вопросах религии и являются изменой и преступлением в глазах царя небесного, для которого необходимо пожертвовать всем.

орудия своей собственной злобы. В этом коренном заблуждении берут начало все странности различных религий, их кровавое безумие, бесчеловечные гонения, так часто бывшие гибельными для народов, — одним словом, все те ужасные трагедии, причиной и предлогом которых было имя всевышнего. Всякий раз, когда хотели внести раздор в отношения людей друг с другом, им внушали, что этого требует бог. Таким образом, сами теологи постарались оклеветать и ославить призрак, вознесенный ими во имя их интересов над обломками человеческого разума и плохо изученной природой, в тысячу раз превосходящей тиранического бога, которого делают ненавистным для всякого добродетельного человека, думая превознести и прославить его. Именно сами теологи разрушают собственный идол, приписывая ему бесчисленные противоречивые качества; именно они, как это будет еще показано в дальнейшем, подкапываются под основы морали, строя ее на идее о непостоянном и капризном боге, гораздо чаще несправедливом и жестоком, чем благом. Именно они уничтожают мораль, требуя от людей кровопролития и варварских преступлений во имя владыки вселенной и запрещая им прибегать к разуму, который один должен был бы определять их поведение и идеи.

Но допустим на минуту, что бог обладает всеми человеческими добродетелями в бесконечной степени; мы должны будем в этом случае признать, что он не может соединять их с метафизическими, теологическими и отрицательными атрибутами, о которых мы уже говорили. Если бог есть чистый дух, то может ли он действовать подобно человеку, являющемуся телесным существом? Чистый дух не видит ничего; он не слышит ни наших молитв, ни наших воплей; лишенный органов, вызывающих в нас чувство сострадания, он не может сжалиться над нашими бедствиями; он не неизменен, если его настроения могут меняться; он не бесконечен, если природа существует наряду с ним и отдельно от него; он не всемогущ, если не предвидит совершающихся в мире зол и беспорядков или терпит их; он не вездесущ, если не находится в совершающем грех человеке или покидает его, когда тот совершает грех. Таким образом,

как бы ни рассматривать этого бога, приписываемые ему человеческие качества неизбежно уничтожают друг друга; к тому же они никак не могут существовать вместе со сверхъестественными атрибутами, которые приписывает богу теология.

Что касается так называемого *откровения* воли божьей, то оно не только не является доказательством его благости, или любви к людям, но, наоборот, свидетельствует о его злобе. Действительно, всякое откровение предполагает, что божество в течение долгого времени могло не сообщать человечеству знания самых важных для его счастья истин. Кроме того, сообщение этого откровения кучке избранников свидетельствует о несправедливой пристрастности этого божества, мало совместимой с представлением о благости отца человеческого рода. Далее, учение об откровении противоречит представлению о божественной неизменности, так как оно означает, что бог сначала был равнодушен к тому, что люди не знали его воли, а затем захотел, чтобы они узнали ее. Наконец, это откровение противоречит всем понятиям о справедливости и благости бога, которого называют неизменным и который мог бы без всяких откровений и чудес просвещать и убеждать людей, внушая им желательные ему идеи,— одним словом, мог бы вполне располагать их умами и сердцами. Но что сказали бы мы, если бы захотели подробно рассмотреть все мнимые откровения, якобы данные людям! Мы увидели бы, что этот бог рассказывает сказки, недостойные мудрого существа, поступает вопреки естественным понятиям о справедливости, возвещает лишь загадочные и непонятные пророчества, изображает самого себя в облике, несовместимом с его бесконечными совершенствами, требует каких-то пустячных вещей, унижающих его в глазах разума, и нарушает установленный им в природе порядок, чтобы убедить людей, которых он, однако, никак не может заставить усвоить желательные ему взгляды, чувства, поведение. Мы нашли бы, наконец, что этот бог всегда появлялся лишь для того, чтобы возвещать необъяснимые таинства, непонятные догматы, нелепые обряды, ввергать человеческий ум в трепет и смущение

и особенно давать людям неиссякаемый источник для раздоров*.

Мы видим, таким образом, что теологические идеи о божестве всегда смутны, противоречивы и неизбежно пагубны для спокойствия людей. Эти темные понятия и туманные спекуляции были бы довольно безобидны, если бы люди не придавали такого значения своим фантазиям о неизвестном существе, от которого они якобы зависят, и не извлекали из таких фантазий пагубных для себя выводов. Так как у них никогда не будет постоянного и общего критерия для определения этого существа, созданного посредством сочетания самых разнообразных и разнородных представлений, то они никогда не сумеют сговориться и столковаться насчет него. Этим объясняется неизбежное разнообразие религиозных взглядов, которые всегда служили поводом для бессмысленных раздоров, всегда считались весьма важными и от которых, следовательно, зависело спокойствие народов. Обладатель пылкого темперамента не признает бога флегматичного и спокойного человека; слабый, желчный, недовольный человек будет представлять себе бога иначе, чем брызжущий весельем и довольством, наслаждающийся покоем здоровяк. Добрый, справедливый, сострадательный и мягкий человек будет рисовать себе бога иначе, чем суровый и непреклонный мизантроп. Всякий индивид будет представлять себе бога согласно своему собственному образу жизни, своим мыслям и чувствам. Мудрый, честный и рассудительный человек никогда не сумеет представить себе, чтобы бог мог быть жестоким и неразумным.

---

* Ясно, что всякое откровение, которое непонятно или в котором речь идет о *тайнах*, не может быть делом разумного и мудрого существа; если такое существо говорит, то для того, конечно, чтобы быть понятым теми, кому оно хочет открыться. Говорить для того, чтобы не быть понятым, может только безумное и злонамеренное существо. Поэтому ясно, что так называемые *тайны* жрецов выдуманы ими, чтобы скрыть свои собственные противоречия и свое полное незнание сущности божества. Они сразу покончили со всеми затруднениями, говоря: это *тайна*. Впрочем, в их интересах было, чтобы люди ничего не понимали в мнимой науке, обладателями которой они объявили себя.

Но так как при создании богов главную роль играло чувство страха, а представления о них постоянно сопровождались ощущением ужаса, то имя бога всегда заставляло людей трепетать; оно вызывало в их уме печальные и скорбные мысли, то ввергая их в беспокойство, то воспламеняя их воображение. Вековой опыт доказывает нам, что это лишенное определенного смысла слово, ставшее для человечества важнее всего, распространяет повсюду ужас и безрассудство, производит в умах величайшие опустошения. Ясно, что постоянный страх — без сомнения, неприятнейшее из чувств — может под конец испортить самых сдержанных людей.

Если бы какой-нибудь мизантроп, движимый ненавистью к человечеству, захотел внести смятение в его ряды, то вряд ли он мог бы найти более действенное средство, чем заставить людей постоянно думать о существе, не только неизвестном, но совершенно недоступном познанию, о существе, на которое он, однако, указал бы им как на средоточие всех их помыслов, образец и единственную цель всех их поступков, предмет всех их исследований, более важный, чем жизнь, так как их настоящее и будущее блаженство неизбежно должно зависеть от него. Что получилось бы, если к этим представлениям, самим по себе способным внести путаницу в мысли, он присоединил бы идею об абсолютном монархе, который не подчиняется в своем поведении никаким правилам, не связан никакими обязанностями и может налагать вечные наказания за причиненные ему обиды; о верховном существе, которого раздражают взгляды и мысли людей, гнев которого очень легко вызвать и немилость которого можно навлечь даже без собственного ведома? Разумеется, упоминание имени такого существа вносило бы смятение, отчаяние, уныние в души всех тех, кто слышал бы его; мысль о нем преследовала бы их повсюду, вызывая у них скорбь и доводя их до отчаяния. Как мучительно работал бы их ум, чтобы разгадать, что представляет собой это грозное существо, найти секрет угодить ему, придумать средство смягчить его. Какие ужасы переживали бы люди при мысли о том, что их

догадки о нем не верны. Сколько было бы споров о природе и качествах существа, одинаково неизвестного всем людям и различно понимаемого каждым из них. Сколько разнообразных средств было бы придумано фантазией, чтобы угодить этому существу и устранить его гнев.

Такова буквальная история того, что было произведено на земле именем бога. Это имя всегда внушало людям страх, так как у них никогда не было определенных идей о подразумеваемом ими существе. Качества бога, якобы открытые некоторыми метафизиками в результате продолжительных размышлений, только нарушили покой народов, как и каждого из составляющих их граждан, бесцельно ввергли их в скорбь, внесли в их сердца раздражение и злобу, сделали их существование несчастным, заставили их проглядеть то, что действительно необходимо для их счастья. Под магическим влиянием этого страшного слова человечество то пребывало в бесчувствии и оцепенении, то, подстегиваемое слепым фанатизмом, впадало в ярость, то, охваченное страхом, начинало ползать подобно рабу, сгибающемуся под взмахами бича неумолимого и всегда готового ударить господина; люди полагали, что родились лишь для того, чтобы служить этому господину, которого они никогда не могли узнать и о котором им внушили самые страшные представления, чтобы заставить их вечно трепетать перед ним, стараться умиротворить его, бояться его мести, жить в слезах и страданиях. Если человек поднял к богу свои полные слез глаза, то он сделал это в избытке страдания; тем не менее он продолжал относиться к последнему недоверчиво, так как считал его несправедливым, суровым, капризным, неумолимым. Он не мог ни трудиться для своего счастья, ни укреплять свой дух, ни обращаться к своему разуму, потому что не переставал сокрушаться и ему не было позволено забывать о своих тревогах. Он стал своим собственным врагом и врагом своих ближних, так как его убедили, что на земле ему запрещено счастье. Всякий раз, когда речь заходила о его небесном тиране, он терял способность рассуждать, как бы впадая в детство или в безумие, заставлявшее

его подчиниться авторитету. Человек еще в материнской утробе был обречен на рабство, и тираническая сила мнения заставила его носить цепи до конца своих дней. Жертва панического страха, который постоянно поддерживали в нем духовники, он пришел на землю как будто для того, чтобы грезить на ней, вздыхать, стенать, вредить самому себе, лишать себя всякого удовольствия, отравлять себе жизнь или нарушать счастье других людей. Вечно во власти ужасных призраков, создаваемых его воображением, он сделался тупым, глупым, безрассудным, часто становясь злым, чтобы почтить бога, на которого ему указывали как на образец или за которого ему приказывали отомстить.

Так люди продолжают из рода в род падать ниц перед пустыми призраками, созданными страхом в начале человеческой истории в обстановке невежества и бедствий. Так они, трепеща, поклоняются пустым идолам, которых создают в глубинах святилища — своего собственного мозга; ничто не может разуверить их, ничто не может убедить их, что они поклоняются самим себе, падают ниц перед собственными творениями, пугаются нарисованной ими самими страшной картины; они упорно продолжают преклонять колени, испытывать страх, дрожать; они считают преступлением простое желание рассеять свои страхи; они не признают в божестве смехотворного порождения собственного безумия; они поступают, точно дети, пугающиеся, замечая в зеркале свои искаженные ими самими черты. Пагубное понятие о боге породило их вредные для них самих странности, которые будут существовать до тех пор, пока это непостижимое понятие не перестанут считать важным и необходимым для счастья человеческих обществ. Но ясно во всяком случае, что тот, кто до наступления этой знаменательной минуты сумеет уничтожить это роковое понятие или по меньшей мере ослабить его гибельное влияние, будет, безусловно, другом человеческого рода.

Глава IV

РАЗБОР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ БЫТИЯ БОЖЬЕГО, ДАННЫХ КЛАРКОМ

Обыкновенно считают единодушное признание людьми существования бога лучшим доказательством его бытия. На земле нет народа, говорят нам, который не имел бы истинных или ложных идей о всемогущем существе, управляющем миром. Самые грубые дикари, как и самые цивилизованные народы, вынуждены задумываться над вопросом о первопричине всего существующего; на этом основании нас уверяют, что голос самой природы должен убедить нас в существовании бога, понятие о котором она запечатлела в умах всех людей; отсюда заключают, что идея бога — это врожденная идея.

Если, отказавшись от всяких предрассудков, мы станем анализировать это доказательство, кажущееся многим людям столь несокрушимым, то увидим, что единодушие людей по вопросу о предмете, которого ни один из них никогда не мог узнать, не доказывает ровно ничего; это единодушие доказывает только то, что люди обнаруживали свое невежество всякий раз, когда пытались составить себе какое-нибудь представление о скрытом существе, которое не могло стать объектом их опыта, или пытались рассуждать о природе этого существа, к которому они никогда не могли подступиться с какой-либо стороны. Распространенные по всей земле пагубные понятия о божестве доказывают только, что люди повсюду испытали ужасные бедствия, были жертвами разных катастроф и переворотов, претерпели всяческие несчастья и страдания, не зная их естественных, физических причин. События, жертвами или свидетелями которых были люди, не могли не вызвать их восхищение или страх; но, не зная сил и законов природы, ее неисчерпаемых богатств, производимых ею при известных обстоятельствах действий, люди решили, что эти явления зависят от какого-то скрытого деятеля, о котором у них имелись лишь смутные представления, а побуждения и поведение которого они объясняли по аналогии со своими собственными побуждениями и поведением.

Таким образом, единодушное признание людьми бога доказывает лишь то, что, погрязая в невежестве, они испытывали чувство восхищения или страха и в своем смятении пытались усилиями воображения как-нибудь установить неизвестную причину поражавших или пугавших их явлений. В зависимости от характера своей фантазии они давали разное объяснение этой непонятной для них причине. Все сознаются, что не могут ни познать эту причину, ни определить ее; все утверждают тем не менее, что уверены в ее существовании, а когда от них начинают настойчиво добиваться ответа, то они говорят о каком-то *духе* — слово, указывающее только на невежество того, кто его произносит,— не умея связать с ним никакого определенного представления.

Не будем поражаться этому: человек может иметь реальные представления лишь о вещах, которые действуют на его чувства или раньше действовали на них; но действовать на наши органы, вызывая у нас идеи, могут лишь материальные, физические, естественные предметы. Мы достаточно убедительно доказали эту истину в начале данного произведения, и нет нужды снова настаивать на ней. Поэтому мы укажем только в качестве последнего доказательства в пользу того, что идея о боге есть благоприобретенное понятие, а не *врожденная идея*, на природу этой идеи, изменяющейся из века в век, от народа к народу, от человека к человеку, мало того, непостоянной даже у одного и того же индивида. Это разнообразие и эти последовательные изменения и колебания имеют все признаки приобретенного знания или, вернее, приобретенного заблуждения. С другой стороны, самое убедительное доказательство того, что идея божества основывается просто на заблуждении, заключается в том, что люди мало-помалу сумели усовершенствовать все науки о реальных вещах, в то время как наука о боге единственная, которую им нисколько не удалось усовершенствовать; она повсюду находится на одном и том же уровне развития; все люди одинаково не знают, какому существу они поклоняются, а те, кто особенно серьезно занимался этим предметом, только

окончательно затемнили первоначальное представление о нем.

Достаточно только задать вопрос, каков тот бог, перед которым падают ниц люди, чтобы услышать самые противоречивые мнения на этот счет. Эти мнения были бы одинаковы лишь в том случае, если бы взгляды людей на божество повсюду были порождены однородными идеями, ощущениями, восприятиями, а это в свою очередь предполагает совершенно одинаковые органы, испытывающие воздействие со стороны совершенно одинаковых явлений. Но так как в действительности дело обстоит иначе, так как люди, резко отличаясь друг от друга по своему темпераменту, находятся к тому же в очень различной обстановке, то, естественно, что их представления о фиктивном существе — боге должны отличаться друг от друга. Сходясь между собой в некоторых общих пунктах, разные люди, однако, создавали себе разных богов, которых они боялись и которым поклонялись по-разному. Поэтому бог какого-нибудь человека или народа почти никогда не был богом другого человека или другого народа. Бог дикого и грубого народа обыкновенно какой-нибудь материальный предмет, над которым дикарь не особенно ломает себе голову: этот бог кажется очень смешным представителям более цивилизованного общества с более развитым умом. Духовный бог, поклонники которого относятся с презрением к религии дикаря с ее почитанием материальных предметов,— продукт утонченной умственной работы многих мыслителей, долго размышлявших над этим предметом в обстановке цивилизованного общества. Бог теологии, которого теперь признают, не понимая его, самые цивилизованные народы, есть, так сказать, последнее усилие человеческого воображения; он относится к богу дикаря так, как обитатель наших богатых городов, одетый в пышное, искусно разукрашенное пурпурное платье,—к голому или покрытому только звериной шкурой человеку. Лишь в цивилизованных обществах, в которых досуг и богатство дают возможность предаваться умозрению, ничем не занятые мыслители могут размышлять, спорить, создавать метафизические системы;

у дикарей же, занятых охотой, рыболовством и тяжелой заботой о пропитании, мыслительная способность почти равна нулю. В нашем обществе представление человека из народа о божестве не глубже и не утонченнее, чем у дикаря. Духовный, нематериальный бог хорош лишь для заполнения праздного досуга немногочисленных мыслителей, которым не приходится работать, чтобы обеспечить себе существование. Теология — эта столь прославленная и чванная наука — годна лишь для тех, кто живет за счет других или присваивает себе право мыслить за всех трудящихся. Эта вздорная, занимающаяся химерами наука становится в цивилизованных, но далеко не просвещенных обществах весьма щедрым источником дохода для жрецов, будучи очень вредной для их сограждан, особенно когда последним взбредет вдруг в голову принять участие в невразумительных дискуссиях теологов.

Какое колоссальное расстояние от бесформенного камня, животного, небесного светила, статуи до абстрактного бога современной теологии с его бесчисленными атрибутами, в которых запутываются сами теологи! Дикарь, разумеется, заблуждается относительно предмета, к которому обращается с молитвами: подобно ребенку он преклоняется перед первым же существом, которое сильно поражает его воображение, или страшится того, что, как ему кажется, причиняет ему какую-нибудь неприятность; но во всяком случае его мысль устремляется на реальное существо, находящееся перед его глазами. Лапландец, поклоняющийся скале, негр, простирающийся перед чудовищной змеей, по крайней мере видят то, что они почитают; идолопоклонник падает ниц перед статуей, обладающей, как ему кажется, скрытой силой, которую он считает полезной или вредной для себя; но тонкий резонер, именуемый в цивилизованных обществах теологом и, исходя из своей невразумительной науки, считающий себя вправе насмехаться над дикарем, лапландцем, негром, идолопоклонником, не замечает, что стоит на коленях перед существующим только в его воображении существом, о котором он не может иметь никакого представления, если только не решится подобно невежествен-

ному дикарю обратиться к реальной природе, чтобы наделить свое божество доступными разумению качествами.

Таким образом, тот факт, что религиозные идеи распространены по всей земле, нисколько не доказывает бытия божьего; эти идеи представляют собой какое-то всеобщее заблуждение, усвоенное в различной обстановке и видоизмененное мыслью народов, получивших от своих невежественных и боязливых предков тех богов, которым они поклоняются ныне. Представления об этих богах постепенно изменялись, украшались, утончались мыслителями, законодателями, пророками, вдохновенными людьми, которые размышляли над вопросами религии и устанавливали для простого народа религиозные обряды, пользовались свойственными ему предрассудками, чтобы подчинить его себе и извлечь выгоду из его заблуждений, страхов, легковерия — этих неизбежных результатов невежества и тревог.

Если, как уверяют, на земле действительно нет столь дикого народа, который не обладал бы религиозным вероучением или не почитал какого-нибудь бога, то это все же отнюдь не доказывает реальности этого существа. Слово *бог* всегда будет означать лишь неизвестную причину явлений, вызывавших восхищение или устрашавших людей. Поэтому повсеместное распространение этого понятия указывает лишь на то, что люди никогда не знали естественных причин явлений, вызывавших их изумление или страх. Если в настоящее время мы не встречаем ни одного народа, у которого не было бы бога, религиозного культа, более или менее утонченной теологии, то это потому, что нет ни одного народа, не испытавшего в прошлом несчастий, которые напугали его невежественных предков, приписавших их некоей неизвестной и всемогущей причине и передавших эту мысль своим потомкам, воспринявшим ее без критического разбора.

К тому же распространенность какого-нибудь взгляда нисколько не доказывает его истинности. Разве мы не видим, что даже теперь множество грубых заблуждений и предрассудков пользуется признанием почти

всего человеческого рода! Разве мы не видим, что все народы на земле верят в магию, предсказания, чары, гадание, колдовство, привидения. Если наиболее просвещенные люди излечились от этих предрассудков, то у последних немало усердных сторонников среди большинства людей, верящих в них столь же твердо, как в существование бога. Но можно ли на основании этого утверждать, что эти химеры, признаваемые почти всем человечеством, обладают какой-нибудь реальностью? До Коперника все думали, что земля неподвижна, а солнце вращается вокруг нее; но разве от общепринятости этого взгляда он переставал быть заблуждением? Каждый человек имеет своего бога. Спрашивается: существуют ли все эти боги или ни один из них не существует? Но скажут нам, быть может, если у каждого человека свое представление о солнце, существуют ли все эти солнца? На это легко ответить, указав, что существование солнца — это факт, ежедневно констатируемый нашими чувствами, между тем как существование бога не констатируется никаким чувством. Все видят солнце, но никто не видит бога. Вот единственная разница между реальностью и химерой: реальность преломляется в головах людей почти так же разнообразно, как и химера, но одна существует, другая нет; в одном случае существуют качества, о которых не спорят, а в другом спорят обо всех качествах. Никто никогда не сказал: *не существует солнца* или же *солнце не светло и не горячо*, между тем как многие рассудительные люди говорили: *не существует бога*. Разве те, кто находит это утверждение ужасным и безумным и говорит, что бог существует, не заявляют в то же время, что они никогда не видели и не чувствовали его и что он совершенно непознаваем? Значит теология — это система, в которой все подчиняется законам, противоположным законам нашего реального мира.

Что же следует из этого столь прославленного единодушия всех людей по вопросу о существовании бога и необходимости почитать его? Оно доказывает только то, что теперешние люди или их невежественные предки испытали бедствия, не умея найти их истинных

причин*. Осмелившись исследовать эти вещи хладнокровно, откинув упрямые и цепкие предрассудки, мы вскоре должны были бы признать, что представление о божестве отнюдь не дано нам природой и было время, когда его не было у нас; мы убедились бы, что получили его по традиции от тех, кто воспитал нас, что они в свою очередь получили его от своих предков и что в последнем счете его авторами были наши предки — невежественные дикари или, если угодно, искусные законодатели, сумевшие использовать страх, невежество и легковерие наших предшественников и подчинить их себе.

Но находились люди, похвалявшиеся тем, что они видели божество. Первый человек, осмелившийся сказать это своим согражданам, был, очевидно, обманщиком, желавшим извлечь выгоду из их простодушия и легковерия, или же восторженным мечтателем, выдававшим за истину бред своего воображения. Наши предки передали нам представления о божестве, полученные ими, таким образом, от тех, кто обманул их и чей обман, изменяясь из века в век, приобрел наконец всю силу освященного общественным мнением догмата. Таким образом, слово *бог* — одно из первых, которому нас обучали; нам говорили о нем без конца; нас заставляли лепетать его с благоговением и трепетом; нам вменили в обязанность преклонять колени перед призраком, к которому относилось это слово и который нам запрещено было исследовать, и обращаться к нему с молитвами. Без конца повторяя это

---

* Когда возьмутся хладнокровно исследовать доказательство бытия божьего, опирающееся на единодушное согласие людей, то убедятся в следующем: оно показывает лишь, что все люди догадались о существовании в природе неизвестных им движущих сил, или причин. Это есть не подлежащая сомнению истина, так как невозможно допустить существование действий без причин. Таким образом, вся разница между атеистами и теологами, или богопочитателями, сводится к тому, что первые приписывают все явления материальным, естественным, осязаемым и известным, вторые же — духовным, сверхъестественным, непонятным и неизвестным причинам. Действительно, что такое бог теологов, как не *скрытая сила*?

бессмысленное слово, пугая себя этим призраком, рассказывая себе о нем старые басни, мы приучаем себя думать, будто обладаем врожденной идеей о нем, начинаем смешивать привычки с инстинктами нашей природы и наивно воображать, будто всякий человек от рождения приносит с собой идею божества.

Только забвением первоначальной обстановки детства, когда наше воображение было поражено именем бога и чудесными рассказами о нем, можно объяснить веру в то, будто эта абстрактная идея присуща от природы и врождена всем людям*. Наш мозг не сохраняет воспоминания о тех случаях, когда это имя внедряли в нашу голову. Только под влиянием привычки мы восхищаемся предметом, о котором мы не знаем ничего, кроме внушенного нам с детства названия, и испытываем перед ним страх. Лишь только произносят имя этого предмета, как мы машинально, автоматически ассоциируем с ним идеи, которые данное слово пробуждает в нашем воображении, и чувства, которыми, как нас уверили, оно должно сопровождаться. Поэтому, если мы захотим быть хоть в какой-то мере честными с самими собой, то должны будем признать, что идея бога и приписываемых ему качеств имеет своим источником лишь взгляды наших отцов, переданные нам по традиции с помощью воспитания, взращенные привычкой и закрепленные примером и авторитетом окружающих.

Мы видим, таким образом, как представления о боге, первоначально порожденные невежеством, восхищением и страхом, а затем усвоенные в силу неопытности и легковерия и распространенные усилиями воспитания, примера, привычки, авторитета, стали неприкосновенными и священными; мы приняли их без размышлений, доверяя словам наших родителей, наставников, законо-

---

* Ямвлих[1], крайне темный философ и мистик-ясновидец, у которого тем не менее современная теология, по-видимому, заимствовала немало своих догматов, говорит, что *понятие о богах внушено нам природой до того, как мы начинаем пользоваться разумом, и даже, что у нас есть своего рода чувство* (tact) *божества, стоящее выше познания. Jamblichus*, De Mysteriis, p. 1. [*Ямвлих*, «О таинствах», стр. 1.]

дателей и священнослужителей; мы привязались к ним в силу привычки; никогда не делая попытки исследовать их, мы сочли их священными, так как нас постоянно уверяли, что они существенно необходимы для нашего счастья; мы вообразили, будто всегда обладали ими, потому что имели их с детства; мы сочли их несомненными, потому что никогда не дерзали сомневаться в них. Если бы по воле судьбы нам довелось родиться на берегах Африки, то мы поклонялись бы змее, почитаемой неграми, с тем же наивным невежеством, с каким теперь поклоняемся духовному и метафизическому богу, почитаемому в Европе. Если бы кто-нибудь стал оспаривать божественность этого пресмыкающегося, которое мы привыкли почитать с младенчества, то мы стали бы возмущаться так же, как возмущаются наши теологи, когда у их бога оспаривают приписываемые ему ими чудесные атрибуты. Однако если и можно оспаривать качества и значение негритянского бога — змеи, то во всяком случае нельзя сомневаться в его существовании, в котором легко убедиться собственными глазами. Совсем иное дело нематериальный, бестелесный, противоречивый бог, этот обожествленный человек, так хитро сочиненный нашими современными мыслителями. Своими бесконечными рассуждениями и логическими умозрениями они сделали его существование невозможным для всякого, кто решится хладнокровно поразмыслить над этим. Абсолютно невозможно представить себе существо, которое состоит лишь из абстракций и отрицательных качеств, т. е. не имеет ни одного из доступных человеческой мысли свойств. Наши теологи не знают, чему они поклоняются; у них нет никакого реального представления о существе, которым они беспрестанно занимаются; люди давно бы уже отказались от этого существа, если бы те, кому его проповедуют, дерзнули его проанализировать.

Действительно, в таком анализе мы с первых же шагов натыкаемся на недоумение: само бытие наиболее важного для человека и наиболее почитаемого существа является проблемой для всякого, кто захочет хладнокровно рассмотреть приводимые теологией доводы; прежде чем начать рассуждать и спорить о природе

и качествах какого-нибудь существа, надо установить его существование; между тем бытие божье, как в этом может убедиться всякий здравомыслящий человек, совершенно не доказано. Мало того, сами теологи никогда не были единодушны в своих доказательствах бытия божьего. С тех пор как человеческая мысль стала заниматься вопросом о боге — а когда только она не занималась этим,— не удалось доказать существование божества так, чтобы это удовлетворило хотя бы тех, кто хочет, чтобы мы были в этом убеждены. С каждым поколением появлялись новые поборники бога — глубокие мыслители и тонкие теологи, искавшие добавочных доказательств бытия божьего, без сомнения будучи не удовлетворены доказательствами своих предшественников. Мыслителей, которые надеялись решить эту великую проблему, нередко обвиняли в том, что они впали в *атеизм* и предали дело божье слабостью своих аргументов*. Не один гениальный человек потерпел неудачу в своей аргументации, пытаясь решить эту проблему: устраняя, как ему казалось, одно затруднение, он вызывал к жизни сотни других. Тщетно величайшие метафизики пытались либо доказать, что бог существует, либо примирить между собой его несовместимые атрибуты, либо ответить на самые простые возражения; им не удалось защитить свое божество от критики: выдвигаемые против них возражения настолько ясны, что их легко поймет ребенок, между тем как у цивилизованнейших народов вряд ли найдется дюжина людей, способных понять доказательства, решения и ответы таких философов, как Декарт, Лейбниц и Кларк, когда они хотят обосновать бытие божье. Не будем удивляться этому; люди не понимают самих

---

* Декарт, Паскаль и даже доктор Кларк были обвинены современными им теологами в атеизме, что нисколько не помешало позднейшим теологам воспользоваться их аргументами как очень убедительными (см. далее гл. X). Недавно один знаменитый автор выпустил в свет (под именем доктора Баумана[2]) сочинение, в котором он доказывает, что все приведенные до сих пор доказательства бытия божьего несостоятельны; он приводит вместо них свои собственные аргументы, столь же малоубедительные, как и прочие.

себя, когда говорят о боге; могут ли они в таком случае понимать друг друга, когда начинают рассуждать о природе и качествах созданного фантазией многих существа, которое каждый неизбежно толкует по-своему и насчет которого все всегда будут оставаться в одинаковом неведении, не имея общей мерки для суждения о нем.

Чтобы убедиться в слабости доказательств существования бога теологов и бесполезности попыток примирить его противоречивые атрибуты, послушаем, что говорит об этом знаменитый доктор Самуил Кларк, трактат которого «*О бытии и атрибутах божьих*» считается самой основательной книгой на эту тему*.

---

* Хотя многие люди считают сочинение доктора Кларка самым основательным и убедительным трудом по разбираемому вопросу, небесполезно указать, что некоторые современные ему теологи, его соотечественники, относились к этому иначе, считая его доказательства недостаточными, а его метод — опасным для защищаемого им дела. Действительно, доктор Кларк брался доказать бытие божье a priori, что иные находят невозможным, основательно видя в этом petitio principii. Этот метод доказательства был отвергнут такими схоластиками, как Альберт Великий, Фома Аквинский, Иоанн Скотт, и большинством современных теологов, за исключением Суареса; они утверждали, что невозможно доказать бытие божье a priori, так как нет ничего предшествующего первопричине, и что бытие божье может быть доказано только a posteriori, т. е. на основании его действий. Благодаря этому на сочинение доктора Кларка обрушились многие теологи, обвинявшие его во вредном новшестве, в употреблении отвергнутого и малопригодного для доказательства метода. Те, кто заинтересуется соображениями, выдвинутыми против доказательств Кларка, смогут найти их в английском сочинении, носящем заглавие «An enquiry into the ideas of space, time, immensity etc», by Edmund Law [*Эдмунд Лоу*, Исследование идей пространства, времени, бесконечности и т. д.], напечатанном в Кембридже в 1734 г. Если автор с успехом доказывает здесь, что априорная аргументация Кларка ложна, то из всего сказанного в этом сочинении легко убедиться, что и все апостериорные доказательства не более основательны. Вообще большое значение, приписываемое теперь книге Кларка, доказывает, что теологи не согласны между собой, часто меняют свои взгляды и не особенно требовательны по отношению к доказательствам бытия существа, реальность которого до сих пор все еще нисколько не доказана. Как бы то ни было, сочинение Кларка, несмотря на все возражения против него, пользуется большим авторитетом.

Действительно, преемники Кларка лишь повторяли его идеи или придавали его доказательствам новую форму. Нижеследующий разбор этого сочинения, как мы надеемся, покажет, что аргументы Кларка мало убедительны, принципы мало обоснованы и мнимые решения ничего не решают. Одним словом, можно будет убедиться, что бог доктора Кларка, как и бог величайших теологов, есть всего лишь химера, покоящаяся на необоснованных предположениях и созданная хаотическим соединением противоречивых качеств, делающих ее существование совершенно невозможным; наконец, можно будет удостовериться, что этот бог не что иное, как пустой призрак, занявший место энергии природы, которую всегда упорно игнорировали теологи.

Мы последовательно разберем различные положения, в которых этот ученый теолог развивает взгляды, принятые относительно божества.

I. *Нечто*, говорит г. Кларк, *существовало вечно.*

Это положение очевидно и не нуждается в доказательствах. Но каково то нечто, которое существовало вечно? Почему не допустить, что это скорее природа или материя, о которых мы имеем представление, чем какой-то *чистый дух* или активное начало, о которых мы не можем составить себе никакого представления? Разве то, что существует, не предполагает тем самым, что ему присуще существование? Разве то, что не может быть уничтоженным, не существует необходимым образом? И как можно представить себе, чтобы то, что не может перестать существовать или быть уничтоженным, имело начало? Если материя не может быть уничтоженной, то она не могла и начать существовать; поэтому мы скажем г. Кларку, что постоянно существовала именно материя, природа, которая действует в силу своей собственной энергии и ни одна часть которой никогда не находится в состоянии абсолютного покоя; различные материальные тела, которые содержит в себе эта природа, изменяются по форме, по своим сочетаниям, свойствам и способу действия, но их принципы, или элементы, неразрушимы и не имели начала во времени.

II. *Некоторое независимое и неизменное начало существовало извечно.*

Мы спросим, что это за начало, или существо; независимо ли такое существо от своей собственной сущности, или свойств, делающих его тем, что оно есть; может ли это существо сделать так, чтобы производимые им и приводимые в движение существа поступали иначе, чем они действуют согласно свойствам, которые оно им дало; действует ли это существо — насколько мы можем его себе представить — необходимым образом и не вынуждено ли оно прибегать к средствам, нужным ему для выполнения его планов и достижения приписываемых ему целей? В случае утвердительного ответа мы скажем, что природа вынуждена действовать согласно своей сущности, все совершающееся в ней необходимо и если предположить существование управляющего ею бога, то этот бог не может действовать иначе, чем он делает, и, следовательно, сам подчинен необходимости.

Человека называют независимым, когда его поступки определяют лишь общие причины, обыкновенно побуждающие его действовать; его называют зависимым от другого человека, если он может действовать лишь согласно указаниям последнего. Какое-нибудь тело зависит от другого тела, если оно обязано ему своим существованием и своим способом действия. Вечное существо не может быть обязано своим бытием никакому другому существу; оно могло бы зависеть от последнего, лишь будучи обязано ему своим действием; но ведь ясно, что вечное или существующее само по себе существо содержит в себе все, что необходимо для действия; поэтому материя, будучи вечной, неизбежно независима в вышеуказанном смысле; следовательно, она не нуждается в двигателе, от которого ей приходилось бы зависеть.

Вечное существо, кроме того, неизменно, если понимать под этим свойством то, что такое существо не может изменить своей природы, но если бы этим хотели выразить ту мысль, что оно не может изменить своего образа бытия или действия, то, разумеется, впали бы в заблуждение, так как даже в нематериальном суще-

стве приходится признать различные способы бытия, различные желания, различные способы действия, если только не предположить его совершенно лишенным действия, т. е. абсолютно бесполезным. Действительно, перемена в способе действия необходимым образом предполагает перемену в способе бытия. Отсюда ясно, что теологи, делая бога неизменным, делают его вместе с тем неподвижным, а следовательно, и бесполезным. Неизменное существо, т. е. существо, неспособное изменить своего способа бытия, не могло бы, очевидно, ни иметь последовательных желаний, ни совершать последовательных действий; если же это существо создало материю и вселенную, то, очевидно, было время, когда оно пожелало, чтобы эта материя и эта вселенная существовали, а этому времени должно было предшествовать другое время, когда оно желало, чтобы они еще не существовали. Если бог — творец всех вещей, всех движений и сочетаний материи, то он непрерывно должен быть занят созиданием и разрушением; следовательно, он не может быть назван *неизменным* по отношению к своему способу существования. Материальный мир всегда сохраняется сам по себе благодаря непрерывным движениям и изменениям своих частей; сумма содержащихся в нем существ и действующих в нем элементов всегда остается той же самой; неизменность вселенной в этом смысле гораздо легче представить себе и доказать, чем неизменность отличного от нее бога, которому теологи приписывают все происходящие на наших глазах действия и противодействия. Обвинять природу в изменчивости на основании последовательной смены ее форм не более основательно, чем обвинять в том же вечного бога теологов на основании разнообразия его повелений.

III. *Это вечное, неизменное и независимое начало существует само по себе.*

Это положение является лишь повторением первого тезиса. Поэтому мы ответим на него вопросом: почему неразрушимая материя не может существовать сама по себе? Ясно, что не имевшее начала существо должно существовать само по себе; если бы оно существовало благодаря какому-нибудь другому существу, то оно

должно было бы начать существовать и, значит, не было бы вечным. Те, кто считают вечными как материю, так и бога, лишь без нужды умножают количество существ.

IV. *Сущность существующего само по себе начала непостижима.*

Г. Кларк выразился бы точнее, если бы сказал, что его сущность невозможна. Однако можно согласиться, что сущность материи непостижима или по меньшей мере, что мы лишь слабо постигаем ее по ее воздействиям на нас, но к этому следует прибавить, что мы еще менее способны постигнуть божество, которое не можем понять ни в одном из его аспектов. Поэтому мы всегда будем утверждать, что рассуждать о боге бессмысленно, что нет ничего смешнее, чем приписывать какие-либо качества существу, отличному от материи; ведь если бы оно существовало, мы могли бы познать его, т. е. убедиться в его существовании и в его качествах, лишь через посредство материи. Наконец, мы придем к выводу, что все утверждения о боге указывают на его материальность или доказывают невозможность постигнуть отличное от материи существо, которое непротяженно, но вездесуще, нематериально и, однако, действует на материю, духовно и, однако, порождает материю, неизменно и, однако, приводит все в движение и т. д.

Действительно, непостижимость бога нисколько не лучше непостижимости материи; последняя отнюдь не станет для нас понятнее, если мы присоединим к ней существо, еще менее понятное, чем она сама, известная нам хоть с некоторых сторон. Мы не знаем сущности ни одного существа, если под словом *сущность* понимать свойственную ему природу; мы знаем материю лишь по получаемым нами от нее восприятиям, ощущениям и идеям; на основании этого мы судим о ней более или менее правильно в зависимости от особенного состояния наших органов. Но если какое-нибудь существо не действует ни на один из наших органов, то оно не существует для нас и с нашей стороны было бы безрассудным говорить о его природе или приписывать ему какие-нибудь качества. Непостижимость бога

должна была бы убедить людей в том, что они не должны заниматься им; но такое равнодушие было бы невыгодно для его служителей, которые желают без конца рассуждать о нем, чтобы показать свое знание, и без конца забивают нам голову этими рассуждениями, чтобы подчинить нас своим намерениям. Однако если бог непостижим, то мы должны были бы заключить на основании этого, что наши священнослужители понимают его не лучше, чем мы сами, а не что самое надежное — довериться фантазии этих священнослужителей.

V. *Начало, необходимым образом существующее само по себе, должно быть вечно.*

Это положение тождественно первому тезису, если только доктор Кларк не желает сказать им, что так как существующее само по себе существо не имело начала, то оно не может иметь конца. Как бы то ни было, мы спросим, почему это существо так упорно отличают от вселенной, и скажем, что так как материю нельзя уничтожить, то она необходимым образом существует и никогда не перестанет существовать. Кроме того, как вывести эту материю из существа, которое не есть материя? Разве не ясно, что материя необходима и случайны или, вернее, преходящи лишь ее силы, соединения и сочетания? Всеобщее движение необходимо, но какое-нибудь конкретное движение необходимо лишь постольку, поскольку сохраняется сочетание, следствием, или действием, которого оно является; можно изменить направление конкретного движения, ускорить или замедлить, на время приостановить или совсем прекратить его, но всеобщее движение не может быть уничтожено. Умирая, человек перестает жить, т. е. ходить, мыслить, действовать так, как это свойственно человеческому организму; но материя, составлявшая его тело и душу, не перестает двигаться: она становится только способной принять другой род движения.

VI. *Существующее само по себе начало должно быть бесконечным и вездесущим.*

Слово *бесконечный* выражает лишь отрицательную идею, означая отрицание всякой границы. Необходимым образом существующее независимое начало, или существо, очевидно, не может быть ограничено ничем нахо-

дящимся вне его; оно должно быть своей собственной границей; в этом смысле можно сказать, что оно *бесконечно*.

Что касается вездесущности этого существа, то очевидно, что если нет ничего вне его, то нет и места, где бы оно не находилось, а, значит, существует только оно и пустота. Исходя из этого, я спрашиваю у доктора Кларка, существует ли материя и занимает ли она по крайней мере некоторую часть пространства? В этом случае материя, или вселенная, должна исключать божество, которое ведь не материя, из места, занимаемого в пространстве материальными телами. Или, может быть, бог теологов — это то абстрактное существо, которое называют пространством, или пустотой? Теологи ответят на это отрицательным образом и скажут нам, что бог, который сам не является материей, *проникает материю*. Но чтобы проникать материю, надо соответствовать ей и, следовательно, обладать протяжением; обладать же протяжением — значит иметь одно из свойств материи. Если бог проникает материю, то, значит, он материален и сливается со вселенной, от которой его невозможно отличить; отсюда необходимым образом следует, что бога невозможно отделить от материи, он находится в моем теле, в моей руке и т. д., чего не допустит ни один теолог, который скажет мне, что это тайна; по-моему же это означает, что теолог не знает, где ему поместить своего бога, который, однако, по его мнению, заполняет все в силу своей необъятности.

VII. *Существующее необходимым образом начало по необходимости единственно.*

Если нет ничего вне существующего необходимым образом начала, то, очевидно, оно единственно. Ясно, что это положение будет тождественно предыдущему, если только мы не пожелаем отрицать существование материальной вселенной или утверждать вместе со Спинозой, что нет субстанции, кроме бога, и невозможно постигнуть какую-либо иную субстанцию: «Praeter deum, neque dari, neque concipi potest substantia» — вот как говорит этот знаменитый атеист в своей четырнадцатой теореме.

VIII. *Существующее само по себе начало по необходимости разумно.*

Здесь доктор Кларк приписывает богу человеческое качество. Разум — это качество организованных, или одушевленных, существ, и мы не встречаем его нигде вне их. Чтобы обладать разумом, надо мыслить; чтобы мыслить, надо обладать идеями; чтобы обладать идеями, надо иметь органы чувств; то, что имеет органы чувств, является материальным, а если что-нибудь материально, то оно не есть *чистый дух*.

Необходимое начало, или существо, содержащее в себе и порождающее одушевленные существа, содержит в себе и порождает соответствующие интеллекты. Но обладает ли великое целое своим особенным разумом, который приводит его в движение, заставляет действовать и направляет, подобно тому как разум приводит в движение и направляет одушевленные тела? Этого ничем нельзя доказать. Человек, возомнив, что он занимает первое место во вселенной, стал судить обо всем на основании того, что он находил в самом себе; он решил, что, для того чтобы быть совершенным, надо быть подобным ему,—вот источник всех его ошибочных рассуждений о природе и боге. Воображают, будто для божества было бы оскорбительно, если бы ему отказали в качестве, которое имеется у человека и с которым последний соединяет идею совершенства и превосходства. Мы замечаем, что наши ближние оскорбляются, когда мы говорим, что они лишены разума, и применяем ту же мерку к существу, которое подставляем на место природы лишь потому, что не признаем за ней этого качества. Природе не приписывают разума, хотя она и заключает в себе разумные существа; но именно поэтому сочиняют бога, думающего, действующего, обладающего разумом за нее. Таким образом, этот бог есть лишь олицетворенное абстрактное качество, воплощенная модификация нашего существа, называемая разумом. В земле зарождаются живые существа, называемые нами червями. Однако мы не говорим, что земля есть живое существо. Хлеб, который мы едим, и вино, которое мы пьем, вовсе не являются мыслящими субстанциями; но они поддерживают, питают существа,

способные на эту особенную модификацию, и дают им возможность мыслить. В природе образуются разумные, чувствующие и мыслящие существа; однако мы не вправе говорить, будто природа мыслит, чувствует и обладает разумом.

Но скажут нам, как можно отрицать у творца качества, которые мы наблюдаем у его творений? Неужели работа более совершенна, чем работник? *Неужели бог, создавший глаз и ухо, не видит и не слышит*? Но если рассуждать таким образом, то разве не следовало бы приписать богу все другие качества, наблюдаемые нами в его творениях? Разве мы не вправе утверждать с тем же основанием, что бог, создавший материю, сам есть материя; бог, создавший тело, сам должен обладать телом; бог, создавший столько неразумных людей, сам неразумен; бог, создавший людей, которые грешат, сам греховен? Если на основании того, что творения бога обладают некоторыми качествами и способны к некоторым модификациям, мы станем умозаключать, что бог тоже обладает этими качествами, то с тем большим основанием мы должны будем заключить, что бог материален, протяжен, обладает весом, зол и т. д.

Приписать богу, т. е. универсальному двигателю природы, бесконечную мудрость или разум можно было бы лишь тогда, когда бы на земле не было ни безумия, ни несчастий, ни злобы, ни беспорядка. Нам ответят, может быть, что зло и беспорядок необходимы даже в силу наших принципов, но дело в том, что наши принципы не допускают разумного и мудрого бога, обладающего могуществом и способного поэтому воспрепятствовать их осуществлению. Если, несмотря на существование подобного бога, зло все же оказывается необходимым, то на что годится этот столь мудрый, разумный и могущественный бог? Раз бог сам подвержен необходимости, то он уже не независим; его могуществу наступает конец; он вынужден дать простор природе вещей; он не может воспрепятствовать причинам производить следствия; он не может бороться со злом, не может сделать человека счастливее, следовательно, не может быть добрым; он совершенно бесполезен; он лишь спокойный свидетель того, что необ-

ходимым образом должно произойти; он не может не желать всего того, что происходит в мире. Однако, как нас уверяют

IX. *Существующее само по себе начало свободно.* Человека называют *свободным*, если в нем самом находятся мотивы, побуждающие его к действию, или же если его воля не встречает препятствий к осуществлению того, к чему его побуждают эти мотивы. Спрашивается: не встречает ли бог — это необходимое начало, или существо, о котором здесь идет речь,—препятствий при исполнении своих намерений? Желает ли он, чтобы творилось зло, или же не может помешать ему? В таком случае он или не свободен, так как его воля постоянно наталкивается на препятствия, или допускает грех, желает, чтобы его оскорбляли, терпит, чтобы нарушали его свободу и расстраивали его планы. Как выберутся теологи из всех этих противоречий?

С другой стороны, предполагаемый бог мог бы действовать лишь на основании законов собственного существования; бога можно было бы назвать *свободным существом*, поскольку его действия не определялись бы ничем находящимся вне его; но утверждать это значило бы явно злоупотреблять терминологией. Действительно, нельзя говорить, что существо, которое не способно поступать иначе, чем оно это делает, и которое всегда может действовать лишь согласно законам своего собственного существования, есть свободное существо; ведь очевидно, что во всех своих действиях оно подчиняется необходимости. Спросим у какого-нибудь теолога, может ли бог вознаграждать за преступление и наказывать за добродетель? Спросим также у него, может ли бог любить грех и свободен ли он, когда поступок какого-нибудь человека необходимым образом вызывает у него какое-то определенное, новое намерение? Человек есть существо, находящееся вне бога, и, однако, нас уверяют, что поведение человека влияет на свободное верховное существо и необходимым образом определяет его волю. Наконец, мы спросим, может ли бог не желать того, что он желает, и не делать того, что он делает? Разве его воля не определяется неизбежно разумом, мудростью и намере-

ниями, которые ему приписывают? Если бог связан таким образом, то он столь же свободен, как и человек; если все, что он делает, необходимо, то он не что иное, как рок, судьба, fatum древних, и современное человечество переменило только название божества, но не самого бога.

Нам скажут, может быть, что бог свободен, поскольку он не связан законами природы и законами, которым он подчинил все существа. Но если верно, что бог создал эти законы, являющиеся результатом его бесконечной мудрости и высшего разума, то он в силу своей природы обязан следовать им, так как в противном случае пришлось бы сказать, что он может действовать неразумно. Теологи, опасаясь, без сомнения, стеснить свободу бога, предположили, что он не подчинен никаким правилам; иначе говоря, они сделали из него деспотическое, капризное и причудливое существо, способное благодаря своему могуществу нарушать все установленные им же самим законы. Приписываемые ему мнимые чудеса нарушают законы природы; точно так же его поведение, если верить описаниям, часто противоречит его мудрости и тому разуму, который люди получили от него для руководства в своих суждениях. Если бог свободен в этом смысле, то всякая религия бесполезна; религия может основываться лишь на неизменных правилах, установленных этим богом для себя самого, и его обязательствах по отношению к человеческому роду; религия, бог которой не связан своими обязательствами, уничтожает самое себя.

X. *Верховная причина всех вещей обладает бесконечным могуществом.*

Только такая причина обладает могуществом; следовательно, это могущество безгранично; но если только бог обладает могуществом, то человек не должен быть способным поступать дурно, так как это значило бы, что он способен действовать вопреки божественному могуществу, и подразумевало бы, что вне бога имеется сила, способная уравновесить его силу или же помешать ей произвести предполагаемые ею действия, в результате чего божество было бы вынуждено терпеть зло, которому оно не может помешать.

С другой стороны, если человек свободен грешить, то бог не свободен: его поведение необходимым образом определяется поступками человека. Справедливый монарх отнюдь не свободен, если считает себя обязанным поступать согласно законам, которые он поклялся соблюдать или которых он не может нарушить, не нарушая справедливости. Нельзя назвать монарха могущественным, если последний из его подданных может оскорблять его, сопротивляться ему или же втихомолку расстраивать все его планы. Между тем в изображении всех религий бог похож на абсолютного владыку, желаний и власти которого как будто ничто не может стеснить; но, с другой стороны, эти религии утверждают, что его подданные в любой момент имеют возможность не повиноваться ему и свободу нарушать его планы. Отсюда ясно, что решительно все религии уничтожают одной рукой то, что они создают другой, и в их изображении бог ни свободен, ни могуществен, ни счастлив.

XI. *Творец всего должен быть бесконечно мудрым.* Мудрость и безумие — это качества, основанные на наших собственных суждениях; но в этом мире, который, по уверениям теологов, создал, сохраняет, приводит в движение и проникает бог, происходят тысячи вещей, которые кажутся нам безумием, и даже существа, ради которых якобы была создана вселенная, гораздо чаще неразумны и безрассудны, чем благоразумны и рассудительны. Творец всего существующего должен быть в одно и то же время творцом всего того, что мы считаем неразумным, и того, что мы считаем очень мудрым. Кроме того, чтобы судить о мудрости и разуме какого-нибудь существа, надо было бы знать хотя бы цель, которую он себе ставит. Какова же цель бога? Это, говорят нам, его собственная слава. Но достигает ли бог этой цели и не отказываются ли грешники прославлять его ? Кроме того, предполагать, что бог чувствителен к славе, не значит ли это приписывать ему наши безумия и слабости? Не значит ли это называть его горделивым? Если нам скажут, что целью божественной мудрости является счастье людей, то я неустанно буду спрашивать: почему же эти люди

вопреки намерениям бога так часто оказываются несчастными? Если мне скажут, что намерения бога неисповедимы для нас, то я отвечу, что, во-первых, в таком случае совершенно необоснованно утверждают, будто божество заботится о счастье своих творений, которое в действительности никогда не осуществляется, и, во-вторых, не зная цели бога, мы не можем судить о его мудрости, и рассуждать об этом нелепо.

XII. *Верховная причина необходимым образом должна обладать бесконечной благостью, справедливостью, правдивостью и всеми прочими моральными совершенствами, подобающими владыке и верховному судье мира.*

Идея *совершенства* — это абстрактная, метафизическая, отрицательная идея, для которой не существует образца вне нас. Совершенное существо — это подобное нам существо; мы лишь мысленно отнимаем у него все качества, которые считаем вредными для нас и по этой причине называем несовершенствами; вещь всегда бывает совершенной или несовершенной лишь относительно нас и нашего способа чувствовать и мыслить, а не сама по себе. Иначе говоря, вещь совершенна или несовершенна в зависимости от того, полезна она нам или вредна, приятна или неприятна. Но в таком случае как можем мы приписывать совершенство необходимому существу? Совершенно ли благ бог по отношению к людям? Но ведь люди часто страдают от его дел и вынуждены жаловаться на испытываемые ими в этом мире бедствия. Совершенен ли бог в своих делах? Но разве мы не наблюдаем часто рядом с порядком величайший беспорядок? Разве столь совершенные дела божества постоянно не изменяются и не разрушаются, разве они не заставляют нас испытывать против нашей воли страдания и муки, уравновешивающие получаемые нами от природы радости и добро? Разве решительно все религии не предполагают, что бог постоянно исправляет, чинит и улучшает свои чудесные творения? Нам скажут, конечно, что бог не может сообщить своим творениям тех совершенств, которыми обладает сам. Но мы ответим на это, что если несовершенства нашего мира необходимы и для самого бога, то, значит, он никогда не сможет устранить их даже в другом мире,

а в таком случае этот бог не имеет никакой ценности для нас.

Метафизические и теологические атрибуты божества делают из него какое-то абстрактное и непостижимое существо, когда его начинают отличать от природы и всех заключающихся в ней существ; моральные качества делают из него человекоподобное существо, хотя при посредстве отрицательных атрибутов его пытаются отдалить от человека. Бог теологии — это какое-то изолированное существо, неспособное поддерживать отношения с каким-либо из известных нам существ. Бог нравственности — это всегда лишь человек, которого думали сделать совершенным, мысленно лишив его несовершенств человеческой природы. Нравственные качества людей основываются на существующих между ними отношениях или их взаимных потребностях. Бог теологии не может обладать нравственными качествами или человеческими совершенствами: он не нуждается в людях, он не находится ни в каких отношениях с ними, так как всякие отношения носят взаимный характер. Чистый дух не может вступать в отношения с хотя бы отчасти материальными существами; бесконечное существо не может иметь никаких отношений с конечными, а вечное — с бренными и преходящими существами. Если бы то своеобразное существо, которое не относится ни к какому виду или роду, не имеет себе подобных, не живет в обществе, не обладает чем-либо общим со своими творениями, существовало реально, то оно не могло бы обладать ни одним из тех качеств, которые мы называем совершенными. Оно принадлежало бы к столь отличному от людей порядку сущего, что мы не могли бы приписывать ему ни пороков, ни добродетелей. Нам без конца повторяют, что бог нам ничем не обязан, что никакое существо не может с ним сравниться, что наш ограниченный ум не может постигнуть его совершенств, что человеческая мысль не способна понять его сущности; но разве тем самым не уничтожают возможности каких бы то ни было отношений между нами и этим столь отличным от нас, столь несоизмеримым с нами, столь непостижимым существом? Всякие отношения предполагают налич-

ность чего-то общего; всякие обязанности предполагают известное сходство и взаимные потребности; чтобы воздавать кому-нибудь должное, необходимо знать его.

Нам скажут, без сомнения, что бог дал знать о себе при посредстве откровения. Но разве это откровение не предполагает существования бога, о котором идет спор? Разве оно не уничтожает приписываемых ему моральных совершенств? Разве всякое откровение вообще не предполагает наличия в людях невежества, несовершенства, испорченности, которые благой, мудрый, всемогущий и всеведущий бог должен был бы предупредить? Разве всякое особенное откровение не предполагает, что этот бог обнаруживает по отношению к некоторым из своих творений несправедливое пристрастие и предпочтение, т. е. качества, явно противоречащие его бесконечной благости и справедливости? Разве это откровение не обнаруживает у него отвращения, ненависти или по меньшей мере равнодушия к большинству людей, а то и определенного намерения держать их в неведении, чтобы погубить их? Одним словом, разве во всех известных нам откровениях божество, которое должно быть мудрым, справедливым, полным любви к человечеству, не предстает перед нами как капризное, несправедливое, жестокое существо, желающее обольстить своих детей, ставящее им ловушки и наказывающее их за то, что они попали в них? Бога доктора Кларка и христиан можно считать совершенным существом лишь в том случае, если на языке теологии будут называть *совершенствами* то, что на языке разума или здравого смысла называют явными несовершенствами, или же отвратительными качествами. Мы готовы сказать даже больше: среди людей не найдется столь злого, мстительного, несправедливого, жестокого индивида, как тот тиран, которому христиане с рабским усердием воздают поклонение и которому их теологи приписывают совершенства, ежеминутно опровергаемые его же поведением.

Чем более мы будем вглядываться в бога теологии, тем более противоречивым и бессмысленным будет представляться нам это понятие, которое теология создает

словно лишь для того, чтобы немедленно уничтожить. Действительно, что это за существо, относительно которого нельзя утверждать ничего, что тотчас же не было бы опровергнуто? Что это за благой бог, который постоянно гневается; всемогущий бог, которому никогда не удается осуществить своих планов; бесконечно блаженный бог, блаженство которого постоянно нарушается; любящий порядок бог, который никогда не может сохранить порядка; справедливый бог, допускающий, чтобы невиннейшие из его подданных вечно терпели несправедливость? Что это за чистый дух, который творит и приводит в движение материю? Что это за неизменное существо, которое является причиной движений и изменений, каждое мгновение происходящих в природе? Что это за бесконечное существо, сосуществующее вместе со вселенной? Что это за всеведущее существо, которое считает необходимым подвергать испытаниям свои творения? Что это за всемогущее существо, которое не может придать своим творениям желательное ему совершенство? Что это за существо, которое обладает всевозможными божественными качествами, но всегда ведет себя как обыкновенный человек? Что это за всемогущее существо, которое ни в чем не успевает и никогда не поступает достойным образом? Оно злобно, несправедливо, жестоко, завистливо, раздражительно и мстительно, как человек; оно терпит подобно последнему неудачи во всех своих начинаниях, обладая, однако, всеми атрибутами, способными гарантировать его от человеческих недостатков. Если мы захотим быть добросовестными, то должны будем признать, что это существо — простое ничто и что выдуманный для объяснения природы призрак находится в вечном противоречии с этой природой, ибо, вместо того чтобы объяснить все, он вносит во все хаос.

Согласно самому Кларку, *небытие — это то, о чем ничего нельзя утверждать с уверенностью и относительно чего можно уверенно отрицать все*; *таким образом, идея небытия есть, так сказать, отрицание абсолютно всех идей*; *поэтому идея конечного или бесконечного небытия заключает в себе внутреннее противо-*

речие. Достаточно применить этот принцип к тому, что говорит наш автор о божестве, чтобы убедиться, что, по его же собственному признанию, оно представляет собой *бесконечное небытие*, так как идея этого божества является отрицанием *абсолютно всех идей*, которые могут составлять себе люди. Действительно, духовность есть чистое отрицание телесности. Говорить, что бог духовен, не значит ли это просто сознаваться в его незнании? Нам говорят, что есть субстанции, которых мы не можем ни видеть, ни осязать и которые тем не менее существуют. Отлично, но в таком случае мы не можем ни рассуждать о них, ни приписывать им каких-нибудь качеств. Далее, понимаем ли мы лучше бесконечность, являющуюся чистым отрицанием пределов, наблюдаемых у всех существ? Разве человеческий ум способен понять, что такое бесконечность? И разве он не вынужден прибавлять конечные количества к другим столь же конечным количествам, чтобы составить себе хоть какое-нибудь смутное представление о бесконечном? Что такое всемогущество, вечность, всеведение, совершенство, как не абстракции или чистые отрицания предела силы, длительности, знания? Если верно, как нас уверяют, будто бог отличен от всего, что способен знать, видеть и чувствовать человек; если о нем нельзя сказать ничего положительного, то можно по меньшей мере сомневаться в его существовании; если верно все то, что утверждают о боге наши теологи, то невозможно не отрицать бытия или возможности бытия существа, наделяемого качествами, которых человеческая мысль никогда не сумеет ни постигнуть, ни примирить между собой.

Существующее само по себе существо должно быть, согласно Кларку, *простым*, *неизменным*, *нетленным*, *неделимым*, *не обладающим частями*, *фигурой и движением — словом*, *существом*, *не обладающим каким-либо из свойств материи*, *которые*, *как конечные*, *несовместимы с совершенной бесконечностью*. Но говоря откровенно, можно ли составить себе какое-нибудь истинное понятие о подобном существе? Сами теологи согласны с тем, что люди не могут получить полного

представления о боге; но предлагаемое нам здесь определение не только не является полным, но и уничтожает все божественные качества, на основании которых мы могли бы высказать какое-нибудь суждение о боге. Поэтому г. Кларк сам вынужден сознаться, что, *когда нужно определить, каким образом бог бесконечен и вездесущ, наш ограниченный разум не может ни объяснить, ни понять этого.* Но что это за существо, которого никто не может ни объяснить, ни понять? Это — просто призрак, который не мог бы интересовать людей, даже если бы он существовал.

Платон, этот великий творец призраков, говорит, что *люди, признающие лишь то, что они могут видеть и осязать, тупицы и невежды, отказывающиеся допустить реальность существования невидимых вещей.* Наши теологи говорят нам то же самое; наши европейские религиозные вероучения явным образом пропитаны духом платоновских фантазий, являющихся продуктом темных умозрений и непонятной метафизики египетских, халдейских и ассирийских жрецов, у которых Платон заимствовал свою пресловутую философию. Действительно, если философия состоит в познании природы, то платоновское учение совершенно не заслуживает этого наименования, так как оно только удаляет человеческую мысль от реальной природы, направляя ее в сторону какого-то умопостигаемого мира, где, естественно, она сумеет найти лишь призраки. Между тем эта-то фантастическая философия и лежит в основе теологического мировоззрения. Наши теологи, находясь еще и теперь под влиянием бредней Платона, говорят своим последователям только о *духе, разуме, бестелесных субстанциях, невидимых силах, ангелах, демонах, таинственных качествах, сверхъестественных явлениях, божественном озарении, врожденных идеях* и т. д.* Если верить им, то наши чувства совершенно бесполезны

---

* Тот, кто возьмет на себя труд прочесть сочинения Платона и таких его учеников, как Прокл, Ямвлих, Плотин и т. д., найдет в них почти все догматы и метафизические тонкости христианской теологии. Мало того, он найдет здесь источник происхождения

для нас, опыт никуда не годится; воображение же, восторженная мечтательность, фанатизм и чувство страха, порождаемые в нас религиозными предрассудками, представляют собой *вдохновение свыше*, божественные знамения, естественные чувства, которые мы должны предпочитать разуму, рассудительности и здравому смыслу. С детства напичкав нас подобными учениями, способными только притупить мысль и ввести в заблуждение, теологи без труда могут заставить нас признать величайшие нелепости под пышным названием *тайн* и помешать нам исследовать то, чему они учат. Как бы то ни было, мы ответим Платону и всем философам, которые подобно ему заставляют нас верить в то, чего мы не можем понять, что вера в существование какой-нибудь вещи предполагает обладание хоть какой-нибудь идеей о ней; что эту идею мы можем получить лишь через посредство наших чувств; что все, чего мы не познаем через посредство наших чувств, не существует для нас; что если нелепо отрицать существование того, чего не знаешь, то странно приписывать этому неизвестные качества и что бессмысленно содрогаться перед какими-то призраками или почитать пустые идолы, наделенные противоречивыми качествами, которые придумало наше воображение без содействия опыта и разума.

Это может пригодиться для ответа доктору Кларку, говорящему нам: «*Какая бессмыслица с таким жаром восставать против существования нематериальной субстанции, сущность которой непостижима, и назы-*

символов, *обрядов*, *таинств* — одним словом, всей *теургии* культа христиан, которые в своих религиозных церемониях и догматах лишь более или менее верно следовали по пути, начертанному для них языческими жрецами. Религиозные безумства не так разнообразны, как это обыкновенно думают.

Что касается древней философии, то, за исключением систем Демокрита и Эпикура, она обыкновенно представляла собой не что иное, как *теософию*, сочиненную египетскими и ассирийскими жрецами. Пифагор и Платон были просто восторженными и, может быть, недобросовестными теологами. Во всяком случае мы находим у них пристрастие к таинственному; жреческий дух — верный признак того, что они хотят обмануть или не желают просветить людей. В природе, а не в теологии следует искать истоки истинной и разумной философии.

вать ее самой невероятной вещью!» Несколько выше он говорит: «*Нет столь ничтожного растения и столь жалкого животного, которые не были бы камнем преткновения для высочайшего гения; неодушевленные существа окружены для нас непроницаемым мраком. Поэтому что за дикая мысль умозаключать из непостижимости божества о невозможности его существования!*»

Мы ответим на это:

1. Представление о нематериальной, или лишенной протяжения, субстанции — это просто отсутствие идеи, отрицание протяжения; говоря, будто какое-нибудь существо не есть материя, нам говорят то, что оно не есть, но не показывают, что оно есть, а утверждая, будто какое-нибудь существо недоступно нашим чувствам, утверждают, что мы не обладаем никаким средством убедиться, существует оно или нет.

2. Мы охотно согласимся, что даже величайшие гении не знают сущности камней, растений, животных и тайных сил, составляющих их, заставляющих их покоиться или действовать; но во всяком случае все эти тела можно видеть, они хоть в некоторых отношениях доступны нашим чувствам, мы способны заметить те или иные их действия, на основании которых можем более или менее верно судить о них; что же касается нематериального существа, то наши чувства не могут уловить его ни с какой стороны и, следовательно, не в состоянии дать нам о нем никакого представления; подобное существо является для нас *скрытым качеством* или, точнее говоря, *фикцией* (être de raison). Если мы не знаем сущности или внутреннего состава материальных существ, то мы можем все же с помощью опыта открыть некоторые из их взаимоотношений с нами; мы знаем их поверхность, протяжение, форму, цвет, мягкость и твердость благодаря впечатлениям, которые они на нас производят; мы способны сравнивать их, отличать их друг от друга, судить о них, стремиться к ним или избегать их в зависимости от того, как они воздействуют на нас; что же касается нематериального бога или духов, о которых без умолку говорят нам люди, знающие их не более, чем прочие смертные, то мы не можем иметь о них подобных знаний.

3. Мы знаем в самих себе перемены, которые называем чувствами, мыслями, желаниями, страстями. Так как наша собственная сущность и энергия, обусловленные своеобразной организацией нашего тела, не известны, то все эти явления приписываются скрытой, отличной от нас самих причине, которую называют *духовной*, так как она кажется действующей иначе, чем наше тело; однако размышление показывает нам, что материальные действия могут исходить только от материальных причин. Аналогичным образом мы наблюдаем во вселенной только физические, материальные действия, которые могут иметь своим источником лишь подобную им причину и которые мы должны приписывать не какой-то неизвестной нам духовной причине, а самой природе, становящейся в известных отношениях доступной нашему познанию, как только мы решаемся добросовестно поразмыслить над ней.

Если непостижимость божества не есть аргумент против его бытия, то она не есть также довод в пользу его нематериальности. Его духовность понятна гораздо меньше, чем материальность, так как материальность представляет собой известное качество, а духовность — это скрытое, неизвестное качество или, вернее, способ выражения, которым мы лишь прикрываем наше неведение. Слепорожденный рассуждал бы плохо, если бы стал отрицать существование красок, хотя эти краски реально не существуют для него, существуя лишь для тех, кто в состоянии познать их; если этот слепорожденный захотел бы определить краски, то его претензии показались бы нам смешными. Точно так же, если бы имелось существо, обладающее представлениями о боге, или чистом духе, наши теологи, без сомнения, показались бы ему столь же смешными, как этот слепой.

Нам беспрестанно повторяют, что наши чувства показывают нам лишь *скорлупу* вещей, а наш ограниченный ум не может постигнуть божества. Допустим это. Но эти чувства не показывают нам даже *скорлупы* божества, по поводу определения и атрибутов которого не перестают спорить теологи, до сих пор не сумев доказать его существование. «Я очень люблю,— говорит г. Локк,— всех тех, кто искренне защищает

свои взгляды; но людей, которые, судя по их способу защиты, вполне убеждены в правоте исповедуемых ими взглядов, так мало, что я склонен думать, что на свете гораздо больше скептиков, чем это полагают»*.

Аббади говорит, что *дело идет о том, чтобы узнать, существует ли бог, а не о том, что такое этот бог.* Но как убедиться в бытии существа, которого никогда нельзя познать? Если нам не говорят, что такое это существо, как можем мы убедиться, возможно ли его существование или нет? Мы рассмотрели те шаткие основы, на которые люди пытались опереть сочиненный их воображением призрак, проанализировали доводы, приводимые ими в пользу его существования, и указали на бесчисленные противоречия, вытекающие из приписываемых ему несовместимых друг с другом качеств. Что следует из всего этого, как не то, что божество не существует? Нас уверяют, правда, что *между божественными атрибутами нет противоречия, а есть лишь несоответствие между нашим умом и природой верховного существа.* Допустим это. Но каким же мерилом должен пользоваться человек, чтобы высказывать суждения о своем боге? Разве не люди выдумали это существо и придали ему различные атрибуты? Если, чтобы понять его, надо быть бесконечным духом, то вправе ли сами теологи хвалиться тем, что они его постигают? Зачем же они говорят о нем другим людям? Так как человек никогда не будет бесконечным существом, то сумеет ли он в загробном мире постигнуть своего бесконечного бога лучше, чем на земле? Если мы не знаем бога в настоящее время, то не можем рассчитывать познать его и в будущем, так как никогда не станем богами.

Однако нас уверяют, будто нам необходимо познать этого бога; но можно ли доказать необходимость познания того, что невозможно познать? Нам отвечают, что достаточно разума и здравого смысла, чтобы убедиться в бытии божьем. Но разве, с другой стороны, нам не говорят, что разум ненадежный руководитель

* См. его «Интимные письма». Гоббс говорит, что люди сомневались бы в достоверности Эвклидовых «Начал», если бы этого требовали их интересы.

в религиозных вопросах? Пусть нам укажут хотя бы ту границу, где нужно расстаться с этим разумом, доведшим нас до познания бытия божьего. Станем ли мы обращаться к нему и при рассмотрении вопроса, правдоподобно ли то, что рассказывают об этом боге, может ли он соединять в себе приписываемые ему противоречивые атрибуты, говорил ли он то, что ему приписывают? Священнослужители никогда не позволят нам обращаться к разуму по поводу всех этих вещей. Они будут уверять нас, что в этих вопросах мы должны слепо полагаться на их слова; они будут утверждать, что самое верное — это признать все высказанное ими о природе существа, которое, по их собственному признанию, не известно им и совершенно недоступно мысли смертных. Ведь наш разум не может постигнуть бесконечное; он не может убедить нас в существовании бога; и если разум наших священнослужителей более высок, чем у нас, то нам придется верить в бога, лишь основываясь на их словах; мы никогда не сумеем вполне убедиться в этом сами: внутреннее убеждение может быть лишь результатом очевидности и доказательства.

Мы вправе считать какую-нибудь вещь невозможной, если наши идеи о ней не только не могут быть правильны, но и всегда исполнены противоречий, несовместимы между собой и уничтожают друг друга. У нас нет правильных идей о духе; когда мы говорим, что лишенное органов и протяжения существо может чувствовать, мыслить, хотеть и желать, наши идеи о нем противоречат друг другу: бог теологии не может действовать, обладание человеческими качествами противоречит его божественной природе; а если предположить эти качества бесконечными, то они станут только более непонятными и несовместимыми между собой.

Если бог является для людей тем, чем краски для слепорожденного, то этот бог не существует для нас; если утверждают, что он соединяет в себе приписываемые ему качества, то он невозможен. Если мы слепцы, то не будем рассуждать ни о боге, ни о его красках, не будем приписывать ему атрибутов, не будем зани-

маться им. Теологи — это слепцы, которые желают объяснить другим слепцам оттенки и краски портрета, изображающего некий оригинал, с которым они не познакомились даже ощупью*. Пусть нам не возражают на это, что оригинал, портрет и его краски все же существуют, хотя слепой и не может ни объяснить нам оригинала, ни составить себе представления о нем на основании свидетельства зрячих людей: где те зрячие, которые видели божество, которые знают его лучше, чем мы, и вправе поэтому убеждать нас в его существовании?

Доктор Кларк говорит нам: *достаточно того, что атрибуты бога могут существовать и из них самих невозможно вывести их несуществование.* Странный способ рассуждения! Неужели теология будет единственной наукой, в которой дозволено утверждать существование какой-либо вещи на основании одной лишь ее возможности! Неужели необоснованные фантазии и недоказанные положения можно считать истинами на том только основании, что нельзя доказать противоположного положения? Впрочем, совсем не трудно доказать, что теологический бог невозможен; для этого достаточно показать, как мы это и делаем все время, что существо, образованное путем чудовищного сочетания самых резких контрастов, не может существовать.

Однако наши противники продолжают настаивать на своем и говорят нам, что нельзя себе представить, чтобы разум или мысль были свойствами и модификациями материи, хотя даже г. Кларк признает, что мы не знаем сущности и энергии последней и величайшие гении обладали лишь поверхностным и неполным представлением о ней. Но мы можем в свою очередь спросить у них, легче ли представить себе, что разум и мысль являются свойствами духа, о котором, конечно,

* Я нахожу в книге самого Кларка отрывок из сочинений канарского епископа Мельхиора Кануса, которым можно было бы ответить на все рассуждения всех теологов мира: «Puderet me dicere non me intelligere, si ipsi intelligerent qui tractarunt». [«Мне стыдно было бы сказать, что я не понимаю этого, если бы только те, кто рассуждает об этом, это понимали».] Гераклит говорил: *если бы у слепого спросили, что такое зрение, то он ответил бы, что это слепота.* Апостол Павел говорил афинянам,

у нас еще меньше представлений, чем о материи? Если мы обладаем лишь смутными и неполными представлениями о грубых, физических телах, то неужели мы сможем отчетливей познавать нематериальную субстанцию, или духовного бога, который не действует ни на одно из наших чувств и который, действуя на них, перестал бы быть нематериальным?

Поэтому г. Кларк не вправе говорить нам, что *идея нематериальной субстанции не содержит в себе ничего невозможного, не заключает никакого противоречия, и лица, утверждающие обратное, должны отрицать существование всего того, что не является материальным.* Все, что действует на наши чувства, есть материя; субстанция, лишенная протяженности или свойств материи, не может вызывать в нас ощущения и, следовательно, давать нам восприятия или идеи; мы устроены так, что то, о чем мы не имеем идей, не существует для нас. Поэтому нет ничего нелепого в утверждении, что все не являющееся материей не существует; наоборот, это столь убедительная истина, что только закоренелые предрассудки или недобросовестность могут заставить кого-либо сомневаться в ней.

Все эти трудности не устраняются тем, что наш ученый противник начинает спрашивать, *существуют ли только пять чувств, не мог ли бог дать чувства, совершенно отличные от наших, существам, которых мы не знаем, и не мог ли бы он дать иные чувства нам самим в том самом состоянии, в каком мы находимся.* Я отвечу на это сначала, что, прежде чем умозаключать о том, что может и чего не может сделать бог, надо установить его существование. Я возражу далее, что фактически мы обладаем лишь пятью чувствами*; что

что его бог есть именно тот неизвестный бог, которому они воздвигли у себя алтарь. Святой Дионисий Ареопагит говорил, что лучше всего знаешь бога тогда, когда признаешь, что его не знаешь: «Tunc Deum maxime cognoscimus, cum ignorare eum cognoscimus». На этом-то *неизвестном* боге основана вся теология; по поводу этого-то *неизвестного* бога она без конца рассуждает; во славу этого-то *неизвестного* бога истребляют людей.

* Теологи часто говорят нам о *внутреннем чувстве* и *естественном инстинкте*, с помощью которых мы открываем или чувствуем божество и мнимые истины религии. Но достаточно

с их помощью человек не может постигнуть такое существо, каким является бог, судя по описаниям теологов; что мы абсолютно не знаем, каков был бы объем и характер наших восприятий в том случае, если бы в дополнение к нашим у нас были еще какие-нибудь чувства. Таким образом, спрашивать, что мог бы сделать в подобном случае бог,— значит предполагать спорный вопрос уже решенным, так как мы не можем знать, на что способно существо, о котором у нас нет никакого представления. Точно так же мы не имеем никакого представления о том, что могут чувствовать и знать ангелы, или отличные от нас и превосходящие нас интеллектом существа. Мы не знаем способа произрастания растений: как же можем мы знать способ понимания существ, совершенно отличных от нас? Но во всяком случае мы можем быть уверены, что если бог, как нас уверяют, бесконечен, то ни ангелы, ни иные подчиненные ему духи не могут его постигнуть. Если человек представляет загадку для самого себя, то как может он понять то, что отлично от него? Поэтому мы должны довольствоваться в наших суждениях своими пятью чувствами. Слепой обладает лишь четырьмя чувствами; он не вправе отрицать того, что другие люди обладают лишним чувством, но вправе утверждать, что не имеет никакого представления о действиях чувства, которого ему не хватает. Мы можем судить о божестве лишь на основании своих пяти чувств, и никто из людей не вправе утверждать, что он знает его лучше, чем мы. Разве слепец, окруженный другими слепцами, не был бы вправе спросить у них, на каком основании они говорят ему о каком-то чувстве, которым не обладают сами, или о каком-то существе, о котором их собственный опыт ничего не может сказать им?*

несколько внимательней разобраться в вопросе, чтобы убедиться, что это *внутреннее чувство* и этот *инстинкт* являются результатами привычки, воображения, беспокойства, предубеждений, которые часто вопреки всякой логике делают нас жертвами недопустимых для трезвой мысли предрассудков.

* Если, как утверждают теологи, бог настоятельно требует от людей познавать его, то это столь же неразумно, как требование хозяина участка земли, чтобы находящиеся в его саду муравьи знали его и толково рассуждали о нем.

Накопец, мы можем ответить г. Кларку, что его предположение невозможно, согласно его же собственной теории: ведь бог, создав, как уверяет г. Кларк, человека, без сомнения, желал, чтобы последний имел лишь пять чувств и был таков, каков он есть в действительности, так как это соответствует мудрым целям и неизменным планам, которые приписывает ему теология.

Доктор Кларк, как и все прочие теологи, обосновывает необходимость существования своего бога необходимостью допустить силу, которая дала бы начало движению. Но если материя существовала всегда, то она всегда обладала и движением, которое, как мы это доказали, столь же присуще ей, как и протяженность, и вытекает из ее первичных свойств. Таким образом, движение существует лишь в материи и через нее: подвижность — это следствие ее существования; это не значит, что само великое целое может занимать другое пространство в отличие от того, которое оно занимает в настоящее время; но части этого целого могут изменять и фактически непрерывно изменяют свои положения относительно друг друга; в этом-то и заключается постоянство и жизнь природы, которая в целом всегда неизменна. Но допустим, как это постоянно делают теологи, что материя мертва, т. е. не способна произвести что-либо сама по себе без помощи некоей силы, сообщающей ей движение; разве мы сможем в этом случае понять, как материальная природа получает свое движение от силы, в которой нет ничего материального? В состоянии ли человек представить себе, что субстанция, не обладающая ни одним из свойств материи, может создать последнюю, извлечь ее из собственной глубины, организовать и оживить ее, а затем направлять ее движения и руководить ею?

Таким образом, движение так же вечно, как и материя. Части вселенной всегда действовали друг на друга в зависимости от их энергии, сущности, первоначальных элементов и различных сочетаний последних. Эти части должны были сочетаться в зависимости от их соответствия друг другу или взаимных отноше-

ний, притягиваться и отталкиваться, действовать и противодействовать, тяготеть друг к другу, соединяться и разъединяться, приобретать формы и изменять их благодаря своим непрерывным столкновениям. В материальном мире двигатель должен быть материальным. В целом, части которого движутся благодаря собственной сущности, нет нужды в двигателе, отличном от него самого; это целое должно в силу собственной энергии находиться в постоянном движении. Всеобщее движение, как уже было доказано нами, возникает из всех частных движений, непрерывно сообщаемых телами друг другу.

Мы видим, таким образом, что теология со своим учением о боге, сообщающем движение природе и отличном от нее, лишь без нужды умножает существа или, вернее, олицетворяет присущий материи принцип подвижности; придавая этому принципу человеческие качества, она лишь приписывает ему совершенно неподобающие ему разум, мысль и иные совершенства. Все то, что г. Кларк и все прочие современные теологи говорят о своем боге, приобретает некоторый смысл, если применить это к природе, к материи: она вечна, т. е. не могла иметь начала и никогда не будет иметь конца; она бесконечна, т. е. мы не представляем себе ее границ и т. д. Но к ней совершенно не подходят заимствованные у человека качества, так как эти качества представляют собой способы существования, или модусы, свойственные лишь частным существам, а не заключающему их в себе целому.

Таким образом, резюмируя наши возражения г. Кларку, мы скажем: 1) можно представить, что материя существовала от века, так как нельзя представить себе, чтобы она могла возникнуть; 2) материя независима, так как нет ничего вне ее; она неизменна, так как не может изменить свою природу, хотя непрестанно меняет свои формы и сочетания; 3) материя существует сама собой, так как мы не в состоянии представить, чтобы она могла погибнуть, и поэтому не можем допустить, чтобы она начала когда-нибудь существовать; 4) мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи, хотя и в состоянии познать некоторые из ее

свойств и качеств по способу ее воздействия на нас, чего нельзя сказать о боге; 5) так как материя не имеет начала, то она никогда не будет иметь конца, хотя ее формы и сочетания имеют и начало и конец; 6) если все существующее или доступное нашей мысли есть материя, то эта материя бесконечна, т. е. не может быть ограничена чем-либо; она вездесуща, раз вне ее нет никакого места; действительно, если бы вне ее существовало какое-нибудь место, то это была бы пустота и, следовательно, бог являлся бы пустотой; 7) природа едина, хотя ее элементы, или части, бесконечно разнообразны и одарены весьма различными свойствами; 8) материя при известных модификациях и сочетаниях производит в некоторых существах то, что мы называем разумом и что есть один из ее способов бытия, но не одно из ее существенных свойств; 9) материя не есть какое-то свободно действующее начало, так как не может действовать иначе, чем она это делает в силу законов своей природы и своего существования; поэтому тяжелые тела неизменно должны падать, легкие тела—подниматься, огонь — гореть, человек — чувствовать добро и зло в зависимости от природы действующих на него вещей; 10) сила, или энергия, материи имеет лишь те границы, какие предписываются ей собственной природой; 11) мудрость, справедливость, доброта и т. д.— это качества, свойственные материи в том сочетании, или той модификации, которую мы встречаем у некоторых существ человеческого рода; идея же совершенства — это абстрактная, отрицательная, метафизическая идея, или известный способ рассмотрения вещей, не опирающийся на что-либо реальное вне нас; 12) материя наделена принципом движения, материя содержит его в себе, так как только она способна получать и сообщать движение, в то время как эту способность нельзя даже представить себе в нематериальном, простом, лишенном частей существе, которое, не обладая ни протяжением, ни массой, ни тяжестью, не могло бы ни двигаться само, ни приводить в движение другие тела, а тем более создавать и сохранять их.

Глава V

РАЗБОР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ БЫТИЯ БОЖЬЕГО, ДАННЫХ ДЕКАРТОМ, МАЛЬБРАНШЕМ, НЬЮТОНОМ И Т. Д.

Нам не перестают говорить о боге, а между тем до сих пор еще никому не удалось доказать его существование: величайшие гении терпели неудачу в этом пункте, просвещеннейшие люди твердили лишь что-то невнятное по вопросу, который все единодушно считали наиважнейшим для человечества. Неужели действительно необходимо заниматься вещами, которые недоступны для наших чувств и неуловимы для нашей мысли?

Чтобы убедиться в неосновательности доводов в пользу бытия божьего, данных величайшими мыслителями, мы разберем вкратце рассуждения знаменитейших философов, начиная с Декарта, возродившего среди нас философию. Этот великий человек утверждает: «Вся сила приведенного здесь мной доказательства бытия божьего заключается в том, что я признаю невозможность того, чтобы моя природа была такой, какова она есть, т. е. чтобы я обладал идеей бога, если бы бог в действительности не существовал,— я имею в виду именно того бога, идея которого находится во мне, т. е. обладателя всех тех высоких *совершенств*, слабое представление о которых может иметь, не постигая их однако, наша мысль и т. д.»*. Несколько раньше он говорит: «Приходится необходимым образом заключить, что бытие божье доказывается с полной очевидностью на основании одного того, что я существую и во мне содержится идея совершеннейшего существа (т. е. бога)».

1. Мы ответим Декарту, что неправомерно заключать о существовании какой-нибудь вещи на основании обладания ее идеей: наше воображение доставляет нам идею *сфинкса* или *гиппогрифа*, но отсюда вовсе не следует, что эти вещи существуют в действительности.

---

* Medit. III, Sur l'existence de dien, p. 71.

2. Мы скажем Декарту, что он не может обладать положительной и истинной идеей бога, существование которого он хочет доказать подобно теологам. Ни один человек, ни одно материальное существо не в состоянии составить себе реального представления о каком-то духе, о какой-то лишенной протяженности субстанции, о каком-то бестелесном существе, действующем на телесную, материальную субстанцию,— эта истина уже была нами доказана с достаточной убедительностью.

3. Мы скажем ему, что человеку невозможно иметь положительное и реальное представление о совершенстве, бесконечности и прочих атрибутах, приписываемых обществу теологией. Мы дадим поэтому Декарту тот же самый ответ, который дали в предыдущей главе на XII тезис Кларка.

Таким образом, доказательства Декарта в пользу бытия божьего совершенно неубедительны. Он делает из этого бога мысль или разум; но как представить себе разум или мысль без субъекта — носителя этих качеств? Декарт утверждает, что бога можно постигнуть лишь *как некую силу, последовательно прилагающуюся к различным частям вселенной.* Он говорит также, что бога *можно назвать протяженным лишь в том же смысле, что и огонь, содержащийся в куске железа, не обладающий, собственно говоря, иной протяженностью, чем протяженность самого железа...* Но на основании этих положений Декарту можно возразить, что он, собственно, не признает иного бога, кроме природы, а это есть чистый *спинозизм.* Действительно, известно, что Спиноза построил на принципах Декарта свою неизбежно вытекающую из них систему.

Декарта не без основания обвиняли в атеизме, так как он сам весьма убедительно ниспровергает свои слабые аргументы в пользу бытия божьего. Поэтому мы вправе сказать ему, что его система ниспровергает идею творения. Действительно, до того как бог сотворил материю, он не мог ни сосуществовать, ни быть сопротяженным с ней; значит, согласно самому Декарту, бога тогда не было, так как если у модификаций отнять их субъект, то и сами эти модификации должны исчезнуть. Если бог, по учению картезианцев, не что иное,

как природа, то эти последователи Декарта оказываются явными спинозистами; если же бог — движущая сила природы, то он не способен существовать сам по себе и существует лишь постольку, поскольку имеется субъект, которому он присущ, т. е. природа, двигателем которой он является; таким образом, бог не существует сам по себе, существуя лишь постольку, поскольку существует приводимая им в движение природа. Чем может быть движущая сила вселенной без материи, т. е. без субъекта, который следует приводить в движение, сохранять и производить? Если бог есть эта двигательная сила, то чем был бы он без мира, в котором мог обнаруживать свое действие?*

Мы видим, таким образом, что Декарт не только не установил бытие божье на прочных основаниях, но, наоборот, совершенно разрушил его основания. Та же участь неизбежно ожидает всех, кто станет рассуждать об этом: в конце концов они всегда запутаются в противоречиях и самоопровержениях. Те же самые несуразности и противоречия мы встречаем в учении знаменитого отца Мальбранша, которое при сколько-нибудь внимательном отношении к нему, по-видимому, ведет прямо к спинозизму. Действительно, можно ли найти что-нибудь более близкое способу выражения Спинозы, чем утверждения: *вселенная есть лишь эманация бога*; *мы видим все в боге*, *все*, *что мы видим*, *есть только бог*; *один только бог производит все*, *что совершается*; *бог есть все совершающееся и происходящее в природе*; *бог есть все бытие и единственное бытие?*

Не значит ли это формальным образом утверждать, что природа есть бог? Впрочем, Мальбранш наряду с уверениями, что мы видим все в боге, утверждает, что еще *вовсе не доказано*, *будто существуют материя и тела*, *и одна лишь вера учит нас этим великим тайнам*, *о которых мы не имели бы без нее никакого понятия*. Но в таком случае мы вправе спросить его: как можно доказать существование бога, создавшего мате-

---

* «L'Impie convaincu, ou dissertation contre Spinosa», Amsterdam, 1685, p. 115. [«Уличенный безбожник, или Рассуждения против Спинозы», Амстердам, 1685, стр. 115.]

рию, если само существование этой материи является проблемой?

Мальбранш сам признает, что невозможно точным образом доказать бытие какого-нибудь другого существа, кроме того, которое является необходимым; он прибавляет к этому, что *если приглядеться внимательнее, то можно убедиться в невозможности узнать с полной достоверностью, действительно ли бог является творцом материального, чувственного мира или нет.* Но в таком случае очевидно, что, согласно учению отца Мальбранша, за существование бога нам ручается одна лишь вера; но вера сама предполагает это существование: ведь если мы не уверены, что бог существует, то как можно заставить нас верить тому, что он говорит?

С другой стороны, учение Мальбранша явно ниспровергает все теологические догматы. Действительно, как примирить со свободой человека представление о боге, который является движущей причиной всей природы, непосредственно приводит в движение материю и тела, так что без его воли не происходит ничто во вселенной, предопределяет все поведение своих творений? Как можно утверждать при этом, что человеческая душа обладает способностью образовывать мысли и желания, двигаться и видоизменяться? Если предположить вместе с теологами, что сохранение тварей есть непрерывное творение, то не значит ли это, что сам бог, сохраняя их, заставляет их делать зло? Ведь ясно, что, согласно системе Мальбранша, бог делает все и твари являются лишь пассивными орудиями в его руках; их грехи, как и добродетели, принадлежат ему; люди не могут ни обладать заслугами, ни быть виновными, а это уничтожает возможность всякой религии. Так теология непрерывно разрушает самое себя*.

Посмотрим теперь, не даст ли нам бессмертный Ньютон более правильных понятий о боге и более убедительных доказательств бытия божьего. Этот человек, замечательный гений которого разгадал природу и ее

* «L'Impie convaincu», p. 143, 214.

законы, впал в заблуждения, лишь только покинул ее; раб своих детских предрассудков, он не осмелился поднести светоч своего знания к призраку, который люди без всяких оснований присоединили к природе; он не понял, что собственных сил природы было достаточно, чтобы произвести все те явления, которые были им так удачно объяснены. Одним словом, великий Ньютон становится просто ребенком, когда, покинув физику и очевидные факты, углубляется в фантастический мир теологии. Вот что он говорит о божестве*: «Этот бог управляет всем не как душа мира, а как господин и владыка всех вещей. Ввиду его верховного, суверенного владычества его и называют господь бог, Παντοκράτωρ, вселенский царь. Действительно, слово *бог* относительно и предполагает наличие рабов; божественность — это господство или суверенное владычество бога не над своим собственным телом, как думают люди, считающие бога душой мира, но над рабами».

Мы видим отсюда, что Ньютон подобно всем теологам делает из своего бога, этого чистого верховного духа, какого-то царя, самодержца, деспота, т. е. могущественного человека, государя, управляющего вселенной по образцу того, как земные цари иногда управляют превращенными в рабов подданными, которым они обыкновенно весьма неприятным образом дают почувствовать всю тяжесть своей власти. Таким образом, бог Ньютона — это какой-то деспот, т. е. человек, обладающий привилегией быть добрым или несправедливым и злым, когда ему заблагорассудится. Но так как, согласно взглядам Ньютона, мир, а также *рабы* божьи существовали не вечно и были созданы в определенное время, то отсюда следует, что его бог до сотворения мира был царем без подданных и без государства. Посмотрим, более ли логичен этот великий философ в своих дальнейших рассуждениях об обожествленном им деспоте.

«Верховный бог, — говорит он, — это вечное, бесконечное, абсолютно совершенное существо; но сколь бы совершенно ни было какое-либо существо, оно

---

* «Principia mathematica», p. 528, Londres, édit., 1726.

не является верховным богом, если не обладает суверенной властью. Слово *бог* означает *господин*; но не всякий господин есть бог: только суверенная власть духовного существа составляет бога, только истинная суверенная власть составляет истинного бога, только верховная суверенная власть составляет верховного бога, только ложная суверенная власть составляет ложного бога. Из истинной суверенной власти истинного бога следует, что он жив, разумен и могуществен, а из других его совершенств — что он верховное или совершеннейшее существо. Бог вечен, бесконечен, всеведущ, т. е. существует от века и не перестанет существовать никогда (durat ab aeterno, adest ab infinito in infinitum), он управляет всем и знает все, что происходит или может происходить. Бог не есть ни вечность, ни бесконечность, но он вечен и бесконечен; бог не есть пространство или длительность, но он длится и присутствует (adest)»*.

Во всей этой невразумительной тираде мы видим лишь невероятные усилия примирить теологические атрибуты, т. е. абстрактные качества, с человеческими атрибутами, приписываемыми обожествленному монарху; мы видим, как отрицательные качества, неприменимые к человеку, приписываются, однако, владыке природы, признаваемому ее царем. Но как бы то ни было, верховный бог всегда нуждается в подданных для установления своей суверенной власти; ему нужны люди, чтобы проявлять эту власть, иначе он не был бы царем. Когда ничего не существовало, чьим господином был бог? Кроме того, действительно ли этот господин, этот духовный царь проявляет свою духовную власть над существами, часто не выполняющими того, что он хочет, беспрестанно борющимися против него и вносящими беспорядок в его владения? Действительно ли этот духовный монарх является господином над умами, душами, желаниями и страстями своих подданных, которым он предоставил свободу восставать против

---

* Слово *adest*, которым Ньютон пользуется в тексте, приводится им, по-видимому, для того, чтобы избежать утверждения, что бог заключен в пространстве.

него? Управляет ли этот бесконечный, всеохватывающий и всевластный монарх грешниками, руководит ли он их поступками, находится ли он в них, когда те оскорбляют своего бога? Не обладает ли дьявол, лжебог, злой дух, постоянно разрушающий, как учат нас теологи, планы истинного бога, более обширной властью, чем последний? Разве истинный государь не тот, чья власть оказывает влияние на наибольшее число граждан государства? Если бог вездесущ, то не является ли он печальным свидетелем и соучастником оскорблений, повсюду наносимых его божественному величию? Если бог заполняет все, то разве это не значит, что он обладает протяженностью, поскольку его части находятся в соответствии с различными частями пространства? И не перестает ли он в таком случае быть духовным существом?

«Бог един,— продолжает Ньютон,—он один и тот же везде и всегда не только по своей силе, или энергии, но и по своей субстанции».

Но может ли быть всегда одним и тем же существо, которое действует и производит все изменения в вещах? Что понимать под силой, или энергией, бога? Содержатся ли в этих туманных словах ясные для нашего ума идеи? Что понимать под божественной субстанцией? Если эта субстанция духовна и лишена протяжения, то как может она существовать где-нибудь? Как может она приводить материю в действие? Как может она быть постигнута?

Однако Ньютон говорит нам, что «все вещи содержатся и движутся в боге, но без взаимодействия с ним (sed sine mutua passione): бог ничего не испытывает при движении тел; последние же не находят в нем никакого препятствия, несмотря на его вездесущность».

Ньютон, кажется, наделяет здесь божество особенностями, свойственными только пустоте и небытию. Иначе нельзя понять отсутствие взаимодействия или отношений между взаимно проникающими и со всех сторон окружающими друг друга субстанциями. Ясно, что автор впадает здесь в противоречие.

«Бесспорно, что бог существует необходимым образом; в силу той же необходимости он существует всегда

и везде; отсюда следует, что он во всем подобен самому себе; он весь — глаз, ухо, мозг, рука, чувство, разум, действие, но не человеческим, или телесным, а совершенно неизвестным нам способом. Подобно тому как слепой не имеет представления о красках, мы не имеем представления о том, как чувствует и понимает бог».

Занимающий нас спорный вопрос — это необходимое существование божества; его бытие следовало бы установить с помощью столь же ясных и убедительных доказательств, как учение о тяготении и притяжении. Если бы это было возможно, Ньютон с его гением, без сомнения, сумел бы найти соответствующие доказательства. Но о великий и могучий математик, становящийся столь слабым и маленьким теологом в своих рассуждениях о том, что не может быть подвергнуто ни вычислению, ни опыту! Как решаетесь вы говорить о существе, которое, по вашим же словам, является для вас тем же, чем для слепого картина? Почему вы стремитесь выйти из рамок природы и ищете в какой-то воображаемой области энергию, силы, причины, которые открыла бы вам сама природа, если бы вы только захотели подойти к ней с вашей обычной проницательностью? Но у великого Ньютона пропадает мужество, он добровольно становится слепым, лишь только речь заходит о предрассудке, который привычка заставляет его считать священным. Но пойдем дальше и посмотрим, в какие заблуждения способен впасть человеческий гений, когда он перестает руководствоваться разумом и опытом и отдается своему воображению?

«Бог,— продолжает отец современной физики,— совершенно лишен телесности и телесных очертаний; вот почему его нельзя ни видеть, ни осязать, ни слышать, ни почитать в каком-либо телесном виде».

Но какое представление можно составить себе о существе, совершенно непохожем на все то, что мы знаем? Какие отношения могут быть между ним и нами? Зачем почитать его? В самом деле, начав почитать его, вы неизбежно сделаете из него существо, подобное человеку и столь же чувствительное к поклонению, подаркам, лести,— словом, царя, который подобно

земным царям требует почитания от своих подданных. И действительно, Ньютон продолжает: «Мы имеем представление о его атрибутах, но не знаем, что такое субстанция; мы видим лишь фигуры и цвета тел, слышим лишь звуки, осязаем лишь внешние поверхности, обоняем лишь запахи, воспринимаем лишь вкусы; ни одно из наших чувств и никакое наше размышление не могут показать нам внутренней природы субстанции; но еще меньше представлений имеем мы о боге».

Если мы представляем себе атрибуты бога, то лишь потому, что наделяем его своими атрибутами, преувеличивая их настолько, что перестаем их узнавать. Если все действующие на наши чувства субстанции мы знаем только по производимым ими на нас действиям, согласно которым приписываем им те или иные качества, то все эти качества представляют собой нечто реальное и вызывают в нас отчетливые идеи. Нам доступны лишь поверхностные знания, доставляемые чувствами; строение нашего тела вынуждает нас довольствоваться этими знаниями, тем более что они вполне достаточны для удовлетворения наших потребностей. Что же касается бога, отличного от материи или вообще от известных нам субстанций, то мы не имеем о нем даже поверхностного представления, а между тем без конца рассуждаем о нем.

«Мы знаем бога лишь по его атрибутам, по его свойствам, по мудрому, великолепному порядку, которому он подчинил все вещи, и по их *конечным причинам*; и мы восхищаемся им благодаря его совершенствам».

Мы, повторяю я, знаем бога лишь по тем атрибутам, которые заимствуем у самих себя; но ясно, что они совсем не соответствуют универсальному существу, которое не может обладать той же самой природой и теми же самыми свойствами, что и частные существа, подобные нам. По аналогии с собой мы приписываем богу разум, мудрость и совершенство, отвлекаясь от всего того, что мы называем своими недостатками. Что касается порядка, или устройства, вселенной, творцом которого мы считаем бога, мы признаем его превосходным и мудрым лишь тогда, когда он выгоден нам самим и сосуществующие с нами явления не вредны

для нас; в противном случае мы начинаем жаловаться на беспорядок во вселенной, не замечая в ней никаких *конечных причин*, и приписываем тогда якобы неизменному богу побуждения, аналогичные нашим собственным и заставляющие его нарушать прекрасный порядок мира, которым мы так восхищались. Таким образом, мы всегда заимствуем у самих себя идеи порядка и приписываемые богу атрибуты мудрости, превосходства и совершенства. В действительности же все случающееся с нами — как хорошее, так и дурное — является необходимым следствием сущности вещей и общих законов материи, одним словом, следствием тяжести, притяжения и отталкивания — законов движения, которые так прекрасно изложил сам Ньютон, но которыми он не осмелился воспользоваться, когда речь зашла о призраке, являющемся, согласно распространенным предрассудкам, виновником всего того, что на самом деле совершается благодаря природе.

«Мы поклоняемся богу и почитаем его из-за присущей ему суверенной власти; мы чтим его, как рабы; если отнять у бога суверенную власть, провидение и конечные причины, то останутся только природа и судьба».

Мы, действительно, почитаем бога, как невежественные рабы, трепещущие перед хозяином, которого они не знают; мы возносим к нему бессмысленные мольбы, хотя нам изображают его неизменным и на самом деле он есть не что иное, как действующая по необходимым законам природа, олицетворенная необходимость, или судьба, которой дали имя бога.

Но Ньютон говорит нам: «Слепая необходимость природы, оставаясь повсюду и всегда неизменной, не могла бы породить разнообразных существ; наблюдаемые нами в природе различия могут иметь своим источником лишь идеи и волю необходимым образом существующего существа».

Но почему это разнообразие не может иметь своим источником естественные причины, самостоятельно действующую материю, движение которой сближает и сочетает между собой различные и в то же время сходные элементы или же разъединяет вещи при посредстве

субстанций, непригодных для объединения? Разве хлеб не получается от соединения муки, дрожжей и воды? Что касается слепой необходимости, то, как было сказано раньше, это та самая необходимость, энергии, или способа действия, которой мы, будучи сами слепыми, не знаем. Физики объясняют все явления свойствами материи, а если благодаря незнанию естественных причин они не в силах объяснить этих явлений, то все же им кажется теоретически возможным вывести последние из этих свойств или этих причин. В этом отношении физики являются атеистами, не желая ссылаться на бога как на творца всех этих явлений.

«Употребляя аллегорию, утверждают, что бог видит, слышит, говорит, смеется, любит, ненавидит, желает, дает, получает, радуется или сердится, сражается, делает, изготовляет и т. д., так как все, что приписывают богу с помощью весьма несовершенной аналогии, заимствуется из поведения людей».

Люди не могли поступить иначе; не зная природы и ее законов, они придумали какую-то особую силу и назвали ее богом; они заставили этого бога действовать согласно тем принципам, которые заставляют действовать их самих или согласно которым они действовали бы, если это было бы в их власти; эта-то *теоантропия* и породила те нелепые и часто пагубные идеи, на которых основываются все религии на земле, почитающие в лице бога какого-то могущественного и злого человека. Мы увидим в дальнейшем, какие гибельные следствия имели для человеческого рода представления о божестве, на которого всегда смотрели лишь как на какого-то абсолютного государя, деспота, тирана. Пока же продолжим наш разбор доказательств бытия божьего, приводимых богопочитателями, повсюду видящими бога.

Действительно, последние не перестают повторять, что правильные движения тел и неизменный порядок во вселенной, равно как и бесчисленные благодеяния, сыплющиеся на человека, свидетельствуют о мудрости, разуме и благости той силы, которая производит эти чудесные явления. Мы ответим на это, что наблюдаемые нами во вселенной правильные движения являются

необходимыми следствиями законов материи: последняя не может перестать двигаться так, как она это делает, пока в ней продолжают действовать одни и те же причины; движения материи перестают быть правильными, и порядок уступает место беспорядку, как только появляются новые причины, нарушающие или приостанавливающие действие первоначальных. Порядок, как уже было указано нами, есть лишь результат определенного ряда движений: в великом целом, в котором все совершающееся необходимо и определяется абсолютно неизменными законами, в действительности не может быть беспорядка. Порядок природы может нарушаться с нашей точки зрения, но он никогда не может нарушаться по отношению к самой природе, так как последняя не может действовать иначе, чем действует. Если, основываясь на правильных и упорядоченных движениях, мы приписываем неизвестной, гипотетической причине этих явлений разум, мудрость и благость, то аналогичным образом мы должны приписывать ей безумие и злобу, когда эти движения становятся беспорядочными, т. е. перестают быть правильными, с нашей точки зрения, или же как-нибудь нарушают наш образ существования.

Уверяют, будто животный мир убедительным образом свидетельствует в пользу существования бога и будто удивительное согласие между частями организма животных, оказывающими друг другу помощь при выполнении своих функций и создающими таким образом гармонию целого, является доказательством существования какого-то верховного деятеля, соединяющего мудрость с могуществом*. Мы не можем сомневаться в могуще-

* Мы уже указывали в другом месте, что многие авторы, желая доказать существование божественного разума, списывали целые трактаты по *анатомии* и *ботанике*, доказывающие только то, что в природе существуют элементы, способные соединяться друг с другом и сочетаться так, чтобы образовывать единства, или совокупности, которые могут производить определенные действия. Поэтому эти сочинения при всей своей эрудиции показывают только, что в природе существуют различно организованные и известным образом устроенные существа, которые способны производить те или иные действия и которые не существовали бы в своем теперешнем виде, если бы их части перестали действо-

стве природы: она производит всех наблюдаемых нами животных при помощи сочетания различных элементов материи, находящейся в вечном движении; гармония частей этих животных есть следствие необходимых законов природы и их сочетания: как только прекращается эта гармония, животное неизбежно погибает. К чему же тогда сводятся мудрость, разум и благость той мнимой причины, которой приписали происхождение этой прославленной гармонии? Разве эти чудесные животные, в которых видят творения какого-то неизменного бога, не изменяются беспрерывно и в конце концов не погибают? Где же мудрость, благость, предвидение и неизменность планов верховного деятеля, который как будто занят только тем, что портит и ломает механизмы, на которые нам указывают как на шедевры его могущества и искусства? Если этот бог не может поступать иначе, то он не свободен, не всемогущ. Если бог изменяет свои желания, то он не неизменен. Если бог позволяет, чтобы машины, наделенные им способностью чувствовать, испытывали страдания, он лишен благости. Если бог не мог сделать свои произведения более прочными, то он лишен искусства. Наблюдая, как животные — и точно так же все другие произведения божества — гибнут, мы не можем не сделать следующего вывода: или все, что делает природа, необходимо, являясь следствием ее законов, или же верховный дея-

---

вать так, как они это делают, т. е. оказывая друг другу взаимную помощь. Удивляться тому, что *мозг*, *сердце*, *глаза*, *артерии* и *вены* какого-нибудь животного действуют так, как они это делают, корни растения извлекают из земли соки, а дерево дает плоды,— значит удивляться тому, что животное, растение или дерево существуют. Эти существа не существовали бы или не были бы тем, чем являются, если бы перестали действовать так, как они это делают, что и происходит с ними, когда они умирают. Если бы их форма и сочетания, их способ действовать и сохраняться живыми в течение некоторого времени являлись доказательством того, что они порождены какой-то разумной причиной, то их разрушение, полное прекращение их способа действовать, их смерть должны были аналогичным образом доказывать, что они порождены силой, лишенной разума и определенного плана действия. Если нам скажут, что планы этой силы нам не известны, то мы спросим, на каком основании ей приписывают их происхождение и вообще берутся рассуждать о ней?

тель, приводящий ее в действие, не имеет определенного плана и лишен могущества, постоянства, искусства и благости.

В человеке, считающем себя шедевром божества, мы сумеем найти скорее, чем во всяком другом существе, доказательство неспособности или злобы его мнимого творца. В этом одаренном способностью чувствовать, разумном и мыслящем существе, считающем себя постоянным предметом божественного внимания и создающем себе бога по своему собственному образу и подобию, мы видим лишь более подвижный и хрупкий механизм, который в силу своей исключительной сложности может испортиться гораздо легче, чем у более грубых существ. Не имеющие наших знаний животные, прозябающие растения, лишенные чувства камни во многих отношениях поставлены в более благоприятное положение, чем человек; они избавлены по крайней мере от духовных страданий, от мук мысли, от снедающей тоски, жертвой которой так часто являются люди. Кто, вспоминая безвозвратную потерю дорогого существа, не захотел бы стать животным или камнем? Не лучше ли быть бездушной массой, чем запуганным, суеверным человеком, который трепещет на земле пред гневом своего бога и к тому же предвидит бесконечные муки в загробной жизни? Существ, лишенных чувства, жизни, памяти и мышления, не огорчает мысль о прошлом, настоящем и будущем; они не думают подобно многим избранным существам, будто зодчий мира создал вселенную именно для них и им грозят вечные муки за то, что они плохо рассуждали*.

---

* Цицерон говорит: «Inter hominem et belluam hoc maxime interest, quod haec ad id solum quod adest, quodque praesens est, se accomodat, paulum admodum sentiens praeteritum et futurum». [«Главная разница между человеком и животным заключается в том, что последнее приспосабливается только к тому, что имеется налицо, к настоящему, и слишком мало сознает прошедшее и будущее».] Таким образом, то, в чем хотели видеть преимущество человека, в действительности является его недостатком. Сенека сказал: «Nos et venturo torquemur et praeterito; timoris enim tormentum memoria reducit, providentia anticipat; nemo tantum praesentibus miser est». [«Мы мучимся и из-за будущего, и из-за прошедшего; память воскрешает, а предвидение предво-

Пусть нам не говорят, будто мы не можем иметь представления об изделии, не имея представления о работнике, отличном от этого изделия. *Природа вовсе не есть какое-то изделие*; она всегда существовала сама по себе; в ее лоне зарождается все; она — колоссальная мастерская, снабженная всякими материалами; она сама изготовляет инструменты, которыми пользуется в своих действиях; все ее изделия являются продуктами ее энергии и сил, или причин, которые она заключает в себе, производит и приводит в действие. Вечные, несотворенные, неразрушимые, всегда движущиеся элементы, различным образом сочетаясь между собой, порождают все наблюдаемые нами существа и явления, ощущаемые нами хорошие или дурные действия, порядок или беспорядок, которые мы отличаем друг от друга лишь по их различным воздействиям на нас,— одним словом, все те чудеса, над которыми мы размышляем и о которых рассуждаем. Указанные элементы нуждаются для этого лишь в присущих им самим или их сочетаниям свойствах и движениях, свойственных их природе; нет никакой необходимости в каком-то неизвестном верховном работнике, который бы собрал, скомбинировал, сформировал, сохранил и под конец уничтожил эти элементы.

Но допустим на минуту, что невозможно постигнуть вселенную, не предположив верховного работника, который сформировал ее и теперь наблюдает за творением своих рук. Куда же мы поместим этого работника? Находится ли он внутри или вне вселенной? Что он такое: материя или движение? Или, может быть, он просто пространство, небытие, пустота? Во всех этих случаях он либо просто ничто, либо же содержится в природе и подчинен ее законам. Если он содержится

схищает муки страха; никто не бывает несчастлив только из-за настоящего».] Не вправе ли мы спросить всякого добросовестного человека, который стал бы утверждать, будто благой бог создал вселенную для счастья человеческого рода: «*А вы-то сами хотели бы создать мир, заключающий в себе столько несчастных*? Не лучше ли было бы воздержаться от создания такого множества существ, обладающих способностью чувствовать, чем призвать их к жизни, исполненной страданий?»

в природе, то, видя в ней лишь движущуюся материю, я должен умозаключить, что приводящий ее в движение агент телесен и материален, а следовательно, подвержен гибели. Если этот агент находится вне природы, то я совершенно не могу себе представить занимаемого им места; точно так же я не имею представления ни о нематериальном существе, ни о том, как непротяженный дух может действовать на материю, от которой он отделен. Неведомые пространства, помещенные воображением где-то за гранью видимого мира, не существуют для существа, едва различающего то, что делается у него под ногами; идеальная сила, обитающая там, станет доступна моему уму лишь тогда, когда мое воображение наугад скомбинирует фантастические краски, неизбежно заимствуемые им из реального, земного мира; в этом случае я воспроизведу в мысли лишь то, что реально наблюдал ранее с помощью моих чувств, и бог, которого я стараюсь отличить от природы и поместить вне ее, неизбежно вернется в нее вопреки мне*.

Может быть, нам скажут, что если показать статую или часы никогда не видевшему подобных вещей дикарю, то последний, несомненно, сочтет это делом рук какого-нибудь более искусного и разумного, чем он сам, существа и по аналогии с этим нам следует признать вселенную, людей и естественные явления произведениями существа, гораздо более могущественного и разумного, чем мы.

На это я отвечу, во-первых, что мы не можем сомневаться в огромном могуществе и искусстве природы; мы восхищаемся ее искусством при виде разнообразных, сложных и обширных действий, обнаруживаемых нами в тех ее произведениях, над которыми мы беремся поразмыслить; однако она одинаково искусна во всех своих творениях. Мы не лучше понимаем, как может она

---

* Гоббс говорит: «Мир телесен; он имеет три измерения: длину, ширину и глубину. Всякая часть какого-нибудь тела есть тело и обладает теми же самыми измерениями; следовательно, всякая часть вселенной есть тело, а то, что не есть тело, не есть часть вселенной; но так как вселенная — все то, что не составляет ее части, ничто и не может нигде находиться». «Левиафан», гл. 46.

произвести какой-нибудь камень или металл, чем высокоорганизованный мозг вроде мозга Ньютона. Мы называем искусным человека, способного делать вещи, сделать которые сами не в состоянии; природа может все, и, раз какая-нибудь вещь существует, это доказывает, что природа могла ее сделать. Точно так же мы называем природу искусной лишь по отношению к самим себе; мы сравниваем ее в этих случаях с самими собой; и так как у нас есть качество, называемое нами *разумом*, при помощи которого нам удается создать произведения, свидетельствующие о нашем мастерстве, то мы начинаем умозаключать, что и поражающие нас произведения природы созданы не ею, а каким-то наделенным подобно нам разумом работником, ум которого мы сопоставляем с изумлением, вызываемым в нас его делами, т. е. с нашей слабостью и с нашим невежеством.

Я отвечу, во-вторых, что дикарь, которому показывают часы или статую, либо имеет представление о человеческом мастерстве, либо не имеет его. Если у него есть такое представление, то он поймет, что эти часы или эта статуя могут быть делом рук человека, обладающего такими способностями, которых не хватает ему самому; если же у него нет никакого представления о человеческом мастерстве со всеми его возможностями, то при виде самопроизвольного движения часов он решит, что это какое-то животное, которое не может быть делом рук человека. Многочисленные наблюдения подтверждают, что дикари рассуждают именно так*. Поэтому наш дикарь подобно многим людям, считающим себя умнее его, станет приписывать наблюдаемые им странные явления какому-то гению, духу, богу, т. е. какой-то *неизвестной силе*, и наделит эту силу способностями, каких, по его мнению, лишены люди; но этим он докажет лишь, что не знает, на что способен человек. Так, грубые и невежественные люди поднимают глаза к небу всякий раз, когда встречаются с каким-

* Американские дикари приняли испанцев за богов, потому что последние пользовались порохом, ездили на лошадях и обладали судами, плававшими без гребцов. Жители острова Тениана, не знавшие до прихода европейцев огня, при первом знакомстве с ним приняли его за животное, пожирающее дрова.

нибудь непривычным явлением. Так, простой народ называет *чудесными*, *сверхъестественными*, *божественными* все явления, которые кажутся ему удивительными и естественных причин которых он не знает; а так как обыкновенно ему вообще неизвестны причины каких-либо явлений, то все представляется ему чудом или во всяком случае он воображает, что бог есть причина всякого испытываемого им добра и зла. Так, теологи разрешают в конце концов все трудности, приписывая богу то, чего они не знают или истинные причины чего не хотят знать.

Я отвечу, в-третьих, что дикарь, раскрыв часы и рассмотрев их отдельные части, возможно, поймет, что эта вещь может быть лишь делом рук человека. Он заметит, что части часов отличаются от естественных произведений природы, которая никогда не изготовляет колес из гладкого металла. Он заметит, далее, что если отделить эти части друг от друга, то они уже не действуют так, как действовали совместно. На основании всех этих наблюдений дикарь припишет изготовление часов человеку, т. е. подобному ему существу, о котором он имеет известные представления, но которое считает способным делать вещи, недоступные его собственному искусству; одним словом, он припишет эту работу существу, в некоторых отношениях известному ему и одаренному некоторыми способностями, превосходящими его собственные способности; но конечно, он не решится думать, будто материальный предмет может быть результатом нематериальной причины или же лишенного органов и протяжения деятеля, действие которого на материальные существа невозможно себе представить. Мы же, не зная всех возможностей природы, приписываем ее произведения существу, которое знаем гораздо меньше ее и в котором видим неведомого творца наименее понятных нам произведений природы. Происходящие в мире явления должны иметь материальную причину, и эта причина есть природа, энергия которой раскрывается тем, кто ее изучает.

Пусть не говорят нам, что в таком случае мы приписываем все слепой причине, случайному (fortuit)

столкновению атомов, *случаю* (hasard). Мы называем *слепыми* лишь те причины, сочетаний, силы и законов которых не знаем. Мы называем *случайными* явления, причины которых нам не известны и которые из-за своего невежества и неопытности мы не можем предвидеть. Мы приписываем случаю все явления, когда не видим их необходимой связи с соответствующими причинами. Природа не есть слепая причина; она не действует случайно; для того, кто знал бы ее способ действия, ее возможности и весь ее ход, ничто происходящее в ней никогда не казалось бы случайным. Все, что она производит, необходимо, всегда являясь следствием ее неизменных, постоянных законов; все связано в ней невидимыми узами, и все наблюдаемые нами явления необходимым образом вытекают из своих причин независимо от того, знаем ли мы их или нет. Разумеется, мы неоднократно оказываемся жертвами своего незнания; но слова *бог*, *дух*, *разум* и т. д. не уменьшают этого незнания, а лишь увеличивают его, мешая нам искать естественных причин наблюдаемых нами явлений.

Таков наш ответ на вечные обвинения по адресу сторонников природы, будто они *приписывают все случаю*. Случай — это лишенное смысла слово, указывающее лишь на незнание тех, кто его употребляет. Между тем нам без конца повторяют, что целесообразные (regulier) произведения не могут быть результатом случайных комбинаций. Никогда, говорят нам, не удастся составить поэму вроде «Илиады» при помощи брошенных, или случайно соединенных, букв. Мы охотно согласимся с этим; но по совести говоря, разве поэмы создаются при помощи букв, брошенных рукой так, как бросаются кости? Почему бы не потребовать тогда, чтобы речи произносили ногой? Природа производит в своих сочетаниях согласно известным и необходимым законам голову, организованную так, чтобы составлять поэмы; природа дает этой голове мозг, способный породить подобное произведение; природа, наделив известного человека темпераментом, воображением, страстями, делает его способным произвести шедевр. Его мозг, своеобразно модифицированный, обогащенный идеями

или образами, оплодотворенный житейскими наблюдениями, становится тем единственным лоном, где может быть зачата и откуда может развиться поэма. Голова, организованная так же, как голова Гомера, обладающая той же мощью и силой воображения, обогащенная теми же знаниями, находящаяся в той же обстановке, произведет не случайно, а необходимым образом «Илиаду». Противоположное утверждение означало бы отрицание той истины, что во всем сходные причины должны производить совершенно тождественные следствия*.

Таким образом, наивно либо же недобросовестно предлагать сделать посредством бросков рукой, или случайного смешивания букв, то, что может быть сделано лишь при помощи определенным образом организованного и модифицированного мозга. Человеческий зародыш не развивается по игре случая; он может быть зачат и сформирован лишь в утробе женщины. Хаотическая куча литер, или фигур,— всего лишь совокупность знаков, служащих для изображения идей; но чтобы эти идеи могли быть изображены, голова какого-нибудь поэта предварительно должна воспринять, сопоставить, развить и связать их; по воле обстоятельств эти *умственные семена* оплодотворяются и созревают в зависимости от плодородия и богатства той почвы,

---

* Поразило ли бы нас, если бы из урны, в которой находится сто тысяч костей, вышло подряд сто тысяч *шестерок*? Конечно; но если бы все кости были *поддельными*, то мы перестали бы удивляться этому. Так вот, молекулы материи можно сравнить с *поддельными* костями, т. е. с костями, всегда производящими определенные действия; но так как эти молекулы разнообразны и по своему существу, и по своим сочетаниям, то они *поддельны*, так сказать, на тысячу различных ладов. Головы Гомера или Вергилия были лишь соединениями молекул или, если угодно, *подделанных* природой костей, т. е. вещами, скомбинированными и составленными так, чтобы быть в состоянии произвести «*Илиаду*» или «*Энеиду*». То же самое можно сказать и о всех других произведениях интеллекта или человеческих рук. В самом деле, что такое люди, как не *поддельные* кости или машины, которым природа придала способность производить определенного рода вещи? Гениальный человек производит прекрасные творения, подобно тому как посаженное на плодородной почве и заботливо выращиваемое дерево хорошей породы производит отличные плоды.

куда брошены. Идеи сочетаются, распространяются, связываются, ассоциируются, составляя целое, как и все тела природы; это целое нравится нам, когда порождает в нашем уме приятные идеи и рисует нам сильно волнующие нас картины. Так, поэма, возникшая в голове Гомера, может нравиться подобным же головам, способным чувствовать ее красоты.

Мы видим, таким образом, что ничто не происходит по воле случая. Все произведения природы возникают согласно определенным, единообразным, неизменным законам независимо от того, в состоянии ли наш ум проследить непрерывную цепь естественных причин или же из-за чрезмерной сложности некоторых явлений он не способен разобраться в различных пружинах, приводимых в действие природой. Природе не труднее произвести великого поэта, способного создать изумительное произведение, чем блестящий металл или камень, тяготеющий к земле. Мы не знаем — если только не размышляли над этим,— как поступает природа в различных случаях. Человек рождается в силу необходимого сочетания некоторых элементов; он растет точно так же, как растение или камень, увеличивающиеся благодаря присоединению к ним известных веществ; но он чувствует, мыслит, действует, воспринимает идеи, т. е. благодаря своей специфической организации подвержен модификациям, на которые совершенно не способны растение и камень. Итак, гениальный человек производит прекрасные произведения, а растение — плоды, которые нравятся нам и поражают нас в зависимости от возбуждаемых ими в нас ощущений или же исключительности, величины и разнообразия испытываемых нами переживаний. То, что особенно поражает нас в произведениях природы, животных или людях, всегда является естественным результатом различно устроенных и соединенных частей материи, порождающей самые разнообразные формы органов, мозга, темпераментов, вкусов, свойств, талантов.

Таким образом, природа создает лишь необходимые вещи; она производит наблюдаемые нами явления не путем случайных сочетаний и бросков: все ее броски верны, все употребляемые ею причины неминуемо при-

водят к соответствующим следствиям. Она редко производит исключительные и чудесные вещи лишь потому, что необходимые для создания этих вещей обстоятельства, или причины, редко имеют место. Уже одно существование этих вещей означает, что они произведены природой, для которой все одинаково легко и возможно, когда она собирает необходимые для действия орудия, или причины. Итак, не будем же ставить границ силам природы. Совершаемые ею в течение вечности броски и сочетания легко могут произвести все вещи. В своем вечном движении она неизбежно должна все вновь и вновь приводить к сочетаниям, кажущимся крайне поразительными и редкими преходящим существам, не имеющим ни времени, ни средств изучать причины этих сочетаний. Бесконечно многочисленные броски, совершаемые природой в течение вечности, при бесконечном разнообразии элементов и сочетаний могут произвести все, что мы знаем, и много такого, чего мы никогда не узнаем.

Таким образом,— повторим это еще раз господам богопочитателям, обыкновенно приписывающим своим противникам нелепые мнения, чтобы иметь возможность добиться легкого и кратковременного триумфа в глазах предубежденных лиц, которые не осмеливаются углубленно изучать что-либо,— случай, как и бог, всего лишь слово, придуманное, чтобы скрыть незнание причин, действующих в природе с ее часто непонятным для нас ходом вещей. Не случай произвел вселенную; вселенная самой себе обязана тем, чем она является; она необходимо существует от века. Сколь бы скрытыми ни были пути природы, ее бытие бесспорно, а ее способ действия известен нам гораздо более, чем способ действия непостижимого существа, которое захотели присоединить к ней теологи, отличив его от нее и предположив его необходимым и самостоятельно существующим, хотя до сих пор им не удалось ни доказать его бытия, ни определить его, ни сказать о нем что-нибудь вразумительное, ни составить о нем определенное представление, если не говорить о каких-то догадках, сразу же после своего возникновения уничтожаемых критикой здравого смысла.

Глава VI

О ПАНТЕИЗМЕ, ИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕ[1]

Из предыдущего изложения ясно, что все доказательства, при помощи которых теология намеревается обосновать бытие божье, основываются на ложном принципе, будто материя не существует сама по себе, не может по своей природе двигаться и поэтому не способна произвести наблюдаемые нами в действительном мире явления. Исходя из столь ложных, ни на чем не основанных, как мы уже показали выше*, предположений, теологи решили, что материя существовала не всегда и что ее существование и движение имеют своим источником какую-то отличную от нее силу, какое-то неизвестное активное начало, от которого она зависит. Люди, заметив в себе особое, называемое ими *разумом* качество, которым они руководствуются во всех своих поступках и с помощью которого достигают своих целей, приписали разум невидимому активному началу, но при этом безмерно увеличили в нем это качество, признав его источником явлений, произвести которые они считали себя неспособными и которые, по их мнению, не могли быть произведены естественными причинами.

Так как было невозможно ни воспринять это активное начало, ни понять присущий ему способ действия, то его объявили *духом*; это слово значит либо, что подразумеваемое им начало не известно, либо, что оно действует подобно дыханию, за действием которого невозможно проследить. Таким образом, приписывая богу *духовность*, его просто наделяли каким-то скрытым качеством, которое, как полагали, подобает вечно скрытому существу, действующему незаметным для наших чувств образом. Однако первоначально словом *дух* желали, по-видимому, обозначить особую материю, более

* См. ч. I, гл. II, где доказано, что движение присуще материи. Настоящая глава есть лишь резюме пяти первых глав первой части, содержание которых она должна напомнить читателю; если же читатель помнит высказанные там взгляды, то он может прямо перейти к следующей главе.

тонкую, чем та, которая грубо поражает наши органы, способную проникать эту последнюю, сообщать ей действие и жизнь и производить в ней наблюдаемые нами сочетания и модификации. Таков, как мы видели, был *Юпитер*, первоначально представлявший в теологии древних эфирную материю, проникающую, возбуждающую и оживляющую все тела, совокупностью которых является природа.

Было бы ошибочно думать, что представление о духовности бога в том виде, как оно принято теперь, было с самого начала свойственно человеческой мысли. Учение о *нематериальности* бога, полностью исключающее возможность аналогии между ним и всем тем, что мы знаем, как мы уже указывали, было поздно созревшим плодом человеческих размышлений: не обладая опытом и будучи вынуждены размышлять над скрытым от глаз двигателем природы, люди мало-помалу сделали из него тот идеальный призрак, то неуловимое существо, которое заставляют нас почитать теологи, хотя природу его можно охарактеризовать лишь словом, с которым нельзя связать никакого определенного представления*. В итоге бесконечных фантазий и мудрствований над словом *бог* оно потеряло какой бы то ни было смысл; лишь

* См. то, что было сказано об этом в гл. VII, ч. I. Хотя первые учители христианской церкви черпали свои темные понятия о *духовности*, *бестелесных* и *нематериальных субстанциях*, *интеллектуальных силах* и т. д. по большей части в платоновской философии, но достаточно открыть их сочинения, чтобы убедиться, что их представления о боге отличаются от представлений современных теологов. Тертуллиан, как мы уже указывали, считал бога телесным. Серапион[2] со слезами на глазах рассказывал, что *у него отняли его бога*, заставив принять учение о *духовности*, которое, однако, не было тогда разработано так утонченно, как теперь. Многие отцы церкви приписывали богу человеческий вид и считали еретиками тех, кто делал из него чистого духа. Юпитер языческой теологии является самым молодым из детей Сатурна, или Времени; духовный бог христиан есть продукт значительно более позднего времени; этот бог, победитель всех предшествовавших ему богов, мог мало-помалу образоваться лишь в итоге продолжительной умственной работы. Спиритуализм является последним оплотом теологии, которая создала себе какого-то более чем воздушного бога, надеясь, без сомнения, на то, что подобный бог совершенно неприступен; действительно, нападать на него — значит бороться с призраком.

только речь заходила о нем, как для людей оказывалось невозможным столковаться, так как всякий представлял его себе на свой лад и, рисуя портрет своего бога, считался лишь с собственным темпераментом, собственным воображением и индивидуальной фантазией. Правда, в некоторых пунктах им удалось добиться согласия, но это согласие касалось лишь каких-то приписываемых богу непостижимых качеств, которые якобы подобают недоступному для познания существу; в результате получилась совершенно немыслимая и хаотическая груда подобных несовместимых друг с другом качеств. И вот после всех теологических умствований владыка вселенной, всемогущий двигатель природы — это самое важное для познания существо свелось к какому-то лишенному смысла слову или, вернее, к пустому звуку, с которым каждый связал свои особые идеи. Таков тот бог, которым заменили материю, или природу; таков идол, которому мы обязаны поклоняться.

Однако нашлись мужественные люди, осмелившиеся воспротивиться потоку предрассудков и безумия. Они решили, что предмет, на который теологи указывают как на самый важный для людей, как на единственное средоточие их действий и помыслов, должен быть тщательно исследован; они поняли, что если опыт, ум и здравый смысл на что-нибудь годятся, то, без сомнения, с их помощью в первую очередь следует разобраться в том, что представляет собой верховный владыка, управляющий природой и судьбой всех заключенных в ней существ. Вскоре они убедились, что в этом вопросе нельзя считаться с общепринятыми взглядами, мнениями неспособного ни к какому анализу большинства, а тем более с воззрениями руководителей этого большинства — обманщиков или обманутых, запрещающих другим исследование, либо же неспособных произвести его. И вот некоторые мыслители осмелились сбросить ярмо, тяготеющее над ними с самого детства. Разуверившиеся в туманных, противоречивых и лишенных смысла понятиях, которые они привыкли машинально ассоциировать с именем какого-то непостижимого бога, поддерживаемые разумом в своей борьбе со страхами, которые вызывал у них этот грозный при-

зрак, возмущенные его отвратительными изображениями, они дерзнули разорвать покрывало назойливого обмана и хладнокровно взглянуть на мнимую силу, ставшую постоянным предметом надежд, опасений, упований и споров ослепленных смертных. Этот призрак вскоре потерял для них свою силу и скрылся. Благодаря трезвости своей мысли они повсюду увидели лишь природу с ее неизменными законами, ареной действия которых является вселенная, а творениями и орудиями, обязанными выполнять вечные повеления необходимости,— люди и вообще все существа.

Стараясь проникнуть в тайны природы, мы найдем в ней — повторим это еще раз — лишь различную по природе и различно модифицируемую движением материю. В своей совокупности, равно как и во всех своих отдельных частях, она представляет собой лишь ряд необходимых причин и следствий, которые вытекают друг из друга и связь которых наш ум способен более или менее полно раскрыть при содействии опыта. Все наблюдаемые нами вещи в силу своих специфических свойств взаимно притягиваются и отталкиваются, возникают и гибнут, получают друг от друга и сообщают друг другу движение, качества, модификации, в течение известного времени сохраняющие их в определенном виде или же изменяющие форму их существования. От этих непрерывных перемен и зависят все происходящие в мире большие или малые, обычные или необычные, известные или неизвестные, простые или сложные явления; по этим изменениям мы познаем природу; она так таинственна лишь для тех, кто смотрит на нее через дымку предрассудков; ее ход очень прост для тех, кто глядит на нее без предубеждения.

Приписывать наблюдаемые нами явления природе, т. е. материи и присущим ей сочетаниям и движениям,— значит находить для них обычную и известную причину; идти дальше этого — значит углубляться в какие-то фантастические дебри, где нас ожидают лишь всякого рода таинственные и темные вещи. Не будем же искать какого-то движущего начала вне природы, которой всегда присущи бытие и движение, которую нельзя представить себе без свойств, т. е. без движения, в которой

все находится в непрестанном взаимодействии и нет ни одной молекулы, находящейся в абсолютном покое и не занимающей необходимым образом места, предназначенного ей необходимыми законами. Что за смысл искать вне материи двигатель, способный привести ее в движение, раз движение вытекает из ее существования столь же необходимым образом, как и протяженность, форма, тяжесть и т. д., и раз бездействующая природа не является более природой?

Если спросят, можно ли представить, чтобы материя произвела посредством собственной энергии все наблюдаемые нами явления, то я отвечу на это следующее: если под материей будут упорно понимать лишь инертную, мертвую массу, лишенную всяких свойств, неспособную действовать и двигаться самостоятельно, то о ней составят совершенно ложное представление. Раз материя существует, она должна обладать известными свойствами и качествами; раз материя обладает свойствами, без которых она не могла бы существовать, она должна действовать согласно этим свойствам, так как мы можем знать о ее существовании и познавать ее свойства лишь по ее действиям. Ясно, что если под материей понимают что-то такое, что вовсе не есть материя, или отрицают ее существование, то невозможно приписать ей наблюдаемые нами явления. Но если под природой понимать то, чем она является в действительности, а именно некоторую совокупность реально существующих и обладающих известными свойствами веществ, то мы вынуждены будем признать, что природа должна двигаться сама собой и быть способной производить без постороннего содействия при помощи различных движений наблюдаемые нами явления; мы найдем, что ничто не происходит из ничего, что ничто не случайно и способ действия каждой молекулы материи необходимым образом определен ее собственной природой, ее особенными свойствами.

Как мы уже указывали раньше, то, что не может погибнуть, не могло начать существовать; то же, что не могло начать существовать, существует необходимым образом, заключая в самом себе достаточную причину собственного существования. Поэтому совершенно бес-

полезно искать вне известной нам — хотя бы в некоторых отношениях — природы, т. е. существующей самой по себе причины, другую, совершенно неизвестную нам причину ее существования. Мы познаем общие свойства материи и открываем некоторые из ее частных качеств; зачем же искать какую-то непонятную причину этой материи, причину, ни одного из свойств которой мы не можем познать? Для чего прибегать к какому-то загадочному и непостижимому акту, названному *творением*?* В состоянии ли мы представить себе, чтобы нематериальное существо могло извлечь из самого себя материю? Если творение есть *извлечение* (èduction) *из небытия*, то не следует ли отсюда, что бог, извлекший материю из самого себя, извлек ее из небытия и, значит, сам есть небытие? Понимают ли люди, без конца твердящие нам об этом акте божественного всемогущества, внезапно извлекшем бесконечную массу материи из небытия, что они говорят? Способен ли кто-нибудь постигнуть, каким образом лишенное протяжения существо могло существовать, становиться причиной существования протяженных существ, воздействовать на материю, извлекать ее из собственной сущности, приводить ее в движение? Поистине, чем более размышляешь над смехотворными фантазиями теологии, тем более убеждаешься, что она занималась попросту сочинением лишенных смысла слов и подстановкой непонятных звуков на место понятных всем реальностей.

Отказавшись от указаний опыта и от изучения природы материального мира, теологи забрались в какой-то интеллигибельный мир и населили его всякого рода призраками. Они не желали рассматривать материю и различные стадии ее изменений. При этом забав-

* Некоторые теологи сами считали учение о *творении* малодостоверной и подозрительной гипотезой, выдвинутой несколько веков спустя после рождества христова. Один автор, занимавшийся опровержением Спинозы, уверяет, что Тертуллиан первым выдвинул эту идею против какого-то другого христианского философа, защищавшего учение о вечности материи. («L'Impie convaincu».) Автор этого сочинения утверждает даже, будто невозможно опровергнуть Спинозу, не допуская извечного сосуществования материи с богом.

ным, а может быть недобросовестным, образом смешали разложение и отделение друг от друга элементарных частей, из которых составлены тела, с их окончательным уничтожением; не захотели признать, что материальные элементы неразрушимы и только их формы, зависящие от преходящих сочетаний, недолговечны; не сумели отличить свойственных материи изменений вида, положения и структуры от совершенно невозможного для нее уничтожения и ложным образом умозаключили, что материя, вовсе не являясь необходимым существом, имеет начало во времени и обязана своим бытием какому-то неизвестному существу, более необходимому, чем она. Это-то воображаемое существо было возведено в сан творца, двигателя и хранителя всей природы. Таким образом, теологи подменили пустым словом материю, которая является единственным источником наших истинных идей, природу, действие которой мы испытываем ежеминутно и которую мы знали бы гораздо лучше, если бы спекулятивные воззрения не образовали на наших глазах плотной повязки.

Действительно, из первых же начатков физики мы убеждаемся, что хотя те или иные тела изменяются и исчезают, но ничто в природе не теряется: различные продукты разложения какого-нибудь тела служат элементами, материалами и основанием для образования, роста и поддержки других тел. Вся природа существует и сохраняется только благодаря непрерывному обращению, перемещению, взаимообмену и передвижению либо невидимых молекул и атомов, либо видимых частиц материи. Благодаря именно этому *палингенезису* существует великое целое, которое подобно мифологическому Сатурну постоянно пожирает своих собственных детей. В известном смысле можно было бы сказать, что захвативший трон последнего метафизический бог вместе с тем лишил его и способности порождать и действовать.

Итак, признаем, что природа существует сама по себе, действует в силу собственной энергии и никогда не подвергнется уничтожению. Скажем, что материя вечна и природа всегда была, есть и будет той силой, которая производит и уничтожает, порождает и раз-

рушает вещи, следуя законам, вытекающим из ее необходимого существования. Для всего, что она делает, ей достаточно сочетания существенно различных элементов веществ, которые взаимно притягиваются или отталкиваются, удаляются или сближаются, сталкиваются или соединяются, остаются соединенными или отделяются друг от друга. Так она порождает растения, животных, людей — словом, организованные, чувствующие и мыслящие существа, равно как и существа, лишенные чувства и мысли. Все они действуют в течение отведенного им времени существования согласно неизменным законам, определенным их свойствами, структурой, сходством и несходством друг с другом, формой, массой, весом и т. д. Вот истинное происхождение всего того, что мы наблюдаем; вот как природа производит собственными силами все наблюдаемые нами явления, равно как и все тела, которые различно действуют на наши органы и о которых мы судим по способу их воздействия на последние. Мы называем эти явления хорошими, когда они соответствуют нашим стремлениям и поддерживают гармонию в нашем организме; мы называем их дурными, когда они нарушают эту гармонию; мы приписываем цель, идеи и планы существу, из которого делаем двигатель природы, в действительности лишенной каких бы то ни было планов и разума.

Природа действительно лишена их; у нее нет ни разума, ни цели; она действует в силу необходимости, так как существует необходимым образом. Ее законы неизменны и основаны на самой сущности вещей. Семени самца, составленному из первичных элементов, служащих основой организованного существа, свойственно соединяться с яйцом самки, оплодотворять его и производить путем сочетания с ним новое организованное существо; последнее, первоначально будучи слабым из-за недостатка надлежащего количества молекул веществ, способных придать ему надлежащую крепость, мало-помалу крепнет благодаря непрерывному присоединению родственных и соответствующих ему молекул; так оно живет, мыслит, питается, в свою очередь порождая организованные подобно ему существа. В силу

постоянных физических законов рождение происходит лишь тогда, когда имеются налицо все необходимые для этого обстоятельства. Поэтому рождение не случайно; поэтому животное может произвести нормальное потомство лишь после совокупления с существом своего вида, так как только последнее соответствует ему и соединяет в себе все качества, необходимые для рождения аналогичного существа; в противном случае это животное не родит никого или же родит существо, называемое уродом, потому что оно несходно со своей матерью. В яйцеклетке растений заложены свойства, благодаря которым она может быть оплодотворена пыльцой тычинок, а затем может развиваться под землей, расти благодаря воде, притягивать к себе молекулы, сходные с собственными молекулами, мало-помалу образовывать растение, куст, дерево, живущее, действующее, движущееся так, как это свойственно представителям растительного царства. Молекулам земли, разделенным, разбавленным и обработанным посредством воды и тепла свойственно соединяться в глубине гор с аналогичными им молекулами и образовывать в зависимости от степени своего сходства с последними более или менее твердые и чистые тела, называемые нами *кристаллами*, *камнями*, *металлами*, *минералами*. Испарениям, подымающимся из атмосферы благодаря теплоте, свойственно соединяться, собираться вместе, сталкиваться и образовывать благодаря своим столкновениям и соединениям метеоры и молнии. Некоторым горючим веществам свойственно собираться вместе, бродить, согреваться, загораться в пустотах земли и производить те страшные взрывы и землетрясения, которые разрушают горы, поля и жилища напуганных народов, жалующихся потом какому-то неизвестному существу на бедствия, которые необходимая природа заставляет их испытывать столь же необходимо, как и переполняющие их радостью блага. Наконец, некоторым климатам свойственно производить таких людей, которые становятся или очень полезными, или очень вредными для человечества, подобно тому как известным участкам земли свойственно порождать приятные плоды или же опасные яды.

Во всем этом природа не обнаруживает никакой цели; она существует необходимым образом; все присущие ей действия определяются законами, вытекающими из внутренних свойств различных заключающихся в ней существ и из обстоятельств, неизбежно создаваемых беспрерывным движением. Только мы сами имеем необходимую цель — собственное самосохранение, согласуем с ней все наши представления о действующих на нас причинах и соответственно судим о последних. Обладая жизнью и душой, мы подобно дикарям приписываем душу и жизнь всему, что действует на нас; обладая разумом и мыслью, мы приписываем всему разум и мысль; но так как материя, по свидетельству опыта, не способна обладать этими качествами, то мы предполагаем, что она приводится в движение неким активным началом, или причиной, уподобляемой нами самим себе. Неизбежно привлекаемые тем, что нам выгодно, и отталкиваемые тем, что нам вредно, мы перестаем понимать, что наш способ чувствовать зависит от нашей организации и модифицирующих ее физических причин, которые мы принимаем по незнанию за орудие некоего существа, приписывая последнему наши идеи, взгляды, страсти, наш образ мыслей и действий.

Если после всего этого нас спросят, какова же цель природы, то мы скажем: действовать, существовать, сохранять себя как целое. Если нас спросят, почему она существует, мы ответим, что она существует необходимым образом и все ее действия, движения, создания являются неизбежными следствиями ее необходимого бытия. Существует нечто необходимое; это нечто есть природа, или вселенная, и эта природа действует необходимым образом. Если вместо слова *природа* захотят употребить слово *бог*, то с таким же основанием, с каким спрашивают о цели существования природы, можно будет спросить, зачем существует этот бог. Таким образом, слово *бог* само по себе отнюдь не объясняет нам цели его существования. Говоря о природе, или материальной вселенной, мы во всяком случае имеем определенное представление о том, о чем говорим; говоря же о боге теологов, мы никогда не знаем, существует ли он, что он такое, какие

качества мы можем ему приписать. Приписывая ему какие-нибудь атрибуты, мы по существу обожествляем самих себя; при этом оказывается, что вселенная создана только для нас,— утверждение, которое мы уже опровергли достаточно убедительным образом. Чтобы разувериться в нем, достаточно убедиться в том, что мы разделяем одну и ту же судьбу со всеми существами природы и подобно последним подчинены необходимости, представляющей просто сумму законов, которым должна следовать природа.

Итак, все свидетельствует о том, что природа, или материя, существует необходимым образом и не может уклониться от законов, налагаемых на нее ее существованием. Если природа не может погибнуть, то она не могла иметь начало. Сами теологи говорят, что необходим акт божественного всемогущества или, как они выражаются, чудо, чтобы уничтожить какую-нибудь вещь; но необходимое существо не может творить чудес; оно не может нарушить необходимые законы своего бытия; отсюда следует, что если бог — необходимое существо, то все его действия — необходимое следствие его бытия и он никогда не может уклониться от подчинения своим законам. С другой стороны, говорят, что творение есть чудо; но подобное творение невозможно для необходимого существа, которое ни в одном из своих действий не может поступать свободно. Да и вообще нам кажется чудом редкое явление, естественной причины которого мы не знаем; одним словом говоря, что *бог сделал чудо*, нам просто сообщают, что какая-то неизвестная причина неизвестным образом произвела какое-то явление, которого мы не ожидали или которое нам кажется странным. Признав это, мы поймем, что гипотеза о боге не только не уменьшает, но, наоборот, увеличивает наше незнание сил и явлений природы. Сотворение материи и существование ее творца нечто столь же непонятное и невозможное, как и ее уничтожение.

Итак, слова *бог* и *творение* не содержат в себе никакого реального смысла и должны быть исключены из употребления всеми теми, кто считает язык средством взаимопонимания. Это какие-то отвлеченные,

сочиненные невеждами слова; они способны удовлетворить лишь не обладающих опытом людей, слишком ленивых или слишком робких, чтобы изучать природу и ее законы, а также тех фантазеров, пылкое воображение которых охотно устремляется за грани видимого мира в погоне за призраками. Наконец, эти слова полезны лишь людям, единственной профессией которых является одурманивание невежественной черни посредством пышных, непонятных им самим слов, составляющих вечный предмет их споров.

Человек есть материальное существо; он может иметь представление лишь о том, что подобно ему материально, т. е. способно действовать на его органы или обладает хотя бы качествами, подобными его собственным качествам. Вопреки собственным намерениям человек всегда приписывает своему богу материальные качества, хотя ему приходится считать этого бога духовным и отличать его от природы, или материального мира, из-за невозможности его постижения. Действительно, либо следует отказаться от здравого смысла, либо же о боге, являющемся творцом, двигателем и хранителем материи, можно иметь представление лишь как о чем-то материальном; как бы ни билась человеческая мысль, для нее навсегда останется непонятным, как могут материальные явления происходить от нематериальной причины или как может эта причина находиться в каких-либо отношениях с материальными существами. Вот почему, как мы видели, люди вынуждены приписывать своему богу собственные нравственные качества; они забывают, что бог, будучи чисто духовным существом, не может обладать их организацией, их идеями, их образом мыслей и действий, а следовательно, и тем, что они называют разумом, мудростью, благостью, гневом, справедливостью и т. д. Словом, приписываемые божеству нравственные качества предполагают его материальность и абстрактнейшие теологические понятия основываются на самом подлинном *антропоморфизме*.

Несмотря на все свои ухищрения, теологи ничего не могут поделать с этим; как и все люди, они знают лишь материю и не имеют никакого реального пред-

ставления о чистом духе. Говоря о разуме, мудрости и планах божества, они попросту приписывают ему противоречащие его природе человеческие качества. Разве можно приписывать желание, страсть, волю существу, которое ни в чем не нуждается и планы которого должны исполняться сразу же после их возникновения? Разве можно говорить о гневе существа, не имеющего ни крови, ни желчи? Разве всемогущее существо, мудрость которого, проявившаяся в установленном им в мире порядке, вызывает восхищение, может допустить постоянное нарушение этого прекрасного порядка из-за вражды стихий или преступлений людей? Одним словом, бог, каким его нам изображают, не может обладать каким-либо из человеческих свойств, так как последние всегда зависят от нашей собственной организации, наших потребностей и учреждений и соотносительны с обществом, в котором мы живем. Тщетно теологи пытаются путем нагромождения абстракций необычайно увеличить и усовершенствовать приписываемые ими богу моральные качества; тщетно они говорят нам, что в боге все эти качества обладают иной природой, чем в его творениях, будучи *совершенны*, *бесконечны*, *абсолютны*: во всех этих выражениях нет никакого смысла. Теологи не имеют никакого представления о качествах, о которых они нам говорят, так как человек может представить их себе лишь постольку, поскольку они сходны с соответствующими качествами, присущими ему самому.

Таким образом, в итоге всех своих мудрствований по поводу сочиненного ими бога люди не имеют никакого определенного представления о нем. Не довольствуясь физическим богом, т. е. действующей природой, материей, способной произвести все, они желают лишить эту материю присущей ей энергии и приписывают эту энергию какому-то чистому духу, из которого им все же приходится сделать материальное существо для того, чтобы составить себе или дать другим какое-нибудь представление о нем. Безмерно увеличив различные части человека и собрав их вместе, они думают создать бога. По образцу человеческой души они создают душу природы, или скрытое активное начало,

от которого природа якобы получает импульс. Удвоив сперва человека, они удваивают затем природу, предполагая в ней какой-то разум. Будучи столь же не в состоянии познать этого мнимого двойника, как и того, который был понапрасну противопоставлен ими своему собственному телу, они стали называть его духовным, т. е. приписали ему какую-то неизвестную субстанцию. Не имея никакого представления об этой духовной субстанции, люди решили, что она гораздо благороднее, чем материя, и ее изумительная тонкость, которую они назвали *простотой* и которая была лишь результатом их метафизических абстракций, предохраняет ее от разложения, нарушения и всякого рода превращений, свойственных, как показывает опыт, материальным телам.

Подобным же образом люди всегда предпочитают чудесное простому, непонятное — понятному; они презирают привычные им вещи, почитая лишь те, о которых не в состоянии судить; имея лишь смутное представление о последних, они заключают на основании этого, что в них содержится что-то важное, сверхъестественное, божественное. Одним словом, людям нужна тайна, чтобы разжечь их воображение, дать работу их мысли, насытить их любопытство, возбуждающееся особенно сильно тогда, когда оно имеет дело с неразрешимыми загадками, которые именно в силу их неразрешимости кажутся достойными исследований*.

---

* Многие народы поклонялись солнцу; огромная роль этого светила, придающего жизнь всей природе, естественно, должна была побуждать людей поклоняться ему. Однако немало народов оставили этого чувственного бога, обратившись к богу абстрактному и метафизическому. Причина этого явления заключается, на мой взгляд, в том, что, чем более скрыт, таинствен и неизвестен бог, тем более способен он удовлетворять воображение толпы. Таинственность и непонятность по существу необходимы жрецам всякой религии; ясная, понятная, лишенная тайн религия содержала бы в себе, по мнению большинства людей, мало божественного и мало годилась бы жрецам, для которых выгодно, чтобы народ ничего не понимал в вещах, которые он считал самыми важными для себя. Вот в чем, несомненно, заключается секрет духовенства. Ему был нужен непонятный бог, которого оно заставило действовать и говорить непонятным образом, сохранив за собой право произвольного толкования его повелений.

Без сомнения, именно по этой причине люди стали смотреть на материю, которую они постоянно имели перед глазами и которая постоянно действовала и изменялась, как на какую-то жалкую вещь, случайное явление, не существующее само по себе, необходимым образом. Вот почему ими был выдуман какой-то дух, которого они никогда не могли постигнуть и который именно поэтому был поставлен выше материи, признан самостоятельно существующим, необходимым, предшествующим природе, ее творцом, двигателем, хранителем и господином. Человеческая мысль находила себе обильную пищу в этом таинственном существе; она беспрестанно занималась им, наделив его всеми чарами, доступными воображению; невежество наслаждалось сочиненными о нем баснями; привычка отождествляла его с духом человека; в конце концов этот призрак стал необходим человеку; последнему стало казаться, что у него ускользает из-под ног почва, когда у него пытаются отнять бога, чтобы обратить его внимание на природу, которую он издавна привык игнорировать или же рассматривать как беспомощное нагромождение инертных, мертвых, лишенных энергии веществ, жалкую груду обреченных на гибель сочетаний и форм.

Отличая природу от ее двигателя, люди впали в такое же заблуждение, как тогда, когда они отличили свою душу от своего тела, жизнь от живущего, а способность мыслить от мыслящего существа. Неправильно понимая собственную природу и энергию своих органов, они ошиблись в своем понимании устройства вселенной, отличив природу от нее самой, жизнь от живущей, а действие от действующей природы. Вот эту-то мировую душу, эту энергию природы, этот активный принцип люди и олицетворили, мысленно отделив его от реальности и снабдив либо мнимыми, либо заимствованными у самих себя качествами. Таков тот призрачный материал, из которого они создали своего бога; их собственная душа послужила при этом образцом; не понимая ее природы, они, разумеется, не могли иметь правильного представления и о божестве, бывшем лишь увеличенной копией души, искаженной настолько, что нельзя было распознать ее первоначального образца.

Благодаря тому что человека отличили от него самого, оказалось невозможным составить о нем правильное представление; точно так же благодаря тому что природу отличили от нее самой, ее и ее законы стало невозможно познать. Вместо того чтобы изучать природу, стали мысленно доискиваться до ее мнимой причины, ее скрытого двигателя, ее вымышленного владыки. Из этого двигателя сделали какое-то непостижимое существо, которому приписали все происходящее в мире; его поведение казалось таинственным и чудесным, так как представляло собой какое-то сплошное противоречие. Предположили, что мудрость и разум этого существа — источник порядка в мире, его благость — источник всего добра в нем, его суровое правосудие и произвольная власть — сверхъестественные причины всех тех беспорядков и бедствий, от которых мы страдаем. Поэтому человек, перестав обращаться к природе за средствами, необходимыми, чтобы добиться ее милостей или избавиться от ее немилостей, перестав руководствоваться опытом и плодотворно трудиться ради своего счастья, стал обращаться к фиктивной причине, которую он произвольно присоединил к природе, стал поклоняться вымышленному владыке мира и ожидать от него всего, не рассчитывая ни на самого себя, ни на содействие жалкой и бессильной, как ему казалось, природы.

Ничто не оказалось столь пагубным для человеческого рода, как эта нелепая теория, ставшая, как мы это скоро покажем, источником всех его бедствий. Люди, занятые только мыслями о фантастическом царе, посаженном ими на трон природы, перестали изучать последнюю, потеряли интерес к указаниям опыта, стали презирать самих себя; не зная собственных сил, они перестали трудиться ради своего благополучия и сделались трепещущими рабами прихотей какого-то воображаемого тирана, ожидая от него всех земных благ или бедствий. Всю свою жизнь люди проводили в холопском поклонении какому-то идолу, постоянно пытаясь заслужить его милость, смягчить его правосудие, успокоить его гнев; но они стали счастливы лишь тогда, когда, прибегнув к советам разума и опыта

и отказавшись от своих фантастических идей, начали мужественно трудиться и обратились к природе, которая одна лишь может обеспечить им средства, необходимые для удовлетворения их потребностей и желаний и для предотвращения или ослабления неминуемых ударов судьбы.

Вернем же заблудших смертных к алтарям природы, развеем ради их блага призраки, возведенные на трон природы их невежественным и напуганным воображением. Скажем им, что ни над природой, ни вне ее нет ничего и она способна произвести без всякой посторонней помощи все поражающие их явления, искомые ими блага и пугающие их бедствия. Скажем им, что опыт ведет к пониманию природы, что она охотно сбрасывает свои покровы перед теми, кто ее изучает, раскрывает свои тайны тем, кто дерзает вырывать их у нее своим трудом, и вознаграждает величие духа, мужество и трудолюбие. Скажем им, что только разум может осчастливить их и этот разум есть просто знание природы в применении к поведению человека в обществе. Скажем им, что призраки, которыми они так долго и так тщетно занимались, не могут ни доставить им того счастья, которого они просят с воплями и мольбами, ни предотвратить тех неминуемых бедствий, которые предназначены им природой и которые разум приучает их переносить, раз их нельзя устранить с помощью естественных средств. Объясним им, что все необходимо и их радости и горести являются следствиями природы, во всем подчиняющейся законам, которых ничто не может отменить. Наконец, будем постоянно повторять им, что они смогут стать счастливыми, лишь сделав счастливыми своих близких, и тщетно будут ждать счастья от неба, если земля откажет им в нем.

Природа есть причина всего; она существует благодаря самой себе; она будет существовать и действовать вечно; она — своя собственная причина; ее движение — необходимое следствие ее необходимого существования; мы не можем представить себе природу без движения; мы понимаем под собирательным названием *природа* совокупность веществ, действующих в силу собственной энергии. Но раз дело обстоит таким

образом, какой смысл постулировать более непостижимое, чем природа, существо, чтобы объяснить этим ее действия, поражающие, разумеется, всех, но особенно тех, кто не изучал ее? Станут ли люди более умными и развитыми, если им скажут, что какое-то недоступное их пониманию существо является виновником наблюдаемых ими явлений, естественных причин которых они не могут открыть? Одним словом, смогут ли они с помощью неподдающегося определению существа, называемого *богом*, лучше понять природу, постоянно воздействующую на них?*

Действительно, если мы захотим придать какой-нибудь смысл слову *бог*, о котором люди имеют такие смутные и ложные представления, то окажется, что оно означает просто действующую природу или сумму неизвестных сил, приводящих в движение вселенную и заставляющих все существа действовать согласно заключающейся в них энергии, а следовательно, согласно необходимым и неизменным законам. Но в таком случае слово *бог* является синонимом слов *судьба*, *рок*, *необходимость*; и этой-то олицетворенной и обоготворенной абстрактной идее приписывают *духовность* — другую абстрактную идею, о которой мы не можем составить себе никакого представления. Этой абстракции приписывают разум, мудрость, благость, справедливость — словом, атрибуты, субъектом которых не может быть подобное существо. Как нас уверяют, люди находятся в непосредственных отношениях с этой метафизической идеей. Эту олицетворенную, обожествленную, очеловеченную, одухотворенную абстракцию, снабженную самыми несовместимыми качествами, наделяют волей, страстями, желаниями и т. д. Эту олицетворенную абстракцию теологи заставляют высказываться с помощью различных откровений, которые они повсюду выдают людям за волеизъявления божества.

---

* Скажем вместе с Цицероном: «Magna stultitia est earum rerum Deos facere effectores, causas rerum non quaerere». [«Большая глупость делать богов виновниками этих вещей, а не искать их причин».] *Cicer.*, De Divin., lib. II.

Итак, все свидетельствует о том, что нельзя искать божества вне природы. Чтобы составить себе представление о нем, скажем, что природа есть бог и что она содержит в себе все доступное нашему познанию, представляя собой совокупность всех вещей, которые могут действовать на нас и поэтому интересовать нас. Скажем, что именно природа совершает все действия, а действия, не совершаемые ею, просто невозможны; что все находящееся вне ее не существует и не может существовать, так как нет ничего, помимо этого великого целого. Скажем, наконец, что те невидимые силы, из которых воображение людей сделало двигателей вселенной, либо являются силами действующей природы, либо лишены всякой реальности.

Если мы знаем природу и ее законы так несовершенно; если у нас имеются только поверхностные и неполные представления о материи, то вправе ли мы рассчитывать на то, чтобы познать существо более неуловимое и недоступное для мысли, чем элементы, составляющие начала тел, их первичные свойства, их способы действия и существования, или на то, чтобы отчетливо представить себе это существо? Если мы не можем добраться до первых причин, то удовольствуемся причинами второго порядка и явлениями, раскрываемыми нам опытом; станем собирать достоверные факты, по которым мы сумеем с достаточной уверенностью судить о том, чего не знаем; ограничимся теми немногими проблесками истины, которые доставляют нам наши чувства, так как в нашем распоряжении нет средств необходимых, чтобы добиться большего. Не будем считать подлинной наукой знание, опирающееся только на свидетельство нашего воображения: это знание фиктивно. Будем придерживаться природы, которую мы видим и чувствуем, которая действует на нас, общие законы которой мы знаем, хотя нам и не известны ее частности и тайные принципы, применяемые ею в ее более сложных произведениях. Будем, однако, твердо помнить, что природа постоянно действует единообразным, неизменным и необходимым образом. Станем наблюдать эту природу, никогда не покидая поставленных нам ею границ: всякое нарушение этого пра-

вила неумолимо грозит бесчисленными заблуждениями и, как неизбежное следствие их, всякого рода напастями. Не будем по примеру большинства поклоняться и льстить глухой к нашим просьбам природе, которая действует необходимым образом и хода которой ничто не может нарушить. Не будем молиться мировому целому, держащемуся только благодаря борьбе элементов, которая дает начало всеобщей гармонии и устойчивости вселенной. Будем помнить, что мы являемся чувствующими частями некоего лишенного чувств целого, в котором все формы и сочетания, родившись и просуществовав некоторое время, гибнут. Будем смотреть на природу как на колоссальную мастерскую, содержащую все, что требуется, чтобы действовать и производить видимые нами вещи. Признаем присущую ей мощь; не будем приписывать ее дел какой-то воображаемой причине, существующей лишь в нашем мозгу. Наоборот, изгоним навсегда из наших мыслей призрак, только смущающий нас и мешающий нам стать на верный, естественный и простой путь, способный привести нас к счастью. Восстановим же в законных правах эту так долго подвергавшуюся игнорированию природу; прислушаемся к ее голосу, верным толмачом которого является разум; заставим умолкнуть голос увлечения и обмана, отклонивших нас, на наше горе, от единственно подобающего разумным существам вида почитания.

Глава VII

О ТЕИЗМЕ ИЛИ ДЕИЗМЕ, О СИСТЕМЕ ОПТИМИЗМА И О КОНЕЧНЫХ ПРИЧИНАХ[1]

Весьма немногие люди осмеливаются исследовать сущность бога, существование которого единодушно признается всеми; нет почти ни одного человека, который дерзнул бы сомневаться в этом существовании, никогда не будучи в состоянии установить его; в детстве всякий воспринимает без критического анализа туманное слово *бог*, внушаемое ему родителями, вместе

с собственными смутными идеями о божестве, которые все стремятся сделать привычным для него; однако всякий видоизменяет его на свой лад. Действительно, как мы уже неоднократно указывали, зыбкое понятие о каком-то воображаемом существе не может быть одним и тем же у всех людей; у каждого своя точка зрения на него; каждый создает себе особенного бога в зависимости от присущих ему естественных склонностей, темперамента, более или менее пылкого воображения, индивидуальных обстоятельств жизни, предрассудков и изменчивых свойств. Здоровый и довольный человек не видит бога под тем же углом зрения, что больной и угрюмый; страстный человек, обладающий пылким воображением или же желчным темпераментом, не рисует его себе так, как человек спокойный, с более холодным воображением и флегматическим характером. Мало того, один и тот же человек неодинаково представляет себе бога в различные мгновения своей жизни: на его представлениях о боге отражаются все происходящие в его организме изменения, перемены в его темпераменте, постоянные превратности его судьбы. Идея божества, чье существование считается столь бесспорно доказанным, идея, которую признают врожденной всем людям и о которой утверждают, будто вся природа кишит доказательствами ее правильности, в действительности постоянно изменяется в уме каждого человека и ежеминутно претерпевает различные превращения, переходя от одного человека к другому; нет двух людей, которые признавали бы в точности одинакового бога; нет ни одного человека, который при различных обстоятельствах не представлял бы себе его различно.

Не будем же поражаться слабости доказательств в пользу бытия существа, которое пребывает, собственно говоря, внутри сознания людей; не будем удивляться различию их взглядов на него, их религиозных систем и вероучений, их спорам насчет божества, непоследовательности их воззрений, отсутствию содержательности и связности в их системах, бесконечным противоречиям в их суждениях о божестве, неуверенности их мысли в вопросах, касающихся этого фантастического суще-

ства. Естественно, что нельзя избежать споров в рассуждениях о предмете, который при различных обстоятельствах все представляют себе различно и насчет которого ни один человек не придерживается одного и того же мнения постоянно.

У всех людей одинаковые взгляды на вещи, которые доступны опыту; никто не спорит по поводу принципов математики; очевидные и обоснованные истины не меняются в нашем уме; мы никогда не сомневаемся в том, что часть меньше целого, дважды два — четыре, доброта — хорошее качество, а справедливость необходима для общественной жизни. Но теории, имеющие своим предметом божество, отличаются разногласиями, непостоянством и неустойчивостью; в принципах теологии мы не наблюдаем никакой гармонии; бытие божье, на которое нам указывают как на очевидную и доказанную истину, в действительности кажется таковой лишь лицам, не исследовавшим ее доказательств. Эти доказательства часто представляются слабыми или ложными даже тем людям, которые не сомневаются в бытии божьем; выводы, извлекаемые из этой якобы обоснованной истины, не одни и те же у двух народов или даже у двух индивидов. Во все времена и у всех народов мыслители без конца спорили о вопросах религии, о разных теологических гипотезах, об основных истинах, на которые опираются эти гипотезы, об атрибутах и качествах божества, исследованием которого они так тщетно занимались и представление о котором непрерывно изменялось в их собственных головах.

Эти постоянные споры и разногласия должны были бы по крайней мере навести нас на ту мысль, что представления о божестве не обладают приписываемой им очевидностью и достоверностью и поэтому можно сомневаться в реальности существа, которого люди представляют себе так различно, насчет которого у них никогда нет согласия и образ которого так часто меняется. Несмотря на все усилия и ухищрения самых пламенных защитников бытия божьего, это бытие не является чем-то хотя бы вероятным. Но если бы оно даже было вероятным, то разве из какого угодно числа вероятностей можно составить достоверность? Не странно ли,

что бытие существа, знания о котором и вера в которое для нас важнее всего, не обладает даже вероятностью, между тем как гораздо менее важные для нас истины доказаны с максимальной степенью очевидности? Не вправе ли мы заключить на основании этого, что ни один человек не уверен в полной мере в бытии существа, представление о котором, как он замечает, так часто колеблется у него самого, не оставаясь тем же даже два дня подряд? Только очевидность может вполне убедить нас. Истина очевидна для нас лишь тогда, когда постоянный опыт и повторное размышление показывают ее нам всегда тождественной самой себе. Постоянство восприятия, обеспечиваемое нормально устроенными органами чувств, влечет за собой очевидность и достоверность, которые одни только и могут дать полноту убеждения. Что же сказать о достоверности существования божества? Разве его противоречивые качества могут существовать в одном и том же субъекте? И может ли считаться вероятным бытие существа, представляющего собой какую-то груду противоречий? Убеждены ли в его существовании даже те, кто на словах признает его? И не должны ли они позволить другим сомневаться в мнимых истинах, объявляемых ими обоснованными и очевидными, в то время как их собственная уверенность в этих истинах так шатка? Бытие божье и божественные атрибуты не могут быть чем-то очевидным и доказанным решительно ни для кого, в то время как его небытие и невозможность существования приписываемых ему теологией несовместимых качеств ясны для всякого, кто понимает, что один и тот же субъект не может соединять в себе взаимно уничтожающие друг друга и совершенно непримиримые качества*.

* Цицерон сказал: «Plura discrepantia vera esse non possunt». [«Несколько противоречащих друг другу вещей не могут быть истинными».] Отсюда ясно, что никакое рассуждение, откровение или чудо не могут сделать ложным то, на что опыт указывает как на очевидную вещь; нужно иметь какую-то устроенную шиворот-навыворот голову, чтобы терпеть противоречия. Знаменитый Вольф пишет в § 99 своей «Онтологии»: «Possibile est quod nullam in se repugnantiam habet, quod contradictione caret». [«Возможно то, что не содержит в себе ничего несовместимого, что лишено противоречия».] Согласно этому определению, бытие божье

Но допустим на минуту существование этих несовместимых или совершенно непонятных качеств, приписываемых теологами непостижимому существу, из которого они делают строителя, зодчего вселенной; допустим, что оно обладает разумом и имеет известные планы; что же вытекает из этого для человеческого рода? Может ли универсальный разум, планы которого неизбежно простираются на все существующее, находиться в непосредственных и тесных сношениях с человеком, составляющим лишь ничтожную часть великого целого? Неужели владыка вселенной построил и украсил свое жилище лишь для утехи муравьев и насекомых своего сада? В состоянии ли мы познать его планы, угадать его намерения, оценить его мудрость нашим слабым разумом; в состоянии ли мы судить о его делах с нашей ограниченной точки зрения? Перестанут ли от этого хорошие или дурные, полезные или вредные для нас явления, которые мы считаем плодом его всемогущества и провидения, быть необходимыми следствиями его мудрости и справедливости, его вечных повелений. Можем ли мы предположить, что столь мудрый,

---

должно представляться невозможным, так как утверждение, что непротяженный дух может существовать в протяжении или двигать протяженную материю, является противоречием. Св. Фома говорит, что «ens est quod non repugnat esse» [«сущее есть то, чему не противоречит существование»]. Если согласиться с этим, то бог, как его определяют теологи, является лишь воображаемым существом, так как он нигде не может существовать. Согласно Бильфингеру («De Deo, anima et mundo», § V): «Essentia est primus rerum conceptus constitutivus vel quidditativus, cuius ope cetera, quae de re aliqua dicuntur, demonstrari possunt». [«Сущность есть первое конститутивное, или существенное, понятие о вещах, на основании которого можно доказать все остальное, что высказывается о какой-нибудь вещи». Но в таком случае можно спросить у него: кто имеет представление о божественной сущности? Каково то понятие, которое делает бога таким, каков он есть, и из которого вытекает доказательство всего того, что о нем говорят? Спросите у какого-нибудь теолога: может ли бог совершить преступление? Он ответит вам отрицательно, так как преступление несовместимо с присущей богу справедливостью. Но тот же самый теолог не понимает, что если бог — чистый дух, то с его сущностью так же мало совместимо создание или приведение в движение материи, как с его справедливостью совершение преступления.

справедливый и разумный бог изменит ради нас свои планы? Переменит ли он под влиянием наших молитв и раболепного преклонения свои ненарушимые постановления? Изменит ли он природу вещей и их свойства? Отменит ли он при помощи чудес вечные законы природы, свидетельствующие о его мудрости и благости? Помешает ли он огню обжигать нас при приближении к нему? Помешает ли он лихорадке или подагре мучить нас, когда в нашем организме накопилось достаточно соков, имеющих своим необходимым следствием эти недуги? Помешает ли он обрушивающемуся зданию раздавить нас в своем падении, когда мы пройдем слишком близко от него? Устранят ли наши вопли и жаркие мольбы несчастья нашего отечества, если его станет опустошать честолюбивый завоеватель или им станут управлять жестокие тираны?

Если этот бесконечный разум вынужден предоставлять возможность беспрепятственно развернуться подготовленным его мудростью событиям, если во вселенной все совершается по его недоступным нашему пониманию планам, мы не должны ничего просить у него; с нашей стороны было бы нелепо противиться ходу вещей; мы нанесли бы оскорбление мудрости бога, желая регулировать ее. Человек не должен рассчитывать на то, чтобы оказаться мудрее своего бога и суметь заставить его изменить свои намерения и выбрать иные пути для достижения своих целей; если бог разумен, то он может выбрать лишь самые правильные и верные средства для достижения своих целей; если бы он мог изменить их, то его нельзя было бы назвать ни мудрым, ни неизменным, ни прозорливым. Если бы бог мог хоть на одно мгновение приостановить действие установленных им самим законов, если бы он мог что-нибудь изменить в своих планах, то это значило бы, что он не предвидел мотивов этой приостановки или этого изменения; если бог не ввел этих мотивов в свои планы, то, значит, он не предвидел их; если же бог предвидел их, но не ввел в свои планы, то, значит, он не мог сделать этого. Словом, с какой бы стороны ни подходить к этому вопросу, молитвы, возносимые людьми богу, и оказываемое ими последнему религиозное

почитание свидетельствуют о том, что люди относятся к богу как к неразумному, не обладающему достаточным предвидением существу, которое способно изменить свои планы или, несмотря на все свое могущество, не может сделать того, что оно хочет или что необходимо для людей, воображающих, будто вселенная была создана ради них.

На таких невразумительных, плохо связанных между собой утверждениях основываются, однако, все религии на земле. Повсюду человек преклоняет колени перед каким-то мудрым богом, поведение и планы которого он старается направлять и изменять; повсюду человек надеется подкупить бога низкопоклонством и подарками, пытается обезоружить его правосудие молитвами, обрядами, церемониями и очистительными жертвами, которые, по его мнению, могут повлиять на решения божества; повсюду человек предполагает, что он может оскорбить своего творца и нарушить его вечное блаженство; повсюду человек простирается ниц перед каким-то всемогущим богом, неспособным, однако, сделать сотворенные им существа такими, чтобы они могли выполнить его мудрые, божественные намерения.

Мы видим таким образом, что все религии основываются на явных противоречиях. Люди неизбежно окажутся жертвами подобных противоречий, если будут игнорировать природу и приписывать испытываемые ими под ее воздействием добро и зло какой-то отличной от нее разумной причине, о которой они никогда не сумеют составить себе ясное представление. Человек, как мы уже неоднократно указывали, всегда будет создавать себе своего бога по собственному подобию; но человек представляет собой какое-то изменчивое существо с ограниченным разумом и преходящими страстями, которое при изменении обстоятельств часто впадает в противоречие с самим собой; поэтому, хотя ему и кажется, будто он оказывает честь своему богу, приписывая последнему свои собственные качества, но в действительности он лишь наделяет бога своим непостоянством, своими слабостями и пороками. Теологи, эти фабриканты богов, могут сколько угодно упражняться в своих хитросплетениях и преувеличивать

мнимые совершенства бога, делая их в конце концов совершенно непонятными; во всяком случае несомненно, что существо, способное сердиться и умиротворяющееся под влиянием молитв, не неизменно; существо, которое можно обидеть, не всемогуще, не вполне блаженно; существо, не препятствующее злу свершаться, когда оно могло бы воспрепятствовать этому, дает свое согласие на существование зла; существо, предоставляющее свободу грешить, решило допустить существование греха от века; существо, наказывающее за проступки, которые оно дозволило совершить, в высшей степени несправедливо и неразумно; бесконечное существо, заключающее в себе бесконечно противоречивые качества, нечто невозможное, простой призрак.

Пусть не говорят нам поэтому, будто бытие божье можно рассматривать хотя бы как проблему. Бог, каким его изображает нам теология, совершенно невозможен; все приписываемые ему положительные качества и совершенства немедленно ниспровергаются при малейшем прикосновении критики. Что касается абстрактных и отрицательных качеств, которыми хотели украсить бога теологи, то они навсегда останутся непонятными, доказывая лишь тщетность усилий человеческой мысли в ее попытках определить существо, которое вовсе не существует. Когда люди считают важным познать какую-нибудь вещь, они стараются составить себе представление о ней. Если на пути к этому они наталкиваются на серьезные или даже неустранимые препятствия, если под влиянием невежества и неудач они становятся особенно легковерными, то всегда находятся ловкие обманщики или мнимые энтузиасты, которые начинают преподносить им свои выдумки и бред своего воображения, выдавая их за вечные, бесспорные истины. Так под влиянием невежества, отчаяния, лености мысли и отсутствия привычки рассуждать человечество попадает в зависимость от людей, берущих на себя заботу сочинять для него системы взглядов о вещах, о которых оно не имеет никакого представления. Лишь только речь заходит о божестве и религии, т. е. о вещах, в которых решительно невозможно понять что-либо, как люди начинают рассуждать

самым странным образом, легко доверяя самой сомнительной аргументации. Совершенно не понимая того, что им рассказывают о таких вещах, они умозаключают на основании этого, что рассказывающие лучше их разбираются в соответствующих вопросах; последние же постоянно повторяют, что *самое верное — это полагаться на их слова и слепо руководствоваться их указаниями*; они угрожают своим слушателям гневом раздраженного призрака, если последние откажутся верить их словам; и хотя эта аргументация заключает в себе petitio principii, принимая за доказанное спорный пункт, она заставляет молчать человечество; последнее, будучи убеждено этим победоносным рассуждением и боясь заметить явные противоречия в возвещаемом ему учении, слепо полагается на слова своих вождей, не сомневаясь в том, что у этих вождей более отчетливые представления о чудесных вещах, о которых они без умолку рассказывают всем остальным и о которых им следует размышлять в силу своей профессии. Простой народ приписывает своим жрецам органы чувств, которых нет у него самого: он принимает их за божественных людей, за полубогов. В объекте своего поклонения он видит лишь то, что говорят жрецы; из всего, что они говорят об этом объекте, для всякого мыслящего человека следует, что бог просто фиктивное существо, призрак, обладающий качествами, которые жрецы сочли необходимым приписать ему, чтобы усилить незнание, неуверенность и тревоги смертных. Так жрецы, пользуясь своим авторитетом, выносят безапелляционные решения в вопросах, рассмотрение которых выгодно только им самим.

Изучая историю, мы всегда обнаруживаем, что боги были созданы невежеством и страхом; работа воображения, обман и самообман послужили для их украшения или искажения; слабость лежит в основе поклонения им; легковерие поддерживает их существование; привычка внушает уважение к ним, а тирания поддерживает веру в них, чтобы пользоваться ослеплением людей.

Нам постоянно твердят о выгодах, вытекающих для людей из веры в бога. Мы выясним вскоре, реальны

ли на самом деле эти выгоды; пока же нас интересует вопрос о том, ошибочна или верна вера в существование бога. Если это заблуждение, то оно не может быть полезно человечеству; если же это истина, то ее можно подкрепить доказательствами, достаточно убедительными для всех людей, которым она якобы необходима и выгодна. С другой стороны, полезность какого-нибудь взгляда вовсе не есть гарантия его истинности. Это может послужить ответом доктору Кларку, спрашивающему: *не желательно ли было бы, чтобы существовало благое, мудрое, умное и справедливое существо; не полезно ли было бы его существование для человечества*? Мы ответим ему: 1) гипотетический творец природы, в которой мы на каждом шагу видим беспорядок рядом с порядком, злобу рядом с добротой, справедливость рядом с несправедливостью, безрассудство рядом с мудростью, может с равным основанием считаться как благим, мудрым, разумным и справедливым, так и злым, безрассудным, несправедливым, если только не предположить наличия в природе двух равных по силе начал, одно из которых постоянно уничтожает творения другого; 2) благие последствия, вытекающие для нас из какого-нибудь предположения, не делают последнее ни более верным, ни даже более вероятным: действительно, до чего только мы не дошли бы, если бы на основании полезности для нас какой-нибудь вещи стали утверждать, что она реально существует; 3) из всего вышеизложенного следует, что присоединяемое к природе верховное существо немыслимо и противоречит нашим достовернейшим представлениям. Мы скажем, что невозможно искренне верить в бытие существа, о котором у нас нет никакого сколько-нибудь отчетливого представления и с которым невозможно связать никакой немедленно не опровергаемой идеи. Можем ли мы верить в бытие существа, о котором ничего невозможно утверждать и которое представляет собой лишь груду отрицаний всего, что мы знаем? Одним словом, можно ли твердо верить в бытие существа, всякое рассуждение о котором немедленно опровергается?

«Но,— скажет мне счастливый мечтатель, чья душа наслаждается мыслью о божестве и чье кроткое вооб-

ражение нуждается в обольстительном объекте, чтобы воздавать ему благодарность за мнимые благодеяния,— почему вы лишаете меня божества, кажущегося мне мудрым и благим государем? Как сладостно мне воображать себя любимцем могущественного, разумного и доброго владыки, который думает о моем счастье, постоянно заботится о моей безопасности и об удовлетворении моих потребностей, позволяя мне повелевать под его началом всей природой! Я верю, что он непрерывно осыпает человека своими благодеяниями; я вижу, как его провидение без устали работает ради человека, покрывая всю землю зеленью, а деревья — восхитительными плодами, населяя леса животными, способными служить человеку пищей, помещая над его головой светила, освещающие его в течение дня и руководящие его неверными шагами в течение ночи, простирая вокруг него лазурный небосвод, украшая луг цветами, чтобы доставить утеху его глазам, орошая его местопребывание источниками, ручьями, речками. Ах, дайте мне поблагодарить виновника всех этих благодеяний! Не отнимайте у меня моего очаровательного призрака; я не найду своих сладких иллюзий в суровой необходимости, в слепой и неодушевленной материи, в лишенной разума и чувства природе».

«Почему,— скажет несчастный, обделенный судьбой, лишившей его всех благ, которые она расточает другим,— вы отнимаете у меня дорогое мне заблуждение? Почему вы уничтожаете бога, утешительная мысль о котором осушает мои слезы и успокаивает мои муки? Почему вы лишаете меня существа, рисующегося мне в виде сострадательного и нежного отца, который подвергает меня в этом мире испытаниям, но в объятия которого я доверчиво бросаюсь, когда вся природа как будто покидает меня? Если даже допустить, что этот бог — простой призрак, то несчастные смертные нуждаются в нем, чтобы не впасть в ужасное отчаяние; разве не бесчеловечно и не жестоко ввергать их в пропасть безнадежности, желая раскрыть им глаза на истину? Разве не следует предпочесть полезное заблуждение истинам, лишающим человека всякого утешения и не дающим ему никакого облегчения?»

Нет, отвечу я этим мечтателям, истина никогда не может сделать вас несчастными; только она по-настоящему утешает людей; она — скрытое сокровище, которое способно гораздо лучше, чем сочиненные страхом призраки, успокоить сердца и придать им мужество, необходимое, чтобы вынести тяжесть жизни; она возвышает душу, делает ее активной, дает ей средства сопротивляться ударам судьбы и успешно бороться с враждебным роком. Я спрошу у них: на каком основании они так безрассудно приписывают эту доброту своему богу? Разве этот бог одинаково добр по отношению ко всем людям? Не приходится ли на одного смертного, утопающего в изобилии и пользующегося милостями судьбы, миллионы других, томящихся в нищете и нужде? Неужели люди, считающие образцовым порядок, творцом которого предполагают этого бога, счастливее всех в земном мире? Разве расположение этого существа по отношению к некоторым избранным его милостями лицам остается неизменным? Разве те самые утешения, которые ищет в нем фантазия, не доказывают наличия бедствий, совершающихся в силу его повелений, по его воле? Разве земля не полна несчастных, которые, кажется, появились на ней только для того, чтобы страдать и умереть? Разве не спит божественное провидение во время заразных болезней, эпидемий, войн, неурядиц, физических и моральных переворотов, от которых постоянно страдает человечество? Разве земля, в плодородии которой видят благодеяние неба, не выжженна и бесплодна в тысячах мест? Разве наряду с приятнейшими плодами она не производит ядов? Разве реки и моря, которые считают созданными, чтобы орошать земли, где мы живем, и облегчать наши сношения друг с другом, зачастую не затопляют наших полей, не уничтожают наших жилищ, не увлекают в своем бурном потоке несчастных людей и их стад? Наконец, разве этот верховный владыка вселенной, постоянно пекущийся о судьбе своих творений, не делает их почти всегда жертвами бесчеловечных государей, которые тешатся бедствиями своих подданных, в то время как эти несчастные тщетно молят небо прекратить бесчислен-

ные страдания, имеющие своим источником не гнев небес, а скверное управление?

Несчастный, ищущий утешения в мысли о боге, должен был бы вспомнить, что этот же самый бог как владыка вселенной распределяет добро и зло; если считать, что природа исполняет верховные повеления бога, то надо признать, что он столь же часто несправедлив, злобен и безрассуден, как и благ, мудр и справедлив. Если бы верующий человек не так подчинялся предрассудкам и рассуждал несколько более логично, то он перестал бы питать доверие к какому-то капризному богу, часто заставляющему страдать его самого, и не стал бы искать утешения в объятиях палача, безрассудно принимая его за своего друга или отца.

Действительно, разве мы не наблюдаем в природе постоянного взаимопроникновения добра и зла? Упорно видеть в ней только добро так же бессмысленно, как желать видеть в ней только зло. За бурями следует ясная погода, за здоровьем — болезнь, за войной — мир; земля повсюду производит растения, необходимые для питания человека, и растения, гибельные для него; всякая человеческая особь представляет собой необходимое сочетание хороших и дурных качеств; у всех народов мы наблюдаем пеструю смесь пороков и добродетелей; то, что радует одного индивида, погружает многих других в печаль и траур; нет событий, которые не были бы выгодны одним лицам и невыгодны другим. В обломках дворца, раздавившего в своем падении множество людей, находят надежное убежище насекомые. Не для воронов ли, хищных зверей и червей дает, собственно, сражение завоеватель? Разве мнимые любимцы провидения не умирают и не служат пищей для тысяч ничтожных насекомых, о которых провидение беспокоится, повидимому, не меньше, чем о людях? Морская ласточка, наслаждаясь бурей, играет на вздымающихся волнах, в то время как моряк на обломках своего разбитого судна поднимает дрожащие руки к небу. Все существа ведут между собой беспрерывную войну: одни живут за счет других, пользуясь губящими их соперников бедствиями. Если рассматривать природу

в целом, то мы увидим, что все существующее попеременно то наслаждается, то страдает, рождаясь, чтобы умереть, и испытывая непрерывные перемены. Достаточно самого поверхностного взгляда на окружающее, чтобы убедиться, что человек вовсе не есть *конечная причина* творения и постоянный предмет внимания природы или ее творца, которому, если судить по видимому состоянию вещей и непрестанным переменам в человеческой жизни, нельзя приписать ни доброты, ни злобы, ни справедливости, ни несправедливости, ни разума, ни неразумия. Одним словом, если мы взглянем на природу без всякой предвзятости, то убедимся, что все существа пользуются одинаковыми милостями с ее стороны и подлежат необходимым законам, от действия которых не избавлен никто.

Таким образом, активному началу, действующему так различно, как природа или ее мнимый творец, невозможно приписывать какие-нибудь единообразные качества на основании его дел, то полезных, то вредных человеческому роду; во всяком случае каждому человеку приходится судить об этом на основании только своих частных, особенных переживаний: здесь невозможна какая-либо общая, неизменная мерка; наши суждения всегда будут основываться на наших личных восприятиях и ощущениях, а то, как мы ощущаем, зависит от нашего темперамента, нашей организации, особенных обстоятельств нашей жизни, т. е. от факторов, которые не могут быть одинаковыми у различных людей. Из этих различных способов восприятия и заимствуются постоянно те краски, которыми пользуются люди, рисуя себе портрет божества; поэтому представления о божестве не могут быть ни долговременными, ни надежными; выводы, которые из них делают, никогда не будут ни постоянными, ни единообразными; всякий будет судить о божестве лишь по самому себе и видеть в своем боге лишь самого себя.

Если иметь это в виду, то естественно, что довольные собой люди, обладающие чувствительной душой и пылким воображением, станут изображать божество в самом пленительном виде; во всей природе, непрерывно доставляющей им приятные ощущения, они будут

видеть одни лишь признаки доброжелательства и доброты; в своем поэтическом восторге они будут замечать повсюду следы совершенного разума, бесконечной мудрости, заботливого провидения, занятого счастьем людей; голос самолюбия, присоединяясь к порывам их восторженного воображения, окончательно убедит их в том, что вселенная создана только для человечества; мысленно они постараются облобызать руку своего мнимого благодетеля; тронутые его милостями, наслаждающиеся ароматом роз, шипы которых им не видны и неощутимы в их экстазе, они не будут знать, как отблагодарить провидение за эти по существу неизбежные вещи, в которых ими усматриваются бесспорные доказательства божественного внимания. Всецело находясь во власти предрассудков, эти энтузиасты вовсе не заметят тех бедствий и неустройств, ареной которых является мир; если же они и заметят их, то сумеют убедить себя в том, что в виды благодетельного провидения входят и эти горести как необходимый этап человечества на пути к величайшему блаженству; их вера в божество, от которого, как им кажется, они зависят, заставит их думать, будто человек страдает лишь ради своего же блага и всемогущее верховное существо сумеет извлечь для человека бесконечное благо из его теперешних земных страданий. Их ум, настроенный подобным образом, видит лишь вещи, вызывающие их восхищение, благодарность, доверие; самые простые и необходимые явления представляются им чудесами благотворительности и доброты; упорно видя во всем мудрость и разум, они закрывают глаза на беспорядки, совершенно непримиримые с положительными качествами, приписываемыми ими существу, покорившему их сердца; самые ужасные несчастья, самые печальные для человечества события перестают для них носить отрицательный характер, давая им лишь новые доказательства божественных совершенств; они убеждают себя в том, будто все, что кажется им несовершенным или нехорошим, таково лишь по видимости, и восторгаются мудростью и благостью своего бога даже перед лицом самых грозных и горестных явлений.

Это любовное опьянение, это странное пристрастие лежит, без сомнения, в основе философской системы *оптимизма*. Одаренные пылкой фантазией мечтатели, придерживающиеся этого учения, совершенно отказавшись, по-видимому, от свидетельства своих чувств, находят, что даже для человека *все хорошо* в природе, в которой добро всегда сопровождается злом и взглянув на которую менее предубежденные, не наделенные столь поэтическим воображением люди нашли бы, что все обстоит так, как только может обстоять, что добро и зло одинаково необходимы и вытекают из природы вещей, а не зависят от какого-то воображаемого существа, которое можно было бы — существуй оно в действительности и производи все, что мы наблюдаем,— называть злым с тем же основанием, с каким его упорно называют благим. Кроме того, чтобы быть в состоянии оправдать провидение и освободить его от обвинений во всех наблюдаемых нами бедствиях, недостатках, беспорядках, следовало бы знать цель мирового целого, признаваемого творением этого провидения, но это целое не может иметь цели, так как если бы оно имело какую-нибудь цель или устремление, то уже не было бы целым.

Нам, конечно, скажут, что наблюдаемые нами в мире бедствия и беспорядки носят лишь относительный характер; они только видимость и отнюдь не опровергают божественной мудрости и благости. Но разве нельзя ответить на это, что столь прославленные добро и чудесный порядок вещей в мире, на которые ссылаются как на доказательство божественной мудрости и благости, тоже представляют собой нечто относительное и кажущееся? Если то, что нам представляется порядком природы, зависит лишь от нашего способа восприятия окружающих нас вещей и сосуществования с ними и если последний позволяет нам приписывать мудрость и благость творцу мира, то не вправе ли мы на основании того же самого способа восприятия и сосуществования называть беспорядком то, что вредит нам, и считать неразумным или злым существо, по нашему мнению, приводящее в движение природу? Одним словом, явления, наблюдаемые нами в мире,

наводят нас на мысль, что все необходимо, ничто не совершается случайно, все события — хорошие или дурные для нас или для других существ — происходят в силу причин, действующих по определенным, постоянным законам, и мы не имеем решительно никакого права приписывать какое-нибудь из своих человеческих качеств природе либо ее воображаемому двигателю.

Что касается людей, утверждающих, будто верховная мудрость сумеет превратить для нас в величайшее благо те самые бедствия, которые мы испытываем в этом мире по ее воле, то мы спросим у них: считают ли они себя доверенными лицами божества и на чем они основывают свои надежды? Они, без сомнения, скажут, что судят о поведении бога по аналогии, считая себя вправе умозаключать на основании его теперешней мудрости и благости, что таким же мудрым и благим он окажется и в будущем. Мы ответим им на это, что они исходят из совершенно необоснованных допущений и так как утверждения о мудрости и благости их бога столь часто опровергаются фактами, то нет никаких оснований рассчитывать, чтобы его отношение к людям, то осыпаемым его милостями, то страдающим от его немилости, когда-нибудь изменилось. Если бог, несмотря на свое всемогущество и свою благость, не сумел или не захотел сделать свои излюбленные творения вполне счастливыми здесь, на земле, то вправе ли мы рассчитывать, что он сумеет или захочет сделать это в загробном мире?

Таким образом, все эти утверждения исходят из каких-то шатких гипотез, порожденных воображением; они означают, что люди, уверившие себя без всяких оснований в благости своего бога, не могут представить себе, чтобы он допустил несчастье созданных им существ. Между тем какая польза для человечества в засухах, голодовках, эпидемиях, битвах, губящих миллионы людей и непрерывно опустошающих землю? Сумеет ли кто-нибудь объяснить нам выгоды, вытекающие из бесчисленных, окружающих нас со всех сторон бедствий? Разве мы не встречаем ежедневно людей, мучающихся от рождения до смерти, с трудом находящих время, чтобы перевести дух, представляющих

собой постоянные жертвы страданий и бедствий. Когда и каким образом извлечет этот благой бог добро из страданий, которым он их теперь подвергает?

Все наиболее завзятые оптимисты — теисты или хотя бы деисты, сторонники *естественной религии*[2], которая вовсе не естественна, т. е. не основана на разуме,— подобно самым легковерным и суеверным людям вынуждены прибегать к учению о загробном существовании, чтобы освободить божество от обвинений в бедствиях, доставляемых им в земной жизни даже лицам, которых считают самыми угодными ему. Словом, если признать благость и справедливость божества, то надо допустить еще множество дополнительных гипотез, которые, точно так же как и учение о бытии божьем, основываются лишь на подсказанных воображением доводах, вздорность которых мы уже показали. Для оправдания божества приходится прибегать к совершенно невероятному учению о загробной жизни и бессмертии души, приходится утверждать, что божество, не сумевшее или не захотевшее сделать человека счастливым на земле, уготовит ему вечное блаженство, когда его уже не будет в живых и он более не будет обладать органами, служащими ему для наслаждения жизнью в настоящее время.

Но даже всех этих удивительных гипотез недостаточно, чтобы оправдать божество в совершенных им кратковременных несправедливостях, или злых делах; если бог мог быть несправедливым или жестоким хоть на один миг, то, значит, он отступил — по крайней мере на этот миг — от своего божественного совершенства; следовательно, он не неизменен; следовательно, его благость и справедливость могут изменить ему на какой-то срок; но в таком случае кто может гарантировать нам, что эти качества, на которые мы так полагаемся, не изменятся вдруг в загробной жизни, выдуманной для того, чтобы снять с божества обвинение в допускаемой им на земле несправедливости? Что это за бог, который постоянно отступает от своих принципов, будучи не в состоянии сделать счастливыми своих любимцев, не причиняя им несправедливо страданий хотя бы во время их земной жизни? И вот для оправ-

дания божества приходится прибегнуть к другим гипотезам, приходится предположить, что человек в состоянии обидеть своего бога, нарушить порядок вселенной, помешать блаженству бесконечно счастливого существа, расстроить планы существа всемогущего; а чтобы сгладить возникающие при этом противоречия, приходится обратиться к учению о свободе человека*. Переходя от гипотезы к гипотезе, мы будем вынуждены, наконец, допустить самые вздорные и противоречивые взгляды для защиты учения, согласно которому мир управляется мудрым, благим и справедливым существом; если мы захотим быть последовательными, то это учение незаметным образом приведет нас к самым явным нелепостям. Если мы будем иметь это в виду, то мы поймем, что лица, твердящие нам о божественной благости, мудрости, разуме, показывающие нам их в явлениях природы, указывающие нам на эти явления как на бесспорные доказательства существования некоего совершенного божества, находятся во власти предрассудков или же своего собственного воображения и видят лишь один какой-нибудь уголок вселенной, не будучи в силах охватить всего целого. В своем увлечении выдуманным ими призраком они похожи на влюбленных, не замечающих никаких недостатков в предмете их страсти; они скрывают от самих себя и оправдывают в собственных глазах все его пороки, все его неприглядные стороны, в конечном счете даже принимая их за совершенства.

Мы видим, таким образом, что доказательства существования верховного разума, основывающиеся на порядке, красоте и гармонии вселенной, всегда носят проблематический характер и убедительны лишь для определенного типа людей, жизнерадостное воображение которых способно порождать приятные призраки, приукрашиваемые ими так, как это им нравится. Но тем не менее и у них эти иллюзии часто вынуждены рассеиваться; достаточно того, чтобы их

* Трудно найти что-нибудь более непоследовательное, чем взгляды некоторых *теистов*, отрицающих свободу воли и в то же время говорящих о боге-мстителе и воздаятеле. Как может бог, если он справедлив, карать за необходимые поступки?

организм пришел в расстройство, и зрелище природы, казавшееся им раньше столь прекрасным и обольстительным, принимает совсем иной вид, являя им картину хаоса и беспорядка.

Меланхолик, ожесточившийся под влиянием несчастий и недугов, не может смотреть на природу и ее творца так, как смотрит на них здоровый, довольный всем, жизнерадостный человек. Несчастный, угрюмый человек повсюду видит беспорядок, уродство, горестные факты; вселенная представляется ему ареной злобы или мести какого-то раздраженного тирана; он не может искренне любить это зловредное существо; даже воздавая ему поклонение с угодливостью раба, он ненавидит его в глубине сердца; он с внутренней дрожью почитает ненавистного монарха, мысль о котором вызывает в его душе лишь недоверие, боязнь, малодушие; словом, он становится суеверным, легковерным и очень часто жестоким по образцу господина, служить и подражать которому он считает себя обязанным.

Под влиянием этих взглядов, являющихся плодом злосчастного темперамента и удрученного настроения, суеверные люди постоянно оказываются во власти страхов, тревог, недоверия. Природа не имеет для них очарования; им чужды ее веселые стороны; они смотрят на этот мир, столь чудесный и прекрасный в глазах жизнерадостного мечтателя, как на *юдоль слез*, куда мстительный и ревнивый бог поместил их лишь для того, чтобы искупать совершенные ими или их отцами преступления, быть жертвами и игрушками его деспотизма и подвергаться постоянным испытаниям, дабы прийти затем к новому, вечному существованию, в котором они будут счастливы или несчастны в зависимости от их отношения к капризному богу, держащему их судьбу в своих руках.

Из этих-то мрачных идей на земле возникли все религиозные вероучения, нелепейшие и свирепейшие суеверия, бессмысленные обряды, абсурдные учения, странные взгляды, тайны, догматы, церемонии — одним словом, все религии; они всегда были и будут вечным источником тревог, раздоров и безумия для желчных фантазеров, опьяненных религиозным неис-

товством, которых их мрачный темперамент и беспорядочное воображение предрасполагают к злобе и фанатизму, а невежество делает жертвами легковерия и слепыми орудиями жрецов; последние же ради своих собственных интересов будут еще не раз прибегать к авторитету своего дикого бога, чтобы толкать своих последователей на преступления и заставлять их лишать других покоя, которого они лишены сами.

Лишь разницей темпераментов и страстей объясняется различие между богом теиста, оптимиста, счастливого мечтателя и богом суеверного фанатика, столь часто становящегося под влиянием своего изуверства жестоким и вредным по отношению к окружающим. И тот и другой одинаково безрассудны, оба жертвы своего воображения: один под влиянием своей жизнерадостности видит бога лишь в благоприятном свете, другой видит его только с дурной стороны. Если мы станем исходить из какой-нибудь ложной предпосылки, то все наши рассуждения окажутся одной длинной цепью заблуждений; если мы откажемся от свидетельства чувств, опыта, природы, разума, то не будем знать, где остановится наше воображение. Разумеется, взгляды счастливого мечтателя менее пагубны для него самого и для других, чем идеи желчного фанатика, которого делает жестоким и трусливым его темперамент; однако боги обоих представляют собой простые призраки: бог первого — продукт приятных грез, бог второго — продукт болезненного расстройства мозга.

От теизма до мрачного суеверия только один шаг. Достаточно малейшего расстройства в организме, ничтожнейшего недуга, непредвиденного огорчения, чтобы повлиять на состав соков в организме, испортить темперамент, произвести переворот во взглядах теиста, или жизнерадостного верующего; последний тотчас же начинает иначе смотреть на своего бога, для него перестает существовать прекрасный порядок вселенной, и меланхолия мало-помалу доводит его до суеверия, малодушия и всего того, что порождает легковерие и фанатизм.

Так как божество существует лишь в воображении людей, то оно неизбежно должно носить на себе

отпечаток их характера: обладать их страстями, всегда зависеть от перемен, происходящих в их организме, быть веселым или печальным, полезным или вредным, дружески или враждебно настроенным к людям, общительным или нелюдимым, гуманным или жестоким в зависимости от настроений человека, представляющего себе образ этого божества. Человек, превратившийся из счастливого в несчастного, из здорового в больного, из веселого в печального, не может при подобных переменах сохранить неизменным образ бога. Но что же это за бог, который постоянно зависит от перемен, происходящих под влиянием естественных причин в человеческом организме? Бог, противоречивые представления о котором зависят от большей или меньшей степени теплоты и подвижности нашей крови, несомненно, весьма странен!

Разумеется, мудрый, благой, преисполненный приятных и полезных для человека качеств бог представляет собой более обольстительный призрак, чем бог суеверного фанатика, но он тем не менее призрак, который может стать опасным при изменении обстоятельств жизни или темперамента занимающихся им мыслителей; так как последние видят в боге творца всех вещей, то их представления о нем изменятся или по крайней мере он предстанет перед ними в виде полного противоречий существа, на которое нельзя полагаться. В этом случае их охватят неуверенность и тревога и бог, который первоначально рисовался им в таких радужных красках, станет для них предметом страха; мысль о нем будет побуждать их к самому мрачному суеверию, от которого первоначально они казались бесконечно далекими.

Таким образом, у теизма, этой мнимой естественной религии, нет прочных принципов и его сторонники должны неизбежно менять свои взгляды на божество и определяемое им поведение. Их учение, первоначально предполагающее мудрого, разумного, вечно благого бога, должно по мере изменения обстоятельств превращаться в фанатизм и суеверие; последовательно выступая в качестве предмета размышлений мечтателей с различным характером, оно должно испытывать

непрерывные изменения и вскоре потерять свою первоначальную простоту. Большинство философов желало поставить теизм на место религиозного суеверия, но эти люди не поняли, что теизм должен неизбежно разложиться и выродиться. Между тем ряд убедительнейших фактов доказывает эту печальную истину: теизм разлагался повсюду; мало-помалу из него возникали суеверные учения, странные и гибельные для человечества секты. Если человек начнет признавать какую-то невидимую, вне природы находящуюся силу, с которой его тревожная мысль никогда не может связать определенных и постоянных представлений и которую ему умеет рисовать только воображение, если человек не осмелится руководствоваться разумом при суждении об этой воображаемой силе, то после этого первого ложного шага он неизбежно должен будет впасть в заблуждение и в конце концов его поведение, а также его взгляды станут носить совершенно нелепый характер*.

Теистами или *деистами* называют тех, кто, разочаровавшись в грубых заблуждениях общепринятых

* Религия *Авраама*, по-видимому, первоначально представляла собой *теизм* и была придумана, чтобы заменить суеверную религию халдеев; *теизм* Авраама был искажен *Моисеем*, который воспользовался этим, чтобы создать суеверную иудейскую религию. *Сократ* был *теистом* и подобно *Аврааму* верил во вдохновение свыше; его ученик Платон украсил *теизм* своего учителя мистическими красками, которые он заимствовал у египетских и халдейских жрецов и видоизменил в своем поэтическом воображении. Ученики Платона — Прокл, Ямвлих, Плотин, Порфирий и другие — были настоящими фанатиками, придерживавшимися самого грубого суеверия. Наконец, первые учители христиан были платониками, соединившими иудейскую суеверную религию, реформированную апостолами и Иисусом, с платонизмом. Многие считали Иисуса настоящим *теистом*, религия которого была мало-помалу искажена. Действительно, в книгах, содержащих приписываемое ему учение, вовсе нет речи ни о религиозном культе, ни о жрецах, ни о жертвоприношениях, ни о большинстве догматов теперешнего христианства, ставшего зловреднейшим религиозным суеверием на земле. *Магомет*, борясь с господствовавшим на его родине *политеизмом*, желал лишь вернуть арабов к первоначальному *теизму Авраама* и его сына *Измаила*; и все же магометанство распалось на 72 секты. Все это доказывает нам, что *теизм* всегда смешан с известной дозой фанатизма, который рано или поздно оказывает свое пагубное действие.

суеверных религий, признает только неопределенное понятие о божестве, видя в нем какую-то неизвестную силу, одаренную разумом, мудростью, могуществом и добротой — одним словом, наделенную бесконечными совершенствами. Согласно им, это существо отлично от природы; его бытие они доказывают на основании господствующих во вселенной порядка и красоты. Признавая существование благодетельного провидения, они упорно отказываются видеть все те бедствия, причиной которых следует считать эту универсальную силу, раз она не пользуется своим могуществом, чтобы воспрепятствовать им. Нет ничего удивительного, что при их увлечении этими, как мы видели, малообоснованными взглядами их системы и вытекающие из этих систем выводы плохо согласуются друг с другом. Действительно, одни предполагают, что воображаемое существо, создав материю из ничего и удалившись затем в глубины своей сущности, навсегда предоставляет материю первоначально сообщенному ей движению. Бог нужен им только для того, чтобы породить природу; все происходящее после этого является для них лишь необходимым следствием первоначального толчка; по их мнению, бог захотел, чтобы мир существовал, но, будучи слишком великим, чтобы входить во все мелочи управления миром, предоставил ход событий действию вторичных, или естественных, причин; бог вполне равнодушен к судьбе созданных им существ, которые не находятся ни в каких отношениях с ним и ни в чем не могут потревожить его нерушимого счастья. Таким образом, наименее суеверные *деисты* делают из своего бога какое-то бесполезное для людей существо; они нуждаются в этом слове просто для обозначения первопричины, или неизвестной силы, которой они приписывают первоначальное образование или, если угодно, устройство материи, вечно сосуществующей с богом, не зная присущей природе энергии.

Другие теисты, одаренные более живым воображением, предполагают существование более определенных отношений между универсальным началом и человечеством; каждый из них в зависимости от свойств

своего темперамента расширяет или сужѝвает эти отношения, допускает известные обязанности человека по отношению к своему творцу, думает, что ради того, чтобы угодить божеству, следует подражать его мнимой благости и творить подобно ему добро. Некоторые воображают, что так как этот бог справедлив, то он предназначает награды для тех, кто делает добро, и наказания для тех, кто делает зло своим ближним. Эти люди несколько более, чем прочие, *гуманизируют* своего бога: он похож у них на государя, наказывающего или вознаграждающего своих подданных в зависимости от того, как они исполняют свои обязанности и его законы; теисты этого рода уже не довольствуются подобно чистым деистам неподвижным и равнодушным богом; им необходим бог более близкий к ним или хотя бы пригодный для объяснения некоторых из загадок вселенной. Так как каждый из этих мыслителей, которых в отличие от деистов мы будем называть *теистами*, составляет себе свою особенную религиозную систему, то они расходятся между собой во взглядах и вероучениях; неуловимые оттенки мнений постепенно приводят некоторых из них от чистого деизма к религиозному суеверию; одним словом, у них нет единомыслия и они не знают, на чем остановиться*.

* Легко заметить, что сочинения *теистов* и *деистов* обыкновенно кишат паралогизмами и противоречиями, как и сочинения теологов; их системы нередко отличаются крайней непоследовательностью. Некоторые из них утверждают, что все необходимо, отрицают духовность и бессмертие души, отказываются верить в свободу воли. Естественно спросить их: зачем же нужен тогда их бог? Они просто по привычке нуждаются в этом слове. На свете мало людей, осмеливающихся быть последовательными; но мы все же предлагаем всем *богопочитателям*, как бы они ни назывались, спросить себя: связывают ли они какое-нибудь определенное, постоянное, неизменное, совместимое с природой вещей представление с существом, называемым ими богом? Им придется убедиться, что, отличая бога от природы, они перестают понимать в нем что бы то ни было. Отвращение большинства людей к атеизму сильно напоминает *боязнь пустоты*; люди нуждаются в каком-нибудь объекте веры; их мысль не может оставаться в бездействии, особенно когда они уверят себя, что соответствующая вещь очень важна для них. В этом случае они предпочтут верить чему угодно, чем не верить ничему, считая, что такое решение благоразумнее.

Не следует удивляться этому; если бог *деистов* бесполезен, то бог *теистов* неизбежно полон противоречий. И те и другие допускают бытие существа, являющегося простой фикцией; если они считают его материальным, то оно должно входить в природу; если они считают его духовным, то у них нет никакого реального представления о нем; если же они приписывают ему нравственные качества, то у них получается какой-то человек с непомерно возросшими совершенствами, существование которых, однако, при признании этого существа творцом всего сущего на каждом шагу опровергается фактами. И действительно, когда люди испытывают страдания, они отрицают провидение, издеваются над конечными причинами, признают, что бог либо бессилен, либо же действует несогласным с представлением о его благости образом. Но не должны ли те, кто допускает существование справедливого божества, признать обязанности и предписания, налагаемые этим существом, которого нельзя оскорблять, не зная его воли? Так, теист, желая объяснить себе поведение своего бога, мало-помалу оказывается в очень затруднительном положении и, чтобы выбраться из него, бывает вынужден признать все теологические бредни, не исключая и нелепых басен, придуманных для объяснения странного способа управления этого якобы столь мудрого, столь благого и столь справедливого существа. Переходя от одного предположения к другому, ему придется добраться до грехопадения Адама, до восстания мятежных ангелов или же до преступления Прометея и ящика Пандоры, так как только таким образом удастся объяснить возникновение зла в мире, управляемом благим провидением. Придется приписать человеку свободу воли; придется признать, что творение может оскорбить своего творца, вызвать его гнев, возбудить его страсти и затем успокоить его при помощи суеверных обрядов и искупительных жертв. Если предположить, что природой управляет какая-то невидимая сила, одаренная скрытыми качествами и действующая таинственным образом, то почему не предположить также, что особые церемонии, телодвижения, слова, обряды, храмы, статуи могут

заключать в себе таинственные свойства, с помощью которых можно снискать благоволение таинственного владыки мира? Почему не поверить тогда в скрытые силы магии, теургии, чар, амулетов, талисманов? Почему не поверить во вдохновение свыше, в сны, видения, предчувствия, предзнаменования? Почему не допустить, что движущая сила вселенной, желая открыться людям, употребила недоступные нам средства и прибегла к превращениям, воплощениям, пресуществлениям? Разве все эти фантазии не вытекают из нелепых представлений людей о божестве? Разве все приписываемые ему свойства менее возможны и менее вероятны, чем представления теизма, допускающего, что какой-то непостижимый, нематериальный, невидимый бог мог создать материю и привести ее в движение; что лишенный органов бог может обладать разумом, мыслить, как люди, и обладать нравственными качествами; что разумный и мудрый бог может допускать беспорядок; что неизменный и справедливый бог способен терпеть, чтобы неповинные существа страдали хотя бы и ничтожное время? Раз допускают бога со столь противоречивыми качествами, то ничто уже не может возмущать наш разум; раз допускают подобного бога, то можно верить всему: невозможно указать ту границу, где должно остановиться воображение. Если предположить наличие отношений между людьми и этим неправдоподобным существом, то следует воздвигать в его честь алтари, постоянно обращаться к нему с молитвами, приносить ему жертвы и дары. И если мы совсем не понимаем этого существа, то разве не спокойнее всего обратиться к его служителям, которые по своей профессии должны уметь объяснять его прочим смертным? Одним словом, нет такого обряда, такого откровения или таинства, которого нам не пришлось бы признать по указанию жрецов, в разных странах по-разному обучающих людей тому, что они должны думать о богах и как им следует добиваться их милости.

Мы видим, таким образом, что нет никаких оснований отделять деистов или теистов от сторонников обрядового суеверия и что невозможно провести черту,

отделяющую их от самых легковерных, мало рассуждающих о вопросах религии людей. Действительно, трудно точным образом установить, какую дозу нелепости можно себе позволить. Деисты, отказывающиеся следовать за приверженцами обрядового суеверия во всех проявлениях их легковерия, более непоследовательны; последние, приняв на веру существование нелепого, противоречивого, странного существа, принимают также на веру и те смехотворные и странные средства, которые им рекомендуют в целях снискания его милости. Первые исходят из ложной предпосылки, отвергая ее необходимые следствия, вторые допускают и принцип, и выводы из него*. Бог, существующий

* Один весьма глубокомысленный философ правильно замечает, что в деизме должно быть столько же ересей и расколов, сколько и в обрядовой религии. У деистов общие принципы со сторонниками обрядовой религии, и последние в спорах часто одерживают верх над первыми. Если существует бог, т. е. некое существо, о котором мы не имеем никакого представления и которое, однако, находится в сношениях с нами, то можем ли мы не воздавать ему поклонения? Но чем руководствоваться в этом поклонении ему? Самое надежное — придерживаться обрядов, завещанных нам нашими родителями и рекомендуемых нам нашими жрецами, а не ломать себе голову, придумывая какой-нибудь новый культ. Какими бы нелепыми ни казались эти обряды, нам не позволено их анализировать. Поэтому спокойнее всего придерживаться этих обрядов, утешаясь тем, что непостижимая причина может действовать на нас непостижимым для нас образом, что намерения бога — это *непроницаемая бездна*, что проще всего слепо слушаться наших руководителей, что мы будем поступать очень мудро, считая их *непогрешимыми*, и т. д. Мы видим, таким образом, что последовательный *теизм* может шаг за шагом вести к самому жалкому легковерию, суевериям и даже опаснейшему фанатизму. Что такое фанатизм, как не бессмысленная страсть к богу, существующему только в воображении? *Теизм* относится к обрядовой религии так, как *реформация*, или *протестантизм*, относилась к *римско-католической религии*. Протестанты, возмущаясь некоторыми нелепыми таинствами, тем не менее признавали другие столь же нелепые таинства. Раз признан бог теологии, то в религии нет ничего такого, чего нельзя было бы не принять. На забудем, с другой стороны, что, несмотря на *реформацию*, протестанты часто обнаруживали нетерпимость; можно опасаться, что и тексты окажутся нетерпимыми, так как трудно быть индифферентным в вопросе о предмете, который считаешь самым важным. Бог опасен лишь потому, что борьба за его интересы раздирает общество на части. Но нельзя отрицать того, что чистый *теизм*, или, как его называют, *естественная*

только в воображении, требует и соответствующего культа. Вся теология есть одна сплошная фикция; во лжи, как и в истине, нет степеней. Если бог существует, то следует верить всему, что говорят о нем его служители; все бредни религиозного суеверия не более нелепы, чем лежащие в его основе противоречивые представления о божестве; все эти бредни — выводы, путем бóльших или меньших умственных ухищрений полученные мыслителями-фантастами из недоступной сущности божества, из его непостижимой природы, из его противоречивых качеств. Зачем же останавливаться на полпути? Разве найдется в какой-нибудь религии более немыслимое чудо, чем чудо творения, или выведения (éduction), из ничего? Существует ли более трудная для понимания тайна, чем непостижимый бог, бытие которого, однако, необходимо признавать? Есть ли что-либо более противоречивое, чем разумный и всемогущий зодчий вселенной, производящий только для того, чтобы уничтожать? Есть ли что-либо более бесполезное, чем присоединение к природе некоего активного начала, которое не может объяснить ни одного из естественных явлений?

Итак, самый легковерный сторонник обрядовой религии рассуждает более последовательно и более логичен в своем легковерии, чем те, кто, первоначально допустив какого-то бога, о котором они не имеют никакого представления, вдруг останавливаются и отказываются допустить систему поведения, непо-

---

религия, предпочтительнее обрядовой религии, подобно тому как *протестантизм*, уничтоживший много злоупотреблений в принявших его странах, предпочтительнее католицизма. Только неограниченная и ненарушимая свобода мысли может гарантировать спокойствие в умах. Взгляды людей опасны лишь тогда, когда им желают ставить помехи и считают необходимым заставить других мыслить так, как мыслят сами. Никакие взгляды, даже взгляды суеверных сторонников обрядовой религии, не были бы опасны, если бы последние не считали себя обязанными преследовать инакомыслящих и не имели возможности делать это; этот предрассудок необходимо уничтожить ради блага человечества; а если это невозможно, то разумная философия должна поставить себе цель убедить власть имущих, чтобы они никогда не позволяли своим подданным насильничать из-за религиозных разногласий.

средственным и необходимым образом вытекающую из их первоначальной коренной ошибки. Раз принят противоречащий разуму принцип, то какой смысл апеллировать к разуму по поводу вытекающих из этого принципа следствий, как бы нелепы они ни казались?

Повторим еще раз: к счастью для людей, человеческая мысль, лишь только она покидает чувственную природу, неизбежно впадает в заблуждения и вскоре бывает вынуждена вернуться к природе. Игнорируя природу и ее энергию, выдумывая бога, который приводит ее в движение, разум все же не способен составить себе представление о боге и вынужден делать из него человека по своему образу и подобию; он думает создать бога, придав ему свои собственные качества; он думает сделать эти качества более достойными владыки мира, чрезмерно преувеличивая их, а в действительности, нагромождая друг на друга абстракции, отрицания, преувеличения, уничтожает их или делает совершенно непонятными. Человек, перестав понимать самого себя и заблудившись в собственных вымыслах, воображает, будто он обрел бога, между тем как в действительности им выдумано какое-то фантастическое существо. Бог, наделенный нравственными качествами, создан по образцу человека; бог, наделенный атрибутами теологии, не имеет никакого образца и вовсе не существует для нас: из нелепого смехотворного сочетания двух столь различных существ может получиться лишь простой призрак, с которым у нас не может быть никаких сношений и заниматься которым совершенно бесполезно.

Действительно, чего нам ждать от такого бога, каким его рисуют? Что мы можем просить у него? Если бог духовен, то как может он приводить в движение материю и направлять ее против нас? Если он установил законы природы и наделил вещи их сущностью и качествами, если все совершающееся является доказательством и плодом его бесконечного провидения и глубокой мудрости, то зачем обращаться к нему с мольбами? Если мы станем просить его изменить ради нас неизменный ход вещей, то сумеет ли он, даже если бы захотел, отменить свои неизменные

повеления? Станем ли мы требовать, чтобы ради нас он заставил действовать вещи вопреки присущей им природе? Может ли он воспрепятствовать тому, чтобы твердое по своей природе тело вроде камня не ранило при падении хрупкого тела вроде человеческого организма, обладающего способностью чувствовать? Не станем же требовать чудес от этого бога, каким бы он ни был: несмотря на все приписываемое ему всемогущество, бог не сможет воспользоваться последним благодаря своей неизменности; его благость будет бороться с его суровой справедливостью; его разум станет мешать всяким изменениям, которые он хотел бы произвести в своих планах. Таким образом, приписывая богу несовместимые атрибуты, теология делает из него какое-то неподвижное, бесполезное для человека существо, которое не способно производить чудеса.

Быть может, нам скажут, что творец всех вещей обладает бесконечным знанием, что в созданных им существах ему известны скрытые от человеческого невежества свойства и что, не изменяя ничего ни в законах природы, ни в сущности вещей, он в состоянии вызывать явления, поражающие наш слабый разум, но нисколько не противоречащие установленному им самим порядку. Я отвечу на это, во-первых, что все согласующееся с природой вещей не может быть названо ни *сверхъестественным*, ни *чудесным*. Без сомнения, есть немало вещей, которые выше нашего разумения, но все происходящее в мире естественно, и гораздо проще приписывать его самой природе, чем какому-то верховному началу, о котором мы не имеем никакого представления. Я отвечу, во-вторых, что под словом *чудо* понимают явление, которое не способна произвести природа, как думают те, кто ее не знает. Я отвечу, в-третьих, что словом *чудо* теологи всех стран обозначают не какое-то необычайное явление природы, но факт, резко противоречащий законам этой природы, которой, однако, как уверяют нас, управляют установленные божеством законы*. С другой стороны, если

* «*Чудо*,—говорит Буддеус[3],— *это действие, благодаря которому приостанавливаются законы природы, от которых зависит порядок и сохранение вселенной*» («Traité de l'athéisme», p. 140).

бог в поражающих нас или непонятных для нас явлениях лишь приводит в действие неизвестные человеку силы, то надо заметить, что в природе нет ничего, чего нельзя было бы назвать в этом смысле чудом, так как, например, причина падения камня нам также не известна, как причина вращения земного шара. Наконец, если бог, делая чудо, пользуется лишь своим особым знанием природы, чтобы поражать нас, то он поступает просто как некоторые ловкие или более знающие люди, которые, спекулируя на незнании толпы, приводят ее в удивление своими фокусами и чудесными секретами, используя ее невежество или недомыслие. Объяснять явления природы при помощи чудес — значит просто утверждать, что истинная причина этих явлений не известна; приписывать их какому-то богу — значит сознаваться в том, что не знаешь возможностей природы и нуждаешься в каком-нибудь слове для их обозначения, значит верить в магию. Приписывать бесконечно разумному, мудрому и неизменному существу чудеса, при помощи которых оно отменяет свои законы,— значит сводить на нет все его качества. Всемогущий бог не нуждался бы ни в каких чудесах, чтобы управлять миром или убеждать созданные им существа, ум и сердце которых и без того были бы в его руках. Чудеса, о которых говорят все религии на свете, ссылаясь на них как на доказательство интереса всевышнего к людям, доказывают лишь непостоянство этого существа и неспособность его убедить людей в том, что он хочет им внушить.

Наконец, нам приводят последний довод: нас начинают спрашивать, не лучше ли зависеть от мудрого, разумного и благого существа, чем от слепой природы, в которой мы не находим ни одного утешительного качества, или от роковой необходимости, неумолимо равнодушной к нашим воплям. Я отвечу, во-первых, что реальность вещей вовсе не зависит от нашей заинтересованности в них и если бы даже нам было выгоднее иметь дело со столь благосклонным к нам существом, каким изображают бога, то этим все же еще не доказывалось бы бытие этого существа. Я отвечу, во-вторых, что это столь мудрое и благое

существо нам рисуют, с другой стороны, как безрассудного тирана и человеку выгоднее зависеть от слепой природы, чем от существа, добрые качества которого постоянно опровергаются самими же теологами. Я отвечу, в-третьих, что если мы станем правильно изучать природу, то сумеем благодаря этому стать настолько счастливыми, насколько это только допускает наша сущность. Когда, прибегнув к содействию опыта и разума, мы подвергаем исследованию природу, она раскрывает нам наши обязанности, т. е. необходимо обусловленные ее вечными и необходимыми законами средства обеспечения нашего самосохранения, нашего счастья и счастья общества, без которого мы не можем быть счастливыми на земле. В природе мы находим все необходимое для удовлетворения наших физических потребностей; в природе мы находим обязанности, без которых не можем жить счастливо в отведенной нам области. Вне природы мы находим лишь пагубные призраки, благодаря которым не знаем своих обязанностей ни по отношению к самим себе, ни по отношению к существам, с которыми мы связаны узами общественной жизни.

Таким образом, природа вовсе не является по отношению к нам мачехой; мы не зависим от неумолимого рока. Обратимся же к природе; она доставит нам всяческие блага, если мы воздадим ей должные почести; она доставит нам средства преодолеть наши физические и духовные бедствия, если мы станем советоваться с ней; она карает нас и обнаруживает к нам строгость лишь тогда, когда, отвернувшись от нее, мы начинаем кощунственно кадить фимиам идолам, возведенным нашим воображением на принадлежащий ей трон. Она наказывает неуверенностью, ослеплением, раздорами, безумием всех тех, кто сажает на принадлежащее ей место тлетворного бога.

Если бы даже мы признали на мгновение эту природу мертвой, бездушной, слепой или сделали из случая владыку вселенной, то не лучше ли для нас было бы зависеть от абсолютного небытия, чем от бога, которого необходимо знать, но о котором нельзя получить никакого представления и с которым при жела-

нии составить себе такое представление приходится связывать самые противоречивые, неприятные, возмутительные и пагубные для человеческого спокойствия понятия? Не лучше ли зависеть от рока или судьбы, чем от какого-то безрассудного бога, наказывающего созданную им тварь за недостаточный разум и знания, которые он сам же ей дал? Не лучше ли броситься в объятия слепой, лишенной мудрости и каких бы то ни было планов природы, чем всю жизнь дрожать под бичом всемогущего разума, для того только и создавшего свои величественные планы, чтобы жалкие смертные обладали свободой противоречить им и нарушать их, неизменно становясь благодаря этому жертвами его неумолимого гнева*.

Глава VIII

О ВЫГОДАХ, ПРОИСТЕКАЮЩИХ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ИЗ ИХ ПОНЯТИЙ О БОЖЕСТВЕ, ИЛИ О ВЛИЯНИИ ЭТИХ ПОНЯТИЙ НА МОРАЛЬ, ПОЛИТИКУ, НАУКУ, СЧАСТЬЕ НАРОДОВ И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

Мы видели до сих пор, как мало обоснованы представления людей о божестве, как слабы их доказательства в пользу его бытия, как несогласны между собой их мнения об этом недоступном познанию существе. Мы убедились во внутренней противоречивости атрибутов, приписываемых богу теологией. Мы доказали, что это существо, одно имя которого способно нагнать страх, является всего лишь уродливым плодом невежества, запуганного воображения, мечтательности и меланхолии. Мы показали, что понятия о нем имеют

* Хотя милорд Шефтсбери[4] является очень ревностным теистом, но он правильно замечает, что «многие добродетельные люди стали бы спокойнее душой, если бы получили уверенность в том, что они зависят только от слепого рока: мысль о том, что бог существует, вызывает у них больший трепет, чем мысль о том, что он не существует». См. «Письмо об энтузиазме»; см. также ч. II гл. XIII этого сочинения.

своим источником предрассудки детства; переданные воспитанием, укрепленные привычкой, питаемые страхом, они поддерживаются затем силой авторитета. Словом, все должно было убедить нас в том, что столь распространенное на земле представление о боге является всеобщим заблуждением человеческого рода. Остается рассмотреть, полезно ли это заблуждение.

Никакое заблуждение не может быть полезно человечеству: оно всегда основывается на его невежестве или умственном ослеплении. Чем больше значения станут придавать люди своим предрассудкам, тем гибельнее для них будут их заблуждения. Поэтому Бэкон был вполне прав, говоря, что *самая скверная вещь — это обожествленное заблуждение.* Действительно, плоды религиозных заблуждений были и всегда будут самыми пагубными для человечества и распространенными среди него. Чем больше мы станем почитать эти заблуждения, тем больше они будут воздействовать на наши страсти, смущать нашу мысль, делая нас совершенно безрассудными, и влиять на все наше поведение. Трудно рассчитывать, чтобы человек, отказывающийся пользоваться своим разумом в том, что, как он думает, наиболее важно для его счастья, стал прибегать к нему при каких-нибудь других обстоятельствах.

Достаточно немного поразмыслить, чтобы вполне убедиться в этой печальной истине и увидеть в гибельных представлениях людей о божестве подлинный источник всех их предрассудков и бедствий, жертвами которых они являются. Но как было раньше сказано, польза является единственным критерием при оценке взглядов, учреждений, теорий и поступков разумных существ; мы должны ценить все эти вещи лишь по доставляемому ими нам счастью; если они бесполезны нам, мы должны отвернуться от них; если они пагубны, мы должны отвергнуть их; согласно указаниям разума, мы должны относиться к ним с тем большим отвращением, чем вреднее они для нас.

Давайте же рассмотрим хладнокровно результаты, получившиеся для человечества от религиозных учений, исходя из принципов, основанных на нашей

природе и бесспорных для всякого разумного существа. Мы уже неоднократно указывали в этом произведении, что объект нравственности — человек, стремящийся к самосохранению и живущий в обществе, и что мораль не имеет ничего общего с фантастическими теориями о какой-то отличной от природы силе; мы доказали, что в самой природе одаренного разумом и способностью чувствовать существа имеется достаточно побудительных мотивов для того, чтобы сдерживать страсти, бороться с порочными наклонностями, избегать преступных привычек, быть полезным и дорогим тем существам, в которых оно постоянно нуждается. Эти мотивы, несомненно, истиннее, реальнее, могущественнее, чем те, корень которых ищут почему-то в воображаемом существе, представляющемся совершенно различно всем тем, кто размышляет о нем. Мы показали, что воспитание, привив нам с ранних лет добродетельные привычки и разумные склонности, укрепляемые впоследствии законами, влиянием общественного мнения, требованиями приличия, желанием заслужить уважение окружающих и боязнью потерять самоуважение, способно само по себе приучить нас к добропорядочному поведению и отвратить даже от тайных преступлений мыслью о будущих муках стыда и угрызениях совести. Опыт убеждает нас, что первое увенчавшееся успехом тайное преступление предрасполагает к совершению второго преступления, которое в свою очередь влечет за собой третье; что первый поступок — начало привычки; что гораздо меньшее расстояние отделяет сотое преступление от первого, чем первое преступление от невинности; что человек, совершающий ряд дурных поступков в расчете на безнаказанность, ошибается, потому что в конце концов он сам наказывает себя, и к тому же не может знать, где остановится. Мы показали, что наказания, во имя собственных интересов устанавливаемые обществом для нарушителей его покоя, являются для людей, нечувствительных к прелестям добродетели или к вытекающим из нее выгодам, более реальными, действенными и актуальными препятствиями, чем мнимый гнев или отдаленные кары, исходящие от какой-то невидимой силы, представле-

ние о которой улетучивается из их памяти, когда они считают себя находящимися в безнаказанности в этом мире. Наконец, легко понять, что политика, основывающаяся на природе людей и общества, руководствующаяся справедливыми законами, надзирающая за нравами людей, вознаграждающая добродетель и карающая преступление, способна внушить уважение к нравственности и придать ей священный характер более, чем призрачный авторитет почитаемого всеми бога, который удерживает только лиц, и без того сдерживаемых спокойным темпераментом и добродетельными принципами.

С другой стороны, мы доказали, что крайне опасно и нелепо приписывать божеству такие человеческие качества, как благость, мудрость, справедливость, которым противоречат на каждом шагу злоба, беспорядки в мире, несправедливый деспотизм — факты, всегда приписывавшиеся всеми теологами тому же самому божеству. Отсюда легко заключить, что бог, которого наделяют столь противоположными чертами, не может служить образцом для поведения людей и его моральный облик нельзя ставить в пример живущим в обществе существам, которые считаются добродетельными лишь в том случае, если они всегда придерживаются добросердечия и справедливости по отношению к своим ближним. Верховное божество, не имеющее никаких обязанностей по отношению к своим подданным и ни в ком не нуждающееся, не может быть образцом для своих творений, которые имеют бесчисленные потребности и поэтому чем-то обязаны друг другу.

Платон сказал, что *добродетель заключается в том, чтобы походить на бога.* Но где найти этого бога, на которого должен походить человек? В природе? Но, увы! тот, кого считают ее творцом, с полным безразличием насылает на человечество великие бедствия и оказывает ему великие благодеяния; он часто несправедлив к людям чистейшей души, осыпая величайшими милостями отъявленнейших негодяев, и если, как нас уверяют, он в один прекрасный день окажется более справедливым, то мы станем ожидать этой поры, чтобы потом подражать его поведению.

Может быть, мы станем черпать свои представления о добродетели в основывающихся на откровениях религиях? Увы! Разве все они не говорят нам о деспотичном, ревнивом, мстительном, корыстном боге, который не признает никаких правил, во всем следует своим капризам, любит или ненавидит, выбирает или отвергает по прихоти своей фантазии, поступает как безумный, тешится убийствами, грабежами, преступлениями, точно игрушками, играет своими жалкими подданными, предъявляет к ним нелепые требования, постоянно ставит им ловушки и строго запрещает им пользоваться своим разумом? Во что бы превратилась мораль, если бы люди взяли себе за образец таких богов?

А между тем все народы поклоняются такого рода божествам. Но поэтому-то во всех странах религия не только не благоприятствует нравственности, но, наоборот, колеблет и разрушает ее. Вместо того чтобы соединять людей, она их разделяет. Вместо того чтобы любить друг друга и оказывать друг другу помощь, люди ссорятся между собой, презирают, ненавидят, преследуют друг друга, часто истребляют друг друга из-за одинаково нелепых мнений: малейшее различие в их религиозных взглядах сразу превращает их во врагов с противоположными интересами, вечно борющихся друг с другом. Из-за теологических гипотез целые народы становятся врагами, монарх ополчается против своих подданных, граждане воюют со своими согражданами, отцы ненавидят своих детей, последние вонзают меч в грудь своих отцов, супруги расходятся, родные ссорятся между собой, все узы разрываются, общество раздирает себя собственными руками, а посреди этого ужасного хаоса каждый утверждает, будто он поступает сообразно с намерениями своего бога, и нисколько не упрекает себя за совершаемые им во имя этого бога преступления.

Мы встречаем те же нелепости и безумства в обрядах и церемониях, которые, по-видимому, ставятся всеми религиями значительно выше социальных или естественных добродетелей. В одном случае матери приносят в жертву собственных детей, чтобы насытить своего

бога; в другом — жители устраивают церемонии, чтобы утешить своего бога и заставить его забыть якобы нанесенные ему оскорбления, и приносят ему человеческие жертвы. В некоторых странах фанатики, желая успокоить гнев своего бога, терзают свою плоть и обрекают себя на мучительный покаянный подвиг в течение всей жизни. Еврейский Иегова — это подозрительный тиран, только и думающий о крови, убийстве, резне и требующий, чтобы его кормили дымом от сожженных животных. Языческий Юпитер — это чудовище распутства. Финикийский Молох — просто людоед. Христианский чистый дух требует для успокоения своей ярости, чтобы убили его собственного сына. Дикого, кровожадного бога мексиканцев можно насытить только тысячами человеческих жертв.

Таковы боги, таковы эти образцы для людей, какими их рисуют все религии. После этого нет ничего удивительного, что имя бога стало у всех народов синонимом страха, безумия, жестокости, бесчеловечности и постоянно служит предлогом для возмутительнейшего нарушения нравственных обязанностей. Если у бога такой отвратительный характер, то естественно, что доброта исчезает из сердец людей, нравственность — из их поведения, разум и счастье — из их жилищ; подозрительность бога по отношению к образу мыслей несчастных смертных вооружает их друг против друга, заставляет их заглушать голос природы, делает их варварски жестокими по отношению к самим себе и своим ближним; одним словом, желая подражать своему обожаемому идолу, ревностно служить ему и удостоиться его любви, они становятся какими-то безумцами, или бесноватыми.

Таким образом, не на Олимпе должны мы искать образцы добродетели и правила поведения, необходимые для жизни в обществе. Людям нужна человеческая мораль, основывающаяся на природе человека, неизменном опыте и разуме; мораль богов всегда будет вредной на земле; жестоким богам могут усердно служить лишь столь же жестокие поклонники. К чему же сводятся все огромные выгоды, якобы вытекающие из этих бесчисленных религиозных вероучений? Мы видим,

что у всех народов бог оказывается в высочайшей степени злобным существом; чтобы сообразоваться с его намерениями, религии постоянно нарушают элементарнейшие требования человечности; можно подумать, что они рассчитывают снискать милость верховного разума, благость которого так прославляют, только преступлениями и безумствами. Когда речь заходит о религии, т. е. о призраке, вознесенном благодаря его непонятности превыше разума и добродетели, то люди считают своей обязанностью дать простор всем своим страстям; они забывают очевиднейшие предписания морали, лишь только их жрецы заявят им, что божество требует от них преступления или же что они могут загладить свою вину перед ним какими-нибудь злодеяниями.

Не у этих почитаемых по всему свету людей, возвещающих волю неба, мы найдем подлинные добродетели. Эти фанатики, называющие себя служителями всевышнего, часто проповедуют во имя бога лишь ненависть, сеют раздоры и вражду; божество не только не влияет на их собственные нравы благоприятным образом, но обыкновенно делает их лишь более честолюбивыми, жадными, закоснелыми, упрямыми и тщеславными. Своими непонятными спорами они постоянно раздувают вражду между людьми; они борются с верховной властью, желая подчинить ее себе. Они вооружают правителей наций против своих подданных и этих последних против законных государей; они раздают легковерным народам кинжалы, чтобы убивать друг друга в пустых и ничтожных спорах, которым придает значение лишь тщеславие жрецов. Но пользуются ли люди, столь убежденные в существовании бога и угрожающие народам его вечной местью, этим чудесным учением, чтобы умерить свою собственную гордость и жадность, свой мстительный и буйный нрав? Являются ли эти люди врагами разврата, невоздержности и излишеств, запрещаемых суровым богом его почитателям в странах, где их влияние особенно сильно и где они пользуются безнаказанностью? Наоборот, именно здесь они особенно готовы на преступления, бесстрашны в своей неправедности, дают полный простор своему

беспутству, своей мстительности, ненависти и жестокой подозрительности. Одним словом, можно спокойно утверждать, что люди, проповедующие по всей земле учение о грозном боге и заставляющие нас трепетать перед ним, без конца размышляющие о нем, доказывающие его существование другим людям, приписывающие ему разные пышные атрибуты, называющие себя истолкователями его воли, выводящие из него все требования нравственности, оказываются менее всего добродетельными, гуманными, снисходительными и пригодными для общественной жизни. Рассматривая их поведение, можно подумать, что они совершенно разуверились в идоле, которому служат, и лучше других знают цену угрозам, произносимым ими во имя его. В руках жрецов божество повсюду походит на голову Медузы, которая, не будучи опасна для того, кто ее показывал, превращала в камень всех других. Священники обыкновенно величайшие плуты среди людей; лучшие из них откровенно злые люди.

Оказывает ли представление о карающем и вознаграждающем существе более полезное влияние на государей, этих земных богов, основывающих свою власть и свои права на величие на самом божестве, пользующихся его грозным именем, чтобы устрашать народы, которых их прихоти так часто делают несчастными? Увы! Теологические, сверхъестественные идеи, усвоенные гордыми повелителями, лишь исказили методы управления, превратив его в тиранию. Разве служители всевышнего, которые сами всегда бывают тиранами или же потворствуют тиранам, не убеждают постоянно монархов, что они являются образами всевышнего? Не говорят ли эти служители легковерным народам, что по воле неба последние должны стенать и терпеть величайшие и многочисленнейшие несправедливости; что страдание есть их удел; что их государи, как и верховное существо, обладают бесспорным правом располагать имуществом, личностью, свободой, жизнью своих подданных? Разве вожди народов, умы которых отравлены ядом этого учения, не воображают, что им все позволено? Представляя небесную власть и соперничая с нею, не предаются ли они по ее примеру

самому произвольному деспотизму? Не воображают ли эти люди под влиянием опьянения от лести жрецов, что подобно богу они не ответственны перед кем-либо в своих действиях, что у них нет никаких обязанностей по отношению к прочим смертным, что они ничем не связаны со своими несчастными подданными?

Одним словом, ясно, что теологические учения и подлая лесть служителей божества породили деспотизм, тиранию, разврат государей и ослепление народов, которым во имя бога запрещают любить свободу, трудиться для своего счастья, противиться насилию, пользоваться своими естественными правами. Государи, поклоняясь мстительному богу и заставляя других поклоняться ему, в то же время на каждом шагу нарушают его требования своим беспутным образом жизни и своими преступлениями. Действительно, какую картину представляет нравственность людей, выдающих себя за живой образ божества, за его представителей на земле! Разве являются атеистами эти привыкшие быть жестокими и несправедливыми монархи, которые вырывают хлеб из рук голодных народов, чтобы дать возможность роскошествовать своим ненасытным царедворцам—гнусным орудиям своей несправедливости? Разве являются атеистами эти честолюбивые завоеватели, которые, не довольствуясь угнетением своих собственных подданных, несут разорение, бедствия и смерть подданным других государей? Что такое эти цари, обладающие *божественным правом* управлять народами, как не бессовестные и бессердечные честолюбцы, бесхарактерные и лишенные доблести люди, пренебрегающие самыми элементарными обязанностями, с которыми они даже не желают познакомиться? Что они такое, как не обладающие могуществом люди, нагло попирающие правила естественной справедливости*, мошенники, издеваю-

* Император Карл V любил говорить, что, как *военный человек, он не может поступать по совести и исходить из религии.* Его генерал маркиз Пескер утверждал, что *нет ничего труднее, чем служить одновременно Иисусу Христу и богу Марсу.* Вообще нет ничего более противоречащего духу христианства, чем военное дело. Однако у христианских государей имеются многочисленные армии и они постоянно воюют. Мало того, можно утверждать, что духовенство было бы очень огорчено, если бы люди стали букваль-

щиеся над честными людьми? Есть ли хоть тень искренности в союзах, заключаемых этими обожествленными государями? Встречаем ли мы хоть малейшую подлинную добродетель даже у самых набожных государей? Мы видим, что это просто разбойники, слишком высокомерные, чтобы быть гуманными, слишком сильные, чтобы быть справедливыми, составившие себе особый кодекс из вероломства, насилия, предательства; мы видим, что это злодеи, всегда готовые накидываться друг на друга и вредить друг другу; мы видим, что это какие-то вечно воюющие между собой бесноватые, из-за вздорных пустяков разоряющие своих подданных и вырывающие друг у друга сочащиеся кровью живые куски тела народов; можно было бы сказать, что они стараются отнять друг у друга честь причинить наибольшее количество зла на земле! Наконец, устав от собственных безумств или вынужденные силой необходимости заключить мир, они в лукавых договорах призывают имя божье, готовые нарушить свои самые торжественные клятвы, если только этого потребует их ничтожнейший интерес*.

Вот какое влияние оказывает представление о боге на государей, называющих себя его образами и утверждающих, будто они обязаны отдавать отчет за свои поступки лишь одному всевышнему. Среди этих представителей божества за тысячи лет с трудом найдется какой-нибудь справедливый и гуманный государь, обладающий самыми заурядными талантами и добродетелями. Отупевшие от суеверия, народы допускают, чтобы какие-то испорченные лестью дети управляли ими при помощи железного скипетра, которым эти неосторожные правители, не замечая того, ранят самих себя; эти безрассудные люди, став своего рода богами,

---

по следовать правилам Евангелия и заповедям христианского милосердия, так как это нисколько не согласуется с его интересами. Духовенство нуждается в солдатах для защиты своих учений и своих привилегий. Это показывает нам, насколько религия способна обуздывать людские страсти.

* «Nihil est quod credere de se non possit, cum laudatur dis aequa potestas». [«Нет ничего, что не мог бы возомнить о себе тот, кого славословят как равного богам по своему могуществу».] *Juven.*, Sat. IV, 70.

являются господами над законом; они сами принимают все решения за общество, речь которого скована; они обладают властью творить и справедливость, и несправедливость; они освобождают себя от правил, налагаемых их прихотью на других людей; они не знают ни связей с людьми, ни обязанностей по отношению к ним; они не привыкли ни бояться, ни краснеть от стыда, ни испытывать угрызений совести; их распущенность безгранична, так как они уверены в безнаказанности; поэтому они пренебрегают общественным мнением, требованиями приличия, суждениями людей, которых могут раздавить тяжестью своей колоссальной власти. Обыкновенно они предаются порокам и распутству, так как скука и отвращение, следующие за чувством пресыщения от удовлетворенных страстей, заставляют их прибегать к странным удовольствиям, к дорогостоящим увлечениям, чтобы пробудить к деятельности свои заснувшие души. Одним словом, привыкнув бояться только бога, они ведут себя так, точно им решительно нечего бояться.

История показывает нам во всех странах галерею порочных и зловредных государей; между тем мы лишь редко видим в ней государей-атеистов. Наоборот, в летописях народов мы находим множество суеверных, проводивших свою жизнь в лености, чуждавшихся всякой доблести, добрых лишь по отношению к своим жадным царедворцам, нечувствительных к бедствиям своих подданных, управляемых их любовницами и недостойными фаворитами, государей, заключивших союз с жрецами против благополучия народов; наконец, мы встречаем и таких монархов, которые, чтобы угодить своему богу или искупить свое гнусное беспутство, присоединяли ко всем своим прочим злодеяниям тиранию по отношению к мысли и преследование инакомыслящих граждан вплоть до их истребления. Суеверие соединяется у государей с ужаснейшими преступлениями; почти все они религиозны, но лишь очень немногие из них знакомы с требованиями истинной нравственности или обнаруживают в своем поведении добродетель. Религиозные учения делают их только более слепыми и жестокими; они убеждены

в благосклонности неба; они уверены, что удовлетворяют своих богов, если исполняют бесполезные обряды и смехотворные обязанности, налагаемые на них религиозным суеверием. Нерон, жестокий Нерон, сразу после убийства своей матери с руками, еще обагренными ее кровью, добивался посвящения в элевзинские таинства. Гнусный Константин нашел в лице христианских священников соучастников всех своих злодеяний. Отвратительный Филипп, прозванный за свою жестокость и честолюбие *демоном Юга*, этот убийца жены и сына, в набожном усердии приказал истребить голландцев за их религиозные убеждения. Так религиозное ослепление внушает государям мысль, будто они могут искупить одни злодеяния другими, еще большими!

Словом, на основании поведения всех этих столь религиозных и в то же время столь мало добродетельных государей мы вправе заключить, что представления о божестве не только не полезны им, но, наоборот, портят их, делают их более дурными, чем они являются от природы. Мы вправе заключить, что никогда страх перед мстительным богом не может сдержать обготворенного тирана, достаточно могущественного или бесчувственного, чтобы не бояться упреков или ненависти людей, достаточно жестокого, чтобы не сжалиться над бедствиями человечества, от которого он считает себя совершенно отличным. Ни на небе, ни на земле нельзя найти никакого средства против столь извращенного существа; нет узды, способной сдержать его страсти, которые постоянно разнуздывает и распаляет сама религия. Если человек надеется на легкое искупление преступлений, то он легко предается им. Беспутнейшие люди часто очень религиозны; религия доставляет им возможность возмещать исполнением обрядов то, чего им не хватает в нравственном смысле; гораздо легче усвоить какие-нибудь догматы и сообразоваться с известными церемониями, чем отказаться от своих привычек или оказать сопротивление своим страстям.

Если религия испортила вождей народов, то естественно, что и сами народы должны были развратиться.

Вельможи стали подражать порокам государей; пример сильных мира сего, которых народ считает счастливцами, оказался заразительным для самого народа; дворы государей стали клоаками, распространявшими заразу порока. Законодательство превратилось в какой-то произвол; юстиция стала несправедливой и пристрастной; у правосудия всякий раз оказывалась повязка на глазах, когда речь шла о бедняках; истинные представления о справедливости были забыты; при небрежном отношении к воспитанию стали подрастать только невежественные, безрассудные, суеверные, всегда готовые вредить друг другу люди; религия, опираясь на поддержку тирании, заменила все; она сделала слепыми и покорными народы, которые решило обобрать правительство*.

Так народы, лишенные разумного управления, справедливых законов, полезных учреждений и правильного воспитания, удерживаемые жрецами и государями в невежестве и бесправии, стали религиозными и развратными. Была забыта природа человека, истинные интересы общества, реальные выгоды государя и народа; естественно, что вместе с этим была подвергнута забвению и мораль природы, основывающаяся на сущности общественного человека. Совсем забыли, что человек обладает известными потребностями, что общество существует лишь для того, чтобы облегчить ему отыскание средств к удовлетворению этих потребностей, что правительство должно стремиться к счастью и охране общества и, следовательно, обязано прибегать для этого к соответствующим побуждениям, способным влиять на разумные существа. Не понимали, что награды и наказания являются могущественными факторами, которыми может успешно воспользоваться государственная власть, заставив с их помощью граждан объединить свои усилия и трудиться для своего

* Макиавелли в главах XI, XII и XIII своих *«Политических рассуждений о Тите Ливии»* пытается доказать, что религиозное суеверие было полезно для Римской республики, но, к несчастью, приводимые им в подтверждение этого тезиса примеры доказывают лишь, что Сенат эксплуатировал невежество народа, чтобы держать его в подчинении.

счастья, трудясь для счастья общественного целого. Социальные добродетели пребывали в неизвестности; любовь к отечеству стала призраком; люди, жившие в обществе, думали лишь о том, чтобы вредить друг другу, мечтая только о благосклонности к ним государя, который с своей стороны считал выгодным для себя вредить всем.

Вот как испортились человеческие сердца; вот где настоящий корень морального зла и той закоренелой, наследственной, заразительной развращенности, которая царит на земле. Для борьбы со всем этим злом обратились к помощи религии, той самой религии, которая его породила; вообразили, будто небесные угрозы могут подавить страсти, которые все, точно нарочно, пробуждало в сердцах. Почему-то уверили себя, будто достаточно какой-то идеальной, метафизической плотины, страшных сказок и далеких призраков, чтобы сдержать естественные желания и бурные наклонности. Полагали, что невидимые силы окажутся могущественнее всех видимых сил, открыто толкающих людей на путь зла. Думали, что все будет улажено, если удастся занять умы мыслью о темных призраках, неопределенных страхах, мстительном божестве; и политики бездумно уговорили себя, будто слепое подчинение народов служителям божества в их интересах.

Что же получилось благодаря этому? У народов осталась лишь жреческая и теологическая мораль, приноровленная к непостоянным интересам и видам жрецов, которые заменили истины произвольными фантазиями, добродетели — обрядами, разум — религиозным ослеплением, общественные симпатии — фанатизмом. Благодаря излишнему доверию народов к служителям божества в каждом государстве установились две различные, постоянно воюющие между собой власти; жрец боролся с государем при помощи грозного оружия общественного мнения; последнее обыкновенно оказывалось достаточно могущественным, чтобы низвергать троны*. Государь мог быть спокойным

* Любопытно заметить, что жрецы, беспрестанно проповедующие народам покорность государям, власть которых имеет небесное происхождение и которые представляют собой образ божества,

лишь в том случае, если, будучи смиренно предан жрецам и послушен их урокам, он подчинялся всем их фантазиям. Честолюбивые, нетерпимые, беспокойные жрецы побуждали государя разорять собственные владения; они толкали его на путь тирании; они примиряли с ним небо, когда он начинал бояться, что своими поступками раздражает его. Таким образом, мораль нисколько не выиграла от соединения этих двух враждебных сил; народы не стали от этого ни счастливее, ни добродетельнее; их нравственность, счастье и свобода только пострадали от объединения сил небесного и земного богов. Государи, в интересах которых было необходимо сохранение теологических учений, столь лестных для их гордости и столь благоприятных для их насильнической власти, обыкновенно шли рука об руку со жрецами; они считали собственные религиозные взгляды наиболее полезными для своих интересов и видели врагов во всех тех, кто отказывался признавать эти взгляды. Религиознейший государь из набожности или из политических соображений становился палачом части своих подданных; он считал святым долгом насиловать свободную мысль, притеснять и истреблять врагов жрецов, всегда принимая их за врагов собственной власти. Уничтожая их, он воображал, что одновременно делает угодное небу и необходимое для собственной безопасности дело. Он не понимал, что, принося столько жертв ради жрецов, он усиливает врагов своей власти, соперников своего могущества, самых непокорных из своих подданных.

Действительно, благодаря ложным взглядам, которыми так давно заполнены умы государей и суеверных народов, в общественной жизни все способствует удовлетворению гордости, своекорыстия и мстительности

начинают говорить совершенно иным языком, если государь перестает им слепо подчиняться. Духовенство поддерживает деспотизм лишь для того, чтобы направлять его удары против своих врагов; оно свергает его, если находит его враждебным своим интересам. Служители невидимых сил проповедуют покорность видимым силам лишь в том случае, если последние смиренно им подчиняются.

жреческого сословия. Повсюду эти опаснейшие, бесполезнейшие, беспокойнейшие люди находятся в особенно привилегированном положении. Эти прирожденные враги верховной власти взысканы ее милостями и почестями; эти непокорнейшие подданные признаются опорой трона; этим развратителям юношества обеспечивается монополия на воспитание; эти ничего не делающие граждане получают огромное вознаграждение за свою праздность, свои вздорные метафизические рассуждения, свои гибельные раздоры, свои бесполезные молитвы и искупительные жертвы, столь опасные для нравов тем, что они облегчают путь к преступлениям.

Тысячелетиями народы и государи разоряли себя, чтобы обогатить служителей богов, дать им возможность утопать в роскоши, осыпать их почестями, титулами, привилегиями, сделать из них дурных граждан. Но что пожали народы и цари в награду за свои неосторожные благодеяния и свою благочестивую расточительность? Стали ли от этого государи могущественнее, а народы счастливее, просвещеннее, разумнее? Конечно, нет. Государи потеряли значительнейшую часть своего авторитета, они стали рабами своих жрецов или же должны были непрерывно бороться с ними, и наибольшая доля общественных богатств пошла на то, чтобы содержать в праздности, роскоши и пышности бесполезнейших и опаснейших членов общества.

Улучшилась ли нравственность народов под руководством столь дорого оплачиваемых наставников? Увы! О нравственности вовсе не говорили верующим; религия заменила для них все; служители бога, заботясь лишь о сохранении догматов и обычаев, полезных для их собственных интересов, занимались только тем, что придумывали какие-то вымышленные преступления, увеличивали число тягостных и нелепых обрядов, чтобы использовать несоблюдение этих обрядов своими рабами. Они повсеместно ввели монополию на искупительные жертвы, завели торговлю мнимыми небесными милостями, установили особый тариф за всякого рода проступки, причем самыми тяжкими всегда были те, которые считались жрецами особенно вредными для

них самих. Неопределенные, лишенные смысла слова вроде *безбожие*, *кощунство*, *ересь*, *богохульство* и т. д. (слова, связанные, очевидно, с вещами, представляющими интерес для одних лишь жрецов) внесли в умы бóльшую тревогу, чем реальные и действительно важные с общественной точки зрения преступления. Так взгляды народов стали превратными: воображаемые преступления начали страшить их гораздо более, чем настоящие злодеяния. К человеку, придерживавшемуся иных религиозных взглядов и теорий, чем жрецы, стали относиться с бóльшим ужасом, чем к убийце, тирану, деспоту, вору, обольстителю, соблазнителю. Величайшим преступлением оказалось презрение к тому, на что жрецы указывали как на священные вещи*. Гражданские законы только усилили эту путаницу в умах; они установили тяжкие кары за фантастические, созданные воображением преступления: сжигали еретиков, богохульников, неверующих; но зато не было установлено наказаний для соблазнителей невинности, прелюбодеев, мошенников и клеветников.

Чем могла стать молодежь при подобных наставниках? Ею бессовестно пожертвовали в угоду религиозному суеверию. Человека с детства отравляли ядом непонятных учений; его пичкали тайнами и баснями; ему преподносили учение, которое он вынужден был принимать, ничего не понимая в нем; его мысль заполняли пустыми призраками; ему забивали голову священными пустяками, ребяческими обязанностями, заученными молитвами**. Он должен был тратить драгоценное время на различные обряды и церемонии; его

---

* Знаменитый Гордон говорит, что *величайшая из ересей — верить, что есть какой-то другой бог, кроме духовенства.*

** Суеверие до того притупило мысль, сделав из людей простые машины, что есть немало стран, где народы не понимают языка, на котором с ними говорят об их боге. Есть женщины, которые всю свою жизнь только тем и занимаются, что поют латинские песнопения, ни слова не понимая по-латыни. Народ, ничего не понимающий в богослужении, однако очень аккуратно присутствует на нем, полагая, что с него достаточно показываться своему богу и что последний доволен, если люди приходят скучать в храмах божьих.

голову заполнили софизмами и заблуждениями; его опьянили фанатизмом; в него навсегда вселили предубеждение к разуму и к истине; энергии его души были повсюду поставлены препятствия; его лишили лучших устремлений; он не мог стать полезным своим ближним; придавая исключительное значение богословию или, вернее, систематическому невежеству, служащему основой религии, добились того, что плодороднейшая почва стала производить сорную траву.

Сумело ли церковное и религиозное воспитание сформировать членов общества, отцов семейств, супругов, справедливых хозяев, верных слуг, покорных подданных, миролюбивых граждан? Нисколько. Оно породило угрюмых ханжей, бывших в тягость себе самим и другим, или же беспринципных людей, быстро забывавших все внушенные им страхи и не считавшихся ни с какими предписаниями морали. Религия была поставлена выше всего; фанатику сказали, что *лучше повиноваться богу, чем людям*; под влиянием этого он решил, что надо бунтовать против своего государя, расходиться с женой, ненавидеть детей, покидать друга, убивать своих сограждан, если только этого требуют интересы неба. Одним словом, в тех случаях, когда религиозное воспитание оказывало свое влияние, оно лишь развращало юные сердца, забивало вздором юные головы, портило юные души, заглушало у человека сознание своих обязанностей по отношению к самому себе, обществу и окружающим его существам.

Сколь многого достигли бы народы, употребив на полезные вещи богатства, так неразумно и позорно потраченные на служителей обмана! Какие чудеса сотворил бы человеческий гений, если бы в его распоряжение были предоставлены те ресурсы, которые в течение стольких веков предоставлялись людям, всегда мешавшим его полету! Как усовершенствовались бы полезные науки, искусства, мораль, политика, истина, если бы им оказывалось то же содействие, что и лжи, безумию, бесполезному фанатизму!

Таким образом, ясно, что теологические учения всегда были и будут враждебны здравой политике и здравой морали; они превращают государей в зловред-

ные, неспокойные и ревнивые божества; они делают из подданных завистливых и злых рабов, которые воображают, что при помощи вздорных обрядов или внешнего воспринятия каких-то непонятных учений можно в полной мере загладить причиняемое ими друг другу зло. Люди, которые никогда не осмеливаются рассмотреть вопрос о существовании карающего и награждающего бога; которые уговаривают себя, что их обязанности основываются на воле божьей и уверяют, будто бог желает, чтобы они жили в мире, любили друг друга и помогали друг другу, воздерживались от зла и творили добро, — быстро забывают все подобные отвлеченные умозрения, лишь только ими завладевают их страсти, интересы, привычки, прихоти. Где же справедливость, мир, единение и согласие, которые постоянно обещают обществам эти возвышенные религиозные учения, поддерживаемые суеверием и авторитетом божества? Там, где царит влияние развращенных дворов и лживых или фанатичных, никогда не согласных меж собой жрецов, я вижу лишь порочных, погрязших в невежестве и преступных привычках людей, увлекаемых мимолетными интересами или постыдными удовольствиями и совершенно не думающих о своем боге. Несмотря на все свои теологические воззрения, царедворец неутомимо плетет темные козни; он старается удовлетворить честолюбие, жадность, ненависть, жажду мести и прочие свои извращенные страсти; несмотря на все угрозы ада, одна мысль о котором приводит ее в трепет, порочная женщина продолжает свои интриги, плутни, любовные шашни. Большинство этих распутных и ничего не делающих людей, заполняющих города и дворы государей, пришло бы в ужас, если бы в их присутствии выразили хоть малейшее сомнение в бытии того бога, повелениями которого они фактически пренебрегают. Что же остается в действительной жизни от этих общепринятых и столь бесплодных воззрений, влияние которых на поведение сказывается лишь в том, что они служат предлогом для самых гибельных страстей? Разве по выходе из храма, где только что совершали жертвоприношение и произносили проповеди во имя неба, угрожая в них преступникам, набожный

деспот, боящийся нарушить налагаемые на него религиозным суеверием мнимые обязанности, не возвращается к порочной, неправедной жизни, к политическим преступлениям, к злодеяниям по отношению к обществу? Разве министр перестает притеснять граждан, царедворец не возвращается к своим интригам, женщина легкого поведения — к своему разврату, ростовщик — к своему грабительскому делу, купец — к своим обманам и плутням?

Может быть, станут утверждать, что эти убийцы и воры, эти несчастные, число которых умножается благодаря несправедливости или преступному нерадению правительств и у которых беспощадно отнимают жизнь жестокие законы, эти злоумышленники, не дающие ни дня стоять без дела нашим виселицам и эшафотам, — неверующие, атеисты? Конечно, нет. Эти несчастные, эти отбросы общества верят в бога; им повторяли его имя с детства; им говорили о карах, налагаемых богом за преступления; они с ранних лет привыкли трепетать при мысли о его суде. И однако, они посягнули на безопасность общества; если видимые, осязаемые мотивы не могли сдержать их страстей, более могущественных, чем их страхи, то тем менее могли их сдержать невидимые мотивы: скрытый бог со своими отдаленными наказаниями никогда не сумеет воспрепятствовать излишествам, которых не могут предупредить реальные, близкие наказания.

Одним словом, разве мы не видим на каждом шагу, что мысль о том, будто бог видит и слышит их, нисколько не сдерживает людей, когда пробудившийся голос страсти толкает их на постыднейшие поступки? Тот самый человек, который стеснялся бы другого человека и в присутствии его не решался бы совершить дурной поступок или предаться какому-либо постыдному пороку, позволяет себе все, когда он думает, что находится один на один со своим богом. Какую же пользу приносит ему убеждение в существовании этого бога, в его всеведении и вездесущности, если это убеждение не имеет в его глазах той силы, как мысль быть увиденным последним из смертных? Человек, который не решится на какой-нибудь проступок в присутствии

ребенка, нисколько не затруднится совершить его, если свидетелем при этом будет только его бог. Эти бесспорные факты могут послужить ответом тем, кто уверяет, будто страх божий может скорее удержать людей от дурных поступков, чем мысль о том, что не существует ничего такого, чего нужно бояться. Когда люди думают, что им следует бояться только бога, то они обыкновенно не останавливаются решительно ни перед чем.

Лица, не сомневающиеся в религиозных воззрениях и в их действительности, сами, однако, редко прибегают к ним, когда желают повлиять на поведение подчиненных им людей и заставить их образумиться. Когда отец дает советы своему порочному или преступному сыну, он указывает скорее на земные, нынешние неприятности, чем на опасности, угрожающие со стороны мстительного бога: он указывает ему на естественные последствия его беспорядочного поведения, вызываемое развратом расстройство здоровья, гибель репутации, потерю состояния от азартных игр, угрожающие со стороны общества кары и т. д. Таким образом, сам богопочитатель при важнейших обстоятельствах жизни рассчитывает скорее на силу естественных побуждений, чем на силу сверхъестественных мотивов, указываемых религией; тот самый человек, который порочит мотивы, выдвигаемые атеистом как побуждения делать добро и воздерживаться от зла, пользуется ими в случае необходимости, так как чувствует всю их силу.

Почти все люди верят в карающего и вознаграждающего бога; однако во всех странах число дурных людей значительно превосходит число хороших. Если мы станем доискиваться до истинного корня этой всеобщей испорченности, то найдем его в самих религиозных учениях, а не в мнимых причинах, выдуманных различными религиями для объяснения факта человеческой испорченности. Люди испорчены потому, что почти повсюду ими дурно управляют; ими дурно управляют потому, что религия обоготворила государей; последние, уверенные в своей безопасности и испорченные, сами, естественно, сделали свои народы несчастными и дурными. Народы, подчиняясь безрассудным

правителям, никогда не могли руководствоваться разумом. Так как обманщики-жрецы держали их в заблуждении, то разум стал для них бесполезен; тираны и жрецы с успехом объединили свои усилия, чтобы помешать народам добиваться просвещения, стремиться к истине, облегчать свою судьбу, улучшать свои нравы.

Лишь просвещая людей и обучая их истине, можно надеяться сделать их лучше и счастливее. Только тогда, когда государи и подданные узнают, в чем заключаются сущность их взаимоотношений и их правильно понятые интересы, усовершенствуются методы политики и станет ясным, что искусство управления людьми вовсе не заключается в том, чтобы держать их в невежестве, обманывать и тиранить. Станем поэтому считаться с указаниями разума, призовем к себе на помощь опыт, обратимся к природе, и мы увидим, что необходимо делать, чтобы плодотворно трудиться ради счастья человечества. Мы убедимся, что истинный корень всех бедствий нашего рода кроется в заблуждении; что, избавившись от пустых призраков, мысль о которых заставляет нас трепетать, и с корнем истребив суеверие, мы сможем мирно начать искать истину и найдем в природе тот светоч, который приведет нас к счастью. Станем же изучать природу и ее неизменные законы, углубимся в исследование сущности человека, исцелим его от предрассудков, чтобы мало-помалу привести к добродетели, без которой, как он должен убедиться сам, он не сможет быть по-настоящему счастливым на земле.

Освободим же мысль людей от этих богов, которые лишь плодят повсюду несчастных! Поставим чувственную, видимую природу на место тех невидимых сил, которым всегда поклонялись трепещущие рабы или безумствующие фанатики. Скажем им, что для того, чтобы быть счастливыми, надо перестать бояться.

Представления о божестве, которые, как мы показали, столь бесполезны и столь противоречат здравой морали, доставляют так же мало выгоды отдельным лицам, как и обществам. Божество, как мы видим, во всех странах носит отталкивающий характер, и суевер-

ные люди, верные своим принципам, всегда были несчастными. Суеверие — это домашний враг, которого всегда носишь внутри себя. Люди, серьезно задумывающиеся над грозными призраками религии, будут жить в вечной тревоге и беспокойстве; в погоне за химерами они будут пренебрегать самыми важными для них вещами и проводить печальные дни в стенаниях, молитвах, жертвоприношениях, всяческих искуплениях своих реальных или воображаемых проступков. В своем безумстве они нередко станут терзать самих себя, налагая на себя самые жестокие наказания, лишь бы только удержать карающую десницу своего сурового бога; они вооружатся против самих себя в надежде обезоружить месть и смягчить жестокость свирепого господина, которого, как им кажется, они рассердили; они будут стараться примирить с собой гневного бога, став своими собственными палачами и причиняя себе всякого рода бедствия, которые только может придумать их воображение. Общество не получает никакой выгоды от мрачных учений этих набожных безумцев; их мысль всегда поглощена печальными бреднями, а их время уходит на исполнение нелепых обрядов. Самые благочестивые люди обыкновенно являются мизантропами, бесполезными для окружающих и вредными для самих себя. Если они обнаруживают энергию в чем-нибудь, то лишь в придумывании средств причинить себе какие-нибудь новые мучения или лишить себя предметов, к которым стремится их природа. Повсюду на земле мы встречаем умерщвляющих свою плоть аскетов, глубоко убежденных в том, что, причиняя себе боль и всякого рода мучения, им удастся снискать милость свирепого бога, благость которого они, однако, не перестают прославлять. Безумцев этого рода мы встречаем во всех частях мира: представление о грозном боге всегда и везде порождало нелепейшие жестокости.

Эти безрассудные фанатики, причиняя себе самим боль и не предоставляя обществу всего того, что оно вправе от них требовать, разумеется, не так преступны, как те буйные и ревностные изуверы, которые под влиянием своих религиозных воззрений считают необходимым нарушать общественное спокойствие и совер-

шать во имя своего небесного призрака самые настоящие преступления. Фанатик весьма часто надеется угодить своему богу, лишь нарушая предписания нравственности. Его идеал заключается в том, чтобы терзать самого себя или разрывать ради своих нелепых воззрений священнейшие узы, наложенные природой на смертных.

Мы должны, таким образом, признать, что представление о божестве так же мало способно доставить благополучие, довольство, мир отдельным лицам, как и обществам, членами которых являются последние. На несколько мирных, честных, непоследовательных мечтателей, находящих утешение и радость в своих религиозных взглядах, есть миллионы других, более последовательных в своих принципах, которые остаются несчастными всю свою жизнь и тревожное воображение которых вечно занято печальными мыслями о роковом божестве. Спокойный и мирный религиозный человек, признающий существование грозного бога, — это просто человек, не умеющий рассуждать.

Одним словом, все показывает нам, что религиозные идеи оказывают сильнейшее влияние на людей, отравляя им жизнь, делая их несчастными и восстанавливая их друг против друга. Эти идеи возбуждают умы и разжигают страсти людей, удерживая их лишь тогда, когда их страсти слишком слабы, чтобы увлечь кого бы то ни было.

Глава IX

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ НЕ МОГУТ СЛУЖИТЬ ОСНОВОЙ МОРАЛИ; ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОРАЛЬЮ И МОРАЛЬЮ ЕСТЕСТВЕННОЙ; ТЕОЛОГИЯ ГИБЕЛЬНА ДЛЯ ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Полезная для людей гипотеза должна делать их счастливыми. На каком основании им можно надеяться, что гипотеза, плодящая на земле лишь несчастных, может когда-нибудь привести нас к длительному

счастью? Если бог создал людей для того, чтобы они только стенали и трепетали в этом известном им мире, то на каком основании можно рассчитывать, что в будущем он устроит им лучшую жизнь в каком-то неведомом мире? Ведь всякий человек, совершивший хотя бы и мимолетную вопиющую несправедливость, всегда будет нам подозрителен и навсегда потеряет наше доверие. С другой стороны, гипотеза, объясняющая все вопросы или дающая им легкое решение, когда ее применяют к ним, должна, вероятно, быть истинной, хотя бы даже нельзя было доказать ее достоверность; но мировоззрение, лишь затемняющее самые ясные понятия и делающее неразрешимыми все проблемы, к которым его применяют, мы, разумеется, вправе считать ложным, бесполезным, опасным. Чтобы убедиться в этом, достаточно попытаться рассмотреть без всякой предвзятой мысли, удалось ли когда-нибудь с помощью учения о существовании теологического бога разрешить хоть какую-нибудь трудную проблему. Подвинулись ли человеческие знания с помощью теологии хоть на шаг вперед? Не исказила ли эта столь превозносимая за свою возвышенность и значение наука нравственность до неузнаваемости? Не превратила ли она во что-то спорное и проблематичное все наши существеннейшие обязанности? Не смешала ли она недостойным образом всех наших представлений о справедливости и несправедливости, пороке и добродетели? Действительно, что такое добродетель по мнению наших теологов? То, что сообразно с волей непостижимого существа, управляющего миром. Но что же это за существо, о котором вы без умолку твердите нам, не будучи в состоянии постигнуть его, и как можем мы познать его волю? В ответ на это теологи начнут объяснять нам, чем не является это существо, не будучи в состоянии сказать нам, что оно представляет собой. Если же теологи попытаются дать нам представление о боге, то они начнут громоздить друг на друга противоречивые и несовместимые атрибуты, которые сделают из этого гипотетического существа что-то совершенно призрачное и непостижимое или же отошлют нас к разным сверхъестественным откровениям, в которых

этот призрак якобы раскрыл людям свои божественные намерения. Как доказывают они подлинность этих откровений? Ссылкой на чудеса. Но как верить в чудеса, которые, как мы видели, противоречат даже учению самой теологии о разумности, неизменности, всемогуществе божества? В последней инстанции приходится, таким образом, полагаться на добросовестность жрецов, которым поручено возвестить нам божественную волю. Но кто докажет нам правомерность этой их миссии? Разве не они сами выдают себя за непогрешимых истолкователей воли бога, который, по собственному их признанию, им не известен. Таким образом получается, что жрецы, т. е. весьма подозрительные и мало согласные между собой люди, становятся судьями в области морали; они начинают устанавливать в зависимости от своих ненадежных знаний или страстей те предписания, которым должно следовать; фанатизм или корысть становятся единственными критериями их решений; их мораль изменяется в зависимости от их настроений и прихотей; те, кто их слушается, не знают, как им поступать: в их боговдохновенных книгах мы постоянно наталкиваемся на безнравственное божество, которое вдруг начинает предписывать то добродетель, то всякого рода преступления и нелепости; оно то оказывается дружески расположенным к человечеству, то делается его врагом, будучи то разумным, справедливым, благим, то безрассудным, капризным, несправедливым и деспотичным. Что должен заключить на основании всего этого человек со здравым смыслом? Что ни непостоянные боги, ни их жрецы, интересы которых ежеминутно меняются, не могут быть образцами поведения или судьями в области морали, которая должна быть столь же постоянной и надежной, как неизменные законы природы, никогда не нарушаемые ею.

Нет, не подобные произвольные и непоследовательные взгляды, противоречивые понятия, абстрактные и невразумительные умозрения могут служить основой для науки о нравственности. Только очевидные, выведенные из природы человека, основывающиеся на его потребностях, внедренные воспитанием и привычкой и освященные законами принципы могут оказаться

убедительными для наших умов, могут сделать добродетель полезной, дорогой человеческим сердцам и породить среди народов добродетельных людей и хороших граждан. Недоступный нашему пониманию бог лишь смутно рисуется нашему воображению; грозный бог сбивает нас с толку; изменчивый и часто противоречащий самому себе бог всегда мешает нам найти дорогу, по которой мы должны идти. Вечные угрозы со стороны какого-то странного существа, противоречащего нашей природе, творцом которой он, однако, является, должны внушить нам отвращение к добродетели; мы будем делать лишь под влиянием страха то, что делали бы с радостью под влиянием разума и собственного интереса. Грозный или злой (что, впрочем, одно и то же) бог, не останавливая злодеев, всегда будет лишь пугалом для тех, кто добродетелен; большинство людей, желая грешить или предаваться порочным наклонностям, забывают о грозящих им со стороны бога карах, помня лишь его милосердие и благость: люди всегда видят вещи лишь под тем углом зрения, который лучше всего сообразуется с их желаниями.

Благость бога успокаивает дурного человека; его суровость внушает тревогу человеку добродетельному. Так качества, приписываемые теологией своему богу, оказываются вредны здравой морали. На эту бесконечную благость божества рассчитывают порочнейшие люди, когда они решаются на преступления или предаются своим обычным порокам. Если тогда заговорить с ними об их боге, то они скажут нам, что бог благ, а его снисходительность и милосердие безграничны. В самом деле, разве религия, эта соучастница всех преступлений людей, не повторяет им постоянно и повсюду, что при помощи известных обрядов, молитв и актов набожности можно успокоить гнев грозного бога и стать ему угодным? Разве жрецы не обладают у всех народов безошибочными способами примирить с божеством даже самых испорченных людей?

Отсюда следует, что, под каким бы углом зрения ни смотреть на учение о божестве, оно не может служить основой для нравственности, которая всегда должна быть неизменной. Гневный бог полезен лишь тем, кому выгод-

но пугать людей и пожинать таким образом плоды их невежества, их страхов и раскаяния; сильные мира сего, будучи обыкновенно людьми самых распущенных нравов, мало думают об этом грозном боге, когда в них начинает говорить голос страстей; они пользуются им для устрашения других, чтобы порабощать и опекать их, в то время как сами видят этого бога лишь под углом зрения его благости; с их точки зрения, бог снисходительно относится к насилиям над его живыми творениями, лишь бы при этом почитали его самого; кроме того, религия дает им возможность легко смягчить его гнев. Вообще религия придумана лишь для того, чтоб дать служителям божества возможность искупать совершающиеся на земле преступления.

Мораль не должна следовать прихотям человеческого воображения, страстей, интересов; она должна быть устойчивой, одной и той же для всех людей, не меняясь от страны к стране, от эпохи к эпохе; религия не вправе изменять свои постоянные предписания в зависимости от изменения догматов своего вероучения. Существует лишь одно средство придать нравственности непоколебимую прочность, мы уже неоднократно указывали на него в этом сочинении*: нужно только основать мораль на наших обязанностях, на природе человека, на отношениях, существующих между разумными существами, каждое из которых стремится к счастью и самосохранению и живет в обществе для того, чтобы вернее достигнуть данной цели. Одним словом, следует основать нравственность на необходимости вещей.

Рассмотрев эти почерпнутые из природы самоочевидные, подтверждаемые постоянным опытом, одобряемые разумом принципы, мы получим надежную мораль и устойчивую систему поведения. Для упорядочения своего поведения в этом видимом мире нам не придется прибегать к теологическим призракам, мы найдем, что ответить на слова тех, кто уверяет, будто без бога не может быть морали и один этот бог благодаря своему могуществу и верховной власти над своими творениями

---

* См. ч. I гл. VIII этого сочинения, а также то, что сказано в гл. XII и в конце гл. XIV той же части.

вправе предписывать последним законы и определять их обязанности. Если учесть длинную цепь заблуждений и ошибок, вытекающих из темных понятий о божестве и мрачных учений о нем всех религий, то правильнее было бы сказать, что всякая здравая, полезная для общества и для человечества мораль совершенно несовместима с существом, которое всегда рисуют нам в виде какого-то абсолютного монарха и хорошие качества которого постоянно затемняют опасными капризами. Поэтому придется признать, что, прежде чем воздвигнуть мораль на надежных основаниях, надо ниспровергнуть призрачные теории, до сих пор служившие фундаментом шаткому зданию сверхъестественной морали, которую в течение стольких веков без всякой пользы проповедуют людям.

Какова бы ни была причина, обусловившая то, что человек поселился в его теперешнем местопребывании, и наделившая его способностями, — будем ли мы считать человечество продуктом природы или же, наоборот, творением создателя, разумного, отличного от природы существа, — во всяком случае человек существует таким, каков он есть; это существо, которое чувствует, мыслит, обладает разумом, любит само себя, стремится к самосохранению, всегда старается сделать свое существование приятным и, для того чтобы легко удовлетворять свои потребности и доставлять себе удовольствия, живет в обществе подобных ему существ, могущих в зависимости от его поведения быть расположенными или нерасположенными к нему. И вот на этих-то универсальных, присущих нашей природе чувствах, которые будут существовать до тех пор, пока существует человеческий род, и следует обосновать мораль, являющуюся наукой об обязанностях человека, живущего в обществе.

Вот, следовательно, каковы истинные основы наших нравственных обязанностей; эти обязанности необходимы, потому что они вытекают из нашей собственной природы и потому что мы не сумеем достигнуть своей цели, т. е. счастья, если не воспользуемся средствами, без которых его никогда нельзя добиться. Но чтобы наше счастье было прочно, мы нуждаемся в привязанности

и помощи окружающих нас людей; последние же согласятся любить и уважать нас, помогать нам в осуществлении наших планов, трудиться для нашего счастья лишь в той мере, в какой мы будем готовы трудиться для их благополучия. Эту необходимую взаимную связь называют *нравственной обязанностью*. Она основывается на рассмотрении мотивов, способных побудить разумные и стремящиеся к определенной цели существа придерживаться необходимого для ее достижения поведения. Этими мотивами могут быть лишь постоянно возрождающиеся в нас желания доставить себе удовольствие и избежать страдания. Удовольствие и страдание, надежда на счастье или страх несчастья — вот единственные мотивы, способные реально повлиять на волю разумных существ; чтобы *обязать* такие существа, эти мотивы должны лишь существовать и быть известными; чтобы познать их, достаточно рассмотреть нашу душевную организацию, согласно законам которой мы можем любить или одобрять в других людях, а последние в свою очередь могут любить или одобрять в нас только поступки, влекущие за собой реальную и взаимную выгоду, к которой и сводится добродетель. Таким образом, стремясь к самосохранению, стремясь наслаждаться безопасностью, мы *обязаны* придерживаться необходимого для этой цели поведения; чтобы заинтересовать других в нашем самосохранении, мы обязаны интересоваться их самосохранением и не делать ничего такого, что отбило бы у них охоту сотрудничать с нами для нашего собственного счастья. Таковы истинные основы *нравственного долга*.

Всякие попытки придать морали иные основы, чем природа человека, должны приводить к заблуждениям; для нравственности нет более прочной и солидной основы, чем природа человека. Некоторые даже вполне добросовестные авторы полагали, что для придания большей святости и важности в глазах людей обязанностям, налагаемым на них природой, необходимо окружить их авторитетом, исходящим от существа высшего, чем природа, и более могущественного, чем необходимость. Руководствуясь этим, теология овладела нравственностью, пытаясь связать ее с религиозным вероучением:

полагали, что этот союз сделает добродетель более священной, что боязнь невидимых сил, господствующих над самой природой, придаст больше веса и действенности ее законам; наконец, воображали, что люди, убедившись в необходимости морали благодаря ее связи с религией, станут считать и религию необходимой для их счастья. Действительно, именно гипотеза о необходимости бога для поддержания нравственности является опорой теологических представлений, равно как и большинства религиозных систем на земле: воображают, будто без признания бытия божьего человек не будет ни знать своих обязанностей по отношению к самому себе и другим людям, ни руководствоваться ими. После того как установлен этот предрассудок, начинают думать, что туманные представления о метафизическом боге столь необходимым образом связаны с нравственностью и благом человечества, что нельзя посягать на божество, не уничтожая в то же время естественных обязанностей человека. Полагают, будто потребности и желание счастья, столь очевидный интерес обществ и отдельных лиц, окажутся недостаточно сильными, если не поддержать их с помощью всей силы воображаемого существа, из которого сделали судью всего сущего, и не наделить их его *санкцией*.

Но всегда пагубно соединять фикцию с истиной, неизвестное с известным, бредни распаленного воображения с холодным разумом. Действительно, что получилось у теологов в результате произведенного ими сумбурного сочетания чудесных призраков с реальностью? Заблудившееся воображение потеряло всякий след истины; религия захотела при помощи своего небесного призрака повелевать природой, согнуть разум под своим ярмом, подчинить человека собственным прихотям; и часто она принуждала его во имя божества заглушать голос своей природы и нарушать самые элементарные предписания морали. Когда же эта религия хотела удержать от грехов смертных, доведенных ею до отупения и умственной слепоты, то она имела для этого лишь какие-то идеальные мотивы и столь же идеальную узду; она могла лишь заменить истинные причины воображаемыми, известные и естественные мотивы—чудес-

ными и сверхъестественными, реальности — романами и баснями. Благодаря такому извращению истинного порядка вещей нравственность лишилась надежных принципов; природа, разум, добродетель, очевидность стали зависеть от какого-то непостижимого бога, никогда не выражавшегося ясным образом, заставлявшего умолкнуть голос разума, высказывавшегося лишь устами каких-то мечтателей, шарлатанов и фанатиков, которые под влиянием своих бредней или же желания использовать заблуждения людей стали проповедовать отвратительную покорность, фиктивные добродетели, нелепые обряды — словом, какую-то произвольную мораль, благоприятную их страстям, но часто пагубную для всего остального человечества.

Так, желая вывести мораль из бога, ее фактически подчинили страстям людей; основывая мораль на призраке, ее фактически не основывали ни на чем. Производя нравственность от какого-то воображаемого существа, о котором каждый имел особое мнение и непонятная воля которого истолковывалась либо безумцами, либо мошенниками; основывая на мнимых желаниях божества добрые или дурные качества — одним словом, *моральность* человеческих поступков; делая образцом существо, которое изображалось изменчивым и непонятным,— теологи не только не придавали нравственности непоколебимую основу, но, наоборот, ослабляли или даже уничтожали ту, которую она имела от природы, заменяя ее своими сомнительными догадками. Бог, судя по приписываемым ему качествам, является какой-то непонятной загадкой, которую всякий толкует по-своему, а всякая религия объясняет на свой лад, которую различные теологи решают как им угодно и исходя из которой каждый человек строит себе особую мораль, соответствующую его личному характеру. Если бог внушает мягкому, снисходительному и справедливому человеку желание быть добрым, милосердным и сострадательным, то необузданному и бездушному человеку он внушает мысль быть бесчеловечным, безжалостным и нетерпимым. Мораль этого бога меняется от человека к человеку, от страны к стране; некоторые народы с ужасом взирают на поступки, признаваемые другими народами

святыми и богоугодными. Одним этот бог представляется кротким и милосердным; другие считают его жестоким и воображают, будто ему можно угодить жестокостью.

Мораль природы ясна; она очевидна даже для тех, кто ее нарушает. Совсем иное дело религиозная мораль; она так же темна, как предписывающее ее божество, или, вернее, так же изменчива, как страсти и темпераменты людей, поклоняющихся этому божеству или говорящих от его имени. Поверив теологам, в морали пришлось бы видеть самую проблематичную, спорную и трудную науку. Чтобы открыть принципы обязанностей человека по отношению к нему самому и к его ближним, нужен был бы тончайший и глубочайший гений, проницательнейший и искушеннейший ум. Но неужели подлинные источники морали доступны лишь ничтожной кучке мыслителей и метафизиков? Выводить мораль из какого-то бога, которого каждый представляет себе лишь согласно собственным идеям, — значит ставить ее в зависимость от каприза каждого отдельного человека; производить мораль от существа, которое ни один человек не может познать, — значит утверждать, что не известно, откуда она могла появиться. Чем бы ни считать активное начало, которому приписывают происхождение природы и всех содержащихся в ней существ, какое бы могущество ему ни придавать, оно могло сделать лишь то, чтобы человек существовал или не существовал; но, сделав его тем, кто он есть, придав ему способность чувствовать, любовь к существованию, социальные чувства, оно не может, не уничтожая и не изменяя его, заставить его существовать по-иному. Человеку в соответствии с его природой, качествами, наличными свойствами, делающими из него существо человеческого рода, необходима мораль, а стремление к самосохранению должно заставить его предпочитать добродетель пороку в силу той самой необходимости, которая заставляет его предпочитать удовольствие страданию*.

---

* Согласно теологам, человек нуждается в *сверхъестественной благодати*, чтобы делать добро. Это учение было, конечно, очень вредно для здравой нравственности. Люди всегда ожидали

Утверждать, будто без представления о боге человек не может обладать нравственным чувством, т. е. отличать порок от добродетели, все равно что утверждать, будто без представления о боге человек не чувствовал бы потребности есть, чтобы жить, не отличал бы и не предпочитал бы какую-либо пищу; это все равно что утверждать, будто, не зная имени, характера и качеств изготовившего нам какое-нибудь блюдо повара, мы не в состоянии судить, нравится или не нравится нам это блюдо, хорошо оно или нет. Человек, не знающий, что думать о существовании и моральных атрибутах бога, или даже категорически отрицающий их, во всяком случае не сомневается в собственном существовании, собственных качествах, способностях, ощущениях и суждениях; точно так же он не может сомневаться в существовании других организованных подобно ему существ, у которых он замечает качества, аналогичные его собственным качествам, и любовь или ненависть, содействие или противодействие, уважение или презрение которых он может снискать при помощи известных поступков: этого знания достаточно, чтобы он мог отличить добро от зла. Одним словом, каждому человеку, обладающему нормальной организацией или способностью к правильным наблюдениям, достаточно рассмотреть самого себя, чтобы найти свои обязанности по отношению к другим людям; изучая собственную природу, человек поймет свои обязанности лучше, чем размышляя над божеством, сведения о котором он может почерпнуть лишь в собственном воображении и собственных страстях либо в страстях некоторых мечтателей или обманщиков. Он поймет, что для того, чтобы обеспечить себе самосохранение и длительное счастье, ему следует бороться с зачастую слепыми порывами собственных желаний, а чтобы снискать благосклонность

благодати свыше, чтобы творить добро, а их правители никогда не прибегали к *благодати снизу*, т. е. к естественным мотивам, чтобы побудить их к добродетели. Между тем еще Тертуллиан писал: «*Зачем вы мучаетесь в поисках закона божьего, обладая законом, который общ вам со всеми людьми и который начертан на скрижалях природы?*» *Tertul.*, De Corona militis. [*Тертуллиан*, «О Венце воина».]

окружающих, надо поступать в соответствии с их желаниями; рассуждая так, он узнает, что такое добродетель*; применяя на деле это знание, он будет добродетелен; за свое поведение он будет вознагражден нормальным функционированием организма и заслуженным самоуважением, подтверждаемым любовью окружающих. Если же он начнет поступать противоположным образом, то вскоре расстройство его организма покажет ему, что природа не одобряет его поведения, что он идет вразрез с ее требованиями и вредит самому себе; вследствие этого он вынужден будет согласиться с отрицательным мнением, сложившимся о нем у окружающих, которые станут ненавидеть его и порицать его поступки. Если этот человек под влиянием своих страстей не сумеет разглядеть ближайших следствий своего беспорядочного образа жизни, то еще меньшее влияние сможет оказать на него мысль об отдаленных наградах и карах, грозящих ему со стороны невидимого, пребывающего на небесах монарха; голос этого бога никогда не будет звучать в его ушах так ясно, как голос собственной совести, немедленно вознаграждающей или карающей его.

Все это с полной очевидностью показывает нам, что религиозная мораль не может идти ни в какое сравнение с моралью природы, которой она противоречит на каждом шагу. Природа побуждает человека любить себя, думать о своем самосохранении, непрестанно увеличивать сумму своего счастья; религия же повелевает ему любить только грозного и ненавистного бога, питать отвращение к самому себе, приносить в жертву своему ужасному идолу самые законные и мирные удовольствия. Природа советует человеку прислушиваться к голосу

* Теологи до сих пор не сумели дать правильного определения добродетели. Согласно им, она есть результат благодати, побуждающей нас делать то, что угодно божеству. Но что такое божество? Что такое благодать? Как она действует на человека? Что угодно божеству? Почему этот бог не сообщает всем людям благодати делать угодное ему? «Ad huc sub iudice lis est». [Вопрос до сих пор не разрешен.] Людям без умолку твердят, чтобы они делали добро, потому что *бог хочет этого*; но им никогда не объясняли, что значит *делать добро*, а также—что такое бог и чего он требует от людей.

своего разума и руководствоваться его указаниями; религия же убеждает его, что этот разум извращен и является ненадежным руководителем, данным людям богом-обманщиком, чтобы ввести в заблуждение созданные им творения. Природа советует человеку учиться, исследовать истину, обогащать свои познания в этих исследованиях; религия же запрещает ему всякое исследование, приказывает ему оставаться в невежестве, страшиться истины; она убеждает его, что для него важнее всего отношения между ним и некоим существом, которого он никогда не узнает. Природа советует существу, привязанному к жизни, умерять свои страсти, сопротивляться им, когда они пагубны для него, противопоставлять им здоровые, заимствованные из опыта мотивы; религия же приказывает одаренному способностью чувствовать существу не иметь страстей, быть какой-то бесчувственной массой или же противопоставлять своим склонностям мотивы, заимствованные у воображения и изменчивые подобно последнему. Природа велит человеку любить своих ближних, быть общительным, справедливым, мирным, снисходительным, добрым, доставлять радость окружающим и не мешать им радоваться; религия же советует человеку избегать общества, уединяться от людей, ненавидеть их, если их бредни будут отличаться от его фантазий, разрывать ради божества священнейшие узы, терзать, мучить, преследовать всех тех, кто не хочет безумствовать подобно ему. Природа велит живущему в обществе человеку стремиться к славе, трудиться, чтобы добиться всеобщего уважения, быть деятельным, мужественным, трудолюбивым; религия же говорит ему: будь смиренным, жалким, малодушным, живи в одиночестве, предавайся только молитвам и благочестивым размышлениям, занимайся обрядами, будь полезен самому себе и не делай ничего для других*. Природа делает примером для гражданина добродетель-

* Легко понять, что религиозные вероучения причиняют весьма существенный ущерб государствам благодаря вызываемой ими потере времени, праздности и бездеятельности, которые они даже вменяют в обязанность; ведь из-за требований религии полезнейшие работы не совершаются в течение значительной части года.

ных, благородных, энергичных, с пользой послуживших своим согражданам людей; религия же прославляет жалких, благочестивых мечтателей, безумствующих аскетов, фанатиков, которые из-за нелепых разногласий ставили на карту существование целых государств. Природа советует супругу быть нежным, испытывать привязанность к супруге — подруге жизни, лелеять ее; религия же вменяет ему в вину его нежность и часто заставляет его смотреть на супружескую жизнь как на какое-то грязное, недостойное человека состояние.

Природа советует отцу любить своих детей и воспитывать их полезными членами общества; религия приказывает ему воспитывать их в страхе божьем и делать из них слепых, суеверных людей, неспособных служить обществу, но способных нарушать его спокойствие. Природа советует детям почитать и любить своих родителей, слушаться их и быть им опорой в старости; религия приказывает им предпочитать веления бога и пренебрегать отцом и матерью, если дело идет о божьих интересах. Природа говорит ученому: занимайся полезными вещами, трудись для своей родины, делай для нее полезные открытия, способные улучшить ее судьбу; религия говорит ему: занимайся бесполезными фантазиями, бесконечными спорами, исследованиями, порождающими раздоры и преступления, и упорно защищай мнения, которые ты никогда не поймешь. Природа советует развратнику стыдиться своих пороков, позорных склонностей и злодеяний; она показывает, что если ему даже удастся скрыть от людей беспорядочность своей жизни, эта беспорядочность все же неизбежно отразится на его благополучии; религия же говорит самому испорченному и злому человеку: не раздражай бога, которого ты не знаешь; но если, нарушив его закон, ты предашься преступлению, то помни, что его легко искупить: пойди в божий храм, упади к ногам служителей бога, искупи свои злодейства жертвами, подношениями, обрядами и молитвами; эти торжественные церемонии успокоят твою совесть и очистят тебя в глазах всевышнего.

Так как религия всегда противоречит здравой политике, она так же тлетворно влияет и на гражданина,

т. е. человека, живущего в обществе. Природа говорит человеку: ты свободен, никакая сила на земле не вправе лишить тебя твоих прав; религия же убеждает его, что он раб и обречен своим богом всю свою жизнь томиться под жестоким игом его представителей. Природа советует человеку, живущему в обществе, любить свое отечество, верно служить ему, выступать на его стороне против всех тех, кто попытается вредить ему; религия же приказывает ему безропотно повиноваться тиранам, угнетающим это отечество, служить им в ущерб родине, стараться заслужить их милости, подчинять своих сограждан их беспорядочным прихотям. Однако если монарх недостаточно предан интересам жрецов, то язык религии тотчас же меняется: она приказывает гражданам бунтовать, вменяет им в обязанность сопротивляться их господину, убеждает их, что лучше повиноваться богу, чем людям. Природа говорит государям, что они люди; что вопрос о справедливом и несправедливом не решается по их прихоти; что воля общества — верховный закон; религия же то говорит им, что они боги и никто на земле не вправе оказывать им сопротивление, то превращает их в тиранов, обреченных стать жертвой разгневанных небес.

Религия портит государей; государи в свою очередь портят законы, становящиеся подобно им самим несправедливыми; под влиянием этого извращается сущность всех учреждений; воспитание начинает формировать ничтожных, ослепленных предрассудками людей, мечтающих о пустых вещах, богатствах и удовольствиях, которых они могут добиться только неправедными путями; указания природы и разума отвергаются; на добродетель начинают смотреть как на призрак, легко жертвуя ею ради всякого рода мелочей; а религия не только не помогает бороться с этими порожденными ею бедствиями, но лишь усугубляет их или же вызывает только бесплодные, быстро изглаживающиеся из памяти сожаления, уносимые потоком привычек, примера, склонностей, рассеянного образа жизни,— словом, всем тем,что толкает на преступление всякого человека, который не желает отказаться от счастья.

Так религия и политика объединенными усилиями портят, развращают, отравляют сердце человека, точно все социальные учреждения ставят себе целью сделать его низким или злым[1]. Не будем же удивляться тому, что мораль повсюду сводится к бесплодным умозрениям, с которыми на практике никто не считается, не желая стать несчастным. Люди бывают нравственными лишь тогда, когда, отказавшись от своих предрассудков, они начинают прислушиваться к голосу своей природы; но непрерывные влияния, оказываемые на их души более могущественными мотивами, вскоре заставляют их забыть предписания природы. Поэтому они постоянно колеблются между пороками и добродетелями и вечно находятся в противоречии с самими собой; если они и чувствуют иногда всю прелесть добродетельного поведения, то опыт скоро показывает им, что это поведение не приводит ни к чему и может стать непреодолимым препятствием на пути к счастью, которого не перестает жаждать их сердце. В испорченных обществах для того, чтобы стать счастливым, надо быть испорченным самому.

Для граждан, сбитых с пути и духовными, и светскими вождями, оказался недоступным голос разума и добродетели. Рабы богов и людей, они стали жертвами всех пороков, связанных с рабством; вечно опекаемые, точно дети, они оказались лишенными просвещения и каких бы то ни было принципов; лица, которые проповедовали им выгоды добродетели, но сами были чужды ее, не могли отучить этих граждан от веры в иллюзии, в которых они приучились видеть свое счастье. Напрасно советовали им заглушить голос страстей, которые все, точно нарочно, распаляло; напрасно пускали в ход молнии и громы богов, чтобы устрашить людей, словно оглохших в суматохе страстей. Они вскоре заметили, что олимпийские боги менее страшны, чем земные; что милости последних доставляют более верное счастье, чем обещания первых; что земные богатства предпочтительнее, чем небесные сокровища, уготованные для любимцев божьих; что выгоднее сообразоваться с планами видимых властей, чем с планами совершенно недоступных владык.

Одним словом, общество, испорченное своими вождями и покорное их прихотям, могло произвести только испорченных детей. Оно порождало лишь жадных, честолюбивых, завистливых, распутных граждан; последние видели, что вокруг них преступление благоденствует, низкопоклонство вознаграждается, бездарность находится в почете, распутство пользуется уважением, грабительство — покровительством, богатство — поклонением; они видели также, что даровитость находится в немилости, добродетель — в загоне, истина — в изгнании, великодушие унижено, справедливость растоптана, умеренность томится в нужде и стонет под гнетом высокомерия и несправедливости.

При таком извращении всех принципов предписания морали должны были свестись к каким-то туманным, неспособным кого-либо убедить разглагольствованиям. Какую плотину могла противопоставить всеобщей развращенности религия с ее иллюзорными мотивами? Когда она пробовала проповедовать разумные вещи, ее не слушали; ее боги не были достаточно сильны, чтобы сопротивляться всеувлекающему потоку; ее угрозы не могли остановить людей, которых все толкало на путь зла; ее обещания, относящиеся к отдаленному будущему, не могли перевесить выгод данного момента; ее учение об искуплении, всегда способном очистить людей от их неправедных деяний, побуждало их поступать по-прежнему; ее пустые обряды успокаивали угрызения совести; наконец, ее пропитанные духом фанатизма споры и препирательства только увеличивали зло, от которого страдало общество. У самых порочных народов было множество верующих и очень мало добродетельных людей. И сильные и слабые мира сего прислушивались к голосу религии, когда она, по их мнению, благоприятствовала их страстям; они не обращали на нее внимания, когда она начинала идти вразрез с этими страстями. Когда религия соответствовала морали, ею тяготились; предписаниям религии следовали лишь тогда, когда она шла вразрез с моралью или совершенно уничтожала ее. Деспот не мог нахвалиться религией, когда последняя уверяла его, что он своего рода земной бог и его подданные рождены, чтобы его почитать и угождать его

прихотям. Он забывал об этой религии, когда последняя повелевала ему быть справедливым, понимая, что в этом случае религия противоречит сама себе и что бесполезно проповедовать справедливость обоготворенному смертному. Кроме того, его уверили, что его бог простит ему все, если только он обратится к помощи жрецов, всегда готовых устроить ему примирение с богом. Точно так же и самые дурные граждане рассчитывали на помощь жрецов в вопросах религии. Таким образом, религия не только не сдерживала их, но, наоборот, обеспечивала им безнаказанность. Своими угрозами она не могла уничтожить действия, произведенного на государей ее гнусной лестью; эти угрозы не могли положить конец надеждам, которые связывались всеми людьми с искуплением. Надменные монархи, убежденные, что они всегда сумеют искупить свои преступления, перестали бояться богов; став сами богами, они решили, что им дозволено все по отношению к жалким смертным, на которых они начали смотреть просто как на какие-то игрушки, служащие им развлечением на земле.

Если бы при решении вопросов политики, столь постыдно извращенной религиозными учениями, стали считаться с природой человека, то можно было бы совершенно исправить ложное представление о ней государей и подданных; таким путем можно было бы гораздо быстрее, чем при помощи всех религий на земле, сделать государства счастливыми, могущественными и процветающими под руководством просвещенной власти. Изучение природы показало бы всем, что люди живут в обществе, чтобы наслаждаться бóльшим счастьем; что постоянной и неизменной целью всякого общества является его самосохранение и благополучие; что при отсутствии справедливости оно будет заключать в себе только враждебных друг другу людей; что худшим врагом человека является тот, кто обманывает его, чтобы заковать потом в цепи; что самым жестоким бичом для человека являются жрецы, развращающие государей и обеспечивающие им с помощью божества полную безнаказанность за их преступления. Оно доказало бы, что жизнь в обществе является несчастьем при несправ-

ведливых, небрежно относящихся к своим обязанностям и склонных к разрушению, а не созиданию правителях.

Если бы государи стали изучать эту природу, то они узнали бы, что являются людьми, а не богами; что их власть зависит от согласия других людей; что монархи — граждане, которым поручено другими гражданами заботиться о всеобщей безопасности; что законы должны быть лишь выражением общественной воли и им не дозволено идти против природы или же нарушать неизменную цель общества. Знание природы дало бы понять монархам, что истинное влияние и могущество заключается в том, чтобы повелевать благородными и добродетельными людьми, а не людьми, развращенными деспотизмом и суеверием. Это знание показало бы государям, что они могут заслужить любовь своих подданных, лишь помогая им, предоставляя им возможность наслаждаться благами, которых требует их природа, охраняя ненарушимость их прав, защитниками и стражами которых являются монархи. Оно показало бы всякому властителю, что любовь и привязанность народов можно заслужить благодеяниями, что гнет создает лишь врагов, насилие доставляет лишь непрочную власть, сила не может дать никаких законных прав и существа, по природе своей стремящиеся к счастью, рано или поздно поднимутся против власти, обнаруживающейся лишь в насилии. Вот с какой речью повелевающая всеми силами природа, для которой равны все существа, могла бы обратиться к одному из этих надменных монархов, возведенных в богов лестью: «Непослушное, капризное дитя! Пигмей, гордящийся властью над пигмеями! Тебя уверили, будто ты бог; тебе сказали, будто ты представляешь собой что-то сверхъестественное; знай, однако, что нет ничего выше меня. Признай свою незначительность, познай свое бессилие по отношению к малейшему из моих ударов. Я могу сломать твой скипетр, лишить тебя жизни, смести с лица земли твой трон, развеять твой народ; я могу даже уничтожить ту землю, на которой ты живешь, а ты считаешь себя богом! Одумайся же, признай, что ты человек и подчинен моим законам, как последний из твоих подданных. Познай и никогда не забывай, что ты

представитель своего народа, служитель своей нации, истолкователь и исполнитель ее воли, гражданин, который вправе повелевать согражданами лишь благодаря их согласию повиноваться ему ввиду принятого им обязательства сделать их счастливыми. Царствуй же на этих условиях, выполняй свои священные обязательства, будь добр и в особенности справедлив. Если ты хочешь, чтобы твоя власть была прочна, никогда не злоупотребляй ею; пусть она никогда не выходит из неподвижных границ вечного правосудия. Будь отцом своих народов, и они будут любить тебя, как дети. Но если ты станешь пренебрегать ими, противопоставлять свои интересы интересам своего великого семейства, отказывать своим подданным в счастье, которое им обязан доставить, вооружаться против них, то подобно всем тиранам ты станешь рабом жестоких подозрений, забот и тревог, жертвой собственного безумия: твои доведенные до отчаяния народы не станут больше признавать твоих *божественных прав*. Напрасно призовешь ты тогда на помощь обоготворившую тебя религию: она ничего не сможет сделать с народами, ставшими глухими под влиянием несчастий, и ты будешь предан небом ярости твоих врагов, созданных твоим исступлением. Боги ничего не могут поделать с моими непреложными повелениями, согласно которым человек ополчается против причины своих бедствий».

Одним словом, все должно будет убедить разумных государей, что они вовсе не нуждаются в небе, чтобы иметь на земле верных подданных; что все силы Олимпа не помогут им, когда они будут тиранами; что их истинные друзья — те, кто освобождает народы от веры в их авторитет; что их истинные враги — те, кто опьяняет их лестью, толкает их на преступления, выравнивает им путь к небу и питает их мысль призраками, отвращающими ее от обязанностей по отношению к народам*.

---

* «Ad generum Cereris sine caede et vulnere pauci.
Descendunt reges, et sicca morte tyranni».
[«Редко царей без убийства и ран отправляют к Плутону.
Смерть без насилия к нему отправляет немногих тиранов».]
Juven., Sat., X, 112.

Итак, повторяю: лишь вернув людей к природе, можно доставить им очевидные и надежные знания, при помощи которых они станут на верный путь к счастью, узнав свое настоящее место на земле. Ослепленная теологией человеческая мысль до сих пор не сделала ни одного шага вперед. Религиозные системы заставили ее сомневаться даже в наиболее достоверных истинах во всех отраслях знания. Суеверие оказало на все свое пагубное влияние. Руководствующаяся им философия стала какой-то мнимой наукой; покинув реальный мир, она ринулась в идеальный мир метафизики; забыв природу, она стала заниматься богами, духами, невидимыми силами, которые только затемнили и запутали все вопросы. При всех возникавших трудностях в ход пускалось божество, отчего все вещи только еще более запутывались и невозможно было что-либо прояснить. Теологические воззрения были придуманы точно для того, чтобы сбить с пути человеческую мысль и извратить очевиднейшие представления во всех науках. В руках теологов логика, т. е. искусство рассуждать, превратилась в какой-то непонятный жаргон и стала опорой софизмов и лжи, средством доказательства явно противоречивых положений. Мораль, как мы видели, стала чем-то ненадежным и расплывчатым, так как ее основали на представлениях о воображаемом существе, никогда не согласующихся друг с другом; приписываемые этому существу благость, справедливость, высокоморальные качества и полезные предписания на каждом шагу опровергались его несправедливыми делами и варварскими повелениями. Политика, как мы говорили, была извращена ложными идеями, внушавшимися государям об их правах. Юриспруденция и законы были подчинены капризам религии, чинившей помехи труду, торговле, промышленности, деятельности народов. Все было принесено в жертву интересам теологов; вместо науки они стали преподавать какую-то темную, полную спорных вопросов метафизику, из-за которой сотни раз проливалась кровь народов, неспособных ее понять.

Теология, эта *сверхъестественная* наука, от рождения враждебная опыту, была непреодолимым препятствием для развития естественных наук, почти всегда

встречавших ее на своем пути. Физике, естествознанию, анатомии было разрешено смотреть на все лишь через темные очки суеверия. Очевиднейшие факты с презрением или ужасом отвергались, если их не удавалось согласовать с религиозными гипотезами*. Одним словом, теология постоянно противилась счастью народов, прогрессу человеческой мысли, полезным исследованиям, свободе мысли; она удерживала человечество в невежестве; все его шаги под ее руководством были направлены по ложному пути. Можно ли считать решением проблем физики утверждение, что какие-нибудь удивляющие нас факты, малоизвестные явления (извержение вулкана, наводнение, появление кометы и т. д.) представляют собой знаки божьего гнева или же противоречат законам природы? Если людей станут убеждать, как это обычно делают теологи, что все испытываемые ими физические и моральные бедствия являются результатом божьей воли или же налагаемыми божеством наказаниями, то не будет ли это мешать поискам средств против этих бедствий?** Не полезнее ли подвергать исследованию природу вещей и отыскивать в ней или в человеческой технике средства против бедствий, от которых страдают люди, чем приписывать эти бедствия какой-то неизвестной силе, на волю которой никоим образом нельзя воздействовать? Изучение природы, исследование истины возвышают душу, обогащают ум, делают человека энергичным и мужественным; теологические же

---

* Зальцбургский епископ Виргилий был осужден церковью за то, что он осмеливался защищать учение о существовании антиподов. Всем известны преследования, которым подвергался Галилей за то, что он отрицал движение Солнца вокруг Земли. Декарт был вынужден окончить свои дни на чужбине. Попы правы в своем враждебном отношении к наукам: прогресс знания рано или поздно уничтожит подсказываемые суеверием взгляды. Ничто из того, что основывается на природе и истине, не может погибнуть; плоды же воображения и обмана рано или поздно должны быть отвергнуты.

** В 1725 г. Париж переживал голод, который чуть не вызвал народный бунт; тогда извлекли раку святой Женевьевы, божественной покровительницы парижан, и стали носить ее впереди торжественной процессии, надеясь таким образом справиться с этим бедствием, вызванным монополиями, в которых была заинтересована любовница тогдашнего первого министра.

учения способны только умалить человека, ограничить его умственный кругозор, лишить его мужества*. Вместо того чтобы приписывать мести божества войны, голод, неурожаи, эпидемии и разные другие народные бедствия, не лучше и не полезней ли показать народам, что эти бедствия происходят от их собственного безрассудства или, вернее, от страстей, инертности и тирании их государей, жертвующих благом государств ради своего ужасного безумия? Разве не лучше было бы, если бы эти безрассудные народы, вместо того чтобы искупать свои мнимые прегрешения и стараться умилостивить иллюзорные небесные силы, старались установить более разумное управление, являющееся верным средством устранить все те бедствия, от которых страдают народы? Естественные бедствия должны быть устранены с помощью естественных средств; наблюдение и опыт давно должны были бы убедить людей в бесполезности сверхъестественных лекарств, всяких искуплений, молитв, жертвоприношений, постов, процессий и т. д., в которых все народы тщетно искали спасения от своих злосчастий.

Итак, скажем в заключение, что теология со своими учениями не только не полезна человечеству, но, наоборот, является истинным источником бедствий последнего, ослепляющих его заблуждений, притупляющих его предрассудков, делающего его легковерным невежества, мучающих его пороков и угнетающих его правительств. Скажем также в заключение, что сверхъестественные представления о божестве, которые внушают нам с детства, являются истинной причиной наших обычных заблуждений, наших религиозных споров и разногласий, свирепствующих среди нас бесчеловечных гонений на инакомыслящих. Поймем же наконец, что именно эти пагубные воззрения исказили мораль, извратили политику, задержали прогресс наук, уничтожили мир и счастье в самом сердце человека. Пусть человек

---

* «Non enim aliunde venit animo robur, quam a bonis artibus, quam a contemplatione naturae». [«Душевная сила проистекает не из иного источника, как из добродетели и созерцания природы».] *Senec.*, Quaest. Natur., lib. VI, cap. 32.

знает, что все бедствия, из-за которых он обращает к небу полные слез глаза, имеют своим источником пустые призраки его воображения; пусть он перестанет молить их и пусть ищет в природе и своей собственной энергии той помощи, которой никогда не окажут ему глухие боги. Пусть человек прислушается к желаниям своего сердца, и он узнает свои обязанности по отношению к самому себе и другим; пусть человек изучит сущность и цель общества, и он не будет больше рабом; пусть человек обратится к опыту, и он отыщет истину и поймет, что заблуждение никогда не сумеет сделать его счастливым*.

Глава X

О ТОМ, ЧТО ЛЮДИ НИЧЕГО НЕ МОГУТ ВЫВЕСТИ ИЗ ВНУШАЕМЫХ ИМ ИДЕЙ О БОЖЕСТВЕ; О НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ И БЕСПОЛЕЗНОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К БОЖЕСТВУ

Как мы показали, ложные представления о божестве всегда не только бесполезны, но и вредны для морали, политики, общественного благополучия, входящих в состав общества отдельных индивидов и, наконец, для прогресса человеческого знания. Но в таком случае разум и наш собственный интерес должны побудить нас расстаться с пустыми воззрениями, которые всегда будут только сбивать нас с пути и вносить в наши сердца тревогу. Тщетно будем мы надеяться исправить теологические учения: будучи ложны в своих принципах, они не доступны никакому совершенство-

---

* Автор книги «Премудрости» правильно сказал: «Infandorum enim Idolorum cultus omnis mali est causa, et initium, et finis» (см. гл. XXVI, ст. 27). Он не понимал, однако, что его бог был идолом еще более пагубным, чем все прочие.

Но по-видимому, все те, кто искренне принимал к сердцу интересы человечества, поняли пагубность суеверия; этим, без сомнения, объясняется тот факт, что философия, являющаяся зрелым плодом размышлений, почти всегда воевала с религией, представляющей собой, как мы показали, плод невежества, обмана, восторженности и воображения.

ванию. Какой бы вид ни сообщить заблуждению, но, если люди начнут придавать ему очень большое значение, оно рано или поздно окажется настолько же распространенным, как и пагубным для них. Кроме того, безрезультатность всех исследований о божестве, представление о котором становилось тем туманнее, чем больше о нем размышляли, должна убедить нас, что эти представления не под силу нашему разуму и ни мы сами, ни наши потомки не будут обладать бóльшими знаниями об этом воображаемом существе, чем те, которыми обладали невежественнейшие дикари — наши предки. Предмет, о котором во все эпохи больше всего размышляли, рассуждали и писали, остается наименее известным из всех вещей; наоборот, с течением времени он стал еще более непостижимым. Если бог таков, каким его изображает современная теология, то надо самому быть богом, чтобы составить себе представление о нем!* Мы едва знаем человека, едва знаем самих себя и свои способности и в то же время беремся рассуждать о существе, не доступном ни одному из наших чувств! Ограничимся же областью, отмеженной нам природой, не покидая ее в погоне за призраками; займемся своим реальным благополучием; воспользуемся дарованными нам благами; постараемся умножить их, уменьшая количество наших заблуждений; подчинимся бедствиям, которых мы не можем избежать, и не будем умножать их, поддаваясь предрассудкам, способным только сбить с истинного пути нашу мысль. При малейшем размышлении мы должны будем воочию убедиться в том, что мнимая наука о божестве в действительности представляет собой претенциозное невежество, прикрывающееся пышными и непонятными словами. Покончим, наконец, с бесплодными исследованиями; признаем свое непреодолимое неведение,— это выгодней для нас, чем надменная наука, которая до сих пор только сеяла на земле семена раздора и причиняла горе человечеству.

---

* Один современный поэт написал получившее академическую премию стихотворение об атрибутах божьих, в котором особенное одобрение вызвал следующий стих:

«Чтобы сказать то, что он есть, надо быть им самим».

Допустив существование верховного разума, управляющего миром, допустив бытие бога, требующего от своих созданий, чтобы они знали его, были убеждены в его существовании, в его мудрости и могуществе и воздавали ему поклонение, мы должны будем признать, что на земле нет ни одного человека, в этом отношении соответствующего видам провидения. Действительно, доказано с полной очевидностью, что сами теологи не могут составить себе сколько-нибудь ясного представления о своем божестве*. Слабость и невразумительность приводимых ими в пользу бытия бога доводов, их постоянные противоречия, софизмы и petitio principii с полной очевидностью доказывают нам, что во всяком случае очень часто они сами находятся в величайшем недоумении относительно природы существа, являющегося объектом их профессиональных занятий. Но допустим, что они знают его, что его бытие, его сущность и атрибуты полностью им известны и не составляют для них никаких сомнений. Пользуются ли той же привилегией прочие смертные? По совести говоря, найдется ли на свете много лиц, обладающих достаточным досугом, умом и проницательностью, чтобы понять, что, собственно, означают разговоры о нематериальном существе, о чистом духе, который приводит в движение материю, не будучи сам материей, является двигателем природы, не содержась в ней и не будучи в состоянии ее коснуться? Найдется ли в наиболее преданных религии государствах много лиц, способных следить за своими духовными руководителями, когда те приводят утонченные доказательства бытия бога, которого они заставляют почитать?

Несомненно, лишь немногие люди способны рассуждать основательным и связным образом; для большинства работа мысли тягостна и непривычна. Простой народ, вынужденный усиленно трудиться, чтобы добы-

---

* Первый епископ гóтов, Прокопий, говорит самым определенным образом: «Я думаю, что *совершенно безрассудно желать проникнуть в познание природы бога*». И далее он признает, что «*о боге нельзя сказать ничего иного, кроме того, что он совершенно благ. Если кто-нибудь — священник или мирянин — знает больше, то пусть сообщит это*».

вать себе пропитание, обыкновенно не умеет размышлять. Вельможи, светские люди, женщины, молодежь — все они, будучи заняты своими делами, думая об удовлетворении своих страстей и о доставлении себе удовольствий, размышляют так же редко, как и толпа. Может быть, не найдется и двух человек на сотню тысяч, которые серьезно задумались бы над тем, что они понимают под словом *бог*, хотя очень редко можно найти людей, которые сомневались бы в бытии божьем. Но, как мы сказали, убеждение должно основываться на очевидности и одна лишь последняя приносит с собой достоверность. Где же люди, убежденные в существовании своего бога? У кого имеется полная уверенность в этой мнимой истине, столь важной для всех? Кто отдает себе отчет в своих представлениях о божестве, о его атрибутах, его сущности? Увы! Я нахожу лишь нескольких метафизиков, которые под влиянием своих постоянных занятий проблемой божества в безумии вообразили, будто они разбираются в своих путаных и несвязных представлениях о боге; эти метафизики попытались соединить эти представления в одно систематическое целое, призрачности которого они не видели, считая его по привычке подлинно реальным; всецело отдавшись этим спекулятивным бредням, они под конец уговорили себя, что понимают все, и успели убедить в этом других лиц, не предававшихся этим грезам так усиленно.

Религия народов, почитание ими богов их отцов и их жрецов держится только верой на слово: сила авторитета, доверчивость, покорность и привычка заменяют в глазах народов убеждение и доказательства; они простираются ниц и возносят молитвы, потому что их отцы научили их падать ниц и молиться. Но почему же стали преклонять колени их отцы? Потому, что в отдаленные времена их законодатели и вожди вменили им это в обязанность. «Поклоняйтесь богам,— сказали они,— и веруйте в них, хотя вы не можете их понять; полагайтесь в этом вопросе на нашу испытанную мудрость; мы знаем о божестве больше, чем вы». Но почему следует полагаться на них? Потому, что этого хочет бог, потому, что бог накажет вас, если

вы осмелитесь сопротивляться. Но разве сам бог не является предметом спора? Однако люди никогда не обращали внимания на этот порочный круг; по лености мысли они всегда предпочитали полагаться на суждения других лиц. Все религиозные учения целиком покоятся на силе авторитета; все религии запрещают свободное исследование и не терпят рассуждений; полагаясь на авторитет, мы должны верить в бога; сам же этот бог покоится только на авторитете нескольких людей, уверяющих, будто они знают его и посланы им для возвещения людям истины о нем. Созданный людьми бог, конечно, нуждается в людях, чтобы открыться миру*.

Итак, по-видимому, только для жрецов, пророков, метафизиков доступно убеждение в бытии бога, которого, однако, признают столь необходимым для человечества. Но наблюдается ли гармония между теологическими воззрениями различных мыслителей и пророков? Согласны ли в своих мнениях о божестве хотя бы люди, уверяющие, будто они почитают одного и того

---

* Люди легковерны в религиозных вопросах, как дети; так как они ничего не понимают в этих вопросах, а в то же время им говорят, что следует верить в бога, то они воображают, будто нет никакого риска в том, чтобы присоединиться к мнению жрецов, которые, как полагают верующие, могли угадать то, чего не понимают они сами. Самые рассудительные люди говорят себе: *что можно знать? какой интерес всем этим людям обманывать других людей?* Я отвечу им: они обманывают вас либо потому, что обмануты сами, либо потому, что им очень выгодно обманывать вас.

По признанию самих теологов, люди лишены *религии*: они имеют только *суеверия*. Суеверие, согласно теологам, *это — неразумное богопочитание, или же почитание ложного божества*. Но какой народ или какое жреческое сословие согласится признать, что его божество ложно, а богопочитание неразумно? Как решить, кто прав и кто виноват? Очевидно, что в этом вопросе все люди одинаково неправы. Действительно, Буддеус в своем «*Трактате об атеизме*» говорит нам: «*Для того чтобы какая-нибудь религия была истинной, необходимо не только, чтобы предмет ее почитания был истинным, но также, чтобы о нем имелось правильное представление. Поэтому тот, кто почитает бога, не зная его, почитает его превратным образом и виновен в суеверии*». Если согласиться с этим, то можно спросить решительно всех теологов на земле: обладают ли они *правильным представлением* о божестве или реальным знанием его?

же бога? Удовлетворены ли они аргументами своих единомышленников, доказывающих его существование? Согласны ли они между собой в вопросах о природе бога, его поведении, способе понимать его мнимые заповеди? Существует ли хоть одна страна на земле, где можно было бы отметить реальные успехи богословия? Достигла ли где-нибудь эта наука такой же устойчивости и единообразия, какие мы наблюдаем в других областях знания, в самых мелких искусствах, в самых жалких ремеслах? Увы! Слова вроде *дух*, *нематериальность*, *творение*, *предопределение*, *благодать*, множество теологических ухищрений, встречающихся в некоторых странах, изощренные, созданные мыслителями на протяжении ряда веков умозрения — все это только увеличило путаницу, и в результате якобы необходимейшая людям наука до сих пор не приобрела никакой устойчивости. На протяжении тысячелетий праздные мечтатели сменяли друг друга, размышляя над божеством, пытаясь обнаружить его скрытые пути, придумывая гипотезы, способные раскрыть эту столь важную для нас загадку, — все было безуспешно; однако отсутствие успеха у этих мечтателей не сбило спеси с теологии: о боге продолжали постоянно говорить, из-за бога не прекращались раздоры, из-за бога убивали друг друга; а между тем верховное существо по-прежнему остается совершенно неведомым и проблематичным*.

Люди были бы совершенно счастливы, если бы ограничились интересующими их видимыми предметами и потратили на усовершенствование своих реальных

---

* При хладнокровном рассмотрении вопроса можно было бы убедиться, что религия вовсе не создана для большинства людей, которые совершенно не способны разобраться в тонкостях, лежащих в ее основе. Найдется ли человек, что-нибудь понимающий в основных принципах своей религии: в *духовности* бога, в *нематериальности* души, в *таинствах*, о которых ему твердят ежедневно. Много ли найдется людей, способных похвастаться тем, что они разбираются в теологических спекуляциях, нередко способных нарушить покой народов? Между тем даже женщины считают своей обязанностью принимать участие в спорах, вызванных праздными мечтателями, менее полезными для общества, чем самые жалкие ремесленники.

наук, законов, морали, системы воспитания хоть половину усилий, посвященных исследованиям о божестве. Они были бы еще разумнее и счастливее, если бы предоставили своим праздным руководителям возможность предаваться бессмысленной грызне, не вмешиваясь в их нелепые споры о непонятных материях. Но невежество любит придавать значение именно тому, чего оно не понимает. Человек тщеславен и не любит отступать перед трудностями; чем более ускользает от нас какая-нибудь вещь, тем упорнее мы желаем овладеть ею: она задевает в этом случае наше самолюбие, раздражает наше любопытство и кажется нам интересной. С другой стороны, чем дольше и больше пришлось нам трудиться, осуществляя свои исследования, тем больше значения мы придаем своим реальным или мнимым открытиям; мы не желаем допустить, что потеряли время даром, и всегда готовы с жаром защищать правильность наших суждений. Не будем же удивляться тому, что невежественные народы всегда с живейшим интересом следили за распрями своих жрецов; не будем также удивляться упорству, с каким последние защищали в этих спорах свои взгляды. Сражаясь за своего бога, каждый сражался в действительности за интересы своего тщеславия, этой чувствительнейшей из человеческих страстей, легче других толкающей людей на всякого рода безумства.

Но отбросим на минуту негодные теологические представления о каком-то капризном, пристрастном боге, деспотически решающем судьбы людей; будем иметь в виду лишь его мнимую благость, которую единодушно признают все люди, хотя они и трепещут перед этим богом. Допустим, что божество, как нас уверяют, имело в виду лишь собственную славу в делах творения, требовало повиновения у разумных существ и заботилось о счастье человеческого рода; как, однако, примирить эти предположения с тем поистине непреодолимым неведением его природы, в котором этот столь благой и славный бог оставляет большинство людей? Если бог желает, чтобы его знали, любили, благодарили, то почему он не покажется в благоприятном свете тем разумным существам, любви и поклонения которых

он желает? Почему бы ему не предстать пред человечеством в совершенно определенном, недвусмысленном виде, способном убедить нас гораздо более, чем все эти частные откровения, являющиеся как бы свидетельствами его обидного пристрастия к некоторым отдельным лицам? Неужели всемогущий бог не обладает более надежными средствами показать себя людям, чем эти смехотворные превращения и воплощения, о которых сообщают нам ряд писателей, противоречащих друг другу в своих рассказах? Разве владыка вселенной не мог бы обойтись без всей этой массы чудес, придуманных разными религиозными законодателями для доказательства его существования, и сразу убедить человечество в истинности того учения, которое он желал ему преподать? Не лучше ли было бы, если бы этот бог, столь ревнивый к своей славе и столь благосклонный к людям, вместо того чтобы останавливать бег солнца на небосводе и беспорядочно рассыпать в пространстве светила и созвездия, бесспорным образом начертал свое имя, свои атрибуты, свою неизменную волю неистребимыми и одинаково понятными всему человечеству знаками?* Никто не мог бы тогда сомневаться в бытии бога, в его ясной воле, в его явных намерениях. Никто не осмеливался бы нарушить перед лицом этого столь очевидного бога его повеления; никто не дерзнул бы навлечь на себя его гнев; наконец, никто не решился бы наводить страх его именем и произвольно истолковывать его волю.

Теология поистине какая-то *бочка Данаид*. Нагромождая друг на друга противоречивые качества и рискованные утверждения, она, если можно так выразиться, связала своего бога и совершенно лишила его возможности действовать. Действительно, если даже

* Я предвижу, что теологи в ответ на вышеизложенное сошлются на свое coeli enarrant gloriam Dei[небеса повествуют о славе божьей]. Но им можно ответить, что небеса доказывают лишь могущество природы, неизменность ее законов, силу притяжения и отталкивания, силу тяготения, энергию материи и нисколько не свидетельствуют о существовании какой-то нематериальной причины, какого-то фантастического активного начала, какого-то противоречащего себе самому бога, никогда не способного сделать то, что он хочет.

предположить существование бога теологов и реальность его несовместимых друг с другом атрибутов, то отсюда все-таки ничего нельзя заключить относительно предписываемого религией людям богопочитания и определяемого ею поведения. Если бог бесконечно благ, то какой смысл нам бояться его? Если он бесконечно мудр, чего нам тревожиться о нашей судьбе? Если он всеведущ, зачем сообщать ему о наших нуждах и утомлять его нашими молитвами? Если он вездесущ, зачем воздвигать ему храмы? Если он владыка всего, зачем совершать ради него приношения и жертвы? Если он справедлив, то как можно считать его способным наказывать существа, которые он сам создал со слабостями? Если его благодать творит все за них, то на каком основании станет он их вознаграждать? Если он всемогущ, то можно ли его обидеть, можно ли ему сопротивляться? Если он разумен, то может ли он сердиться на слепцов, которым предоставил свободу безрассудства? Если он неизменен, то можем ли мы заставить его изменить свои повеления? Если он непостижим, то почему нам надо заниматься им? Если он возвестил свою волю, то почему вселенная не убеждена его словами? Если познание бога самое нужное для человека, то почему оно в то же время не самое очевидное и ясное?

Правда, бог теологов, как мы знаем, имеет два лика, но если он (как это допускает, не желая в том сознаться, теология) гневен, ревнив, мстителен и зол, то у нас тоже нет особых оснований обращаться к нему со своими мольбами и ломать себе голову, чтобы понять его сущность; наоборот, ради нашего теперешнего счастья и покоя мы должны перестать думать о нем и отнести его к категории тех неизбежных бедствий, которые только усиливаются, если о них думать. Действительно, если бог тиран, то как можно было бы его любить? Ведь привязанность и любовь несовместимы с постоянным страхом. Как любить господина, который дает своим рабам свободу оскорблять его лишь для того, чтобы потом самым варварским образом наказывать их за это? Если учесть, что этот гнусный бог является к тому же всемогущим и люди в его руках несчастные

игрушки его прихотей и его жестокости, станет ясно, что, какие бы усилия мы ни предпринимали, нам никогда не удастся избежать своей участи. Если жестокий или злой по природе бог обладает бесконечным могуществом и желает ради своего удовольствия навеки сделать нас несчастными, то ничто не сможет избавить нас от этой участи; будучи полон злобы, он, конечно, не станет считаться с нашими воплями: ничто не сможет смягчить его безжалостного сердца.

Итак, с какой бы точки зрения мы ни стали смотреть на бога теологов, у нас нет оснований воздавать ему поклонение или молиться ему. Если он бесконечно благ, справедлив, разумен и мудр, то чего станем мы просить у него? Если же он бесконечно зол и без нужды жесток (как думают все люди, не осмеливающиеся, однако, сознаться в этом), то наше несчастье непоправимо: подобный бог только издевался бы над нашими молитвами, и рано или поздно нам пришлось бы испытать предназначенную нам суровую участь.

Если признать это, то человек, избавившийся от горестных мыслей о божестве, имел бы значительное преимущество над вечно трепещущим суеверным человеком, так как он добился бы душевного спокойствия, делающего его более счастливым здесь, на земле. Если благодаря изучению природы ему удается освободиться от призраков, одолевающих мысль суеверного человека, то он наслаждается покоем, которого лишен последний. Благодаря исследованию природы все его страхи рассеиваются, его взгляды — истинные или ложные — становятся уверенными, безоблачное настроение духа заменяет тревоги и бури, бушующие в сердце всякого человека, поглощенного мыслями о божестве. Философ, рассматривающий вещи хладнокровно и с душевным спокойствием, не замечает во вселенной господствующего над ней неумолимого, всегда готового разить тирана; он понимает, что, совершая зло, не вносит беспорядка в природу, не оскорбляет ее двигателя, а вредит только самому себе или же людям, способным чувствовать результаты его поведения; он знает, каковы должны быть его обязанности; он предпочитает добродетель пороку и понимает,

что его собственный покой, довольство и счастье на земле обязывают его постоянно поступать добродетельным образом, любить добродетель, избегать порока, ненавидеть преступление, живя среди разумных существ, от которых он надеется получить счастье. Усвоив эти правила, он будет жить довольный самим собой и любимый всеми окружающими; он без всяких тревог станет ожидать конца своей жизни; у него не будет оснований бояться другого существования, которое последует за его земной жизнью; он не будет опасаться, что, добросовестно руководствуясь очевидностью, ошибется в своих рассуждениях; он поймет, что если вопреки его ожиданию существует какой-то благой бог, то последний не сможет наказать его за невольные заблуждения — плод полученной им от божества организации.

Действительно, если бы бог существовал и был разумным, справедливым, благим существом, а не свирепым, безрассудным, злобным гением, как часто любит изображать нам его религия, то чего должен был бы бояться добродетельный атеист, который, умирая, уснул бы, по его мнению, навсегда и увидел бы другое божество, о котором он ничего не знал и совершенно не думал всю свою жизнь?

«О боже,— сказал бы он,— о отец, скрывавшийся от своего ребенка! О непостижимый и скрытый двигатель, который остался мне неизвестным! Прости, если мой ограниченный ум не узнал тебя в природе, где все показалось мне связанным цепью необходимости; прости, если мое чувствительное сердце не сумело обнаружить твоих божественных черт в облике дикого тирана, которому с трепетом поклоняется суеверный человек; я мог признать лишь призраком ту груду несовместимых друг с другом качеств, которыми снабдило тебя суеверное воображение. Могло ли мое грубое зрение заметить тебя в природе, в которой все мои чувства обнаруживали лишь материальные вещи и преходящие формы? Мог ли я с помощью этих чувств обнаружить твою духовную сущность, не доступную никакому опыту? Мог ли я найти убедительное доказательство твоей благости в твоих делах, столь же часто

вредных, как и полезных для родственных мне существ? Мог ли мой слабый ум, вынужденный судить обо всем на основании собственных данных, уразуметь твой план, твою мудрость, твой разум, в то время как я видел во вселенной лишь постоянную смесь порядка и беспорядка, добра и зла, созидания и разрушения? Мог ли я почтить твою справедливость, когда преступление, как я это часто наблюдал, торжествует, а добродетель не перестает рыдать? Мог ли я распознать голос мудрого существа в двусмысленных, противоречивых, вздорных изречениях, приписанных тебе обманщиками в различных странах покинутой мной земли? Если я отказался верить в твое существование, то лишь потому, что не знал ни того, чем ты можешь быть, ни того, где тебя поместить, ни того, какие у тебя качества. Мое неведение простительно, так как оно было непреодолимо; мой ум не мог подчиниться авторитету некоторых людей, которые заявляли, что они так же мало понимают твою сущность, как и я, и, однако, вечно споря друг с другом, повелительно требовали от меня, чтобы я пожертвовал им полученным мной от тебя разумом.

Но, о боже, если ты любишь свои создания, то и я любил их подобно тебе; я пытался сделать их счастливыми в той сфере, в которой жил. Если ты создал разум, то знай, что я постоянно следовал его голосу; если тебе угодна добродетель, то знай, что мое сердце всегда чтило ее: я никогда не нарушал ее требований, выполняя их, когда мои силы позволяли мне это; я был нежным супругом и отцом, искренним другом, верным и усердным гражданином. Я помогал бедствующим, я утешал скорбящих; если мои слабости были вредны мне самому или тягостны для окружающих, то все же я никогда не был несправедлив к несчастным: я не присваивал достояния бедняка, я не мог без сострадания видеть слезы вдовы, я не мог спокойно слышать крики сироты. Если ты сообщил человеку потребность в общественной жизни, если ты хотел, чтобы общество продолжало существовать и было счастливым, то знай, что я был врагом всех, кто его угнетал или обманывал с целью воспользоваться его несчастьем.

Если я дурно думал о тебе, то лишь потому, что мой ум не мог постигнуть тебя; если я дурно говорил о тебе, то лишь потому, что мое слишком гуманное сердце не могло примириться с отвратительным изображением, которое выдавали мне за твой портрет. Мои заблуждения были плодом темперамента, который ты мне дал, обстоятельств, в которые ты поместил меня без моего ведома, и взглядов, которые вопреки мне проникли в мою голову. Если ты, как уверяют, благ и справедлив, то ты не можешь наказать меня за ошибки моего воображения и грехи, вызванные моими страстями,— это необходимые результаты полученной мной от тебя организации. Поэтому я не должен бояться тебя; я не страшусь уготованной мне тобой судьбы: твоя благость не допустит, чтобы я подвергся наказаниям за неизбежные ошибки; не лучше ли было бы мне не родиться, чем быть созданным в качестве разумного существа и пользоваться роковой свободой погубить себя. Если бы ты сурово наказал меня за то, что я руководствовался данным мне тобой разумом, если бы ты наказал меня за мои иллюзии, если бы ты рассердился за то, что, полный слабостей, я попал в западни, повсюду расставленные тобой для меня, то ты был бы самым несправедливым и жестоким из тиранов; ты был бы не богом, а злобным демоном, варварскому закону которого я вынужден был бы подчиниться, но тяжкое иго которого я, к собственному удовлетворению, сбросил хоть на некоторое время».

Так мог бы оправдываться ученик природы, внезапно перенесенный в фантастические сферы и очутившийся лицом к лицу с божеством, представления о котором диаметрально противоположны тому, что мы называем на земле мудростью, благостью, справедливостью. Действительно, теология точно создана для того, чтобы извратить все естественные понятия нашего ума; эта мнимая наука словно нарочно старается сделать из своего бога существо, находящееся в разительном противоречии с требованиями человеческого разума. Между тем здесь, на земле, мы вынуждены руководствоваться указаниями этого разума; если в загробном мире все отлично от земного существования, то совер-

шенно бесполезно думать или рассуждать о нем. Кроме того, зачем полагаться в этом вопросе на людей, которые способны судить о нем не лучше нас самих?

Как бы то ни было, если допустить, что бог — творец всего, то смешно думать, что можно угодить или не угодить ему нашими поступками, мыслями, словами; нелепо думать, будто человек — дело рук бога — может иметь заслуги перед ним или оказаться виноватым по отношению к нему: ясно, что человек не способен нанести вред всемогущему, бесконечно блаженному по своей сущности существу, ясно, что он не может не угодить тому, кто сделал его тем, кто он есть; его страсти, желания, склонности — необходимые следствия полученной им организации; мотивы же, побуждающие его волю делать добро или зло, зависят, очевидно, от качеств окружающих его вещей. Если разумное существо создало нас, дало нам наши органы, поместило нас в обстановку, в которой мы живем, сообщило определенные свойства предметам, которые действуют на нас и определяют нашу волю, то как можем мы обидеть его? Если у меня нежная, чувствительная, сострадательная душа, то лишь потому, что я получил от бога легко возбудимые органы и как следствие этого живое воображение, впоследствии развитое воспитанием; если я бесчувствен и жесток, то лишь потому, что природа дала мне невосприимчивые органы и как следствие этого тупое воображение и нечувствительное сердце. Если я придерживаюсь известной религии, то лишь потому, что получил ее от своих родителей, от которых я не мог не родиться и которые придерживались этой религии до меня: их авторитет, пример и советы заставили мой ум подчиниться указаниям их ума. Если я стал неверующим, то лишь потому, что я не способен ни бояться, ни восхищаться неизвестными вещами и благодаря особо сложившимся обстоятельствам моей жизни смог освободиться от иллюзий своего детства.

Поэтому, только не обдумав принципы своего учения, теолог может утверждать, будто человек способен угодить или не угодить создавшему его могущественному богу. Лица, думающие, что можно приобрести заслуги или провиниться перед своим богом, вообра-

жают, будто это верховное существо наградит их за организацию, которую оно само им дало, и накажет их за ту, которой оно им не дало. Руководствуясь этими странными идеями, мягкосердечный и любвеобильный верующий надеется когда-нибудь получить вознаграждение за пыл своего воображения; ревностный верующий не сомневается в том, что его бог когда-нибудь вознаградит его за едкость его желчи или жар его крови; неистовствующий желчный аскет (penitent) воображает, что его бог зачтет ему безумства, совершенные им под влиянием его ненормальной организации или фанатизма, и будет особенно доволен его мрачным настроением, суровостью осанки и ненавистью к удовольствиям; верующий фанатик и упорный религиозный спорщик не могут себе представить, чтобы их бог, которого они представляют себе по своему образу и подобию, мог благосклонно относиться к более флегматичным и менее желчным, наделенным менее бурной кровью людям. Всякий человек думает, что его организация лучше других и более всего сообразуется с организацией его бога.

Какие странные идеи о божестве должны быть у ослепленных смертных, воображающих, будто верховный владыка вселенной способен возмущаться какими-то изменениями, происходящими в их теле или духе! Какая бессмыслица думать, будто невозмутимое счастье бога может быть нарушено, а его планы расстроены мимолетными сотрясениями, происходящими в незаметных волокнах мозга одного из его созданий! Теология дает нам довольно жалкое представление о боге, могущество, величие и благость которого она не перестает прославлять!

Если в наших органах не произошло какого-нибудь резкого изменения, то не изменяются и наши ощущения, получаемые от предметов, хорошо знакомых нам на основании свидетельства наших чувств, опыта, разума. Мы ни при каких обстоятельствах не сомневаемся в белизне снега, в свете дня, в пользе добродетели. Иначе обстоит дело с предметами, которые всецело являются плодом нашего воображения и не подтверждаются постоянными свидетельствами наших чувств:

о них мы судим различно в зависимости от нашего настроения. Это настроение изменяется под влиянием бесчисленных невольных впечатлений, ежеминутно получаемых нашими органами от массы причин, как внешних, так и заключающихся в нашем собственном организме. Эти органы без нашего ведома испытывают непрерывные воздействия: они то расслабляются, то напрягаются в зависимости от упругости, давления, состояния температуры и степени влажности воздуха, состояния здоровья, температуры крови, обилия желчи, состояния нервной системы и т. д. Эти различные причины неизбежным образом влияют на представления, мысли, взгляды человека в любой данный момент; под влиянием их он по-разному видит рисуемые ему воображением вещи, которые не могут быть исправлены ни опытом, ни памятью. Вот почему религиозные представления постоянно рисуются человеку различным образом; в ту минуту, когда волокна его мозга будут предрасположены к дрожанию, он будет малодушным и трусливым и сможет лишь с трепетом думать о своем боге; в другой же момент, когда эти волокна будут тверже, он станет смотреть на того же бога хладнокровнее. Теолог или жрец назовут его малодушие *внутренним чувством*, *предупреждением свыше*, *тайным наитием*; но тот, кто знает человека, скажет, что это просто механическое движение, вызванное естественной физической причиной. Действительно, при помощи чисто физического механизма можно объяснить все нередко происходящие на протяжении какой-нибудь минуты изменения в воззрениях, взглядах, суждениях людей: под влиянием этого механизма они то рассуждают правильно, то несут вздор.

Вот каким образом, не прибегая к учениям о благодати, вдохновении, видениях и сверхъестественных движениях, можно объяснить ту неуверенность и те колебания, которые мы иногда замечаем у весьма просвещенных в других отношениях лиц, когда речь заходит о религии. Часто, несмотря на все доводы рассудка, они под влиянием мимолетного настроения впадают в детские предрассудки, от которых мы считали их совершенно свободными в других случаях. Эти

изменения бывают особенно заметны при недомогании, болезни, приближении смерти; умственный барометр тогда часто падает; призраки, которые ты презирал и истинную цену которых знал в состоянии здоровья, приобретают теперь новую силу; начинаешь трепетать, потому что твой организм ослабевает, начинаешь рассуждать нелепо, потому что твой мозг не способен правильно выполнять свои функции. Ясно, что в этом заключается истинная причина тех перемен, которыми жрецы злостно пользуются против неверия и с помощью которых они доказывают свои фантастические учения. *Обращения*, или перемены во взглядах людей, всегда зависят от какого-нибудь физического расстройства их организма, вызванного горем или какой-нибудь иной естественной причиной.

Наши взгляды, постоянно завися от физических причин, изменяются параллельно изменениям, происходящим в нашем теле; мы рассуждаем правильно, когда наше тело здорово и хорошо устроено; мы рассуждаем неправильно, когда это тело испытывает какое-либо расстройство; в этом случае наши идеи перестают быть связными: мы не способны правильно соединять их друг с другом, не можем вновь обрести свои принципы и извлечь из них верные выводы; наш мозг расстроен, и мы ничего не видим под правильным углом зрения. Есть люди, которые во время морозов не представляют себе своего бога таким же, как в облачную, дождливую погоду; они рисуют его себе по-разному в мрачном настроении и будучи веселы, находясь в обществе и пребывая в одиночестве. Здравый смысл подсказывает нам, что мы способны правильно рассуждать лишь тогда, когда наше тело здорово, а дух ничем не потревожен; только это состояние может обеспечить нам общий критерий, с помощью которого следует рассматривать наши суждения и исправлять наши понятия, когда какие-нибудь непредвиденные причины вносят в них изменения.

Если религиозные взгляды так непостоянны и зыбки у одного и того же индивида, то сколь различными они должны быть у разных существ, из которых складывается человеческий род? Если, быть может, не

существует и двух людей, совершенно одинаково видящих какой-нибудь физический предмет, то не должны ли они еще более различно смотреть на вещи, существующие лишь в их воображении? Сколь бесконечным разнообразием должны быть отмечены их представления об идеальном верховном существе, вынужденные меняться каждую минуту? Словом, было бы безрассудно приписывать людям то, что они должны думать о религии и боге: эти представления целиком являются плодом воображения, и у людей, как мы уже неоднократно говорили, никогда не будет общей меры для них. Бороться с религиозными взглядами людей —значит бороться с их воображением, их организацией, их привычками, дающими им возможность усвоить самые нелепые и необоснованные взгляды. Чем энергичнее работает воображение людей, чем пламеннее они относятся к вопросам религии, тем труднее разуму избавить их от призраков: эти призраки становятся необходимой пищей их пылкого воображения. Одним словом, бороться с религиозными взглядами людей — значит бороться с их страстью к чудесному. Люди, одаренные живым воображением, постоянно вопреки увещаниям разума возвращаются к призракам, благодаря привычке ставшим для них дорогими, хотя бы они были вредными или опасными; каждый из них в утешение себе украшает эти призраки на свой лад. Так, человек с мягкой душой нуждается в боге, которого он любил бы; счастливому мечтателю нужен бог, которого он мог бы отблагодарить, несчастному мечтателю нужен бог, принимающий участие в его страданиях; верующему меланхолического склада нужен бог, огорчающий его и поддерживающий в нем расстройство, ставшее необходимым для его болезненной организации. Мало того, неистовствующему аскету нужен жестокий бог, вменяющий ему в обязанность быть бесчеловечным по отношению к самому себе, а вспыльчивый фанатик считал бы себя несчастным, если бы бог не приказывал ему испытывать на других действие своего пылкого темперамента и своих буйных страстей.

Тот, кто довольствуется приятными иллюзиями, несомненно, менее опасен, чем мечтатель, душу которого

тревожат отвратительные призраки. Если мягкий и добродетельный человек не причиняет вреда обществу, то человек с сильными страстями рано или поздно окажется вредным для своих ближних. Бог таких людей, как Сократ или Фенелон, подходит для людей столь же мягких, как они сами; но он не может, не принося вреда, быть богом целого народа, где редко можно найти людей такого закала. Божество, как мы уже не раз указывали, навсегда останется для большинства смертных каким-то страшилищем, способным расстроить их воображение, разнуздать их страсти, сделать их вредными для окружающих. Если добродетельные люди рисуют себе своего бога в виде благого существа, то порочные, непреклонные, неспокойные, дурные люди аналогичным образом приписывают своему богу собственный характер и пользуются его примером, чтобы дать полный простор собственным страстям. Каждый человек созерцает призраки по-своему, а те, кто представляет божество в виде отвратительного, злого и жестокого существа, всегда будут значительно многочисленнее и опаснее, чем те, кто рисует его себе в привлекательных красках. На одного осчастливленного этим призраком придутся тысячи несчастных; рано или поздно бог станет неиссякаемым источником всякого рода расколов и безумств; он станет смущать невежд, на которых всегда имеют влияние обманщики и фанатики; он будет пугать трусов и малодушных, склонных из-за своей слабости к вероломству и жестокости; он заставит трепетать самых добродетельных людей, которые при всей своей добродетели будут бояться немилости своенравного и капризного бога; он не удержит от злодеяний дурных людей, которые, не думая о нем, станут совершать преступления или даже используют его, чтобы оправдать свои злодеяния. Одним словом, в руках тиранов этот тиранический бог послужит орудием подавления свободы народов и безнаказанного нарушения справедливости. В руках жрецов этот бог окажется талисманом, при помощи которого можно обмануть, ослепить и подчинить себе как государей, так и подданных; наконец, в руках народов этот идол всегда будет обоюдоострым оружием, которым они сами нанесут себе смертельнейшие раны.

С другой стороны, так как этот бог теологов представляет собой груду противоречий; так как, несмотря на его неизменность, его рисуют нам то как воплощенную доброту, то как самого жестокого и несправедливого из тиранов; так как, наконец, организм людей испытывает непрерывные изменения, то ясно, что божество не может всегда казаться одинаковым тем, кто им занимается. Лица, составившие себе самые благоприятные представления о боге, часто вынуждены признавать, что нарисованный ими портрет не во всем сходен с оригиналом. Горячо верующий человек и в высшей степени предубежденный фанатик не могут не видеть, как меняются их представления о божестве; будучи способны рассуждать, они поняли бы непоследовательность своего поведения по отношению к последнему. Действительно, они должны были бы заметить, что их поведение постоянно служит опровержением чудесных свойств и совершенств, приписываемых ими их богу. Молиться божеству — не значит ли это сомневаться в его мудрости, благости, провидении, всеведении, неизменности? Не значит ли это обвинять его в том, что он забывает свои создания, и требовать от него, чтобы он нарушил вечные веления своей справедливости и изменил установленные им самим неизменные законы? Молиться богу — не значит ли это сказать ему: «О мой боже! Я признаю твою мудрость, твое бесконечное всеведение и благость, однако ты забываешь меня; ты не думаешь о своем создании; ты не знаешь или притворяешься, будто не знаешь, чего ему недостает; разве ты не видишь, что я страдаю от чудесного порядка, внесенного твоими мудрыми законами в природу! Природа вопреки твоим повелениям в настоящее время делает мое существование невыносимым, и я умоляю тебя изменить сущность, сообщенную твоей волей всем вещам. Заставь стихии в данный момент потерять ради меня свои отличительные свойства: устрой так, чтобы тяжелые тела не падали, огонь не обжигал, а полученная мной от тебя хрупкая организация не страдала от ежеминутно испытываемых ею толчков. Ради моего благополучия исправь план, начертанный от века твоей бесконечной мудростью». Таковы приблизи-

тельно мольбы, возносимые всеми людьми; таковы их ежеминутные смехотворные просьбы к божеству, мудрость, разум и справедливость которого они прославляют, будучи, однако, почти всегда недовольны результатами этих божественных совершенств.

Не более последовательны люди и в вопросе о признательности, которой они, по их мнению, обязаны божеству. Разве не справедливо, говорят они, отблагодарить божество за его благодеяния? Разве не верх неблагодарности не почитать виновника нашего существования и творца всего того, что делает это существование приятным? Но, значит, скажу я им, ваш бог действует из интереса и похож на людей, которые, даже поступая бескорыстнейшим образом, требуют по крайней мере выражения признательности за оказанные ими благодеяния? Неужели ваш столь могущественный и столь великий бог нуждается в вашей признательности? Кроме того, на чем основывается эта ваша благодарность? Разве бог одинаково добр ко всем людям? Разве большинство из них довольно своей судьбой? Разве вы сами всегда удовлетворены своим существованием? Мне скажут, без сомнения, что само это существование — величайшее благо. Но как можно считать его серьезной выгодой? Разве оно не заключено в необходимом порядке вещей? Разве оно не вошло необходимым образом в неизвестный план вашего бога? Разве камень обязан чем-нибудь архитектору, который счел его необходимым для своей постройки? Разве вы знаете лучше, чем этот камень, скрытые намерения вашего бога? Разве, будучи способны чувствовать и рассуждать, вы не замечаете на каждом шагу, что этот чудесный план заставляет вас страдать? Разве сами ваши мольбы к зодчему мира не доказывают, что вы недовольны? Вы родились, не желая того; ваше существование — нечто довольно ненадежное; вы страдаете вопреки вашему желанию; ваши удовольствия и страдания не зависят от вас: вы не вольны ни в чем; вы ничего не понимаете в плане мирового зодчего, которым не перестаете восхищаться и в котором помимо вашего ведома нашли себе место; вы — постоянная игрушка обожествляемой вами необходимости; ваш бог, призвав вас

к жизни, заставляет вас потом покинуть ее; на чем же основываются ваши великие обязанности по отношению к провидению? Разве тот самый бог, который породил вас на свет и наделил потребностями, а ныне сохраняет вас, не отнимет у вас в один прекрасный момент всех этих мнимых преимуществ? Если вы считаете существование величайшим из благ, то разве потеря этого существования не есть, с вашей точки зрения, величайшее из бедствий? Если смерть и страдание являются огромным злом, то разве они не уравновешивают добра, заключающегося в факте жизни и в иногда сопровождающих ее удовольствиях? Если в планы провидения одинаково вошли ваше рождение и ваша смерть, ваши наслаждения и ваши муки, то я не вижу, почему вы должны благодарить его. Чем можете вы быть обязаны господину, который вопреки вашей воле заставляет вас появиться на этот свет, чтобы начать опасную, неравную игру, в которой вы можете проиграть или выиграть вечное блаженство?

Правда, нам говорят о загробной жизни, в которой человек будет якобы вполне счастлив. Но даже если допустить на минуту возможность загробной жизни (столь же мало обоснованной, как и бытие существа, от которого ее ожидают), то во всяком случае надо подождать благодарить за нее бога до тех пор, пока мы не узнаем ее на опыте: в знакомой нам земной жизни люди гораздо чаще несчастны, чем счастливы. Если бог не мог, не желал или не дозволил, чтобы его любимые создания были вполне счастливы на земле, то откуда мы знаем, что он сумеет или захочет сделать их более счастливыми в загробной жизни? Нам ответят ссылкой на откровения, на формальные обещания божества, обязавшегося вознаградить своих любимцев за бедствия, которые они терпят на земле. Допустим на минуту подлинность этих обещаний; но разве сами эти откровения не показывают нам, что благое божество назначило вечные мучения для большинства людей? Если эти угрозы реальны, то неужели люди должны быть признательны божеству, которое без их ведома наделило их жизнью, чтобы они, пользуясь своей мнимой свободой, подвергались риску вечных злополучий?

Не лучше ли было бы для них вовсе не существовать или же существовать в виде камней и животных, от которых, как предполагают, бог не требует ничего, чем пользоваться своими пресловутыми способностями и привилегией иметь заслугу и вину, что способно довести разумные существа до ужаснейшего несчастья? Если принять во внимание незначительное количество избранных и огромное число осужденных, то найдется ли здравомыслящий человек, который согласился бы, будь это в его воле, подвергаться риску вечного осуждения?

Итак, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали теологический призрак, люди, если бы они были последовательны хотя бы в своих заблуждениях, не должны были бы ни молиться богу, ни воздавать ему поклонения, ни благодарить его. Но в религиозных вопросах люди никогда не рассуждают; они следуют лишь порывам страха, импульсам воображения, темперамента, собственных страстей или страстей их руководителей, добившихся права диктовать им что угодно по своему разумению. Страх создал богов, ужас не перестает сопровождать их, а когда дрожишь от страха, то невозможно рассуждать здраво. Поэтому люди никогда не сумеют рассуждать правильно о вещах, смутное представление о которых всегда будет связано с мыслью о страхе. Если кроткий и добродетельный мечтатель видит в своем боге доброго отца, то большинство смертных смотрит на него как на грозного султана, злого тирана, жестокого и извращенного духа. Таким образом, мысль о боге всегда будет играть в истории человечества роль опасного фермента, способного довести человечество до рокового брожения. Если можно примириться с добрым богом, которого создал себе по своему подобию кроткий, человеколюбивый и мягкосердечный верующий, то в интересах человеческого рода уничтожить порожденного страхом и вскормленного меланхолией идола, представление о котором несет человечеству безумие и истребление.

Не будем, однако, надеяться, что разум способен сразу освободить человечество от заблуждений, являющихся плодом столь разнообразных причин. Было

бы бессмысленно рассчитывать в одно мгновение исцелить наследственные, заразительные, укоренившиеся за века своего существования заблуждения, которые постоянно поддерживаются невежеством, страстями, привычками, страхами, непрекращающимися бедствиями народов. Первые боги возникли под влиянием древнейших катастроф на земле; новые катастрофы породят новых богов, если старые будут забыты. Невежественные, несчастные и напуганные существа всегда будут создавать себе богов либо же по легковерию перенимать тех богов, которых им станут проповедовать обманщики или фанатики.

Поэтому ограничимся лишь указанием на веления разума тем, кто может услышать его голос; будем показывать истину тем, кто в состоянии выдержать ее блеск; будем просвещать тех, кто не желает бороться с очевидностью и не коснеет упорно в заблуждении; будем ободрять тех, кто не имеет сил порвать со своими иллюзиями. Внушим уверенность добродетельному человеку, которого его религиозные страхи тревожат больше, чем испорченного человека, всегда внимающего вопреки своим взглядам голосу своих страстей; будем утешать несчастного, стонущего под бременем слепо усвоенных им предрассудков; рассеем тревоги того, кто сомневается и в своих добросовестных поисках истины часто находит даже в самой философии лишь какие-то зыбкие, неустойчивые мнения. Прогоним в интересах гения иллюзию, отнимающую у него его время; избавим от религиозного кошмара робкого человека, который под влиянием своих напрасных страхов становится бесполезным для общества; отнимем у желчного человека бога, который терзает и ожесточает его, растравливая его желчь; лишим фанатика бога, который вкладывает ему в руку кинжал; лишим обманщика и тирана бога, которым они пользуются, чтобы устрашать, порабощать и обездоливать человеческий род. Освободив добродетельных людей от пугающих их представлений, не будем, однако, одобрять злонамеренных врагов общества; лишим их тех средств, на которые они рассчитывают в надежде искупить свои злодеяния; заменим неопределенные и направленные

на отдаленное будущее страхи, которые были не способны удержать их от преступлений, реальными, актуальными страхами; пусть они стыдятся, видя себя такими, каковы они есть; пусть они трепещут, зная, что их заговоры раскрыты; пусть они дрожат, боясь того дня, когда люди, терпевшие от их бесчинств, вдруг освободятся от заблуждений, которыми они пользовались для их порабощения.

Если мы не в состоянии излечить народы от укоренившихся в них предрассудков, то постараемся по крайней мере помешать им предаваться излишествам, до которых их часто доводила религия: пусть люди создают себе призраки, пусть они думают о них, что им угодно, но пусть, предаваясь своим бредням, они не забывают при этом, что являются людьми и что социальные существа не должны походить на диких зверей. Противопоставим вымышленным интересам неба реальные интересы земли. Пусть государи и народы, наконец, поймут, что выгоды, вытекающие из истины, справедливости, хороших законов, разумного воспитания, гуманной и мягкой морали, более прочны, чем те, которых они так тщетно ожидают от своих богов; пусть они поймут, что нельзя приносить столь реальные и серьезные блага в жертву каким-то сомнительным надеждам, так часто опровергавшимся опытом. Чтобы убедиться в этом, всякому разумному человеку достаточно обратить внимание на бесчисленные злодеяния, совершавшиеся во имя божье, ему достаточно изучить чудовищную историю бога и его гнусных служителей, повсюду разжигавших пламя раздоров и безумия. Пусть государи и подданные научатся по крайней мере иногда оказывать сопротивление страстям этих самозванных истолкователей воли божьей, особенно когда они станут от имени божества приказывать им быть бесчеловечными и нетерпимыми, заглушать требования природы, справедливости и разума и совершенно не думать об интересах общества.

Жалкие смертные! До каких же пор ваше столь деятельное и падкое до чудесного воображение будет стремиться за грани чувственного мира, вредя этим вам самим и существам, с которыми вы живете на

земле? Почему вы не следуете мирно по легкому и простому пути, начертанному вам вашей природой? К чему усеивать терниями дорогу жизни, зачем множить бедствия, на которые и без того обрекает вас ваш жребий? Каких выгод ожидаете вы от божества, которого вам еще не удалось до сих пор узнать, несмотря на объединенные усилия человечества? Забудьте же о том, чего не в состоянии понять человеческий ум; оставьте свои призраки; занимайтесь исследованием истины; научитесь искусству жить счастливо; улучшайте свои нравы, свои правительства, свои законы; думайте о воспитании, о возделывании земли, об истинно полезных науках; работайте усердно; заставьте своим трудом природу быть полезной вам, и тогда боги не сумеют сделать вам ничего. Предоставьте праздным мыслителям и бесполезным мечтателям бесплодный труд исследования бездны, от которой вы должны отвратить свои взоры. Наслаждайтесь благами, связанными с вашим теперешним существованием, умножайте их число; никогда не устремляйтесь за грани своего поприща. Если же вам нужны иллюзии, то разрешите вашим ближним также иметь свои иллюзии и не убивайте ваших братьев, если они станут фантазировать отличным от вас образом. Если вы желаете иметь богов, то пусть ваше воображение выдумывает их; но не забывайте из-за этих воображаемых существ своих обязанностей по отношению к реальным существам, с которыми вы живете.

Глава XI

АПОЛОГИЯ ВЗГЛЯДОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЭТОМ СОЧИНЕНИИ; О БЕЗБОЖЬЕ; СУЩЕСТВУЮТ ЛИ АТЕИСТЫ?

Все изложенное в этом сочинении должно было бы убедить людей, способных рассуждать, в ничтожности предрассудков, которым они придают такое значение. Но очевиднейшие истины оказываются бессильными против бредней воображения, привычки и страха;

нет ничего труднее, как уничтожить веками укоренявшееся в человеческом мозгу заблуждение. Оно несокрушимо, поскольку поддерживается всеобщим согласием, распространяется воспитанием, укрепляется привычкой и примером, охраняется авторитетом и постоянно получает новую пищу благодаря надеждам и страхам народов, видящих в этом заблуждении лекарство от своих страданий. Таковы те объединенные силы, которыми держится господство религии в этом мире и благодаря которым ее царству как будто нет конца.

Не будем же удивляться тому, что большинство людей любит свое ослепление и боится истины. Мы наблюдаем, что люди повсюду упорно привязаны к призракам, с помощью которых они надеются снискать благополучие, в то время как эти призраки являются в действительности источниками всех их бедствий. Толпа, любящая чудесное, пренебрегающая тем, что просто и понятно, не знакомая с законами природы, не умеющая пользоваться услугами разума, всегда падает ниц перед невидимыми силами, которым ее заставляют поклоняться. Она обращается к ним с жаркими мольбами, взывает к ним в несчастьях, жертвует им плодами своего труда, постоянно благодарит пустые идолы за блага, которых не получает от них, или же просит у них милостей, которых не может от них добиться. Ни опыт, ни размышление не могут разубедить ее; она не замечает, что эти боги всегда были глухи к ее мольбам; она винит за это саму себя, считает богов разгневанными на себя, дрожит, стенает, вздыхает у их ног, покрывает их алтари дарами и не видит, что эти столь могущественные существа подчинены природе и оказывают людям помощь лишь тогда, когда сама природа содействует им. Так народы оказываются соучастниками тех, кто их обманывает, относясь так же враждебно к истине, как и те, кто вводит их в заблуждение.

Очень мало людей, которые в той или иной мере не разделяют в религиозных вопросах взглядов толпы. На всякого человека, уклоняющегося от общепринятых мнений, смотрят вообще как на самоуверенного

безумца, высокомерно считающего себя более мудрым, чем другие. При упоминании магического имени религии и божества умами овладевает внезапный панический страх; при виде нападок на религию общество приходит в тревогу; каждому кажется, что владыка небес вот-вот направит свою мстительную руку против государства, в котором непокорная природа произвела чудовище, осмеливающееся не бояться его гнева. Даже самые спокойные лица считают мятежным безумцем того, что осмеливается оспаривать у этого мнимого владыки его сомнительные права. В силу этого всякий решающийся разорвать повязку предрассудков кажется безумцем, опасным гражданином; ему выносится почти единодушный приговор; общественное негодование, разжигаемое фанатизмом и обманом, не дает ему высказаться: всякий счел бы себя виновным, согласившись его выслушать; всякий боится оказаться его соучастником, не обнаружив своего негодования против него и своего рвения по отношению к грозному и разгневанному божеству. Таким образом, на человека, который прислушивается к голосу своего разума, на ученика природы, смотрят как на какое-то зачумленное существо; во враге тлетворного религиозного призрака видят врага человеческого рода; человека, желающего установить прочный мир между людьми, считают нарушителем общественного спокойствия; единогласно изгоняют того, кто хотел бы ободрить напуганных смертных, разбив идолы, перед которыми заставляют их трепетать предрассудки. При одном упоминании *атеиста* даже деист делается неспокойным, верующий человек начинает дрожать, жрец впадает в ярость, тиран готовит свои костры, а толпа рукоплещет наказаниям, к которым нелепые законы приговаривают истинного друга человеческого рода.

На такой прием должен рассчитывать всякий человек, осмеливающийся показать своим ближним истину, которую все как будто ищут, но боятся найти либо же не узнают, когда ее хотят им показать. Действительно, что такое атеист? Это — человек, уничтожающий пагубные для человечества иллюзии, чтобы вернуть людей к природе, опыту, разуму. Это — мысли-

тель, который, изучив материю, ее энергию, ее свойства и способы действия, не нуждается для объяснения естественных явлений и действий природы в каких-то идеальных силах, воображаемых интеллектах, вымышленных существах: все эти мнимые причины не только не объясняют природы, но делают ее непонятной, загадочной, бесполезной для человеческого счастья.

Таким образом, на людей, которые одни лишь обладают простыми и истинными представлениями о природе, смотрят как на нелепых мечтателей или недобросовестных мыслителей! Людей, составивших себе рациональные представления о движущей силе вселенной, обвиняют в отрицании существования этой силы; людей, видящих во всем происходящем в мире постоянные и твердые законы, обвиняют в том, что они *приписывают все случаю*; их называют слепыми и безумными фантазеры, воображение которых, блуждающее где-то в пустоте, приписывает естественные явления фиктивным, существующим лишь в их собственном мозгу причинам, мнимым существам, призрачным силам, которые эти фантазеры упорно предпочитают реальным, известным из опыта причинам. Ни один здравомыслящий человек не может отрицать существования энергии природы или силы, благодаря которой материя действует и движется; но точно так же ни один здравомыслящий человек не может приписывать этой силы существу, находящемуся вне природы, отличному от материи, не имеющему с ней ничего общего. Утверждать, будто эта сила находится в каком-то неизвестном существе, составленном из груды непонятных качеств и противоречивых атрибутов, т. е. в каком-то немыслимом целом,— не значит ли это утверждать, что этой силы вовсе не существует? Неразрушимые элементы— *атомы* Эпикура, движение, столкновение и сочетание которых производят все вещи, несомненно, представляют собой более реальные причины, чем бог теологов.

Таким образом, подлинные безумцы — это сторонники воображаемого, противоречивого, непостижимого существа, которого никак нельзя понять, которое является пустым словом, относительно которого можно все отрицать и нельзя ничего утверждать; безумцы, по-

вторяю я,— это люди, делающие из подобного призрака творца, двигателя и хранителя вселенной. Не являются ли настоящими *атеистами* мечтатели, неспособные связать никакого положительного представления с причиной, о которой они говорят без умолку? Не являются ли настоящими слепцами мыслители, делающие из чистого небытия источник всех вещей? Не верх ли безумия олицетворять абстрактные или отрицательные идеи и падать затем ниц перед плодом своего собственного воображения?

Между тем люди этого рода руководят общественным мнением, обрекая в жертву насмешек и мести людей более разумных, чем они сами. Если верить этим глубокомысленным фантазерам, то только безумцы могут отвергать существование в природе какого-то совершенно непостижимого двигателя. Но неужели безумно предпочитать известное неизвестному? Преступно ли обращаться к опыту за указаниями и считаться со свидетельством чувств при рассмотрении самого важного для нас вопроса? Неужели такое ужасное преступление — прислушиваться к голосу разума и предпочитать его веления высокопарным разглагольствованиям каких-то софистов, по их собственным словам ничего не понимающих в боге, которого они нам проповедуют? Между тем, по их утверждению, нет более гнусного злодеяния и более опасного для общества дела, чем отнять у религиозного призрака, которого они не знают сами, непонятные качества и все пышное великолепие свойств, которыми наделили его воображение, невежество, страх и обман; нет ничего более ужасного и преступного, чем пытаться успокоить людей и освободить их от кошмарного призрака, одна мысль о котором была источником всех их бедствий; нет ничего более важного, чем истребить смельчаков, дерзающих уничтожить невидимые чары, которые удерживают человечество в заблуждении: желание разбить оковы человечества рассматривается этими софистами как желание уничтожить самые священные его узы.

Под влиянием этих обвинений, постоянно возобновлявшихся обманщиками и повторявшихся невеждами, народы никогда не осмеливались прислушаться

к благодетельным указаниям разума, стремившегося освободить их от заблуждений. Друзей человечества не слушали, потому что они были врагами призраков. И вот народы продолжают пребывать в трепете; немногие мудрецы осмеливаются ободрять их; почти никто не дерзает выступать против зараженного суеверием общественного мнения; боятся могущества обманщиков и угроз тиранов, ищущих себе опору в иллюзиях человечества. Голоса торжествующего невежества и надменного фанатизма всегда заглушали слабый голос природы; природа вынуждена была умолкнуть, ее уроки были вскоре забыты; когда же она дерзала говорить, то чаще всего на каком-то загадочном языке, непонятном для огромного большинства людей. Разве мог простой народ, с таким трудом усваивающий очевиднейшие и яснейшие истины, понять скрытые за намеками и аллегориями тайны природы?

Наблюдая ярость, какую вызывают у теологов взгляды атеистов, присматриваясь к наказаниям, которым по их наущению подвергали последних, можно прийти к выводу, что эти ученые мужи вовсе не так уверены в бытии своего бога, как утверждают, и что они не считают взгляды своих противников столь нелепыми, как уверяют. Только недоверие, слабость и страх делают человека жестоким: на тех, кого презираешь, не сердишься; сумасшествие не считаешь подлежащим наказанию преступлением; над безумцем, который стал бы отрицать существование солнца, остается только смеяться: нужно самому быть безумцем, чтобы наказывать его. Бешенство теологов доказывает только слабость их позиции; бесчеловечность этих корыстных людей, профессия которых заключается в том, чтобы внушать народам иллюзии, доказывает, что только они одни извлекают выгоды из невидимых сил, которыми с таким успехом устрашают смертных*. Между тем именно эти тираны духа, не заботясь о последовательности своих принципов, уничтожают одной

* Лукиан[1] описывает, как Юпитер в споре с Менипом[2] пожелал поразить его молнией, на что философ заметил: «*А! Ты сердишься, ты хватаешься за свою молнию? Значит, ты неправ*».

рукой то, что воздвигают другой: именно они, приписав божеству бесконечную благость, мудрость и справедливость, потом клевещут на него и порочат его, утверждая, что оно жестоко, капризно, несправедливо, деспотично и жаждет крови несчастных людей. Именно теологи — подлинные безбожники.

Тот, кто не знает божества, не может нанести ему оскорбления и, следовательно, не может быть назван безбожником. *Быть безбожником*, говорит Эпикур, *вовсе не значит отнимать у толпы ее богов,— это значит приписывать богам взгляды толпы.* Быть безбожником — значит оскорблять бога, в которого веришь, сознательно посягать на него. Быть безбожником — значит признавать благого бога, проповедуя в то же время преследование и истребление людей. Быть безбожником — значит обманывать людей во имя божества, используя его для удовлетворения своих собственных гнусных страстей. Быть безбожником — значит утверждать, будто бесконечно блаженный и всемогущий бог может терпеть какой бы то ни было ущерб от своих жалких творений. Быть безбожником — значит лгать во имя бога, которого выдают за врага лжи. Наконец, быть безбожником — значит пользоваться божеством, чтобы вызывать смуты в государстве и порабощать народы тиранам; значит убеждать людей, что ложь угодна богу; значит приписывать богу преступления, сводящие на нет его божественные совершенства. Быть безбожником, а заодно и безумцем — значит создавать пустой призрак из бога, которому поклоняешься.

С другой стороны, быть благочестивым — значит служить своему отечеству, быть полезным своим ближним и трудиться ради их счастья; каждый может сделать это в меру своих способностей; мыслитель может оказаться полезным, если он имеет мужество провозглашать истину, бороться с заблуждениями, сражаться с предрассудками, повсюду мешающими счастью человечества; поистине полезно и даже нравственно обязательно вырывать у смертных кинжалы, которые вкладывает им в руки фанатизм, лишать обман и тиранию пагубной власти над общественным мнением, которой

они пользовались всегда и везде, чтобы строить на обломках свободы, безопасности, общественного счастья свое собственное благополучие. Быть поистине благочестивым — значит с благоговением соблюдать святые законы природы и верно следовать налагаемым ею на нас обязанностям, быть человечным, справедливым, добрым, уважать права людей. Быть благочестивым и рассудительным — значит отвергать бредни, мешающие понять советы разума.

Итак, что бы ни говорили фанатики и обманщики, человек, отрицающий бытие божие, основывающееся, как он видит, лишь на тревогах испуганного воображения; отвергающий вечно противоречащего самому себе бога; прогоняющий мысль о боге, вечно враждующем с природой, разумом, счастьем людей; избавляющийся от столь пагубного призрака, — может почитаться благочестивым, хорошим и добродетельным, если его поведение не уклоняется от неизменных предписаний природы и разума. Разве из того, что человек отказывается признать бытие внутренне противоречивого бога, а также приписываемые ему непонятные пророчества, следует, что он отказывается признать явные и очевидные законы природы, от которой зависит, власть которой испытывает, требования которой должен выполнять под угрозой наказания здесь, на земле? Правда, если бы добродетель по странному стечению обстоятельств заключалась в постыдном отказе от разума, в пагубном фанатизме, в бесполезных обрядах, то атеиста нельзя было бы считать добродетельным; но если добродетель заключается в том, чтобы каждый делал обществу все то добро, на которое способен, то атеиста можно признать добродетельным: нельзя считать его преступным, если при всей своей мягкости он мужественно выразит законное негодование против пагубных для счастья человечества предрассудков.

Прислушаемся, однако, к обвинениям, возводимым теологами на атеистов; хладнокровно и без гнева выслушаем изрыгаемую ими на атеистов брань. Теологам кажется, что атеизм—это верх безумия и извращенности; стремясь очернить своих противников, они объявляют абсолютное неверие плодом преступле-

ния или безумия. Мы не видим, говорят они, чтобы в гнусные заблуждения атеизма впадали люди, которые могут надеяться, что будущая жизнь будет для них блаженной жизнью. Одним словом, по мнению наших теологов, только голос страстей заставляет сомневаться в бытии существа, перед которым придется отчитываться за все злоупотребления, совершенные в земной жизни; только страх наказания порождает атеистов: нам без конца повторяют слова еврейского пророка, будто только безумцы могут отрицать существование божества*. Если верить некоторым, то нет ничего более черного, чем сердце атеиста, ничего более лживого, чем его ум: атеизм может быть лишь плодом нечистой совести, старающейся избавиться от терзающих ее мыслей. «Правы те,— говорит Дерхем[3],— кто считает атеиста каким-то чудовищем среди разумных существ, одним из редких монстров, которые, противореча всем другим людям, восстают не только против разума и человеческой природы, но и против самого божества».

Мы ответим на всю эту брань, предоставив самому читателю судить, действительно ли система атеизма так абсурдна, как утверждают эти глубокомысленные фантазеры, вечно спорящие друг с другом по поводу уродливых, противоречивых и странных созданий своего воображения**. Правда, система натурализма до сих пор не была развита во всем своем объеме; но непредубежденные люди могли бы все же разобрать, плохо или хорошо рассуждает автор-атеист, утаил ли он серьезнейшие трудности, добросовестен ли он, прибегает ли он подобно врагам человеческого разума

* «Dixit insipiens in corde suo: non est Deus». [«И сказал безумец в сердце своем: нет бога».] Если отбросить отрицание, то это предложение будет более верным. Кто захочет познакомиться с тем, как теологи ругают атеистов, пусть прочтет сочинение доктора Бентли[4], переведенное на латинский язык под названием «Stultitia atheismi» [«Глупость атеизма»].

** Наблюдая, как теологи не перестают обвинять атеистов в нелепостях, можно подумать, что они совершенно не знают возражений, выдвигаемых против них атеистами; правда, они недурно устроились в этом отношении: попы могут говорить и печатать все, что им угодно, в то время как их противники не могут нигде показаться.

к разного рода уловкам, софизмам, ухищрениям и тонкостям, всегда заставляющим подозревать, что автор либо не обладает подлинным знанием, либо боится истины. Таким образом, только чистые, добросовестные, разумные люди вправе судить, лишены ли оснований вышеизложенные принципы; суду этих честных людей ученик природы представляет свои взгляды: он вправе отвергнуть суждения заблуждающихся фанатиков, самоуверенных невежд и своекорыстных плутов. Привыкнув рассуждать, люди найдут во всяком случае основания сомневаться в этих несуразных понятиях, представляющихся бесспорными истинами лишь тем, кто никогда не исследовал их согласно требованиям здравого смысла.

Мы охотно согласимся с Дерхемом, что атеисты встречаются редко: суеверие до того извратило природу и ее права, фантазерство до того ослепило человеческий разум, страх до того смутил человеческое сердце, обман и тирания до того сковали мысль, а заблуждения, невежество и безумие до того спутали очевиднейшие понятия, что найдется мало людей, способных мужественно отрешиться от взглядов, внушаемых им со всех сторон. Действительно, некоторые теологи, несмотря на все свои выпады против атеистов, в иные минуты, по-видимому, сомневались даже в том, существуют ли вообще на свете последние, имеются ли люди, искренне отрицающие бытие божье*. В своих сомнениях эти

---

* Те самые люди, которые утверждают, что атеизм в наше время встречается так редко, допускают, однако, что в прошлом могли быть атеисты. Но как? Неужели природа обделила нас разумом по сравнению с людьми прошлого? Или, быть может, теперешний бог менее нелеп, чем боги древности? Неужели человечество достигло теперь бо́льших знаний относительно этого скрытого двигателя природы? Неужели бог современной мифологии, отвергнутый Ванини, Гоббсом, Спинозой и некоторыми другими мыслителями, более правдоподобен, чем боги языческой мифологии, отвергнутые Эпикуром, Стратоном[5], Теодором[6], Диагором[7] и т. д.? Тертуллиан утверждал, будто *христианство рассеяло невежество язычников относительно сущности божества и среди христиан не было такого ремесленника, который бы не видел и не знал бога*. Но сам Тертуллиан признавал телесность бога, а значит, согласно воззрениям современной теологии, был атеистом. См. прим. I гл. VI этой части.

теологи исходили, несомненно, из нелепых взглядов, приписывавшихся ими их противникам, которых они упорно обвиняли в приписывании всего *случаю*, *слепым* причинам, *инертной* и *мертвой* материи, неспособной действовать самостоятельно. Я думаю, мы достаточно подробно показали абсурдность этих нелепых обвинений; мы доказали ранее и повторяем теперь, что *случай*, лишенное смысла слово, которое подобно слову *бог* свидетельствует лишь о незнании истинных причин. Мы доказали, что материя не мертва; что природа, деятельная по своему существу и необходимо существующая, обладает достаточной энергией, чтобы произвести все заключающиеся в ней вещи и наблюдаемые в ней явления. Мы показали далее, что эта причина реальнее и понятнее, чем иллюзорная, противоречивая, непостижимая, немыслимая причина, которой теология приписывает все поражающие нас явления природы. Мы указали, что непостижимость естественных явлений не должна служить поводом для того, чтобы приписывать их причине еще более непонятной, чем все известные нам явления. Наконец, если нельзя на основании непостижимости бога отрицать его бытие, то все же несовместимость приписываемых ему атрибутов позволяет утверждать, что соединяющее их в себе существо — простой призрак, существование которого невозможно.

Теперь мы сможем установить смысл слова *атеист*, часто без разбора применяемого теологами ко всем тем, кто в чем-нибудь отклоняется от принятых ими взглядов. Если под *атеистом* понимать человека, отрицающего существование присущей материи силы, без которой невозможно понять природу, и если эту движущую силу назвать *богом*, то атеистов не существует и это слово могло бы применяться только для обозначения сумасшедших. Ну, а если под *атеистами* понимать людей, не вдающихся в фантазерство; руководствующихся опытом и свидетельством своих чувств; наблюдающих в природе лишь то, что в ней реально находится или что они способны в ней познать; считающих материю по существу своему активной и подвижной, находящейся в разнообразных сочетаниях, по при-

роде обладающей различными свойствами и способной произвести все наблюдаемые в ней вещи? Если под *атеистами* понимать физиков, убежденных, что можно без помощи всякой призрачной причины объяснить все явления одними законами движения, взаимоотношениями между разными вещами, их сродством, аналогиями, притяжением и отталкиванием, пропорциями, соединениями и разъединениями?* Если под *атеистами* понимать людей, которые не знают, что такое *дух*; не видят необходимости *одухотворять*, или делать непонятными, телесные, чувственные и естественные причины, являющиеся единственно реальными и активными; не считают целесообразным с точки зрения познания движущей силы мира отделять эту силу от мира и приписывать ее какому-то совершенно непонятному, помещенному вне великого целого существу, местопребывание которого никак нельзя установить? Если под *атеистами* понимать людей, которые откровенно сознаются, что не способны ни понять отрицательные атрибуты и теологические абстракции, ни примирить их с человеческими и моральными качествами, приписываемыми божеству, или же людей, которые утверждают, что из этой смеси несовместимых качеств может получиться только вымышленное существо, так как чистый дух лишен органов, необходимых для пользования человеческими качествами и способностями? Если под *атеистами* понимать людей, отвергающих

---

* Доктор Кедворт в гл. II своей «Systema intellectuale» насчитывает у древних четыре категории атеистов: 1) учеников Анаксимандра, называвшихся *гилопатами*, которые приписывали образование всего бесчувственной материи; 2) *атомистов*, или учеников Демокрита, приписывавших все столкновениям атомов; 3) *атеистов-стоиков*, признававших слепую, но действующую по неизменным правилам природу; 4) *гиловоистов*, или учеников Стратона, приписывавших материи жизнь. Полезно заметить, что способнейшие физики древности были явными или скрытыми атеистами; но их учение постоянно подавлялось суеверием простого народа и было почти совершенно затемнено фанатической и фантастической философией Пифагора и особенно Платона. Ведь неопределенное, загадочное, фантастическое берет обыкновенно верх над простым, естественным, понятным (*Le Clerc*[8] Bibliotheque Choisie, t. II).

призрак, отвратительные и несовместимые качества которого способны только нарушить спокойствие человеческого рода и довести его до пагубнейшего безумия? Если, скажу я, называть *атеистами* мыслителей этого рода, то нельзя сомневаться в их существовании. Их было бы множество, если бы учения здравой физики и истины здравого смысла были более распространены: тогда на них смотрели бы не как на безумцев или бесноватых, но как на людей, свободных от предрассудков, взгляды или, если угодно, невежественные представления которых были бы полезнее человечеству, чем мнимые знания и пустые гипотезы, издавна являющиеся истинными причинами его бедствий.

С другой стороны, если *атеистами* станут называть людей, вынужденных признать, что они не имеют никакого представления о призраке, почитаемом и проповедуемом ими другим; неспособных объяснить ни природу, ни сущность своего обоготворенного призрака; никогда не согласных между собой по вопросу о доказательствах бытия, качествах и способе действия своего бога; путем бесчисленных отрицаний превращающих этого бога в чистое *небытие*; простирающихся или заставляющих других простираться ниц перед нелепыми вымыслами своего безумствующего воображения,— если, говорю я, *атеистами* назовут людей этого рода, то придется признать, что мир полон атеистов и к ним можно отнести даже искуснейших теологов, без конца рассуждающих о том, чего они не понимают; спорящих по поводу существа, бытия которого они не могут доказать; успешно устраняющих своими противоречиями возможность этого бытия; сводящих на нет совершенства бога бесчисленными несовершенствами, которыми они его наделяют; восстанавливающих людей против бога приписываемой ему жестокостью. Наконец, можно было бы считать подлинными атеистами те легковерные народы, которые, почитая традиции, слепо падают ниц перед существом, представление о котором они получают от своих духовных руководителей, сознающихся в своем непонимании бога. *Атеист* — это человек, который не верит в существование

бога; но никто не может быть уверенным в бытии существа, которого не понимает и которое, как уверяют, должно соединять в себе несовместимые качества.

Все вышеизложенное доказывает, что теологи сами не всегда понимали, в каком смысле ими употреблялось слово *атеист*; они пользовались этим словом как бранным обозначением людей, взгляды и принципы которых расходились с их собственными воззрениями. Действительно, мы знаем, что эти хитроумные ученые мужи, всегда с упорством придерживающиеся своих взглядов, любили обвинять в атеизме всех тех, кому хотели повредить, кого желали очернить, чьи взгляды стремились выставить в невыгодном свете; поступая так, они были уверены, что встревожат неразумную чернь таким туманным обвинением, таким прозвищем, с которым невежество связывает представление о чем-то ужасном, не зная его истинного смысла. В результате подобной политики сторонники одних и тех же религиозных учений, поклонники одного и того же бога нередко в пылу своих религиозных распрей обвиняли друг друга в атеизме: быть атеистом в данном случае значило, собственно, не разделять во всем взглядов тех, с кем споришь по религиозным вопросам. Толпа во все времена считала атеистами тех, кто думал о божестве иначе, чем вожди, за которыми она привыкла следовать. Сократ, почитатель единого бога, был в глазах афинского народа атеистом.

Мало того, как мы уже указывали, в атеизме часто обвиняли даже таких лиц, которые особенно потрудились над установлением бытия божьего, но не привели для этого удовлетворительных доказательств; так как в этом вопросе все аргументы более или менее неполноценны, то врагам таких лиц нетрудно было выдать их за атеистов, которые коварно предали дело божье и нанесли ему вред его слабой защитой. Я не буду останавливаться на том, как шатка истина, которую называют совершенно очевидной и в то же время постоянно пытаются доказывать, никогда не удовлетворяя, однако, этими доказательствами даже лиц, по их словам, вполне убежденных в ней. Во всяком случае остается фактом, что в результате

рассмотрения принципов авторов, пытавшихся доказать бытие бога, их находили обыкновенно слабыми или ложными, так как они не могли быть ни убедительными, ни истинными; сами теологи должны были сознаться, что их противники могли бы извлечь из этой аргументации выводы, противоречащие выгодным для них взглядам; под влиянием этого теологи часто резко выступали против тех людей, которые воображали, что нашли убедительнейшие доказательства бытия божьего; последние, без сомнения, не понимали, что аргументация тех, кто пытается доказать бытие мнимого и противоречивого существа, которое всякий человек видит по-своему, не может быть неуязвимой*.

Одним словом, в атеизме и безбожии обвиняли почти всех, кто с особенным жаром защищал бога теологов; на его усерднейших сторонников смотрели как на перебежчиков и изменников; от этого упрека не могли избавиться даже самые набожные теологи; они беспощадно обвиняли в этом друг друга, и, без сомнения, все заслужили обвинения в атеизме, если под атеистами понимать людей, мнения которых о их боге не выдерживают малейшего прикосновения критики.

---

* Что сказать о взглядах человека, выражающегося подобно Паскалю в § VIII его «Мыслей», где он обнаруживает полную неуверенность в существовании бога? «*Я исследовал,— пишет он,— не оставил ли этот бог, о котором все говорят, каких-нибудь своих следов. Я смотрю во все стороны и повсюду вижу лишь мрак. Все, что я наблюдаю в природе, дает повод для сомнений и тревог. Если бы я не видел в ней ничего, что указывает на признаки божества, то решился бы ничему не верить. Если бы я повсюду видел признаки творца, то успокоился бы в лоне веры. Но, видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы вполне увериться, я нахожусь в плачевном положении; сотни раз я хотел, чтобы природа, если ею управляет бог, указала на это недвусмысленным образом или, если свидетельства, доставляемые ею, сомнительны, окончательно уничтожила их; я хотел видеть в ней все или ничто, чтобы знать, чего мне придерживаться*». Вот каково состояние сильного ума, борющегося со сковывающими его предрассудками.

Глава XII

СОВМЕСТИМ ЛИ АТЕИЗМ С НРАВСТВЕННОСТЬЮ?

Доказав существование атеистов, вернемся к тем оскорблениям, которыми осыпают их богопочитатели. «Атеист,— согласно Аббади,— не может обладать добродетелью; для него добродетель лишь призрак, честность — пустой звук, добросовестность — просто глупость... Его единственный закон — личная выгода; если этот взгляд верен, то совесть является предрассудком, естественный закон — иллюзией, право — заблуждением, доброта лишается всякой основы, общественные связи распадаются, верность пропадает, друг всегда готов предать своего друга, гражданин — изменить своему отечеству, сын — убить своего отца, чтобы воспользоваться наследством, если только к этому представится случай и ему удастся избежать карающего меча правосудия, которого только и следует бояться. Самые нерушимые права и священные законы являются с этой точки зрения только грезами и сновидениями»*.

Этому описанию может соответствовать поведение не мыслящего, чувствующего, рассуждающего, разумного существа, а какого-то дикого зверя, безумца, не имеющего ни малейшего представления об естественных отношениях, связывающих между собой существа, необходимые друг другу для их взаимного счастья. Мыслимо ли, чтобы одаренный хоть каплей здравого смысла и способный к наблюдениям человек позволил себе поступать так, как согласно вышеизложенному должен поступать атеист, т. е. человек, достаточно здравомыслящий, чтобы избавиться на основании доводов разума от предрассудков, которые ему постоянно внушались как нечто священное и значительное? Мыслимо ли, говорю я, чтобы в каком-нибудь цивилизованном государстве нашелся столь темный гражданин, который не понял бы своих самых естественных обязан-

---

* *Abbadie*, De la vérité de la religion chrétienne, t. I, ch. XVII. [*Аббади*, Об истинности христианской религии, т. I, гл. XVII.]

ностей, самых насущных интересов, опасностей, которым он подвергается, нарушая покой своих ближних и следуя только голосу своих изменчивых желаний? Ведь самое тупое существо должно понять, что общество выгодно для него, что оно нуждается в помощи других людей, что уважение его ближних необходимо ему для собственного счастья, что гнев окружающих очень опасен для него, что законы угрожают карами любому их нарушителю. Всякий человек, получивший порядочное воспитание, испытавший в детстве ласки отца, а затем прелести дружбы, воспользовавшийся добрыми делами людей, знающий цену доброты и справедливости, понимающий очарование привязанности наших ближних, опасность их отвращения и презрения к себе,— не может не бояться потерять все эти несомненные выгоды и навлечь на себя серьезнейшую опасность своим поведением. Разве стыд, страх, презрение к самому себе не будут тревожить его покоя, когда, углубившись в себя, он станет глядеть на себя чужими глазами? Разве угрызения совести существуют лишь у тех, кто верит в бога? Разве мысль о возможности быть увиденным существом, о котором имеешь лишь самые смутные понятия, сильнее, чем мысль о возможности быть увиденным людьми и самим собой, о вечном страхе и жестокой необходимости ненавидеть себя и краснеть, думая о своем поведении и неизбежно вызываемых им чувствах?

Имея это в виду, мы ответим Аббади, шаг за шагом опровергая его обвинения, что атеист — это человек, знающий природу и ее законы, а также свою собственную природу и налагаемые ею на него обязанности; атеист обладает опытом, а этот опыт на каждом шагу показывает ему, что порок может ему повредить, что его самые сокровенные проступки и самые тайные наклонности могут когда-нибудь обнаружиться; этот опыт показывает ему, что общество полезно для его счастья, что в его собственных интересах любить отечество, которое защищает его и дает ему возможность спокойно наслаждаться благами природы, что он может быть счастливым, лишь заставив себя любить, что отец — его вернейший друг, что неблагодарность

уменьшила бы расположение к нему его благодетелей, что правосудие необходимо для охраны всякого общества и ни один человек, как бы он ни был могуществен, не может быть доволен собой, если является предметом общественной ненависти и знает это.

Тот, кто зрело размышлял о самом себе, о своей собственной природе и природе своих ближних, о своих потребностях и средствах удовлетворить их, должен прийти к сознанию своих обязанностей по отношению к самому себе и другим; у него имеются, следовательно, нравственность и реальные побуждения сообразоваться с ней; он не может не понимать, что эти обязанности необходимы; и если слепые страсти и порочные привычки не помешают ему правильно рассуждать, то он поймет, что добродетель является для каждого человека вернейшей дорогой к счастью. Все взгляды атеиста или фаталиста основываются на необходимости, поэтому их моральные теории, покоящиеся на необходимости вещей, во всяком случае более прочны и неизменны, чем умозрения по поводу бога, изменяющиеся в зависимости от настроений и страстей его поклонников. Природа вещей и ее вечные законы не подлежат изменению; атеист всегда вынужден называть пороком и безумием то, что ему вредно, преступлением то, что вредно другим, добродетелью то, что выгодно последним и содействует их длительному счастью.

Итак, мы видим, что принципы атеиста менее шатки, чем принципы фантазера, строящего свою нравственность на вымышленном существе, представление о котором так часто меняется даже у него самого. Если атеист отрицает бытие божье, то он не может отрицать своего собственного бытия, а также бытия окружающих его и подобных ему существ; он не может сомневаться в отношениях, существующих между ними и им, в необходимости обязанностей, вытекающих из этих отношений, а следовательно, и в принципах нравственности, которая является не чем иным, как наукой об отношениях, существующих между живущими в обществе людьми.

Если атеист, довольствуясь бесплодной теорией о своих обязанностях, не применяет ее в своем поведе-

нии; если, будучи увлечен своими страстями и преступными привычками или же став жертвой постыдных пороков и игрушкой ненормального темперамента, он забывает свои моральные принципы, то отсюда не следует, что у него вовсе нет принципов или его принципы ложны; отсюда можно только вывести, что, опьяненный своими страстями, с затуманенной головой, он не применяет на практике весьма верных теорий и, следуя сбивающим его с пути наклонностям, забывает вполне надежные принципы.

Действительно, нет ничего более обычного среди людей, чем резкое расхождение между разумом и сердцем, т. е. между темпераментом, страстями, привычками, прихотями, воображением, с одной стороны, и разумом, или же рассудком, размышлением — с другой. Нет ничего более редкого, чем гармония этих двух начал, но в этом-то случае теория и влияет на практику. Самые надежные добродетели — те, которые основываются на темпераменте людей. Действительно, разве мы не наблюдаем ежедневно, как люди противоречат сами себе? Разве их рассудок не осуждает постоянно излишеств, на которые их толкают страсти? Одним словом, все показывает нам, что люди, обладающие прекраснейшей теорией, нередко совершенно не применяют ее на практике и, наоборот, люди, исходящие из самых порочных теорий, часто ведут себя достойнейшим образом. Среди сторонников самых диких, жестоких и нелепых религий мы встречаем добродетельных людей; мягкий характер, чувствительное сердце и кроткий темперамент заставляют их вопреки их безумным теориям поступать гуманно согласно законам их природы. Среди поклонников жестокого, мстительного и ревнивого бога мы встречаем кротких людей, врагов всякого преследования, насилия, жестокости, а среди последователей милосердного и сострадательного бога — чудовищ варварства и бесчеловечности. Однако и те и другие утверждают, что их бог должен служить им образцом. Почему же они не сообразуются с этим образцом? Потому, что темперамент человека всегда сильнее, чем его боги; потому, что даже самые злобные боги не всегда в состоянии испортить добро-

детельную душу, а самые кроткие боги не могут исправить преступную натуру. Особенности человеческой организации всегда будут сильнее религии; окружающие нас предметы, интересы данного момента, укоренившиеся в нас привычки, общественное мнение имеют больше власти над нами, чем какие-то воображаемые существа или отвлеченные умозрения, сами зависящие от особенностей нашей организации.

Поэтому нужно определить, истинны ли принципы атеиста, а не похвально ли его поведение. Разумеется, атеист, который, обладая превосходной теорией, основывающейся на данных природы, опыта и разума, предается излишествам, опасным для него самого и пагубным для общества, показывает тем самым, что он непоследовательный человек. Но и в этом отношении он не хуже верующего, который, веруя в доброго, справедливого, совершенного бога, тем не менее совершает во имя его ужаснейшие поступки. Тиран-атеист не страшнее тирана-фанатика. Неверующий философ не так опасен, как жрец-фанатик, сеющий раздор между своими согражданами. Обладающий властью атеист отнюдь не опаснее, чем король-гонитель или свирепый инквизитор, верующий меланхолик или мрачный изувер. Последние, конечно, встречаются не реже, чем атеисты, взгляды и пороки которых далеко не в состоянии влиять на общество, преисполненное предрассудков и поэтому неспособное даже выслушать их.

Невоздержанный и сластолюбивый атеист не более страшен, чем суеверный человек, сочетающий со своими религиозными взглядами распущенность и развращенность. Неужели кто-либо серьезно думает, будто атеист или вообще человек, не боящийся мести неба, станет ежедневно напиваться, соблазнит жену своего друга, взломает дверь своего соседа, позволит себе всякого рода излишества, пагубные для него и заслуживающие наказания? В пороках атеиста нет поэтому ничего особенного по сравнению с пороками религиозного человека: в этом отношении они стоят друг друга. Неверующий тиран не хуже для своих подданных, чем тиран верующий: находящиеся под владычеством последнего народы нисколько не счастливее от того, что управ-

ляющий ими тигр верит в бога, осыпает его жрецов подарками и преклоняет перед ними колени. В государстве же, управляемом атеистом, по крайней мере не надо бояться религиозных притеснений, преследований за инакомыслие, гонений или неслыханных насилий, предлогом для которых даже в царствование кротчайших государей являются интересы неба. Если какой-нибудь народ оказывается жертвой страстей и безумств неверующего государя, то он по крайней мере не страдает ни от слепой приверженности последнего к непонятным ему теологическим учениям, ни от его фанатического рвения, самого разрушительного и пагубного из всех страстей государя. Тиран-атеист, преследующий людей из-за различий во взглядах, был бы человеком, не следующим своим принципам; он только лишний раз подтвердил бы то наблюдение, что люди гораздо чаще следуют своим страстям, интересам, темпераментам, чем своим теориям. Во всяком случае ясно, что у государя-атеиста меньше предлогов, чем у верующего правителя, дать простор своей природной злобе.

Действительно, если решиться хладнокровно исследовать этот вопрос, то легко убедиться, что имя божье всегда было на земле предлогом для разнуздывания людских страстей. Честолюбие, обман и тирания, объединившись между собой, использовали его, чтобы довести народы до ослепления и поработить их. Государь пользуется им, чтобы придать божественный ореол своей особе, небесную санкцию своим правам, вид повелений свыше своим несправедливейшим и нелепейшим прихотям. Жрец пользуется им, чтобы оправдать свои притязания, безнаказанно удовлетворить свою жадность, гордость и стремление к независимости. Мстительный и раздражительный изувер пользуется им, чтобы дать полный простор своей мести и своей жестокости, своей ярости, которую он называет угодным богу рвением. Одним словом, религия пагубна, так как она узаконивает и оправдывает страсти и преступления, плоды которых пожинает. Согласно утверждению служителей религии, все позволено, когда надо отомстить за всевышнего, и, таким образом, божество

существует как будто лишь для того, чтобы оправдывать и прикрывать гибельнейшие злодеяния. Когда атеист совершает преступление, он по крайней мере не может ссылаться на своего бога, который якобы приказывает ему и одобряет его поступок; между тем именно ссылкой на божество изувер оправдывает свою злобу, тиран — свои гонения, жрец — свою жестокость и непокорность, фанатик — свои излишества, монах — свою бесполезность.

«Не абстрактные теоретические взгляды, но страсти,— говорит Бейль,— побуждают нас действовать». Атеизм — это такое мировоззрение, которое не сделает из добродетельного человека дурного, а из дурного — добродетельного. «Последователи Эпикура,— говорит тот же автор,— не стали развратными оттого, что они усвоили учение Эпикура; наоборот, они усвоили плохо понятое ими учение Эпикура лишь потому, что были развратны*. Точно таким же образом испорченный человек может усвоить учение атеизма, воображая себе, что оно дает полный простор его страстям. Но конечно, он заблуждается: правильно понятый атеизм основывается на требованиях природы и разума, которые в отличие от религии никогда не оправдывают преступлений дурных людей.

Так как нравственность поставили в зависимость от существования и воли бога, из которого сделали образец для людей, то это, несомненно, должно было повлечь за собой весьма отрицательные последствия. Развратные люди, обнаружив всю ложность и сомнительность этих гипотез, дали простор всем своим порокам; решили, что нет никаких реальных оснований делать добро; вообразили, что добродетель, как и боги, простой призрак и нет никаких причин поступать добро-

---

* *Bayle*, Pensées diverses, § 177. [*Бейль*, Разные мысли, 177.]

Сенека сказал до него: «Ita non ab Epicuro impulsi luxuriantur, sed vitiis dediti, luxuriam suam in philosophiae sinu absconduntur» (*Senec.*, De vita beata, cap. XII). [«Таким образом, они развратничают не под влиянием Эпикура, а, предаваясь порокам, прикрывают свой разврат плащом философии». (*Сенека*, О счастливой жизни, гл. XII.)]

детельным образом. Но ведь ясно, что мы должны исполнять нравственные обязанности не потому, что созданы каким-то богом; мы обязаны делать это как люди, как разумные существа, живущие в обществе и стремящиеся обеспечить себе счастливое существование; независимо от того, существует или не существует бог, наши обязанности останутся неизменными; изучая природу человека, мы убедимся, что пороки — зло, а добродетель вполне реальное благо*.

---

* Уверяют, будто существовали философы-атеисты, отрицавшие различие между пороком и добродетелью и проповедовавшие распущенность нравов. К ним относят из древних Аристиппа[1], Теодора, по прозвищу Атеист, Биона из Борисфена[2], Пиррона[3] и т. д. (см. Диоген Лаэртский), а из современных мыслителей — автора «Басни о пчелах»[4], который, может быть, просто желал показать, что при теперешнем положении вещей пороки как бы вошли в плоть и кровь народов и стали им необходимы, подобно тому как крепкие напитки необходимы привыкшему к ним человеку. Автор вышедшей недавно книги «Человек-машина»[5] рассуждает о нравственности воистину как буйно помешанный. Если бы эти авторы считались с указаниями природы относительно морали, как и относительно религии, то они убедились бы, что природа не только не ведет к пороку и распущенности, но, наоборот, ведет к добродетели.

«Nunquam aliud natura, aliud sapientia dicit».
[«Природа и мудрость никогда не противоречат друг другу».]
Juven., Satur., 14, v. 321.

Несмотря на мнимые опасности, таящиеся, по мнению многих лиц, в атеизме, древние авторы не высказывались о нем так отрицательно. Диоген Лаэртский сообщает, что Эпикур был невероятно добр, что его отечество воздвигло ему памятники, что у него было бесчисленное множество друзей и его школа существовала очень долго (см. Диоген Лаэртский, X, 9). Хотя Цицерон был противником эпикуреизма, однако он самым лестным образом отзывается о добродетели Эпикура и его учеников, связанных между собой узами исключительной дружбы. *Cicer.*, De finibus, II, 25. [*Цицерон*, О целях, II, 25.] Философия Эпикура публично преподавалась в Афинах в течение нескольких веков, и Лактанций говорит, что она насчитывала больше приверженцев, чем прочие философские направления: «Epicuri disciplina multo celebrior semper fuit quam caeterorum». [«Учение Эпикура всегда было более знаменито, чем учения других философов».] Instit. divin., III, 17. Во времена Марка Аврелия в Афинах был преподаватель философии Эпикура, получавший жалованье от этого императора, который сам был стоиком.

Следовательно, если существовали атеисты, отрицавшие различие между добром и злом и дерзавшие посягать на основы всякой морали, то они просто очень плохо рассуждали в этом пункте; они не изучили природы человека и не узнали настоящего источника его обязанностей; они ошибочно предположили, что мораль, как и теология,— фиктивная наука и, раз уничтожены боги, нет ничего, что могло бы связывать между собой людей. Однако даже самое поверхностное размышление убедило бы их в том, что нравственность основывается на неизменных отношениях, существующих между чувствующими, разумными, общественными существами; что никакое общество не может существовать без добродетели; что ни один человек не может уцелеть, не обуздав своих желаний. Люди по своей природе вынуждены любить добродетель и ненавидеть преступление: здесь действует та же необходимость, которая понуждает их стремиться к счастью и избегать страдания; эта природа заставляет их проводить различие между предметами, которые им нравятся, и предметами, которые им вредны. Пусть найдется безрассудный человек, готовый отрицать различие между пороком и добродетелью; спросите, относится ли он равнодушно к перспективе быть побитым, обокраденным, оклеветанным, опозоренным своей женой и оскорбленным своими детьми, к перспективе испытать предательство со стороны друга и неблагодарность со стороны облагодетельствованного им человека. Его ответ покажет вам, что, несмотря на все свои заявления, он проводит различие между поступками людей и что отличие добра от зла совершенно не зависит от соглашения людей, от их представлений о божестве или от перспективы наград и наказаний в загробной жизни.

Наоборот, правильно рассуждающий атеист должен был бы понять, что он более, чем кто-либо другой, заинтересован в практическом осуществлении добродетелей, с которыми связано его счастье на земле. Так как атеист не заглядывает за грань своего теперешнего существования, то он, разумеется, должен желать, чтобы его жизнь текла мирно и счастливо. Всякий человек, способный, отрешившись от страстей, углубиться

в самого себя, должен понять, что во имя своих личных интересов и своего собственного счастья ему следует избрать средства, необходимые, чтобы жить мирно, без тревог и угрызений совести. Человек имеет известные обязанности по отношению к другим людям не потому, что оскорбил бы бога, причинив ущерб своему ближнему, но потому, что подобным поступком оскорбил бы человека и нарушил законы справедливости, столь существенно важные для всякого существа человеческого рода.

Мы ежедневно наблюдаем людей, сочетающих с разнообразными талантами, знаниями и умом постыдные пороки и испорченное сердце; их взгляды могут быть истинными в известных отношениях и ложными во многих других; их принципы могут быть правильны, но выводы, которые они из них делают, часто поспешны и ошибочны. Человек может одновременно быть и настолько просвещенным, чтобы избавиться от некоторых из своих заблуждений, и настолько слабым, чтобы не уметь освободиться от своих порочных наклонностей. Люди оказываются такими, какими их делает организация, видоизменяемая привычкой, воспитанием, примером окружающих, формой правления, общественным мнением, более или менее постоянной обстановкой жизни или внезапными обстоятельствами. Их религиозные воззрения и мнимые теории должны уступить их темпераменту, склонностям, интересам или приноровиться к ним. Если теория атеиста не освобождает его от старых пороков, то она не прививает ему новых; религиозное же суеверие доставляет своим поклонникам тысячи предлогов совершать зло без всяких угрызений совести и даже с известным самоудовлетворением. Атеизм по крайней мере оставляет людей такими, каковы они есть; он не толкает на путь неумеренности человека, по своему темпераменту не склонного к излишествам разврата, невоздержанности, жестокости и честолюбия; религиозное же изуверство разнуздывает самые ужасные страсти и доставляет возможность легкого искупления самых постыдных пороков. «Атеизм,— говорит канцлер Бэкон,— оставляет у человека нетронутыми разум, философию, природное благо-

честие, законы, репутацию и все, что может служить добродетели; религиозное же суеверие уничтожает все эти вещи, подчиняя мысль людей своей тирании; вот почему атеизм никогда не сеет смуты в государстве и делает людей более предусмотрительными и заботящимися о самих себе: ведь он не указывает ничего за пределами этой жизни». Тот же автор прибавляет, что «времена, когда люди склонялись к атеизму, были эпохами величайшего спокойствия; религиозное же изуверство всегда возбуждало умы и толкало их на путь величайших беспорядков, так как оно опьяняло новшествами народ, захватывающий в свои руки все области управления»*.

Привыкшие к размышлению и ищущие радости в научных исследованиях люди обыкновенно не являются опасными гражданами: каковы бы ни были их умозрения, они не способны производить внезапных революций. Мысль народов, склонных к чудесному и фантастическому, упорно сопротивляется наиболее простым истинам и совершенно не поддается теориям, требующим длинной цепи размышлений и рассуждений. Теория атеизма может быть лишь плодом продолжительных исследований и воображения, охлажденного опытом и размышлением. Мирный Эпикур не нарушил покоя Греции. Поэма Лукреция не вызвала гражданских войн в Риме. Боден[6] не был виновником войн Лиги. Сочинения Спинозы не возбудили в Голландии тех же беспорядков, что споры Гомара и Арминия[7]; Гоббс не вызвал своими сочинениями кровопролития в Англии, где во время его жизни король погиб на эшафоте, став жертвой религиозного фанатизма.

Одним словом, пусть враги человеческого рода приведут хоть один пример, который бесспорным образом доказал бы, что чисто философские воззрения или противные религии взгляды когда-нибудь вызвали в каком-нибудь государстве волнения. Беспорядки всегда происходили от теологических учений, так как государи и народы в каком-то безумии всегда воображали,

---

* См. *Бэкон*, Моральные опыты. Любопытно, что это место пропущено во французском переводе данного трактата!

что должны принимать в них участие. Опасна лишь та мнимая философия, которую теологи сочетали со своими учениями. Вот эта-то испорченная жрецами философия и раздула пламя раздоров, толкнула народы на путь мятежей, заставила литься потоки крови. Нет такого теологического вопроса, который не причинил бы величайших бед человечеству; между тем все сочинения как древних, так и новых атеистов причиняли несчастье одним лишь их авторам, часто оказывавшимся жертвами всемогущего религиозного обмана.

Принципы атеизма не годятся для народа, обыкновенно находящегося под опекой жрецов; они не годятся для легкомысленных и живущих рассеянной жизнью людей, наполняющих общество своими пороками и своей бесполезностью; они не годятся для честолюбцев, интриганов, нарушителей спокойствия, любящих ловить рыбу в мутной воде; они не годятся даже для множества просвещенных людей, редко обладающих мужеством окончательно порвать с предрассудками.

Люди связаны с заблуждениями, которые они впитали с молоком матери, столь многочисленными нитями, что каждый шаг, отрывающий их от этих заблуждений, стоит им бесконечных мук. Даже просвещеннейшие люди часто в каком-нибудь отношении зависят от общепринятых предрассудков. Нелегко чувствовать себя изолированным и в одиночестве придерживаться своих убеждений, отказавшись от языка всего общества; необходимо мужество, чтобы присоединиться к точке зрения, разделяемой лишь немногими лицами. В странах, где прогресс науки сравнительно значителен и где существует известная свобода мысли, легко можно найти множество деистов или нерелигиозных людей, которые, отбросив грубейшие предрассудки толпы, не осмеливаются, однако, добраться до самого их источника и подвергнуть само божество очной ставке с разумом. Не остановись эти мыслители на полпути, они вскоре поняли бы, что бог, исследовать которого у них не хватает мужества, столь же вредное и недопустимое с точки зрения здравого смысла существо, как и все те догматы, таинства, басни и суеверные обряды,

нелепость которых уже признана ими; они поняли бы, что, как мы уже показали, все эти вещи являются необходимым следствием первоначальных представлений людей о божественном призраке и что, раз допущено существование такого призрака, нет оснований отбросить выводы, извлекаемые из этого воображением. Малейшее размышление показало бы им, что именно этот призрак является истинной причиной общественных бедствий; что нескончаемые распри и кровавые споры, порождаемые религией и духом партийности, являются неизбежным результатом того значения, которое придают этим призракам, всегда способным зажечь умы. Одним словом, легко убедиться, что воображаемое существо, которое всегда рисуют столь страшными красками, должно сильно действовать на воображение и рано или поздно вызвать споры, фанатизм, безумие.

Многие люди соглашаются с тем, что крайности, порождаемые религиозным суеверием, представляют собой весьма реальное зло; многие лица жалуются на злоупотребления религией; но лишь весьма немногие понимают, что эти злоупотребления и это зло являются необходимыми следствиями основных принципов всякой религии, которая сама может основываться лишь на подобных несуразных представлениях о божестве. Ежедневно можно встретить людей, разочаровавшихся в религии, но тем не менее утверждающих, что эта религия *необходима для народа*, который без нее невозможно обуздать. Но разве такое рассуждение не равносильно утверждению, что для народа полезен яд и будто отравлять его, чтобы помешать ему злоупотреблять своими силами, значит совершать хорошее дело? Не значит ли это утверждать, будто полезно прививать народу нелепые, бессмысленные, странные взгляды; будто нужны призраки, чтобы ввести народ в заблуждение, ослепить и подчинить его фанатикам или обманщикам, которые воспользуются его безумием и вызовут повсюду беспорядки? Кроме того, разве религия и в самом деле благотворным образом влияет на нравы народов? Легко заметить, что она порабощает их, нисколько не делая их лучшими; она превращает

их в стадо невежественных рабов, из панического страха подчиняющихся игу тиранов и жрецов; она делает из них каких-то тупых существ, не знающих иной добродетели, кроме слепого подчинения нелепым обрядам, которым они придают больше значения, чем реальным добродетелям и моральным обязанностям, остающимся им совершенно неизвестными. Если эта религия случайно сдерживает нескольких робких людей, то она не способна сдержать большинство, увлекаемое свирепствующими подобно эпидемии пороками. Именно в странах, где особенно сильно религиозное суеверие, слабее всего влияние нравственности. Добродетель несовместима с невежеством, суеверием, рабством; рабов можно удержать лишь страхом наказания; невежественных детей можно лишь на короткий срок напугать ложными страхами. Чтобы воспитать людей и получить добродетельных граждан, надо просветить их, показать им истину, объясниться с ними языком разума, дать им понять их интересы, научить их уважать самих себя и бояться стыда, вызвать в них представление об истинной чести, разъяснить им цену добродетели и побуждения, заставляющие ее придерживаться. Можно ли ожидать этих благоприятных результатов от религии, которая унижает людей, или от тирании, которая ставит себе целью смирять, разделять и удерживать их в порабощении?

Ложная мысль о пользе религии, которая, по мнению многих лиц, способна по крайней мере обуздать народ, происходит от пагубного предрассудка, будто существуют *полезные заблуждения* и истина может быть опасной. Убеждение в этом может сделать вечными несчастья человечества. Тот, у кого хватит мужества беспристрастно рассмотреть положение вещей, без труда увидит, что все бедствия человечества зависят от его заблуждений и что религиозные заблуждения должны быть особенно пагубны из-за приписываемого им значения, внушаемого ими государям высокомерия, порождаемого ими у подданных холопства, вызываемого ими у народов безумия. Он должен будет признать, что интересы людей требуют полнейшего разрушения именно религиозных заблуждений и что здравая

философия должна посвятить себя главным образом их уничтожению. Нечего опасаться, что это вызовет волнения или революции: чем откровеннее будет возвещать о себе истина, тем более странной она покажется; чем проще она будет, тем меньше она пленит людей с их страстью к чудесному; стремление примирить заблуждение с истиной непреодолимо даже у тех, кто ищет ее с величайшим рвением*.

Без сомнения, вот почему атеизм, принципы которого до сих пор не были изложены надлежащим образом, пугает даже самых свободных от предрассудков людей. Расстояние между ходячим суеверием и полным безверием для них слишком велико; вступая в компромисс с заблуждением, они думают, что выбирают золотую середину; они допускают принцип, но отвергают выводы из него; они сохраняют небесный призрак, забывая, что рано или поздно он приведет к тем же самым результатам и породит мало-помалу те же самые безумства в головах людей. Большинство нерелигиозных людей и реформаторов только обрубают сучья у ядовитого дерева, вместо того чтобы совсем срубить его; они не понимают, что это дерево принесет потом те же самые плоды. Теология, религия всегда будут своего рода скоплениями горючего материала: работа воображения должна под конец вызвать пожары. До тех пор пока жреческому сословию будет дано право отравлять душу молодежи, приучать ее трепетать перед пустыми словами, пугать народы именем грозного бога,

---

* Знаменитый Бейль, так успешно побуждающий людей сомневаться, правильно замечает, что «*только здравая и разумная философия может подобно Геркулесу истребить чудовищ ходячих заблуждений; только она способна освободить разум от опеки*» (Pensées diverses, § 21).

Лукреций до него сказал:

«Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis neque lucida tela diei
Discutiant, sed Naturae species, ratioque».
[«Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованием законов природы».]

Lucret., lib. I, v. 147.

фанатизм будет царить над умами, обману не трудно будет разжигать смуты в государствах; самый обычный призрак, вскормленный и видоизмененный все преувеличивающим человеческим воображением, малопомалу станет могучим колоссом, губящим всех людей и низвергающим государства. Деизм — это мировоззрение, на котором человеческая мысль не сможет долго задержаться: построенный на иллюзии, он рано или поздно выродится в нелепое и пагубное суеверие.

Можно встретить множество нерелигиозных людей и деистов в странах, где существует свобода мысли, т. е. где светская власть уравновешивает власть духовную. Но зато можно встретить много атеистов в странах, где религиозное суеверие, поддерживаемое светской властью, дает чувствовать тяжесть своего ига и бесстыдно злоупотребляет своей неограниченной властью*. Действительно, если наука, философия, мысль не совсем задушены в этих странах, то большинство мыслящих людей, возмущенных злоупотреблениями религии, ее бесчисленными безумствами, развратом, тиранническим поведением ее жрецов и цепями, которые она налагает, начинает резонно думать, что, чем дальше от нее и ее принципов, тем лучше; бог,

---

* Говорят, что атеисты реже встречаются в Англии и протестантских странах с их религиозной терпимостью, чем в странах римско-католических, где государи обыкновенно нетерпимы и являются противниками свободы мысли. В Японии, Турции, Италии и особенно в Риме можно встретить множество атеистов. Чем могущественнее религиозное суеверие, тем больше оно возмущает умы, не сокрушенные им. Италия — родина Джордано Бруно, Кампанеллы, Ванини и т. д. Можно предположить, что, не подвергайся Спиноза гонениям и грубому обращению со стороны главарей синагоги, он никогда не создал бы своей философской системы. Можно также допустить, что ужасы фанатизма в Англии, стоившие жизни Карлу I, толкнули Гоббса на путь атеизма. Его ненависть к власти жрецов, может быть, внушила ему его теорию, столь благоприятную для абсолютной власти государей. Он полагал, что для государства лучше иметь одного светского деспота, обладающего правом распоряжаться даже религией, чем толпу духовных тиранов, всегда готовых вызвать в нем смуту. Спиноза, соблазненный идеями Гоббса, впал в то же заблуждение в своем «Tractatus theologico-politicus», а также в своем трактате «De jure ecclesiasticorum» [«О церковном праве»].

на котором основывается подобная религия, становится для них столь же ненавистным, как и она сама; угнетение, исходящее от религии, переносится ими на самого бога; они понимают, что жрецами грозного, ревнивого, мстительного бога могут быть лишь такие же служители; в результате этот бог становится предметом ненависти всех просвещенных и добродетельных людей, исполненных жажды справедливости, свободы, гуманности и пылающих ненавистью к тирании. Угнетение вызывает протест в сердцах людей; оно заставляет их внимательно изучать причину их бедствий: несчастье — могучий стимул, направляющий мысль к истине. Как опасен должен быть для лжи разгневанный разум! Он срывает с нее маску; он преследует ее в последнем убежище; он торжествует — хотя бы скрытым образом — при виде ее растерянности.

Глава XIII

О ПОБУЖДЕНИЯХ, ВЕДУЩИХ К АТЕИЗМУ; МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ОПАСНО ЭТО МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ДОСТУПНО ЛИ ОНО ПОНИМАНИЮ ТОЛПЫ?

Приведенные выше соображения и факты дают нам возможность ответить лицам, спрашивающим, что за интерес людям не признавать существования бога. Тирания, бесчисленные гонения и насилия, совершающиеся во имя этого бога; невежество и рабство, в котором его жрецы повсюду держат народы; порождаемые этим богом кровавые распри; множество несчастных, наполнивших мир благодаря религиозным учениям,— всего этого вполне достаточно, чтобы побудить всякого, обладающего сердцем и разумом человека задуматься над доводами, приводимыми в пользу бытия такого пагубного для людей существа.

Один очень талантливый теист спрашивает: *может ли что-нибудь, кроме дурного настроения, порождать атеистов*?* Да, отвечу я ему, для этого существуют

* См. *Шефтсбери*, Письмо об энтузиазме. Доктор Спенсер говорит, что «благодаря коварству дьявола, старающегося сделать божество ненавистным для нас, оно представляется нам

другие причины: желание познать важные для нас истины; могущественное побуждение узнать, что нам следует думать о предмете, который называют самым важным для нас; наконец, страх ошибиться в существе, которое интересуется взглядами людей и не допускает, чтобы ошибались на его счет. Но если бы даже этих причин не существовало, то разве негодование или, если угодно, *дурное настроение* не явилось бы вполне достаточным и законным мотивом, побуждающим к тому, чтобы лучше разобраться в притязаниях и правах невидимого тирана, во имя которого на земле совершается столько преступлений? Может ли какой-нибудь мыслящий, чувствующий и имеющий сердце человек не возмутиться жестоким деспотом, явно являющимся источником всех бедствий человеческого рода? Разве не этот роковой бог является одновременно и предлогом и причиной угнетения и порабощения человечества, ограничивающего его кругозор невежества, унижающего его суеверия, сковывающих его бессмысленных обрядов, разделяющих его споров, испытываемого им насилия? Какой человек, в котором не окончательно погасло человеческое чувство, не восстанет против призрака, повсюду изображаемого в виде капризного, бесчеловечного, безрассудного тирана?

К этим столь естественным мотивам мы можем прибавить другие, еще более настойчивые побуждения, неизбежно появляющиеся у всякого рассуждающего человека. Что, например, убедительнее в этом отношении страха, порождаемого в уме всякого последовательно мыслящего человека представлением о каком-то странном боге, который способен сердиться из-за самых скрытых мыслей человека; которого можно оскорбить, даже не зная этого; которому не знаешь, как угодить; кото-

---

в отвратительных чертах, делающих его похожим на голову Медузы; под влиянием этого люди иногда вынуждены броситься в объятия атеизма, чтобы избавиться от этого гнусного демона». Можно возразить доктору Спенсеру, что демоном, старающимся сделать божество ненавистным для нас, является духовное сословие, которое во имя своих интересов повсюду и всегда стремилось устрашить людей, чтобы сделать из них рабов и орудия своих страстей. Бог, не заставляющий людей трепетать, не представляет никакой выгоды для попов.

рый не связан никакими правилами обычной справедливости, не имеет никаких обязанностей по отношению к своим жалким созданиям, позволяет им иметь пагубные склонности и дает им свободу следовать этим склонностям, чтобы затем получить гнусное удовлетворение, наказывая их за проступки, совершенные ими с его разрешения? Самое разумное и правильное для человека — попытаться изучить природу, свойства и права столь сурового судьи, налагающего вечные наказания за совершенные в минуту безрассудства проступки. Разве не верх безумия подобно большинству людей спокойно носить тяжкое иго представлений о божестве, всегда готовом уничтожить людей в своей ярости? Отвратительные качества божества в том виде, в каком их изображают обманщики, говорящие от его имени, заставляют всякое разумное существо изгнать его из своего сердца, сбросить его гнусное иго, подвергнуть отрицанию бытие бога, которого делают ненавистным приписываемым ему поведением и смешным рассказываемыми о нем повсюду баснями. Если бы бог, ревниво оберегающий свою славу, действительно существовал, то, без сомнения, самым тяжким преступлением в его глазах должно было бы быть богохульство этих плутов, наделяющих его самыми отвратительными чертами; он должен был бы больше возмущаться своими гнусными служителями, чем теми, кто отрицает его бытие. Призрак, которому суеверный человек поклоняется, проклиная его в глубине души, столь ужасен, что размышляющий о нем мудрец должен отказать ему в своем почитании, возненавидеть его и предпочесть полное небытие перспективе попасть в его жестокие руки. *Ужасно*, кричит нам фанатик, *попасть в руки живого бога*; чтобы избегнуть этого, здравомыслящий человек предпочтет броситься в объятия природы; только здесь он найдет надежное убежище от всех чудовищных призраков, порожденных фанатизмом и обманом, верную пристань от постоянных бурь, вызываемых в умах людей религиозными воззрениями.

Деист не замедлит сказать, что бог вовсе не таков, каким его рисует религиозное суеверие. Но атеист ответит ему, что само это религиозное суеверие и все

связанные с ним нелепые и пагубные воззрения являются лишь следствием темных и ложных представлений о божестве; что для оправдания распространяемых о божестве нелепых и непостижимых идей вполне достаточно признать его непостижимым; что эти таинственные нелепости необходимым образом вытекают из представления о нелепом призраке, способном порождать только другие призраки, которыми так переполнено заблуждающееся воображение смертных. Нужно уничтожить этот главный призрак, чтобы добиться покоя, понять свои настоящие отношения и обязанности и достигнуть безмятежности духа, без которой на земле невозможно счастье. Если бог суеверного человека страшен и отвратителен, то бог теиста является внутренне противоречивым существом и, если внимательно вдуматься в него, таит в себе гибельные для людей следствия, которые рано или поздно используют религиозные обманщики. Только природа и открываемые нам ею истины способны дать уму и сердцу человека прочную основу, которую не сможет поколебать никакая ложь.

Ответим также тем, кто не перестает повторять, будто только интересы и страсти склоняют людей к атеизму и страх грядущих наказаний побуждает испорченных людей пытаться устранить судью, которого они имеют основание опасаться. Мы охотно согласимся с тем, что страсти и интересы людей побуждают их производить изыскания: незаинтересованный человек не станет заниматься изысканиями; человек, лишенный страстей, не станет энергично производить поиски чего-либо. Поэтому остается только определить, правомерны или нет страсти и интересы, побуждающие некоторых мыслителей обсуждать вопрос о бытии божьем. Мы уже указали на эти интересы и нашли, что испытываемые людьми страхи и тревоги являются для всякого здравомыслящего человека вполне достаточными побуждениями для того, чтобы постараться убедиться, необходимо ли ему проводить всю жизнь в непрерывном беспокойстве. Неужели несчастный человек, несправедливо закованный в цепи, не вправе желать разбить их или же изыскивать средства, чтобы вы-

рваться из своей тюрьмы и избавиться от угрожающих ему на каждом шагу наказаний? Неужели его страсть к свободе не правомерна, неужели он вредит своим товарищам по несчастью, избавляясь от ударов тирании и помогая им избавиться от нее? Что такое неверующий, как не заключенный, вырвавшийся из всемирной тюрьмы, в которой тиранический обман удерживает всех смертных? Что такое писатель-атеист, как не вырвавшийся из тюрьмы узник, доставляющий своим товарищам, имеющим мужество следовать за ним, средство избавиться от ужасов, которые им угрожают?*

Мы охотно согласимся также с тем, что часто испорченность нравов, разврат, распутство и даже легкомыслие могут приводить к безверию; но можно быть свободомыслящим, неверующим и даже выставлять напоказ свое неверие, при всем том не будучи атеистом. Ведь существует большое различие между людьми, которые пришли к безверию путем рассуждения, и людьми, которые отвергают или презирают религию лишь потому, что она является для них мрачным учением или стеснительной уздой. Есть немало людей, которые отказываются от общепринятых предрассудков просто из тщеславия или веры на слово; эти мнимые вольнодумцы сами ничего не исследовали; они полагаются на мнения других людей, которые, по их предположению, основательно обсудили соответствующие вопросы. У неверующих этого рода нет

---

* Жрецы беспрестанно повторяют, что гордость, тщеславие, желание отличиться от большинства смертных толкают на путь неверия. Они поступают в этом отношении так, как вельможи, которые называют *нахалами* всех отказывающихся пресмыкаться перед ними. Всякий здравомыслящий человек вправе спросить у жреца: почему твои рассуждения правильнее моих? Почему я должен отказаться от своего разума в пользу твоих бредней? С другой стороны, жрецам можно сказать, что выгода делает их жрецами и заставляет их становиться теологами; интересы их страстей, гордости, скупости, честолюбия и т. д. привязывают их к системам, плодами которых пользуются только они одни. Как бы то ни было, жрецы должны были бы довольствоваться своей властью над толпой и позволить мыслящим людям не падать ниц пред их пустыми идолами. Ведь Тертуллиан сказал: «Quis enim philosophum sacrificare compellit?» [«Кто же заставляет философа приносить жертвоприношение?»] *Tertul.*, Apolog., cap. 46.

никаких прочных взглядов; неспособные к самостоятельному рассуждению, они с трудом следуют за рассуждениями других лиц. Они нерелигиозны по той же причине, по какой большинство людей религиозно, т. е. из легковерия подобно толпе или из-за выгоды подобно жрецам. Разве сластолюбец, погрязший в беспутстве развратник, честолюбец, интриган, легкомысленный человек, распутная женщина, модный остроумец в состоянии высказать здравые суждения о религии, которой они не изучали, почувствовать силу какого-нибудь аргумента, понять какую-нибудь систему в ее целом? Если в ослепляющем вихре страстей они замечают иногда слабые проблески истины, то у них остаются от этого лишь мимолетные, скоро исчезающие следы. Испорченные люди выступают против религии лишь потому, что считают ее враждебной их страстям*; добродетельный же человек восстает против нее потому, что считает ее враждебной добродетели, вредной для своего счастья, опасной для своего покоя и гибельной для человечества.

Когда на нашу волю действуют разнообразные скрытые мотивы, то очень трудно сказать, что именно ее определяет; дурной человек может прийти к неверию или атеизму в силу побуждений, в которых он не решается признаться самому себе; он может заблуждаться и, воображая, что ищет истину, следовать голосу своих страстей; он может отрицать бытие верховного существа без особых размышлений, просто из соображений выгоды. Однако страсти иногда оказываются полезными; серьезный интерес заставляет нас внимательнее изучать вещи; нередко он может заставить открыть истину даже такого человека, кото-

---

* Арриан говорит, что, когда люди думают, что боги противятся их страстям, они проклинают их и опрокидывают их алтари. Чем смелее взгляды атеиста, чем более странными и подозрительными они кажутся другим людям, тем строже он должен соблюдать свои обязанности, если не хочет, чтобы его поведение опровергало его теорию, призванную при надлежащем ее углублении показать всю достоверность и необходимость морали, которую все религии стремятся сделать проблематичной либо совершенно извратить.

рый совершенно не искал ее и жаждал добиться покоя, обманув самого себя. Испорченный человек, наталкивающийся на истину, похож на человека, который, убегая от мнимой опасности, видит на своем пути опасную змею и давит ее: он случайно и, так сказать, неумышленно делает то, что менее напуганный человек сделал бы вполне сознательно. Дурной человек, боящийся своего бога и желающий избавиться от него, может, разумеется, обнаружить нелепость ходячих представлений о боге, не понимая, однако, что это нисколько не меняет очевидности и необходимости исполнения им своих обязанностей.

Чтобы здраво судить о вещах, необходимо быть незаинтересованным; чтобы понять какую-нибудь великую систему в целом, необходимы знания и умение логически мыслить. Только добродетельный человек способен исследовать доказательства бытия божьего и принципы всякой религии; только человек, знающий природу и ее законы, способен понять и мысленно охватить систему природы, постигнув связь действующих в ней причин. Дурной человек и невежда не способны рассуждать добросовестно; только добродетельный человек пригоден для столь великого начинания. Но в этом случае он, казалось бы, должен мечтать о существовании бога, награждающего добродетель людей? Если же при всем том такой человек отказывается от выгод, на которые мог бы надеяться благодаря своей добродетели, то он поступает так лишь потому, что считает эти выгоды, равно как и представление об обеспечивающем их существе, мнимыми; размышляя над характером божества, он вынужден признать, что нельзя рассчитывать на капризного деспота и что порождаемые идеей такого деспота гнусности и безумства бесконечно перевешивают ничтожные выгоды, вытекающие из признания его существования. Действительно, всякий мыслящий человек должен заметить, что на одного робкого человека, слабые страсти которого сдерживаются этим богом, приходятся миллионы других, которых бог не может обуздать и чьи желания он, напротив, распаляет; что на одного человека, которого может утешить бог, есть тысячи других, кото-

рых он доводит до ужаса и отчаяния и заставляет стенать; одним словом, такой человек должен убедиться, что если и находятся отдельные, не особенно последовательные фантазеры, осчастливленные богом, то зато бог порождает раздоры, убийства и скорбь в обширных странах, погружая целые народы в печаль и уныние.

Как бы то ни было, перестанем интересоваться мотивами, побуждающими человека усвоить ту или иную теорию; исследуем лучше саму эту теорию, постараемся убедиться, насколько она истинна; и если увидим, что она основывается на истине, то никогда не сможем считать ее опасной. Только ложь всегда вредна людям; и если заблуждение — единственный источник их бедствий, то разум — истинное лекарство от них. Перестанем также интересоваться поведением человека, излагающего нам определенную теорию; его взгляды, как уже было сказано, могут быть вполне здравыми, хотя его поведение всецело достойно порицания. Если теория атеизма не может сделать дурным человека, не склонного к злу по своему темпераменту, то точно так же она не может сделать хорошим того, кому в свою очередь чужды мотивы, побуждающие к добру. Но мы доказали во всяком случае, что придерживающийся извращенной морали суеверный человек, в котором бурлят сильные страсти, находит в отличие от атеиста в самой своей религии тысячи лишних предлогов вредить человеческому роду. Атеист не может прикрываться маской фанатизма и объяснять этим свою мстительность, свои неистовства, свои крайности; атеист не может искупить с помощью денег или некоторых обрядов ущерб, причиненный им обществу; он не имеет возможности примириться со своим богом и при помощи нескольких легких церемоний успокоить угрызения совести; если преступление не окончательно убило в его сердце всякие чувства, то он вынужден всегда носить внутри себя неумолимого судью, который постоянно упрекает его в гнусном поведении, заставляет его краснеть от стыда, ненавидеть самого себя, бояться взглядов других людей и их отвращения. Дурной и суеверный человек, совершающий преступление, конечно, испытывает угрызения совести, но его религия скоро

доставляет ему способ избавиться от них, и его жизнь является обычно длинной цепью проступков и сожалений о них, грехов и искуплений; мало того, чтобы искупить свои прежние преступления, он, как мы видели, совершает другие, более тяжкие; не имея твердых взглядов в вопросах нравственности, он привыкает считать греховным лишь то, что запрещают ему делать служители и толкователи воли его бога. Он считает добродетелями, или средствами загладить свои проступки, самые ужасные деяния, которые, как его уверяют, угодны этому богу. Так, фанатики нередко искупали свирепыми гонениями свои прелюбодеяния, подлости, несправедливые войны и захваты и, желая омыться от своих неправедных деяний, устраивали кровавые бани верующим, которых упрямство превращало в жертв и мучеников.

Принципы правильно рассуждающих атеистов, ознакомившихся с законами природы, всегда более надежны и гуманны, чем принципы верующих: последние под влиянием своей религии — то мрачной, то мечтательно-восторженной — либо становятся жестокими мучителями, либо начинают предаваться всяким бредням. Но атеисту никогда нельзя внушить, будто насилия, несправедливость, гонения, убийства — добродетельные или законные поступки. Мы ежедневно наблюдаем, как религия до того затуманивает головы в других отношениях гуманных, справедливых и рассудительных людей, что они начинают считать своим долгом самым жестоким образом обращаться с инакомыслящими. Еретики, неверующие перестают быть людьми в глазах религиозных изуверов. Во всех государствах, зараженных ядом религии, мы наблюдаем бесчисленные примеры юридически обоснованных убийств, совершаемых жестокими и бессовестными судами; судьи, справедливые в других вопросах, перестают быть такими, лишь только дело доходит до теологических призраков; они воображают, что, обагряя свои руки кровью, совершают угодное богу дело. Почти повсюду законы, подчиненные религиозному суеверию, являются соучастниками его неистовств: они оправдывают или даже вменяют в обязанность акты жестокости, нахо-

дящиеся в вопиющем противоречии с правами человечества*. Разве не слепцы все эти ревнители религии, которые, будучи движимы благочестием или чувством долга, с таким легким сердцем приносят ей в жертву намеченных ею лиц? Разве они не тираны, неправедно насилующие мысль и воображающие в своем безумии, будто ее можно поработить? Разве они не фанатики, из которых продиктованные бесчеловечными предрассудками законы делают диких зверей? А что представляют собой все эти государи, которые в своем стремлении отомстить за божество терзают и преследуют подданных и приносят человеческие жертвы злобным людоедам — богам? Разве они не превратились под действием религиозного фанатизма в каких-то тигров? А что представляют собой все эти так заботящиеся о спасении душ жрецы, которые нагло врываются в святилище мысли, чтобы найти во взглядах людей предлог для нанесения им вреда? Разве это не гнусные негодяи и нарушители душевного покоя людей, почитаемые религией и ненавистные разуму? Есть ли в глазах человечества более гнусные злодеи, чем подлые инквизиторы, которым ослепление государей дает право суда над их собственными противниками, посылаемыми затем на костры? Между тем суеверные народы окружают их почитанием, а цари осыпают их милостями. Наконец, разве мы не знаем тысяч примеров, когда религия была зачинщицей и покровительницей самых неслыханных злодеяний? Разве она тысячи раз не вкладывала в руки людей губительные кинжалы, не разнуздывала страстей более страшных, чем те, которые ею якобы сдерживались, и не разрывала священнейших для человечества уз? Разве под предлогом долга, веры, благочестия, религиозного рвения она не становилась на сторону жестокости, алчности, честолюбия, тирании? Разве религия не оправдывала тысячи

---

* Президент де Граммон с удовлетворением, поистине достойным каннибала, излагает подробности казни Ванини, сожженного в Тулузе, несмотря на его отказ от взглядов, послуживших причиной его обвинения. Этот президент считает неприличными даже вопли, вызванные пытками у этой несчастной жертвы религиозной жестокости.

раз человекоубийства, вероломство, клятвопреступления, мятежи, цареубийства? Разве сами государи, часто становившиеся мстителями божества и ликторами религии, не делались сотни раз ее несчастными жертвами? Одним словом, разве имя божье не было символом самых горестных безумств и самых ужасных преступлений? Разве алтари всех богов не утопали повсюду в крови? И разве божество, каким бы его ни изображали, не было всегда причиной или предлогом бесстыднейшего нарушения прав человечества?* Пока атеист находится в здравом рассудке, он никогда не согласится с тем, что подобные поступки правомерны; он никогда не допустит, чтобы человек, совершающий их, мог заслуживать уважения; только изувер, забывающий в своем религиозном ослеплении очевиднейшие принципы нравственности, природы, разума, может вообразить, что худшие злодеяния являются добродетелями. Если атеист испорчен, то он во всяком случае знает, что поступает дурно; ни жрец, ни бог не сумеют убедить его, что он поступает хорошо; какие бы престу-

---

* Полезно заметить, что христианская религия, которая кичится тем, будто она сообщила человечеству самые правильные представления о божестве, и всегда, когда ее обвиняют в мятежности и кровожадности, изображает своего бога благим и милосердным; которая похваляется тем, что она проповедует возвышеннейшую мораль, и уверяет, будто она установила вечный мир и согласие между ее сторонниками,— породила больше распрей, раздоров, гражданских и политических войн, всякого рода преступлений, чем все остальные религии, вместе взятые. Нам скажут, может быть, что вместе с ростом просвещения эта религия перестанет производить те пагубные действия, которые она производила раньше. На это мы ответим, что фанатизм всегда будет столь же опасным, что и ныне; раз не устранена причина, то следствия должны остаться теми же самыми. Таким образом, до тех пор пока религиозное суеверие будет окружено почетом и наделено властью, останутся в силе споры, гонения, инквизиции, цареубийства, смуты и т. д. Пока люди в своем безрассудстве будут считать религию самой важной для них вещью, служители религии под предлогом интересов божества, прикрывающих в действительности их собственные выгоды, сумеют распоряжаться всем на земле. Христианская церковь может избавиться от обвинений в нетерпимости или жестокости только одним способом: она должна торжественно заявить, что *не дозволено преследовать или вредить своим ближним из-за различия в религиозных взглядах.* Но на это ее служители никогда не согласятся.

пления он ни совершил, они никогда не будут хуже злодеяний, спокойно совершаемых верующими людьми, которых религиозное суеверие заражает ядом своего неистовства или которым оно выдает даже эти преступления за похвальные и ведущие к искуплению поступки.

Таким образом, каким бы дурным ни предположить атеиста, он в худшем случае станет поступать так, как верующий человек, которого его религия часто толкает на преступления, изображаемые ею в виде добродетелей. Что касается невоздержанности, распутства, сластолюбия, прелюбодеяния, то в этом атеист ничем не отличается от самого верующего человека, часто соединяющего со своим легковерием пороки и преступления, которые жрецы легко прощают ему при условии, чтобы он признавал их власть. Если такой верующий индус, то брахманы омоют его грехи в Ганге под чтение молитв. Если верующий еврей, то он замолит свои грехи, совершая приношение. Если верующий японец, то он должен совершить для этого паломничество. Если это магометанин, то достаточно ему посетить могилу своего пророка, чтобы его признали святым. Если это христианин, то он станет молиться и поститься, упадет к ногам своих попов, исповедуясь перед ними в своих грехах, а последние отпустят ему грехи во имя всевышнего, продав ему индульгенции, и никогда не станут порицать его за преступления, совершаемые им ради них.

Нам постоянно твердят, что непристойное или преступное поведение жрецов и их приверженцев отнюдь не колеблет достоинств самого религиозного учения. Но почему же к поведению атеиста подходят с другой меркой? Ведь, как мы уже доказали, атеист может обладать правильной и здравой нравственностью, поступая, однако, самым беспутным образом. Если бы о взглядах людей судили по их поведению, то какая религия выдержала бы это испытание? Станем же рассматривать взгляды атеиста безотносительно к его поведению; примем его точку зрения, если считаем ее истинной, полезной, разумной; отвергнем его образ действия, если считаем последний достойным порицания. Имея перед собой произведение, полное истины, мы совершенно не интересуемся поведением его творца. Какое

дело миру до того, был ли Ньютон скромным или невоздержным, целомудренным или распутным человеком? Для нас важно только знать, правильно ли он рассуждал, верны ли его принципы, согласованы ли между собой все части его системы, содержит ли его произведение больше доказанных истин, чем рискованных гипотез? Будем так же судить и о принципах атеиста: если они странны и непривычны, то тем больше оснований внимательнее исследовать их; если его рассуждения правильны и он доказал какие-нибудь истины, то пусть признают их; если же он в чем-нибудь ошибся, то пусть отличат истину от лжи; но пусть не поступают согласно ходячему предрассудку и не отвергают из-за какого-нибудь второстепенного заблуждения массу бесспорных истин. Ошибающийся атеист может взвалить ответственность за свои проступки на слабость своей природы с неменьшим правом, чем верующий человек. Атеист может обладать пороками или недостатками, он может плохо рассуждать, но зато его ошибки не повлекут за собой тех последствий, какими сопровождаются религиозные заблуждения; они не станут разжигать среди народов пламя раздоров; атеист не будет оправдывать своих пороков и своих заблуждений ссылкой на религию; он не будет приписывать себе непогрешимости подобно надменным теологам, окружающим свои безумства божественным ореолом и предполагающим, что небо благословляет все лживые софизмы и заблуждения, которые они распространяют на земле.

Нам скажут, может быть, что неверие разрушает могущественнейшие узы общественной жизни, уничтожая святость клятв и присяг. Я отвечу на это, что клятвопреступление нередко встречается у самых религиозных народов и у лиц, утверждающих, что они совершенно не сомневаются в бытии божьем. Говорят, что Диагор, раньше бывший верующим человеком, стал атеистом, когда увидел, что боги оставили в живых человека, ложно призвавшего их в свидетели. Сколько атеистов должно было бы быть среди нас, если бы мы поступали подобно ему. Оттого, что при заключении обязательств люди призывали имя какого-то неизвестного и невидимого существа, эти обязательства и торжественнейшие

договоры нисколько не стали крепче. В доказательство этого я сошлюсь в особенности на вас, о вожди народов! Много ли вы считаетесь с этим богом, образом которого вы будто бы являетесь, от которого вы якобы получили право повелевать народами, которого вы так часто призываете в свидетели ваших клятв и хранители ваших договоров, суда которого вы будто бы так боитесь, когда дело идет даже о самом ничтожном вашем интересе. Свято ли вы соблюдаете священные договоры, заключаемые вами с вашими союзниками и подданными? Вы, о государи, часто соединяющие столь мало добродетели со столь большим благочестием, не выдерживаете тяжести истины; услышав мой вопрос, вы, разумеется, покраснеете от стыда и должны будете сознаться в том, что одинаково легкомысленно относитесь как к богам, так и к людям. Но это не все! Разве религия часто не освобождает вас от ваших клятв? Разве она не предписывает вам быть вероломными и нарушать клятвы, особенно когда дело идет о ее священных интересах? Разве она не освобождает вас от ваших обязательств по отношению к тем, кого она осуждает? Разве, сделав вас вероломными клятвопреступниками, она в то же время не освобождает иногда ваших подданных от присяги, связывавшей их с вами?* Если мы пристальнее рассмотрим положение вещей, то должны будем убедиться, что при таких вождях религия и политика являются настоящими школами клятвопреступления. Ни в одном государстве мошенников нисколько не останавливает требование призвать имя божье в их очевид-

---

* В католицизме, т. е. в самой суеверной и насчитывающей наибольшее количество приверженцев христианской секте, существует правило, что *не следует соблюдать верность обещаниям, данным еретикам.* Ведь так постановил Констанцский вселенский собор, по велению которого, несмотря на охранную грамоту императора, были сожжены Ян Гус и Иероним Пражский. Как известно, римский первосвященник имеет право освобождать своих последователей от их клятв и обетов; этот самый первосвященник часто присваивал себе право низлагать королей и освобождать их подданных от присяги.

Любопытно, что законодательство христианских народов устанавливает присягу, в то время как Христос формально запретил ее.

нейших плутнях, имеющих целью удовлетворение самых низменных интересов. Чему же тогда служат клятвы и присяги? Это ловушки, рассчитанные только на простаков. Присяги повсюду являются простой формальностью: с одной стороны, они ни к чему не обязывают преступников, а с другой — ничего не прибавляют к обязательствам добродетельных людей, которые и без присяг не решились бы их нарушить. Верующий клятвопреступник, разумеется, ничем не лучше атеиста, не сдерживающего своих обещаний; и тот и другой одинаково не заслуживают доверия своих сограждан и уважения добродетельных людей; если один не чтит бога, в которого верит, то другой не обращает внимания ни на разум, ни на свою репутацию, ни на общественное мнение, с которым должен считаться всякий рассудительный человек*.

Часто задавали вопрос, существует ли народ, не имеющий никакого представления о божестве, и мог ли бы существовать народ, состоящий из одних атеистов. Вопреки утверждениям некоторых теоретиков на земле вряд ли существует более или менее многочисленный народ, совершенно лишенный представлений о некоей невидимой силе, которой он воздает почитание**. Поскольку человек является боязливым и невежественным животным, он неизбежно становится суеверным

---

* «Клятва,— говорит Гоббс,—ничего не прибавляет к обязанности; она лишь действует на воображение того, кто клянется, усиливая у него страх нарушить обязательство, которое он должен был бы выполнить и без всякой клятвы».

** Некоторые авторы полагали, что китайский народ атеистичен; но это заблуждение, виновниками которого являются христианские миссионеры, привыкшие считать атеистами тех, кто имеет отличные от их собственных воззрений взгляды на божество. Китайский народ, по-видимому, очень суеверен; но им управляют государи, которые отнюдь не суеверны, хотя вовсе и не являются атеистами. Если Китай действительно представляет собой такое цветущее государство, каким его нам описывают, то его пример доказывает, что правители, будучи несуеверными, могут отлично управлять суеверными народами.

Уверяют, будто гренландцы не имеют никакого представления о божестве. Однако трудно представить, чтобы дело обстояло таким образом у столь дикого и столь обиженного природой народа.

в несчастье и либо сам создает себе бога, либо принимает идею бога, которую внушают ему другие люди. Поэтому вряд ли можно серьезно допустить существование на земле народа, которому было бы совершенно чуждо понятие божества. Один укажет нам на солнце, луну, звезды; другой — на море, озера, реки, доставляющие ему пропитание, деревья, дающие ему убежище от непогоды; третий — на скалу странной формы, высокую гору или вызывающий у него удивление вулкан; четвертый — на вызывающего у него страх крокодила, опасную змею, пресмыкающееся, которому он приписывает свои удачи и неудачи; наконец, каждый с благоговением укажет вам на свой *фетиш*, на своего домашнего бога-хранителя.

Но дикарь не извлекает из существования своих богов тех же выводов, что цивилизованный человек; дикие народы не любят много рассуждать о своих божествах; дикари не думают, будто эти божества должны влиять на их нравы и вообще занимать их мысль; они довольствуются грубым, простым, чисто внешним поклонением своим богам, не предполагая, чтобы эти невидимые силы интересовались их поведением по отношению к ближним; одним словом, дикари не связывают своей морали со своей религией. Эта мораль груба, как и следует ожидать от невежественного народа; она соответствует его немногочисленным потребностям; она часто неразумна, представляя собой плод невежества, отсутствия опыта и плохо сдерживаемых страстей людей, находящихся, так сказать, в состоянии младенчества. Только в обширном цивилизованном обществе с его бесчисленными потребностями и взаимно перекрещивающимися интересами приходится создавать для установления единомыслия правительства, законы, публичное богослужение, единообразные религиозные системы; именно в подобном обществе благодаря более тесным взаимоотношениям людей начинается деятельная работа мысли и процесс уточнения и углубления понятий; именно здесь правители начинают прибегать к невидимым силам, чтобы, пользуясь страхом перед этими силами, обуздывать людей, делать их послушными, заставлять их подчиняться правительству и жить

в мире. Так политика и мораль мало-помалу вплетаются в религиозную систему. Вожди народов, часто сами суеверные, не знающие собственных интересов, мало знакомые со здравой моралью и истинными побуждениями человеческого сердца, считают очень важным — и с точки зрения собственного авторитета, и с точки зрения благополучия и покоя общества — внушать своим подданным религиозные взгляды, угрожать им невидимым небесным призраком, обращаться с ними как с детьми, которых успокаивают всякого рода сказками и баснями. Вожди и государи, опираясь на эти передаваемые от народа к народу религиозные выдумки, жертвами которых часто становятся и они сами, теряют охоту к просвещению; они оставляют в пренебрежении законы, предаются изнеженности, следуют только своим прихотям, возлагая на богов заботу о своих подданных; просвещение народов поручается жрецам, которые стараются сделать их послушными и набожными и с ранних лет приучают их трепетать перед невидимыми и видимыми богами.

Так, руководители народов держат последних в каком-то вечном состоянии детства, обуздывая их посредством страха перед пустыми призраками; так, политика, юриспруденция, воспитание, нравственность повсюду проникаются заразой суеверия; так, люди знакомятся лишь с одними религиозными обязанностями; так, представление о добродетели ошибочно ассоциируется с представлением о воображаемых силах, которые предписывают людям то, что подсказывают им обманщики; так, мораль становится шаткой и зыбкой; так, людей уверяют, будто без бога для них не существует никакой морали; так, государи и подданные, одинаково не понимая своих настоящих интересов, естественных обязанностей и взаимных прав, привыкают считать религию необходимой для нравственности и управления людьми и видеть в ней самое надежное средство для достижения могущества и счастья.

Исходя из этих представлений, ложность которых мы неоднократно доказывали, многие в общем просвещенные люди считают невозможным длительное суще-

ствование общества, состоящего из атеистов[1]. Разумеется, обширное общество, не имеющее ни религии, ни морали, ни правительства, ни законов, ни системы воспитания, ни принципов, не могло бы существовать; такое общество представляло бы собой объединение существ, готовых вредить друг другу, или каких-то детей, слепо следующих самым гибельным побуждениям. Но разве в лучшем положении находятся теперешние государства со всем их религиозным аппаратом? Разве государи не пребывают почти во всех странах в состоянии непрерывной войны со своими подданными? Разве эти подданные, несмотря на все угрозы религии и на устрашающий вид, который она придает своим божествам, хоть на минуту перестают вредить друг другу и делать друг друга несчастными? Разве сама религия со своими сверхъестественными теориями перестает льстить страстям и тщеславию государей, разжигая в то же время пламя раздора между гражданами, придерживающимися различных вероучений? Разве силы ада, предназначенные якобы для пагубы человеческого рода, способны причинить бóльшие бедствия на земле, чем фанатизм и религиозное изуверство — эти порождения теологии? Одним словом, разве атеисты — сколь бы безрассудными их ни считать,— объединившись в общество, вели бы себя более преступно, чем те преисполненные реальных пороков и преданные диким вымыслам изуверы, которые в течение веков не перестают бессмысленно и безжалостно истреблять друг друга? Разумеется, этого нельзя утверждать; наоборот, можно смело сказать, что общество атеистов, свободное от всякой религии, управляемое на основании разумных законов, обладающее правильной системой воспитания, понуждаемое к добродетели наградами и отвращаемое от преступлений справедливыми наказаниями, свободное от всяческих иллюзий, обманов и вымыслов, будет несравненно честнее и добродетельнее, чем построенные на религиозных началах общества, где все как будто направлено на отравление мысли и развращение сердца.

Если когда-нибудь решат серьезно заняться вопросом о человеческом счастье, то придется начать дело реформ

с небесных богов; рассчитывать на то, что человечество достигнет зрелости, можно, только освободив его от этих фантастических существ, предназначенных для того, чтобы держать в вечном страхе невежественные и младенческие народы. Нельзя — повторим это еще раз — обосновать нравственность, не зная природы человека и его подлинных взаимоотношений с другими людьми; нельзя установить неизменные правила поведения исходя из воли несправедливых, капризных, злых богов; нельзя проводить здравую политику, не считаясь с природой человека, живущего в обществе для того, чтобы удовлетворить свои потребности и достигнуть благополучия и счастья; нельзя создать хорошее правительство, допустив существование деспотического божества, представители которого всегда будут тиранами; нельзя получить хорошее законодательство, игнорируя природу и цель общества: никакие законы не могут быть выгодны для народов, если их определяют прихоти и страсти обоготворенных тиранов; нельзя создать рациональную систему воспитания, если исходить не из требований разума, а из различных бредней и предрассудков; наконец, нельзя добиться расцвета добродетели, честности и талантов при господстве развращенных государей и жрецов, делающих из людей врагов друг другу и себе самим и пытающихся заглушить в них все зачатки разума, знания и мужества.

Спросят, быть может, можно ли рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь вытравить из сознания целого народа его религиозные представления? Я отвечу, что подобное предприятие кажется совершенно невозможным и не следует ставить такую цель. Представление о божестве, внушаемое людям с самого младенчества, по-видимому, нельзя уничтожить в головах большинства людей; вытравить его из сознания лиц, всосавших его с молоком матери, так же трудно, как внушить его взрослым людям, которые никогда не слышали о нем. Поэтому вряд ли можно извлечь целый народ из бездны суеверия, из недр невежества и безумия и склонить его к абсолютному атеизму, к учению, которое предполагает размышление, знания, длинный ряд опытов,

привычку созерцать природу, познание истинных причин различных естественных явлений, их сочетаний и законов, содержащихся в природе вещей и их различных свойств. Чтобы стать атеистом и поверить в силы природы, надо предварительно изучить последнюю; для этого недостаточно поверхностного взгляда на нее: малоискушенный взор будет здесь впадать в заблуждение на каждом шагу; незнание истинных причин заставит придумать какие-нибудь воображаемые причины и бросит в конце концов самого физика в объятия призрака, в котором, как ему покажется из-за ограниченности кругозора или лености духа, он найдет решение всех проблем.

Таким образом, атеизм подобно философии и всем серьезным абстрактным наукам не по плечу толпе и даже большинству людей. Во всех цивилизованных государствах существует известное количество людей, благодаря условиям своей жизни имеющих возможность предаваться размышлениям, посвящать время полезным исследованиям и открытиям, которые в случае их истинности и полезности рано или поздно получают широкое распространение и оказываются очень плодотворными. Математик, механик, химик, врач, юрист, даже ремесленник работают в своих кабинетах или мастерских — каждый в своей области — над отысканием средств быть полезными обществу; но ни одна из этих наук или профессий незнакома толпе, пользующейся, однако, плодами этих работ, о которых она не имеет никакого представления. Астроном работает для матроса; для него же производят свои выкладки математик и механик; для каменщика и чернорабочего искусный архитектор вычерчивает свои мудреные чертежи. Между тем, какова бы ни была сомнительная выгода религиозных учений, ученый и глубокомысленный теолог не вправе утверждать, будто он работает, пишет, спорит для блага народа, оплачивающего, однако, так дорого загадочные теории, которые ему никогда не удастся понять и которые никогда не будут сколько-нибудь полезны для него.

Поэтому философ должен писать или предаваться размышлениям не для толпы. Принципы атеизма или

система природы, как сказано, не по плечу даже множеству лиц весьма образованных в других отношениях, но часто тяготеющих к общепринятым предрассудкам. Весьма нелегко найти людей, соединяющих с умом, знаниями и талантами спокойное воображение или же мужество, необходимое для успешной борьбы с привычными, укоренившимися в мозгу иллюзиями. Несмотря на голос разума, весьма глубокие, обладающие обширными знаниями умы незаметно, точно влекомые непреодолимой силой, опускаются до общепринятых предрассудков, которые внушались им с самого младенчества. Но принципы, вначале кажущиеся странными или возмутительными, если им начинают доверять, мало-помалу внедряются в умы, становятся привычными и, распространяясь, оказываются благоприятными для всего общества: с течением времени общество привыкает ко взглядам, которые первоначально казались ему неразумными и нелепыми; во всяком случае оно перестает считать какими-то извергами людей, придерживающихся непривычных взглядов в вопросах, относительно которых, по свидетельству опыта, можно иметь сомнения без всякого ущерба для общества.

Итак, не следует бояться распространения идей среди людей; будучи полезными, они лишь постепенно начинают оказывать свое действие. Писатель не должен считаться со своей эпохой, своими согражданами или с государством, в котором он живет; ему следует обращаться ко всему человеческому роду и иметь в виду грядущие поколения; тщетно будет он ждать одобрения со стороны своих современников; напрасно будет он надеяться, что его принципы, для которых не созрело современное ему поколение, будут благожелательно приняты предубежденными умами; если он высказал истинные взгляды, то лишь потомство воздаст должное его усилиям; а пока он должен быть доволен сознанием того, что сделал доброе дело, и тайным сочувствием столь малочисленных на земле друзей истины. Лишь после смерти правдивого писателя начинается его торжество; лишь тогда умолкают голоса ненависти и зависти: они уступают место истине, которая, будучи

по своей природе вечной, должна пережить все земные заблуждения*.

Кроме того, мы можем сказать вместе с Гоббсом, что людям «нельзя причинить никакого зла, проповедуя им свои взгляды; в худшем случае их оставляешь в состоянии сомнения и неопределенности; но разве они и без того уже не находятся в этом состоянии?» Если какой-нибудь писатель ошибся, то, вероятно, потому, что он плохо рассуждал. Если он выдвинул ложные принципы, то нетрудно установить это, исследовав их. Если его теория ложна или смешна, то она будет только способствовать обнаружению истины во всем ее блеске и его произведение станет предметом всеобщего презрения; если это произойдет еще при жизни автора, то он будет достаточно наказан за свое безрассудство; если же он умрет, то, разумеется, живые не сумеют нарушить его могильного покоя. Никто не пишет для того, чтобы повредить своим ближним; писатель всегда мечтает заслужить их одобрение, забавляя их, возбуждая их любопытство или

---

* Многие сомневаются, не может ли оказаться вредной истина. Даже самые благонамеренные люди часто не имеют определенного мнения по этому важному вопросу. В действительности истина вредит лишь тем, кто обманывает людей, между тем как для последних очень важно быть избавленными от заблуждения. Истина может, конечно, повредить тому, кто ее проповедует, но никакая истина не может повредить человечеству, и никогда нельзя перестараться, недвусмысленно возвещая ее существам, мало склонным слушать или понимать ее. Если бы писатели, считающие себя обладателями важных истин (которые всегда признаются самыми опасными), были настолько одушевлены любовью к общественному благу, что решились бы говорить откровенно с риском даже не понравиться публике, то человечество было бы просвещеннее и счастливее, чем оно есть в действительности. Писать, прибегая к намекам,— часто все равно что совсем не писать. Человеческая мысль ленива; надо по возможности сберегать для нее труд размышления. Сколько времени и усилий приходится потратить в наше время, чтобы разгадать двусмысленные изречения древних философов, истинные взгляды которых почти совершенно пропали для нас! Если истина полезна людям, то несправедливо лишать их ее; если должно признавать истину, то следует признавать и выводы из нее, также являющиеся истинами. Люди в большинстве своем любят истину; но выводы из нее так пугают их, что они предпочитают ей заблуждение, пагубные последствия которого мешает им понять привычка.

сообщая им полезные, по его мнению, сведения. Никакое сочинение не может быть опасным, особенно если это сочинение содержит в себе истины; оно не было бы опасным даже в том случае, если бы содержало принципы, явно противоречащие опыту и здравому смыслу. Действительно, допустим, что какой-нибудь автор стал бы утверждать в наши дни, что солнце не светит, отцеубийство законно, воровство дозволено, а прелюбодеяние вовсе не есть преступление. Ведь было бы достаточно малейшего размышления, чтобы понять всю ошибочность этих взглядов, против которых восстало бы все человечество; люди стали бы смеяться над безумным автором, и вскоре его имя и его книга получили бы печальную известность лишь в силу своих нелепых крайностей. Только религиозные безумства пагубны для смертных. Почему же? Потому, что государственная власть намеревается внедрить эти безумства силой, выдавая их за непогрешимые истины и сурово наказывая тех, кто хотел бы смеяться над ними или исследовать их. Если бы люди были разумнее, то они стали бы относиться к религиозным воззрениям и теологическим теориям точно так же, как к физическим теориям и проблемам математики; последние никогда не нарушают покоя общества, хотя и вызывают иногда очень жаркие споры среди некоторых ученых. Теологические споры никогда не имели бы пагубных следствий, если бы можно было убедить власть имущих, что им следует относиться с равнодушием и презрением к спорам людей, ровно ничего не понимающих в загадочных вопросах, о которых они не перестают спорить.

Вот это-то справедливое, разумное, благоприятное для государств равнодушие и собирается мало-помалу водворить на земле здравая философия. Разве человечество не стало бы счастливее, если бы государи, заботясь о благополучии своих подданных, не вмешивались во вздорные распри изуверов, подчиняли религию политике, заставляли ее высокомерных служителей стать гражданами и не давали им возможности нарушать своими спорами общественное спокойствие? Как преуспели бы науки, человеческая мысль, юрис-

пруденция, законодательство, воспитание, если бы была осуществлена свобода мысли! В настоящее время гений повсюду наталкивается на помехи; религия вечно препятствует его развитию; человек, словно скованный какими-то цепями, не в состоянии воспользоваться ни одной из своих способностей; даже его ум как бы связан детскими пеленками и не может двигаться свободно. Гражданская власть в союзе с властью духовной как будто желает повелевать лишь отупевшими рабами, заключенными в мрачную темницу, где они вымещают друг на друге свое озлобление. Государи ненавидят свободу мысли, так как боятся истины; эта истина кажется им страшной, потому что она должна осудить их излишества; эти излишества дороги им, потому что они подобно своим подданным не знают своих истинных интересов, которые должны совпадать у тех и у других.

Пусть мужественный философ не приходит в уныние от этих многочисленных препятствий, которые, словно навсегда, изгоняют истину из ее царства, разум — из человеческого сознания, природу — из ее законных пределов. Достаточно было бы тысячной доли усилий, потраченных на то, чтобы ввести в заблуждение человечество, чтобы исцелить его от этих заблуждений. Не будем же приходить в отчаяние от испытываемых человечеством бедствий; не будем оскорблять его, думая, что истина ему не по плечу; его мысль без устали ищет ее, его сердце желает ее, его потребность в счастье громко взывает к ней; он боится ее или не признает ее лишь потому, что религия, извратив все его взгляды, постоянно удерживает повязку на его глазах, стараясь сделать ему совершенно чуждой добродетель.

Несмотря на колоссальные усилия, потраченные на изгнание истины, разума и науки из обители людей, должно настать время, когда растущий прогресс знания просветит наконец и самих государей, столь ожесточенно борющихся теперь с истиной, справедливостью и свободой людей. По воле судьбы на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются

устранить их, пользуясь указаниями мудрости. Может быть, они поймут, что боги, которые якобы наделили их властью, являются истинным бичом народов, что служители этих богов — их враги и соперники; что религия, в которой они видели опору своего могущества, в действительности подкапывается под него и его ослабляет; что религиозная мораль ложна и способствует лишь развращению их подданных, которых она наделяет пороками рабов, а не добродетелями граждан,— одним словом, что религиозные заблуждения являются источником бедствий человеческого рода и несовместимы со справедливым управлением.

Но до тех пор пока не наступит эта радостная для человечества минута, принципы *натурализма* могут быть усвоены лишь кучкой мыслителей; последние не могут рассчитывать на многочисленных сторонников и поклонников. Наоборот, они найдут горячих противников или даже презрительно относящихся к ним людей в лицах, в других отношениях весьма просвещенных и умных. Даже самые талантливые люди, как мы уже указывали, не всегда решаются полностью порвать со своими религиозными взглядами; их воображение, столь необходимое для блестящих талантов, часто оказывается в них непреодолимым препятствием для полного отказа от предрассудков: этот отказ гораздо больше зависит от рассудительности человека, чем от его природного ума. К этому обстоятельству, толкающему людей на путь иллюзий, присоединяется еще сила привычки: многие люди таковы, что отнять у них религиозные представления все равно что подвергнуть их вивисекции, лишить их привычной духовной пищи, разверзнуть перед ними бездну, заставить их тревожный ум зачахнуть от ничегонеделания*.

---

* Менаж[2] замечает, что история упоминает лишь о весьма немногих женщинах-атеистках, или неверующих. В этом нет ничего удивительного: их организация делает их боязливыми, их нервная система подвержена периодическим расстройствам, а получаемое ими воспитание предрасполагает их к легковерию. Женщины, обладающие темпераментом и воображением, нуждают-

Не будем же поражаться при виде выдающихся людей, упорно закрывающих глаза на некоторые факты или же не обнаруживающих своей обычной проницательности, лишь только речь заходит о предмете, который они не решаются исследовать так же тщательно, как прочие вещи. Канцлер Бэкон утверждает, что *поверхностное знакомство с философией предрасполагает к атеизму, но более глубокое занятие ею вновь приводит к религии*[3]. Этот тезис, если его проанализировать, сводится к утверждению, что посредственные мыслители способны очень быстро заметить грубые нелепости религии, но, не привыкнув к теоретическим размышлениям или будучи лишены надежных руководящих принципов, они вскоре вновь попадают под влиянием воображения в теологический лабиринт, откуда их как будто собирался вывести их слишком слабый разум. Боязливые души избегают даже возможности освободиться от своих страхов; умы, привыкшие к иллюзиям теологических умозрений, видят в природе какую-то необъяснимую загадку, какую-то бездонную пучину тайн. Так как их взор обычно направлен на какую-то идеальную точку, являющуюся для них центром всего, то, теряя по какой-либо причине ее из виду, они перестают различать вселенную; в своей тревоге они предпочитают вернуться к все объясняющим, как им кажется, предрассудкам детства, чем очутиться в пустоте или покинуть необходимую, по их мнению, точку опоры. Таким образом, афоризм Бэкона означает просто, что даже самые талантливые люди не в состоянии избавиться от иллюзий своего бурного воображения, над которым не властны никакие доводы разума.

Но достаточно внимательно и хладнокровно изучить явления природы, чтобы освободиться от всех подобных заблуждений. Изучая эти явления, человек заметит, что в природе все связано незаметными для поверхностного или нетерпеливого наблюдателя, но вполне

ся в иллюзиях, чтобы занять свой досуг, особенно когда они расстаются со светской жизнью; религиозные обряды тогда становятся для них своего рода игрой, или развлечением.

явными для всякого хладнокровного исследователя узами; он убедится, что как редкие, загадочные явления, так и мелкие, повседневные факты одинаково необъяснимы, но и те и другие одинаково вытекают из естественных причин и допущение причин сверхъестественных, как бы эти последние ни называть и какие бы качества им ни приписывать, только увеличивает трудности и порождает бесчисленные иллюзии. На основании самых простых наблюдений он должен будет убедиться, что все необходимо, что воспринимаемые им явления носят материальный характер и, следовательно, проистекают из причин одного и того же порядка, хотя бы у него не было возможности проникнуть своими чувствами до этих причин. Таким образом, он увидит повсюду лишь материю, действующую в одних случаях доступным для его органов образом, а в других — незаметно для них. Он увидит, что все вещи следуют постоянным законам, все сочетания образуются и уничтожаются, все формы изменяются, между тем как великое целое всегда остается тем же самым. И вот тогда, освободившись от внушенных ему взглядов, избавившись от привычных ошибочных представлений о каких-то вымышленных существах, он решится откинуть все то, чего не могут воспринять его органы; он убедится, что туманные, лишенные смысла слова не годятся для разрешения теоретических трудностей; взяв в руководители опыт, он отбросит все подсказываемые воображением гипотезы, чтобы стремиться к фактам, подтверждаемым опытным путем.

Большинство исследователей природы часто приступают к ее изучению со всякого рода предрассудками; эти исследователи находят в ней лишь то, что заранее решили найти; если же они замечают факты, противоречащие их взглядам, то быстро отвращают от них свои взоры, убеждая себя в том, что их обмануло зрение, и вновь возвращаются к этим фактам не иначе как в надежде примирить их со своими предвзятыми мнениями. Так, встречаются верующие физики, находящие под влиянием предубеждений неоспоримые доказательства своих воззрений даже в фактах, коренным

образом противоречащих им. Этим объясняются все излюбленные доказательства бытия благого бога, опирающиеся на учение о конечных причинах, на порядок природы, ее благодеяния и т. д. Если же такие исследователи замечают беспорядок, бедствия, катастрофы, то и в этом они странным образом видят новые доказательства благости, мудрости и разума своего бога, хотя факты подобного рода так же наглядно противоречат перечисленным качествам, как факты целесообразности природы кажутся подтверждением их. Эти наблюдатели под влиянием своих предубеждений приходят в восторг от периодических и правильных движений небесных светил, от органической жизни на земле, от изумительной гармонии частей животного организма; они совершенно забывают в этом случае законы движения, силы притяжения, отталкивания, тяготения и приписывают все эти выдающиеся явления какой-то неизвестной причине, о которой не имеют никакого представления. Наконец, в пылу воображения они помещают человека в центре природы, предполагают, что он является целью всего существующего и все создано для него и его наслаждений, вовсе не замечая того, что нередко против него обращает свою ярость чуть ли не вся природа, а рок старается сделать из него несчастнейшее из существ*.

Атеизм встречается так редко лишь потому, что начиная с детского возраста все, точно нарочно, стараются внушить человеку ослепительные иллюзии или заставить его проникнуться систематизированным и упорядоченным невежеством, преодолеть и искоренить которое труднее всех других видов последнего. Теология есть лишь наука о словах, которые под влиянием частого повторения люди привыкают принимать за реальные вещи; при малейшей попытке анализа

---

* Успехи здравомыслящей физики должны оказаться пагубными для религиозного суеверия, неизменно опровергаемого фактами природы. Астрономия изгнала судебную астрологию; экспериментальная физика, естествознание и химия мешают жрецам, фокусникам и колдунам творить чудеса. При более глубоком изучении природы призрак, посаженный на ее место невежеством, должен непременно исчезнуть.

можно убедиться, что в них нет никакого смысла. На земле мало размышляющих, проницательных и отдающих себе отчет в своих мыслях людей; здравый ум — один из редчайших даров природы человечеству. Слишком пылкое воображение и нетерпеливая любознательность столь же вредны для открытия истины, как излишняя флегматичность, медленность восприятия, леность духа, непривычка мыслить. Все люди обладают большей или меньшей силой воображения, любознательности, флегматичности, желчности, лености, активности; от гармонического равновесия их организации зависит правильность их суждений. Но, как было сказано выше, человеческая организация подвержена изменениям и в зависимости от этих изменений в суждениях людей происходят перемены. Этим объясняются столь частые резкие перевороты во взглядах людей, особенно когда речь идет о предметах, не доступных опыту.

Чтобы найти истину, которую все словно нарочно стараются скрыть от нас и которую часто мы сами, являясь как бы соучастниками обманывающих нас людей, пытаемся утаить от себя или же под влиянием наших обычных страхов боимся найти, необходим здравый ум, открытое, честное сердце и сдерживаемое разумом воображение. Обладая этими способностями, мы сумеем обнаружить истину; она никогда не открывается ни обольщающемуся своими грезами фантазеру, ни мрачному изуверу, ни тщеславному претенциозному невежде, ни легкомысленному сластолюбцу, ни недобросовестному резонеру, желающему только обмануть самого себя. Обладая этими способностями, внимательный физик, математик, моралист, политик, даже теолог должны будут убедиться в своих поисках истины в шаткости основ всех религиозных систем. Физик найдет в материи достаточную причину ее существования, равно как и присущих ей движений, сочетаний, способов действия, всегда управляемых общими и неизменными законами. Математик вычислит силы материи и, не покидая природы, найдет, что для объяснения ее явлений нет никакой необходимости прибегать к содействию какого-то существа или какой-то силы,

отличной от всех известных сил. Политик, изучив реальные мотивы, способные действовать на народы и побуждать их трудиться ради общего блага, поймет, что нет никакой нужды прибегать для этого к вымышленным мотивам; он должен будет убедиться, что вымышленные мотивы способны только замедлить или испортить действие столь сложного механизма, как общество. Человек, которому истина дороже, чем тонкости теологии, вскоре убедится, что эта пустая наука представляет собой лишь непонятную груду ложных гипотез, необоснованного постулирования исходных положений, софизмов, порочных кругов в доказательствах, вздорных различений, странных тонкостей, недобросовестных аргументов, результатом которых могут быть только ребяческие выводы или бесконечные споры. Наконец, всякий человек, имеющий здравые представления о морали, о добродетели, о том, что полезно для живущего в обществе человека как в целях его личного самосохранения, так и в целях сохранения всего общественного целого, убедится, что люди, желающие установить свои взаимоотношения и обязанности, должны лишь изучить собственную природу и им ни в коем случае не следует основывать эти обязанности на представлении о противоречивом верховном существе, о каком-то образце, который способен только внести путаницу в умы, мешая людям определять свое поведение.

Таким образом, всякий разумный мыслитель, отказавшись от своих предрассудков, сумеет понять бесполезность и ошибочность бесчисленных абстрактных теорий, до сих пор только сбивавших людей с пути и делавших сомнительными самые очевидные истины. Всякий человек, отказавшись от странствий в заоблачные страны, где его мысль может только заблудиться, и обратившись к своему разуму, найдет то, что ему необходимо знать, и избавится от иллюзорных причин, заменивших благодаря невежеству, фантазерству и обману истинные причины и реальные мотивы, действующие в природе, которую человеческая мысль не смеет покинуть, не рискуя заблудиться и стать несчастной.

Богопочитатели и теологи постоянно упрекают своих противников в пристрастии к парадоксам или к системам, в то время как сами основывают все свои теории на фантастических гипотезах, принципиально отказываются от опыта, пренебрегают указаниями природы и не считаются со свидетельствами собственных чувств, подчиняя свой ум игу авторитета. Ученики природы вправе возразить им: «Мы утверждаем лишь то, что видим; мы признаем лишь очевидность; если мы имеем какую-нибудь систему, то она основывается только на фактах. Мы замечаем в самих себе и повсюду одну лишь материю и заключаем на основании этого, что материя способна чувствовать и мыслить. Мы видим, что во вселенной все происходит по механическим законам согласно свойствам, сочетаниям, модификациям материи, и не ищем других объяснений естественных явлений, кроме тех, которые наблюдаем в природе. Мы представляем себе лишь одну-единую вселенную, где все связано между собой и всякое действие происходит от известной или неизвестной естественной причины, производящей его согласно необходимым законам. Мы не утверждаем ничего, чего нельзя было бы доказать и чего вы не должны были бы признать вместе с нами; принципы, из которых мы исходим, ясны, очевидны, выведены из фактов; если что-нибудь неясно или непонятно для нас, то мы откровенно сознаемся в этой неясности, т. е. в ограниченности нашего знания*; но мы не придумываем никаких гипотез для объяснения неясного нам явления; мы соглашаемся с тем, что никогда не познаем его, либо ждем, что время, опыт, успехи знания принесут с собой необходимое разъяснение. Разве наш способ философствовать не самый правильный? Действительно, во всех наших рассуждениях о природе мы поступаем так, как поступают наши противники во всех прочих науках вроде естественной истории, физики, математики, химии, морали, политики. Мы строго ограничиваемся тем, что нам известно через посредство наших чувств —

* «Nescire quaedam magna pars est sapientiae». [«Известное незнание есть значительная доля мудрости».]

этих единственных орудий, данных нам природой, чтобы открыть истину. А как поступают наши противники? Для объяснения неизвестных им явлений они придумывают существа, еще более неизвестные, чем явления, требующие объяснения, существа, о которых, по их собственному признанию, они не имеют никакого представления! Иначе говоря, они отказываются от бесспорных принципов логики, согласно которым следует переходить от более известного к менее известному. Но на чем же покоится бытие этих существ, с помощью которых они рассчитывают разрешить все трудности? На всеобщем невежестве людей, на отсутствии у них опыта, на их испуге, на их расстроенном воображении, на мнимом *внутреннем чувстве*, являющемся в действительности плодом невежества, страха, неумения мыслить самостоятельно и привычки подчиняться какому-нибудь авторитету. На таком-то шатком фундаменте, о теологи, вы воздвигаете здание вашего учения! После этого вы, конечно, не в состоянии составить себе какое-нибудь ясное представление об этих богах, являющихся основой ваших теорий, об их атрибутах, бытии, способе действия, связи с пространством. Таким образом, по вашему собственному признанию, вы не имеете даже начатков знания вещи, являющейся, как вы полагаете, причиной всего существующего. Таким образом, с какой бы стороны ни подходить к вашим теориям, именно вы строите в воздухе свои системы, являясь нелепейшими из всех системосозидателей, так как сочиненная вашим воображением причина должна была бы по крайней мере объяснить все явления, искупая тем свой основной недостаток — непостижимость. Но пригодна ли эта причина для объяснения чего бы то ни было? Объясняет ли она происхождение мира, природу человека, способности души, источник добра и зла? Конечно, нет; эта мнимая причина либо ничего не объясняет, либо до бесконечности умножает затруднения, либо же вносит только мрак повсюду, где обращаются к ее содействию. Какого бы вопроса мы ни коснулись, при применении к нему представления о боге он становится только сложнее; даже в наиболее точные науки это представление способно внести только

путаницу и туман, делая загадочными самые очевидные истины. Чему же может научить нас в вопросах нравственности ваше божество, на намерениях и поведении которого вы основываете все добродетели? Разве в самих ваших откровениях божество не выступает в виде издевающегося над человеческим родом, творящего зло из одного только удовольствия делать его, управляющего миром, исходя из своих неправедных прихотей, тирана, которому вы заставляете нас поклоняться? Разве все ваши остроумные теории, ваши таинства, различные придуманные вами хитроумные измышления способны очистить вашего бога от всех его злодеяний, так возмущающих здравый смысл? Наконец, разве не во имя его вы наполняете смутами мир, преследуете и истребляете всех тех, кто отказывается признавать систематизированный бред, торжественно называемый вами религией? Признайте же, о теологи, что вы не только творцы нелепых систем, но и в конечном счете свирепые и жестокие существа, тщеславно и своекорыстно стремящиеся навязать людям нелепые теории, которые должны похоронить под собой и человеческий разум, и счастье народов».

Глава XIV

РЕЗЮМЕ КОДЕКСА ПРИРОДЫ

То, что ложно, не может быть полезно людям; то, что постоянно вредит им, не может основываться на истине и должно быть бесповоротно изгнано. Поэтому дать человеческой мысли спасительную нить, способную помочь ей выбраться из лабиринта, куда ее завело воображение и где она блуждает без надежды когда-нибудь покончить со своими сомнениями,— значит оказать ей содействие и потрудиться для нее. Только изучение природы с помощью опыта может дать ей эту нить и средства сразить *минотавров* — все эти призраки и чудовища, столько веков взимающие кровавую дань с устрашенных смертных. Держа эту нить в своих руках, люди никогда не заблудятся; но лишь только они выпустят ее, как снова неизбежно станут жертва-

ми своих прежних заблуждений. Напрасно станут люди устремлять свои взоры к небу в поисках средств, лежащих у их ног; до тех пор пока, одержимые своим религиозным наваждением, они будут искать в воображаемом мире принципы своего земного поведения, им не удастся обрести этих принципов; пока в своем упрямстве они будут глядеть на небо, им придется лишь ощупью бродить по земле, не будучи в состоянии найти в этих неверных поисках необходимые для своего счастья удовлетворение, покой и уверенность.

Но люди, коснеющие в предрассудках и поэтому вредящие самим себе, остерегаются тех лиц, которые хотят доставить им величайшее из благ. Привыкнув к тому, что их постоянно обманывают, они ко всему относятся с подозрением; не доверяя самим себе, страшась разума, считая истину опасной, они видят врагов даже в тех людях, которые желают их ободрить; находясь с детства во власти своих предубеждений, они считают необходимым во что бы то ни стало сохранять повязку, покрывающую их глаза, и бороться со всеми теми, кто пытается ее сорвать. Если их глаза, привыкшие к мраку, на мгновение открываются, то свет причиняет им боль, и они с яростью набрасываются на того, кто подошел к ним с ослепляющим их факелом. Благодаря этому на атеиста начинают смотреть как на зловредное существо и отравителя общества; человек, осмеливающийся будить окружающих от летаргического сна, в который их погрузила привычка, объявляется нарушителем общественного покоя; тот, кто хотел бы успокоить безумные неистовства людей, провозглашается неистовым безумцем; тот, кто призывает своих ближних порвать сковывающие их оковы, представляется помешанным или безрассудным в глазах узников, полагающих, что природа создала их для жизни в цепях и в вечном трепете. Благодаря этим пагубным предубеждениям сограждане ученика природы обыкновенно относятся к нему так, как относятся к зловещей ночной птице все прочие пернатые: лишь только она появляется из своего убежища, все они с ненавистью накидываются на нее, издавая различные крики.

Но нет, ослепленные страхом смертные, знайте, что друг природы не враг вам; истолкователь природы не служитель лжи; ниспровергатель призраков, которым вы поклоняетесь, не разрушитель истин, необходимых для вашего счастья; ученик разума не безумец, желающий отравить вас или сообщить вам опасное безумие. Если он вырывает молнию из рук грозных, пугающих вас богов, то его цель — заставить вас покинуть дорогу, по которой вы идете в грозу, различая путь лишь при слабом свете зарниц. Если он разбивает идолов, окровавленных благодаря неистовствам фанатизма и окруженных поклонением благодаря страху, то его цель — поставить на их место утешительницу-истину, способную рассеять ваши тревоги. Если он разрушает храмы и опрокидывает алтари, столь часто орошавшиеся слезами, почерневшие от жестоких жертвоприношений и от дыма рабских кадил, то его цель — воздвигнуть прочный памятник миру, разуму, добродетели, в которых вы в любое время найдете прибежище от своего безумства и страстей и от страстей угнетающих вас могущественных людей. Если он борется с надменными притязаниями обоготворенных суеверием тиранов, которые подобно вашим богам жестоко правят вами, то его цель — представить вам возможность наслаждаться своими естественными правами, возможность быть свободными людьми, а не рабами, навеки прикованными к нужде, и, наконец, добиться того, чтобы вами управляли люди и граждане, любящие и защищающие людей, подобных им, и граждан, вручивших им их власть. Если он нападает на обман, то его цель — восстановить истину в ее правах, издавна попранных заблуждением. Если он разрушает фиктивную основу той ненадежной или же фанатической морали, которая до сих пор вносила только туман в ваши умы, нисколько не исправляя ваших сердец, то его цель — дать науке о нравственности непоколебимую основу в вашей собственной природе. Так наберитесь же смелости выслушать его речь, более вразумительную, чем двусмысленные прорицания, преподносимые вам обманщиками якобы от имени капризного божества, постоянно противоречащего своим собственным повелениям. Слушай-

тесь же природы: она никогда не противоречит самой себе.

Она говорит вам: «О существа, во всякий момент своей жизни стремящиеся под влиянием данного вам импульса к счастью, не сопротивляйтесь моему верховному закону. Трудитесь для своего счастья; безбоязненно наслаждайтесь, будьте счастливы: средства обеспечить себе счастье начертаны в ваших сердцах. Напрасно, о суеверный человек, ты ищешь своего благополучия за границами вселенной, в которую ты водворен мной; напрасно ты молишь об этом благополучии неумолимые призраки, созданные твоим воображением и посаженные им на мой вечный трон; напрасно ты надеешься получить это благополучие в небесных обителях, созданных твоим безумием; напрасно ты возлагаешь надежды на капризных богов, благостью которых восторгаешься, в то время как они посылают на землю бедствия, ужасы, несчастья, всякого рода иллюзии. Дерзай же освободиться от ига религии, моей надменной соперницы, не признающей моих прав; откажись от богов, похитителей моей власти, и вернись под власть моих законов. В моих владениях царствует свобода; из них навсегда изгнаны тирания и рабство; правосудие обеспечивает безопасность моих подданных и следит за тем, чтобы они не превышали своих прав; доброта и человечность связывают их друг с другом приятными узами; свет истины просвещает их, и обман никогда не обволакивает их своими мрачными тучами.

Вернись же, неверное дитя, вернись к природе! Она утешит тебя; она изгонит из твоего сердца удручающие тебя страхи, мучающие тебя тревоги, волнующие тебя восторги и ненависть, отрывающую тебя от людей, которых ты должен любить. Вернувшись к природе, к человечеству, к самому себе, рассыпь цветы по дороге своей жизни; перестань глядеть в будущее. Живи для себя, для своих ближних; углубись в самого себя; присмотрись затем к окружающим тебя разумным существам и оставь богов, которые ничего не могут сделать для твоего счастья. Наслаждайся сам и давай наслаждаться другим благами, которые я оставила

в общем обладании всех детей, одинаково вышедших из моего лона; помоги им переносить бедствия, на которые судьба обрекла их, как и тебя самого. Мне угодны твои удовольствия, когда они не вредят тебе и не пагубны также для твоих братьев, которых я сделала необходимыми для твоего собственного счастья. Эти удовольствия дозволены тебе, если ты пользуешься ими в надлежащей, указанной мной мере. Будь же счастлив, человек, природа зовет тебя к этому. Но помни, что ты не можешь быть счастливым в одиночку: я призываю к счастью наряду с тобой всех смертных; только сделав их счастливыми, ты будешь счастлив сам — такова воля судьбы; помни, что, если ты попытаешься уклониться от нее, ненависть, месть и угрызения совести всегда наготове, чтобы наказать тебя за нарушение ее бесповоротных повелений.

Поэтому, о человек, какое бы место ты ни занимал в жизни, иди путем, который ты начертал себе для достижения доступного тебе счастья. Во имя гуманности не забывай о судьбе своих ближних; пусть твое сердце относится с состраданием к злополучиям других людей; пусть твоя щедрая рука будет готова к помощи несчастному, удрученному своей судьбой; помни, что может прийти и твой черед для несчастья, и знай, что всякий несчастный вправе требовать от тебя участия. Относись особенно чутко к слезам угнетенной невинности; приюти на своей груди страждущую добродетель; пусть твое добродетельное сердце будет согрето мягкой теплотой искренней дружбы; пусть уважение возлюбленной подруги заставит тебя забыть тяготы жизни и ты будешь верен ей, как и она тебе; пусть твои дети на глазах добродетельных и дружно живущих родителей научатся добродетели; пусть они, будучи предметом забот твоего зрелого возраста, окружат твою старость заботами, которыми ты окружил их неразумное детство.

Будь справедлив, потому что справедливость — опора человеческого рода. Будь добр, потому что доброта покоряет все сердца. Будь снисходителен, потому что ты сам слаб и живешь с существами столь же слабыми, как и ты. Будь мягок, потому что мягкость порождает

привязанность. Будь признателен, потому что признательность питает доброту. Будь скромен, потому что гордость задевает самолюбие людей и возмущает их. Прощай оскорбления, потому что месть только увековечивает вражду. Твори добро своему обидчику, чтобы показать ему, что ты выше его, и снискать его дружбу. Будь воздержан, умерен, целомудрен, потому что сладострастие, невоздержанность и излишества разрушат твое здоровье и сделают тебя презренным в чужих глазах.

Будь гражданином, потому что твое отечество необходимо для твоей безопасности, твоих удовольствий, твоего благополучия. Будь верным и послушным законной власти, потому что она необходима для сохранения общества, в свою очередь необходимого для тебя самого. Повинуйся законам, потому что они — выражение общественной воли, которой должна быть подчинена твоя частная воля. Защищай свою страну, потому что она делает тебя счастливым и в ней — твое достояние и все самые дорогие для тебя существа. Не допускай, чтобы эта мать твоя и твоих сограждан подпала под иго тирании, потому что тогда родина превратится для тебя в темницу. Если твое несправедливое отечество отказывает тебе в счастье; если, подчиняясь неправедной власти, оно допускает, чтобы тебя угнетали,—покинь его молча и никогда не заводи в нем смут.

Одним словом, будь человеком, разумным существом, верным супругом, нежным отцом, справедливым хозяином, усердным гражданином; старайся служить родине своими силами, талантами, умением, добродетелями. Делись с ближними дарами, полученными от природы; распространяй благополучие, довольство и радость среди всех, с кем ты встречаешься; пусть круг твоих действий, как бы оживотворенный твоими благодеяниями, воздействует и на тебя; будь уверен, что человек, делающий других людей счастливыми, не может быть несчастным сам. Поступая таким образом, ты никогда не будешь полностью лишен причитающейся тебе награды, с какими бы несправедливыми и ослепленными существами тебе ни довелось жить;

во всяком случае никакая сила на земле не сможет отнять у тебя внутреннего удовлетворения — этого чистейшего источника всякого счастья; ты всегда сумеешь с удовольствием углубиться в самого себя; ты не найдешь в глубине своего сердца ни стыда, ни страха, ни угрызений совести; ты будешь любить себя; ты будешь велик в собственных глазах; ты будешь любим и уважаем всеми добродетельными людьми, мнение которых более ценно, чем мнение заблудшей толпы. Если ты посмотришь вокруг, то на довольных лицах прочтешь нежность, сочувствие, любовь. Проводя так жизнь, каждое мгновение которой будет отмечено внутренним миром твоей души и любовью окружающих тебя людей, ты мирно придешь к концу своего существования, потому что ты должен умереть; но ты переживаешь уже себя в мысли; ты будешь вечно жить в памяти своих друзей и людей, осчастливленных тобой; твои добродетели уже заранее воздвигли тебе нетленный памятник. Если небо интересовалось бы тобой, оно осталось бы довольно твоим поведением, раз им довольна земля.

Не жалуйся же на свою судьбу. Будь справедлив, добр и добродетелен, и ты никогда не будешь лишен удовольствий. Не завидуй обманчивому и мимолетному счастью влиятельного преступника, победоносного тирана, своекорыстного обманщика, продажного судьи, жестокосердного богача. Не умножай собой придворной челяди — этого рабочего стада несправедливого тирана. Не старайся приобрести ценой стыда, унижений и угрызений совести пагубной привилегии угнетать своих ближних; не будь корыстным соучастником угнетателей своей страны: они вынуждены краснеть от стыда, лишь только встретят твой взор.

Помни: я наказываю суровее, чем все боги, за земные преступления; дурной человек может избежать кары человеческого закона, но он никогда не уйдет от моих законов. Я создала тела и души смертных; я установила законы, которые ими управляют. Если ты будешь предаваться гнусному сластолюбию, то соучастники твоего разврата будут приветствовать тебя, но я накажу тебя жестокими недугами, которыми

завершится твоя позорная и жалкая жизнь. Если ты станешь предаваться невоздержности, то человеческий закон не покарает тебя, но я накажу тебя, сократив твои дни. Если ты порочен, то твои пагубные привычки обрушатся на твою же голову. Государи, эти земные божества, поставленные своим могуществом выше законов людей, трепещут перед моими законами. Я наказываю их, вливая в их сердца яд сомнений, страхов и тревог; я заставляю их трепетать при одном упоминании величественной истины; я заставляю их чувствовать в толпе окружающих их вельмож отравленные стрелы горя и позора; я посылаю пресыщение в их отупевшие сердца, чтобы наказать их за злоупотребление моими дарами; я — вечная и несотворенная справедливость; именно я, не считаясь с лицами, соизмеряю наказание с виной, а кару — с содеянным преступлением. Человеческие законы справедливы лишь тогда, когда соответствуют моим законам; человеческие суждения разумны лишь тогда, когда продиктованы мной; только мои законы неизменны, всеобщи, неотменимы; только они предназначены везде и всегда определять судьбу человеческого рода.

Если ты сомневаешься в моем авторитете и в моей несокрушимой власти над смертными, то обрати внимание на то, как я мщу всем сопротивляющимся моим повелениям. Спустись в глубину сердец всех этих преступников, довольные лица которых прикрывают их душевные муки. Разве честолюбец не мучится день и ночь и не горит на огне, которого ничто не может погасить? Разве торжество победителя не омрачено угрызениями совести и разве не тоскливо его царствование над дымящимися развалинами, разоренными пустынями и проклинающими его несчастными людьми? Думаешь ли ты, что тиран, окруженный низкопоклонниками и льстецами, не сознает ненависти, которую порождает его гнет, и презрения, которое навлекают на него его пороки, его никчемность, его разврат? Полагаешь ли ты, что надменный царедворец в глубине своей души не краснеет от стыда за все те унижения и оскорбления, которыми он покупает себе милости тирана?

Взгляни на этих равнодушных богачей, снедаемых скукой и пресыщенностью, всегда следующими за истощающими тело удовольствиями. Посмотри, как недоступный состраданию скряга, измучив себя, томится над заботливо собранными им бесполезными сокровищами. Посмотри на этих якобы радостных и веселых сластолюбцев и невоздержанных людей: втайне они оплакивают потерянное здоровье. Посмотри на этих супругов-прелюбодеев: их жизнь отравлена раздорами и взаимной ненавистью. Посмотри, как никто не доверяет лжецу и мошеннику; посмотри, как лицемер и обманщик тщательно избегают твоего проницательного взора и дрожат при одном упоминании грозного имени истины. Посмотри на бесплодно увядшее сердце завистника, чахнущего при виде счастья других людей; на оледеневшее сердце неблагодарного человека, которого не могут согреть никакие благодеяния; на железную душу чудовища, которого не могут смягчить вздохи несчастных. Посмотри на мстительного человека, который как бы питается желчью и змеями и в своей ярости пожирает самого себя; позавидуй, если можешь, сну убийцы, неправедного судьи, угнетателя, лихоимца, от ложа которых не отходят мстительные фурии... Ты, без сомнения, трепещешь при виде душевных тревог откупщика, разжиревшего на несчастьях сирот, вдов и бедняков; ты в ужасе от угрызений совести, терзающих высокопоставленных преступников, которых толпа считает счастливыми, между тем как испытываемое ими самими презрение к себе постоянно мстит за оскорбленные нации. Словом, ты видишь, что довольство и мир навсегда покинули сердца тех злополучных, кого я наказала заслуженным презрением, бесчестьем и карами. Но нет, твой взгляд не может выдержать трагического зрелища тех, кто поражен моей местью. Человеколюбие заставляет тебя переживать вместе с ними заслуженные ими кары; ты начинаешь жалеть этих несчастных, для которых порок стал необходимым из-за заблуждений и роковых привычек; ты избегаешь их, не испытывая к ним ненависти; ты желал бы помочь им. Сравнивая себя с ними, ты радуешься покою, царящему в глубине твоего собственного сердца. Наконец,

ты видишь, как исполняются для них и для тебя повеления судьбы, согласно которым преступление носит в самом себе свое наказание, а добродетель никогда не бывает лишена награды».

Такова совокупность истин, заключающихся в кодексе природы; таковы принципы, которые может возвестить ее ученик; разумеется, они выше сверхъестественных догматов религии, всегда приносившей только зло человеческому роду. Таков культ, провозглашаемый священным разумом, этим предметом презрения и оскорблений со стороны фанатика, который ценит лишь то, чего не может постигнуть и применить на практике человек; для которого мораль заключается в каких-то фантастических обязанностях, а добродетель — в бесполезных и часто гибельных для общества поступках; который совершенно незнаком с реальной природой и вынужден искать в каком-то идеальном мире иллюзорные и недейственные мотивы своего поведения. Мотивами, на которых строится мораль природы, являются очевидные интересы всякого человека, всякого общества и всего человечества во все времена, во всех странах и при всех обстоятельствах. Поклонение природе требует приносить в жертву пороки и применять на практике реальные добродетели; целью природы является сохранение человеческого рода, его счастье и мир; ее награды — это любовь, уважение окружающих и слава, а при отсутствии их — внутреннее самоудовлетворение и заслуженное самоуважение — чувства, которых ничто не может лишить добродетельных смертных; ее кары — это ненависть, презрение, негодование общества по отношению к тем, кто причиняет ему ущерб, и от этих кар не могут избавиться даже самые могущественные люди.

Народы, которые захотят придерживаться столь мудрой морали, начнут прививать ее людям с детства и постоянно подтверждать ее своими законами, не будут нуждаться ни в каких суевериях и иллюзиях; народы же, которые станут упорно предпочитать своим важнейшим интересам веру в призраки, будут верными шагами идти к гибели. Если последние все же существуют некоторое время, то лишь потому, что под влия-

нием естественных инстинктов иногда возвращаются на путь разума вопреки всем предрассудкам, толкающим их на верную гибель. Объединившиеся для уничтожения человеческого рода суеверие и тирания сами часто вынуждены прибегать к помощи разума, которым они пренебрегают, или принижаемой ими природы, на которую они обычно взваливают бремя своих ложных божеств. Религия, всегда бывшая столь пагубной для людей, прикрывается общественной пользой, как только видит, что ей грозит нападение разума, и основывает свои права и свое значение на неразрывной связи, якобы существующей между ней и моралью, с которой она в действительности ведет ожесточенную борьбу. Этой уловкой ей, несомненно, удалось соблазнить много мудрых людей, которые искренне думают, что суеверие полезно для политики и необходимо для обуздания страстей. Лицемерное суеверие, желая скрыть свои отвратительные черты, всегда умело прикрывалось маской пользы и добродетели; поэтому думали, что следует почитать его и оказывать снисхождение обману, превратившему алтарь истины в свой оплот. Мы должны изгнать религию из этого убежища, чтобы уличить ее в глазах всего человечества в преступлениях и безумствах; чтобы сорвать с нее обольстительную маску, которой она прикрывается; чтобы показать миру ее святотатственные руки, вооруженные человекоубийственными кинжалами и обагренные кровью народов, которых она опьяняет своими неистовствами или беспощадно приносит в жертву своим бесчеловечным страстям.

Мораль природы — вот та единственная религия, которую истолкователь природы предлагает своим согражданам, народам, человечеству, будущим поколениям, освободившимся от предрассудков, так часто нарушавших счастье их предков. Друг людей не может быть другом богов, всегда бывших истинными бичами человечества. Апостол природы никогда не окажет содействия лживым призракам, превращающим этот мир в обитель иллюзии; поклонник истины не пойдет на уступки лжи, не заключит мира с заблуждением, так как последствия такого мира всегда будут пагубны

для смертных; он знает, что для счастья человечества надо до основания разрушить мрачное, шаткое здание суеверия и воздвигнуть природе, миру, добродетели подобающий им храм; он знает, что надо вырвать с корнем ядовитое дерево, которое на протяжении стольких веков покрывает своей сенью вселенную: только тогда глаза людей узрят свет, способный просвещать их, направлять их, согревать им души. Если усилия такого человека окажутся тщетными, если он не сумеет внушить мужества существам, слишком привыкшим к страху, то он удовольствуется внутренним удовлетворением от предпринятой им попытки. Но он не сочтет бесполезным свои усилия, если ему удастся сделать хоть одного человека счастливым, если его принципы внесут успокоение в душу хотя бы одного честного человека, если его рассуждения вольют уверенность в сердца хотя бы нескольких добродетельных людей. У него во всяком случае будет то преимущество, что он сам освободился от ужасов, так преследующих суеверного человека, очистил свое сердце от желчи, так портящей характер фанатика, и попрал ногами призраки, которыми так терзается толпа. Избежав таким образом грозы, он станет созерцать с высоты своего утеса бури, вызываемые на земле представлениями о богах; он протянет руку помощи тем, кто захочет ее принять; ободрит их своим голосом, окажет им содействие в их помыслах и, смягчившись духом, в восторге воскликнет:

«О природа! О владычица всех существ и вы, ее милые дщери, добродетель, разум, истина! Будьте всегда нашими единственными божествами! Вам подобает фимиам и поклонение земли! Природа! Покажи нам, что должен делать человек, чтобы добиться счастья, стремлением к которому ты наполнила его душу. Добродетель! Согрей его своим благотворным огнем. Разум! Руководи его неверными шагами на путях жизни. Истина! Пусть твой светоч освещает его дорогу. Соедините ваши силы, о благодетельные божества, чтобы подчинить себе сердца! Изгоните из наших душ заблуждение, злобу, тревогу; пусть на их месте царят знание, доброта, безмятежность духа. Пусть посрам-

ленный обман никогда не осмелится вновь предстать перед нами. Направьте наши глаза, так долго лишенные зрения, на цели, которые мы должны искать. Навсегда прогоните отвратительные призраки и обольстительные иллюзии, вводящие нас в заблуждение. Вытащите нас из пропасти, в которой нас держит суеверие; уничтожьте роковое господство обмана и иллюзии; отнимите у них власть, похищенную ими у вас. Безраздельно повелевайте смертными; разбейте удручающие их цепи; разорвите облекающие их покрывала; умиротворите отравляющее их души неистовство; сломайте скипетр в кровавых руках тирании; удалите богов, удручающих людей, в область воображения, откуда их извлек страх. Внушите мужество человеку, придайте ему энергию; пусть он осмелится наконец любить и уважать себя; пусть он осознает свое достоинство; пусть он осмелится освободиться; пусть он будет счастливым и свободным; пусть он будет рабом только ваших законов; пусть он улучшает свою судьбу; пусть он любит своих ближних; пусть он наслаждается сам и дает наслаждаться другим. Утешьте дитя природы в неизбежных, посылаемых роком страданиях удовольствиями, допускаемыми мудростью; пусть оно привыкнет покоряться необходимости; спокойно доведите его до положенного для всех существ предела; объясните ему, что оно не должно ни избегать этого предела, ни бояться его».

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ*

«Система природы» Гольбаха была издана впервые в 1770 г. в Амстердаме книгоиздателем Марк-Мишелем Реем, который до того издал уже несколько работ Гольбаха атеистического содержания. На титульном листе книги было напечатано: «Système de la Nature, ou des Loix du Monde Physique et du Monde Moral, par M. Mirabaud, secrétaire perpétuel et l'un des Quarante de l'Académie Française, Londres, MDCCLXX». Из конспиративных соображений здесь неправильно указаны место издания — Лондон вместо Амстердама — и автор сочинения — Мирабо. Выбор имени автора не был случаен. Покойный Мирабо (1675—1760), член и постоянный секретарь Французской академии, по своим взглядам был близок к материализму. В 1742 г. в Амстердаме анонимно был издан сборник, включающий четыре его работы, — «Dissertations mêlées»; Гольбах ссылается на него в «Системе природы» при доказательстве материальности и смертности души. Об авторстве Гольбаха знали или догадывались лишь весьма немногие люди из среды энциклопедистов. Общественное мнение приписывало книгу Дидро. Лишь во французском издании 1822 г. автором «Системы природы» впервые был указан Гольбах. В настоящее время авторство Гольбаха твердо установлено, хотя возможно, что в написании книги принимали также участие Дидро, Нэжон и Лагранж; так, есть основания предполагать, что последняя глава «Системы природы» была написана Дидро.

Уже в феврале 1770 г. «Система природы» начала распространяться во Франции. Книга продавалась тайно и по дорогой цене в связи с громадным спросом на нее. Она сразу очутилась в центре внимания читающей публики. 8 августа 1770 г. Вольтер сообщал мадам дю Деффан: «Дьявольский человек, вдохновленный Вельзевулом, только что опубликовал книгу «Система природы», на каждой странице которой он думает доказать, что бога вовсе нет. Эта книга ужасает всех, и все хотят ее прочитать... Ее пожирают. В ней много соблазнительного, в ней есть красноречие, и в этом отношении она превосходит Спинозу...»

---

* Примечания составлены *В. Н. Кузнецовым.*

18 августа парижский парламент (высшая судебная инстанция в феодальной Франции) осудил книгу и постановил сжечь ее вместе с несколькими другими антиклерикальными произведениями. В обвинительном заключении королевский прокурор Сегье характеризовал «Систему природы» как «верх скандала, венчающий все посягательства, в которых повинно безбожие по отношению к государству и церкви». Прокурор процитировал и разобрал криминальные тезисы автора «Системы природы». Изданное отдельной брошюрой обвинительное заключение Сегье послужило для многих читателей своеобразным средством ознакомления с идеями знаменитой запрещенной книги. Начиная со второго издания «Система природы» выходила с приложением обвинительного заключения Сегье.

Книга Гольбаха вызвала многочисленные «опровержения», авторами которых были не только теологи и защитники старого режима, но и некоторые умеренные просветители, несогласные с атеизмом и политическими выводами «Системы природы». К своей статье «Бог», помещенной в книге «Вопросы, касающиеся «Энциклопедии»», Вольтер добавил раздел, в котором резко полемизировал с автором «Системы природы». Впрочем, его аргументация показалась неубедительной даже людям, отрицательно настроенным по отношению к идеям «Системы природы». Один из них, Башомон, автор широко известных «Секретных мемуаров», в своей записи от 8 сентября 1770 г. писал: «...благодаря заботам г. Вольтера, который сделал извлечение из «Системы природы»... атеизм, освобожденный от всякой силлогистической формы, обогащенный приятностью стиля и всей остротой сатиры... заразит самые фривольные умы».

Преследования и опровержения только способствовали росту интереса к книге и популяризации ее идей.

Последовательные материалисты очень высоко оценивали «Систему природы», видя в ней образцовое создание философской мысли. В 1773 г. Дидро писал: «Я предпочитаю ясную, свободную философию, как она изложена, например, в «Системе природы»... Автор «Системы природы» не является атеистом на одной странице, а деистом на другой: его философия монолитна»*.

О большом и неослабевающем интересе к «Системе природы» красноречиво свидетельствует тот факт, что постоянно требовались новые издания ее. Уже в 1770 г. появилось второе издание. За ним последовали издания 1771, 1774, 1775, 1777, 1780 и 1781 гг. Эта книга поистине подготавливала головы людей к приближающейся революции, воспитывая армию борцов, которые в июле 1789 г. штурмовали Бастилию. В бурном революционном десятилетии 90-х годов «Система природы» издавалась дважды — в 1795 и 1797 гг. Даже в мрачные годы реставрации (1820—1822) появились ее новые издания. И эти издания были осуждены королевским судом, который вынес постановление об их уничтожении и приговорил их издателя к большому штрафу.

---

* *Дени Дидро*, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 265.

Книга Гольбаха была хорошо известна за границей. На немецком языке она издавалась в 1783, 1823, 1841, 1843 и 1851 гг. Английские переводы «Системы природы» датируются 1797, 1816, 1820, 1834, 1840, 1863 и 1884 гг. Дважды издавалась «Система природы» в США — в 1808 и 1853 гг. В 1823 г. в Париже вышел ее испанский перевод, кстати также конфискованный властями.

Передовые люди России хорошо знали «Систему природы», знакомясь с ней по оригиналам, завезенным из-за границы. В 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале», издателем которого был И. Пнин, появился перевод (правда, искаженный по вине цензуры) двух глав книги. В бумагах декабриста Н. Я. Крюкова были найдены переводы отрывков из «Системы природы». Только после Великой Октябрьской социалистической революции стала возможна публикация великого произведения французского материализма XVIII в. в нашей стране. VI—IX главы первой части «Системы природы» были напечатаны в журнале «Под знаменем марксизма» в 1923 г. (№ 11—12). Перевод I—VI, VIII, XI и частично XIII глав появился в «Хрестоматии по французскому материализму XVIII в.», вып. I и II, 1923 г. В 1924 г. в Москве было напечатано первое полное издание «Системы природы» на русском языке (Государственное издательство; перевод П. Юшкевича, вступительная статья А. Деборина, библиография П. К. Луппола). Второе издание «Системы природы», сверенное и отредактированное П. С. Поповым, вышло в Соцэкгизе в 1940 г. Оно послужило основой настоящего издания. Перевод вновь сверен Т. С. Батищевой и М. А. Дынником с амстердамским изданием 1770 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

[1] Решительное отмежевание от теории двоякой истины, которая, возникнув в средневековой философии, утверждала существование двух различных и независимых истин — истины разума и истины веры. В ту эпоху она играла исторически прогрессивную роль, обосновывая право человеческого разума на выводы, находящиеся в противоречии с религиозными догматами. Этой теории придерживался еще английский материалист Френсис Бэкон. Однако к XVIII в. ее прогрессивная роль была окончательно исчерпана. Материалистическая философия, выражавшая интересы крепнущих антифеодальных сил, вооруженная новыми научными данными, стала достаточно сильной, чтобы перейти от обороны к нападению, поставить вопрос о полной ликвидации религиозных догматов как воплощенного неразумия.—*56*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

[1] В основу своего исследования природы Гольбах кладет принципы бэконовской философии. Именно Ф. Бэкон провозгласил, что познание человека должно иметь своим объектом природу

и опираться на наблюдение и опыт. После долгого и почти безраздельного господства рационалистически-дедуктивного метода исследования действительности в странах Западной Европы (Декарт, Мальбранш, Спиноза, Лейбниц) французские материалисты выдвинули на первый план материалистический эмпиризм. Это было как бы второе рождение многих идей бэконовской философии на новой, более высокой основе. — *59.*

[2] Преодоление дуализма души и тела, установленного в философии нового времени Декартом. Гольбах вслед за Ламетри (см. «Человек—машина») доказывает производный, вторичный характер психических явлений. — *60.*

Глава II

[1] *Бильфингер, Георг Бернгард* (1693—1750) — немецкий теолог, сторонник лейбницевско-вольфовской философии. — *73.*

[2] Слабый пункт в концепции Гольбаха. В принципе совершенно правильно, что неживая материя в силу чисто естественных причин перешла когда-то в состояние живой материи и постоянно сохраняет эту способность. Но ссылка на опыты Нидгема, который якобы доказал, что в закрытой смеси муки с водой рождаются живые существа, является неверной. В проводимых Нидгемом опытах не была обеспечена необходимая стерилизация исходного материала, в результате чего зародыши инфузорий, которых наблюдал Нидгем, попадали в сосуды с мукой и водой извне. Против Нидгема выступал итальянский ученый Л. Спалланцани (1729—1799), доказывавший невозможность самопроизвольного зарождения микроорганизмов. Правда, спор этот окончательно был решен только в XIX в. после опытов Л. Пастера (1822—1895). Философы XVIII в. проявляли большой интерес к спору Нидгема и Спалланцани. Вольтер, полемизировавший с Нидгемом как апологетом христианства, был убежден в правоте Спалланцани. В письме к де Шабанону (26 сентября 1770 г.) он не преминул указать на то, что Гольбах опирается в своих выводах на не заслуживающий доверия источник.—*77.*

[3] *Окелл* из Луканин — философ-пифагореец.—*79.*

[4] *Ватабль* (ум. в 1547)—французский филолог-гебраист.—*79.*

[5] *Гроций, Гуго* (1583—1645) — голландский юрист, теоретик естественного права, апологет христианства.—*79.*

[6] *Св. Иероним* (340—420) — христианский теолог.—*79.*

[7] *Петo* (*Петаний*), *Дионисий* (1583—1652) — французский теолог-иезуит.—*98.*

[8] *Бозобр, Исаак* (1659—1738) протестантский теолог.—*79.*

[9] *Юстин* (ум. ок. 166) — церковный писатель, апологет христианства, считавший, что основное содержание христианского вероучения уже содержится — хотя и в несовершенной форме — в языческой философии и мифологии. Отсюда — широкое использование им учений античных философов.—*79.*

[10] *Бернет, Джильберт* (1643—1715) — английский епископ, теолог, апологет христианства.—*79.*

[11] Анонимным автором этой работы является Мирабо.

Его произведения, вышедшие в Амстердаме в 1742 г., обнаруживают близость к материализму.—*79*.

[12] О четырех элементах материи — огне, воздухе, воде и земле — учили еще древнеиндийские философы-материалисты. В истории западной философии это учение восходит к греческому материалисту Анаксимандру (V в. до н. э.). С некоторыми изменениями оно принималось почти всеми последующими философами вплоть до конца XVIII в. Впрочем, Гольбах в данном случае опирается не только на философскую традицию. Представление о четырех элементах материи господствовало в химии XVII—XVIII вв., и прежде всего в школе немецкого химика Георга Эрнста Сталя (1660—1734). Он был создателем теории флогистона, согласно которой всякое горючее тело имеет в своем составе особое огненное вещество, теряемое при горении. При всей ошибочности этих представлений теория флогистона имела исторически прогрессивное значение. По словам Энгельса, «химия... освободилась от алхимии посредством флогистонной теории», расчистившей дорогу для создания научной химии (*К. Маркс, Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 348).

Гольбах был прекрасно знаком с трудами Сталя и его последователей; многие из них он перевел на французский язык. Его статьи по этим вопросам для «Энциклопедии» (около 400) свидетельствуют, что он был пропагандистом идей Сталя. Это нашло выражение и в «Системе природы». Гольбах дожил до того времени, когда Лавуазье доказал неправильность теории флогистона (более раннее опровержение этой теории М. В. Ломоносовым осталось для Гольбаха неизвестным). В это же время химики экспериментально доказали, что земля, вода и воздух не являются элементарными веществами, а представляют собой сложные образования.—*83*.

[13] *Цензорин* (III в.) — римский грамматик.—*84*.

[14] *Манилий, Марк* (I в.) — римский поэт-мистик. В «Астрономической поэме» изложил астрологические представления своей эпохи.—*84*.

Глава III

[1] Подход к научному пониманию материи. Сравни у Ленина: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (*В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131).—*84*.

Глава IV

[1] *Диоген Лаэртский* (III в.) — автор первого труда по истории философии — «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», где рассмотрено развитие философской мысли в Греции от Гераклита до Эпикура.—*96*.

[2] *Августин, Аврелий* (354—430) — крупнейший раннехристианский теолог, «отец церкви». «О граде божием» — его основное сочинение. По философским взглядам — неоплатоник.— *98*.

Глава V

[1] Гольбах полемизирует как с идеалистическим тезисом о том, что в природе обнаруживается действие чуждой ей разумной силы, так и с гилозоистическим положением о всеобщей одушевленности, чувствительности материи, которого в своеобразной форме придерживались некоторые французские материалисты, например Робинэ. Гольбах совершенно прав, приписывая способность чувствовать и мыслить лишь особым образом организованной материи. — *114*.

Глава VI

[1] Яркое выражение эволюционного взгляда на природу, свидетельствующее о неудовлетворенности французских материалистов строго метафизическим воззрением. В подготовку диалектического понимания природы домарксовские материалисты внесли определенный вклад. Мысли Гольбаха, созвучные эволюционным воззрениям античных материалистов — Анаксимандра, Эмпедокла, Демокрита, Эпикура, Лукреция, не являются их простым повторением, а тем более чистым умозрением; они опираются на большой естественнонаучный материал своей эпохи. Развитие горнодобывающей промышленности в XVII—XVIII вв. дало в руки ученых много фактов, свидетельствовавших о том, что современное распределение моря и суши существовало не всегда (нахождение остатков морских животных в горах). Лейбниц, выдающийся естествоиспытатель своего времени, высказал в «Теодицее» (1696) мысль, что многочисленные потопы и наводнения оставили на земле свои следы. Химики школы Сталя проводили эволюционный взгляд на развитие земных недр (об эволюции «слоев земных» писал и Ломоносов). Французский ученый Бенуа де Майе (1656—1738) в книге «Теллиамед, или Диалоги об отступлении моря, образовании суши, происхождении человека» проводил мысль о том, что человек произошел от морских животных. Близкий к энциклопедистам французский естествоиспытатель Бюффон (1707—1788) в работе «Теория земли» (1749) выдвинул гипотезу о том, что земной шар — это остывший осколок солнца, оторванный от светила ударом кометы. Он высказал также мысль об изменяемости видов растений и животных. Многообразие теорий эволюции земли, часто противоречивших друг другу, обусловило известную сдержанность Гольбаха относительно того, как следует представлять прошлое земли. Однако в споре эволюционистов и антиэволюционистов XVIII в. Гольбах определенно принимает сторону первых, причем идет дальше них, очищая их теории от идеалистических и теологических моментов, присущих им. Он смотрит на эволюцию земли и ее обитателей как на процесс, протекающий под действием естественных причин. — *128*.

Глава VII

[1] *Лактанций, Луций* (ум. ок. 330) — христианский теолог.—*135*.

[2] *Аристоксен из Тарента* (IV в. до н. э.) — ученик Аристотеля, автор трактата по музыке «Гармоника».—*136.*

[3] *Арнобий* (ум. ок. 327) — учитель риторики, христианский теолог.

Климент Александрийский (ок. 150—ок. 215) — христианский теолог, «отец церкви», широко включал в христианскую философию положения языческой философии, считая ее преддверием христианства.

Ириней (ок. 130—ок. 202) — христианский теолог, епископ.

Ориген Александрийский (ок. 185—254) — христианский теолог, «отец церкви», способствовавший включению в христианство многих положений языческой философии.—*136.*

[4] *Помпонацци, Пьетро* (1462—1524) — итальянский философ, развивавший материалистические идеи аристотелизма. Помпонацци считал душу телесной и смертной.—*136.*

[5] *Симонид Кеосский* (556—469 до н. э.) — греческий поэт-лирик.—*136.*

[6] *Кедворт, Ралф* (1617—1688) — английский философ-идеалист, главный представитель группы кембриджских платоников, боролся против материализма и сенсуализма.—*138.*

[7] *Предустановленная гармония.*

Лейбниц считал, что согласованность и единство в действиях идеальных, духовных субстанций — монад обусловлены непосредственно богом, являются результатом его первоначального плана, предустановленной гармонии.—*138.*

[8] *Окказионализм* — идеалистическое учение в западноевропейской философии XVII в., крупнейшим представителем которого был французский философ Мальбранш. Окказионалисты совершенно отрицали естественную причинность; факты взаимодействия материальных тел, связь психических и физических процессов, согласованность мыслей в головах людей они объясняли как непосредственный результат вмешательства божественной воли — единственной действительной причины; естественная связь явлений для них не более как повод (occasio) для проявления божественной воли.—*138.*

[9] За критические выступления против греческой мифологии и стремление понять силы природы вне зависимости от божественной деятельности *Анаксагор* был приговорен в Афинах к смертной казни. Лишь вмешательство его друга Перикла, стоявшего во главе Афинского государства, спасло Анаксагора. Однако он был вынужден покинуть Афины.

Великого итальянского естествоиспытателя и философа *Галилео Галилея* (1564—1642) преследовала инквизиция за пропаганду и обоснование гелиоцентрической системы Коперника; инквизиция вынудила Галилея на склоне лет отречься от своих взглядов.

Декарт подвергался постоянным нападкам католических и протестантских теологов; преследования вынудили его большую часть жизни прожить вне Франции — в Голландии; умер Декарт в Швеции, куда уехал из-за интриг голландского духовенства.—*141.*

Глава VIII

[1] *Пейрони, Франсуа Жиго* (1678—1747) — французский врач и анатом.—*143.*

[2] *Борелли, Джиованни Альфонсо* (1608—1679) — итальянский астроном, сторонник механистической физиологии.—*143.*

[3] *Бартолини* (1616—1670) — анатом.—*143.*

[4] *Виллис, Томас* (1622 — 1675) — английский врач и анатом.—*143.*

[5] *Кларк, Самуил* (1675—1729) — английский пастор, религиозный философ. В борьбе с материалистами и атеистами (Спиноза, Гоббс, Толанд, Коллинз) он пытался опереться на ньютоновскую физику и данными естествознания обосновать истинность христианской религии. Полемике с Кларком посвящена гл. IV ч. II «Системы природы».—*146.*

[6] *Додуэл, Генри* (1641—1711) — английский теолог, философ и историк. Считал человеческую душу смертной.—*146.*

Глава IX

[1] *Сенека, Луций Анней* (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) —римский философ-стоик.—*177*

Глава X

[1] *Скалигер, Жюль - Сезар* (1484—1558) — французский филолог и натуралист, автор критических комментариев на сочинения Аристотеля, Теофраста, Гиппократа.—*184.*

Глава XI

[1] *Кодр* (XI в. до н. э.) — легендарный афинский царь.— *223.*

[2] *Деций, Публий Мус* (IV в. до н. э.) — римский консул, героически пожертвовавший собой в битве.—*223.*

[3] *Калам* (правильнее *Каланас* или *Калъян*) — индийский брахман, современник Александра Македонского; покончил с собой в Персии, взойдя на костер с пением индусских гимнов.—*223.*

[4] *Перегрин* (II в.) — афинский философ; в сатире Лукиана «Смерть Перегрина» этот философ изображен мошенником и шарлатаном, завоевавшим большую популярность у христиан.—*223.*

[5] *Сено, Жан* (1601—1672) — французский теолог.—*231.*

[6] Герои греческой мифологии. *Орест* по приказанию оракула Аполлона убил свою мать Клитемнестру и ее супруга Эгиста, мстя за убийство ими своего отца Агамемнона. Фиванскому царю Лайю оракул предсказал, что его сын *Эдип* убьет его, а на своей матери женится. Несмотря на то что родители Эдипа и он сам знали об этом предсказании и делали все, чтобы оно не сбылось, события сложились так, что Эдип убил Лайя и женился на своей собственной матери.—*232.*

[7] *Автор «Трактата о системах»* (1749) Этьен Боно де Кондильяк (1715—1780) — французский философ, пропагандировавший и развивавший локковский сенсуализм. В «Трактате о системах» Кондильяк с позиций сенсуализма подвергает критике рационалистическую философию XVII в., в особенности идеализм Декарта, Мальбранша и Лейбница.—*236.*

[8] Эта мысль, встречающаяся у Спинозы, представляет собой диалектическую постановку вопроса, который, однако, домарксовские материалисты не смогли разрешить.—*237*.

Глава XII

[1] Критика Гольбахом уголовного законодательства Франции с буржуазно-демократических позиций перекликается с идеями Вольтера и Беккария, подробно разобравшими связанные с этим вопросы. — *246*.

[2] Имеется в виду основатель ислама Магомет.—*260*.

Глава XIII

[1] *Ферекид* (VI—V вв. до н. э.) — греческий писатель, автор «Теогонии» и «Космологии», учил о превращении душ.—*265*.

[2] *Аббади* (ок. 1656—1727) — протестантский теолог, апологет христианства.—*266*.

[3] *Лукан, Марк Анней* (39—65) — римский поэт, сторонник стоицизма.—*271*.

[4] *Лига* — объединение католиков, ведшее долгую борьбу с гугенотами (протестантами) в период религиозных войн XVI в. во Франции (1562—1594).—*276*.

[5] *Птолемей Филадельф* (285—246 до н. э.) — египетский царь.—*282*.

[6] «*Федон*» — диалог Платона, в котором излагается учение о бессмертии души.—*282*.

[7] *Дасье, Андре* — французский филолог, переводчик античных писателей на французский язык.—*282*.

[8] *Тимей Локрийский* (V—IV вв. до н. э.) — философ-пифагореец, выступает в качестве главного персонажа диалога «Тимей», где изложено натурфилософское учение Платона.—*289*.

[9] *Зенон Китионский* (336—264 до н. э.) — греческий философ, основатель стоицизма.—*289*.

[10] *Арриан, Флавий* (II в.) — друг и ученик Эпиктета, изложивший его учение в «Беседах Эпиктета». —*290*.

[11] В греческой мифологии *Аид* (*Ад*) — подземное царство, куда направляются души умерших людей; *Ахеронт*, *Коцит* (*Кокит*), *Флегетон* — реки этого царства.—*290*.

Глава XIV

[1] *Сарды* — столица древней Лидии, большой и богатый город. После нашествия готов и Тимура Сарды были разрушены и на их месте осталась лишь маленькая деревушка.—*300*.

Глава XVI

[1] Имеется в виду *Генрих IV* (1553—1610), французский король, положивший конец религиозным войнам во Франции на основе политики веротерпимости.—*338*.

[2] *Петроний, Гай* (ум. в 66) — римский поэт-сатирик.—*338*.

Глава XVII

[1] *Саллюстий, Гай Крисп* (86—36 до н. э.) — римский историк. —*347*.

Глава I

[1] Этим автором является Генри Ковентри. Его сочинение было издано в Лондоне в 1736 г.—*362.*

[2] Гольбах здесь правильно подмечает такой древнейший тип религиозных верований, как фетишизм. Однако он ошибочно связывает эволюцию религиозных представлений только с развитием познания, игнорируя социальные факторы. Особенно неверно это в отношении причин перехода от политеизма к монотеизму, в основе которого лежал факт создания великих мировых империй. Гольбах, как и большинство философов XVIII в., находился во власти иллюзии о первобытном человеке как философе, размышляющем о причинах явлений.—*368.*

Глава II

[1] *Варрон, Марк Теренций* (116—27 до н. э.) — римский поэт, по философским взглядам близок к стоикам.—*381.*

[2] *«Письма о мифологии»* (1748), изданные в Лондоне, принадлежат английскому теологу Томасу Блекуэллу.—*382.*

[3] *Апулей, Луций из Мадавры* (ок. 135—180) — римский оратор и писатель, автор «Метаморфоз». —*382.*

[4] *Максим из Мадавры* (IV в.) — римский грамматик, сторонник стоицизма.—*383.*

[5] *«Один весьма знаменитый человек»* — великий французский просветитель Вольтер, с позиций деизма боровшийся против религии и церкви.—*386.*

Глава III

[1] *Шерлок, Вильям* (1641—1707) — английский теолог.—*401.*

[2] *Гигес* (VII в. до н. э.) — царь Лидии.—*407.*

[3] *Гастрел, Френсис* (1662—1725) — английский теолог и философ.—*415.*

Глава IV

[1] *Ямвлих* (ум. ок. 330) — основатель сирийской школы неоплатонизма, философ-мистик.—*432.*

[2] *Бауман* — псевдоним Пьер-Луи-Моро Мопертюи (1698—1759), французского математика, физика и философа, с 1745 г. президента Берлинской академии наук. Некоторые материалистические положения сочетались у Мопертюи с религиозно-теологическими тезисами, за что он подвергался критике со стороны Дидро, Гольбаха и других французских материалистов.—*434.*

Глава VI

[1] *Пантеизм* — философское учение, отождествляющее бога с природой. В форме пантеизма выражались как материалистические, так и идеалистические идеи. Материалисты Бруно и Спиноза растворяли бога в природе; идеалист Мальбранш, напротив, доказывал, что природа существует в боге. Гольбах пра-

вильно характеризует основу, на которой возникают пантеистические учения: невозможность отделить от природы свойства и силы, наблюдаемые в мире.—*486*.

[2] *Серапион* (IV в.) — христианский теолог.—*487*.

Глава VII

[1] *Теизм* — богословское учение о личном боге, определяющем своей волей жизнь природы и общества; теизм является теоретической основой существующих мировых монотеистических религий. Гольбах употребляет термин *теизм* в ином значении: этот термин выступает у него как разновидность *деизма* (стр. 433). В XVIII в. термины *теизм* и *деизм* часто употреблялись как равнозначные.

Деизм — философское учение, согласно которому существует бог как некая разумная, но безличная причина, которая некогда упорядочила материю, сообщила ей законы и движение, но затем перестала вмешиваться в ход событий на земле. Деизм получил широкое распространение среди прогрессивных философов XVII—XVIII вв. В то время многие материалисты, не будучи в состоянии распространить материалистические принципы на понимание природы в целом, были деистами. С позиций деизма они вели острую борьбу против христианства и всех существующих религий, проповедуя необходимость создания чисто философской религии, свободной от суеверий и фанатизма. Маркс указывал, говоря о таких английских философах-материалистах, как Коллинз, Додуэл, Кауард, Гартли, Пристли, что «деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 144). Во Франции к сторонникам деизма принадлежали Вольтер, Монтескье, Руссо, Кондорсе, Тюрго и многие другие просветители. В борьбе с католической церковью они составляли один лагерь с философами-атеистами. Однако в философском плане разрыв между атеистами как последовательными материалистами и деистами как непоследовательными материалистами был неизбежен. «Система природы» возвестила о нем. Деисты, в первую очередь Вольтер, ожесточенно полемизировали с атеистическими положениями этой книги.

Система оптимизма. В античной философии теологический оптимизм обосновывался Платоном, который утверждал, что бог создал наилучший и совершеннейший мир. В новой философии система оптимизма связана с именем Лейбница, у которого было немало последователей. Блестящей сатирой на теорию оптимизма лейбницевского толка был роман Вольтера «Кандид» (1756).

Конечные причины. Это понятие введено в философию Аристотелем, учившим, что для понимания возникновения и изменения любой вещи необходимо знать цель, к которой она якобы стремится. Учение о том, что все вещи и явления стремятся к какой-то цели, носит название телеологии. В идеалистической философии и в теологии постоянно используется понятие конечной причины, противопоставляемое материалистическому детерминизму.—*505*.

[2] *Естественная религия.* Термин был введен английским философом и теологом XVIII в. Гербертом Чербери, который считал, что человек обладает от рождения некоторым количеством простых идей о божестве; начиная размышлять, он находит в своей душе эти идеи; они являются общими для народов всех времен и составляют основу всех религий, которые добавляют затем к ним разнообразные догматы, вводят особый культ и т. д. Герберт Чербери полагал, что истинная религия, достойная мудрецов, должна ограничиваться положениями естественной религии; он приходил к деизму. С точки зрения последовательного сенсуализма естественная религия в том смысле, как ее понимал Чербери, невозможна. Однако философы-деисты, в том числе сторонники локковского сенсуализма (например, Вольтер), продолжали употреблять этот термин. В их трактовке положения естественной религии, сводящиеся к признанию бога как верховного зодчего мира и необходимости почитать его путем добрых дел, не являются врожденными, но каждый разумный человек, размышляя о природе и о принципах общественной жизни, должен с необходимостью прийти к ним, потому что они сама истина.—*522.*

[3] *Буддеус, Иоганн Франц* (1667 — 1729) — немецкий теолог.—*535.*

[4] *Шефтсбери, Антони Эшли Купер* (1671—1713) — английский философ-моралист, был близок к деизму, отвергал религиозное обоснование морали. С позиций идеализма утверждал, однако, независимость нравственных чувств и представлений от социальной среды.

Маркс отзывается о Шефтсбери как о представителе свободомыслия, порожденного английской революцией XVII в., унаследованного и развитого французской революцией XVIII в. (Соч., т. 7, стр. 220).

Энгельс называет Шефтсбери одним из последователей Т. Гоббса, представителем «новой деистской формы материализма» (Соч., т. 22, стр. 311).—*538.*

Глава IX

[1] В отличие от многих антиклерикальных произведений французских просветителей «Система природы» нападает не только на религию, но и на существующую государственную власть. Гольбах отходит от концепции просвещенного абсолютизма и обращается со своей проповедью не к государям, а к иным социальным силам, которые он, правда, представлял себе очень неясно: просто как разумных людей. Эта направленность «Системы природы» вызвала серьезное беспокойство у Вольтера и других сторонников просвещенного абсолютизма, которые надеялись, что сами монархи проведут намеченную просветителями программу общественных преобразований. В письме к Даламберу (2 ноября 1770 г.) он высказывал свои опасения: «Величайшее моральное зло, которое очень легко может перейти в зло физическое, — это публикация «Системы природы». Эта книга сделала всех философов ненавистными в глазах короля и всего двора... Издатель этого фатального труда навсегда погубил философию в глазах всех

магистратов и всех отцов семейства, которые чувствуют теперь, насколько опасен для общества может быть атеизм... Умы так возбуждены, что за атеиста примут всякого, кто не верит в св. Женевьеву или св. Януария». Спустя несколько лет, 24 января 1778 г., Даламбер писал Вольтеру, что автор «Системы природы» «сделал величайшую глупость, объединяя против философии государей и священников, весьма некстати убеждая их, что у них общий кошелек и общее дело».—*576.*

Глава XI

[1] *Лукиан из Самосаты* (ок. 120—200) — греческий поэт-сатирик, критик религиозных суеверий, в том числе христианства.—*614.*

[2] *Менипп из Гадары* (III в. до н. э.) — последователь философии киников, поэт-сатирик, автор пародий на греческую мифологию. Лукиан использовал образ Менippa во многих своих диалогах.—*614.*

[3] *Дерхем, Вильям* (1657—1735) — английский естествоиспытатель и теолог.—*617.*

[4] *Бентли, Ричард* (1662—1742) — английский теолог.—*617.*

[5] *Стратон из Лампсака* (ум. ок. 270 до н. э.) — философ, развивавший материалистическую линию аристотелизма.—*618.*

[6] *Теодор* (*Феодор*) (IV в. до н. э.) — философ киренической школы, отрицавший существование богов.—*618.*

[7] *Диагор с Мелоса* (V в. до н. э.) — древнегреческий атеист.—*618.*

[8] *Леклерк, Жан* (1657—1736) — французский философ, критик Библии.—*620.*

Глава XII

[1] *Аристипп* (ок. 435—ок. 360 до н. э.) — греческий философ, основатель киренской школы; провозгласил разумное наслаждение высшим принципом жизни, определяющим различие между добром и злом.—*631.*

[2] *Бион Борисфенский* (325—255 до н. э.) — греческий философ, близкий к киникам.—*631.*

[3] *Пиррон* (360—270 до н. э.) — греческий философ, основатель школы скептиков. Пиррон считал, что человек не способен познать истину.—*631.*

[4] *Автор «Басни о пчелах»* (1705) Бернар Мандевиль (1670—1733) — английский философ-материалист, сторонник деизма. Сравни оценку Маркса: «Для социалистической тенденции материализма характерна *апология пороков* у *Мандевиля*, одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы* и *полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 146).—*631.*

[5] *Автор «Человека-машины»* (1747) Жюльен Оффре де Ламетри (1709—1751) — французский материалист и атеист. Оценка этой книги Гольбахом, как и другими французскими материалистами, несправедлива. Как во взглядах на природу, так

и в отношении нравственности Ламетри в сущности развивал те же положения, что и Дидро, Гольбах, Гельвеций. Правда, некоторые формулировки в «Человеке-машине» и других работах Ламетри давали повод к обвинению в безнравственности, но это были всего лишь неточные выражения. Гольбах, видимо, стремился отмежеваться от книги, которая была скомпрометирована из-за таких неудачных формулировок.—*631.*

[6] *Боден, Жан* (1530—1596) — французский политический мыслитель и социолог, сторонник веротерпимости.—*634.*

[7] *Гомар* (1563—1641) и *Арминий* (1560—1600) — теологи, главы враждующих между собой сект в кальвинизме.—*634.*

Глава XIII

[1] Тезис о возможности существования общества, состоящего из атеистов, был выдвинут в конце XVII в. Пьером Бейлем. С тех пор он неоднократно подвергался опровержениям со стороны теологов и деистов. Против него выступали патриархи просветительского движения во Франции — Монтескье и Вольтер.—*656.*

[2] *Менаж, Жиль* (1613—1692) — французский филолог, писатель.—*664.*

[3] На это высказывание великого английского философа постоянно ссылались деисты. Будучи сторонником принципов бэконовской философии, Гольбах на протяжении всей книги ведет борьбу против того, что Маркс назвал «теологическими непоследовательностями» бэконовского материализма (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 143).—*665.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббади, Жак (ок. 1656—1727) 266, 456, 624, 625
Августин Блаженный, Аврелий (354—430) 98, 218
Авраам (миф.) 527
Аврелий, Марк Антонин (121—180) 135, 290, 291, 298, 337, 631
Адам (миф.) 530
Адонис (миф.) 380
Александр Македонский (356—323 до н. э.) 190, 299, 321, 328
Альберт Великий (ок. 1193—1280) 435
Анаксагор (ок. 500 — ок. 428 до н. э.) 113, 141
Анаксимандр (ок. 610—546 до н. э.) 620
Аполлон (миф.) 368, 380, 384
Апулей, Луций (ок. 135 — 180) 382
Ариман (миф.) 389
Аристид (540—467 до н. э) 256
Аристипп (ок. 435 — ок. 360 до н. э.) 631
Аристоксен (IV в. до н. э.) 136
Аристотель (384—322 до н. э.) 113, 136, 141, 143, 191, 192, 289
Арминий (Гармензен), Яков (1560—1600) 634
Арнобий Старший (ум. ок. 327) 136
Арриан, Флавий (II в.) 290, 645
Астарта (миф.) 380
Афанасий Великий (298—373) 275

Бартолини, Томас (1616—1670) 143
Бауман (см. Мопертюи)
Бейль, Пьер (1647—1706) 113, 136, 300, 630, 638
Бел (миф.) 380
Бентли, Ричард (1662—1742) 617
Бенуа, Эли (1640—1728) 381
Беркли, Джордж (1684—1753) 184, 185, 279
Бернар, Жан-Фредерик (ум. в 1752) 54
Бернет, Джильберт (1643—1715) 79
Бильфингер, Георг Бернгард (1693—1750) 73, 78, 82, 108, 509
Бион (325—255 до н. э.) 631
Боден, Жан (1530—1596) 634
Бозобр, Исаак (1659—1738) 79
Борелли, Джиованни Альфонсо (1608—1679) 143
Бруно, Джордано (1548—1600) 639

Буддеус, Иоганн Франц (1667—1729) 535, 588
Бэкон, Френсис (1561—1626) 270, 633, 634, 665

Вакх (миф.) 377
Ванини, Лучилио (1585—1619) 618, 639, 649
Варрон, Марк Теренций (116—27 до н. э.) 381
Ватабль, Франсуа (ум. в 1547) 79
Венера (миф.) 380, 383, 388
Вергилий, Публий Марон (70—19 до н. э.) 483
Веста (миф.) 380
Виллис, Томас (1622—1675) 143
Виргилий (ум. в 784) 582
Вольф, Христиан (1679—1754) 508
Вулкан (миф.) 380

Галилей, Галилео (1564—1642) 141, 582
Гастрел, Френсис (1662—1725) 415
Генрих IV (1553—1610) 338
Гераклит (ок. 530—470 до н. э.) 458
Геркулес (миф.) 638
Гермес (миф.) 384
Гигес (VII в. до н. э.) 407
Гиппарх (II в. до н. э.) 379
Гоббс, Томас (1588—1679) 169, 278, 283, 400, 456, 479, 618, 634, 639, 654, 661
Гольмен, Жильбер (1585—1665) 184
Гомар, Франц (1563—1641) 634
Гомер (лег.) 298, 483, 484
Гордон, Жак-Лемор (1553—1641) 554
Граммон, Габриэль (1590—1654) 648
Гроций, Гуго (1583—1645) 79
Гус, Ян (1369—1415) 653

Давид (лег.) 275
Данаиды (миф.) 591
Дарий III Кодоман (ум. в 330 до. н. э.) 328
Дасье, Андре (1657—1722) 282
Декарт, Рене (1596—1650) 81, 136, 138, 141, 184, 195, 434, 464—466, 582
Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) 136, 453, 620
Дерхем, Вильям (1657—1735) 617, 618
Деций, Публий Мус (IV в. до н. э.) 223
Диагор (V в. до н. э.) 618, 652
Диоген Лаэртский (III в.) 96, 631
Диоген из Синопа (ок. 404—323 до н. э.) 322
Дионисий Ареопагит (V в). 459
Додуэл, Генри (1641—1711) 146
Доминик (1170—1221) 275

Женевьева (V в.) 582

Залмоксид (Замолксид) 377
Зенон Китионский (ок. 336—264 до н. э.) 289
Зороастр (миф.) 265

Иегова (миф.) 389, 543
Иероним (340—420) 79
Иероним Пражский (ок. 1370–1416) 653
Изида (миф.) 380
Измаил (миф.) 527
Иисус Христос (миф.) 527, 546
Ириней (ок. 130 — ок. 202) 136

Калам (IV в. до н. э.) 223
Кампанелла, Томазо (1568—1639) 639
Кано (Канус), Мельхиор (1525—1560) 458
Карл I (1600—1649) 639
Карл V (1500—1558) 546
Катон, Марк Порций (234—149 до. н. э.) 256
Кедворт, Ралф (1617—1688) 138, 620
Кибела (миф.) 380

Кирилл Иерусалимский (315—386) 275
Клавдий I (10 до н. э.—54 н. э.) 256
Кларк, Самуил (1675—1729) 146, 425, 434—436, 439—442, 449—453, 457—462, 465, 514
Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) 136
Кодр (лег.) 223
Константин Великий (ок. 274—337) 275, 549
Коперник, Николай (1473—1543) 430
Корнель, Пьер (1606—1684) 256, 300
Ксенофан (VI—V вв. до н. э.) 386
Купидон (миф.) 368

Лактанций, Луций (ум. ок. 330) 135, 631
Ламотт-Левайе, Франсуа (1588—1672) 199, 386
Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646—1716) 81, 138, 434
Леклерк, Жан (1657—1736) 620
Ливий, Тит (59—17 до н. э.) 550
Ликург (лег.) 255
Локк, Джон (1632—1704) 191, 192, 300, 455
Лоу, Эдмунд (1703—1787) 435
Лукан, Марк Анней (39—65) 271
Лукиан (ок. 120—200) 614
Лукреций, Тит Кар (ок. 99—55 до н. э.) 270, 271, 634, 638

Магомет (ок. 570—632) 190, 275, 527
Макиавелли, Никколо ди Бернардо (1469—1527) 550
Максим из Мадавры (IV в.) 383
Мальбранш, Никола́ (1638—1715) 138, 185, 279, 464, 466, 467
Мандевиль, Бернард (1670—1733) 630
Манилий, Марк (I в.) 84
Марс (миф.) 546
Марция (I в.) 289
Медуза (миф.) 545, 640
Менаж, Жиль (1613—1692) 664
Менипп Гадарский (III в. до н. э.) 614
Меркурий (миф.) 384
Мильтон, Джон (1608—1674) 298
Мирабо, Жан (1675—1760) 53, 54
Минерва (миф.) 383
Минотавр (миф.) 672
Митра (миф.) 380
Моисей (миф.) 265, 275, 377, 527
Молох (миф.) 543
Монтень, Мишель (1533—1592) 386
Монтескье, Шарль Луи (1689—1755) 256, 300
Мопертюи (Бауман), Пьер-Луи-Моро (1698—1759) 434
Муций, Сцевола Кай (VI в. до н. э.) 223

Нептун (миф.) 380
Нерон, Клавдий Цезарь (37—68) 256, 549
Нидгем, Джон Турбервил (1713—1781) 77
Нума Помпилий (лег.) 377
Ньютон, Исаак (1642—1727) 76, 92, 96, 98, 256, 300, 464, 467—473, 480, 652

Овидий, Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.) 84, 91, 288
Озирис (миф.) 380, 389
Окелл из Лукании 79
Орест (миф.) 232
Ориген (ок. 185—254) 136
Ормузд (миф.) 380, 389
Орфей (миф.) 377, 381

Павел (миф.) 458

Паллада (миф.) 388
Пан (миф.) 381, 382
Пандора (миф.) 530
Парки (миф.) 382
Паскаль, Блез (1623—1662) 434, 623
Пейрони, Франсуа Жиго (1678—1747) 143
Перегрин, Протей (II в.) 223
Пескер, Фернандо Франческо де Авелос (1489—1525) 546
Петo, Диописий (1583—1652) 79
Петроний, Гай (ум. в 66) 338
Пиррон (360—270 до н. э.) 631
Пифагор (ок. 580—500 до н. э.) 84, 91, 135, 265, 288, 453, 620
Платон (427—347 до н. э.) 79, 91, 103, 135, 265, 282, 388, 453, 527, 541, 620
Плиний Старший (23—79) 51, 381
Плотин (204—270) 452, 527
Плутарх (ок. 46—126) 91
Плутон (миф.) 580
Поликлет (V в. до н. э.) 386
Помпонацци, Пьетро (1462—1524) 136
Порфирий (ок. 233 — ок. 304) 527
Прокл (410—485) 452, 527
Прокопий (V—VI вв.) 586
Прометей (миф.) 530
Птолемей Филадельф (285—246 до н. э.) 282

Саллюстий, Гай Крисп (86—36 до н. э.) 347
Самсон (миф.) 304
Самуил (лег.) 275
Сатурн (миф.) 380, 487, 492
Сезострис 299
Сенека, Луций Анней (ок. 4 до н. э.— 65 н. э.) 177, 237, 272, 273, 289, 290, 304, 313, 328
Сено, Жан (1601—1672) 231
Серапион (IV в.) 487
Серапис (миф.) 380
Сеян, Луций Элий (I в. н. э.) 256
Симонид Кеосский (556—469 до н. э.) 136
Скалигер Жюль-Сезар (1484—1558) 184
Сократ (469—399 до н. э.) 256, 298, 322, 388, 527, 602, 622
Спенсер, Джон (1601—1671) 640, 641
Спиноза, Барух (1632—1677) 185, 441, 465, 466, 491, 618, 634, 639
Стратон (ум. ок. 270 до н. э.) 618, 620
Суарес, Франциск (1548—1617) 435

Тамерлан (1336—1405) 259
Тассо, Торквато (1544—1595) 298
Тацит, Корнелий (ок. 55 — ок. 120) 369
Теодор из Кирены (IV в. до н. э.) 618, 631
Тертуллиан, Климент Септимий Флоренс (115—222) 79, 136, 487, 491, 571, 618, 645
Тимей Локрийский (V—IV вв. до н. э.) 289
Тит, Флавий Веспасиан (39—81) 298
Тифон (миф.) 389
Толанд, Джон (1670—1722) 72, 381
Траян, Марк Ульпий (53—117) 298, 337
Триптолем (миф.) 377

Ферекид (VI—V вв. до н. э.) 265, 266
Фидий (V в. до н. э.) 386
Филипп II (1527—1598) 549
Фокион (402—318 до н. э.) 298
Фома Аквинский (1225—1274) 435, 509

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до н. э.) 299
Цензорин (III в.) 84

Церера (миф.) 383
Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.) 62, 130, 170, 266, 289, 314, 331, 381, 477, 503, 508, 631

Чингис-хан (ок. 1155—1227) 261

Шерлок, Вильям (1641—1707) 401
Шефтсбери, Антони Эшли Купер (1671—1713) 538, 640

Эдип (миф.) 232
Эвклид (III в. до н. э.) 456
Элеазар (миф.) 304
Эмпедокл (ок. 490—430 до н. э.) 91, 96
Эпиктет (ок. 50—138) 290
Эпикур (341—270 до н. э.) 453, 612, 615, 618, 630, 631, 634
Эриугена, Иоанн Скотт (810—877) 435
Эскулап (миф.) 368

Ювенал, Децим Юний (середина I — начало II в.) 547, 580, 631
Юлиан, Флавий Клавдий (331—363) 298, 337
Юнона (миф.) 380
Юпитер (миф.) 380, 388, 389, 487, 543, 614
Юстин (ум. ок. 166) 79, 136

Ямвлих (ум. ок. 330) 432, 452, 527

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авторитет 64, 138, 172, 201, 350, 366, 414, 525, 587, 588, 670, 671
Активное начало (агент) 75, 77, 264, 352, 369—371, 486, 495, 518, 570
Аналогия 93, 112, 135, 154, 163, 278, 363, 375, 479
Антропоморфизм 386, 497
Атеизм 529, 616, 617, 623, 638, 641, 643, 658, 659, 665, 667, 673
— и мораль 630, 631, 633—635, 645—647
Атеист 139, 431, 594, 611—614, 616—634, 638, 639, 642—645, 647—654, 657—659, 664
Атом 131, 134, 259, 260, 263, 612

Бесконечность 387, 400, 440, 451, 457
Беспорядок 104, 106—108, 113, 114, 351
Бессмертие 121, 126, 264, 296
Бог (божество) 133, 236, 247, 331—334, 392—420, 422—424, 491, 497—499, 509, 515—518, 530—536, 538, 539, 541—549, 551—561, 627, 630, 640—643, 647
— определение 352, 368
— возникновение и развитие понятия 151, 193, 333, 356—358, 362—369, 396, 485, 498—500, 506
— доказательства бытия 425—451, 454—462, 464—477, 486, 507, 544, 645
— и природа 375, 381, 385, 388—391, 495, 496, 503, 505
— и человек 201, 202, 374, 386, 387, 421, 488, 518—526
Богатство 325, 330
Благость 405, 410, 412, 413, 416, 420, 520, 564
Бытие 66, 67, 81, 99, 103, 105, 107—109, 124, 219, 438, 456, 467, 485, 508, 514, 626

Вера 276, 467, 514, 529
Вещество 66, 75, 84, 88, 91, 95, 96
Вещь 83, 94, 185, 190, 457, 489, 536, 626
Власть 172, 175, 181, 326, 328, 330, 331, 556
Воля 70, 183, 190, 259, 302, 317, 645
— определение 151, 211—214, 216
— свобода 217, 218, 220, 222—225, 393, 411

Воображение 93, 162, 205, 338, 627, 628
— определение 151, 161
— и опыт 123, 665
— и религия 162, 636, 664, 665
Воспитание 178, 233, 245, 246, 294, 601, 608, 658
— определение 170, 346, 540
— задачи 230, 232, 291, 292, 555
Восприятие 147, 518
Вселенная (мир) 66, 72, 84, 95, 99, 103, 113, 124, 128, 139, 155, 189, 259, 261, 339, 438, 479, 485, 670
— порядок 113, 472

Гармония 155, 475, 476, 505, 627
Гипотеза 65, 124, 140, 561, 562, 670
Государи 172, 174, 175, 177, 181, 286, 293, 545, 546, 548, 549, 552
— и религия 629, 653, 656
Государство 234, 292, 573, 629, 648

Движение 77, 81, 83, 85, 86, 90, 95, 97, 99, 100, 109, 440, 475
— определение 68, 75, 80
— виды 69, 70, 120
— законы 69, 71, 93
— и покой 72—74
— как свойство материи 132, 461, 489, 490
Деист (см. теист) 522, 527—532, 611, 639, 642
Действие 100, 163, 217, 322, 455
— и противодействие 69, 73, 74, 155
— способ 66, 95, 97, 99, 112
Добро (доброе) 230, 248, 373, 517, 520, 632
Добродетель (добродетельный) 111, 166, 178—180, 183, 200, 222, 229, 250, 251, 312—320, 332, 335, 626, 627, 631, 632, 637, 646
Досуг 376, 377, 427

Дух 131, 133, 135, 136, 140, 141, 192, 322, 419, 457, 486, 500
— и материя 442, 448, 509
Духовность 121, 135, 136, 185, 451, 455, 486, 503
Душа 122, 131—133, 136—139, 155, 183, 186, 188—190, 214, 267, 279
— определение 265, 349
— и тело 134—136, 154, 184, 208, 263, 264, 268, 348
— о бессмертии души 266, 269, 282

Естествоиспытатель (физик) 62, 141, 348, 474, 619, 620

Желание 322, 324, 327, 339
Животное 87, 89, 196, 477 (см. человек)
Жизнь 102, 109, 110, 116, 118, 121, 139, 144, 159, 277
— о загробной жизни 266, 278, 282—285, 288, 352, 408, 409 (см. самозарождение)
Жрецы 367, 499, 513, 525, 544, 545, 551—554, 563, 578, 644, 649.

Заблуждение 56, 57, 62, 63, 93, 163, 201, 228, 283, 291, 316, 335, 340, 342, 350, 419, 430, 539, 559, 585, 607, 610, 635, 637, 661—663
Закон 93, 94, 96, 97, 99, 102, 241, 243, 493, 495, 626, 633, 648, 679
— общества 172, 173, 677
— человеческий и божественный 227, 250, 408
Зло (злое) 110, 115, 166, 175, 182, 222, 230, 234, 248, 257—259, 281, 332, 368, 372, 374, 396, 517, 520, 551, 632
Знания 141, 162, 202, 360, 378, 472, 581, 582, 663, 670

Идеи 104, 186, 188, 190, 197, 322, 357, 484, 561
— определение 147, 200
— происхождение 207, 218, 342, 349, 386
— врожденные 168, 183—185, 192, 198, 269
Изменение 70, 87, 147, 438
Инстинкт 192, 194—197
Интерес 311, 312, 314, 318, 332, 456, 608, 628, 637, 645
Искусство 60, 332
Истина 65, 180, 504, 508, 533, 568, 582, 607, 609—611, 637, 640, 646, 661, 663, 668, 671
— определение 162, 202, 238, 458
— ценность 56, 239, 336, 429, 507, 514, 516

Катастрофы (перевороты) 361, 362, 378, 379, 407
Культ 414, 416, 681

Логика 581, 671
Любовь 98, 315, 397

Материализм (материалисты) 129, 131, 158
Материя 78—81, 83, 103, 115, 123, 124, 131, 132, 134, 136, 143, 150, 436—441, 486, 492, 495, 666
— определение 84, 459, 490
— качества 80, 81, 84, 462, 463, 492, 493
— и движение 75—78, 461—463, 490
— и энергия 77, 612
Метафизика 202, 349, 385, 434, 581, 587
Механизм (машина) 87, 109, 117, 120, 153, 169, 188, 189, 214, 226, 256, 477, 483, 599, 669
Мифология 380, 618
Мнение общественное 179, 181, 614, 627
Мозг 140, 142, 169, 186, 189, 212, 214
— модификации 146—148, 152, 153, 187
Молекула 86, 97, 100, 483, 490
Мораль 158, 192, 207, 232, 313, 346, 353, 563—565, 576, 655, 682
— определение 203, 233
— истинные основы 251, 351, 543, 567, 681
— и атеизм 632, 645
— и религия 334, 416, 418, 566, 568—570, 572, 577, 646, 656, 664
— и теология 157, 203, 230, 419, 551, 561
Мотив 212, 213, 217, 224, 291, 567, 581, 582, 669
— определение 152
— и воля 212, 216, 218, 220, 223, 645
Мудрость (мудрец) 151, 255, 383, 446, 670
Мышление (мысль) 70, 139, 150, 204, 219, 224, 534, 634, 638, 662
— понятие 148
— как модификация материи 149, 458

Наклонности (склонности) 98, 119, 159, 160, 199
Народ (нация) 170, 174—176, 180, 280, 295, 324, 341, 377, 383, 517, 550, 608, 610, 681
— и религия 636, 656
Натурализм 617, 664
Наука 64, 670
— основы 162
— польза 332
— и теология 581, 582
Невежество (незнание) 63—65, 96, 113, 141, 158, 333, 360, 450, 590, 670
Необходимость 102, 105, 106, 152, 231, 237, 251, 253, 282, 304, 306, 373, 474, 632
— определение 99, 351, 352

Необходимость и вероятность 233
— и природа 102
— и случайность 100, 236, 237, 261
Несправедливость 245, 248 (см. справедливость)
Нравственность 57, 64, 156, 157, 167, 176, 192, 229, 294, 314, 334, 348, 540—542, 546, 553, 565, 567—570, 626, 630, 632, 636, 658

Общество 155, 171, 172, 175, 243, 246—248, 292, 293, 304, 317, 340, 351, 577
Обязанности 167, 414, 448, 537, 566, 567, 571, 626, 631
Оптимизм 520, 522
Опыт (эксперимент) 62, 64, 65, 123, 162, 163, 195, 210, 211, 258, 625, 666
— и разум 165, 332, 502
Организация 60, 66, 147, 160, 627
Отечество 174, 677
Откровение 420, 421, 449, 605
Отталкивание 95, 96, 101, 194, 210, 351 (см. притяжение)
Ощущение 142, 143, 145, 147, 162, 204, 357, 518

Память 150, 163, 165, 190, 218
Поведение (поступки) 70, 101, 119, 170, 176, 207, 211, 227, 236, 313, 658
Познание 60, 65, 69, 368, 375, 456
Покой 72, 74 (см. движение)
Политика 158, 171, 174, 333, 541, 576, 578, 581, 653, 656, 658
Польза 238, 239, 308, 332, 514, 682
Порок 64, 166, 177, 179, 180, 630 (см. добродетель)
Порядок 103—108, 111, 126, 200, 373, 520
— определение 105, 114, 351
Потребность 61, 97, 138, 195, 282, 324, 325, 357
Поэзия 161, 380
Правительство 64, 172, 175, 292, 340, 347, 658
Право 173, 174, 242, 331, 580
Практика 231, 627
Предрассудки 63, 170, 181, 191, 332, 635, 660, 664
Преступление 168, 222, 242, 244, 282, 285, 286
Привычка 168, 169, 178, 181, 183, 292, 627, 664
Природа 60, 72, 89, 91, 93, 99—104, 107, 114, 115, 119, 154, 182, 259—263, 443, 453, 461, 475, 476, 478—485, 489, 490, 536, 537, 619, 674, 675, 681
— определение 66—69, 78, 83, 502
— законы 62, 63, 258, 373, 374, 492, 493, 495—497
— изучение 65, 76, 350, 355, 376, 491, 578, 579, 582, 597, 667, 672
— система 66, 67, 646, 660
— и бог 381—387, 499—501, 503—505
— и мораль 177, 256, 257, 631
— и религия 572—576
Притяжение (тяготение) 76, 93—98, 101, 106, 194, 210, 351
Причина 66, 75, 76, 77, 93, 99, 100, 107, 112, 129, 163, 258, 262, 376
— определение 68, 482
— и следствие 99, 455
— разумная (конечная) 113—115
Прогресс 333, 368, 663
Противоречие 508, 529

Разум 111, 112, 114, 115, 133, 152, 166, 235, 332, 346, 351, 442, 446, 457, 486, 502, 522, 627
— определение 164
Революция 190, 339, 634, 638

Религия 170, 176, 180, 181, 209, 232, 233, 277, 280, 301, 309, 331, 395, 399, 414, 417—419, 445, 499, 511, 588, 589, 597, 601, 627—629, 644, 647, 664
— определение 367
— естественная 532, 533
— и мораль 179, 234, 275, 287, 318, 334, 337, 344—346, 353, 542—544, 549, 565, 568, 577, 578, 610, 636, 637, 682
— и политика 447—450, 574—576, 563, 662

Самосохранение 98, 101, 108
Самоубийство 302, 304, 306, 307, 313
Свобода (свободный) 63, 209, 216, 226, 227, 232, 235, 236, 304, 444—446, 467, 523, 533
— определение 173, 236, 237
— мысли 639, 663 (см. воля)
Сила 73, 77, 101, 140, 156
— инерции 98
Система 65, 97, 104, 118, 189, 646, 670
— вещей 81, 101
— планетная 105, 125 (см. природа)
Случай (случайное) 112, 115, 236, 352, 440, 482
Смерть 91, 108, 109, 180, 262, 269—273, 277, 289—291, 301, 308, 352, 657
Сны 186—188
Сознание 145
Способности 142, 155, 156, 159, 160, 182, 352
— интеллектуальные 70, 141, 147, 152, 154, 157
Справедливость 247, 248, 633, 676
Страдание 200, 216, 258
Страсть 119, 152, 176, 177, 182, 219, 230, 286, 337, 346, 384, 627, 630, 643
Страх 175, 242, 271, 273, 274, 276, 286, 287, 294, 301, 308, 359, 422, 558, 606, 608
Субстанция 121, 122, 131, 133, 136—139, 143, 153, 192, 450, 454, 461, 472, 499
Судьба (рок) 261, 262, 272, 323, 352, 381, 390, 445, 473, 516, 538
Суеверие (суеверный) 162, 230, 281, 560, 667
— возникновение 360, 365, 524
— и атеизм 593, 638, 639
— и мораль 276, 318, 319, 633, 637
— и политика 550, 554, 588
— и религия 393, 525, 647
Суждение 151, 192, 217, 518, 600, 668
Существование 68, 69, 80, 90, 97, 98, 107, 126, 269, 270, 436, 439, 451, 453, 458, 523
Сущность 66—68, 129, 439, 454, 509
Счастье (счастливый) 64, 164, 167, 247, 310—316, 321—324, 326—332, 337, 340, 341, 502, 559, 676, 678

Творение 79, 491, 496
Теизм (теист) 522, 525—532, 583
Тело 122, 134, 184, 189, 348 (см. душа)
Темперамент 119, 152, 156, 158, 183, 204, 626—628
Теологи 134, 137, 139, 157, 188, 195, 206, 230, 233, 235, 386, 419, 433, 435, 436, 441, 445, 449, 451—453, 458, 459, 461, 498, 511, 529, 569, 570, 572, 586, 614—618, 621
Теология 136, 138, 191, 202, 275, 392, 398—402, 406, 409, 411—417, 428, 430, 432, 462, 487, 491, 507, 533, 535, 555, 562, 567, 581—583, 591, 596, 634, 669, 671

Теория 164, 207, 231, 507, 627, 628, 647, 669 (см. практика)
Труд (работа) 295, 301, 323, 338—340

Удовольствие 167, 200, 216, 258, 309, 326, 330, 337
Ум 152, 161, 162, 200

Фанатизм (фанатик) 103, 277, 417, 418, 525—527, 532, 648, 650, 657, 681
Фатализм (фаталист) 232, 233, 236—241, 244, 252—254, 262, 626
Философия (философ) 271, 453, 533, 561, 581, 584, 593, 601, 620, 635, 637, 659, 662, 665

Целое 66, 67, 75, 78, 97, 99, 102, 107, 108, 110, 111, 122, 172, 198, 257, 317, 371, 381, 462, 475, 492, 505, 520, 666
Человек (люди) 96, 112, 118, 119, 122, 129, 130, 147, 165, 302, 370—372, 477, 484, 501, 511, 518, 570
— определение 66, 98
— происхождение 124
— сущность 67, 99, 116
— физический и моральный 60, 61
— и природа 55, 62, 101

Человечество (человеческий род) 56, 63, 65, 124, 126, 127, 226, 250, 255—256, 302, 313, 322, 378, 512, 513, 606, 661
Чувствительность 143, 160, 161
Чувство 62, 69, 84, 93, 132, 146, 164, 193, 200, 252, 370, 454, 455, 460, 461, 470
— внутреннее 459, 671
Чудо 107, 374, 535, 536

Элементы 69, 77, 82, 88, 89, 95, 478, 492
Энергия 69, 77, 100, 102, 103, 118, 119, 612
Энтузиазм 162, 519

Язык 169, 201, 204, 496

СОДЕРЖАНИЕ

Философские и социологические взгляды Гольбаха . . 5

СИСТЕМА ПРИРОДЫ, ИЛИ О ЗАКОНАХ МИРА ФИЗИЧЕСКОГО И МИРА ДУХОВНОГО

Сообщение издателя 53
Предисловие автора 55

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ПРИРОДЕ И ЕЕ ЗАКОНАХ, О ЧЕЛОВЕКЕ, О ДУШЕ И ЕЕ СПОСОБНОСТЯХ, О ДОГМАТЕ БЕССМЕРТИЯ, О СЧАСТЬЕ 59

Глава I. О природе . . . . . —
Глава II. О движении и его происхождении . . . 68
Глава III. О материи, ее различных сочетаниях и движениях, или о происходящих в природе процессах 84
Глава IV. О законах движения, общих для всех тел природы; о притяжении и отталкивании, о силе инерции, о необходимости . . . 92
Глава V. О порядке и беспорядке, о разуме, о случае 103
Глава VI. О человеке, о его делении на физического человека и человека духовного, о его происхождении 115
Глава VII. О душе и об учении спиритуалистов . . 130
Глава VIII. Об умственных способностях—все они являются производными от способности чувствовать 141
Глава IX. О разнообразии умственных способностей—эти способности подобно нравственным качествам зависят от физиче-

ских причин; естественные основы общественной жизни, нравственности и политики 154
Глава X. Наша душа не извлекает своих идей из самой себя; не существует врожденных идей 183
Глава XI. Учение о свободе человека 208
Глава XII. Разбор утверждения, что система фатализма опасна 238
Глава XIII. О бессмертии души, о вере в загробную жизнь, о страхе смерти 263
Глава XIV. Чтобы сдержать людей, достаточно воспитания, нравственности и законов; о желании бессмертия, о самоубийстве . . 291
Глава XV. Об интересах людей, или об их идеях счастья; человек не может быть счастливым без добродетели 308
Глава XVI. Непонимание людьми основ своего счастья — подлинный источник их бедствий; тщетные попытки помочь им . . 327
Глава XVII. Истинные, или основанные на природе, идеи — единственное лекарство от человеческих бедствий; повторение изложенного в этой первой части; заключение 342
Заключение 350

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О БОЖЕСТВЕ, О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, О ЕГО АТРИБУТАХ, О СПОСОБЕ, КАКИМ БОЖЕСТВО ВЛИЯЕТ НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ 356

Глава I. Происхождение наших идей о божестве —
Глава II. О мифологии и теологии 375
Глава III. Туманные и противоречивые идеи теологии 398
Глава IV. Разбор доказательств бытия божьего, данных Кларком 425
Глава V. Разбор доказательств бытия божьего, данных Декартом, Мальбраншем, Ньютоном и т. д. 464
Глава VI. О пантеизме, или естественные представления о божестве 486
Глава VII. О теизме или деизме, о системе оптимизма и о конечных причинах 505
Глава VIII. О выгодах, проистекающих для людей из их понятий о божестве, или о влиянии этих понятий на мораль, политику, науку, счастье народов и отдельных лиц 538

Глава IX. Теологические понятия не могут служить основой морали; параллель между теологической моралью и моралью естественной; теология гибельна для прогресса человеческой мысли 561
Глава X. О том, что люди ничего не могут вывести из внушаемых им идей о божестве; о непоследовательности и бесполезности их поведения по отношению к божеству 584
Глава XI. Апология взглядов, содержащихся в этом сочинении; о безбожье; существуют ли атеисты? 609
Глава XII. Совместим ли атеизм с нравственностью? 624
Глава XIII. О побуждениях, ведущих к атеизму; может ли быть опасно это мировоззрение, доступно ли оно пониманию толпы? 640
Глава XIV. Резюме кодекса природы 672

Примечания 687
Указатель имен 701
Предметный указатель 706

Гольбах, Поль Анри

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ. Под общ. ред. и со вступит. статьей Х. Н. Момджяна. Пер. с фр. М., Соцэкгиз, 1963. (Б-ка «Философское наследие».)

Т. I. 715 с.

1 Ф

Редактор *В. Костюченко*
Младший редактор *Ю. Митин*
Оформление художника *В. Максина*
Художественный редактор *Г. Чеховский*
Технический редактор *Г. Смирнов*
Корректоры *С. Игнатова, О. Шарыгина, С. Новицкая, Г. Замани*

Сдано в набор 25 мая 1963 г. Подписано в печать 30 июля 1963 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумажных листов 11,22. Печатных листов 36,8. Учетно-издательских листов 36,69 (включая вклейку). Тираж 10 000 экз. Цена 2 р. 22 к. Заказ № 811.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Мосгорсовнархоза.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

2ф.22л.

СОЦЭКГИЗ · 1963